

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М.Ю. ДОСТАЛЬ

КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА...
(ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ)

МОСКВА, 2009

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)71
Д70

Книга издана при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-01-16189д)

Ответственный редактор
доктор исторических наук М.А. Робинсон

Рецензенты:
доктор исторических наук И.В. Чуркина
доктор исторических наук С.И. Михальченко

Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). — М.: «Индрик», 2009. — 464 с.

На основе комплекса архивных документов, малоизвестных материалов периодики, писем и мемуаров в книге анализируются факторы возрождения и основные тенденции развития отечественного славяноведения накануне и во время Великой Отечественной войны, а также в первые послевоенные годы. Прослеживаются сложные перипетии борьбы за создание его важнейшего комплексного центра — Института славяноведения АН СССР. Пересматриваются многие сложившиеся стереотипы в интерпретации этого периода, впервые освещаются результаты деятельности ряда структурных славистических подразделений АН СССР, МГУ и ЛГУ, выясняются степень политической ангажированности, целевая направленность и специфика исследований в области истории славян и славянской филологии в широком контексте политических реалий времени, в том числе определенного противостояния тенденций пролетарского интернационализма и славянской солидарности в официальной идеологии эпохи тоталитаризма, а также намечаются вехи международного сотрудничества в сфере славяноведения.

Для специалистов и всех интересующихся отечественной наукой.

ISBN 978-5-91674-030-1

© Досталь М.Ю., текст, 2009
© Институт славяноведения РАН, 2009
© Издательство «Индрик», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Глава I. Славяноведение в конце 30-х и 40-е гг. XX в. в работах исследователей и свидетельствах источников ..	10
Итоги изучения общих и частных проблем	10
Состояние источниковой базы исследований.....	18
Глава II. Славяноведение и идеология: борьба тенденций пролетарского интернационализма и славянского патриотизма в политике руководства СССР и ее отражение в науке	35
Идейно-политический контекст возрождения славяноведения до 1941 г.	35
Годы Великой Отечественной войны, послевоенного международного урегулирования и формирования советского блока.....	52
Глава III. Формирование университетского славяноведения	75
Кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ.....	75
Попытки структурирования исторического славяноведения в ЛГУ	112
Кафедра славяно-русского языкознания в МИФЛИ	116
Филолого-славистический центр в МГУ	121
Кафедра славянской филологии в ЛГУ	138
Глава IV. Академическое славяноведение	160
Сектор славяноведения Института истории АН СССР.....	160
Славянская комиссия АН СССР	186
Сектор балто-славянского языкознания в Институте русского языка АН СССР и другие лингвистические подразделения	203
Опыты организации изучения славянских литератур в рамках АН СССР.....	211
Борьба за создание Института славяноведения АН СССР	215
Глава V. Основные направления славистических исследований	232
Изучение истории славянских народов: общеславянский аспект и проблемы историографии	232
Тенденции исследования славянских языков.....	276

Тематика и дискуссии по проблемам изучения славянских литератур и фольклора	297
---	-----

Глава VI. Международные научные связи

советских славистов	372
Празднование 220-летия Академии наук	373
Международное совещание славистов в Ленинграде	377
Зарубежные командировки советских славистов.....	383
Славистические форумы конца 1940-х гг.....	408
Заключение	429
Список сокращений	434
Указатель имен	435

ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2007 г. Институт славяноведения РАН отметил свое 60-летие. В дни юбилея принято подводить итоги проделанной работы, анализировать достижения и — обращаться к истокам научной деятельности. В настоящей книге в широком контексте борьбы полярных классов и этнонациональной идеологий разбираются причины и определяются факторы возрождения отечественного славяноведения, постепенно ликвидированного в первые два десятилетия Советской власти, анализируется деятельность новых славистических структур в университетах и АН СССР, главные направления научных исследований в области славянской истории, языкознания и литературоведения, восстанавливающиеся межславянские научные связи. Таким образом, читатель постепенно подводится к осознанию политической и научной предопределенности знаменательного события в истории отечественного славяноведения — созданию (или восстановлению) комплексного Института славяноведения через нелегкие, порой от-важные акции по убеждению руководства страны в необходимости этого принципиально важного для науки шага, через все тернии междоусобной внутриакадемической борьбы за директорское кресло.

В выборе хронологических рамок работы автор руководствовался исторически сложившимися в нашей науке рубежами, совпадающими с важными политическими событиями мирового масштаба. 1939 год — время начала Второй мировой войны и фашистского порабощения большинства славянских народов — видимо, не случайно стал началом возрождения славяноведения в нашей стране пока что в области исторической славистики и существенных изменений в сфере славянской филологии, получивших организационное оформление позднее. Создание славистических центров в МГУ и Институте истории АН СССР, несомненно, стимулировало развитие исследований, определило их долгосрочную программу, способствовало формированию молодых кадров славистов.

Начало Великой Отечественной войны не только не затормозило научных изысканий, но, наоборот, активизировало их. Славистика, как никогда ранее, стала востребованной государственной идеологией наукой, а слависты дружно выступили бойцами идеологического фронта, настоящими патриотами и проповедниками идеи солидарности славянских народов, взятой на вооружение советской антифашистской пропагандой. В первые годы после окончания Второй мировой (и Великой Отечественной) войны славяноведение по инерции продолжало развиваться в проложенном толерантно-патриотическом направлении (суть которого будет разъяснена позднее), идейно поддерживая формирование блока «народных демократий» славянских стран, в той или иной степени подвергаясь идеологическим встряскам конца 1940-х гг. В определенном

смысле 1948–1949 г. стали конечным рубежом изучаемого нами периода, обладающего некоторым идейно-структурным единством, завершившимся созданием Института славяноведения АН СССР. Эпоха временного доминирования патриотизма и славянской идеологии в политике руководства страны, под знаком которых происходило становление славяноведения, канула в Лету. Непоправимый удар по ней нанес разрыв межпартийных и государственных отношений между СССР и Югославией в июне 1948 г. Временная приостановка в апреле 1949 г. идеологического «репрессанса» против в целом лояльно мыслящей интеллигенции, возвращение ее в прокрустово ложе марксизма-ленинизма и, наконец, завершение формирования блока стран «народной демократии» — «сателлитного» пояса вокруг СССР, и попытка отгородить всю систему «железным занавесом», чтобы «уберечь» ее от «тлетворного влияния» Запада, — все эти факторы обусловили смену научных парадигм. С трудом оправляясь от идеологических погромов, гуманитарная наука, стряхнув с себя (не без неожиданной и нежданной помощи властей) ярмо марризма, стала развиваться в направлении к «хрущевской оттепели», структурно и идейно переоформляясь, очищаясь от «скверны» беспринципного конформизма и ставя перед собой новые задачи.

Путь автора в исследовании этой обширной темы был непрост и занял более 15 лет. Существовавшая до распада СССР литература по истории славяноведения практически игнорировала этот примечательный период, аккумулирующий в себе «брутальные противоречия» сталинской эпохи. Считалось, что все созданное во время Великой Отечественной войны безлико, политически ангажировано и не представляет никакого научного интереса. Только сотрудники кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ не разделяли такого мнения и целеустремленно, с энтузиазмом изучали деятельность своего славистического центра с момента его основания в 1939 г., публикуя документы, мемуары и исследования как о работе самого учебного подразделения, так и о нелегких организационных трудах и заботах ее «отцов-основателей», — маститых ученых В.И. Пичеты, З.Р. Неедлы, С.А. Никитина, но акцентируя в то же время беспроblemно-восходящее развитие отечественной науки.

В Секторе историографических и источниковедческих проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР, созданном В.А. Дьяковым в 1975 г., после выпуска ряда тематических сборников по проблемам истории славяноведения в СССР и зарубежных странах, после создания капитальных биобиблиографических словарей с биограммами славистов XIX и XX вв., а также капитальной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (М., 1988) возникла идея подготовки коллективного труда по истории отечественной славистики с 1917 по 1945 г.

Как члену будущего коллективного труда автору этих строк был поручен раздел, посвященный периоду Второй мировой войны с упором на время после 1941 г. Исследование началось с изучения фондов академиков Н.С. Державина в С.-Петербургском филиале Архива Академии наук и фондов В.И. Пичеты и П.Г. Богатырева в его московском центре. Вместе с просмотренной журнальной периодикой и публикациями университетских и институтских коллег всего этого нам тогда казалось достаточным для написания 3–4 авторских листов запланированного раздела. К тому же общая концепция тогдашних представлений автора была изложена в докладах на нескольких научных конференциях. Однако события августа 1991 г., приведшие к смене общественного строя в стране, обусловили радикальное изменение методологических ориентиров и исследовательской парадигмы, преобразили наши привычные планы,

представления о научных ценностях и подходах к исследованиям. Снова стали в чести индивидуальные монографии, авторские, не нивелированные строгим редактором оценки, и наш «коммунальный» труд постепенно расселился по «частным квартирам».

Автор данной книги не отказалась от задуманной темы и продолжила интенсивные архивные разыскания, начала фронтальное изучение периодики. Материальная невозможность командировок в Петербург и отлучение от Архива РАН в Москве заставили обратиться к непривычным для историков славистики архивам — ГАРФу (Государственный архив Российской Федерации), бывшему московскому партархиву и тогдашнему РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Какая terra incognita открылась перед исследователем! Какие новые горизонты для изучения никем не тронутых материалов и пересмотра сложившихся стереотипов! Прежде всего, здесь обнаружилось неизвестные документы о создании Института славяноведения, которые были опубликованы в журнале «Славяноведение» (1996. № 6) к 50-летию его основания в дополнение к изданию коллег «Институт славяноведения и балканистики. 50 лет» (М., 1997). Удалось найти архивные документы о часто упоминавшейся в источниках, но материально «неуловимой» Славянской комиссии АН СССР под руководством Н.С. Державина и впервые опубликовать о ней статью. То же самое было предпринято в отношении Сектора славяноведения Института истории АН СССР, которому до этого были посвящены только тезисы доклада Г.Э. Санчука (о чем будет сказано далее). Автору посчастливилось открыть факт подготовки неизвестного дотеле Международного съезда славистов в Москве, сорванного советско-югославским конфликтом, оценить «отеческие» наставления партийного идеолога А.А. Жданова, данные славистам накануне предполагаемого открытия конгресса, найти другие примеры активизации международных связей советских славистов. Параллельное изучение проблем славянской идеологии привело нас к выявлению закулисной стороны «нового славянского движения», руководимого секретарем ЦК ВКП(б) и начальником Совинформбюро А.С. Щербаковым, что позволило начать переоценку деятельности Всеславянского комитета в Москве, тесно сотрудничавшего со славистами, напомнить о подзабытом Славянском конгрессе в Белграде в декабре 1946 г. с обширной научной программой и т. д.

Одновременно судьба подарила автору тесное общение с «патриархом» советской славистики С.Б. Бернштейном в последние полгода его жизни. В процессе записей на диктофон его сбивчивых по преклонному возрасту воспоминаний о военных годах славяноведения, нам удалось обнаружить в начале 1997 г. его машинописные мемуары, законченные в 1982 г. Они оказались прекрасным беллетристическим «остросюжетным» произведением, своеобразной энциклопедией жизни советской интеллигенции в эпоху сталинизма и тоталитаризма. Вместе с институтскими и университетскими коллегами (А.Н. Горяиновым, Г.К. Венедиктовым, В.П. Гудковым и др.), с благословения мемуариста, начался нелегкий труд подготовки первой части рукописи к печати, ее комментирования и составления подробного аннотированного указателя. «Зигзаги памяти», изданные в 2002 г., стали своеобразным «бестселлером» в кругах нашей академической и вузовской интеллигенции. Некоторые материалы своего архива, переданные позже в Мосгосархив, ученый любезно позволил нам ксерокопировать. Они, как и мемуары ученого, легли в основу статей о становлении кафедры славянской филологии МГУ и раздела о «полумифическом» (по выражению С.Б. Бернштейна) секторе балто-

славянского языкознания в ИРЯ АН СССР. Удалось найти и малоизвестные хроникальные документы о становлении кафедры славянской филологии в ЛГУ. Материалы Архива МГУ использованы при написании статьи об учиненном на кафедре истории южных и западных славян в рамках кампании борьбы с космополитизмом публичном «бичевании» профессора С.А. Никитина.

Далее автор настоящей работы исследовала проблему возрождения славяноведения в 1939 г. и периодизации его советского периода в нашей историографии. Последовало осмысление места славяноведения в борьбе двух магистральных полярных идеологических направлений в нашей стране — пролетарского интернационализма и славянского патриотизма — и влияния партийной идеологии на формирование основных концепций и хода исследований в комплексе славистических дисциплин. Задумался автор и над проблемами конформизма и научной этики в области славяноведения, актуализировавшимися в ходе «погромных» идеологических кампаний.

Так складывалась монография, **основными задачами** которой являются:

— обоснование правомерности выделения в истории советского славяноведения особого периода его возрождения на марксистской основе;

— исследование специфики этого периода в контексте временного дуализма официальной идеологии, обусловленного потребностями войны и послевоенного переустройства мира;

— реконструкция становления академических и университетских славистических центров в Москве и Ленинграде, определявших направление и стимулировавших развитие славяноведения в регионах;

— анализ тенденций научных исследований в рамках различных славистических дисциплин и степени их идеологической обусловленности, постановка и разработка проблемы научного конформизма;

— изучение становления международных связей советских славистов и их неоднозначного влияния на развитие науки в славянских странах.

Итак, открываем перед читателем окно в неповторимый и противоречивый мир славистики середины XX века.

ГЛАВА I

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В КОНЦЕ 30-Х И 40-Е ГГ. XX В. В РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ИСТОЧНИКОВ

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ПРОБЛЕМ

После Октябрьской революции славяноведение — некогда процветающая сфера отечественной науки — подверглось остракизму со стороны властей и обновленного научного сообщества, прежде всего, в идеологическом отношении, ибо оно не соответствовало классовым канонам пролетарского интернационализма, и постепенно уничтожалось как в научно-организационном плане (ликвидация академических структур, закрытие университетских кафедр и пр.), так и в отношении кадрового состава (тяжелые материальные условия, репрессии, переквалификация, эмиграция).

После закрытия в 1934 г. Института славяноведения АН СССР в Ленинграде, возглавлявшегося академиком Н.С. Державиным, началось мрачное пятилетие, когда эта наука в СССР фактически перестала существовать.

Угроза и начало Второй мировой войны в 1939 г., вызвавшие настроения всеобщего патриотизма, и соображения о повышении престижа науки, убедили советское руководство в необходимости возрождения этой научной дисциплины в СССР, прежде всего, в ее исторической части, которая в большей мере могла обеспечить идеологические цели внешней политики и приоритеты внутренней пропаганды, чем скомпрометированная в глазах советской общественности стараниями марристов и их приспешников славянская филология. Поэтому одновременно с идейным разгромом сугубо «классовой» школы М.Н. Покровского увенчались успехом усилия ведущих историков-славистов по реабилитации исторического славяноведения. Ярким свидетельством чего стала организация в 1939 г. Сектора славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ во главе с членом-корреспондентом АН СССР В.И. Пичетой. С этих научных центров начался процесс реабилитации и возрождения этой важной отрасли науки.

Проблема возрождения советской славистики в конце 30-х гг. прошлого века нашла сложное и достаточно противоречивое освещение в отечественной литературе. Отсылаем читателя к нашей статье, в которой эта проблема детально проанализирована¹. Здесь же отметим, что долгое время этот феномен вообще игнорировался, так как авторы ставили своей задачей показать бесконфликтный и однолинейный прогресс славистических исследований в СССР². Тем не менее важно отметить наметившуюся в литературе констатацию факта одновременной активизации славистических исследований в области истории и филологии, тесно связанной с созданием нескольких центров славистики³. Но только со времени «перестройки» конца 1980-х гг. стало возможно откровенно писать о репрессиях (под колесо которых попали в том числе и отечественные слависты) и углубленно изучать печальные реалии выживания отечественной славистики, приведшие к ее почти полному уничтожению к 1934 г. (зловещим символом данного процесса стало закрытие дер-

жавинского Института славяноведения в Ленинграде), то есть показать реальный упадок славистики в СССР⁴. Тогда и был поставлен вопрос и о ее возрождении в конце 1930-х гг., интуитивно отмеченный в предшествующей литературе⁵. В связи с этим необходимо, по нашему мнению, пересмотр периодизации отечественного славяноведения⁶, закономерное выделение периода Второй мировой войны как особого этапа его развития, что уже предпринималось в работах В.Д. Королюка⁷, и продолжение его, по крайней мере, до времени основания комплексного Института славяноведения, знаменовавшего новый этап в развитии славистических исследований. В данной книге мы обосновываем необходимость пролонгировать данный этап до конца 1940-х гг., когда оформился блок стран «народной демократии», на идейное обоснование которого работали наши слависты, к тому же тогда наметилось изменение и ряда университетских славистических структур и пр., временно завершились погромные идеологические кампании и т. д. Особой задачей является также систематизация и углубленный анализ объективных и субъективных факторов, способствовавших возрождению отечественного славяноведения в указанный период, определение специфики его развития в тенетах противоборствующих идеологических тенденций.

Что касается освещения конкретного развития отечественной славистики в период и по окончании Второй мировой войны, то литература по этой проблематике довольно фрагментарна и противоречива. Эти годы многие исследователи полагали «проходными» в истории российского славяноведения и не считали нужным на них останавливаться. Основанием для такой позиции служило то обстоятельство, что большинство славистических работ данной поры откровенно работало на антифашистскую пропаганду, на утверждение романтических идей славянской солидарности и боевого содружества славянских народов, мало согласовалось с источниками и потому в послевоенный период скоро вышло из научного употребления⁸. В предисловии к библиографическому словарю «Славяноведение в СССР» (1993) период Великой Отечественной войны рассматривался авторами только как деформация «естественно-го процесса развития советского славяноведения»⁹.

Всё это так, но не следует забывать, что академически «спокойные» предвоенные исследования (не исключавшие публицистической «боевитости») были продолжены в условиях кровавой, изнурительной Отечественной войны, когда ни один ученый-патриот не мог себе позволить оставаться только в рамках академической науки. Поэтому наряду с критической оценкой состояния славяноведения в СССР военного времени, мы полагаем, заслуживает внимания продуктивное мнение о закономерности и целесообразности существования именно такой «пропагандистской», своего рода инкубационной формы становления этой отрасли науки на марксистской основе в данный период. «В годы Второй мировой войны, когда германский фашизм создал смертельную угрозу самому существованию славянских народов, — писали советские слависты в 1963 г., — разработка вопросов истории, истории культуры и языка зарубежных славянских стран приобрела особенно большую научную и политическую актуальность. Вскрывая теоретическую и фактологическую несостоятельность фашистских „остфоршеров“, так называемых исследователей Востока, разоблачая звериное существование их расистских взглядов, анализируя социальные корни германского фашизма с учетом конкретно-исторической обстановки, изучая вековой „Drang nach Osten“ германских феодалов и германских империалистов, советские слависты и германисты

активно участвовали в благородной борьбе против гитлеризма, отстаивая право всех народов — больших и малых — на самостоятельное существование»¹⁰. Таким образом, по справедливому мнению данных авторов, славистика военного времени более явно, чем в другие периоды, выполняла социальный заказ общества и была им востребована, внося свою лепту в разгром фашизма, без чего невозможно себе и представить последующее развитие этой и других отраслей науки в нашей стране. И эта востребованность ощущалась до конца 1940-х гг., пока партийно-государственный конфликт 1948 г. между СССР и Югославией не привел к свертыванию пропаганды «славянской солидарности» и укреплению идеологии пролетарского интернационализма.

Итак, в нашей исследовательской литературе, к сожалению, нет работ, характеризующих развитие отечественной славистики в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в целом. Однако проводилось изучение отдельных аспектов функционирования этой науки.

Более всего «продвинуто» в этом смысле изучение исторического университетского славяноведения. История кафедры южных и западных славян на историческом факультете МГУ, в том числе и ее начального периода, стала объектом внимания многих университетских славистов разных поколений. Первоначально в общих обзорах историко-славистических исследований на кафедре говорилось о важности организации преподавания этой дисциплины в системе университетского образования, причем впервые за все время существования этой науки в России. Особо подчеркивалось, что историческая славистика возродилась на основах марксизма-ленинизма. Показывалась роль в этом процессе первых профессоров кафедры — В.И. Пичеты и З.Р. Неядлы. Оценивались их научные заслуги, указывались курсы, которые читали они и первые аспиранты и преподаватели кафедры. В таком плане строились статьи о первом юбилее (30-летию) кафедры И.М. Белявской и И.А. Воронкова¹¹. Эти обзоры писались на основе собственных воспоминаний и нескольких хроникальных заметок о работе кафедры, вышедших еще в военное время.

Первой работой о кафедре, написанной на основе источников, явилась статья Б.М. Руколь «Славяноведение в Московском университете (1939–1941)», опубликованная в 1968 г.¹². Автор использовала в ней материалы личного архива А.К. Целовальниковой, близко сотрудничавшей с В.И. Пичетой в ходе и после войны, своего личного собрания и документы кафедры, хранящиеся в Архиве МГУ. В дальнейшем интенсивное изучение истории кафедры с привлечением архивных источников нашло отражение в отдельных статьях и серии сборников, выпущенных в свет кафедрой, начиная с ее 40-летнего юбилея в 1979 г.¹³. В первом сборнике «Историки-слависты Московского университета. 1939–1979 гг.» (Славяноведение в МГУ. Вып. 1. М., 1979) были опубликованы важные документы из архива МГУ, касающиеся начальной деятельности кафедры, а также биограммы ее штатных и внештатных преподавателей, списки аспирантов и дипломников, которые значительно расширили наши представления о научном потенциале ее сотрудников.

На основе этих документов из архива МГУ (правда, без ссылок на него) построена основательная статья В.Г. Карасева «Кафедра истории южных и западных славян», написанная к 50-летию восстановления исторического факультета в МГУ¹⁴. В ней обозревалось преподавание на кафедре славистики Московского университета с 1835 по 1984 г. Значительное место уделялось военному и послевоенному периодам: раскрывалось содержание предмета преподавания, давались характеристики ведущим профессорам —

В.И. Пичете, З.Р. Неедлы, С.А. Никитину и др. Новым в интересующем нас периоде было то, что автор достаточно подробно охарактеризовал учебный процесс на кафедре во второй половине 1940-х гг. Следует отметить, однако, что развитие кафедры как научно-исследовательского и учебного организма представлялось, как было тогда принято, бесконфликтным восхождением от одной высоты к другой в деле освоения и творческого осмысления марксистской методологии, вне контекста политических процессов и кампаний, проходивших в стране в конце этого десятилетия. В кратком изложении основные положения своей статьи В.Г. Карасев повторил в публикации к 50-летию кафедры¹⁵.

Детализация учебного процесса на кафедре в военное время на основе архивных материалов проводилась в статьях Л.И. Уткиной и Б.М. Руколь. Первая посвятила свое внимание преимущественно В.И. Пичете¹⁶, вторая — З.Р. Неедлы¹⁷. Обе исследовательницы ввели в научный оборот много ценных научных данных, однако, на наш взгляд, не избежали некоторой идеализации объектов своих исследований, исключив их из контекста научной и общественной жизни сталинской эпохи.

В том же несколько идиллическом свете представлены первые годы становления кафедры южных и западных славян в статье Б.М. Руколь «Славяноведение в Московском университете (1939–1941)»¹⁸. Впервые этот сложный процесс в непростом и противоречивом контексте своего времени на основе архивных данных и материалов периодики рассмотрен в статье А.Н. Горяинова «Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1939)»¹⁹.

В дальнейшем стала достоянием гласности травля профессора С.А. Никитина, предпринятая коммунистами кафедры в рамках общей кампании борьбы с космополитизмом весной 1949 г. Впервые об этом трагическом событии в очень обтекаемом виде (без указания имен) рассказывалось в статье З.С. Ненашевой и Х.Х. Хайретдинова «К пятидесятилетию кафедры южных и западных славян МГУ»²⁰. Позднее эта тема затрагивалась и в статье Л.В. Гориной²¹. Более детально на основе архивных документов и в контексте эпохи эта кампания рассматривалась в наших статьях²². К сожалению, ничего об этой кампании и роли в ней И.М. Белявской не сказано в новейшей статье вышеуказанных соавторов «И.М. Белявская — «убежденный коммунист» или новатор конца 40–50-х годов XX века»²³.

Попытка переосмысления роли кафедры славистики в истории отечественной науки сделана в обобщающей главе «Славяноведение» в коллективном труде «Историческая наука в Московском университете. 1755–2004» (М., 2004), подготовленном к его 250-летию. Интересующий нас раздел главы «Возрождение и развитие славяноведения» написан З.С. Ненашевой. Здесь подытожены сведения о работе кафедры, имеющиеся в работах университетских предшественников, и сделана первая попытка критического осмысления (в контексте эпохи) научных работ ведущих профессоров кафедры (пока только в отношении С.А. Никитина).

К добрым традициям кафедры истории южных и западных славян МГУ относится издание сборников, посвященных памяти ее ведущих профессоров и преподавателей. Первые такие сборники статей, подготовленные совместно с Институтом славяноведения АН СССР, были посвящены З.Р. Неедлы²⁴ и В.И. Пичете²⁵, затем, в последнее время, их последователям С.А. Никитину²⁶, а также И.А. Воронкову²⁷, В.Г. Карасеву²⁸, И.М. Белявской²⁹. Составленные на материалах проведенных конференций в тесном сотрудничестве славистов МГУ и Академии наук, названные сборники содержат много новых интересных материалов о деятельности основоположников советского уни-

верситетского и академического славяноведения, делают попытки осмысления вклада указанных славистов в отечественное славяноведение. Но, к сожалению, юбилейный характер изданий в большинстве случаев не позволил авторам с полным уважением, но критически рассмотреть деятельность ведущих славистов в конкретных обстоятельствах эпохи сталинизма.

Подобную попытку предприняла автор настоящей книги в статьях, посвященных деятельности кафедры истории южных и западных славян с начала ее основания в 1939 г. до конца 40-х гг. XX в.³⁰. Важным пособием для изучения истории кафедры является «Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет» (М., 2004), в котором представлены биограммы ее профессоров и дана характеристика ее работы с 1939 г. до современности. Примечательно, что содержание работы кафедры в военное время тесно связывалось с задачами антифашистской борьбы, не замалчивалась и «политическая истерия» кампаний конца 40-х гг.: борьбы с космополитизмом, «буржуазным национализмом», «псевдонаучным объективизмом» и пр., так или иначе отразившихся на работе этого учебного подразделения³¹.

Развитию славянской филологии в МГУ и ЛГУ также уделялось внимание в предшествующей литературе. О преподавании этого предмета на кафедре славянорусского языкознания в МИФЛИ и ЛИФЛИ до слияния тамошних филологических подразделений с филфаком МГУ в декабре 1941 г. впервые систематически рассказано в монографии Е.П. Аксеновой³². Автор использовала преимущественно материалы ЦМММ (Центральный муниципальный архив г. Москвы), ныне переданные в Центральный московский архив — Музей личных собраний. Несколько романтизированный образ МИФЛИ в целом, не применительно к славяноведению, представлен в книге Ю.П. Шарапова «Лицей в Сокольниках» (М., 1995), оставшейся неизвестной автору монографии. О работе ЛИФЛИ сообщали петербургские слависты³³. О последующем периоде развития славянской филологии в МГУ и открытии там специальной кафедры в 1943 г. писать было чрезвычайно сложно, так как архив филфака этого времени практически не сохранился. Тем не менее в статье В.П. Гудкова, А.С. Новиковой, А.Г. Широковой «Славянское языкознание в Московском университете» (1984), в статьях профессора В.П. Гудкова (1994, 1998 гг. и др.)³⁴, а также Е.З. Цыбенко «Изучение и преподавание славянских литератур в Московском государственном университете» (1987)³⁵ давалось краткое представление о работе лингвистической и литературоведческой части кафедры (учебные программы, основные курсы, учебные пособия, направления научных исследований).

Новое осмысление развития славянской филологии в нашей стране началось с упоминавшейся статьи С.Б. Бернштейна «Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века)», опубликованной в 1989 г.³⁶. Здесь впервые открыто говорилось о травле в СССР славянской филологии в 1930-е годы, о вреде марризма, о репрессированных филологах-славистах и эпизоде приема Н.С. Державина и С.Б. Бернштейна у министра народного образования С.В. Кафтанова в 1943 г., с которого началась организация кафедры славянской филологии в МГУ. Принципиально новая характеристика развития славянской филологии в столичном университете от ее зарождения до современности, а для интересующего нас периода — в контексте репрессий и идеологических кампаний сталинской эпохи, с критической характеристикой Н.С. Державина и других адептов марризма, давалась в очерке «Кафедра славянской филологии» в коллективном труде «Филологический факультет

Московского университета» (М., 2000), принадлежащей перу ее нынешнего заведующего В.П. Гудкова и его коллег³⁷.

Подготовка и издание мемуаров С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти»³⁸, использование его первоначального дневника и материалов его архива, раскрывающих положение на филофаке МГУ в военное и первое послевоенное время, положено в основу исследования автора данной книги «Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948)», опубликованной в 2003 г.³⁹. Весьма ценным изданием филологического факультета МГУ является энциклопедический словарь, представляющий в лицах деятельность его ведущих преподавателей (в том числе и филологов-славистов), здесь же дана краткая характеристика деятельности кафедры славянской филологии⁴⁰.

Что касается начальной истории восстановленной в 1944 г. кафедры славянской филологии в Ленинградском университете, то литература по этому вопросу немногочисленна. Общие сведения об этом содержатся в статье Н.А. Мещерского и П.А. Дмитриева «Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет (1918–1969)»⁴¹, повторенной в издании «Филологический факультет С.-Петербургского университета» (СПб., 2002), в статьях Г.И. Сафронова⁴², Э.К. Шановой⁴³ и др. Впервые на архивных источниках тему о преподавании славянской филологии в Ленинграде до начала 1940-х гг. (и конспективно о последующем развитии) проработал К.И. Логачев⁴⁴. Существенным дополнением к раскрытию данной проблематики послужила статья П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова «Первая послевоенная сессия по славяноведению»⁴⁵, а также статьи о деятельности ведущих преподавателей кафедры Н.С. Державина⁴⁶, В.Г. Чернобаева⁴⁷, К.А. Копержинского⁴⁸, С.С. Советова⁴⁹, Э.А. Якубинской-Лемберг⁵⁰, К.А. Пушкаревича⁵¹ и др. Впоследствии вышел сборник, посвященный научной деятельности Э.А. Якубинской-Лемберг⁵². Ныне в С.-Петербургском университете подготовлено капитальное издание об истории его филологического факультета⁵³, в котором дается краткая, но очень содержательная историческая справка о кафедре славянской филологии со времени ее основания в 1835 г. (фактически 1839 г.) до современности, преподавателях и читаемых курсах, а также краткий энциклопедический словарь преподавателей всего филологического факультета, начиная с 1725 г. Во всех перечисленных работах можно найти некоторые, не очень подробные, сведения о работе кафедры славянской филологии в годы Второй мировой войны.

О славистических центрах в системе АН СССР в указанный период специально написано, к сожалению, немного, хотя о них часто упоминается в общих очерках по истории Академии⁵⁴. В годы войны активно функционировала Славянская комиссия при Президиуме АН СССР (1942–1946) во главе с академиком Н.С. Державиным. Она задумывалась как временная структура с целью воссоздания в более благоприятных послевоенных условиях комплексного Института славяноведения. О ее работе сохранился ряд хроникальных заметок, о которых будет сказано ниже. Первое и пока единственное исследование о всех аспектах деятельности этой Комиссии — от планов организации, функционирования до непростых обстоятельств слияния с новым Институтом славяноведения АН СССР — на основе информационных хроник, мемуаров и архивных документов принадлежит перу автора данной монографии⁵⁵.

О начальном периоде работы основанного в 1939 г. Сектора славяноведения в Институте истории говорится в монографии Е.П. Аксеновой⁵⁶. Опубликованы краткие тезисы доклада бывшего сотрудника Сектора Г.Э. Санчука «Сектор славяноведения Института истории АН СССР (1939–1947) и становление марксистской историогра-

фии по истории зарубежных славян», прочитанного на XI Всесоюзной конференции историков-славистов в Минске в январе 1988 г.⁵⁷. В них автор представил свою периодизацию истории Сектора и с позиций своего времени кратко охарактеризовал особенности каждого из трех выделенных им периодов. О работе Сектора некоторую информацию дают указанные выше общие статьи о научной деятельности его ведущих сотрудников — В.И. Пичеты, З. Неедлы и др. Впервые научная деятельность Сектора славяноведения Института истории АН СССР со времени его создания в 1939 г. до момента расформирования в 1946 г. и слияния с Институтом славяноведения всесторонне освещена в нашей статье, опубликованной в 2003 г. в «Славянском альманахе»⁵⁸.

Восстановление Института славяноведения в системе АН СССР в 1947 г. знаменовало существенный прогресс в развитии этой науки в нашей стране. Здесь постепенно сосредоточивались и подготавливались специалисты по всем отраслям славистики и задумывалась комплексная разработка славистических проблем. О первых годах работы Института несколько исторических справок по случаю его 25-летия, 30-летия, 50-летия подготовлено Е.П. Аксеновой⁵⁹. Но в них только констатируются существование Института славяноведения АН СССР в Ленинграде в 1931–1934 гг. и научные соображения о необходимости его восстановления после войны в Москве в 1946–1947 гг. К сожалению, ничего принципиально нового относительно создания Института не сказано и в примечательном юбилейном труде «Институт славяноведения и балканистики. 50 лет» (М., 1996), хотя во вводной статье его тогдашнего директора В.К. Волкова высказаны интересные мысли о факторах возрождения советского славяноведения⁶⁰. Полная трагизма борьба за его восстановление между академиком Н.С. Державиным и историками во главе с Б.Д. Грековым, а также политические расчеты партийных властей на основе архивных документов раскрыты в публикации⁶¹ и статье⁶² автора настоящей книги. Некоторым дополнением к исследованиям об Институте славяноведения может служить монография Н.А. Горской о его первом директоре под названием «Борис Дмитриевич Греков» (М., 1999), хотя славистический аспект его деятельности остался вне поля зрения автора.

Что касается освещения проблем развития славистических исследований в области истории, языкознания и литературоведения в конце 1930-х и 1940-е годы, то оно крайне фрагментарно. Лучше всего обстоит дело с анализом лингвистических исследований, который давался в статьях С.Б. Бернштейна и Н.А. Кондрашова⁶³, гораздо хуже — с рассмотрением вопросов литературоведения⁶⁴. В разное время несистематично освещались и отдельные историографические проблемы⁶⁵.

С 1945 г. началось восстановление международных связей советских славистов, прерванных в годы Второй мировой войны. Начало этому процессу положило масштабное празднование 220-летия со дня основания Академии наук. Это событие широко освещалось в прессе и научной периодике⁶⁶. Материалы юбилейной сессии были опубликованы⁶⁷. В Ленинграде в 1946 г. состоялось международное совещание славистов, о котором писалось в информационных хрониках. Ленинградским славистам П.А. Дмитриеву и Г.И. Сафронову удалось обнаружить подготовленные к публикации, но неизданные материалы этой первой послевоенной научной сессии по славяноведению и проанализировать их в специальной статье (1977 г.)⁶⁸. Напечатаны отчеты о научных экспедициях на Балканы, предпринятые советскими историками, археологами и этнографами в 1946 г.⁶⁹. Роль советских ученых, участвовавших в съезде польских историков во Вроцлаве в 1948 г. в утверждении там марксистской методологии с совре-

менных позиций оценил Л.Е. Горизонтов в специальной статье⁷⁰. Подготовка к не состоявшемуся в 1948 г., съезду славистов в Москве на основе новых архивных документов детально освещена в нашей статье⁷¹. Нами же впервые удалось показать участие ученых-славистов в работе Славянского конгресса в Белграде в 1946 г.⁷². Автором настоящей книги сделана также попытка детально систематизировать и обобщить разнообразные и разнохарактерные материалы о международных связях советских славистов в первые послевоенные годы в специальном исследовании⁷³.

Автор изучила также многие работы, дающие представление об общеисторическом и политическом контексте рассматриваемой эпохи. Национальная политика И.В. Сталина блестяще анализируется в статьях профессора МГУ А.В. Вдовина⁷⁴, а его «славянская» политика по уникальным вновь открытым дипломатическим документам — в статье В.В. Марьиной⁷⁵, а также на основе материалов периодики — в ценной статье А.М. Дубровского⁷⁶. В ряде работ оценивается роль Коминтерна и его преемника Коминформа во внешней и внутренней политике СССР⁷⁷. Установление фашистского «нового порядка» в оккупированных странах Восточной Европы (что дало стимул многим трудам славистов) на основе архивных документов ярко представлено в статье А.Ф. Носковой⁷⁸. Интересные аспекты истории Великой Отечественной войны, в том числе и работа научных учреждений⁷⁹, рассмотрены в серии книг и статей⁸⁰, церковная политика сталинского руководства по-новому на основе архивных источников анализируется в работах М.И. Одинцова, Т.В. Волокитиной⁸¹, О.Ю. Васильевой⁸², Д.В. Поспеловского⁸³ и др.⁸⁴. Деятельность Всеславянского комитета в Москве освещалась в ряде статей советских славистов⁸⁵, а также чешского ученого Й.Колейки и словацкого — Й. Грозиенчика⁸⁶, антифашистских комитетов в совокупности — детально рассмотрена в монографии Н.К. Петровой⁸⁷, о «новом славянском движении» в целом и об акциях Всеславянского комитета на базе архивных материалов говорилось в нашей статье⁸⁸ и в ярких публицистических, основанных на архивных источниках, книгах Н.И. Кикешева⁸⁹. Погромные кампании конца 1940-х годов (в том числе по борьбе с космополитизмом) были предметом анализа в статьях и книгах К.М. Азадовского и Б. Егорова, Е.С. Громова, Г.В. Костырченко, Ю.А. Полякова, Л. Люкса и др.⁹⁰, лингвистическая дискуссия 1950 г. с анализом развития языкознания предшествующей и последующей эпох — в капитальной монографии В.М. Алпатова⁹¹, весьма содержательной антологии «Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания» (М., 2001), в примечательной статье Р.А. Медведева⁹², совместной с братом книге⁹³ и пр., советско-югославский конфликт 1948 г. исследовали в работах В.К. Волкова, Л.Я. Гибианского, А.С. Аникеева⁹⁴ и др.

Таким образом, проанализированный комплекс литературы (если исключить работы автора настоящего исследования) не дает целостной картины развития отечественной славистики в 40-е годы XX в. Исследователями рассмотрено, прежде всего, развитие отдельных структурных подразделений в Академии наук, МГУ и ЛГУ (вне их поля зрения оказалась, например, деятельность Славянской комиссии АН СССР, сектора славяно-балтийского языкознания и пр.), но, как правило, вне связи с контекстом эпохи, «новым славянским движением» в СССР, идеологической политикой властей в области славяноведения, международными связями советских славистов и пр. Не анализировались детально и основные направления славистических исследований в области истории, языкознания, литературоведения. Остается открытым вопрос о периодизации отечественной славистики: проблема ее возрождения в конце 1930-х го-

дов и объективного определения места указанного периода в истории отечественного славяноведения. Решение всех названных вопросов входит в задачи настоящей работы.

СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники, использованные в данном исследовании, достаточно обширны и многообразны и носят комплексный характер. Это, прежде всего официальные **документы**: докладные и служебные записки в руководящие органы по насущным проблемам славяноведения, протоколы и стенограммы заседаний различных славистических центров, отчеты (коллективные и индивидуальные) о их деятельности и пр. Как правило, они наиболее объективно фиксируют фактическое состояние данного структурного подразделения. Определенным «недостатком» стиля этого вида источников (за исключением некоторых докладных записок) является «сухость» изложения и «перечислительный» характер.

Атмосферу эпохи лучше всего передают **периодические издания**, прежде всего газеты. Хотя, безусловно, следует учитывать их идеологическую и пропагандистскую направленность. В работе использованы, главным образом, агитирующие за славянскую солидарность, материалы центральных газет и журналов «Славяне», «Большевик», «Исторический журнал» периода Второй мировой войны и первых послевоенных лет.

Среди материалов периодики особо хотелось бы выделить многочисленные информационные **хроники**. Они, как мы полагаем, являются весьма важным и не всегда по достоинству оцененным источником о деятельности славистических центров, комиссий, состоявшихся конференциях и пр. Как правило, это информационные материалы, еще в свое время ставшие достоянием научной общественности. И хотя их содержание, полнота изложения (или умолчание) очень зависит от степени компетентности автора публикации, а иногда и от политической конъюнктуры, это очень содержательный и информативный источник, своего рода летопись славяноведения текущего времени.

Наконец, для историографической оценки развития славяноведения каждой эпохи очень важны **труды славистов**, анализ значения которых в контексте науки своего времени и современных достижений позволяет объективно оценить научный вклад ученых в научный процесс, тем самым охарактеризовать и общее состояние славяноведения рассматриваемого периода. Большим подспорьем в общем анализе являются **рецензии** на труды ученых, которые фиксируют значимость исследования в глазах современников.

Ценным источником по истории славяноведения является личная **переписка славистов** с коллегами внутри страны и за рубежом. Она, конечно, носит субъективный характер, но в то же время позволяет заглянуть в творческую лабораторию ученых, узнать об их планах и замыслах, о реализованных проектах, о личной, часто немаловажной оценке научной деятельности коллег, сомнениях и надеждах, наконец, о бытовой стороне их жизни, определяющей возможность и широту проводимых исследований. Это особенно важно учитывать в период Великой Отечественной войны, так как во время эвакуации, блокады, бомбежек, оккупации, прямого участия в боевых действиях ученые были оторваны от архивов и библиотек, лишались элементарных средств существования, болели—голодали—холодали, наконец, напрямую рисковали жизнью на фронте и в тылу.

Наконец, существенные сведения о личной и общественной стороне деятельности ученых-славистов можно почерпнуть из оставленных ими **мемуаров, дневников** и

прочих записей личного характера. Именно в них субъективно-отчетливо проступает личность ученого, дается его персональная оценка происходящего в данной области науки и пр.

В своей работе мы не отдавали предпочтения ни одному из названных видов источников, полагая, что только их комплексное использование может привести к объективному, всеобъемлющему анализу и общему представлению объекта исследования.

Большинство названных источников хранятся в архивах, в то же время часть из них уже опубликована.

При написании данной книги автор использовала материалы архивов Москвы, С.-Петербурга, Праги, Братиславы. Попытаемся их охарактеризовать более детально.

В Петербургском филиале Архива Российской академии наук в фонде 827 академик Н.С. Державина содержатся уникальные документы о его деятельности по руководству кафедрами славянской филологии в Ленинградском и Московском университетах, о неизвестных до сих пор планах по организации кафедры истории славян в ЛГУ, о работе возглавляемой им славистической группы, фактически филиала московских Института истории в довоенные годы и Института славяноведения — в послевоенные. Нам впервые удалось использовать хранящиеся в его фонде материалы о работе руководимой им Славянской комиссии (1942–1946) и Всеславянского комитета. Здесь же содержатся копии многочисленных докладных записок Державина в руководящие органы страны, в Президиум Академии с обоснованием необходимости возрождения славяноведения в СССР в довоенный период (содержание части из них изложено в упомянутых работах Е.П. Аксеновой), а также черновик письма Сталину и ряд записок о целесообразности возобновления деятельности Института славяноведения в системе АН СССР. Эти и др. документы впервые опубликованы нами к 50-летию названного Института⁹⁵. В фонде Н.С. Державина содержатся письма его коллег-славистов, некоторые из них также использованы в настоящей работе.

В данном архиве мы просматривали фонды академиков А.С. Орлова, Б.М. Ляпунова, П.А. Лаврова, Е.Ф. Карского и др., используя, главным образом, отчеты об их научной деятельности и фрагменты переписки.

В московском Архиве Российской академии наук нас интересовали, прежде всего, материалы фонда Президиума АН СССР (о работе Славянской комиссии, о заседаниях, посвященных славянским вопросам, в частности, по вопросу организации Института славяноведения, по делу приема Русского заграничного исторического архива из Праги в 1946 г. и пр.), фондов Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка (заседания и сессии, посвященных славяноведению), фондов Института истории⁹⁶, Института русского языка и пр. Большой интерес представляют материалы личного фонда 1548 одного из организаторов славяноведения — В.И. Пичеты (неопубликованные труды, доклады, отчеты, переписка и пр.), этнографа П.Г. Богатырева (Ф. 1654), историка-эмигранта А.В. Флоровского (Ф. 1609) и др., свидетельствующие о связях советских ученых с коллегами в эмиграции. Кроме того, в фонде Института мировой литературы (Ф. 1537) нам удалось найти отчет (на имя Г.М. Маленкова) о командировке в мае 1945 г. в Чехословакию А.М. Еголина, влиятельного советского литературоведа, зам. начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б), зоркого наблюдателя общественной атмосферы в науке и культуре, за состоянием умов чешской интеллигенции сразу после освобождения страны Красной Армией. Этот документ мы впервые вводим в научный оборот.

В Архиве МГУ в фонде 9 мы изучали материалы, касающиеся истории кафедры южных и западных славян исторического факультета (40-х годов XX века) и погромного заседания по обвинению ее заведующего С.А. Никитина в космополитизме, объективизме и пр. Материалов кафедры славянской филологии того же периода в делах филологического факультета не оказалось в наличии. (Речь о них пойдет далее.)

Ряд дел по истории славистики в МГУ военного времени (отчеты ректора, деловая переписка по организации кафедры истории южных и западных славян) нам удалось найти в Центральном муниципальном архиве г. Москвы (Ф. 1609). Просмотр дел других вузов столицы (главным образом, педагогических) в отношении постановки в них предмета славяноведения, к сожалению, никаких результатов не дал.

Большой интерес для нашего исследования неожиданно представил чрезвычайно редко посещаемый историками славистики бывший московский партархив — ныне Центральный архив общественно-политической истории Москвы. В делах парторганизаций Института истории, Института славяноведения, Всеславянского комитета в Москве, исторического и филологического факультетов МГУ мы нашли чрезвычайно живой материал по истории славистики военного и послевоенного времени: ведь не надо забывать, что партсоборания (протоколы которых сохранились) составляли важную часть тогдашней общественной жизни, на них активно обсуждались многие производственные вопросы, они ясно свидетельствовали об общественной атмосфере, царящей в данном учреждении и стране, и пр. Материалы этих партсобраний впервые вводятся нами в научный оборот.

С этим архивом соседствует Центральный московский архив — Музей личных собраний, куда были переданы дела фонда МИФЛИ (Ф. 2378), предшествовавшего кафедре славянской филологии МГУ, а также фонда В.Т. Дитякина (Ф. 43), сподвижника Н.С. Державина по работе в Славянской комиссии (в качестве ученого секретаря). Там же хранятся протоколы названной Комиссии, отчеты о ее работе, переписка В.Т. Дитякина и некоторые его публицистические статьи, касающиеся проблем славянской идеологии и панславизма.

Сюда же в 1997 г. переданы уникальные материалы архива С.Б. Бернштейна, о которых надо сказать особо. В 1997 г., незадолго до смерти ученого, мы работали в его личном домашнем архиве. При его разборе нам удалось найти две увесистые папки его мемуаров, о существовании которых сам автор, ввиду тяжелой болезни, успел позабыть (последняя запись относится к 1982 г.). Сознвая важность найденного документа с точки зрения истории науки, понимания общественной атмосферы того времени, мы вместе с коллегами (при активном сотрудничестве с А.Н. Горяиновым, а также с Г.К. Венедиктовым, В.П. Гудковым, Р.В. Булатовой, Е.Н. Овчинниковой и др.) с согласия С.Б. Бернштейна начали подготовку первой части рукописи (1943–1961 гг.) к печати. В результате большого кропотливого труда книга мемуаров объемом в 23,5 п.л. с обширными научными комментариями и аннотированным алфавитным указателем под общей редакцией академика В.Н. Топорова вышла из печати в 2002 (фактически в 2003 г.). Книга является живым свидетельством сотрудничества академической и университетской науки, развитию которых так много сил отдал профессор С.Б. Бернштейн. Макет рукописи выполнен в Институте славяноведения РАН, а опубликована она при материальном содействии филологического факультета МГУ (к 60-летию его воссоздания).

Мемуары С.Б. Бернштейна — уникальный памятник эпохи. Остросюжетные по форме, написанные прекрасным русским языком, они представляют собой своего рода

живую энциклопедию жизни отечественной славистической интеллигенции второй четверти XX века. Мы узнаем о закулисной подоплеке многих научных, а зачастую и политических событий того времени, репрессиях 30-х годов в «стане» славистов, но, прежде всего, о титанических усилиях по воссозданию славянской филологии в МГУ, начале работы Института славяноведения, дискуссии по вопросам языкознания 1950 г. и пр. Разумеется, мемуары С.Б. Бернштейна очень субъективны, на них лежит яркая печать личности автора, считавшего себя вправе обличать моральные пороки в жизни общества и особенно в поведении своих коллег, дающего им живые, образные, но часто нелицеприятные характеристики. Но подкупает и строгая критичность, проявленная автором к самому себе, осуждение за отступничество от выработанных принципов, чувство ответственности за развитие своей сферы науки. Понятно, что, используя этот ценный источник, необходимо тщательно сопоставлять его с другими данными, что отчасти проделано в наших обширных комментариях к тексту, составленных вместе с А.Н. Горяиновым.

В фонде С.Б. Бернштейна (размещенном ныне в Центральном московском архиве — Музее личных собраний) хранятся уникальные документы о первых годах кафедры славянской филологии МГУ, не сохранившиеся в официальном фонде архива МГУ, докладные записки, различные обзоры состояния науки, его переписка с ведущими отечественными и зарубежными славистами 30–80-х гг. XX в. и пр. Фонд ученого до сих пор, к сожалению, находится в стадии обработки и пока закрыт для исследователей. Но нам посчастливилось еще при жизни автора мемуаров, с его согласия, снять ксерокопии ряда документов и использовать их в настоящем исследовании. Письма Н.С. Державина и Р.И. Аванесова, отрывок из письма В.В. Бородич об обстоятельствах смерти А.М. Селищева нами опубликованы и используются в монографии. Все они содержат принципиально новые сведения об институциональных и личностных метаморфозах в истории славяноведения своего времени. Н.С. Державин, например, сообщает ранее неизвестные сведения о своих попытках по возрождению комплексного славяноведения в стране⁹⁷, а из письма Р.И. Аванесова мы узнаем о конфликтах С.Б. Бернштейна со своим учителем А.М. Селищевым, тщательно скрываемых автором мемуаров, но до конца жизни помнящем о них⁹⁸.

Много интересного по нашей теме исследования содержит Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), где хранятся документы фонда Всеславянского комитета (Ф. 6646) и его руководителя А.С. Гундорова (Ф. Р-9564). Они дают наглядное представление о направленности антифашистской, своего рода «панславистской» пропаганды в годы Великой Отечественной войны, об активном участии славистов в идеологической борьбе с фашизмом, о проведении Славянского собора в Софии в 1945 г., Славянского съезда в Белграде в 1946 г., о подготовке несостоявшегося из-за обострения межпартийных противоречий с Югославией съезда славистов в Москве и Славянского съезда в Праге в 1948 г. Материалы последних мероприятий автор впервые ввел в научный оборот⁹⁹.

В бывшем центральном партархиве, ныне Российском государственном архиве социально-политической истории (ранее РЦХИДНИ) нас интересовали материалы, связанные с принятием важных организационных решений в области славяноведения партийным руководством страны в указанные годы. Но оказалось, что многие дела конца 1930-х годов до сих пор закрыты для исследователей. Здесь хранятся интересные материалы по истории Всеславянского комитета (далее ВСК), например, за-

писки и письма А.С. Гундорова закулискому лидеру «нового славянского движения», секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову и его ответное инструктивное письмо, раскрывающие подоплеку и истинную идеологическую направленность проводимых ВСК мероприятий. Важной научной находкой в этом архиве считаем запись беседы А.А. Жданова с отечественными славистами накануне готовящегося ими научного съезда в Москве в 1948 г., раскрывающей истинные планы советского руководства в отношении освобожденных славянских стран «новой демократии». Этот документ был впервые нами опубликован¹⁰⁰.

Наконец, в Отделе рукописей РГБ мы нашли в фонде историка А.Л. Сидорова (Ф. 632) интересный и подробный отчет о его командировке в Прагу в 1947 г., представляющий яркую картину расстановки политических сил в Чехословакии накануне февральских событий 1949 г. и положение в исторической науке, а также настроения в среде эмигрантов.

В Праге, в Литературном архиве Музея национальной письменности, мы нашли письма академика Н.С. Державина директору Славянского института М. Мурко, касающиеся обстоятельств его командировки в Прагу в 1933 г., и черновой вариант статьи о состоянии советского славяноведения в начале 30-х гг. XX в. В Архиве Академии наук ЧР хранятся материалы о связях членов Славянского института с советскими славистами, а в архиве Славянской библиотеки в фондах А.В. Флоровского и П.Н. Савицкого особый интерес для нас представляет переписка с советскими коллегами. (Правда, более компактно сохранились письма 50–60-х гг. XX в.)

В Братиславе, в Архиве Словацкой Академии наук, интересны материалы Исторического института, пытавшегося установить связи с советскими славистами в 1940-е гг. А в Архиве Братиславского университета, в фонде филологического (философского) факультета, хранятся дела, связанные с русскими эмигрантами, например А.В. Исаченко, который в поисках путей возвращения на родину активно общался с учеными, командированными из СССР.

Кроме архивных материалов в данной работе всесторонне использованы опубликованные источники. Газетные материалы дают ценную информацию о начале работы ряда славистических подразделений — Сектора славяноведения Института истории АН СССР¹⁰¹, Института славяноведения АН СССР¹⁰², о юбилеях ведущих ученых, например, академика Н.С. Державина¹⁰³, и др. Материалы периодики хорошо передают атмосферу происходящих событий, в частности, заметное нарастание пропаганды славянской солидарности в первый месяц начала Великой Отечественной войны¹⁰⁴.

В настоящее время опубликован ряд документов, раскрывающих суть партийно-государственной политики в отношении славяноведения. Это прежде всего стенограмма совещания историков в ЦК КПСС в июне 1944 г. и его интерпретация в письмах А.М. Панкратовой (публикация Ю.Ф. Иванова)¹⁰⁵, документы, касающиеся борьбы за воссоздание Института славяноведения¹⁰⁶ и его сохранение¹⁰⁷, уже упоминавшаяся запись беседы А.А. Жданова с ведущими славяноведами накануне несостоявшегося съезда славистов в Москве в 1948 г.¹⁰⁸, опубликованные автором данной работы, и пр.

Важным источником по теме нашего исследования являются хроникальные заметки о работе славистических центров, конференций, а также рецензии на вышедшие труды по славяноведению, помещаемые, как правило, в научных журналах. В работе использованы информации о деятельности кафедры истории южных и западных славян¹⁰⁹ и кафедры славянской филологии МГУ¹¹⁰ и проводимых там¹¹¹ и в МГУ¹¹² научных мероприятиях, а

также славистических подразделений¹¹³ и конференций ЛГУ (например, международного совещания славистов в Ленинграде в 1946 г.)¹¹⁴, Сектора славяноведения Института истории АН СССР¹¹⁵ и Славянской комиссии¹¹⁶, начало работы Института славяноведения АН СССР¹¹⁷. Кроме того, мы рассматривали славистические аспекты деятельности АН СССР и ее отделений и сессий, в частности, посвященной ее 220-летию и др.¹¹⁸, МГУ и ЛГУ¹¹⁹, отчеты о командировках советских историков, археологов и этнографов в славянские страны¹²⁰, отраженные в хрониках. Совместно с А.Н. Горяиновым нами опубликованы отчеты В.И. Пичеты о работе возглавляемой им кафедры в МГУ в годы войны¹²¹.

Большая часть сохранившейся переписки славистов, важного источника по истории славяноведения, характеризующего его развитие на уровне межличностных отношений, хранится в архивах. Однако существуют и отдельные отрывочные публикации писем славистов указанного периода. Письма В.И. Пичеты и З.Р. Неедлы издавались Б.М. Руколь¹²², Н.С. Державина и Р.И. Аванесова к С.Б. Бернштейну — автором настоящей работы¹²³. Опубликованы также фрагменты переписки И.М. Белявской с В.И. Пичетой¹²⁴ и пр.¹²⁵.

Мы использовали в работе также ряд опубликованных воспоминаний ученых, ярко свидетельствующих об обстановке в стране в годы войны¹²⁶ и первые послевоенные годы. Об «островке свободной мысли» в МИФЛИ ностальгически вспоминали филологи И. Черноуцан и Г.А. Соловьев¹²⁷, более критически — видный российский историк Ю.А. Поляков¹²⁸. Последний оставил также интересные воспоминания о тяжелой атмосфере, сложившейся на историческом факультете МГУ в период кампании борьбы с космополитизмом. О том же свидетельствовали опубликованные дневниковые записи известного историка С.С. Дмитриева, не раз подвергавшегося жестокой критике¹²⁹. О мерзостях, творившихся в то время в литературоведении, откровенно вспоминал также много пострадавший в оголтелой кампании «баловень судьбы» А.М. Борщаговский¹³⁰ и пр. Интересные воспоминания о выдающихся славистах В.И. Пичете, З.Р. Неедлы, Н.С. Державине, Б.Д. Грекове и др. оставили их благодарные ученики¹³¹. Некоторые сведения о начальном периоде деятельности кафедры славянской филологии и отделения славянского перевода в ЛГУ можно почерпнуть из воспоминаний о П.А. Дмитриеве и Г.И. Сафронове¹³². О мемуарах С.Б. Бернштейна уже говорилось выше. Откровенные воспоминания об организации и деятельности Всеславянского комитета в Москве, написанные в 1970 г., оставил его бессменный председатель А.С. Гундарев. Они найдены и впервые опубликованы Н.И. Кикешевым¹³³ в 2005 г. Уже после завершения и обсуждения данной книги в 2007 г. вышли в свет чрезвычайно ценные, живые и интересные по содержанию воспоминания сотрудников Института славяноведения РАН по случаю его 60-летия. К большому сожалению, изданию дано безликое название, в нем отсутствуют комментарии и указатель имен и пр.¹³⁴.

Для выявления научных тенденций в развитии славяноведения 40-х гг. XX в. нами анализировались многочисленные научные труды славистов (удалось выявить свыше 900 работ) и рецензии на них В.И. Пичеты¹³⁵, Н.С. Державина¹³⁶ и др.¹³⁷.

Таким образом, использование всего комплекса рассмотренных документов (включая партийные архивы) позволяет существенно расширить представление о развитии отечественной славистики в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы, которое складывается при изучении литературы вопроса, глубже связать его с непростым контекстом тоталитарной эпохи и создать целостную картину истории российского славяноведения, показав его достижения, слабости, противоречия.

Примечания

- 1 *Досталь М.Ю.* Проблема возрождения российской славистики перед Второй мировой войной в отечественной историографии // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 240–284.
- 2 *Готье Ю.В.* Славяноведение в России и СССР (Публикация А.Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 146–161; *Неедлы З.* К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–94; *Пичета В.И.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36–61; *Державин Н.С.* Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 1. С. 49–56; *Пичета В.И., Шустер У.А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // 25 лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 222–235; *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 157–175; *Державин Н.С.* О задачах советского славяноведения // Славяне. 1947. № 9. С. 3–7; *Пичета В.И.* Основные проблемы советского славяноведения // Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. АН СССР. М.; Л., 1947. Ч. 2. С. 677–690; *Никитин С.А.* Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян // Славяне. 1948. № 5. С. 29–34; *Сидоров А.Л.* Достижения советской науки в изучении истории славянских народов // Славяне. 1948. № 6. С. 14–27; *Королюк В.Д., Хренов И.А.* Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945–1959) // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 117–135; *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. М., 1963 и др.
- 3 *Маслов Ю.С.* Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет. М., 1955. С. 3.
- 4 *Лаптева Л.П.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3–17; *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; *Горяинов А.Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2. С. 78–89; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004; *Горяинов А.Н.* В России и в эмиграции. Очерки по истории отечественного славяноведения первой половины XX века. М., 2006 и др.
- 5 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 88; Славяноведение // СИЭ. 1971. Т. 13. С. 18 (автор раздела В.Д. Королюк); *Логачев К.И.* Первый этап развития советского славяноведения (славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (далее АКД). М., 1979. С. 22 и др.
- 6 Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения // Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. New York, 1993. С. 6. В этом обзоре выделялся этап Великой Отечественной войны 1941–1945.
- 7 Славяноведение // СИЭ. 1971. Т. 13. С. 18–19 (Автор раздела В.Д. Королюк).
- 8 *Белявская И.М., Очак И.Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966. С. 14.
- 9 Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения... С. 9.
- 10 *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение... С. 5–6.
- 11 *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 3–11; *Воронков И.А.* Изучение истории зарубежных славян в Московском университете // Славяноведение. 1970. № 5. С. 58–65.
- 12 *Руколь Б.М.* Славяноведение в Московском университете (1939–1941) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968. С. 200–212.

- 13 Историки-слависты Московского университета. 1939–1979 гг. К 40-летию Кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы (Славяноведение в МГУ. Вып. 1). М., 1979; Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина (Славяноведение в МГУ. Вып. 2). М., 1983; Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. К 150-летию славяноведения в Московском университете (Славяноведение в МГУ. Вып. 3). М., 1987; 50 лет славистики в Московском университете. Сборник статей под ред. В.Г. Карасева. М., 1989; Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Славяноведение в МГУ. Вып. 5). М., 1991; Историческая славистика в МГУ. 1989–1999. Сборник статей и материалов / Отв. редакторы Г.Ф. Матвеев и З.С. Ненашева. М., 2000.
- 14 Карасев А.В. Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 183–205.
- 15 Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 3–12.
- 16 Уткина Л.И. Академик В.И. Пичета — организатор кафедры истории южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 38–45; Она же. Фонд академика В.И. Пичеты в Архиве АН СССР // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 34–42.
- 17 Руколь Б.М. Зденек Неедлы в Московском университете // Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 219–230; Она же. Педагогическая и научная деятельность Зденека Неедлы в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1978. № 3. С. 3–12; Она же. Зденек Неедлы — профессор Московского университета (1939–1945) // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 60–71; Она же. В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян. 1878–1947 // Ученики об учителях. Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 146–152.
- 18 Руколь Б.М. Славяноведение в Московском университете (1939–1941) // Очерки по истории современной науки и культуры. М., 1968. С. 201–212.
- 19 Горяинов А.Н. Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1941) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 28–37.
- 20 Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х. К пятидесятилетию кафедры южных и западных славян МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 68–77.
- 21 Горина Л.В. С.А. Никитин — заведующий кафедры истории южных и западных славян (1947–1961 гг.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 22–30.
- 22 Досталь М.Ю. „Борьба с космополитизмом“ на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 167–175; Она же. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 30–47.
- 23 Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х. И.М. Белявская — «убежденный коммунист» или новатор конца 40–50-х годов XX века // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 23–43.
- 24 Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964.
- 25 Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978.
- 26 Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина (Славяноведение в МГУ. Вып. 2). М., 1983; Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992; Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004.
- 27 Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Мате-

- риалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983) / Отв. редактор Г.Ф. Матвеев. М., 2001.
- 28 Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1923–1991) / Отв. редакторы Г.Ф. Матвеев и Л.В. Кузьмичева. М., 2002.
- 29 Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М.В. Ломоносова / Отв. редакторы Г.Ф. Матвеев и Х.Х. Хайретдинов. М., 2005.
- 30 *Досталь М.Ю.* Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) // Славяноведение. 2004. № 4. С. 48–67; *Она же.* Кафедра истории южных и западных славян в МГУ в первые послевоенные годы // Проблемы славяноведения. Брянск, 2004. Вып. 6. С. 129–142.
- 31 *Ненашева З.С.* Истории южных и западных славян кафедры // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 199.
- 32 *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. Очерк 3. С. 40–58.
- 33 Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета / Сост. И.С. Лутовинова. Отв. ред. С.И. Богданов. 3 изд. испр. и доп. СПб., 2002. С. 14, 49 и др.
- 34 *Гудков В.П., Новикова А.С., Широкова А.Г.* Славянское языкознание в Московском университете // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1984. С. 4–11; *Гудков В.П.* К сорокалетию кафедры славянской филологии МГУ // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. М., 1984. Вып. 11. С. 5–8; *Он же.* К 50-летию отделения славянской филологии: взгляд в прошлое и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 1994. № 3. С. 44–48; *Он же.* Александра Григорьевна Широкова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 1998. № 6. С. 178–180 и др.
- 35 *Цыбенко Е.З.* Изучение и преподавание славянских литератур в Московском государственном университете (1943–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. К 150-летию славяноведения в Московском университете (Славяноведение в МГУ. Вып. 3). М., 1987. С. 72–84.
- 36 *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82. См. также: *Бернштейн С.Б.* Становление славянского отделения на филологическом факультете Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова // Актуальные проблемы славянской филологии (Материалы научной конференции). М., 1993. С. 5–7.
- 37 *Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З.* Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 182–219.
- 38 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор академик В.Н. Топоров. Авторы-составители А.Н. Горяинов и М.Ю. Досталь. М., 2002.
- 39 *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) (К 60-летию ее основания) // Славяноведение. 2003. № 5. С. 32–47.
- 40 *Гудков В.П.* Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь / Глав. ред. М.Л. Ремнёва. М., 2005. С. 330–331.
- 41 *Мещерский Н.А., Дмитриев П.А.* Русское и славянское языкознание в Петербургском университете за 150 лет (1819–1969) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. История языка и литературы. С. 80–91.
- 42 *Сафронов Г.И.* Славянская филология в Ленинградском университете после Великой Октябрьской социалистической революции // Славянская филология. Сборник статей. Л., 1969. С. 180–187.
- 43 *Шанова Э.К.* Кафедра славянской филологии и развитие славистики и болгаристики в Петербургском университете // VIII Державинские чтения. «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Вып. 6. 11–15 марта 2003 г. Санкт-Петербург. СПб., 2003. Часть 1. С. 16–20.

- 44 *Логачев К.И.* Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // *Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 51–93.*
- 45 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная сессия по славяноведению // *Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 89–96.*
- 46 *Берков П.Н.* Академик Николай Севастьянович Державин (К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности) // *Вестник Ленинградского университета. 1947. № 12. С. 119–123; Николай Севастьянович Державин. М.; Л., 1949; Советов С.С.* Академик Н.С. Державин // *Вестник Ленинградского университета. 1953. № 3. Серия общественных наук. Вып. 1. 1953. С. 105–106; [Берков П.Н.] Николай Севастьянович Державин // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1958. Вып. 11. С. 83–86; Жакова Н.К.* Памяти выдающегося советского ученого-слависта Н.С. Державина (К столетию со дня рождения) // *Вестник Ленинградского университета. 1978. № 14. Серия история, язык, литература. Вып. 3. С. 150–152; Минин О.И.* Н.С. Державин и деятельность кафедры славянской филологии по созданию учебных пособий // *Славянская филология. Межвузовский сборник. Памяти профессора Ю.С. Маслова. СПб., 1999. Вып. VIII. С. 190–197; Андреев В.Д.* Слово о Н.С. Державине // *Болгарский ежегодник. Болгарский щоричник. Болгарски годишник. Київ, 2000. С. 4–7; Злыднев В.И.* Н.С. Державин — ученый, человек, воспитатель болгаристов // *Там же. С. 8–12; Доронченков А.И.* Наследие академика Н.С. Державина и историческая болгаристика // *Там же. С. 13–20; Тарасова Л.И.* Архив Н.С. Державина и петербургская школа славистики // *Там же. С. 35–46 и др.; Минин О.И.* Академик Н.С. Державин и вопросы славянского единства в годы Великой Отечественной войны // *VIII Державинские чтения. «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». Выпуск 6. 11–15 марта 2003 г. Санкт-Петербург. СПб., 2003. Часть 1. С. 13–16; Об исторических трудах Н.С. Державина кроме упомянутой работы Е.П. Аксеновой см.: Таранова В.Г.* К оценке работ Н.С. Державина по проблемам ранней истории болгар (VI–VII вв.) // *Вопросы истории славян. Воронеж, 1980. Вып. 6. С. 115–125; Она же.* Проблемы социально-экономической и политической истории Первого Болгарского царства в освещении Н.С. Державина // *Вопросы истории славян. Воронеж, 1985. Вып. 8. С. 102–112.*
- 47 *Сафронов Г.И.* О научной деятельности В.Г. Чернобаева // *Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. IV. С. 152–156; Порочкина И.М.* У истоков советской славистики. Виктор Григорьевич Чернобаев // *Вестник ЛГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1988. Вып. 3. С. 34–39.*
- 48 *Сафронов Г.И.* К.А. Копержинский (К десятилетие со дня смерти) // *Славянская филология. Л., 1964. С. 130–135. О более раннем этапе деятельности ученого см.: Горяинов А.Н., Шостакович Б.С.* Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К.А. Копержинский // *Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 156–170.*
- 49 *Obolewicz W.B. Sergius Sowiechow* // *Pamiętnik Literacki. 1959. Z. 2. S. 753–757; Волошина Г.К., Мацюсевич Я.В.* С.С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы // *Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 170–181.*
- 50 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Памяти Э.А. Якубинской-Лемберг // *Вестник ЛГУ. 1962. № 20. С. 171–172; Дмитриев П.А., Золотарева В.С., Лилич Г.А.* Э.А. Якубинская-Лемберг // *Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1963. Вып. 38. С. 100–101; Сафронов Г.И.* Э.А. Якубинская // *Slavia. Praha, 1963. Roč. XXXII. S. 130–140; Дмитриев П.А., Лилич Г.А.* Э.А. Якубинская-Лемберг и развитие славистики в Ленинградском университете // *Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 170–181.*
- 51 *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А.* Константин Алексеевич Пушкиревич // *Славяноведение. 1993. № 6. С. 84–97.*
- 52 *Дмитриев П.А.* От редактора // *Славянская филология. Сборник статей. Л., 1969. С. 5–6; Маслов Ю.С.* Э.А. Якубинская-Лемберг как славист // *Там же. С. 9–12.*

- 53 Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета / Сост. И.С. Дутовина. Отв. ред. С.И. Богданов. 3 изд. испр. и доп. СПб., 2002.
- 54 Подробнее см.: *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов А.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974 и др.
- 55 *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 107–129.
- 56 *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. Очерк 9.
- 57 *Санчук Г.Э.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР (1839–1947) и становление марксистской историографии по истории зарубежных славян // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов 27–29 января 1988 г. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1988. С. 229–230.
- 58 *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 253–290.
- 59 *Аксенова Е.П.* Краткая историческая справка // Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971. С. 3–23; *Аксенова Е.П., Васильев С.В.* Краткая историческая справка // Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). М., 1977. С. 3–14; *Аксенова Е.П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 33–79.
- 60 *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 7–32.
- 61 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–25.
- 62 *Досталь М.Ю.* Институт славяноведения и балканистики РАН (К 50-летию его создания) // Славистичні студії. Т. I. Матеріали V Міжнародного славистичного колоквиуму (Львів, 14–16 травня 1996 р.). Львів, 1997. С. 22–27.
- 63 *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 123–152; *Кондрашов Н.А.* Изучение западнославянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. С. 153–174; *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 77–93 и др.
- 64 *Злыднев В.И.* Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917–1967) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 53–66.
- 65 *Королюк В.Д.* Советские историко-славистические исследования (1917–1967) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 37–52; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. М., 1968 (о византиноведении и славяноведении см.: С. 70–80; 183–231); *Белявская И.М.* Советское славяноведение за 50 лет // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов (Минск 31 января — 3 февраля 1968 г.). Минск, 1969. С. 10–22; *Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). Л., 1975. С. 141–154; *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68; *Аксенова Е.П., Васильев М.А.* Проблематика этногонии славянства и его ветвей в академической дискуссии рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. М., 1993. № 2. С. 86–104 и др.
- 66 См.: Вестник Академии наук. 1945. № 7–8.
- 67 Юбилейная сессия Академии наук СССР. М.; Л., 1948. Т. 1.
- 68 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 89–96.
- 69 *Арциховский А.* Археологическая поездка на Балканы [группы научных сотрудников АН СССР в 1946 г.] // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107; *Богатырев П.Г.* Отчет о поездке в балканские страны [археолого-этнографической делегации АН СССР] // Краткие сообщения [Института этнографии АН СССР]. М., 1947. Вып. 3. С. 82–94; *Третьяков П.Н.* Балканская архе-

- олого-этнографическая экспедиция (1946) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № 3. С. 279–284 и др.
- 70 *Горизонтов Л.Е.* «Методологический поворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 50–66.
- 71 *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 182–203.
- 72 *Досталь М.Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 128–142; *Она же.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 226–242.
- 73 *Досталь М.Ю.* Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 244–294.
- 74 *Вдовин А.В.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3. С. 3–54; *Он же.* Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5. С. 24–54.
- 75 *Марфина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянская идея: вехи истории. М., 1997. С. 169–181.
- 76 *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х годах // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 195–209.
- 77 *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956. М., 1994; *Ватлин А.Ю.* Смерть Коминтерна // Родина. 1991. № 6–7; *Гибианский Л.Я.* Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 131–152; История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994; Ч. 2. После 22 июня 1941 г. М., 1999; Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12; *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Роспуск Коминтерна // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию победы. М., 1995. С. 72–86; *Макдермотт К., Агню Д.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.
- 78 *Носкова А.Ф.* Фашистский «новый порядок» в Восточной Европе и борьба славянских народов против нацизма // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 28–41.
- 79 *Гранина Э.И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2000; *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959; *Кафтанов С.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1945; *Кольцов А.В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М.; Л., 1962; *Кондаков Н.И., Куманёв Г.А.* Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны. М., 2004. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб., 1995; *Кондаков Н.И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1996; *Лёвшин Б.В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1966; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996; Наука, ковавшая победу // Вестник Академии наук СССР. М., 1985. № 5. С. 5–14; *Салов В.И.* Академия наук в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943) // Исторические записки. М., 1947. Т. 60; *Соболев Г.Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.; Л., 1945.
- 80 *Басистов Ю.В.* Сталин — Гитлер от пакта до войны. СПб., 2001; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. 1941–1945. М., 1946–1947; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. редакторы В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999; Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995; Мировые

- войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М., 1997; Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы. М., 2005; Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993; 1939 год: Уроки истории. М., 1990.
- 81 *Одинцов М.И.* Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М., 2003. С. 7–68; *Волокитина Т.В.* Советское руководство, Русская православная церковь и экуменическое движение (40–50-е годы XX в.) // Там же. С. 232–251.
- 82 *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 годах. М., 1999.
- 83 *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
- 84 *Батеевков П.С., Ткачев А.М.* О взаимоотношениях государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 136–139.
- 85 *Куян М.В.* Діяльність Всеслов'янського комітету по згуртованню антифашистських сил (1941–1945) // Український історичний журнал. 1970. № 7. С. 61–68; *Беляева В.И.* Деятельность А.А. Вознесенского в Общеславянском комитете и Славянском комитете СССР // Славяноведение. 1973. № 3. С. 92–93; *Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 73–91; *Кириллов А.В.* Всеславянский комитет // Вопросы истории. М., 1977. № 7. С. 208–213 и др.
- 86 *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1961; *Hrozičnik J.* Všeslovanský výbor v Moskvě // Slovanský přehled. Praha, 1967. № 6. S. 321–330.
- 87 *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999.
- 88 *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 175–188.
- 89 *Кикешев Н.И.* За други свои. М., 2005; *Он же.* Славяне против фашизма. М., 2005.
- 90 *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Еврейский вопрос. Хроника сороковых годов // Вестник Российской академии наук. М., 1993. Т. 63. № 1. С. 61–72; № 2. С. 143–151; *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документальная история. М., 1996; *Иванов С.А.* Византиноведение и власть (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 244–256; *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последние сталинские десятилетия. Документальное исследование. М., 1994; *Он же.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 47–60; *Он же.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; *Люкс Л.* Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. С. 167–171; *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68 и др.
- 91 *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- 92 *Медведев Р.А.* Сталин и языкознание // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 11. С. 1034–1038.
- 93 *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. М., 2001.
- 94 *Волков В.К., Гибианский Л.Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22; Советско-югославский конфликт 1948–1953 годов: причины, развитие, последствия и уроки («Круглый стол») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 98–121; *Гиренко И.С.* Сталин — Тито. М., 1991; *Гибианский Л.Я.* От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического ла-

- геря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического сотрудничества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002 и др.
- 95 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 3–25.
- 96 Речь идет об отрывке из стенограммы заседания Ученого совета Института истории от 23 июня 1939 г. с изложением доклада В.И. Пичеты о плане работы Сектора славяноведения. Это практически первый официальный документ о начале работы этого научного славистического подразделения.
- 97 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // *Славянский альманах* 2005. М., 2006. С. 498–526.
- 98 *Досталь М.Ю.* Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 2003–2005. М., 2006. С. 229–249.
- 99 См. наши статьи: *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // *Славянский вопрос: вехи истории*. М., 1997. С. 182–203; *Она же.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. М., 1998. С. 226–242; *Она же.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах*. 1999. М., 2000. С. 175–188 и др.
- 100 См.: *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // *Исторический архив*. М., 2001. С. 3–13.
- 101 Сектор славяноведения в Институте истории [Интервью с Б.Д. Грековым] // *Известия*. 1939. № 79. 4 апреля; [Об учреждении Комиссии по изучению происхождения славян при Отделении истории и философии АН СССР] // Там же. № 81. 6 апреля; Изучение истории славянства [Интервью с В.И. Пичетой] // Там же. № 93. 21 апреля.
- 102 *Пичета В.И.* Институт славяноведения // *Вечерняя Москва*. 1946. 24 декабря; *Никитин С.А.* Научный центр славяноведения // Там же. 1948. 19 января.
- 103 *Бернштейн С.Б.* Крупнейший знаток истории славянства // *Труд*. 1948. 1 июня.
- 104 Подробнее обзор этих материалов см.: *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х годах // *Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов*. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 195–209.
- 105 Письма Анны Михайловны Панкратовой [Публикация Ю.Ф. Иванова] // *Вопросы истории*. 1988. № 11. С. 54–79; Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // *Вопросы истории*. М., 1996. № 2. С. 47–86; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5–6. С. 77–106; № 9. С. 47–77.
- 106 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение*. № 6. С. 3–25.
- 107 *Горизонтов Л.Е.* Институт славяноведения АН СССР: первые годы (по новым источникам) // *Славяноведение*. М., 2007. № 2. С. 36–57.
- 108 *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // *Исторический архив*. М., 2001. С. 3–13.
- 109 *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян Московского государственного университета // *Исторический журнал*. 1941. № 12. С. 148–149; *В.К.* Пять лет кафедры славяноведения Исторического факультета МГУ // *Исторический журнал*. 1944. № 10–11. С. 140–141; *Белявская И.М.* О работе кафедры истории западных и южных славян Исторического факультета Московского государственного университета в 1939–1947 гг. // *Ученые записки Института славяноведения*. М., 1948. Т. 1(а). С. 407–410.
- 110 Славянское отделение филологического факультета Московского университета // *Славяне*. 1944. № 5. С. 47–48; *Бернштейн С.Б.* О подготовке

- славистов-филологов в Московском университете // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. М., 1948. Вып. 6. С. 76–78.
- 111 *Белявская И.М.* Научная сессия по вопросам истории западных и южных славян 17–20 ноября 1944 г. // Доклады и сообщения исторического факультета [МГУ]. М., 1945. Вып. 3. С. 50–52; *Корольюк В.Д.* Сессия в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, посвященная истории западных и южных славян [17–20.XI.1944 г.] // Исторический журнал. М., 1945. № 3. С. 92; *Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О.* Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения исторического факультета [МГУ]. М., 1945. Вып. 3. С. 53–59; *Тихонов В.* Всесоюзное совещание кафедр славянской филологии [Государственных университетов 10–19 мая 1948 г.] // Славяне. 1948. № 6. С. 61–62 и др.
- 112 Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. [Тезисы докладов научной конференции в МГУ 5–12 июня 1944 г.]. М., 1944; [Рец.] Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Научная конференция 5–12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов. Москва // Октябрь. 1944. № 11–12. С. 213–214; *Демидов К.* Русская наука и мировая культура // Славяне. 1944. № 7. С. 27–29.
- 113 Кафедра славянской филологии в 1945–1946 acad. году // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 89–91 и др.
- 114 Научная сессия по славяноведению [ЛГУ. 29.VI — 4.VII.1946 г.] // Вестник Ленинградского университета. Л., 1946. № 2. С. 132–137; Научная сессия по славяноведению [ЛГУ. 29.VI — 4.VII.1946 г.] // Научный бюллетень ЛГУ. 1947. № 14–15. С. 75 и др.
- 115 *Корольюк В.Д., Санчук Г.Э.* Работа Сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943–1944) // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 139–140; *Пичета В.И.* Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 153–154.
- 116 *Дитякин В.Т.* Славянская комиссия Академии наук СССР в 1943 г. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. № 1. С. 46–48; *Сыромятников Б.* К вопросу об изучении истории права славянских народов [в Славянской комиссии АН СССР] // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 109–110 и др.
- 117 *Державин Н.С.* Центр славяноведения [Институт славяноведения АН СССР] // Славяне. 1945. № 5–6. С. 109; *Пичета В.И.* Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 165–167; *Он же.* Проблематика Института славяноведения // Вестник АН СССР. 1947. № 5. С. 3–5; *Державин Н.С.* О задачах современного славяноведения // Славяне. 1947. № 9. С. 3–7; *Никитин С.А.* Институт славяноведения АН СССР // Slavia. Roč. XVIII. Praha, 1947/48. S. 521–523; *Удальцов И.И.* О работе Института славяноведения АН СССР // Вопросы истории. М., 1948. № 6. С. 140–144.
- 118 220-летие Академии наук СССР. Юбилейная сессия. (Заседания 16, 17 и 26 июня 1945 г.) // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8; Отделение истории и философии [заседание в рамках отмечаемого 220-летия Академии наук] // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8. С. 124–125; Отделение литературы и языка [заседание в рамках отмечаемого 220-летия Академии наук] // Там же. С. 134–135; Встреча советских историков-славяноведов с учеными славянских стран // Славяне. 1945. № 6. С. 47–48; Юбилейная сессия Академии наук СССР. М.; Л., 1948. Т. 1; История происхождения славян. Ленинградская сессия Отделения истории и философии АН СССР 12–14.VI.1946 г.] // Вестник АН СССР. 1946. № 8–9. С. 133–140 и др.
- 119 *Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О.* Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения исторического факультета [МГУ]. М., 1945. Вып. 3. С. 53–59 и др.
- 120 *Арциховский А.* Археологическая поездка на Балканы [группы научных сотрудников АН СССР в 1946 г.] // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107; *Богатырев П.Г.* Отчет о поездке в балканские страны [археолого-этнографической делегации АН СССР] // Краткие сообщения [Института

- этнографии АН СССР]. М., 1947. Вып. 3. С. 82–94; *Третьяков П.Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция (1946) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № 3. С. 279–284.
- 121 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. М., 1992. С. 97–144.
- 122 *Руколь Б.М.* Творческое содружество ученых // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 72–77; *Она же.* Переписка М.Н. Тихомирова с В.И. Пичетой (1941–1943) // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 224–232; *Она же.* Письмо Зденека Неедлы из Куйбышева от 13 ноября 1941 г. В.И. Пичете (в Ташкент) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 158–159; *Она же.* В.И. Пичета — педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян. Новые архивные материалы // Историческая славистика в МГУ. 1989–1999. Сборник статей и материалов / Отв. редакторы Г.Ф. Матвеев и З.С. Ненашева. М., 2000. С. 56–73.
- 123 *Досталь М.Ю.* Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 498–526; *Она же.* Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006. С. 229–249.
- 124 *Белявский М.Т.* Учитель и ученики (из архива И.М. Белявской) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 120–134.
- 125 См.: *Ростов С.* Публикация писем ученых из славянских земель. (Документы к истории славяноведения в России (1850–1912 гг.) М.; Л., 1948) // Славяне. 1948. № 8. С. 54–57.
- 126 Книга памяти Ленинградского–Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996 и др.
- 127 *Черноуцан И.* В те 30-е годы. Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах // Литературная газета. М., 1989. 14 июня; *Соловьев Г.А.* Островок пытливой мысли (Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах) // Вопросы литературы. 1990. № 11–12. С. 283–309.
- 128 *Поляков Ю.А.* Путь познания истории // Отечественная история. 1996. № 6. С. 140–152.
- 129 *Поляков Ю.А.* Весна 1949 года // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 69–73; [*Дмитриев С.С.*] Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева [Публикация Р.Г. Эймонтовой] // Отечественная история. М., 1999. № 3. С. 142–163.
- 130 *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. М., 1991.
- 131 Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964; *Злыднев В.И.* Н.С. Державин — ученый, человек, воспитатель болгаристов // Болгарский ежегодник. Болгарский щорищник. Болгарски годишник. Київ, 2000. С. 8–12; *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян. 1878–1947 // Ученики об учителях. Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 146–152; *Она же.* Творческое содружество ученых // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 72–77; Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978 и др.
- 132 *Венедиктов Г.К.* Несколько слов воспоминаний о двух коллегах-славистах // Профессора-слависты П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников. СПб., 2006. С. 81–86.
- 133 *Гундоров А.С.* Воспоминания // *Кикешев Н.И.* Славяне против фашизма. М., 2005. Прил. 1. С. 172–338.
- 134 Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / Сост. и отв. ред. Е.П. Аксенова. М., 2007.
- 135 См., например: *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Грацианский Н.П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. Пособие для преподавателей. М., 1943 // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 136–138; *Он же.* Рец. на кн.:

- Державин Н.* Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944 // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 121–125; *Он же.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. 1946. № 1. С. 81–86; Т. 2. М.; Л., 1946 // Там же. № 10–11. С. 70–75 и др.
- 136 *Державин Н.С.* Рец. на кн.: *Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии.* Сборник статей. Под ред. З.Р. Неядлы. М., 1944 // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 78–82 и др.
- 137 *Никитин С.А.* Рец. на: «Славяне». Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. М., 1942. № 1 (июнь), № 2 (июль), №3 (август) // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 94–95; *Никитин С., Миллер И.* История Чехии. Под ред. академика В.И. Пичета. 1947 // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 108–111; *Бернштейн С.Б., Дитякин В.Т.* Рец. на кн.: *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912).* М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 132–135 и др.

ГЛАВА II

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ: БОРЬБА ТЕНДЕНЦИЙ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА И СЛАВЯНСКОГО ПАТРИОТИЗМА В ПОЛИТИКЕ РУКОВОДСТВА СССР И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НАУКЕ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ДО 1941 г.

Славяноведение как наука зародилось на рубеже XVIII–XIX вв. и в славянских землях скоро стало выразителем и пропагандистом патриотических идей национально-го возрождения, а затем, после всеобщего воодушевления поэмой словацкого поэта и мыслителя Яна Коллара «Дочь Славы» и его трактатом «О литературной взаимности между пренемами и наречиями славянскими» (1836), — и славянской идеей¹.

В России основание кафедр истории и литературы славянских наречий по новому университетскому уставу 1835 г. в четырех российских университетах также являлось своеобразным ответом властей на славянское возрождение. Министр народного просвещения граф С.С. Уваров стремился обратить новый предмет в русло пресловутой теории официальной народности². Однако первые университетские слависты в лице главы «скептической школы» М.Т. Каченовского, а затем О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, В.И. Григоровича, которые во время своих продолжительных научных командировок в славянские земли в большей степени прониклись культурной и научной идеей славянской взаимности в западнославянском варианте, активно пропагандировали её в своих публикациях, письмах и лекционных курсах (вначале достаточно свободно³, не принимая директив «триады»). Только раскрытие в 1847 г. в Киеве тайного Кирилло-Мефодиевского общества⁴, провозгласившего идеи демократической славянской федерации, и революционные события 1848–1849 гг. в Европе привели российские власти к убеждению, что славянская идея представляет определенную угрозу самодержавному режиму, и побудили их репрессивно (по отношению к некоторым славянофилам) и путем циркуляров, посланных в университеты, направить понимание славянской идеи в русло охранительной доктрины «православие, самодержавие и народность», предписывая трактовать её исходя «из начал русской народности»⁵.

Новое поколение российских славистов в восприятии славянской идеи разделилось на несколько направлений. А.Ф. Гильфердинг, В.И. Ламанский, Н.А. Попов, позднее А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский и другие развивали славянскую идею в духе славянофильства и панславизма⁶. Склонный к идеям западного либерализма А.Н. Пыпин и другие позитивисты много сделали для анализа этой идеи, не будучи сами её приверженцами⁷. Революционные демократы и народники внесли в понимание славянской идеологии социальное содержание⁸.

Поскольку накануне Первой мировой войны наибольшую активность в славяноведении проявляли сторонники первого направления, то в глазах так называемой демократической общественности эта наука стала ассоциироваться только с неославянофилами

и панславистами⁹. Пропагандирующее в основном либеральные идеи равноправного культурного и экономического сотрудничества славян неославянское («неославистское») движение во внимание не принималось¹⁰.

После победы Октябрьской революции 1917 г. большевики, руководствуясь идеями классового пролетарского интернационализма и грезой о мировой пролетарской революции, объявили настоящую войну славяноведению, считая крупных специалистов в этой области исключительно сторонниками реакционной панславистской идеологии и к тому же ярыми монархистами, скрытыми и явными врагами Советской власти (чему давала повод в том числе массовая вынужденная эмиграция славистов за рубеж)¹¹. Активно проводимые реформы университетского и вузовского образования постепенно привели к началу 1930-х гг. к закрытию многочисленных кафедр славистики¹², а «советизация» Академии наук — к ликвидации ряда славистических центров (Комиссия по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции, Славянская научная комиссия и др.)¹³.

Особенно усердствовал в этом направлении главный идеолог исторической науки в СССР, насаждавший сугубо классовое, зачастую вульгаризированное понимание исторического процесса, академик М.Н. Покровский. В статье «Панславизм на службе империализма», опубликованной в «Правде» 26 июня 1927 г., он называл съезды неославистов 1908 г. в Праге и 1910 г. в Софии «сборищами реакционеров-панславистов», которые занимались «моральной подготовкой» Первой мировой войны. «Их панславистский характер, — утверждал он, — бьет в глаза», а «панславизм всегда был чисто политическим явлением». В связи с этим первый съезд «Федерации исторических обществ Восточной Европы», созданный в 1927 г. в Варшаве при деятельном участии российских эмигрантов, Покровский «уличал» в панславистской направленности, которую нельзя скрыть «современными славянскими конгрессами, „научно“ рассуждающими о создании новых блоков»¹⁴. Тем самым он, в данном случае совершенно необоснованно, отождествлял науку с политическим феноменом — панславизмом, что в устах авторитетного советского историографа служило зловещим приговором славяноведению. Пренебрежительное отношение к данной научной дисциплине в это время зафиксировал в своих мемуарах и С.Б. Бернштейн, приведя типичное «умозаключение» своего сокурсника — «активиста» Кобецкого: «Славяноведение — это славянофильство, а славянофильство — это черносотенство»¹⁵.

В области филологии дискредитация славистики началась на почве внедрения «истинно марксистского» «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра, отрицавшего сравнительно-историческое языкознание и положение о языковых семьях, на которых базировалась мировая славистика¹⁶.

Приход к власти нацистов в Германии дал повод утверждать, что славянская филология — расистская наука, «льющая воду на мельницу фашистской идеологии». Яркой иллюстрацией этой кампании стало выступление в конце 1934 г. на заседании марковского Института языка и мышления АН СССР слависта Д.Д. Димитрова с докладом «Славянская филология на путях фашизации», затем опубликованном в журнале «Язык и мышление». (1935)¹⁷. Вероятно, выполняя «социальный заказ» «компетентных органов», он безосновательно утверждал, что славянская филология всегда органично была связана со славянофильством и как наука отстаивает «особую самобытную природу» и «вытекающую из нее мессианскую роль» «славянского типа» (вероятно, здесь подразумевалась теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, к славян-

ской филологии никакого отношения не имевшая. — М.Д.), что теоретической базой славянской филологии является «идеализм фашистского толка», что она выродилась в «самую откровенную теологию». И это при всех выдающихся успехах, сделанных европейскими славистами в межвоенный период (и ранее) в области этимологии и лексикографии (словарь М. Фасмера), фонологии (И.А. Бодуэн де Куртэне), структурной лингвистики (Пражский лингвистический кружок), диалектологии (Л. Милетич) и т.д. Но все эти принципиально новые теоретические достижения пренебрежительно оценивались автором (и академиком Н.С. Державиным)¹⁸ как формализм, эмпиризм и описательность, идеализм, иррационализм и даже поповщина (!). Общий вывод докладчика был обличающе-неутешительным: «Славянская филология на Западе плотно врастает в фашизм и этим самым теряет право на науку, ибо фашизм с его расовой теорией, как сказал... товарищ Сталин, так же далек от подлинной науки, как небо от земли»¹⁹. «Верноподданнический» доклад не спас Д.Д. Димитрова от репрессий. Его устами (ибо указанные обвинения многократно тиражировались в академической и внеакадемической среде) выносился приговор славянской филологии: она была сильно дискредитирована в общественном мнении.

Линия на свертывание славистических исследований кратковременно прервалась в 1931 г. созданием Института славяноведения АН СССР в Ленинграде, возглавленного академиком Н.С. Державиным. Он выступал за комплексное понимание предмета этой науки, но на основе классового марксистского подхода к ней, отречения от скомпрометированной славянской идеи (в облики славянофильства и панславизма) и новых «формальных» методов исследования. «Славянский мир, — утверждал Державин, — нас интересует не какою-либо своею специфической племенной изолированностью или отмежеванностью в своих культурно-исторических судьбах от прочих народов и племен мира», а общностью «процессов социального порядка» с другими народами мира, прежде всего таких, которые затрагивают «жизненные интересы трудовых масс и угнетенных национальных меньшинств»²⁰. Игнорируя специфику славянской этнокультурной общности, Державин подвергал резкой критике в вульгарно-социологизированной форме все без различия разновидности славянской идеи (славянская взаимность, славянофильство, панславизм), называя их «идеологическими пережитками феодализма» и относя к «враждебным пролетариату идеологиям», которые якобы служат буржуазии славянских стран для «мобилизации фашистских сил против рабочего класса»²¹.

Несмотря на все заверения в верности марксистской методологии и классовому подходу в анализе истории славян, на многократное публичное разоблачение «реакционной сущности» славянской идеи во всех ее проявлениях, Н.С. Державину не удалось сохранить Институт. Он был ликвидирован в 1934 г.²²

Жестокий маховик сталинских репрессий захватил и многих славистов. Одновременно с организацией Института разворачивалось так называемое «дело славистов» по сфабрикованному обвинению об их участии в мифической «Российской национальной партии». В 1934 г. следователи ОГПУ для «сущей убедительности» избрали на роль руководителей этой организации известных славистов Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева, проживавших тогда в Чехословакии. По данному делу проходили академики АН СССР В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, ученый секретарь Института славяноведения В.Н. Кораблев²³. Чудом избежал ареста сам Н.С. Державин, фамилия которого возглавляла список членов этой партии. Всем им инкриминировалась борьба «за

сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа»²⁴.

Чтобы усугубить вину фигурантов по «делу славистов», репрессивные органы специально акцентировали внимание на самых «страшных» с точки зрения тогдашней власти преступлениях — борьбе за русскую национальную идею, за сохранение православной религии и панславизме, заключавшемся в пропаганде «исключительного исторического будущего славян как единого народа»²⁵.

Таким образом, дискредитация славяноведения путем подчеркивания его неразрывной связи с «реакционной» славянской идеей шла как по линии исторических исследований (тогда прибегали к «пугалу» панславизма), так и по линии славянской филологии (тогда срабатывала «страшилка» расовой сущности фашизма и данной науки). И завершали работу всей этой слаженной идеологической машины «заплечных дел мастера» репрессивных органов.

Неудивительно, что такой массивный нажим на славяноведение в 1934 г. привел к почти полной ликвидации его организационных структур, что констатировал позднее Н.С. Державин (хотя формально постановление 1934 г. распыляло славистические центры по разным институтам)²⁶.

Казалось бы, что эта наука, так неудобная властям в силу этнонациональной специфики своего предмета, безвозвратно канула в Лету. Но в 1939 г. славяноведение неожиданно начинает возрождаться, словно «птица Феникс из пепла», правда, пока на исторической основе. Почти одновременно были созданы два центра: Сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ, оба под руководством профессора В.И. Пичеты.

Какие же объективные и субъективные факторы способствовали возрождению отечественной славистики, постоянно вынужденной лавировать между Сциллой и Харибдой классовой идеологии пролетарского интернационализма и национально-патриотической славянской идеей?

Выделим и охарактеризуем каждый из них.

1. Угроза начала Второй мировой войны и полного уничтожения славянских народов в Европе. Напряженный поиск союзников на международной арене. Необходимость развертывания борьбы с расистской фашистской идеологией (свернутой, однако, после заключения советско-германского пакта о ненападении в 1939 г.).

2. Изменения во внутренней национальной политике в сторону государственного патриотизма.

3. Тенденция к подъему престижа исторического образования и науки вообще. Утверждение марксизма через декларативное отречение от «вульгарного социологизирования» в истории и литературоведении и позиционирование марксизма в качестве такового в языкознании.

4. Неоспоримые успехи зарубежной славистики при активном включении в нее российских ученых-эмигрантов. Соображения престижа советской науки.

5. Титанические усилия ведущих советских славистов по возрождению славяноведения в СССР.

Приход к власти Гитлера в Германии создал реальную угрозу не только для возникновения Второй мировой войны, но и программного уничтожения всех «расово-полноценных» народов — как евреев, цыган, так и славян. Гитлер никогда не скрывал своих захватнических планов по отношению к России, и советскому руководству они

были хорошо известны. Еще в 1925 г. в книге «Mein Kampf» («Моя борьба») фашистский вождь откровенно писал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор, в первую очередь, к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное государство на Востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится самым веским подтверждением правильности расовой теории». В отношении к славянам наиболее ярко выявилась идеология нацизма: «Немцы — раса господ, славяне — масса рабов... Если мы хотим создать нашу великую Германскую империю, мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы: русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов... Главная цель: уничтожить массы славян, часть онемечить, а остатки превратить в рабов»²⁷. И далее: «Славянская человеческая масса, как расовый отброс, недостойна владеть своими землями, они должны отойти в руки германских солдат, а славяне — собственники земель — превращены в безземельных пролетариев». Более того, Гитлер планировал уничтожить генофонд славянских народов, остановить их рождаемость: «Всеми средствами я пресеку плодовитость славян..., размножающихся, как насекомые»²⁸.

Сталину, безусловно, было хорошо известно общее содержание «фашистской Библии» и её антирусской и антиславянской направленность, откровенно начавшая претворяться в жизнь в агрессивной внешней политике Германии, прежде всего, в отношении к славянской стране — Чехословакии. (Не случайно, что и спровоцированное нападение на Польшу послужило началом новой мировой войны.)

Определенным откликом на «откровения» Гитлера и его подручных можно рассматривать выступление И.В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. В отчетном докладе о работе ЦК он рассуждал о возможных вариантах будущей войны. Одним из таких вариантов была, по его мнению, выдвигавшаяся «западными политиками» (под которыми, безусловно, подразумевался Гитлер) идея развязывания войны «высшей расы» против «низшей расы» — «прежде всего, против славян ... только такая война может дать выход из положения, так как „высшая раса“ призвана оплодотворить „низшую“ и властвовать над ней»²⁹.

Сталин выразил глубокое убеждение в том, что «фашистско-литературных политиков в Берлине» в случае развязывания подобной войны «высшей германской» с «низшей славянской» расой ждет столь же печальный конец и жестокое поражение, какое некогда понес «старый Рим», высокомерно рассматривавший «предков нынешних германцев и французов» как «варваров». «Важно то, — говорил он, — что неримляне, т.е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»³⁰.

Это высказывание Сталина можно считать определенным намеком на возможность объединения славянских народов перед лицом фашистской угрозы в некий союз как важного фактора международной политики в межвоенной Европе. Определенным шагом в этом направлении стал заключенный в 1935 г. договор между СССР и Чехословакией о гарантиях безопасности, который можно воспринимать как одно из звеньев будущего союза. Однако с другими славянскими странами, в которых установились в какой-то мере «профашистские», монархические (Болгария, Югославия) или авторитарные, враждебные СССР (Польша) режимы, заключать подобные соглашения оказалось невозможно.

Не следует забывать, что во внешней политике СССР первоначально руководствовался отнюдь не славянскими или национально-патриотическими, а коминтерновскими

ми, интернационально-классовыми установками. Однако и здесь происходили серьезные метаморфозы. Как известно, Советское государство создавалось с перспективой на «раздувание пожара» мировой пролетарской революции. С этой целью в СССР был сформирован в 1919 г. Коммунистический интернационал, целью которого провозглашалось выполнение этой главной задачи коммунистического движения. Однако попытки установления Советской власти в ряде стран Европы окончились провалом. Коминтерн мог стать важным инструментом создания широкого антифашистского фронта в Европе, однако, грубые стратегические просчеты Сталина, отвергавшего союз с социал-демократами (упорно называемыми им «социал-фашистами»), в конечном итоге способствовали победе Гитлера на выборах в Германии. Все же на VII конгрессе Коминтерна в 1937 г. курс на создание такого фронта (без социал-демократов) был провозглашен, прочно войдя в арсенал партпропаганды. Он продолжал муссироваться средствами массовой информации вплоть до заключения пакта Молотова — Риббентропа в августе 1939 г., приведшего к определенному свертыванию антифашистской кампании и деятельности Коминтерна как международной организации³¹.

Под патронатом Коминтерна работал ряд научных учреждений (например, Институт красной профессуры), коммунисты-политэмигранты в СССР активно включились и инициировали изучение истории рабочего и социалистического движения, в том числе и в славянских странах, издавали сборники важных исторических документов по новейшей истории, внося определенный вклад в советское славяноведение³². Однако жестокие сталинские репрессии и «чистки», обрушившиеся в 1937–1938 гг. и на компартии славянских стран (была распущена Компартия Польши, большие потери понесли Компартии Болгарии и Чехословакии)³³, минимизировали их усилия.

По этой же причине Коминтерн не смог успешно взять на себя выполнение некоторых внешнеполитических функций, таких, например, как «возбуждение симпатий» к СССР, «первому государству победившего пролетариата» (путем влияния коммунистических партий на определенные слои населения и нажима на правительства своих стран), так как «буржуазные» правительства стран Европы не торопились заключать дипломатические отношения с опасным коммунистическим соседом.

Важное значение в «прокоминтерновской» трактовке международной обстановки в канун Второй мировой войны имел сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», изданный Институтом истории АН СССР в 1939 г. (подписан к печати 20 февраля). В нем отразились многие идеологические постулаты того времени — курс на мировую пролетарскую революцию, создание единого фронта борьбы с фашизмом, прямые предупреждения об устремлениях гитлеровской Германии развязать войну против СССР и о солидарности трудящихся с «самым передовым и прогрессивным государством» в мире.

Задачи сборника прямо определялись строками из резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала: «Коммунисты должны всемерно бороться с фальсификацией истории народа, делая всё, чтобы исторически правильно, в подлинно ленинско-сталинском духе, освещать перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с революционными традициями прошлого»³⁴.

В сборнике устами тогдашнего руководителя Коминтерна Г. Димитрова давалась жесткая оценка фашизма: «Внешняя и внутренняя политика фашизма — это политика наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»³⁵.

В этой характеристике не делалось особых различий между гитлеровской Германией и странами западных демократий. Все они относились к одному империалистическому лагерю, различаясь лишь в степени реакционности. Примечательно, что в сборнике прозвучало будущее определение Второй мировой войны, которое дал ей Сталин уже после заключения пакта с Германией и начала военных действий: «Фашизм начал (до сентября 1939 г.! — М.Д.) вторую империалистическую бойню за передел мира и подготавливает крестовый поход против Советского Союза, являющегося оплотом всех сил, борющихся за мир»³⁶.

В этом сугубо классовом подходе с позиций пролетарского интернационализма, разумеется, не находилось места идее солидарности и объединения славянских народов перед угрозой фашизма, да и сам славянский материал был представлен в сборнике весьма скромно — в статьях Н.П. Грацианского «Немецкий „Drang nach Osten“ в фашистской историографии», У.А. Шустера и М.В. Джервиса «Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии» и отчасти в статье Ф.И. Нотовича «Фашистская историография о „виновниках“ мировой войны». Абстрагируясь от общего содержания статей, рассмотрим весьма своеобразную интерпретацию славянской идеи.

Ф.И. Нотович в упомянутой статье выразил возмущение тем, что в целях организации и подготовки войны против СССР в Германии в пропагандистских целях используется «идейный багаж пангерманской и фашистской историографии о „невиновности“ Германии в мировой войне: её критика Версальского договора, лживое и демагогическое уподобление русского большевизма панславизму, а последовательной советской политики мира — „красному империализму“»³⁷. В разъяснение этого вывода Нотович приводит высказывание немецкого историка Г. Ульмана, утверждавшего, что «советская политика поддержки малых народов и государств является политикой „красного империализма“ и ...продолжением старой русской панславистской политики, которая сейчас, как и в прошлом, угрожает Германии и всей Европе»³⁸.

Автор не увидел в подобных установках и намек на возможность антифашистской солидарности славянских народов, которым грозило повальное истребление в случае победы нацистской Германии. Он выразил сугубо отрицательное отношение к панславизму как таковому. Его возмутил сам факт того, как мог осмелиться фашистский историк увидеть в «светлом» образе советской внешней политики большевиков проявления «красного империализма» и тем более панславизма. Он писал: «Руководители „Третьей империи“ прекрасно знают, что в Европе имеется одна реальная и непримиримая сила, которая не пойдет ни на какие уступки германскому фашизму и ни на какой сговор с ним за счет интересов других народов (выделено нами. — М.Д.). Они знают, что все демократические народы, свободе и независимости которых угрожает германский фашизм, смотрят на Советский Союз как на свою опору, как на организующую и объединяющую силу в борьбе против фашистской агрессии»³⁹. Заключение советско-германского пакта о ненападении через несколько месяцев после выхода книги показало, сколь зыбка была эта опора⁴⁰.

В статье У.А. Шустера и М.В. Джервиса выражалась озабоченность состоянием современной польской историографии, идущей, по мнению авторов, на сближение с фашистской Германией ради оправдания заключенного между ней и Польшей пакта о ненападении. Они обратили внимание на разительное отличие взглядов польских историков, высказанных на IV Общепольском конгрессе историков 1925 г. в Познани и VI — 1935 г. в Вильно (Вильнюсе). На первом из них, происходившем в период наибольшего обостре-

ния отношений между Веймарской Германией и «кулацко-капиталистическо-пястовско-эндековской» Польшей, польские историки сознавали опасность ревизионистских устремлений послевоенной Германии для государственной неприкосновенности межвоенной Польши и не случайно созвали съезд на западной, некогда захваченной Пруссией окраине Польши, посвятив его 900-летию со дня смерти Болеслава Храброго, прославившегося своим стойким отпором притязаниям немецких феодалов⁴¹.

Напротив, устроители VI съезда в Вильно избрали символом своего форума Болеслава Кривоустого (по случаю 800-летия посещения им имперского города Марбурга), который, как считалось, «умел поддерживать со средневековыми германскими императорами видимость добрососедских отношений»⁴². Об опасности, угрожающей западным границам Польши, по мнению авторов статьи, было забыто. Наоборот, развивалась идея «благостности» Унии для Польши и Литвы и правомерности «неурезанных притязаний Польши на принадлежащие некогда Литве украинские и белорусские земли, в границах даже не 1772, а так, примерно, 1643 г.»⁴³.

На основе анализа работ тогдашних польских историков авторы статьи пришли к неутешительному выводу о том, что стремление правящих кругов Польши к «унификации» польской научно-исторической мысли «вокруг реакционнейших лозунгов внутренней и внешней политики» ее властей ведет к «моральному разоружению» польских историков перед фашистскими германскими «коллегами»⁴⁴.

В этом контексте от внимания Шустера и Джервиса не укрылся тот факт, что не все польские историки выступали тогда в фарватере прогерманской политики польских властей, напротив, некоторые из них искали ей разумную альтернативу. Так, авторитетный польский историк Сигизмунд Войцеховский в книге «Мысли о национальной политике и национальном государстве» (Познань, 1935) предлагал противопоставить выдвигаемой фашистами идее «общенемецкого единства» — «славянскую идею». «Немецкую программу, — отмечал он, — можно, однако, опрокинуть самым эффективным образом, действуя тем же оружием, т.е. выдвигая славянскую программу»⁴⁵.

Авторы статьи не нашли в этом предложении Войцеховского никакого антифашистского подтекста — с помощью испытанной временем «славянской идеи» попытаться объединить славянские народы (разумеется, без СССР) для отпора германской агрессии. Напротив, они стремились всячески дискредитировать эту идею, утверждая, что «реакционная утопичность и империалистическая сущность этого проекта совершенно очевидны». Более того, это свидетельствует, по их мнению, «о полной растерянности автора и тех кругов польского общества, которые готовы ухватиться за такую идею»⁴⁶.

Итак, содержание этого принципиально важного в советской историографии «прокоминтерновского» сборника наглядно свидетельствовало о том, что славянский материал здесь преподносился в классовом ключе антифашистской пропаганды, в которой в то время не было и намека на самостоятельное значение в борьбе против нацизма славянского фактора и славянской идеологии⁴⁷. Если бы подобная тенденция в исторической науке развивалась и далее, то у славяноведения практически не было бы шансов на возрождение и автономное развитие.

Если по линии Коминтерна «славянский вопрос» неизбежно заходил в тупик, то во внешней политике СССР намечались определенные подвижки. В 1935 г. был заключен договор с Чехословакией о гарантиях безопасности. СССР выступил в числе тех немногих государств, которые резко осудили (вплоть до готовности оказания военной

помощи) предательский Мюнхенский договор 1938 г., ведущий к расчленению, потом и оккупации этого государства⁴⁸. Примерно в это же время в ЦК ВКП(б) серьезно обсуждалась обнаруженная В.В. Марьиной в фонде А.А. Жданова (в РГАСПИ) записка некоего В.П. Золотова «О некоторых вопросах нашей внешней политики», в которой существовал специальный раздел «О славянском вопросе». Здесь впервые славянские народы рассматривались как потенциальные союзники СССР в неизбежной войне с империалистическими государствами, причем его главным врагом объявлялась не фашистская Германия, а Великобритания. В записке утверждалось: «*Большое заброшенное нами поле возможностей по выращиванию и добыванию себе союзников открывает наше обращение к славянам Европы*» (здесь и далее выделенное курсивом подчеркнуто синим «сталинским» карандашом в документе. — В.М.). Необходимо «*активно вмешиваться в борьбу империалистов на Балканах и, взяв на себя инициативу объединения славянских государств, создать преграду для германского и английского проникновения на Балканский полуостров*»⁴⁹. Сама идея создания системы союзов славянских государств вокруг СССР при существующих в них враждебных ему режимах в то время была весьма проблематична, но перспективна с учетом неизбежной войны с фашистской Германией. Но В.П. Золотов не рассматривал её как главного противника. К тому же осталось неясным, в какой форме и на какой идейной основе такой союз мог возникнуть — он отвергал как «идеи панславизма и славянской федерации Михаила Бакунина», так и «православно-славянские идеи Константина Аксакова»⁵⁰. Правящие круги тогдашних славянских стран явно не могли привлечь идеи пролетарского интернационализма. Вряд ли нашло бы у них сочувствие и понимание участие СССР в «имперских разборках» Англии и Германии на Балканах.

Таким образом, записка В.П. Золотова представляет интерес лишь тем, что обратила внимание советского руководства на славян как потенциальных союзников СССР в перспективе грядущей войны, однако, детализация проблемы этой перспективе противоречила. Но она в одном из ключевых тезисов соответствовала курсу на заключение пакта Молотова — Риббентропа. В.В. Марьяна даже полагает, что, возможно, если судить по статье А.А. Жданова в газете «Правда» 29 июня 1939 г., идея конфронтации с Великобританией при использовании Третьего рейха, была заимствована именно оттуда⁵¹.

Записка В.П. Золотова косвенно свидетельствовала о том, что в СССР в 1930-е годы набирала силу национально-патриотическая тенденция, создававшая почву для принятия решения и о возрождении славяноведения. Это связано с тем, что после очевидного краха идеи мировой пролетарской революции был взят курс на построение социализма «в одной отдельно взятой стране», который вынуждал партийные власти к скрытому до времени от общественности отступлению от идей «истинного интернационализма» на позиции государственного патриотизма и «национального большевизма». Сталинское руководство приступило к строительству традиционного государства со всеми его патриотическими атрибутами, что, несомненно, свидетельствовало о признании им значимости национального фактора и титульной нации — русского народа в истории. Именно тогда вспомнили о настоящей необходимости «правильной» трактовки отечественного прошлого и важности для общественного сознания формирования положительных образов национальных героев⁵².

Наиболее ярко это проявилось в середине 1930-х годов в полемике «космополитов» бухаринских «Известий» с «патриотами» сталинской «Правды» по поводу трак-

товки отечественной истории и роли русского народа⁵³. Опровергая Н.И. Бухарина, «Правда» 30 января 1936 г. писала: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции „обломовщина была самой универсальной чертой характера“, а русский народ был „нацией Обломовых“. Народ, который дал таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человеческих, как Ленин и Сталин»⁵⁴. В результате начатой ранее кампании было принято принципиально важное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», опубликованное в «Правде» 16 мая 1934 г. В нем говорилось: «Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме... учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»⁵⁵.

Для исправления ситуации предписывалось принятие ряда мер, прежде всего, написание новых учебников, а также восстановление с 1 сентября 1934 г. исторических факультетов в МГУ и ЛГУ.

27 января 1936 г. в газетах публиковалось другое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР — о создании под руководством А.А. Жданова особой комиссии «для просмотра, улучшения, а в некоторых случаях для переделки уже написанных учебников по истории». 8 августа того же года советскую общественность ознакомили с «Замечаниями» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебников по истории СССР. В передовице «Правды» разъяснялось, что эти документы призваны нацелить историков на борьбу с «антиленинскими традициями школы Покровского и в методе и в конкретной картине русской истории», против присущих этой школе «полуменьшевистских, полудентристских идей и троцкистской контрабанды»⁵⁶.

Школе М.Н. Покровского действительно были присущи признаки «детской болезни левизны» в марксистской трактовке истории: вульгарное социологизирование, приоритетное освещение новейшей отечественной истории и пренебрежение к древней, нигилизм в отношении к русской культуре, роли личности в истории, абсолютизация значения классовой борьбы в историческом процессе, негативное отношение к дореволюционной историографии⁵⁷. Кроме того, в трактовке национальных отношений в России бичевалось русское самодержавие, его колониальная политика и превозносились «национально-освободительные движения» окраин империи. Культивировалось отрицательное отношение к славяноведению.

Идейный разгром «школы Покровского» завершился изданием двухтомного сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М., Л., 1939. Ч. 1); «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М., 1940. Ч. 2). Примечательно, что к участию в сборнике были привлечены крупные отечественные историки, ранее обвинявшиеся в «великорусском национализме» и патриотизме и потому за немногим исключением не избежавшие репрессий: С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и др. Одним из авторов этого сборника, отчасти освещавших славянский аспект взглядов Покровского, являлся и славист В.И. Пичета.

Если ликвидация школы М.Н. Покровского и курс на государственный патриотизм принесли определенные позитивные плоды в деле возрождения славяноведения в стране, то другие мероприятия в сфере национальной политики явно тормозили этот процесс. Определенное возвеличивание роли русского народа как государство-

бразующей нации, проявленное в новых учебниках, не спасло лучших представителей советской интеллигенции от массовых репрессий. Начались и этнические чистки. В СССР существовало довольно много национальных районов и школ, клубов, газет на национальных языках, представлявших интересы этнических меньшинств. Такой автономией пользовались и славянские народы, проживающие в СССР: болгары, поляки, чехи, сербы. Существовал Коммунистический университет национальных меньшинств и др. Эти учреждения по-своему подпитывали славистику, ибо для подготовки преподавателей школ, издания газет, клубной работы нужны были специалисты-слависты. Все они, однако, были постепенно расформированы к началу 1939 г.⁵⁸ Ликвидация национальных центров сказалась, например, на судьбе молодого тогда слависта С.Б. Бернштейна, вынужденного перебраться после закрытия руководимой им кафедры болгарского языка и литературы в Одесском пединституте в Москву.

Итак, внутренняя национальная и внешняя политика СССР противоречиво сочетала в себе элементы, которые могли способствовать возрождению и развитию отечественного славяноведения, в то же время имелось много сопутствующих моментов, тормозивших этот процесс. Не хватало духовной силы, своего рода «живой воды», способной оживить по существу мертвое тогда тело славистики, чтобы она могла восстать, как «птица Феникс из пепла». В качестве такой жизненной силы выступил субъективный фактор — усилия немногих авторитетных славистов, чудом избежавших репрессий или уже успевших побывать в тюрьмах и отбывших ссылку, — Н.С. Державина, В.И. Пичеты, Б.Д. Грекова, А.Д. Удальцова, всегда сознававших научную важность и политическую актуальность своей научной отрасли.

Но прежде чем перейти к этой теме, необходимо кратко осветить успехи развития славяноведения за рубежом, которые подразумевали отечественные слависты, аргументируя необходимость возрождения славистики в СССР. Фактор «соревновательности» и престижа советской науки сыграл здесь далеко не последнюю роль.

После окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской, Российской и Германской империй в Европе образовался ряд независимых славянских государств — Чехословакия, Польша, Болгария, а затем Югославия. В каждом из них в приоритетном порядке поощрялось развитие славяноведения, понимаемого как средоточие национально-культурных ценностей и исторической памяти предков. Славистические дисциплины преподавались в университетах Праги, Брно, Братиславы, Варшавы, Кракова, Белграда, Загреба, Любляны, Софии и др. В межвоенный период раскрылся творческий талант и издавались труды выдающихся филологов и историков-славистов: Л. Нидерле, М. Мурко, Б. Гавранека, Я. Бидло, Й. Паты, М. Вейнгарта, Ф. Вольмана, А. Белича, В. Златарского, Л. Милетича, С. Романского, М. Фасмера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А. Брюкнера, В. Дорошевского, Е. Куриловича, Т. Лер-Сплавинского, М. Малецкого и др.⁵⁹

Успешное развитие славистики в этих странах, безусловно, стимулировал фактор существования и деятельности российской эмиграции. В начале 1920-х годов многие русские слависты, не принявшие новые порядки в России, покинули ее и обосновались в европейских научных центрах. Преодолевая многие трудности, они сумели в короткий срок не только включиться в работу университетов славянских стран, но и выпускать научные труды, создать собственные научные и культурные учреждения. Были основаны Русские институты и другие научные и культурные центры в Варшаве, Софии, Белграде, Берлине, но особенно много подобных центров появилось в Праге, при поддержке чехословацкого правительства, проводившего широкую «русскую ак-

цию» помощи эмигрантам. Здесь успешно работали Русский народный (свободный) университет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив, Русский культурно-исторический музей и др., а также аналогичные украинские учреждения. Особые заслуги в области славяноведения принадлежат известным российским ученым В.А. Францеву, А.В. Флоровскому, Н.П. Кондакову, В.А. Погорелову, Е.Ю. Перфецкому, А.Л. Бему, М.В. Шахматову, Н.С. Трубецкому, П.Н. Савицкому, Д.Н. Вергуну, Е.А. Ляцкому, Р.О. Якобсону, Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтеру, Ю.А. Яворскому, С.И. Карцевскому, С.М. Кульбакину, А.Л. Погодину, В.А. Мошину и др. Большинство из названных ученых жили и работали в Чехословакии⁶⁰. Не случайно поэтому Прага претендовала тогда на лидерство в мировой славистике. Здесь в 1928 г. начал работу Славянский институт, привлекая к сотрудничеству и ученых-эмигрантов. Именно в столице Чехословакии был проведен первый съезд славянских филологов в 1929 г., положивший начало последующим регулярным съездам славистов (второй состоялся в Варшаве в 1934 г.). В Праге проводились и другие славянские форумы: съезды русских ученых (1921, 1922, 1924), съезд славянских географов и этнографов (1924), второй съезд «Федерации исторических обществ Восточной Европы» (1932) (первый состоялся в Варшаве в 1927 г.) и др.⁶¹.

Таким образом, в отличие от СССР, где славистика в 1920–1930-е гг. всячески подавлялась, в независимых славянских странах она явно находилась на подъеме. И это наглядно видели советские слависты по выходящей литературе и благодаря личным контактам с коллегами во время немногочисленных служебных командировок и редкому участию в конференциях (такие командировки в Прагу имели, например, Е.Ф. Карский в 1924 г., В.И. Пичета в 1925 г., Н.С. Державин в 1929 и 1933 гг. и др.)⁶². Не случайно, что аргументация о восстановлении престижа советской науки в области славяноведения стала доминирующей в борьбе за возрождение этой области знания в нашей стране.

Первым попытку реабилитации славистики предпринял академик Н.С. Державин, начав «атаку» на власти с самого «верха». Уже через год после закрытия Института славяноведения он, стремясь оправдаться по многим обвинениям, связанным с «делом славистов», обратился прямо к Сталину (письмо от 14 ноября 1935 г.), сервильно напомнив о славной революционной деятельности вождя в Закавказье. Он, видимо, побоялся тогда прямо поставить вопрос о необходимости возрождения славяноведения и постарался только создать у властей впечатление об опрометчивости игнорирования этой науки, задев «болезненную тему» — существование российской эмиграции: «Теперь белогвардейская сволочь на Западе может торжествовать свою победу: славяноведение в СССР не существует, Советская власть не интересуется славянскими народами, их жизнью, их культурой, историей, их революционной борьбой за свое раскрепощение!»⁶³. Далее можно было ожидать опровергающего пассажа с акцентом на необходимость возобновления славистических исследований. Но Державин счел более безопасным обратиться к положительному прошлому опыту, к тому же подчеркивавшему его личные заслуги, попутно разоблачая при этом происки «врагов народа»: «Это, конечно, наглая ложь, но, что так блестяще и неожиданно для Запада было опровергнуто академиком Державиным созданием академического Института славяноведения, было во всяком случае разрушено троцкистско-зиновьевской бандой»⁶⁴.

Следует отметить, что такую аргументацию Державин избрал не случайно. Вопрос о научном престиже СССР и первенстве в науке, даже в дискредитируемом славяноведении, всегда чувствительно задевал и партийное и научное руководство, которое,

например, в свое время в одном лице совмещал академик М.Н. Покровский. Побывав в августе 1928 г. на VI Международном конгрессе историков в Осло, он, главный «гонитель» славяноведения⁶⁵, писал: «Мы могли бы, несомненно, при немного большей бойкости и предприимчивости с нашей стороны организовать этих славянских историков около себя... Сейчас, несомненно, происходит борьба за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой. И, несомненно, есть элементы в Югославии и Болгарии, которые больше тяготеют к Москве, нежели к Праге и Варшаве»⁶⁶. Об этом «соперничестве» также неоднократно писал и Н.С. Державин⁶⁷.

В 1937 г. советский академик обратился к вице-президенту АН СССР Г.М. Кржижановскому с предложением о рационализации структуры учреждений Академии, подчеркивая необходимость воссоздания в ней славистических центров в институтах как исторического, так и филологического профиля⁶⁸. При этом он по-прежнему исходил из комплексного понимания предмета славяноведения.

Не получив ожидаемого ответа, Н.С. Державин в 1938 г. повторил попытку, отправив 23 мая 1938 г. письмо и докладную записку к тогдашнему президенту Академии наук В.Л. Комарову. Он снова предлагал создать славистические центры в академических институтах, обращая внимание на то, что изучение зарубежных славян «находится буквально в пренебрежении и загоне и лишено элементарных условий для своего развития»⁶⁹. Академик фактически повторил аргументацию, высказанную в письме Сталину, выстроив ее теперь в логической перспективе и связав актуальность предложений с опровержением «клеветнических измышлений» эмиграции и угрозой фашизма: «Максимальной активизацией своих славяноведных изучений мы могли бы сыграть большую культурную роль в международном масштабе и оказать свое противодействие злостной агитации русских белоэмигрантских кругов, состоящих на службе фашизма, доказывающих, что Советский Союз не интересуется славянами, что представляет собою наглую клевету на Советский Союз и советскую науку»⁷⁰. Державин в духе времени утверждал, что фактическая ликвидация славяноведения — результат происков «врагов народа». Их разоблачение должно помочь реабилитации славистики. Ни панславизм, ни формализм, якобы присущие этой науке, здесь не акцентировались.

Не получив поддержки от академического начальства, неутомимый Державин снова обратился к партийному руководству страны. 23 июля 1938 г. он направил докладную записку «О положении славяноведения в Советском Союзе» председателю СНК СССР В.М. Молотову. В преддверии Мюнхенского стовора и нависшей угрозы потери независимости Чехословакии ученый несколько изменил аргументацию. Он указал, что советская наука может реально помочь СССР воздействовать на славянские страны и содействовать их объединению вокруг Советского Союза для отпора фашистской агрессии. Упадок славяноведения ученый вновь объяснял в духе времени злонамеренными происками «врагов народа». Он, в частности, писал: «Непримиримый нажим на наше славяноведение со стороны врагов народа дело немецко-фашистской агентуры, с тем, чтобы убраться с дороги наступающего на славянские страны фашизма такую серьезную препопу, как идеологическое влияние на широкую славянскую демократическую общественность, хотя бы и через науку, обаяния Советского Союза»⁷¹.

Обращения Н.С. Державина к партийному и академическому руководству страны долго не приносило желаемого результата. Он предлагал комплексное возрождение славяноведения в стране, но все же преимущественно на филологической основе (хотя планировал организовать Кабинет славянских народов в Институте истории и Сектор

славянских древностей в Институте истории материальной культуры, Кабинет славянской этнографии в Институте этнографии)⁷².

Но все же постепенно ситуация начала меняться. 23 января 1939 г. Н.С. Державин писал С.Б. Бернштейну: «Положение на нашем славяноведном фронте улучшается, и по окончании выборов новых академиков, чем у нас занят почти весь январь, мы будем иметь: Сектор истории славянских народов в Институте истории и Сектор истории славянских литератур в Институте литературы. Кроме того, как Вы, наверное, знаете, в Институте языка и мышления у нас работает группа славянских языков. В прошлом году я предпринял в этом смысле целый ряд шагов, вплоть до специального доклада В.М. Молотову о катастрофическом положении у нас славяноведения и о необходимости принятия энергичных и срочных мер к восстановлению славяноведения в СССР, разгромленного в Акад[емии] наук бандитами троцкистско-бухаринской банды при попустительстве непрременных секретарей, Волгина и его преемника Горбунова. Преемственно их тактику по отношению к славяноведению продолжал вести до последнего времени Деборин, но и эту последнюю преграду мне удалось сломить. Написанное недавно на эту же тему мое письмо на имя редакции „Историка-марксиста“, в котором я настаиваю на возрождении у нас славяноведения и на его постановке до такой высоты, чтобы СССР стал мировым центром славяноведения, доведено редактором „Историка-марксиста“ тов. Ярославским до сведения тов. Сталина и Жданова. Таким образом, сейчас мы стоим перед открытием широчайших возможностей развития славяноведных изучений в СССР. Я не настаивал на восстановлении Института славяноведения, разгромленного, как сейчас уже выяснено с полной очевидностью, врагами народа, потому, что у нас нет сейчас для организации объединенного Института достаточного количества сил, и потому предпочел говорить о создании в соответствующих Институтах соответственных секторов. Я предполагаю, что в Инст[итуте] языка и мышления найдется место и для Вас, если не для постоянной работы, на первых порах, то, по крайней мере, для периодических наездов и докладов, оплачиваемых Институтом»⁷³.

В письме тому же адресату от 16 февраля 1939 г. он добавлял: «О восстановлении Института славяноведения сейчас не может быть и речи, ввиду отсутствия необходимых кадров. Сейчас идет речь о расширении Сектора славянских языков в ИЯМ; Сектор истории славянских народов в Инст[итуте] истории уже утвержден Президиумом»⁷⁴. Сейчас мы ждем утверждения Сектора истории славянских литератур — в Инст[итуте] литературы. Если эти три организации получают в АН необходимое оформление, можно будет работать»⁷⁵.

Эти документы ясно свидетельствуют о том, что письмо к Молотову и другие усилия Державина, наконец, возымели отклик у партийных властей и затем получили одобрение в Президиуме АН СССР. Однако удалось реализовать в действительности только возрождение исторической славистики. Встает неизбежный вопрос: почему так произошло?

Причин здесь, видимо, несколько. Историческая наука к концу 1930-х годов уже прочно «встала на рельсы» марксизма-ленинизма (большинство же филологов марксизм как выражение «истинного марксизма в языкознании» не принимало) и всегда была более идеологически «управляема», охотно выполняла «социальный заказ» властей. Славянская филология носила клеймо «пособницы фашизма», и в период борьбы СССР за создание антифашистской коалиции возрождение науки, носившей такое убийственное клеймо, было невозможно. Не исключено также, что историки

В.И. Пичета, Б.Д. Греков, А.Д. Удальцов, также борющиеся за возрождение исторической части славяноведения, пользовались большим авторитетом и доверием у властей, чем Н.С. Державин.

К сожалению, наши усилия найти в архивах докладные записки историков в высшие инстанции не увенчались успехом. Многие фонды бывших партийных архивов оказались закрыты для исследователей. Но такие документы, безусловно, были, и они попали в подготовленную Н.С. Державиным и В.П. Золотовым почву. Из неопубликованной статьи Б.М. Руколь, хранящейся в нашем личном архиве, известно только, что существовала составленная в 1939 г. «Записка о развитии славяноведения в СССР», написанная руководством Института истории (которая находилась не в уничтоженном в начале 1970-х годов фонде Сектора славяноведения в архиве Института славяноведения АН СССР, как предполагала автор статьи, а в личном архиве секретаря названного Сектора А.К. Целовальниковой). В ней указывалось на «целесообразность и необходимость поднять эту отрасль знания именно в нашей стране, в центре развития единственно научной исторической мысли, своей политикой привлекающей симпатии всех прогрессивных слоев славянских стран». К сожалению, Б.М. Руколь ограничилась в своей статье только небольшой выдержкой из этого важного документа. Но и она свидетельствует о том, что сугубо научный аргумент о том, что СССР должен иметь приоритет во всех областях знания по сравнению с «буржуазной» наукой и быть полпредом утверждения в ней марксистских идей, получал политическое звучание и мог задать «чувствительные струны» сталинского патриотизма.

Таким образом, внешнеполитические и национально-патриотические факторы во всей их порой взаимоисключающей противоречивости, хотя и создавали необходимый фоновый контекст для принятия решений по возрождению славяноведения, но, несомненно, решающее слово было за субъективным фактором — поистине титаническими усилиями ведущих советских славистов, даже под угрозой репрессий пытавшихся убедить партийное руководство страны в необходимости развития этой важной гуманитарной науки. И убедили его окончательно, видимо, не столько интересы внешней и внутренней политики, а патриотические соображения подъема национального престижа науки.

Решения по возрождению историко-славистических центров были приняты в первую очередь, ибо именно здесь на марксистской основе могла вестись необходимая властям целенаправленная пропаганда. Что касается возрождения славянской филологии, то на реализацию этого шага и реабилитацию этой науки тогда, видимо, лишь немного не хватило времени, ибо заключение пакта Молотова–Риббентропа в августе 1939 г. серьезно затормозило этот процесс. Ведь славянская филология, несмотря на несостоятельные обвинения в «пособничестве фашизму», несла мощный заряд обоснования славянской солидарности (сознания духовно-культурной общности), который теперь приглушался из-за возможных обвинений в панславизме. Думается, что и решения по возрождению исторической славистики после заключения пакта вряд ли бы состоялись, ибо договор беспринципно (хотя и вынужденно из-за провокационной политики Англии и Франции)⁷⁶ заключался с «исконным» врагом славян, к тому же обвиняющим их в «расовой неполноценности».

Не случайно, что одними из первых шагов «легализованных» отечественных историков-славистов стало решительное публичное отмежевание славяноведения от «реакционного» панславизма. На заседании Ученого совета Института истории АН

СССР 23 июня 1939 г. было принято решение о написании «программных» статей ведущими сотрудниками Сектора славяноведения З.Р. Неедлы и В.И. Пичетой с изложением позиции по этому вопросу советских историков⁷⁷. И такие статьи действительно были опубликованы в журнале «Историк-марксист» в первой половине 1941 г.

Но еще ранее, не исключено, что при каком-то прямом или косвенном участии тех же авторов и, вероятнее всего, специалиста по истории славянской идеологии С.А. Никитина, журнал «Большевик» в мае 1940 г. опубликовал историческую справку «О панславизме». Поводом для нее послужили события, связанные с присоединением к СССР западных украинских и белорусских земель по секретному протоколу, приложенному к пакту Молотова–Риббентропа⁷⁸. Эта «аннексия», начатая 17 сентября 1939 г., спровоцировала, поднятую в английской и французской прессе политическую кампанию по обвинению большевиков в переходе «советской внешней политики на рельсы панславизма». 10 мая 1940 г. в центральных газетах появилось сообщение ТАСС, опровергающее подобные «лживые слухи» «продажных» капиталистических репортеров⁷⁹.

Авторы справки проявили осведомленность в вопросе о развитии славянской идеи в Польше, Австрийской империи и России начиная с XVIII в. Но панславизм, невзирая на все его модификации («славянская взаимность», славянофильство, австрославизм, неославизм и пр.)⁸⁰, упрощенно трактовался здесь только как «политическое объединение славян под эгидой России» и, соответственно, представлялся в аспектах внешней и внутренней политики как «течение насквозь реакционное». В области внешней политики «идеи русского панславизма», по категоричному мнению авторов справки, «служили интересам царизма и русской буржуазии в их захватнической политике на Балканах»⁸¹. Тем самым начисто игнорировалась национально-освободительная миссия России в этом регионе.

Совершенно необоснованно панславизм, всегда направленный на внешнее объединение славян, отождествлялся с политикой русификации окраин империи и панрусизмом. «В области внутренней политики, — говорилось в справке, — русский панславизм означал подавление и удушение таких национальностей, как украинцы, белорусы, поляки и т.д., свирепую русификацию»⁸². Соответственно, «национальная политика СССР, обеспечивающая полное политическое, экономическое и культурное равенство и всестороннее развитие всех народов Советского Союза независимо от их расового происхождения, не имеет ни малейшего отношения к панславизму»⁸³.

Авторы справки всячески открещивались от отождествления приписываемой царскому правительству панславистской внешней политики с внешнеполитическими акциями СССР. Они утверждали, что «завоевательные стремления русского царизма... совершенно несовместимы с политической задачей и принципами внешней политики социалистического государства, рассчитанной на укрепление мира и базирующейся на уважении независимости других народов и развитии добрососедских отношений со всеми странами, желающими жить в мире с Советским Союзом»⁸⁴.

«Поджигатели войны, — утверждалось в справке, — распространяя клеветнические слухи о переходе внешней политики Советского Союза на рельсы панславизма, пытаются посеять недоверие среди славянских народов балканских стран к миролюбивой политике СССР». Такое ярое отмежевание от политики панславизма, выраженное в главном теоретическом органе партии, отвечало стремлению советского руководства не осложнять отношений не столько со славянскими странами, сколько с Германией после заключенного в 1939 г. пакта о ненападении и его курсу на отсрочку начала войны.

В феврале 1941 г. в журнале «Историк-марксист» была опубликована статья З. Неедлы «К истории славяноведения до XVIII века», в которой анализировались славистические исследования в Европе с древности до века Просвещения. В преамбуле статьи автор выразил свое понимание панславизма и его отношения к славяноведению. Он утверждал, что хотя «славянская филология возникла как часть общей системы филологической науки», но сразу же «стала играть и политическую роль». И здесь эта научная дисциплина не была исключением: германистика «содействовала усилению самосознания немецкой пробуждающейся буржуазии», а ориенталистика использовалась в интересах «колониальной политики» европейских держав. После такого упрощенного утрирования связи науки с политикой Неедлы приходил к заключению, что «идеями панславизма проникнуты работы русских славистов». Отметим также, что он указал на тесную связь со славянской идеологией и зарубежной славистики: «Ту же программу в своей основе, правда с различными вариантами, имело и большинство славистов XIX в. Естественно, что славистика стала опорой, столпом реакции»⁸⁵. Тем самым он как бы оправдывал негативное отношение к славяноведению после Октябрьской революции. Но чтобы показать необходимость ее возрождения, З. Неедлы утверждал, что в «реакционности» виновата не сама наука «изучения славянских народов», а ее ориентация на царскую Россию «как на самую могущественную самостоятельную политическую славянскую силу». И потому «отречение от старого мира» с падением царской России должно было «знаменовать и в славистике крупный революционный переворот». В том, что этого сразу не произошло, он лукаво обвинил самих славистов, которые, дескать, на первых порах «просто-напросто забросили эту область». Выход из этого трудного положения он видел в энергичной работе по направлению славистики «по марксистскому пути»⁸⁶.

В третьем номере названного журнала за 1941 г. эта тема была продолжена в статье В.И. Пичеты «К истории славяноведения в СССР», обобщавшей основные труды дореволюционных российских славистов. Автор также заклеил связь старого славяноведения с «реакционной» панславистской и славянофильской идеологией. Он утверждал: «Представители дворянского и буржуазного славяноведения, находясь под влиянием реакционного славянофильского и панславистского учения, были сторонниками объединения славян под властью царской России. Исследователи заглушевывали ту реакционную политику, которую проводило царское правительство на Балканах под предлогом освобождения славян от турецкой неволи. Славянофилы и панслависты, точнее, панрусисты, выступали в качестве глашатаев захватнической политики на Балканах»⁸⁷. Сам того не замечая, В.И. Пичета в таком жестком заключении скатывался на позиции «школы М.Н. Покровского», в разоблачении которой он деятельно участвовал двумя годами ранее.

«Досталось» от него и славянской филологии. Несомненно, что он высказал в своей статье «марристскую» точку зрения, более распространенную тогда среди историков и археологов, нежели лингвистов, а именно: «Филологи-слависты вслед за чешскими славистами выступали сторонниками теории о праславянской семье и первоначальном единстве древнеславянского языка. Исходя из теории славянской прародины, ими была создана теория расселения славян и образования вследствие колонизации трех ветвей славянства: южного, восточного и западного. Противопоставляя славянский мир западноевропейскому, филологи-слависты выступали сторонниками особого пути в историческом развитии славянских народов, они старались доказать необходимость самодержавия и православия в России как исконных начал славянства»⁸⁸.

Как видим, неосновательно приписывая филологам-славистам заключение славянских идеологов об особом пути развития славянского мира, смешивая их к тому же со сторонниками «теории официальной народности» и делая реверанс в сторону официального марризма, В.И. Пичета уже не обвинял славянскую филологию в пособничестве фашизму и расизму (что было бы политически некорректно в условиях действия советско-германского договора). Как и З. Неедлы, он пришел к выводу, что возрождение славяноведения в нашей стране возможно только путем резкого отмежевания от «реакционного» панславизма и всех проявлений славянской идеологии, от политики царской России, путем критического переосмысления «ценного по своему конкретному материалу» «буржуазного наследства». К успеху, по его мнению, приведет только «коренной пересмотр всех вопросов, связанных с историей славянства, и постановка новых проблем для научного исследования на основе марксистско-ленинской методологии»⁸⁹.

В канун Великой Отечественной войны делались некоторые « послабления » русскому патриотизму — был несколько умерен «антирелигиозный пыл партийных богоборцев», освобождены из тюрем и лагерей многие священники и верующие, поощрялся выпуск патриотических советских кинофильмов, произведений литературы и пр.⁹⁰. Сам И.В. Сталин вознамерился по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. В беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым в мае 1941 г. он сказал: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм». Между ними «нет и не может быть противоречия». В то же время «безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»⁹¹. Еще ранее, на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. он обвинил в «космополитизме», «низкопоклонстве» и «пресмыкании» перед заграницей недавно разоблаченных «врагов народа» — «троцкистско-бухаринскую кучку шпионов, убийц и вредителей»⁹².

Таким образом, постепенный отказ от национального нигилизма и своего рода пролетарского «космополитизма» в политике и культуре тем не менее не привел к существенному повороту в реабилитации славянской идеологии. Напротив, в условиях действия советско-германского договора 1939 г. и курса на всемерное оттягивание начала войны (из опасения хоть как-то спровоцировать агрессора) из пропаганды были исключены всякие упоминания о славянской солидарности в прошлом и настоящем, всячески разоблачалась «реакционная сущность» панславизма и любое посягательство на отождествление его с целями и задачами советской внешней политики. Что касается славяноведения, то само право на существование этой науки можно было отстоять только путем гневного отречения от дореволюционного, «насквозь пропитанного панславистскими идеями» славяноведения и декларированием его возрождения на «кристально-чистой», сугубо классово-основе марксистско-ленинской методологии.

Годы Великой Отечественной войны, послевоенного международного урегулирования и формирования советского блока

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. в корне изменило ситуацию в славяноведении, показало насущную необходимость знания истории, языков и

культуры славянских народов, большинство которых были оккупированы фашистами и вступали (за исключением союзных Германии Болгарии и Словакии), в ряды борцов Сопротивления. Для славянских народов война с фашизмом означала борьбу не на жизнь, а на смерть. Согласно разработанному нацистскими лидерами в 1941 г. зловещему плану «Ост» (в «большом» варианте), славянским народам грозило тотальное уничтожение. По данным А.Ф. Носковой, «нацистской реконструкцией охватывалась не только вся довоенная Польша, но и Чешские земли, советская Украина, Белоруссия, часть РСФСР и Прибалтика. По разным подсчетам гитлеровцев, здесь проживали от 45 до 65 млн. коренных жителей, в основном „расово неполноценных“ славян. Из этого числа нацисты намеревались депортировать за Урал и частью уничтожить от 31 до 51 млн. чел., в том числе поляков — 80–87%, белорусов — 75%, населения западной и юго-западной Украины — свыше 60%, около 50% чехов, а также литовцев — 85%, значительное число эстонцев и латышей». Остальных при активной немецкой колонизации указанных территорий ожидала германизация или превращение в невольников⁹³.

В условиях начала жестокой войны доктрина пролетарского интернационализма показала свою полную несостоятельность. Понимая это, И.В. Сталин в беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза (беседа состоялась во время московского совещания представителей СССР, США и Великобритании, проходившего 29 сентября — 1 октября 1941 г.), откровенно сказал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за Советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»⁹⁴. Уже утром 22 июня 1941 г. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров получил предписание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы»⁹⁵.

В то же время в связи с внешнеполитической задачей создания антигитлеровской коалиции была приглушена антиимпериалистическая пропаганда. Во внутренней политике прекратились гонения на церковь, пропагандировались патриотизм и межнациональное единство⁹⁶. В своем известном выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин ясно выразил изменение курса партии и правительства в сторону патриотизма и признания роли национального фактора во внутренней и внешней политике, в акцентировании того обстоятельства, что это «война всего советского народа», «всемирная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»⁹⁷.

С первых же дней войны на идеологическое вооружение органов агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) официально была взята патриотическая идея славянской солидарности. Поскольку трагическое начало войны поставило под угрозу само существование Советского государства, то для идеологического отпора врагу, как считало партийное руководство, «все средства будут хороши». Это откровенно выразил видный партийный деятель, руководитель Главного управления РККА, имевший репутацию патриотогосударственника А.С. Щербаков. Он прагматически отмечал, что в идеологической пропаганде надо «использовать газеты, журналы, радио, черта, дьявола, сатану, кого угодно — но в интересах нашего советского дела»⁹⁸. Поэтому в идеологической борьбе за Победу сделали ставку на славян, евреев, церковь, женщин, молодежь, ученых и пр.,

словом, на всех тех, кто мог затрагивать и возбуждать патриотические чувства разных слоев и групп советского общества, соотечественников и соплеменников за рубежом, то есть умело используя национальный, конфессиональный, гендерный, возрастной, научный и прочие факторы.

Для активизации и координации чрезвычайно важного во время войны дела агитации и информации 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было создано Совинформбюро. В его задачи входило: 1) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; 2) организация «контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; 3) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования»⁹⁹. Во главе Совинформбюро поставили кандидата в члены Политбюро ЦК, секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова, его заместителем назначили С.А. Лозовского, одновременно являвшегося заместителем наркома иностранных дел. Результаты их активной деятельности, в том числе в области возрождения славянской идеологии, проявились незамедлительно.

Начиная с июля 1941 г. в ведущей советской партийной газете «Правда» регулярно на четвертой странице начали печататься статьи о положении славянских народов, поработанных фашистской Германией. 14 июля там была опубликована статья Я. Викторова «Расправа фашистских варваров над польским народом»; 15 июля — сразу две статьи без подписи: «Гитлеровцы истребляют сербский народ» и «Антигерманские листовки в Югославии». 20 июля под общим заголовком «Оккупированные страны под фашистским игом» напечатаны три статьи: «Черногорский народ борется с фашистами», «Экономическое порабощение Сербии», «Балканы — колония Гитлера»; 21 июля — статья Я. Викторова «Чехословакия в борьбе за свою независимость». Эти статьи убеждали читателя в необходимости совместного сопротивления славян фашизму. В главном теоретическом и политическом органе партии, журнале «Большевик» (за июль 1941 г.), в статье его редактора Е. Ярославского как бы обобщались материалы «Правды». Статья называлась «Борьба славянских народов против германского фашизма». Видный партийный идеолог заключил ее следующими словами: «Фашистские банды — злейшие враги всего славянства»; эта установка затем многократно тиражировалась в партполитпропаганде¹⁰⁰.

Советские слависты с самого начала войны также активно включились в антифашистскую борьбу. Помимо множества журнальных публикаций выходили и газетные статьи. Так, В.И. Пичета 19 июля 1941 г. опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы», 20 июля в «Известиях» — статью «Лютый враг славянства», 28 июля в «Авиационной газете» — «Гитлер — лютый враг русского народа», 5 августа в той же газете — «Великая борьба польского народа с немцами», 15 августа в «Правде» — «Славяне никогда не будут рабами», в тот же день в «Известиях» — «Пусть каждый клочок славянской земли станет могилой врагу», 24 августа в «Комсомольской правде» — «Исторические судьбы славянства» и др. Все эти статьи, написанные знатоком истории славян, несли мощный эмоциональный заряд, направленный на борьбу с фашизмом.

Не отставал от В.И. Пичеты и академик Н.С. Державин. 15 августа была напечатана в «Правде» его статья «Славяне поднимаются на смертный бой», в «Ленинградской правде» 21 августа — «Славяне никогда не будут рабами фашизма», 2 сентября в газете «Красный Балтийский флот» — «Немецкий фашизм — злейший враг славянства» и пр.

Уже 29 июля 1941 г. Н.С. Державин выступил с инициативой создания Международного бюро в помощь борьбы славянских народов за освобождение от фашистского ига. В докладной записке, направленной в Государственный Комитет Обороны, он вместе с профессором Е.З. Волковым писал: «Мы полагаем, что сейчас настал прекрасный момент, когда самым ходом исторических событий Советский Союз поставлен во главе славянских народов, когда Советский Союз может открыто перед всем миром протянуть руку братской помощи своим младшим братьям — славянам, объединить их вокруг себя и создать таким образом из всех славянских народов под своим руководством в Центральной Европе и на Балканах естественный и мощный оплот против фашизма и возможных в будущем его преемников»¹⁰¹. Полагаем, что в этой записке выплеснулись потаенные с дореволюционных времен (периода Первой мировой войны) мысли Н.С. Державина и его соавтора о возможном объединении славян вокруг России во время войны против Германии и после ее окончания, ожившие с началом Великой Отечественной войны. Панславистский пафос, выраженный в записке, осторожный Н.С. Державин, впрочем, никогда в печати в дальнейшем не проявлял. Инициативу академика в верхах, видимо, приняли во внимание, поставив его во главе созданного вскоре Антифашистского комитета советских ученых.

Начиная с августа 1941 г. были подготовлены и проведены несколько первых антифашистских митингов советской общественности: 10–11 августа в Москве состоялся славянский радиомитинг, выступления участников которого транслировались по радио, 24 августа — еврейский радиомитинг, 28 сентября — митинг советской молодежи, несколько позже — митинг советских женщин, наконец, 14 октября — радиомитинг советских ученых¹⁰². Вещание велось на страны Европы и Америки. Проведение антифашистских радиомитингов послужило основой для организации и начала деятельности в 1942 г. Всеславянского комитета в Москве (далее ВСК), Антифашистского еврейского комитета, Антифашистских комитетов советской молодежи, советских женщин, советских ученых и пр. В 1943 г. был заключен своего рода договор о сотрудничестве с Русской православной церковью и восстановлено патриаршество¹⁰³.

Можно согласиться с заключением Н.К. Петровой, исследовавшей деятельность антифашистских комитетов в специальной монографии, что «на всех антифашистских митингах особый акцент делался на то, что впервые в истории фашистская Германия открыто выступила с самых крайних расистских позиций, и стало очевидно, что „новый порядок“ на практике означал физическое уничтожение целых народов»¹⁰⁴. В противовес этой «людоедской теории и практике» провозглашалась политика, направленная на всемерную идеологическую защиту государства, учитывающая национальный и гендерный факторы, направленная на сплочение широких кругов общественности, антифашистских, демократических государств во имя военного и политико-идеологического разгрома стран фашистского блока.

С точки зрения развития славянской идеологии в годы войны наибольшую роль сыграли славянские антифашистские радиомитинги и деятельность ВСК в Москве. Особая важность его работы заключалась в том, что в многонациональном Советском Союзе восточнославянские народы — русские, украинцы, белорусы — составляли самые крупные этносы, объединенные общностью культуры, истории, религии. Они, и особенно русский народ, играли ведущую роль в истории России и СССР. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в славянских государствах Центральной и Юго-Восточной Европы — Польше, Чехословакии и Югославии, захваченных фашистской

Германией и Италией, развертывалось движение Сопротивления¹⁰⁵. Прежде всего, на эти славянские народы, как на естественных союзников России, было направлено радиовещание и с ними ВСК предстояло вести агитационную работу.

Кроме того, известно, что в США, Канаде, странах Латинской Америки, Австралии и Новой Зеландии существовали многочисленные славянские диаспоры, состоявшие из русских, украинцев, русинов, белорусов, чехов, словаков, поляков, южнославянских народов. Выходцев из славянских стран только в США насчитывалось 15 миллионов человек, многие из них работали в оборонной промышленности и определяли в значительной мере военное могущество США. Американские славяне особенно активно выступили в поддержку борьбы СССР с фашистской Германией, проведя в 1942 г. Славянский конгресс в Детройте и других городах Америки, организовав акции помощи Советскому Союзу. Естественно, что эта часть американского населения стала важным объектом международной деятельности ВСК и других органов советской пропаганды¹⁰⁶.

Понятно, что во время войны славянский фактор играл особенно важную роль как во внутри-, так и во внешнеполитической пропаганде СССР, в информационной работе, направленной на страны с многочисленной славянской диаспорой.

Не углубляясь в подробности деятельности ВСК и его печатного органа — журнала «Славяне»¹⁰⁷, его радиопропаганды обозначим основные вехи в формировании и популяризации славянской идеологии, соответственно с колебаниями политики советского руководства, и их влияние на славяноведение.

Всеславянский радиомитинг проходил 10 и 11 августа 1941 г. под непосредственным руководством ЦК ВКП(б) и Совинформбюро, с которыми согласовывались тексты всех выступлений. Все материалы радиомитинга публиковались в «Правде» и других ведущих изданиях, что свидетельствовало о том приоритетном значении, которое придавало этому мероприятию партийно-государственное руководство страны. Передовая «Правды» от 12 августа называлась «Все славяне на борьбу против общего врага».

Открывало радиомитинг выступление классика советской литературы — А.Н. Толстого, несомненно выражающее в художественном слове официальную точку зрения. Он, в частности, сказал: «Славяне! Пробыл час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного освобождения от гитлеровского гнета. Мы объединяемся как равные среди равных. Среди нас не должно быть больших или меньших. У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение всей военно-агрессорской системы национал-социализма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление — чтобы славянские, равно как и все соседствующие с нами народы и государства и все прочие народы, мирно и покойно развивались в рамках своей государственности». Особо важное значение имела озвученная писателем официальная точка зрения о панславизме: «Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов. Наша задача — объединенными усилиями уничтожить фашистский гнет, каких бы жертв это нам ни стоило»¹⁰⁸. Этот принципиально важный фрагмент речи вошел в текст заключительного документа — обращения славянского митинга к славянам.

Следует отметить, что, несмотря на заявление о равном партнерстве в отпоре врагу, было понятно, что «объединение против», весьма характерное при очередном возрождении славянской идеи и панславизма в критические моменты истории славян-

ских народов, могло происходить только вокруг могучего «старшего брата» Советского Союза. И потому и в выступлении Толстого, и в передовице «Правды», и в речах других участников митинга (чешского ученого З. Нееды, польского генерала М. Ярушайтиса, черногорского поэта Р. Стийенского, македонского общественного деятеля Д. Влахова, словацкого поэта О. Лысогорского, сербского профессора Б. Масларича, хорватского общественного деятеля Ю. Салая, словенского журналиста И. Регента, болгарского общественного деятеля А. Стоянова, украинского писателя А.Е. Корнейчука, польской писательницы В. Василевской, белорусского поэта Я. Купалы, словацкого депутата М. Чулена, закарпатского общественного деятеля И. Локоты и др.) настойчиво проводилась мысль о родственной близости славянских народов в прошлом и настоящем и объединении их усилий вместе с СССР в борьбе против германского фашизма — «злейшего врага славянства и всего человечества». В патриотической речи А.Е. Корнейчука прозвучала характерная здравица: «Да здравствует великая семья свободных, равноправных славянских народов, объединенная на священную борьбу с разбойничьим нашествием германского фашизма и его вассалов»¹⁰⁹.

Публикация материалов Всеславянского митинга продолжалась в «Правде» до 21 августа. Она завершилась обширной статьей видного советского философа, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова под названием «Славяне», изданной потом массовым тиражом отдельной брошюрой¹¹⁰. Точно так же в одной книге были изданы и тексты выступлений, прозвучавших на митинге. Примечательно, что «Вестник АН СССР», главный научный орган Академии, посвятил митингу почти весь сдвоенный № 7–8 за 1941 г. В журнале «Большевик» (1941. № 15) публиковались обращение участников Всеславянского митинга, статья писателя А.А. Фадеева «Единение славянских народов в борьбе против гитлеризма» и статья партийного деятеля и философа П.Ф. Юдина «Германский фашизм — лютый враг славянских народов».

Итак, главным пропагандистско-мобилизующим лейтмотивом первого всеславянского радиомитинга стало объединение равноправных славянских народов для борьбы с «кровавым фашизмом».

Образованный вскоре Всеславянский комитет в Москве, куда вошли почти все названные выше докладчики, возглавил (после утверждения в верхах) генерал-лейтенант А.С. Гундарев, сапер по военной специальности, начальник Военно-инженерной академии¹¹¹, первым секретарем был назначен зам. отв. руководителя ТАСС А.И. Лаврентьев, бывший посол в Болгарии. ВСК начал свою активную деятельность после реэвакуации из Куйбышева в первые месяцы 1942 г. Со второй половины того же года он предпринял выпуск журнала «Славяне», выполнявший широкие задачи антифашистской пропаганды. Главной целью этого издания провозглашалось «сплочение славянских народов для борьбы в союзе со всеми миролюбивыми народами против гитлеровской Германии и ее вассалов»¹¹². Журнал стал целенаправленным популяризатором идей славянской солидарности как составной части политпропаганды военного времени. В беседе с главой чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Э. Бенешем (декабрь 1943 г.) И.В. Сталин откровенно сказал о целях своей тогдашней «славянской» политики: «Я никакой не панславист, я — ленинец, и им останусь. Однако не будет спокойствия в мире, если не будут проведены необходимые меры против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм»¹¹³.

Следует отметить, что журнал «Славяне» чутко реагировал на любые изменения основной линии официальной пропаганды, постоянно цитировал высказывания Сталина и других членов ЦК по славянскому вопросу. Он был, так сказать, «парадным фасадом» внешней политики СССР перед странами Запада, стремясь в наиболее привлекательном виде представить ее главные цели.

Издание начало свою работу с публикации материалов Второго Всеславянского митинга в Москве, состоявшегося 4–5 апреля 1942 г. Если в выступлениях участников Первого митинга, когда враг рвался к Москве, звучали общемобилизующие призывы объединения славян для борьбы с фашистскими захватчиками и помощи «доблестной Красной Армии», то на Втором митинге задачи конкретизировались и соотносились с текущей военной ситуацией. Митинг призывал сорвать «весеннее наступление» гитлеровцев, превратив партизанскую войну в зарубежных славянских странах во всенародную борьбу против оккупантов. «Разжечь пламя всенародной партизанской войны в тылу врага» — вот главный призыв к братьям-славянам того времени¹¹⁴.

Много внимания в журнале уделялось развитию славянского движения в США, Канаде, Южной Америке и т. д. с «прогрессивными», то есть левыми, лидерами которого ВСК вступал в тесные контакты. В нем публиковались материалы Первого и последующих Всеславянских конгрессов США, которые выражали свою моральную и материальную солидарность с антифашистской борьбой соотечественников в Европе и призывали к открытию там второго фронта в помощь СССР¹¹⁵.

Журнал «Славяне» пытался обосновать закономерность дружбы между славянскими народами вполне в духе романтической «идеи славянской взаимности» XIX в.: «Дружба между славянскими народами — это не случайное явление: она зиждется на кровном родстве многочисленных славянских народов, на общности цели и благородных стремлениях всех славян к прогрессу, миру и дружбе»¹¹⁶. Здесь публиковались материалы, показывающие положительные примеры дружеских и союзнических отношений между славянскими народами, например, писалось о Грюнвальдской битве 1410 г., особо акцентировалось внимание на идеологах славянской солидарности — Ю. Крижаниче, Я. Колларе, Л. Штуре и других славянских ученых, деятелях культуры, полководцах и пр.¹¹⁷. Острые моменты в истории русско-славянских связей не освещались вовсе и попросту игнорировались.

3 мая 1943 г. в Москве состоялся Третий Всеславянский митинг, который призывал славянские народы ко всемерной помощи наступающей Красной Армии, обмена опытом подпольной работы, срыву планов принудительной мобилизации. Впервые открыто говорилось о создании ряда славянских воинских формирований на территории СССР¹¹⁸.

23–24 февраля 1944 г. в советской столице проходил митинг славян-воинов. Представители славянских воинских частей, уже прошедшие боевое крещение на фронтах войны, впервые говорили о боевом содружестве славянских народов, о совместных военных действиях с Красной Армией. Выражалась уверенность, что ее наступление сольется с вооруженной борьбой славянских народов в тылу гитлеровских армий¹¹⁹.

В соответствии с целями радиомитингов формулировались и лозунги к очередным годовщинам Октябрьской революции и Первомайским праздникам. 31 октября 1941 г. «Правда» писала: «Привет угнетенным славянским народам, борющимся за свою свободу и независимость против немецких, итальянских и венгерских разбойников»

империалистов!» В лозунге к 1 мая 1942 г. звучал призыв к партизанской войне (в рамках движения Сопrotивления) с фашистами: «Братья угнетенные славяне! Поднимайтесь на священную народную войну против гитлеровских империалистов — смертельных врагов славянства! Да здравствует боевое единство славянских народов!» Призывы к укреплению боевого единства славян вне какой-либо классовой принадлежности против традиционных «империалистов» только фашистского толка (в другой агитационной литературе термин «империалисты» в применении в фашистам почти не употреблялся) звучали в лозунгах ЦК ВКП(б) вплоть до 1945 г., став неотъемлемой составной частью политпропаганды во время войны¹²⁰.

Закономерно, что развитие славянской идеологии шло в ногу с укреплением патриотизма. С декабря 1941 г. с титульных листов военных газет на время войны был снят лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», замененный на «Смерть фашистским оккупантам!». Учреждались ордена в честь выдающихся русских полководцев, введены погоны русской армии вместо ромбов, патриотический гимн «Союз нерушимый» заменил пролетарский «Интернационал», в мае 1943 г. был расформирован и сам «штаб пролетарской революции» — Коминтерн и пр.¹²¹. Как справедливо писал профессор МГУ А.И. Вдовин, «человеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к поработаемым народам советская сторона противопоставила такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм»¹²². Другое дело, что зачастую теория не соответствовала практике.

Тем временем в СССР подготавливалась почва для утверждения в качестве господствующей идеи представления о лидирующей роли русского народа сначала среди других наций страны, затем и среди зарубежных славянских народов. В 1943 г. Сталин так определил задачи национальной политики: «Некоторые товарищи еще недооценивают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»¹²³. Этот мотив сразу же был подхвачен средствами массовой информации и идеологическими структурами. После победы под Сталинградом в редакционной статье «Крепить единство славянских народов» первого номера журнала «Славяне» за 1943 г. говорилось: «Русский народ предстает перед всеми славянскими народами как мститель за оскорбление, нанесенное всей славянской семье народов. Есть центр для объединения славян в отпоре наглым немецким разбойникам. Это Россия»¹²⁴.

В итоговом документе митинга славян-воинов (февраль 1944 г.) провозглашалось: «Да здравствует великий русский народ, вдохновивший все славянские народы на самостоятельную борьбу за честь, свободу и независимость их родины!»¹²⁵. В журнале «Славяне» публиковались статьи с характерными названиями: «Русский народ — опора славянства» (В. Иванов. 1944. № 6), «Великий русский народ» (В. Ермилов. 1944. № 10) и др. То есть по существу легализовывались идеи панславизма и панрусизма.

Советские ученые не могли остаться в стороне от этой «русоцентристской» патриотической кампании. Но стойкие защитники сугубо классового, марксистского подхода к истории не собирались без боя сдавать свои позиции. В мае–июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось идеологически важное совещание по вопросам истории СССР¹²⁶, в котором под бдительным наблюдением партийного руководства «скрестили шпаги» «боевые» марксисты «старой закалки» (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина и др.)

и «патриоты» (А.И. Яковлев, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле, В.И. Пичета и др.). Первые обвиняли последних в «великодержавном шовинизме» и «квасном патриотизме», в попытках пересмотреть марксистско-ленинское понимание российской истории, приукрашивании реакционной политики царского самодержавия и противопоставлении русского народа другим народам СССР. Вторые напоминали о разгромленной школе М.Н. Покровского, об очернении истории России и преуменьшении ее роли в мировом историческом процессе¹²⁷. Ученик В.О. Ключевского, крупный специалист по истории русского крестьянства и государства А.И. Яковлев выступил на заседании 7 июня 1944 г. со смелым заявлением: «Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним с любовью. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях»¹²⁸.

Яковлева поддержали в своих выступлениях слависты Б.Д. Греков, В.И. Пичета и др., говоря о высоких достижениях дореволюционной русской науки и необходимости патриотической интерпретации отечественной истории. И хотя подобные заявления осуждались на совещании как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам», более того, хотя отвергались предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.Д. Скобелева и др. выдающихся полководцев и государственных деятелей дореволюционной России¹²⁹, нельзя сказать, что это заседание окончилось, как предполагалось в первоначальном проекте постановления ЦК ВКП(б), полной победой закостенелых сторонников марксизма-ленинизма в его крайнем, догматическом (в духе М.Н. Покровского) проявлении¹³⁰.

Историки-патриоты несомненно одержали на совещании моральную победу¹³¹. Никаких «орговыводов» в их отношении сделано не было. Напротив, в рамках начавшейся «русоцентристской» кампании их настроения и взгляды нашли закономерное продолжение и поддержку. 4–12 июня 1944 г. в стенах МГУ проводилась представительная научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры», на которой с патриотическим пафосом выступили представители всех факультетов университета, стремясь показать вклад отечественной науки в мировую в своей конкретной отрасли знания. В их числе зав. кафедрой истории южных и западных славян В.И. Пичета подготовил доклад «История южных и западных славян в трудах русских историков», в котором попытался реабилитировать труды многих дореволюционных славистов¹³². То же было сделано в отношении славянской филологии Н.С. Державиным в докладе «Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии»¹³³.

Венчал эту «русоцентристскую» кампанию знаменитый тост Сталина во здравие русского народа, произнесенный в Кремле 24 мая 1945 г., в котором признавались его решающие заслуги в разгроме гитлеровской Германии: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа... потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... потому, что заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны»¹³⁴.

Ближе к окончанию войны остро встал вопрос о будущем переустройстве мира и распределении сфер влияния. Эта тема не раз завуалированно возникала в официальных переговорах представителей великих держав в Тегеране (1943), Ялте (1944), Потсдаме (1945). Велись и более конкретные закулисные переговоры. 9 октября 1944 г. в Москву прилетели премьер-министр Великобритании У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден. Их приняли И.В. Сталин и министр иностранных дел В.М. Молотов. Переговоры шли о разделении стран Центральной и Юго-Восточной Европы на английскую и советскую зоны влияния. У. Черчилль предлагал разделить Болгарию на доли: СССР — 90%, Англии — 10%; Грецию — диаметрально противоположно, Румынию и Югославию — по 50%. Сталин не согласился с таким делением. Он указал, что его нельзя проводить механически, следует учитывать реальную ситуацию. Болгария уже освобождена советскими войсками и объявила войну Германии. В результате белградской наступательной операции Красная Армия, болгарские части и партизанские соединения Югославии освободили ее столицу. Следовательно, эти страны должны оставаться в зоне советского влияния. В результате долгих жарких споров англичанам удалось «отторговать» себе только Грецию¹³⁵. Понятно, что все официальные записи этих секретных переговоров были уничтожены. Тем не менее в сохранившейся частной записке М.М. Литвинова, возникшей, видимо, в преддверии или в результате этих переговоров, говорилось, что «полюбовное разграничение сфер безопасности» между СССР и Великобританией должно осуществляться «по принципу ближайшего соседства», поэтому в «сферу интересов» Советского Союза должны попасть, кроме Финляндии, Швеции, Венгрии, Румынии, Турции, также и славянские страны Балканского полуострова, Польша и Чехословакия¹³⁶.

Хотя документально это распределение зон влияния не было зафиксировано, но оно, несомненно, виртуально учитывалось в процессе послевоенного европейского урегулирования.

Лидеров славянских государств, естественно, беспокоила дальнейшая судьба своих освобождаемых Красной Армией территорий. Они вовсе не хотели «коммунизации» собственных стран. В декабре 1943 г. состоялась длительная беседа писателя А.Е. Корнейчука, курировавшего в НКВД в 1943–1944 гг. регион Центральной Европы, с чехословацким президентом в изгнании Э. Бенешем в Хабанье (американская база в Ираке). Бенеш, выступавший как последовательный сторонник славянского единства, направленного на разгром Германии, хотел уточнить цели «новой славянской политики» СССР. Он сознавал, что «славянскую идею можно реализовать только в сотрудничестве с Советским Союзом *на основе полного равноправия и независимости славянских народов*» (выделено нами. — М.Д.)¹³⁷. Бенеш хотел убедиться в искренности заверений советского правительства о несовместимости проводимого им курса с панславизмом и насильственной советизацией. Корнейчук, естественно, постарался убедить Бенеша в том, что «славянская политика Советского Союза исключительно прогрессивна и демократична, что она не означает распространения некоего нового панрусизма и не имеет ничего общего со старым царским империализмом, так как основывается на полном равноправии всех славянских народов»¹³⁸.

Во время обеда в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 г. И.В. Сталин высказал мысль о том, что для окончательного подавления Германии и исключения возникновения в ней реваншистских стремлений «нужен союз славянских народов». «Мы новые русские славянофилы, — сказал он, — являемся коммунистами, если хотите — большевиками.

Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался там установить Советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй»¹³⁹.

Эти же заверения делались тогда и при встречах с лидерами других стран: Э. Осушкой-Моравским (Польша), И. Броз Тито и М. Джиласом (Югославия)¹⁴⁰, которые, как и Э. Бенеш, приезжали в Москву для подписания договоров о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Из бесед со Сталиным и его окружением они вынесли убеждение, что СССР выступает за равноправное сотрудничество со славянскими народами и не намерен их «коммунизировать». Даже И. Броз Тито, который был бы не прочь «коммунизироваться», в частности, писал: «Славянские народы на Балканах, учтя уроки истории, решили объединиться в великой освободительной войне и опереться на поддержку Советского Союза. Единство и братство славянских народов ни в коем случае не угрожает другим, неславянским народам, а, напротив, является могучим фактором обеспечения мира в Европе, который в последнее время постоянно нарушался немецкими захватчиками»¹⁴¹. Многократно повторялись слова Сталина в беседе с «мэром» города Варшавы М. Спыхальским: «Союз славянских народов — это не царский великодержавный панславизм, это союз равных славянских государств. Советский Союз как раз и стоит на страже такого Союза»¹⁴². Наконец, председатель Временного Национального собрания Чехословакии Й. Давид 9 ноября 1945 г. заявил: «Так же как Советский Союз выполнил свои военные обязательства, он выполняет обязательство не вмешиваться в наши внутренние дела»¹⁴³.

Как же формировалась советская программа послевоенного устройства славянского мира? Уже в октябре 1942 г. в недрах НКВД обсуждался вопрос о возможности заключения пакта о взаимопомощи между славянскими народами во время войны и после ее окончания. В обширной записке Н. Новикова «Польско-чехословацкая конфедерация», с которой ознакомился В.М. Молотов, в частности, говорилось: «Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы...»¹⁴⁴. Вопрос о создании режимов советского типа в еще не освобожденных Красной Армией славянских странах не ставился. Позднее, как мы видели, велись закулисные переговоры о распределении сфер влияния между европейскими великими державами. Одновременно был взят курс на заключение договоров о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с руководством славянских стран. Такие договоры вскоре были заключены с Чехословакией, Польшей, Югославией, Болгарией¹⁴⁵. В.И. Пичета в публичной лекции с примечательным названием «Боевое содружество славянских народов Советского Союза во главе с русским народом», прочитанной 6 августа 1945 г., подчеркнул, что эти договоры закрепили и оформили прежнее боевое содружество «юридическими нормами», чтобы обеспечить послевоенное сотрудничество славян, и создали «подлинное содружество славянских народов»¹⁴⁶.

После войны Сталин, по-видимому, серьезно задумывался над вопросом, как, в какой государственной форме, лучше всего «управлять» славянскими союзниками. И они сами, как бы упреждая его замыслы, выдвинули проект создания Балканской федера-

ции. Сначала, в декабре 1947 г., по свидетельству М. Джиласа, обсуждалась возможность федеративного объединения Югославии и Албании с целью решения проблемы албанского меньшинства в сербских землях¹⁴⁷. Позднее, в январе 1948 г., в Бухаресте тогдашний председатель Совета министров Болгарии Г. Димитров выступил с идеей создания Восточноевропейской федерации, включающей Болгарию, Югославию и Грецию. Без предварительного согласования с Москвой он выдвинул проекты заключения таможенного союза и координации экономических планов между Румынией и Болгарией¹⁴⁸. На встрече славянских политических деятелей у И.В. Сталина 10 февраля 1948 г. в Кремле, по воспоминаниям М. Джиласа, советский лидер резко выступил против последней инициативы Димитрова, но в то же время одобрил первую: «Нет, сначала федерация между Болгарией и Югославией, а потом обеих с Албанией, — и добавил: — Мы думаем, что должна быть создана федерация между Румынией и Венгрией, а также Польшей и Чехословакией»¹⁴⁹.

Наблюдательный и вдумчивый политик, М. Джилас, проанализировав высказывания советских политических деятелей, представил интересную картину предполагаемых планов Москвы относительно будущего государственно-политического устройства стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он писал: «Сталин больше не развивал вопрос о федерации. Позднее в форме указания он повторил, что федерация между Югославией, Болгарией и Албанией должна быть создана немедленно. Но из сформулированной им позиции и неопределенных в то время намеков советских дипломатов представлялось, что советские руководители также флиртовали с мыслью о реорганизации Советского Союза путем присоединения к нему „народных демократий“ — Украины с Венгрией и Румынией и Белоруссии с Польшей и Чехословакией, тогда как Балканские государства должны были объединиться с Россией! Какими бы неопределенными и гипотетическими ни были эти планы, ясно одно: Сталин искал решения и формы для восточноевропейских стран, которые обеспечили бы и укрепили господство и гегемонию Москвы на длительное время»¹⁵⁰.

Разумеется, подобные виртуальные планы, если они действительно существовали, оставались тайной за семью печатями. В любом случае, они были похоронены с началом советско-югославского конфликта в июне 1948 г.

Но даже открытые шаги советского руководства по заключению договоров о дружбе и послевоенном сотрудничестве дали повод западным публицистам выступить с рядом статей с обвинениями СССР в возрождении «русского панславизма». Статьи подобного рода появились в газетах «Нью-Йорк таймс», «Экономист», «Трибюн» и др. Например, 10 января 1945 г. газета «Нью тид» (Гётеборг) писала: «Москва вывесила флаг панславизма. Всеславянский комитет является полным и совершенным представителем славянского мира. Советский Союз с большим успехом, чем царская Россия, играет лозунгом панславизма. Советский Союз выступает как настоящий освободитель славянских народов от пангерманского ига. Этот факт облегчает победное шествие панславизма по всем славянским странам»¹⁵¹. Но Москва не торопилась с публичным опровержением неизвестных советской общественности статей, потому и пространная статья профессора МГУ В.Т. Дитякина «Панславизм и современная политика славянских народов», законченная 29 января 1946 г., осталась неопубликованной¹⁵².

В задачи идеологического обеспечения высказанной Сталиным идеи *союза* равноправных славянских народов входило постепенное формирование в общественном мнении убеждения о ведущей роли в таком союзе, прологе будущего блока, Советского

Союза. В статье М.И. Калинина «Славяне и война» (1944) содержался призыв к послевоенному сотрудничеству славянских народов: «Можно надеяться, что после победы над гитлеровскими разбойниками славянские страны, их правительства наладят дружественные отношения с Советским Союзом, с русским народом»¹⁵³.

Еще до окончания войны, в марте 1945 г., в Софии был проведен Славянский собор (по существу — съезд), который приурочивался к годовщине освобождения Болгарии. Здесь уже начала проводиться мысль о послевоенном объединении славянских народов: «Сплоченность славянских народов и их дружба с великим Советским Союзом является надежной гарантией прочного мира в Европе и процветания славянских государств»¹⁵⁴.

Средства массовой пропаганды стремились представить СССР как образец истинно демократического государства, с самым передовым общественным строем: «Народы Советской страны во главе с русским народом создали государство нового типа, равного которому нет по прочности. В Великой Отечественной войне советского народа изжито и бывшее недоверие славянских народов к старшему в их семье — к русскому народу»¹⁵⁵.

В этой обстановке возобновились усилия советских славистов по воссозданию Института славяноведения АН СССР, причем на комплексной основе¹⁵⁶. Решение об организации такого института было принято Президиумом АН СССР еще в августе 1942 г., в условиях эвакуации в Свердловске. Естественно, что тогда реализация такого проекта из-за разбросанности и малочисленности кадров представлялась затруднительной. Временно, как прообраз Института, создавалась Славянская комиссия АН СССР во главе с академиком Н.С. Державиным. Она успешно работала по существу на общественных началах и объединяла специалистов по славянскому языкознанию, литературе, истории, этнографии, фольклору и даже праву¹⁵⁷. Существование Комиссии обосновывалось необходимостью укрепления боевого союза славянских народов и налаживания связей «великого советского народа со всеми славянскими народами»¹⁵⁸. Понятно, что на преимущественное право по организации Института претендовал Державин. Но длительная командировка ученого в Болгарию и Югославию в 1945 г. и перенесенный там инсульт надолго вывели его из строя. Инициативу в благоприятных условиях близкой Победы и прогнозируемого сплочения славянских народов вокруг СССР снова взяло на себя руководство Института истории АН СССР. В докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, поданной директором Института истории Б.Д. Грековым 12 апреля 1945 г., в качестве обоснования снова был использован аргумент престижа и лидерства советской науки: «Между тем, освободительная роль Советского Союза в отношении славянских народов требует, чтобы советское славяноведение заняло руководящее место в разработке вопросов истории славянских народов, в изучении их языков и литературы, в объединении научных сил вокруг славяноведческих проблем. Советское славяноведение несомненно привлечет к себе внимание славянских ученых, которые будут приезжать в Советский Союз для работы в советских архивах, для более тесного общения с исследователями, работающими на основе метода марксизма-ленинизма»¹⁵⁹.

Идея создания Института славяноведения была активно поддержана международной научной общественностью, собравшейся в июне 1945 г. на широком праздновании 220-летия Академии наук в России и СССР¹⁶⁰.

После выздоровления академик Н.С. Державин в начале 1946 г. обратился к И.В. Сталину с письмом, пытаясь убедить вождя в том, что именно он должен возгла-

вить новый институт, упрекнув «соперников» в узости понимания проблем славяноведения. При этом он, выдавая желаемое за действительное, несколько приукрашивал процесс сплочения славянских стран вокруг СССР, обосновывая тем самым необходимость создания комплексного Института славяноведения. Так, он писал: «Великой любовью окружают нас все славянские народы Центральной и Южной Европы, с восхищением они следят за нашим развитием, справедливо видя в наших успехах залог их свободного, счастливого существования. Провозглашенные Вами начала нашей славянской политики являются началом новой эры в развитии всего славянского мира»¹⁶¹. Однако маховик утверждения в различных инстанциях нового Института был уже запущен, и Державину пришлось лишь смириться с потерей своего лидерства в этом процессе.

Если ученые в записках и письмах руководству страны (подаваемых под грифом «совершенно секретно») откровенно почувствовали в «сталинской славянской политике» подспудную идею объединения славян под эгидой СССР, то широкой общественности она преподносилась осторожно и дозированно. В послевоенное время читателям журнала «Славяне» внушалась мысль о том, что «вне Советского Союза нет будущего у семьи славянских народов»¹⁶². Более четко указанная завуалированная тенденция к созданию блока стран «новой демократии» и их будущей неизбежной «коммунизации» проявилась в период подготовки Славянского конгресса в Белграде (декабрь 1946 г.)¹⁶³, а также Первого послевоенного Конгресса ученых-славяноведов, который должен был пройти в Москве в апреле 1948 г.¹⁶⁴. Накануне созыва несостоявшегося научного форума в ЦК ВКП(б) 27 марта 1948 г. проводилось совещание членов Оргкомитета Конгресса. В своем напутствии ведущий идеолог партии А.А. Жданов откровенно рассказал о по существу панславистских планах объединения славянских народов вокруг СССР, когда после победы над Германией и Японией подули ветры холодной войны, но призывал к осмотрительности, чтобы не скомпрометировать политику Советского Союза в глазах международного общественного мнения: «Мы можем дать этим повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, что Конгресс (славистов. — М.Д.) есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. Это, конечно, не значит, что мы фактически не объединяем славян, это объединение идет (выделено нами. — М.Д.). Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма первенства в объединении блоков принадлежит самим американцам. США и Англия ищут сейчас всякого повода для того, чтобы обвинить нас в объединении славян против них. Зачем мы будем давать им в руки этот козырь?»¹⁶⁵. Между тем Всеславянский комитет в Москве, преобразованный после Белградского славянского съезда в Общеславянский комитет с филиалами во всех славянских странах, строил широкие планы деятельности и пропаганды славянской солидарности и сотрудничества в различных сферах культуры¹⁶⁶.

Итак, вопреки заявлениям официальной пропаганды, выраженным, в частности, в журнале «Славяне», что СССР не имеет в своей международной политике никаких великодержавных панславистских целей, в действительности происходило постепенное формирование блока государств Центральной и Юго-Восточной Европы, вставших на путь «народной демократии», с попыткой их всесторонней советизации¹⁶⁷. При этом широко использовалась пропаганда славянской идеи. Однако эта тенденция очень скоро пришла в противоречие с реальностью: ведь в формирующийся блок должны были войти и неславянские страны. И в этом случае при установлении режимов советского типа надежнее было опираться на доктрину пролетарского интернационализма. Был создан Коминформ, объединивший прежде всего компартии будущих стран социализма¹⁶⁸. Но

главный удар «панславистским» намерениям нанес разрыв отношений между лидерами компартий СССР и Югославии в июне 1948 г.¹⁶⁹. После этого идеология нового блока базировалась исключительно на классовой доктрине пролетарского интернационализма. Она же долгое время оставалась идейной основой активно развивающегося после войны советского славяноведения.

Свертыванию «славянской политики» и утверждению курса на абсурдное с точки зрения здравого смысла «классовое понимание» патриотизма способствовали и другие факторы. 1949 год принес новые тяжелые испытания для советской интеллигенции, так не долго ощущавшей ослабление идеологического пресса в условиях эйфории Победы. Обоюдными усилиями бывших союзников мир был поставлен на грань новой, третьей мировой войны. Началось «холодное» противостояние и организационное оформление блоковой системы, по характерной тогдашней терминологии, «лагерей» капиталистических стран и стран «народной демократии». Стремясь отгородить СССР и его союзников от «тлетворного» влияния Запада и подавить ростки слепопобедного свободомыслия, советское руководство начало новую кампанию по разоблачению «буржуазной идеологии», «происков империализма», которая нашла свое оформление и идейное завершение в очередной идеологической «атаке», объектом которой на этот раз стал «буржуазный космополитизм». В ней самым причудливым образом переплелись элементы прошлых кампаний: по возвышению русской нации среди прочих советских народов (1944), плавно перетекшую в борьбу с «низкопоклонством перед Западом» (1946), приведшую к разгрому Еврейского антифашистского комитета и аресту его членов (начало 1949 г.) и одновременно погромных «походов» против буржуазного идеализма и объективизма, за «чистоту» марксистской науки (разгром генетики, атаки на физику, философию, литературоведение и пр.) с закамуфлированным антиеврейским кадровым уклоном¹⁷⁰. Парадоксальность ситуации состояла в том, что методами ужесточения «классовой» линии марксизма и пролетарского интернационализма «вбивалось» национально-шовинистическое возвеличивание всего отечественного в ущерб западному, породившее печально известную ироническую присказку «Россия — родина слонов»¹⁷¹.

В начале 1949 г. кампания развернулась, прежде всего, в области театральной и литературной критики, постепенно распространяясь на сферы гуманитарных наук¹⁷². Ее особенностью был негласный, но тонко ощущаемый интеллигенцией антисемитизм. В апреле ее волны докатились и до исторической науки (см. главу V). Затем кампания по указанию И.В. Сталина была внезапно свернута, хотя ее отголоски долго отзывались в поломанных человеческих судьбах. К счастью для славяноведения, последняя кампания, по-своему отчасти затронув в общем потоке его отдельные дисциплины, все же не нанесла существенного вреда ни кадровому составу славистов, ни его научным основам.

Таким образом, мы проанализировали и представили широкую панораму борьбы тенденций классового «пролетарского интернационализма» и славянского патриотизма во внутренней и внешней политике СССР. Именно в контексте этих противостоящих тенденций развивалось отечественное славяноведение в военные и послевоенные годы, чутко откликаясь на любые ее идеологические повороты. Если в канун Великой Отечественной войны в сложном клубке противоречий все же превалировала первая тенденция, то в ее годы возобладал славянский патриотизм, хотя и под маской антифашистской пропаганды. После окончания войны постепенно вновь набирал силу и утвердился на долгое время «классовый» подход в анализе научных явлений, о чем подробнее будет сказано далее.

Примечания

- 1 Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1961; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; Роккина Г.В. Ян Коллар и Россия: История славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998; Она же. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005 и др.
- 2 Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.
- 3 Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и славянская идея // Берасцейскі хранограф. Зборнік навуковых прац. Брэст, 2002. С. 14–20; Она же. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003; Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете 24 сентября 1842 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 275–303; Она же. Тенденции романтизма в славистическом творчестве В.И. Григоровича // Профессор Виктор Иванович Григорович. Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 175-летию со дня рождения ученого-слависта. Одесса, 1991. С. 34–36; Она же. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. М., 2005. С. 36–37; Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005 и др.
- 4 Зайончковский П.А. Кирило-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1958; Кирило-Мефодіївське товариство. Київ, 1993. Т. 3.
- 5 Досталь М.Ю. Всеславянский аспект... С. 57; «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 114–115.
- 6 Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1875 гг. М., 1960.
- 7 А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. Москва; Ставрополь, 2005.
- 8 Дьяков В.А. Славянский вопрос в дореволюционной России. М., 1993.
- 9 Неудлы З. К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81; Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 62.
- 10 Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: Чехи, словаки и неославизм. 1898–1914. М., 1984.
- 11 Подробнее см.: Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 12 Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; Горяинов А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы по истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89; Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 68–82; Ашнин Ф.Д., Аллатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм и славяноведение: к изучению источников по истории советской науки 20-х — начала 50-х годов // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 255–280 и др.
- 13 Логачев К.И. Советское славяноведение до середины 1930-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 91–105; Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 и др.
- 14 Цит. по: Горяинов А.Н. «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 149.
- 15 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 67.
- 16 Аллатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; Он же. Что такое марксизм в языкознании // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. М., 1999. С. 8–19.
- 17 Первым обратил внимание на этот доклад С.Б. Бернштейн в статье: Бернштейн С.Б.

- Трагическая страница из истории славянской филологии... С. 81–82.
- 18 Подробнее см.: *Державин Н.С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии наук // Вестник АН СССР. 1931. № 10. С. 38–44.
- 19 *Димитров Д.Д.* Славянская филология на путях фашизации (К характеристике ее состояния на Западе) // Язык и мышление. 1935. № 5. С. 125–133. См. также: *Горяинов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 154–155. *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 26.
- 20 *Державин Н.С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стб. 42.
- 21 Там же. См. также: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 63–64.
- 22 *Робинсон М.А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 210–239 и др.
- 23 *Горяинов А.Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов... С. 78–89.
- 24 *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»... С. 70–71.
- 25 Там же.
- 26 Подробнее см. в гл. III.
- 27 Цит. по кн.: *Кикешев Н.И.* За други свои. М., 2005. С. 122–123. См. также: *Мировые войны XX века.* Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 27–28.
- 28 Цит. по: Создадим единый фронт славян против гитлеризма // Славяне. 1942. № 1. С. 11.
- 29 XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 26 января — 16 февраля 1934 г. М., 1934. С. 12. См. также: *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х годах // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 197.
- 30 Там же.
- 31 Подробнее см.: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 202–215; *Смирнов В.П.* Вторая мировая война и Коминтерн. 1939–1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 21–36; *Макдермотт К., Агню Д.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 176–196 и др.
- 32 *Белявская И.М., Очак И.Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов // Славянская историография. М., 1966. С. 5–47; *Горяинов А.Н.* Советская славистика 1920–1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 5–21.
- 33 Подробнее см.: *Макдермотт К., Агню Д.* Коминтерн... С. 160–175.
- 34 Цит. по: Против фашистской фальсификации истории. М., 1939. С. 3.
- 35 *Димитров Г.* В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1937. С. 4.
- 36 *Нотович Ф.И.* Фашизм и фальсификация исторической науки // Против фашистской фальсификации истории... С. 6.
- 37 *Нотович Ф.И.* Фашистская историография о «виновниках» мировой войны // Против фашистской фальсификации истории... С. 386.
- 38 Цит. по: Там же. С. 378.
- 39 Там же. С. 379.
- 40 Подробнее см.: *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.* М., 1999.
- 41 *Шустер У.А., Джервис М.В.* Германско-фашистские тенденции в современной польской историографии // Против фашистской фальсификации истории... С. 433.
- 42 Там же. С. 434.
- 43 Там же. С. 435.
- 44 Там же. С. 445.
- 45 Цит. по: Там же. С. 442.
- 46 Там же.
- 47 Некоторое исключение в этом сборнике составляла статья ученого «старой школы» Н.П. Грацианского, которая была направлена на развенчание фашистских утверждений о неполноценности «низшей» славянской расы по отношению к «высшей» германской. Он пришел

- к выводу, многократно повторенному в статьях периода Великой Отечественной войны, что «исконность германских поселений и мифические „остатки“ за Эльбой, мнимая „некультурность славян“, как представителей якобы „низшей“ расы по сравнению с „высшей“ германской расой, мнимая культурная миссия немцев, связанная с „искоренением“, т. е. истреблением и онемечиванием туземцев, фактическая „чистота“ немецкой крови на территории позднейшего Бранденбургско-прусского государства, идеализация хищнической деятельности Тевтонского ордена и пограничных князей, обвинение пап и римско-католической церкви в крушении восточной колонизации, — всё это фальшь и обман, всё это чистые проявления „воинствующей фашистской псевдонауки“ как средства „политического воспитания“ масс в духе звериного шовинизма». См.: *Грацианский Н.П.* Немецкий «Drang nach Osten» в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. С. 155.
- 48 *Документы по истории Мюнхенского соглашения 1937–1939. М., 1979; Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988; Мюнхен — преддверие войны (Исторические очерки). М., 1989; Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. М., 2002. С. 41–43; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 167–187 и др.*
- 49 *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // *Славянская идея: веки истории. М., 1997. С. 171.*
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Подробнее см.: *Вдовин А.В.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2002. № 3. С. 16 и др.* Дошло до того, что русские патриоты К. Минин и князь Д. Пожарский, избавившие Россию от Смуты, пролетарским поэтом Демьяном Бедным глаумливо представлялись как «исторических два конокрада», их памятник он призывал «взорвать динамитом» и вместе с другим «историческим хламом» сметать с площадей и пр.
- 53 Там же. С. 22–25.
- 54 Цит. по: Там же. С. 23.
- 55 *Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М., 2004. С. 18.*
- 56 *Вдовин А.В.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. С. 25.
- 57 *Историческая наука... С. 18.*
- 58 *Вдовин А.В.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. С. 43–48.
- 59 См.: *I. Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie. Praha, 1968; Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972; Kudělka V., Šimeček Z., Štátný V., Večerka R. Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha, 1977; Słowianoznawstwo w okresie międzywojennym (1918–1939). Wrocław, 1988 и др.*
- 60 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // *Славистика СССР и русского зарубежья 20–30-х годов XX века. М., 1992. С. 38–52; Папуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Серпионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995; *Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Бондарева Е.А.* Русские историки-слависты в эмиграции в Белграде // *Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. М., 2001. С. 157–173; Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // *Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–193; Вандалковская М.Г.* Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 7–25.*
- 61 *Досталь М.Ю.* Печатные источники... С. 47–48.
- 62 *Досталь М.Ю.* Русские эмигранты и советские слависты: к проблеме взаимоотношений // *Российские ученые-гуманитарии... С. 80–89.*
- 63 Цит. по: *Аксенова Е.П.* «Изгнанное из Академии» (Н.С. Державин и академическое славя-

- новедение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 75.
- 64 Цит. по: Там же.
- 65 Подробнее о взглядах М.Н. Покровского на славяноведение см.: *Горьянов А.Н.* Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920–1930-е годы) // *Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики.* Roma, 1994. С. 81–92 и др.
- 66 *Горьянов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии... С. 150.
- 67 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 134. Л. 18–22 и др.
- 68 *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 134.
- 69 Цит. по: Там же.
- 70 Цит. по: Там же.
- 71 Там же. С. 137.
- 72 Там же. С. 134.
- 73 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // *Славянский альманах* 2005. М., 2006. С. 503.
- 74 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // *Славянский альманах* 2002. М., 2003. С. 253–290. Постановление Президиума АН СССР об организации этого Сектора было принято в конце 1938 г. Он начал свою работу с 25 февраля 1939 г., см.: 50 лет советской исторической науки. 1917–1967. Хроника научной жизни. 1917–1967. М., 1971. С. 213.
- 75 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну... С. 506.
- 76 Подробнее см.: *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 г.* / Отв. редакторы В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999.
- 77 АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 22. Л. 58–60 об.
- 78 Подробнее см.: *Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы.* В 2-х т. М., 1990; *Причины Второй мировой войны. Документы и материалы.* М., 1989. 1939 год: Уроки истории. М., 1990; *Басистов Ю.В.* Сталин — Гитлер от пакта до войны. СПб., 2001; *Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война.* М., 2002. С. 52–62 и др.
- 79 Подробнее см.: *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х гг. // *Проблемы славяноведения.* Брянск, 2000. Вып. 1. С. 198–199.
- 80 См.: *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия...; *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // *Славянский альманах.* 2000. М., 2001. С. 85–95; *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: Чехи, словаки и неославизм. 1898–1914. М., 1984; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; *Павленко О.В.* Панславизм // *Славяноведение.* 1998. № 6. С. 43–60; Серия статей о югославизме, великохорватской идее, украинофильстве в журнале «Славяноведение», 1988 г., № 5 и др.
- 81 О панславизме (Историческая справка) // *Большевик.* 1940. № 10 (май). С. 89.
- 82 Там же. С. 86.
- 83 Там же. С. 89.
- 84 Там же. С. 86.
- 85 *Неедлы З.* К истории славяноведения до XVIII века // *Историк-марксист.* 1941. № 2. С. 81.
- 86 Там же.
- 87 *Пичета В.И.* К истории славяноведения в СССР // *Историк-марксист.* 1941. № 3. С. 62.
- 88 Там же.
- 89 Там же.
- 90 Подробнее см.: *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* М., 2003. № 5. С. 27. См. также: *Батеенков П.С., Ткачев А.М.* О взаимоотношениях государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // *Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов.* Саратов, 2005. Вып. 6. С. 136–139 и др.
- 91 Цит. по: *Марьина В.В.* Дневник Г. Димитрова // *Вопросы истории.* 2000. № 7. С. 42.
- 92 XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 26.
- 93 *Носкова А.Ф.* Фашистский «новый порядок» в Восточной Европе и борьба славянских народов против нацизма // *Славянский альманах* 2005. М., 2006. С. 33–34.

- 94 Цит. по: *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 204. Беседа состоялась во время московского совещания представителей СССР, США и Великобритании 29 сентября — 1 октября 1941 г.
- 95 История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С. 192.
- 96 *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 29, 30, 34; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 годах. М., 1999; Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003 (статьи М.И. Одинцова и Т.В. Волокитиной).
- 97 Правда. Июль. 1941 г.
- 98 Цит. по: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 32.
- 99 КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 14. См. также: *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999. С. 19.
- 100 *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»... С. 200.
- 101 Цит. по: Там же.
- 102 *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты СССР... С. 73–80.
- 103 Подробнее см.: *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995; Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. М., 2002. С. 463–464; Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003; *Батенков П.С., Ткачев А.М.* О взаимоотношениях государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 136–139 и др.
- 104 *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты СССР... С. 87.
- 105 Подробнее см.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- 106 *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты СССР... С. 166–189.
- 107 Подробнее см.: *Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 73–91; *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 175–188; Она же. Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 304–319. *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945. М., 1999, *Кикешев Н.И.* Славяне против фашизма. М., 2005 и др.
- 108 *Толстой А.* Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма // Вестник Академии наук СССР. М., 1941. № 7–8. С. 9.
- 109 *Корнейчук А.* Избавим человечество от кровавого фашистского кошмара // Там же. С. 28.
- 110 *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»... С. 202.
- 111 «Воспоминания» А.С. Гундорова опубликованы в кн.: *Кикешев Н.И.* Славяне против фашизма. М., 2005. С. 171–338.
- 112 Славяне. 1942. № 1. С. 3.
- 113 Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) [Публикация В.В. Марьиной] // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 20. См. также: Славянские народы и Вторая мировая война. Круглый стол // Славяноведение. 1996. № 3. С. 3–54.
- 114 Разжечь пламя всенародной партизанской войны в тылу врага // Славяне. 1942. № 7. С. 3.
- 115 Подробнее см.: *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР... С. 171–179; *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет... С. 182–183.
- 116 Нерушима дружба славянских народов // Славяне. 1942. № 3. С. 3.
- 117 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 304–319.

- 118 Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М. Все-славянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов... С. 83–84.
- 119 Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет... С. 185.
- 120 Подробнее см.: Дубровский А.М. «Весь славянский мир должен объединиться»... С. 203.
- 121 Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 32; Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн... С. 189–196; Ватлин А.Ю. Смерть Коминтерна // Родина. 1991. № 6–7; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. После 22 июня 1941 г. М., 1999 и др.
- 122 Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 34.
- 123 Цит. по: Там же. С. 38.
- 124 Крепить единство славянских народов // Славяне. 1943. № 1. С. 5.
- 125 Митинг славян-воинов // Славяне. 1944. № 3. С. 8.
- 126 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2–6, 9.
- 127 Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 43.
- 128 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 93.
- 129 Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 43–44.
- 130 Всеобъемлющая оценка М.Н. Покровского содержится в кн.: Чернобаев А.А. «Профессор с пикой» или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
- 131 Подробнее см.: Письма Анны Михайловны Панкратовой (Публикация Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
- 132 Пичета В.И. История южных и западных славян в трудах русских историков // Научная конференция. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. 5–12 июня 1944 г. Программа и тезисы докладов. М., 1944. С. 69–71.
- См. также: Досталь М.Ю. Кафедра истории южных и западных славян накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) // Славяноведение. 2004. № 4. С. 60.
- 133 Державин Н.С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. М., 1946. Т. 3. Кн. 2. С. 3–25 (Ученые записки МГУ. Вып. 107).
- 134 Выступление товарища И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 196–197.
- 135 Бережков В.М. Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 362–368; Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. М., 2002. С. 291–305. Кикешев Н.И. За други свои. М., 2005. С. 310–311 и др.
- 136 Марьина В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997. С. 178. См. также: Филатов А.М. В комиссиях Нацкоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–72.
- 137 Цит. по: Марьина В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны... С. 178.
- 138 Там же. С. 175.
- 139 Там же. С. 180.
- 140 Подробнее см.: Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002.
- 141 Броз-Тито И. Дружба и тесное сотрудничество народов Югославии с народами Советского Союза — тесная необходимость // Славяне. 1945. № 4. С. 13.
- 142 Заявление президента города Варшавы Спыхальского о поездке в Москву // Славяне. 1944. № 12. С. 43.
- 143 Цит. по: Медведев И. Советско-чехословацкая дружба и сотрудничество // Славяне. 1945. № 12. С. 7.
- 144 Марьина В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны... С. 176. См. также: Серапионова Е.П. Чехословацко-польские отношения и проблемы послевоенного сотрудничества. 1939–1945. М., 1985. АҚД.
- 145 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. 1941–1945. М., 1946–

- 1947; Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993; *Сиполс В.Я.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М., 1999 и др. О закулисной стороне заключения этих договоров подробнее см.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1997.
- 146 АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.
- 147 *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 164.
- 148 Там же. С. 196, 198.
- 149 Там же. С. 202.
- 150 Там же. С. 202–203.
- 151 Центральный московский архив — Музей личных собраний. Ф. 43. Оп. 1. Д. 165. Л. 19–20. Цит по: *Дитякин В.Т.* Панславизм и современная политика славянских народов. Статья. 1946.
- 152 О «несвоевременном педалировании» славянской идеи см.: Славянские народы и Вторая мировая война. Круглый стол // Славяноведение. 1996. № 3. С. 10–11.
- 153 *Калинин М.И.* Славяне и война // 1944. № 1. С. 9.
- 154 *Всеславянский комитет.* К братьям и сёстрам славянам всего мира // Славяне. 1945. № 5. С. 24.
- 155 Крепить единство славянских народов // Славяне. 1943. № 1. С. 5.
- 156 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. № 6. С. 3–25; *Она же.* Институт славяноведения и балканистики РАН (К 50-летию его создания) // Славистичні студії. Т. 1. Матеріали V Міжнародного славистичного колоквиуму (Львів, 14–16 травня 1996 р.). Львів, 1997. С. 22–27.
- 157 *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 107–129.
- 158 *Державин Н.С.* Центр славяноведения // Славяне. 1942. № 6. С. 109.
- 159 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. № 6. С. 12.
- 160 *Досталь М.Ю.* Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 244–294.
- 161 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения... С. 17.
- 162 *Матеев М.* Наша опора и надежда // Славяне. 1946. № 4. С. 20.
- 163 *Досталь М.Ю.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 226–242 и др.
- 164 *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых-славистов // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 182–203.
- 165 *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // Исторический архив. М., 2001. С. 10–11.
- 166 *Кикешев Н.И.* Славяне против фашизма... С. 110–124.
- 167 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. М., 2002.
- 168 *Гибианский Л.Я.* Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 131–152; *Ватлин А.Ю.* Смерть Коминтерна // Родина. 1991 № 6–7; *Адибеков Г.М.* Коминформ и Восточная Европа. 1947–1956. М., 1994 и др.
- 169 Подробнее см.: *Волков В.К., Гибианский Л.Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22; Советско-югославский конфликт. 1948–1953: Причины, развитие, последствия и уроки («Круглый стол») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 98–121; *Гиренко И.С.* Сталин — Тито. М., 1991; *Гибианский Л.Я.* От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического лагеря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002 и др.

- 170 Об этих идеологических кампаниях 1940-х гг. в настоящее время написано много работ. Укажем наиболее важные из них: *Ахундов М.Д., Баженов Л.Б.* У истоков идеологизированной науки // *Природа*. 1989. № 2. С. 90–99; *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме // *Звезда*. 1989. № 6. С. 157–176; *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. М., 1991; *Александров В.Я.* Трудные годы советской биологии. Из записок современника. СПб., 1992; *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Еврейский вопрос: Хроника сороковых годов // *Вестник Российской академии наук*. 1993. Т. 63. №1. С. 61–72; № 2. С. 143–151; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993; *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 г. // *Вопросы философии*. 1993. № 2; *Соифер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последние сталинские десятилетия. Документальное исследование. М., 1994; *Он же.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // *Вопросы истории*. 1994. № 8. С. 47–60; *Левин Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... // *Биология в СССР: История и историография*. М., 1995; *Поляков Ю.А.* Весна 1949 года // *Вопросы истории*. 1996. № 8. С. 69–73; *Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948.* Документированная история. М., 1996; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева [публикация Р.Г. Эймонтовой] // *Отечественная история*. 1999. № 3. С. 142–169; *Досталь М.Ю.* «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // *Интеллигенция и власть*. М., 1999. С. 167–175; *Люкс Л.* Еврейский вопрос в политике Сталина // *Вопросы истории*. 1999. № 7; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; *Досталь М.Ю.* С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 30–47 и др.
- 171 Распространение этой «присказки» зафиксировал в своем дневнике С.С. Дмитриев. См.: Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева... С. 165–166. В записи от 28 октября 1950 г. говорилось: «Анекдот: Объявлен был международный конкурс на сочинение о слонах. Из Германии прислали 10 пухлых томов — „Введение в слоноведение“. Из Америки — компактную, отлично изданную брошюру „Что должен знать о слонах каждый средний американец“. Из Франции — изящный волюм со множеством фотоиллюстраций „Любовь в жизни слонов и любовь слонов и женщин“. Из СССР — сочинение „СССР — родина слонов“». См. также: *Писаренко Д.* Как Россию делали родиной слонов // *Аргументы и факты*. 2002. № 5. С. 12.
- 172 Подробнее см.: *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы... С. 229; *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона... С. 179–191.

ГЛАВА III

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Преподавание историко-славистических дисциплин имеет в Московском университете давние и славные традиции. Со времени образования в 1835 г. по новому университетскому уставу кафедры истории и литературы славянских наречий исторических аспектов славяноведения касались в своих лекциях ее профессора М.Т. Каченовский, О.М. Бодянский, А.Л. Дювернуа, В.Н. Щепкин, вне кафедры А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов, П.А. Лавров, М.И. Соколов, М.К. Любавский, Ю.В. Готье и др. выдающиеся ученые, внесшие неоценимый вклад в отечественное славяноведение. Тем не менее кафедра истории южных и западных славян в МГУ — уникальное явление в истории отечественной славистики. До 1917 г. полномасштабных славистических кафедр исторического профиля в российских университетах так создано и не было, хотя попытки предпринимались¹. В 1920-е гг. в условиях всяческих гонений и притеснений данной науки со стороны новых властей такой задачи и не ставилось.

Кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ, как известно², начала функционировать с сентября 1939 г. Этому предшествовала полная драматизма борьба за право славяноведения быть включенным в число дисциплин гуманитарного профиля, преподававшихся в советских вузах (см. главу II).

В литературе вопроса до недавних пор просто констатировалось, что профессор В.И. Пичета «в 1939 г. возглавил кафедру» или что ему было поручено руководство кафедрой. Первыми документами о ее создании признавались докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета А.Д. Удальцову от 9 мая 1939 г. и выписка из протокола заседания Ученого совета исторического факультета МГУ от 11 мая³. Наиболее основательно освещен вопрос об образовании кафедры в статье А.Н. Горяинова «Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1941 гг.)», где было показано, что с самого начала восстановления исторического факультета МГУ в 1934 г. ее преподаватели уделяли некоторое внимание истории южных, западных и восточных славян, готовили аспирантов и дипломников по славистическим темам⁴. В монографии Е.П. Аксеновой указывалось, что к концу 30-х гг. созрели объективные предпосылки⁵ для создания кафедры истории южных и западных славян.

Думается, что такие предпосылки (включая указанные во второй главе внутри- и внешнеполитические факторы) в определенной мере существовали уже с момента образования факультета, после закрытия Института славяноведения АН СССР в Ленинграде (1931–1934), но не было *субъективной* составляющей. Не появилось человека, обладающего широкой эрудицией, крупного специалиста в области истории славян, пользующегося высоким научным авторитетом и одновременно способного организатора науки.

Таким человеком смог стать именно В.И. Пичета, вернувшийся из ссылки в Вятке и Воронеже в Москву в 1935 г. и начавший преподавание в МГУ в 1938 г. Это был человек

энциклопедических знаний и эрудиции, к тому времени получивший известность как крупный специалист по истории Польши и Литвы, опытный профессор (преподавал в Московском университете, на Высших женских курсах, в Белорусском государственном университете и пр.) и организатор науки (до своего ареста в 1930 г. и ссылки в 1931 г. был ректором БГУ, имел большие заслуги в организации архивного дела в СССР и пр.)⁶. Известно, что в МГУ он получил возможность с декабря 1938 г. читать курс на кафедре истории СССР, спецкурс по истории Украины и Белоруссии с древнейших времен до конца 1860-х гг., где большое внимание уделялось украинско-польским и белорусско-польским историческим связям⁷. В это время он, вероятно, не раз задумывался о создании славистической кафедры в МГУ. При этом ученый хорошо понимал, что в традиционной филологической форме в условиях, когда славянская филология обвинялась в «пособничестве фашизму» и контрреволюции, а специалисты-слависты попали в списки «врагов народа» и белоэмигрантов⁸, возрождение университетской славистики в СССР вряд ли будет возможно.

Ему представлялось целесообразным реанимировать (с новым политическим обоснованием) остававшуюся долго в тени славянской филологии историческую славистику. Именно она могла дать необходимые аргументы и материалы для борьбы с фашистской идеологией, которая до заключения пакта Молотова–Риббентропа в августе 1939 г. была одной из центральных тем официальной пропаганды, тем более, что ряд славянских стран уже был поработан фашистской Германией. Недаром в декабре 1938 г. В.И. Пичета писал: «Для того, чтобы разобраться в современной политической ситуации, мы должны быть достаточно хорошо осведомлены в основных моментах истории южных и западных славян»⁹.

В.И. Пичета выступил инициатором создания кафедры, именно он сумел заручиться поддержкой весомых в научном и административном отношении коллег на факультете, именно он раньше других понял, что в конце 1930-х гг. в связи фашистской оккупацией славянских стран Центральной Европы славянская тема становится особенно важной, но возрождать следует не весь комплекс славистических дисциплин (как это пытался сделать Н.С. Державин), а лишь его историческую часть, менее скомпрометированную в глазах советской общественности, более подверженную политизации и восприятию марксистской методологии. Видимо, это обстоятельство нашло понимание при обсуждении вопроса об образовании новой кафедры в ректорате МГУ, в Наркомпросе и в вышестоящих партийных органах.

К сожалению, нами пока не найдено таких установочных документов в университетских и партийных архивах (в последних — ввиду закрытости фондов). Тем не менее во втором томе публикации «Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952» нами обнаружено упоминание об обсуждении кандидатуры профессора З.Р. Нееды в решениях Политбюро в период со 2 по 21 марта 1939 г.¹⁰. Содержание дела здесь не раскрывалось. Но можно предположить, что на заседании Политбюро говорилось о статусе Нееды, прибывающего в Москву (см. далее) как политэмигранта и возможности его использования на новой славистической кафедре в столичном университете. И совсем не случайно, думается, дело с организацией этого учебного подразделения быстро продвинулось вперед.

Как нам удалось установить, первое упоминание о кафедре истории южных и западных славян в документах архива МГУ относится к 23 апреля 1939 г. Тогда в НКП РСФСР, неназванному начальнику ГУВУЗа за подписью и.о. ректора МГУ В.П. Потемкина была

направлена докладная записка, где сообщалось, что «в связи с дальнейшим ростом и развитием отдельных кафедр Дирекция МГУ просит возбудить ходатайство перед ВКВШ» об утверждении ряда структурных изменений в МГУ. На историческом факультете просили утвердить в составе факультета 4 новые кафедры — археологии, этнографии, истории материальной культуры и истории южных и западных славян. Было помечено, что по первым трем кафедрам «принципиальное согласие ВКВШ имеется»¹¹. (Докладная записка о них посылалась в ВКВШ еще 27 января 1939 г.) Следовательно, решение об организации кафедры славяноведения созрело между январем и апрелем 1939 г. Заметим, что при окончательном решении об организации названных кафедр на факультете на майском Ученом совете кафедра истории материальной культуры не значилась.

Не случайно, что первый известный донныне и опубликованный источник о кафедре, а именно «Докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета МГУ И.Д. Удальцову» от 9 мая 1939 г., производит впечатление документа, который обосновывает не предполагаемое, а уже состоявшееся решение. Об этом свидетельствует, в частности, уже начало записки: «Исторический факультет Московского государственного университета, открывая на факультете первую в Советском Союзе кафедру славяноведения, естественно, должен так ее организовать, чтобы она рядом с научно-исследовательской и педагогической работой могла бы заняться подготовкой кадров молодых советских славяноведов-исследователей»¹².

Судя по записке, В.И. Пичета мыслил заложить долговременное основание для будущей работы кафедры. Самые трудные вопросы, которые предстояло решить, это обеспечение ее кадрами квалифицированных преподавателей по истории славян и славянских языков, подготовка учебных пособий и формирование специальной библиотеки. (Примечательно, что именно эти задачи ставили перед собой и решали более 100 лет назад первые университетские преподаватели славяноведения в России¹³.)

Штаты новой кафедры, по замыслу В.И. Пичеты, должны были составлять не менее семи человек: зав. кафедрой — профессор, профессор по истории Чехии, доцент по истории южных славян, четыре преподавателя чешского, польского, болгарского и сербского языков¹⁴.

Возглавить ее предполагал сам ученый. Он брал на себя чтение курса по истории Польши. Курс истории Чехии он предложил читать крупному чешскому историку и историку культуры З.Р. Неедлы, бежавшему из занятой фашистами Праги и 1 апреля 1939 г. прибывшему в Москву¹⁵. «Он не владеет пока блестяще русским языком, — говорилось в записке, — но говорит на нем довольно свободно, хотя и с большим акцентом. Усвоить русский язык для пр. Неедлы не составит больших затруднений. З.Р. Неедлы — автор ряда трудов по истории Чехии и двухтомной биографии Ленина, третий том которой был сдан в печать почти накануне захвата Чехословакии фашистами»¹⁶. Труднее было дело с преподаванием истории южных славян. Кандидатура единственного в Москве специалиста по южнославянским языкам, бывшего профессора МГУ и МИФЛИ А.М. Селищева, видимо, Пичету не устраивала по двум основаниям — он был лингвист, представитель оклеветанной в СССР славянской филологии, к тому же недавно (в 1937 г.) вернувшийся из ссылки, а в 1938 г. вдобавок лишенный звания члена-корреспондента АН СССР. Возможно, были и какие-то личные мотивы. Первое основание было серьезнее, ибо привлечение репрессированного филолога-слависта могло скомпрометировать вновь создаваемую кафедру. Но выбирать было не из кого. Для чтения курса по истории Болгарии он предполагал пригласить доцента МИФЛИ С.А. Никитина, специалиста по источниковедению и истории

славянской идеологии в России, также отбывшего ссылку. Он, по словам В.И. Пичеты, «занимался историей Болгарии и ему знаком болгарский язык». К чтению курса по истории Сербии он намеревался привлечь также подвергнувшегося репрессиям специалиста по истории и археологии Европы и истории России XVII–XVIII вв., академика Ю.В. Готье, читавшего подобный курс до революции в университете и на Высших женских курсах в 1911–1917 гг. В последнем случае не исключалась и кандидатура Селищева. Во всяком случае, в штате кафедры предполагалась должность доцента по истории южных славян, следовательно, профессора Готье и Селищев могли приглашаться только для чтения отдельных курсов.

Четыре штатные единицы должны были составить преподаватели чешского, польского, болгарского и сербского языков, с нахождением которых Пичета не предполагал затруднений, вероятно, рассчитывая на политэмигрантов, работавших в Москве.

В качестве первоочередных задач кафедры Пичета предлагал объявить о приеме в аспирантуру по специальностям «история южных славян» и «история западных славян».

Для обеспечения студентов учебными пособиями Пичета наметил подготовить в 1939–1940 гг. сборники документов по истории западных славян (ч. 1) и южных славян (ч. 2) с текстами, небольшим словарем и комментариями для практических занятий по истории славян, с текстами в латинском оригинале и переводах (тексты на греческом языке во внимание тогда не принимались). В распоряжении студентов-славистов были учебник «буржуазного» историка М.К. Любавского «История западных славян» (М., 1918), отдельные главы в учебнике «История средних веков» (М., 1938. Т. 1), в хрестоматии по истории средних веков 1935 г. и готовящейся к печати «Истории СССР», а также «История Сербии» (М., 1909) и «История Болгарии» (М., 1910) историка-эмигранта А.Л. Погодина, статьи и брошюры политэмигрантов из славянских стран¹⁷. Писать учебники предполагалось в сотрудничестве с кафедрами истории СССР и новой истории.

Планировалось также подготовить к печати краткий учебник — руководство по истории западного славянства, составить небольшие пособия по грамматике с текстами и словарем по отдельным славянским языкам (за исключением польского) и небольшую хрестоматию по образцу подобных изданий В.Н. Щепкина и С.М. Кульбакина (с сербскими и болгарскими текстами). Чешскую хрестоматию предполагалось составить заново.

В.И. Пичета писал далее: «Необходимо обеспечить кафедру библиотекой по славяноведению, разумеется, имея в виду фонды б. университетской библиотеки, организовать выписку журналов и новых книг по истории славяноведения в частности»¹⁸. (Заведующей библиотечным кабинетом много лет была Е.М. Ушанова¹⁹).

Кроме того, Пичета предполагал, что новая кафедра с первых дней своей работы начнет научную деятельность с обсуждения научных докладов членов кафедры и приглашенных специалистов.

11 мая 1939 г. состоялся знаменательный в анналах кафедры Ученый совет исторического факультета МГУ, на котором произошло ее официальное утверждение наряду с кафедрами археологии и этнографии. С докладом выступил декан факультета А.Д. Удальцов. Он обосновывал необходимость создания кафедры особой политической актуальностью славистических исследований «в условиях разгрома и фашизации Чехословакии»²⁰. В постановлении, принятом Ученым советом, заведующему кафедрой вменялось в обязанность представить к 13 мая её учебный план, кадровый состав и нагрузку преподавателей, количество часов спецкурсов и спецсеминаров для включения в общий план исторического факультета. Предписывалось принять 3. Нееды в состав

профессоров кафедры, а к 19 мая представить план научно-исследовательской работы. Кроме того, предлагалось открыть прием в аспирантуру с 1939/1940 учебного года²¹.

Такой документ В.И. Пичета представил в деканат уже 12 мая 1939 г. В первом полугодии З.Р. Неедлы должен был читать «Историю Чехии» один раз в пятидневку, во втором В.И. Пичета точно так же — «Историю Польши». На оба курса выделялось 80 часов. Семинар по истории Чехии З.Р. Неедлы планировался также на первый семестр, семинар «Польша накануне восстания 1830 г.» В.И. Пичеты — на второй, также один раз в пятидневку. На них также выделялось в общей сложности 80 часов. На преподавание каждого из четырех славянских языков выделялось такое же количество часов в течение года. Пичета указывал также на необходимость обеспечения работы для двух библиографов и заведующего Славистическим кабинетом и выделение 5000 рублей для организации кабинета и выписки книг и журналов из-за границы²².

Разумеется, не все из запланированного удалось воплотить в жизнь, но процесс становления кафедры начался. Примечательно, что группа студентов исторического факультета спустя несколько дней после памятного Ученого совета выразила желание специализироваться в области истории славян. В нее вошли четверокурсники И.С. Миллер, И.И. Удальцов, Н.Д. Ратнер, впоследствии ставшие видными историками-славистами, и др. Они же были первыми дипломниками кафедры²³. Первой аспиранткой кафедры 14 июня 1939 г.²⁴ зачислили И.М. Тышкевич (Белявскую), проявившую себя, как писал позднее В.И. Пичета, «вдумчивым исследователем, хорошо владеющим марксистско-ленинским методом»²⁵. Штат кафедры первоначально составляли профессора В.И. Пичета и З.Р. Неедлы. В биографических материалах о С.И. Зиниче, хорватском политэмигранте, защитившем в 1938 г. в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию «Индустриальные рабочие мира накануне мировой империалистической войны (1908–1914 гг.)», указывается, что с марта 1938 по декабрь 1940 г. он по совместительству был доцентом кафедр новой истории и истории южных и западных славян²⁶. Какие курсы он читал — неизвестно. В первоначальной информации о деятельности кафедры его имя не упомянуто. Доцент С.А. Никитин стал штатным преподавателем кафедры лишь в 1942 г. Лаборантами кафедры были зачислены студенты старших курсов И.С. Миллер и И.И. Удальцов. Вопрос о создании библиотечного Кабинета славяноведения обсуждался многократно и в рассматриваемый нами период так и не был удовлетворительно решен.

Вместо первоначально запланированных курсов В.И. Пичета прочитал годовой курс «История Польши в XIX в.». Ему же самому пришлось в отсутствие специалиста по истории южных славян прочитать спецкурс «История Болгарии до турецкого завоевания»²⁷. В первом полугодии следующего учебного года он подготовил курс «История Сербии до первой мировой войны»²⁸. В информации о работе кафедры за первые два года эти курсы обобщенно названы «История средневековой Польши», «История польского народа в XIX веке», «История южных славян в средние века»²⁹.

З.Р. Неедлы читал прежде в Карловом университете лекции по эстетике, истории и теории музыки. В 1936/1937 гг. он прочел там два раза на педагогическом факультете свой первый чисто исторический курс «История Чехии XIX–XX веков». В 1938 г. он задумал написать «Историю чешского народа до 1918 г.» в ответ на «измышления фашистской историографии». До вынужденной эмиграции в СССР при содействии сотрудников советского посольства ему удалось сдать в печать только первый том (до конца XIV века). Таким образом, он, как никто другой из специалистов в СССР, был хорошо подготовлен к чтению университетских лекций по богемистике. Вместо семестрового курса «История Чехии в

средние века» З.Р. Неедлы прочитал в 1939/40 г. годовой курс «История чешского народа», доведя изложение до заключения рокового для Чехословакии Мюнхенского договора (сентябрь 1938)³⁰. В информации курсы назывались «История Чехии в средние века» и «История Чехии в новое время»³¹. Кроме того, он преподавал курсы «История Словакии и Закарпатской Украины» и «Введение в славяноведение (Введение в изучение славянства)». Последний курс стал основой его программной статьи «К истории славяноведения до XVIII в.»³² и послужил введением к курсу по истории Чехии. Оригинальный курс по истории Словакии и Закарпатья читался им впервые в России (и дореволюционной и советской). Он предполагал на его основе написать монографию объемом в 10–12 п.л. (что было частично реализовано в статьях)³³. З. Неедлы прочитал также курс по чешской историографии — один из первых историографических курсов на историческом факультете МГУ³⁴.

Спецсеминары для студентов IV курса начались уже в 1939 г. В 1940/1941 учебном году впервые проводились со студентами II курса практикумы по истории Чехии и Польши в средние века. Сохранилось известие о подобных занятиях З. Неедлы. Как автор магистерской и докторской диссертаций по истории гуситских песнопений, он, естественно, предложил для них гуситскую тему. Так, Неедлы организовал для первых студентов кафедры семинар о предшественниках чешского реформатора Я. Гуса. Видимо, по его инициативе, претворяя в жизнь программу В.И. Пичеты, кафедра начала готовить материалы по истории гуситского движения. Неедлы предложил перевести на русский язык один из важнейших источников по истории гуситства «Хронику Лаврентия из Бржезовой» и привлек к этой работе студентов. Перевод этой хроники осуществлен В.С. Соколовым в 1940 г. Им пользовались как учебным пособием преподаватели, аспиранты и студенты кафедры³⁵. (Этот памятник был издан с комментариями сотрудников Института славяноведения АН СССР только в 1962 г.)

Как вспоминала Б.М. Руколь, в 1940 г. З.Р. Неедлы организовал на историческом факультете вечер, посвященный гусизму. После интересного доклада он сам сел за рояль. В актовом зале звучала музыка боевого гуситского гимна «Кто вы, божиьи воины?». Все встали³⁶. Прекрасный лектор, Неедлы «умел воодушевить студентов идеалами героической борьбы гуситов, слушатели... понимали, что изучают историю поработенного, но не покоренного народа»³⁷.

Предложенная В.И. Пичетой практика чтения научных докладов на заседаниях кафедры вошла в обычное дело не сразу. В известных нам материалах таковая в начальный ее период не зафиксирована. Но профессора кафедры неоднократно выступали с докладами на заседаниях Ученого совета университета и в других аудиториях. Так, З.Р. Неедлы уже в 1939 г. сделал доклад об основных периодах чешской истории, где большое внимание уделил эпохе гуситского движения и национального возрождения³⁸. В.И. Пичета в лектории МГУ 3 октября 1939 г. прочитал лекцию «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии»³⁹, на тему особенно актуальную после включения этих территорий в состав СССР.

Вопрос о преподавании славянских языков решился не сразу. Группы по изучению чешского и польского языков были организованы в 1939/1940 учебном году, сербского — в 1940/1941. На следующий учебный год планировалась организация группы по изучению болгарского языка. Имена преподавателей не назывались⁴⁰.

С осени 1940 г. на первом и втором курсах учились студенты, досрочно выбравшие специализацию по кафедре. Среди них поляк Ю. Боген, словенец Ю. Густинчич, А.Н. Киршевская и др.⁴¹. Преподаватели были довольны успехами своих слушателей.

Как вспоминала Б.М. Руколь, «в 1939/1940 и 1940/1941 учебных годах на экзаменах по спецкурсам были отмечены блестящие знания студентов. На государственных экзаменах ответы студентов кафедры комиссия признала выдающимися»⁴². Это важное свидетельство успешной деятельности кафедры. Конечно, в воспоминаниях можно было бы усмотреть некоторую склонность к преувеличениям, свойственную мемуаристам, если бы это не подтверждалось объективными свидетельствами тех лет в студенческой печати, где отмечались блестящие ответы И.С. Миллера и И.И. Удальцова⁴³. В многотиражке «Первый университет» от 1 ноября 1940 г. сообщалось также о темах курсовых работ тогдашних студентов кафедры. Николаевский писал работу «Гус в историографии славянофилов», Демидов — «Галицийское восстание 1846 г.», В. Зотов — «Национальный вопрос в Австро-Венгрии накануне первой империалистической войны», Е. Хроменко — «Герцен о восстании 1848 г.». В заметке отмечалось: «Почти всем товарищам приходится иметь дело с научной литературой на чешском, польском, немецком, французском и других языках»⁴⁴. Примечательно, что первые студенты кафедры писали курсовые работы по темам, которые позднее стояли в центре внимания последующих историко-славистических исследований. По некоторым из них написаны монографии.

Показательно, что на кафедре южных и западных славян применялись новые формы работы со студентами. В 1941 г. состоялись первые защиты дипломных работ, которые ранее на историческом факультете МГУ не практиковались. Сохранились сведения о защите В.С. Билевым работы «Возникновение рабочего революционного движения в Польше и партия „Пролетариат“» (руководитель В.И. Пичета). Наставником трех других дипломников был З.Р. Неядды. И.С. Миллер подготовил работу «Восстание Костки Наперского 1651 г.», Н.Д. Ратнер — «Мятеж чехословацких легионов в 1918 г.», И.И. Удальцов — «Польское восстание 1863 г. и чешское общество»⁴⁵. Все трое «питомцев» Неядды стали впоследствии известными историками-славистами. Защита дипломных работ на заседаниях кафедры стала нововведением славистов. Потом это начинание распространилось на весь исторический факультет. Как вспоминала Б.М. Руколь, «в деканате это мероприятие одобрили и ввели публичную защиту дипломных работ на факультете»⁴⁶.

В 1941 г. на кафедре специализировались 5 аспирантов (И.М. Тышкевич-Белявская, Ц.С. Телицына-Бобинская, И.С. Миллер и др.). Последний успел защитить в сентябре 1941 г. кандидатскую диссертацию «Крестьянские движения в Польше в 1651 г.»⁴⁷ (научный руководитель В.И. Пичета).

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны кафедра отметила свое двухлетие: определились общие курсы, спецсеминары, появились первые выпускники и аспиранты, заслушивались первые научные доклады. Узким местом осталось создание полноценного библиотечного кабинета по славяноведению, не смогли подготовить намеченные первоначально учебные пособия, не было штатного преподавателя по истории южных славян. В заметке студента В. Зотова «Что мешает выполнению курсовых работ», помещенной в многотиражке «Первый университет» (от 1 ноября 1940 г.), указывалось, что кроме плохого обеспечения литературой и наглядными пособиями, недостаточно хорошо поставлена учебно-организационная работа — студенты не знают учебного плана и расписания консультаций, что за их учебой нет надлежащего контроля⁴⁸. Тем не менее В.И. Пичета имел основание оптимистично заключить: «Двухлетний опыт работы первой и пока еще единственной кафедры западных и южных славян дает основание поставить вопрос о воссоздании кафедр славяноведения и в других университетах»⁴⁹.

* * *

Начавшаяся Великая Отечественная война многое изменила в деятельности молодой кафедры, затронув все её аспекты: изменился состав студентов, аспирантов и отчасти преподавателей, многие из которых ушли на фронт, условия работы, идеологические акценты программ лекционных курсов и научных докладов, наконец, что очень существенно, жизненные условия в военное время (эвакуация, голод, бомбежки и пр.), в которых происходили занятия. Не изменилось главное — стремление подготовить квалифицированных специалистов, хорошо владеющих марксистской методологией, истинных патриотов Родины. «Высокая идейность» и «советский патриотизм» далее все более поднимались на щит в повседневной учебной жизни университета.

Много трудностей и проблем принесла срочная эвакуация основной массы студентов и преподавателей МГУ (из-за прорыва немцев под Москвой) в Ташкент в середине октября 1941 г. и уход многих студентов и аспирантов на фронт. Первый семестр 1941/1942 учебного года был практически сорван. Так случилось, что профессора кафедры оказались в разных городах: В.И. Пичета с середины октября 1941 г. по середину июня 1943 г. провел в Ташкенте, З.Р. Неедлы с 15 октября 1941 по 1 марта 1942 г. — в Куйбышеве⁵⁰. В автобиографии от 20 мая 1942 г. Неедлы кратко писал об этом периоде: «С 15 октября я вынужден был покинуть Москву и работал в гор. Куйбышеве в Радиокomitee, в Совинформбюро и в группе научных работников, созданной сотрудниками Института истории АН СССР. 1 марта 1942 г. вернулся в Москву⁵¹. Понятно, что делами кафедры он в тот момент не занимался. Его авторитет и знания активно использовались в политпропаганде.

В.И. Пичета с сотрудниками Института истории АН СССР оказался в Ташкенте, в то время как основная масса студентов и преподавателей МГУ эвакуировалась в Ашхабад и затем в Свердловск. (Примечательно, что в МГУ и в отсутствие В.И. Пичеты и кафедры проявлялся интерес к истории славян, характерный для периода Великой Отечественной войны.) В.И. Пичета, по-видимому, преподавал в Среднеазиатском университете. Но никаких свидетельств о попытке возобновления им деятельности кафедры в Ташкенте не сохранилось⁵². Однако он поддерживал активную переписку со своими учениками и коллегами, внушая им веру в скорую победу и необходимость активно бороться за ее достижение на фронте и в тылу. В письмах 1942 г. М.Н. Тихомирову он писал: «Только вера в великую мощь русского народа вносит успокоение в мою взволнованную и встревоженную душу» и «в конечном итоге победа будет за нами»⁵³. В эвакуации В.И. Пичета продолжал писать «Историю Польши» в рамках плана Сектора славяноведения Института истории АН СССР и включился в подготовку «Истории Узбекистана». Недостаток педагогической работы по специальности он восполнял активной общественной и пропагандистской работой, распространяя знания о славянстве в основном среди военнослужащих. Своей аспирантке И.М. Белявской он писал 8 августа 1943 г. уже по возвращении в Москву: «Военный округ в Ташкенте отметил мою лекторскую деятельность „Почетной грамотой“. Ведь я прочел в военных частях почти 150 лекций независимо от времени года, часа и расстояния»⁵⁴. Из научных докладов В.И. Пичеты этого времени следует отметить следующие: «Польские славянофилы в первой половине XIX в.» (16 марта 1942 г.) и «Планы Наполеона против России в 1812 г.» (5 мая 1942 г.)⁵⁵. Примечательно, что в Ташкенте В.И. Пичета устраивал дома, в своей скромной съемной комнате, «ученые субботы», где выступали с сообщениями его коллеги, эвакуированные академики, признавая бесспорный авторитет и энциклопедическую эрудицию хозяина⁵⁶.

Вернувшийся в Москву из эвакуации раньше В.И. Пичеты, З.Р. Неедлы был назначен и.о. заведующего кафедрой. Занятия в университете возобновились с 1 апреля 1942 г. З.Р. Неедлы впервые прочел оставшимся в Москве студентам исторического факультета в 1942/1943 учебном году курс «Введение в историю южных и западных славян», который в дальнейшем под названием «История южных и западных славян» был введен как обязательный на всех исторических факультетах советских университетов⁵⁷. В.Д. Королюк, слушавший в те годы курсы Неедлы, справедливо писал: «Нужно было обладать огромными знаниями и опытом, чтобы создать университетские курсы, в которых последовательно излагалась история всех больших и малых славянских народов, анализировались особенности их исторического процесса в связи с историей других соседних народов»⁵⁸.

9 ноября 1942 г. состоялся Ученый совет исторического факультета МГУ, посвященный 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. З.Р. Неедлы выступил на нем со знаменательным докладом «Задачи изучения в СССР истории славянских народов»⁵⁹. Доклад был примечателен тем, что Неедлы назвал в нем свои тогдашние научные приоритеты, прежде всего необходимость изучения истории не только больших, но и малых (в том числе славянских) государств и народов. По случаю юбилея он подчеркнул, разумеется, важность изучения влияния «пролетарской» Октябрьской революции на славянские народы, считая, что «Октябрь сблизил славянские народы». (Эта тема станет позднее одной из самых приоритетных в советском славяноведении.) Но наиболее важными в годы войны для тогдашнего славяноведения он считал темы патриотического характера: изучение связей южных и западных славян, а также проблемы единства славянских народов (то есть славянской идеологии) и, в частности, решение вопроса «почему у славян, несмотря на все существующие между ними различия, есть сильное понятие родства между отдельными славянскими народами», связывая его с особенностями культуры славян. Можно согласиться с Б.М. Руколь в том, что Неедлы выступил в докладе за «критический пересмотр... наследства, оставленного дореволюционным славяноведением», но никак, по её утверждению, ни за его положительное «освоение»⁶⁰. Это время еще не пришло. Напротив, Неедлы тогда подчеркивал, что советское славяноведение стоит на принципиально новых «советских» (то есть марксистско-ленинских. — М.Д.) по сравнению с «буржуазным» основаниях. В заключение он представил несколько романтическую картину «очищения» будущего славяноведения с некоторым «панславистским» уклоном, предвосхитив умонастроения в конце войны: «Советский Союз и его героическая Красная Армия борются за объединение народов, за их освобождение, и таким должно быть наше славяноведение. Оно должно объединять славянские народы и освободить их от всякого гнета с тем, чтобы отобразить в этом новом свете и их историю и их культуру, и их сегодняшние задачи и их завтрашний мир»⁶¹.

С 1942 г. штатным преподавателем кафедры стал доцент С.А. Никитин. В то время он был уже известным специалистом по истории России, проявлявшим большой интерес к истории южных славян, к тому же имевшим солидный опыт преподавания в МИФЛИ. С.А. Никитин начал читать курс по истории Болгарии, а в следующем учебном году студенты прослушали его спецкурс «Международные отношения на Балканах во второй половине XIX в.». Он же впервые прочел общий курс «История западных и южных славян» на заочном отделении исторического факультета⁶². С.А. Никитину была поручена на кафедре подготовка специалистов по истории Сербии и Болгарии.

В должности профессора кафедры по приглашению З.Р. Неедлы с 1943 по 1944 г. состоял профессор МГУ М.Н. Тихомиров, крупный специалист по истории России, славянских стран и Византии, который руководил дипломниками и аспирантами⁶³. И.о. заведующего кафедрой средних веков исторического факультета МГУ, крупный историк-медиевист Н.П. Грацианский в 1942/43 г. вел в своем научном подразделении спецсеминар по истории полабских славян, в котором участвовали и студенты кафедры истории южных и западных славян (В.Д. Королюк, Г.Э. Санчук и др.)⁶⁴. На нем изучалась «Славянская хроника» (XII в.) Гельмольда. Кроме того, он прочитал в 1943 г. спецкурс «История борьбы западных славян с немецкой агрессией в средние века»⁶⁵, на эту же тему им была написана брошюра. Он также активно участвовал во многих научных мероприятиях кафедры.

З.Р. Неедлы начал читать в 1942/1943 г. новый курс «Славянские государства в XX веке» и вел семинар по теме «Версальский мирный договор», который был ориентирован против «националистической буржуазной историографии» и вызвал большой интерес слушателей. Не меньшей популярностью у студентов пользовался его семинар «Борьба гуситов с немцами», где акцентировалось внимание именно на национальный аспект гуситского движения. Б.М. Руколь вспоминала: «В общем курсе Неедлы читал историю гусизма так вдохновенно, что почти все студенты на вопрос, что показалось им самым интересным, отвечали — „История гуситских войн“... Лекции З. Неедлы приходили слушать студенты других факультетов и даже других вузов»⁶⁶.

С июня 1943 г. кафедру вновь возглавил вернувшийся из эвакуации В.И. Пичета. По штатному расписанию кафедра располагала одной ставкой профессора, половиной ставки доцента и одной профессорской научно-исследовательской ставкой. Из сохранившегося отчета о работе кафедры В.И. Пичеты за 1943 г. видно, что несмотря на это численный состав преподавателей кафедры заметно вырос. Ее членами были З.Р. Неедлы, С.А. Никитин, М.Н. Тихомиров, Н.С. Франич, аспиранты Ц.С. Телицына, В.Д. Королюк. Часть преподавателей находились на почасовой оплате⁶⁷.

В.И. Пичета начал собирать вокруг себя учеников, разбросанных войной по всей стране. 23 июня 1943 г. он провел первое по возвращении заседание кафедры, утвердившее план работы на 1943/1944 учебный год. В первом семестре этого года З.Р. Неедлы по-прежнему читал общий для исторического факультета курс по истории южных и западных славян, а для студентов кафедры спецкурс по истории чешского возрождения. В.И. Пичета прочел спецкурс о польско-русских отношениях в XIX в., а С.А. Никитин — «История национального движения на Балканах». В полном объеме преподавание истории южных и западных славян еще не было налажено.

Сохранившиеся данные о тематике заседаний кафедры в 1943 г. свидетельствуют о ее насыщенной внутренней жизни и главных интересах. Всего было проведено 14 заседаний: 11 под руководством З.Р. Неедлы и 3 — В.И. Пичеты. В апреле и декабре обсуждался вопрос о создании в МГУ Славянского отделения в связи с образованием на филологическом факультете кафедры славянской филологии. Крепкого союза историков и филологов тогда не получилось. По-прежнему актуальной являлась организация библиотечного Кабинета славяноведения, не решен вопрос о возобновлении преподавания славянских языков. Научная «экспансия» этого учебного подразделения выразилась в обсуждении вопроса о включении в учебный план кафедры новой истории семинара по истории славян в новое время, а в план кафедры истории СССР — семинара по истории взаимных связей России со славянскими народами (видимо,

М.Н. Тихомирова). Семинары по истории древних славян на кафедре средних веков уже проводились. Не чужды членам кафедры были и общеуниверситетские вопросы: о кандидатурах в академики и члены-корреспонденты АН СССР, о выдвижении кандидатов на получение Сталинской премии⁶⁸.

Научная работа преподавателей кафедры отражалась не только в лекциях и семинарах, но и в прочтенных докладах. Судя по отчету, таких докладов было семь, и все они отражали их разнообразные научные интересы, не связанные уже напрямую с идеологическими заказами военного времени. З.Р. Неедлы прочел доклад на тему «Государство Само», М.Н. Тихомиров — «Киевская Русь и Болгария». Остальные доклады касались истории XIX века. С.А. Никитин доложил о внешней политике России на Балканах во время Крымской войны, В.Д. Королук раскрыл тему «Карел Гавличек Боровский в единоборстве с австрийской реакцией 1848–1852 гг.». Особенно активно выступала аспирантка Ц.С. Телицына (Бобинская). Обсуждению ее докладов («Революция в Познани в 1848 г.», «Польский вопрос и революция 1848 г.», отчет об аспирантской работе) посвящались три заседания кафедры⁶⁹.

О работе кафедры в 1944/1945 учебном году почти не сохранилось документальных известий. В архиве МГУ протоколы заседаний кафедры этого времени отсутствуют. Не освещен этот вопрос и в литературе. Реконструировать этот период можно по некоторым косвенным данным. В августе 1943 г. В.И. Пичета телеграммой вызывает в Москву И.М. Белявскую, свою бывшую аспирантку. В январе 1944 г. она возвращается в Москву и после трехлетнего перерыва возобновляет и заканчивает свое обучение в аспирантуре. В марте 1944 г. тема ее диссертации определялась так: «Русская общественность и польский вопрос в половине XIX века». В.И. Пичета доверил ей тему, прежде разрабатывавшуюся в его семинаре Е.Т. Хроменко (он написал курсовую работу «Герцен и польское восстание 1863 г.», ушел на фронт и к научной работе больше не вернулся)⁷⁰. Окончательный вариант названия диссертации И.М. Белявской был сформулирован как «А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение в 60-х годах XIX века». Её она и защитила в МГУ в 1950 г. С 1 октября 1944 г. И.М. Белявская зачисляется в штат кафедры на должность старшего преподавателя и активно включается в учебный процесс: ведет семинары, руководит дипломниками, участвует в создании общего курса по истории южных и западных славян⁷¹.

С 1944 по 1949 г. на кафедре по совместительству преподавал византинист Б.Т. Горянов. Он читал часть общего курса (о южных славянах), спецкурсы «Византия и южные славяне» (по которому вел семинар) и «История Черногории»⁷². Специалист по новой истории Польши и Югославии В.Н. Кондратьева, защитившая в 1942 г. в Саратове кандидатскую диссертацию «Польское восстание 1863 г. и крестьянское движение в Белоруссии»⁷³ и с 1944 г. работавшая в Секторе славяноведения Института истории АН СССР, в 1944/1945 учебном году читала спецкурс «Крестьянский вопрос в Польше в первой половине XIX века, вела спецсеминар по истории Сербии в XIX веке, руководила дипломником⁷⁴. С 1944 по 1965 г. лаборантом кафедры состояла Е.М. Ушанова.

Можно предположить, что основные преподаватели кафедры В.И. Пичета, З.Р. Неедлы (до своего отъезда весной 1945 г. на родину) и С.А. Никитин продолжали чтение курсов по истории Польши, Чехии и Болгарии, спецкурсов, руководили аспирантами и дипломниками. В частности, З.Р. Неедлы читал тогда общий курс истории южных и западных славян, спецкурс «История Словакии» и еще в марте 1945 г. принимал экзамены⁷⁵. 28 марта этого года состоялся последний Ученый совет исторического

факультета МГУ, в котором принял участие чешский историк. Его избрали тогда почетным членом этого Совета. Прощаясь с коллегами, З.Р. Неедлы «со слезами на глазах» сказал, что «никогда не забудет шесть лет работы в Московском университете и всего того нового, что он там встретил»⁷⁶. Здесь уместно сказать, какого выдающегося преподавателя и ученого потеряла кафедра с отъездом З.Р. Неедлы. (В данном случае мы абстрагируемся от идеологического содержания его научных работ и университетских курсов — ярких «продуктов» своего времени.) В.Д. Королюк вспоминал о нем: «Зденек Романович учил высокому искусству исторического анализа и синтеза, учил искусству, проникая в прошлое и внимательно всматриваясь в настоящее, заглядывая в будущее, а его огромный жизненный опыт ученого, которым он охотно делился, давал много материала для раздумий. Огромное впечатление производила даже сама речь его, то пламенеющая гневом, если дело шло о явлениях глубоко противных его натуре, то спокойная и размеренная, но полная скрытой страсти, когда ему приходилось шаг за шагом развивать цепь умозаключений для доказательства того или иного положения»⁷⁷.

В 1944–1945 г. В.И. Пичета планировал силами кафедры подготовку нескольких научных работ: «История русского славяноведения» (совместно со студентами), «История славянских народов» (Пичета, Никитин, Тихомиров), а также источников: Законник Стефана Душана, сербские конституции, источники по польской истории (шляхетские привилегии, привилегии на магдебургское право и др.)⁷⁸. Эти планы не были тогда реализованы, хотя и нашли отчасти отражение в подготовке перспективного плана на 1946–1950 гг.

Сохранились сведения о темах дипломных работ студентов кафедры, которые отражали в основном научные приоритеты тогдашнего славяноведения, а не задачи партполитпропаганды военного времени. В 1944 г. К.И. Козырина защитила диплом на тему «Общественно-политические взгляды Петра Хельчицкого» (руководитель З.Р. Неедлы). 1945 год был особенно «урожайным» на дипломников. Их насчитывалось 13. М.Н. Тихомиров руководил дипломной работой И.Б. Грекова «Социально-экономическое и правовое развитие г. Вильно в XIV–XVII вв.». Без руководителей готовились темы по истории XVIII века: М.Ф. Питак (Столбова) «Конституция 3 мая 1791 г.» и З.В. Шаталова «Крестьянский вопрос в Польше в конце XVIII в.». Более всего разрабатывались студентами темы по истории славян XIX в. В.И. Пичета выступил руководителем работ: И.А. Воронкова «Декабристы, Кирилло-Мефодиевское общество, Н.Я. Данилевский и славянский вопрос», И.С. Достян «Польское восстание 1863 г. в освещении русской периодической печати», Е.П. Ратайко «Русские славянофилы и польско-русский вопрос». В.Н. Кондратьева руководила работой В.Ф. Хуторны «Крестьянская реформа в Польше». Под руководством С.А. Никитина защитили дипломные работы А.А. Никольская «Газета „День“ и славянские проблемы», К.Л. Васильева (Струкова), «Политические взгляды Христо Ботева», Н.П. Беякова (Данилова) «Внешнеполитические взгляды и деятельность представителей сербской Омладины». Из этого видно, что многие студенты кафедры были ориентированы на освещение проблем славянской идеологии в России, столь актуальных в эйфории Победы и «славянской» политики Кремля.

Проблемам новой истории XX века была посвящена работа Л.В. Архиповой «Итало-югославский спор на Парижской конференции в 1919–1920 гг.» (руководитель В.И. Пичета), А.А. Мигolini «Национальная политика Польши в Западной Белоруссии» (руководитель В.И. Пичета), Н.Я. Цвейч-Леладзе «Конституция королевства СХС 1921 г.» (руководитель С.А. Никитин)⁷⁹. Примечательно, что защиты указан-

ных дипломных работ проходили не летом, а осенью 1945 г. Лучшей, заслуживающей публикации работой признали дипломное сочинение А. Никольской, худшей — В. Хуторны⁸⁰. Некоторые студенты этого выпуска продолжили занятия наукой, став сотрудниками Института славяноведения АН СССР.

Кандидатские диссертации в 1944 г. в МГУ защитили тесно сотрудничавшие с В.И. Пичетой и потом с кафедрой полонисты М.В. Миско («Польское восстание 1863 г.») и С.И. Шкроб («Восстание 1863 г. и петербургский польский революционный центр»)⁸¹. В 1945 г. прошли защиты аспирантов кафедры: Ц.С. Бобинской «Социально-экономические взгляды Станислава Сташица в эпоху Четырехлетнего сейма» (руководитель В.И. Пичета, оппоненты В.М. Лавровский и В.Н. Кондратьева) и И.В. Козьменко «Болгарский вопрос и русское общество в период восточного кризиса XIX в.» (руководитель С.А. Никитин, оппоненты В.И. Пичета и Н.М. Дружинин)⁸². Почти все они стали заметными специалистами в области истории славян.

4–12 июня 1944 г. в МГУ с большим размахом проводилась «русоцентристская» научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры». Все факультеты и все кафедры представили доклады о мировых достижениях отечественной науки в своей отрасли знания. В отчете ректора МГУ за первую половину 1944 г. указывалось: «Основным содержанием докладов были работы русских ученых, явившиеся крупным вкладом в мировую науку и имевшие влияние на дальнейшее развитие ее. Во многих областях мировой науки и техники приоритет важнейших открытий и изобретений принадлежит русским ученым, что было особо отмечено в докладах на конференции»⁸³. Это отвечало новому веянию советской идеологии, направленной на превознесение всего отечественного, прежде всего русского, предвестника кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом (1946), а затем и с буржуазным космополитизмом (1948–1949). От исторического факультета на конференции с докладом «Русская историческая наука и ее достижения» выступил Е.А. Косминский⁸⁴. От имени кафедры В.И. Пичета подготовил доклад «История южных и западных славян в трудах русских историков», в котором он пытался реабилитировать труды многих дореволюционных славистов⁸⁵. Подобные взгляды В.И. Пичета высказал и в ряде своих статей⁸⁶, а также на совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае–июне 1944 г.⁸⁷, примкнув к сторонникам не сугубо классового, а «патриотического» направления в науке.

11–15 мая 1944 г. на историческом факультете МГУ прошла конференция «Борьба за морально-политический разгром фашизма и историческая наука», где выступали А.С. Ерусалимский, А.Л. Сидоров и В.И. Пичета. Последний прочел доклад «Польша и ее отношение к Советскому Союзу»⁸⁸.

Важным итогом научной деятельности кафедры стала сессия по истории южных и западных славян, проведенная 17–20 ноября 1944 г. Здесь были продемонстрированы приоритетные направления разработок ее ведущих сотрудников и новые методолого-идеологические подходы к темам. Открыл сессию доклад З.Р. Неядлы «Само и его государство», основанный на подробном анализе латинской хроники Фредегара VII в. (единственного письменного источника по этой проблеме) и результатов археологических изысканий. Как отмечала И.М. Белявская, «в отличие от прежней постановки вопроса, сводившей всю историю этого государства к личности Само, профессор З.Р. Неядлы остановился на анализе социальных и политических отношений государства Само, которое было политическим союзом славянских племен против внешних врагов. Кратковременность его существования объясняется слабостью внутренних связей и отношений»⁸⁹. С особым пафо-

сом подчеркивалось, что союз славянских племен Само, существовавший в VII в., сыграл большую роль в истории южных и особенно западных славян. Славяне освободились от аварского ига и отразили натиск франков и германцев в славянские земли⁹⁰.

Большое внимание привлек доклад видного археолога, профессора А.В. Арциховского «О средневековом культурном единстве славян». По заключению В.Д. Королюка, докладчик «на основе обширного археологического и лингвистического материала... показал культурное единство славянских народов в X–XIII вв., живших на огромном пространстве — от Лабы и Дуная до Волхова, Волги, Оки и Кубани». Причину этого явления профессор Арциховский видел в тесных связях и единстве культурного развития славянских народов, имевшем место еще в далеком историческом прошлом: «Причины его коренятся в комплексе тесных культурных связей, которые объединяли в X–XIII вв. славянский мир»⁹¹.

Профессор Н.П. Грацианский посвятил свой доклад проблеме отношений Карла Великого и славян. Основываясь на анализе существующих источников, он пришел к выводу, что «политика Карла Великого по отношению к западным и южным славянам не была агрессивной, как это стараются доказать фашистские „историки“, что начало захватам славянских земель и так называемому „Drang nach Osten“ положили германские императоры саксонской династии» в лице Генриха Птицелова и Оттона I. Именно с этого времени началась ожесточенная борьба славян с немецкой агрессией за свою независимость⁹².

Большой интерес вызвал доклад профессора М.Н. Тихомирова «Россия и южные славяне (до конца XVIII в.)». На основании глубокого анализа русских и южнославянских источников он пришел к обоснованному и новому в то время выводу о том, что связи России с южными славянами, насчитывающие не одну сотню лет, «были плодотворными как для одной, так и для другой стороны, и что в действительности они были гораздо крепче и глубже, чем это представлено в литературе». М.Н. Тихомиров выделил и подробно охарактеризовал четыре периода развития этих отношений. «Период IV–VI вв. характеризуется общностью обычаев у южных и восточных славян. Период VI–XIII вв. характеризуется тесными связями Руси с Болгарией, когда русские походы на Византию были следствием политического союза Руси с Болгарией. В XIII–XV вв., когда над русской землей тяготело татарское иго, Русь испытывает благотворное влияние и помощь со стороны южных славян»⁹³. И далее: «В XVI–XVIII вв., как и в последующее время, сильное русское государство оказывает исключительно благотворное влияние на южных славян, на формирование их национального самосознания, а также оказывает большую помощь Черногории, Сербии и Болгарии в их освободительном движении»⁹⁴.

Очевидно, что все эти доклады читались единомышленниками, сторонниками «патриотического» направления в славяноведении военного времени. Они, несомненно, выступали поборниками культурного единства славян и заметно идеализировали их прошлое в указанном направлении.

Остальные доклады касались истории XIX в., своеобразно сочетая в себе патриотический и классовый подходы. С.А. Никитин сообщил об истории создания Московского славянского благотворительного комитета. «Прежде всего он подверг критике господствовавшую до сего времени точку зрения, что „Славянский комитет“ является результатом славянофильских затей». Подобная точка зрения, по тогдашнему мнению С.А. Никитина, «по своей односторонности и предвзятости является неубедительной и

ненаучной», ибо «Московский славянский комитет, как это явствует из источников, возник по инициативе виднейших деятелей болгарского национально-освободительного движения, видевших в России силу, способную им помочь в борьбе за национальную независимость. Кроме этого, возникновение Московского славянского комитета обусловилось также стремлением русского самодержавия укрепить свои политические позиции на Балканах. С этими реальными интересами обеих стран объективно совпала деятельность славянофилов, горячих поборников сближения России с южными славянами»⁹⁵. Здесь следует отметить, что для того, чтобы иметь возможности заниматься этой темой, ученый противоречиво стремился «развести» комитеты и славянофилов, к тому же сближая идеалы последних с интересами царского правительства, но не отказывая им в «любви» к южным славянам.

В.И. Пичета прочел доклад «Польское восстание 1830–1831 гг. и европейские державы». Он был частью большого подготавливаемого ученым научного труда о Польше и европейской дипломатии с конца XVIII по 60-е годы XIX в. «Богатый фактический материал и тщательный анализ дипломатических документов, — говорилось в информации, — позволил по-новому подойти к изучению этой проблемы. Польское национально-освободительное движение, вооруженное шляхетской идеологией, претерпевает в XIX в. неизбежное поражение. Будущее за демократической Польшей»⁹⁶.

Два доклада, прочтенные на сессии, посвящались историографической проблематике. С них, можно сказать, начинался кратковременный период реабилитации дореволюционного славяноведения. Б.Т. Горянов, опираясь на материалы спецкурса «Византия и южные славяне», выступил на тему «Ф.И. Успенский о взаимоотношениях Византии и южных славян». Он осветил научные взгляды выдающегося русского византиниста, получившие особую актуальность в то время, поскольку ученый писал о влиянии южных славян на преобразование аграрных отношений и «омоложение» Византийской империи.

Профессор З.Р. Неедлы в ярком докладе «Чешский историограф Ф. Палацкий» весьма положительно охарактеризовал вклад чешского историка, которого он считал своим учителем, в дело чешского национального возрождения, что шло вразрез с позднейшими сугубо классовыми характеристиками историографа (например, в трудах И.И. Удальцова). «Палацкий — историк-политик — завершил собой период национального возрождения Чехии, когда молодая национальная буржуазия, пережившая период „бури и натиска“, смело бросила вызов воинствующему пангерманизму»⁹⁷.

Выступивший на заключительном заседании сессии декан исторического факультета, профессор С.П. Толстов отметил «интересную и плодотворную работу сессии», а также указал, что она «является замечательным фактом в жизни кафедры и факультета, так как сессия отразила достигнутые успехи в изучении истории западных и южных славян»⁹⁸.

Мы не случайно так подробно остановились на этой научной сессии (хотя о ней упоминалось в литературе⁹⁹), стараясь найти у ее хроникеров И.М. Белявской и В.Д. Королюка (по-разному трактовавших содержание докладов, один более в академической манере, другая более политически заостренно) наиболее адекватные характеристики затронутых в докладах проблем и подходов к их решению, так как здесь действительно проявилось тогдашнее видение актуальных вопросов славяноведения учеными старшего поколения.

Начнем с того, что главное внимание докладчиков было обращено на проблемы средневековья, и они старались показать глубокие корни славянского культурного единства, взаимосвязей славян и «вековую борьбу» с германской агрессией. В докладах

по проблемам XIX в. также прослеживается стремление показать будущее демократическое развитие Польши и «очистить» доброе дело славянских благотворительных комитетов по установлению связей России с южными славянами от «пагубного» влияния славянофилов, при этом забывая даже о «реакционных устремлениях» царского правительства. Показательно и стремление в историографических докладах положительно охарактеризовать достижения дореволюционного славяноведения и византиноведения, а также в оценке взглядов чешского «буржуазного» историка прежде всего указать на их национальную, антинемецкую доминанту, а не на недостатки «классового подхода» в трактовке истории Чехии.

Таким образом, в докладах, прочитанных на сессии, излагавших итоги научной работы ученых старшего поколения, как в капле воды можно найти отражение господствующих в конце войны патриотических настроений, допускающих послабление классового подхода в трактовке истории славян. Примечательно, что в лице стоящего на страже партийной идеологии декана С.П. Толстова такая линия находила тогда поддержку и одобрение.

С 11 по 20 декабря 1944 г. в МГУ состоялась научная конференция, посвященная современным проблемам науки. В работе ее исторической секции принял участие руководитель кафедры В.И. Пичета. 15 декабря он выступил на третьем заседании секции с докладом «Русское славяноведение и текущие задачи», где изложил историю изучения зарубежных славянских народов в России за последние 110 лет, подчеркнув, что дореволюционные слависты разрабатывали преимущественно проблемы филологии. Он отметил «необходимость связи изучения западных и южных славян с историей других народов СССР, славянских народов и всемирной историей, показал вклад советского славяноведения в борьбу с фашистской агрессией»¹⁰⁰. В докладе определялся ряд новых проблем, требующих разработки. Пичета предложил пересмотреть вопрос о становлении и развитии у славян феодальных отношений, выдвинув проблему так называемого «омоложения Византии», активно разрабатываемую тогда советскими историками. Он полагал необходимым начать исследование вопросов национально-политического и культурного возрождения славянских народов в XIX в., разработать «вопрос о причинах, помешавших образоваться абсолютной монархии в Чехии и Польше», изучать «историю Чехословакии, Польши, Югославии в годы, предшествующие Второй мировой войне». Он выразил уверенность, что «Московский университет сыграет огромную роль в изучении южных и западных славян, в подготовке высокообразованных специалистов» по истории зарубежного славянства», выразив надежду, что «в скором времени в стенах университета будут учиться представители всех славянских народов»¹⁰¹, и эта надежда действительно скоро осуществилась.

Кроме участия в конференциях научная деятельность кафедры выражалась в подготовке сборников статей. Удалось опубликовать в то время только один сборник под злободневным названием «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии», вышедший в 1944 г. под редакцией З.Р. Нееды. Хотя сборник вышел под грифом Института истории АН СССР, но в нем приняли участие многие сотрудники кафедры: В.И. Пичета, З.Р. Нееды, а также Н.П. Грацианский, У.А. Шустер, С.И. Зинич, Р.К. Караколов. В.И. Пичета так сформулировал основную концепцию сборника: «Авторы наглядно показывают, что возникновение славянских государств — результат внутреннего развития славянских племен на базе возникновения классового общества. Конечно, следует отметить, что борьба с внешними врагами, которую приходилось вести всем

славянским народам, ускоряла процесс формирования славянских государств и в то же время содействовала их политическому развитию»¹⁰². В сборнике с понятным для того времени пафосом доказывалось «извечное» противостояние немецких «агрессоров» и миролюбиво-свободолюбивых славянских народов. «Составители показали, как славянские народы боролись за свою национальную и политическую независимость против немецкой агрессии, стремившейся к порабощению и уничтожению славянских народов»¹⁰³. Академик Н.С. Державин, рецензируя сборник, в своей характерной образной брутальной манере подчеркнул, что сборник — «общедоступное пособие для ознакомления с историей борьбы западных и южных славянских народов против наглых немецких захватчиков, присосавшихся, как отвратительный паразит, к славянскому народу и в течение свыше тысячи лет непрерывно отравлявших жизнь славянских народов грабежами, насилиями и разбоем»¹⁰⁴. Таким образом, авторы сборника отразили тогдашнее понимание истории славянских народов со времен средневековья до современности через идеологическую призму «извечного», традиционного для дореволюционной историографии, противостояния славянского и германского миров, осовремененного борьбой с германским фашизмом.

Издательский план кафедры на 1945 г. включал в себя подготовку нескольких работ учебного и научного характера: Б.Т. Горянов «Византия и южные славяне», «Богомилское движение на Балканах», В.И. Пичета «Источники польской истории» и «История русского славяноведения», С.А. Никитин «Международные отношения на Балканах во второй половине XIX в.»¹⁰⁵. К сожалению, позднее реализованы были только две работы: Б.Т. Горянова¹⁰⁶ и С.А. Никитина в диссертации «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50–70-х годах XIX в.», защищенной в 1947 г.

Реально в 1945 г. в МГУ вышел в свет сборник «Преступления фашистов против исторической науки»¹⁰⁷, который продолжил разработку антифашистской проблематики, начатой в предвоенном издании «Против фашистской фальсификации истории» (М., 1939). В сборнике было опубликовано шесть статей ведущих историков МГУ: С.К. Бушуева «Фашистская фальсификация истории СССР», В.И. Авдиева «Фашистская фальсификация древней истории», М.А. Коростовцева «О фашистской фальсификации истории древнего Египта», А.И. Неусыхина «Исторический миф третьей империи». Две последние статьи посвящались славянской тематике: Н.П. Грацианский «Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии на Эльбу» и З.Р. Неедлы «Фашистская фальсификация чешской истории». Н.П. Грацианский стремился, в частности, показать (и это не оспаривается современными учеными), что «стремление немецких шовинистов и современных фашистов доказать, что немец сражался за Эльбой за культуру и что он нес туда „мир и охрану“, сплошь основано... на лжи, на подтасовке исторических фактов. Завоевание немцами славянской территории сопровождалось не повышением, а понижением и материальной и духовной культуры славянства», вело к опустошению и разорению края, способствовало убыли населения¹⁰⁸. Историк доказал, что немецкая колонизация не привела к истреблению местного славянского населения. «Часто немцы селились в одной и той же деревне со славянами и смешивались в ними». То же происходило и в городах. Более того, «часто монастыри, знать и князья (немецкие и славянские) приглашали в качестве колонистов на пустые земли не только немцев, но и славян, которые получали, по-видимому, то же устройство, что и немцы»¹⁰⁹. Ученый подчеркнул, что славянская знать быстро германизировалась, усваивая немецкие обычаи, но основная «масса... славянства в течение ряда столетий упорно отстаивала свою

самобытность, и еще в XVIII в. славянская речь звучала по обе стороны Эльбы»¹¹⁰. Ученый пришел к справедливому заключению, что «в общем, вопреки утверждениям некоторых фашистов, говорить о „чистоте“ немецкой крови в Бранденбургско-прусском государстве — этом основном ядре империалистической и фашистской Германии — никак не приходится. Население здесь издавна было славянским, в результате германских захватов оно стало славяно-германо-прусским, т.е. смешанным населением; это смешение еще более осложнилось массовым притоком в Пруссию позднейших колонистов, между прочим, из Франции (гугеноты)»¹¹¹.

З.Р. Неядлы в своей статье подчеркнул, что немецкая литература задолго до Гитлера весьма тенденциозно освещала «политическую борьбу чехов за свою независимость»¹¹². Но особенно пышным цветом фальсификация истории расцвела после превращения Чехии в протекторат Богемии и Моравии, имея целью обоснование захвата Чехословакии (чтобы вырвать „славянский клин из тела Германии“), физического истребления и подавления национального самосознания чехов. Перед фашистскими историками ставились задачи доказать, что «чешский народ всегда был связан с германской культурой и ничем не связан с Западом и Востоком», что его культура не имела национальной и славянской самобытности, что Чехия всегда была частью Германской империи и только тогда процветала¹¹³. «Обновленную» в таком духе историю Чехии фашисты намеревались преподавать в чешских школах. З.Р. Неядлы последовательно доказал несостоятельность подобных утверждений, анализируя главные события чешской истории от древности до современности, особый упор делая на период гуситского движения и эпоху национального возрождения. В заключение чешский историк выразил надежду в скором разгроме фашистской Германии. «Советские войска вместе с чехословацкими перешли горные карпатские перевалы и начали освобождение Чехословакии от фашистского ига. Близок час победы объединенных наций над гитлеровской Германией»¹¹⁴. Сборник, с учетом пропагандистской направленности, внес несомненный вклад в разоблачение измышлений фашистской историографии и тем самым в антифашистское движение.

Таким образом, к окончанию Великой Отечественной войны кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ пришла с достойными результатами. Были сформированы ее основные преподавательские кадры, разработаны общие и специальные курсы, намечены научные проблемы, получившие детальную разработку. Среди них: проблемы этногенеза славян, проблемы так называемого «омоложения» Византии славянами-варварами, вопросы об отношениях России с южными славянами, о вековой борьбе славянских народов с немецкой агрессией, о боевом содружестве славянских народов в борьбе с немецким фашизмом и др.»¹¹⁵. Однако не все ранее намеченные планы удалось реализовать. Остро ощущалась необходимость в учебных пособиях. Окончание войны и дальнейшее развитие славяноведения на марксистских основах требовало отойти от разработки национально-патриотических сюжетов и обратить особое внимание на новейшую историю славянских стран, на историю рабочего и крестьянского движения и пр. Но этот переход совершался постепенно. На основе доклада В.И. Пичеты были сформулированы задачи пересмотра и принципиально новой постановки таких проблем славяноведения, как «становление и развитие феодализма у западных славян, вопрос о причинах, помешавших созданию абсолютной монархии в Чехии и Польше, о национально-политическом и культурном возрождении славянских народов, о развитии капитализма, демократическом и рабочем движении в славянских странах и др. Особого внимания заслуживает вопрос о полити-

ческом и социальном развитии демократической Югославии, Польши, Чехословакии и Болгарии и том огромном вкладе, который внес Советский Союз в дело создания их независимости»¹¹⁶.

Научные и педагогические успехи кафедры были немыслимы без ее руководителя — В.И. Пичеты, которого, по воспоминаниям преданных учеников, отличали личное обаяние, педагогический такт, чувство товарищества: «Он верил в молодежь и учил ее научной смелости». Б.Т. Горянов так писал о Пичете: «...он был чутким, заботливым заведующим кафедрой, которую он пестовал, как любимое дитя. И если кафедра теперь растет и крепнет, то мы ни на минуту не должны забывать, с какой энергией, с какой любовью строил её её основатель»¹¹⁷.

* * *

С окончанием Великой Отечественной войны перед кафедрой истории южных и западных славян встали новые задачи, на ней лежала ответственность и за выполнение ранее принятых решений¹¹⁸. О ее кадровом составе и распределении обязанностей между преподавателями можно судить по опубликованному отчету о работе кафедры в 1946/1947 учебном году. Штатными работниками кафедры были академик, профессор, зав. кафедрой В.И. Пичета (полонист, славист широкого профиля), доцент С.А. Никитин (болгарист, югославист) и ст. преподаватель И.М. Белявская (полонист). Доцент Б.Т. Горянов (византист, болгарист) и ст. преподаватель Г.Э. Санчук (богемист) занимали по полставки. На почасовой оплате состояли ст. преподаватели С.Ш. Гринберг, И.С. Миллер, Б.М. Руколь, а также Н.Д. Ратнер, М.В. Миско, Е.А. Владова и Е.И. Рябова¹¹⁹. Последние преподавали болгарский и сербский языки, а И.М. Белявская и Г.Э. Санчук — польский и чешский.

На втором курсе В.И. Пичета и Б.Т. Горянов читали общий курс истории южных и западных славян, доведя его до Первой мировой войны (южные славяне) и до конца XIX в. (западные славяне). На третьем курсе В.И. Пичета прочитал лекции по истории Чехии, а С.А. Никитин — по истории южных славян XIX в., которые включали историю Сербии, Болгарии, Хорватии, Черногории и Воеводины. Их дополняли лекции И.С. Миллера по истории западных славян в XIX в. и курс новой истории Болгарии С.Ш. Гринберга, а также спецкурс И.М. Белявской «Польское национально-освободительное движение XIX в. и русская общественность». С.А. Никитин читал четверокурсникам источниковедение и историографию южных славян, а В.И. Пичета — западных (Чехия). Польскую проблематику освещал И.С. Миллер. Кроме того, студентам предлагались спецкурсы В.И. Пичеты «История общественного и государственного строя Польши в сравнительно-историческом освещении» и С.Ш. Гринберга по новой истории Болгарии¹²⁰.

Лекционные курсы дополнялись семинарами по истории южных и западных славян. На втором курсе их было три. Практикум по истории южных славян (средние века и новое время) вел Б.Т. Горянов, история средневековой Чехии разбиралась в двух группах у Б.М. Руколь, а средневековой Польши — в группе И.М. Белявской. Руководители семинаров отметили интерес к занятиям студентов и выделили лучшие работы Балабушевич, Потаповой, Власовой, Митиной, Царевой, Зориной, Чернецовой¹²¹.

На третьем курсе С.А. Никитин вел занятия по истории Сербии и Болгарии в XIX в. Лучшими были признаны работы студентов: Жукова, Ведерниковой, Зеленина. Б.М. Руколь посвятила свой практикум истории гуситского движения, разбирая и обсуждая студенческие доклады и переводы работ по истории Реформации, гуситских

войн и истории чешских братьев. В этом семинаре отличилась студентка Островская. Наряду с этим Н.Д. Ратнер вела занятия по истории национального движения в Чехии во второй половине XIX в., а И.М. Белявская руководила практикумом по истории Польши с конца XVIII и первой половины XIX в.¹²²

Четвертый курс обеспечивался семинарами В.И. Пичеты (по истории общественного и государственного строя Польши), Н.Д. Ратнер (по истории чешского национального движения XIX–XX вв.), С.А. Никитина (по истории Болгарии XIX в.) и С.Ш. Гринберга (по новой истории Болгарии)¹²³.

Таким образом, в 1946/1947 г. в полном объеме определился учебный план преподавания истории южных и западных славян в МГУ, принятый в общих чертах и в настоящее время. Как верно указывал профессор В.Г. Карасев, «помимо общего обязательного для всех студентов курса по истории зарубежных славян кафедра обеспечивала преподавание следующих специальных дисциплин: история отдельных славянских народов на III курсе, трех специальных курсов (на III–IV курсах), курсов источниковедения и историографии западных и южных славян (IV курс), спецсеминаров по всем славянским странам (IV–V курсы) и четырех славянских языков на II–IV курсах. Кафедра давала солидные специальные знания своим студентам и, как показал опыт, вполне достаточные, чтобы начинать самостоятельную педагогическую и научную деятельность в области исторического славяноведения. Первые выпускники кафедры и первые ее аспиранты составили основной костяк Института славяноведения АН СССР, открытого в 1947 г. в Москве»¹²⁴.

Как указывалось, основной задачей кафедры являлась подготовка квалифицированных специалистов. 1946 год был «богат» защитами дипломных работ в основном по проблематике истории южных славян. Под руководством С.А. Никитина выполнили свои работы: В.И. Баронова «Газета „Русский мир“ и герцеговинское восстание 1875 г.», В.Г. Карасев «Внешнеполитические взгляды И. Гарашанина» и В.И. Короткова «Газета „День“ и ее отношение к сербскому восстанию». С.Ш. Гринберг руководил дипломными сочинениями А.А. Крашенинниковой «Болгария и Балканский союз», Г.Б. Шепетиловой (Карасевой) «Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны», В.Г. Минской «Вступление Болгарии в первую мировую войну». Наконец, П.Р. Пинчук защитила работу «Шафарик и русское славяноведение» (без руководителя)¹²⁵. В сохранившихся протоколах заседания кафедры отмечалось, что все работы (кроме последней) написаны на хорошем научном уровне и потому получили отличные оценки: «Кафедра считает нужным особо отметить как выдающуюся работу В.Г. Карасева (защищенную 10 мая. — М.Д.) и как лучшую среди защитившихся 16.V.46. — работу Минской. В аспирантуру кафедра рекомендует т. Карасева»¹²⁶.

В 1947 г. кафедра подготовила четырех выпускников. Под руководством С.А. Никитина 5 июня защитились Л.В. Воробьев («Судебная реформа в Болгарии в 1877–1879 гг.») и Е.И. Михеева («Тырновская конституция»). Б.М. Руколь была руководителем дипломных работ А.М. Харьковской «Реформа Пражского университета 1409 г.» и Н.В. Менде «Ян Гус в освещении русских историографов» (защиты состоялись 19 июня)¹²⁷. Первые работы были оценены на «отлично». Л.В. Воробьева, будущего доктора философских наук, профессора МГУ, рекомендовали в аспирантуру. Последняя работа как «небрежная и слабая» получила посредственную оценку. Как ни парадоксально, но именно ее руководитель Б.М. Руколь (наряду с Г.Э. Санчуком) выступила главным и жестким критиком этого дипломного сочинения¹²⁸.

Важным событием в анналах кафедры стала защита в апреле 1947 г. С.А. Никитиным докторской диссертации «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1854–1876 гг.» в Институте истории АН СССР. Его оппонентами выступили доктора исторических наук Н.М. Дружинин, В.И. Пичета и А.Ф. Миллер. (Предварительное обсуждение на кафедре состоялось 13 марта 1947 г.¹²⁹) В.И. Пичета сердечно поздравил его «как первого доктора исторических наук (в области славистики. — М.Д.), вышедшего на арену научной деятельности» на заседании кафедры от 24 апреля 1947 г.¹³⁰.

Протоколы заседаний кафедры этого периода зафиксировали некоторые проблемы, которые волновали ее преподавателей. Одной из них стало обеспечение качественного преподавания славянских языков. В сентябре 1945 г. были заслушаны отчеты преподавателей польского языка В.М. Миско, чешского — Г.Э. Санчука, которые учили студентов пользоваться исторической литературой на языке на основе газет и журналов и жаловались на отсутствие необходимых учебников и грамматик. Тихомиров (инициалов установить не удалось. Возможно, это искусствовед А.Н. Тихомиров. Во всяком случае, речь идет не о М.Н. Тихомирове. — М.Д.), который тогда преподавал студентам кафедры сербский и болгарский языки, со своей задачей справлялся слабо. В.И. Пичета подчеркивал, что «надо больше обращать внимание на работу с книгой, на умение понимать прочитанное», чтобы пользоваться языком для своей учебной работы¹³¹. Позднее к преподаванию привлекли болгарку Е.А. Владову (болгарский язык) и студентку филфака Е.И. Рябову (сербский язык), которые по разным причинам не утверждались приказом ректора и потому их занятия не оплачивались¹³². Полезным нововведением кафедры стала постановка преподавания латинского языка для студентов-славистов с третьего курса. Об этом В.И. Пичета ходатайствовал перед деканатом в январе 1947 г.¹³³. Во всяком случае, данный предмет стоял в плане кафедры на 1946/1947 учебный год. Ведение занятий поручалось Б.Т. Горянову¹³⁴.

Болезненной проблемой являлась посещаемость лекций и семинаров, особенно после того, как ректор МГУ разрешил в 1946 г. в виде эксперимента свободное посещение занятий¹³⁵. По наблюдениям преподавателей, хуже всего посещался общий курс истории южных и западных славян, читавшийся второкурсникам, студенты старших курсов (специалисты) посещали лекции и занятия регулярно. Соответственными оказались и результаты экзаменов. В отчете говорилось: «Были многочисленные случаи отказа экзаменаторов принять экзамен у студентов, т.к. последние готовились не по указанной литературе, а по БСЭ, Балканскому справочнику и т.п. Общий уровень ответов был невысоким, что видно из данных по успеваемости». «Специалисты» же, напротив, получали только отличные и хорошие оценки¹³⁶.

Большим местом в подготовке студентов и аспирантов являлось отсутствие на кафедре Библиотечного кабинета и необходимых учебных пособий. В отчете указывалось: «В процессе учебных занятий ощущается острый недостаток специальных карт по истории южных и западных славян. Постоянно приходится сталкиваться с отсутствием литературы. В нередких случаях, когда студенту приходилось работать по общему источнику, последний оказывался в единственном экземпляре. Это приводило к нарушению графика занятий. Самые ходовые пособия (Погодин — История Болгарии, История Сербии; Любавский — История западных славян) имеются в крайне ограниченном количестве экземпляров»¹³⁷. Из этого следует, что студенты кафедры изучали в то время специальные предметы по учебникам, созданным не историками-марксистами, а специалистами «старой формации», что отнюдь не вредило качеству обучения.

Важным документом, свидетельствующим о научном потенциале кафедры, явился пятилетний план научно-исследовательской работы на 1946–1950 гг., составленный В.И. Пичетой, вероятно, в начале 1946 г. Он содержал 15 проблем. Примечательно, что кафедра ставила тогда своей главной задачей изучение творческого наследия своих предшественников в трактовке истории славянских народов в России и СССР. Предполагалось написание очерка истории развития славяноведения в России и СССР (В.И. Пичета) и серии монографий по важнейшим вопросам истории славяноведения и об отдельных историках-славистах: М.К. Любавском, А.Н. Ясинском, Н.И. Карееве, В.И. Ламанском, О.М. Бодянском, М.С. Дринове, Ф.Я. Фортинском, Т.Д. Флоринском, Н.С. Державине и др. К этой работе привлекались все члены кафедры — В.И. Пичета, С.А. Никитин, Б.Т. Горянов, Б.М. Руколь, Н.Д. Ратнер, В.М. Миско, С.Ш. Гринберг, И.В. Козьменко, И.Б. Греков, К.И. Козырина, Е.П. Ратайко, С. Казакова, М.Ф. Питак, М. Беклемишева, включая ее аспирантов. По разным причинам этот грандиозный план силами коллектива сотрудников не был реализован. Существенно подкосила эту плодотворную идею кампания борьбы с «буржуазным космополитизмом». Много позднее его воплотила в жизнь профессор Л.П. Лаптева в капитальной монографии «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005) и др.

Среди других наиболее перспективных проблем необходимо отметить: славянские проблемы в русской печати (И.В. Козьменко, А.А. Никольская), славяно-византийские отношения VI–XV вв. (Б.Т. Горянов), международные отношения на Балканах с конца 80-х гг. до начала мировой империалистической войны 1914–1918 гг. (С.А. Никитин), развитие исторической науки в славянских странах (В.И. Пичета, С.А. Никитин, Б.М. Руколь, Б.Т. Горянов, И.М. Белявская), развитие капитализма и формирование рабочего класса в Польше (В.И. Пичета, М.В. Миско), в Чехии (Н.Д. Ратнер), аграрный вопрос в Чехии (Г.Э. Санчук, Н.Д. Ратнер), в Польше (И.М. Белявская, Г.Э. Санчук, В.И. Пичета), культурное движение в Чехии в первой половине XIX в. (К.И. Козырина, М.Ф. Питак), литовско-польские и русско-польские отношения XIV–XVI вв. (И.М. Белявская, И.Б. Греков, И.А. Воронков). План предусматривал также создание пока не общего учебника, но отдельных пособий по истории Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии, Хорватии и Славонии, Сербии и Черногории (В.И. Пичета, С.А. Никитин, Б.Т. Горянов, С.Ш. Гринберг, М.В. Миско, Н.Д. Ратнер, К.И. Козырина, И.М. Белявская). В последнем, 15-м пункте плана намечалось издание отдельных источников для семинарских занятий по истории южных и западных славян: отрывков из Хроники Мартина Галла (В.Д. Королук), Законника Стефана Душана (М.Н. Тихомиров), Шляхетских привилеев (В.И. Пичета), *Majestas Carolina* (Г.Э. Санчук), документов международного характера по истории южных славян (С.А. Никитин), конституций славянских стран — чешских (Н.Д. Ратнер) и польских (М.Ф. Питак)¹³⁸. Обширный план В.И. Пичеты, закладывающий серьезные основы преподавания славяноведения в нашей стране, в полном объеме не реализован до сих пор, но многие его пункты стали задачей разработок сотрудников кафедры последующих десятилетий.

В начале 1946/1947 учебного года кафедра приняла решение активизировать свою научную деятельность. Студентам и аспирантам рекомендовалось «ставить на заседания кафедры работы реферативного характера; знакомить членов кафедры с иностранной литературой», преподавателям — знакомить членов кафедры с результатами своей научной работы¹³⁹. Нововведением кафедры стало требование к студентам-дипломникам предоставлять авторефераты своих работ для последующего их опубликования. Здесь

готовили даже специальный сборник авторефератов. К сожалению, эту полезную новацию не удалось реализовать¹⁴⁰.

Научная жизнь кафедры в первые послевоенные годы была достаточно интенсивной. На ее заседаниях регулярно обсуждались доклады, и порой достаточно остро. Так, 15 ноября 1945 г. В.И. Пичета выступил с сообщением «О книге академика Н.С. Державина „История Болгарии“», в котором выразил резкое несогласие с последним по проблемам этногенеза, предков славян и славяно-византийских отношений¹⁴¹. Он, в частности, сказал: «Академик Державин хочет доказать, что славяне — искони живущее племя на Балканах. Он не отрицает миграции. Он только говорит, что мигрирующие в VI в. на Балканы славяне ассимилировались с издавна живущими там, и они вместе обрушиваются на Византию. Доказательства этого положения малоубедительны и не выдерживают критики. По вопросу о взаимоотношениях с Византией академик Державин идет в разрез с советской наукой, не убедительно обосновывая свои точки зрения, выдвигая почти фантастическое решение вопроса»¹⁴². Посему В.И. Пичета выразил пожелание, чтобы из книги были удалены «лишние гипотезы» и «ненаучные филологические рассуждения». (О научной сути полемики подробнее см. в главе V.) Коллеги В.И. Пичеты Б.Т. Горянов и С.А. Никитин горячо поддержали докладчика. Последний, в частности, сказал: «Выводы академика Державина неубедительны..., часто произвольны. Не использован новый архивный материал. Книга вызывает возражения и по содержанию и по методу»¹⁴³. Позднее возражения В.И. Пичеты по поводу книги Н.С. Державина нашли отражение в его статье «Славяно-византийские отношения в VI–VII вв. в освещении советских историков (1917–1947 гг.)»¹⁴⁴ и в рецензии на эту книгу¹⁴⁵.

30 января 1946 г. на кафедре обсуждался доклад аспиранта И.Б. Грекова «Крестьяне на переломе XIV–XV вв. по статутам княжества литовского». В.И. Пичета заключил, что эта работа продолжает его исследования 1917–1918 гг. («Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». Т. 1–2), но совершенно самостоятельная и оригинальная. «В моих работах нет выводов, т.к. часть 3-я не появилась в свет. Заполнен важный пробел в литературе. Сделаны очень важные выводы». Несмотря на некоторые замечания, работа была оценена как «отличная»¹⁴⁶. 25 июня 1946 г. аспирантка кафедры М.Ф. Питак (Столбова) прочла доклад «Карл Гавличек в России». С замечаниями выступили Никитин, Горянов, Удальцов, Пичета. Доклад был признан «хорошим»¹⁴⁷. 28 июня здесь обсуждались доклады аспирантов М. Беклемишевой «Законник Стефана Душана и феодальные отношения в Сербии» и И.А. Воронкова «Восстание 1830–1831 гг. в Литве и Белоруссии». Первый был оценен как «хороший», второй как «отличный»¹⁴⁸.

3 октября 1946 г. В.И. Пичета прочел доклад об истории лужицких сербов, в котором «сообщил о мероприятиях, проводящихся для оказания помощи в культурной жизни лужицких славян»¹⁴⁹. 12 ноября на кафедре обсуждался доклад саратовского историка А.И. Озолина «Табориты и пражане» по теме его кандидатской диссертации, защищенной в МГУ в 1947 г. С замечаниями по работе выступили профессора М.М. Смирин, В.И. Пичета, а также Н.Д. Ратнер, И.С. Миллер и др. Работа получила удовлетворительную оценку¹⁵⁰.

18 и 28 ноября 1946 г. кафедра обсуждала новый доклад И.Б. Грекова (вероятно, по теме его кандидатской диссертации «Вечный мир» 1686 г., защищенной в 1951 г.). Руководитель аспиранта В.И. Пичета также дал ему отличную оценку. «Кафедра отмечает, что тема доклада, взятая аспирантом Грековым, впервые разрабатывается им, и что весь доклад основан на тщательном изучении источников и анализе их»¹⁵¹.

21 ноября 1946 г. В.И. Пичета сделал доклад о первом томе сочинений Сталина — мероприятие обязательное для всех кафедр исторического факультета. «Профессор Пичета охарактеризовал теоретическую деятельность тов. Сталина и ее влияние на революционное движение Грузии и Армении, заострил внимание кафедры на поставленном вопросе об изучении славян в свете марксистско-ленинской теории. Докладчик сделал экскурс в историю Польши и Украины XIX в. и показал особенности постановки национального вопроса в это время среди хорватов накануне революции 1948 г. в Австрии и т.д. Профессор Пичета подчеркнул, что вывод, сделанный тов. Сталиным, относительно положения национального вопроса на Кавказе (феодалный монархизм) распространяется на все страны, находящиеся на той же фазе развития. Профессор Пичета предложил внимательно изучить работу тов. И. Сталина о национальном вопросе и положить ее в основу при изучении» истории славян¹⁵².

Понятно, что в указанном выступлении В.И. Пичета отдал дань предписанным партийным установкам. Примечательно, что в протоколах кафедры данного периода это почти единственный зафиксированный пример прямого давления партийной идеологии на деятельность этого структурного подразделения МГУ и его руководство. Другим примером стало сообщение В.И. Пичеты на заседании кафедры 18 ноября 1946 г. «об установке деканата по вопросу изучения истории новейшего времени (проблем новой демократии и т.д.)»¹⁵³. И здесь Пичета проявил некоторую «вольность» по отношению к прямой директиве руководящих и партийных органов. Он прекрасно понимал, что при отсутствии необходимых источников и литературы работы по новейшей истории написать невозможно. Поэтому сотрудникам кафедры пока «было предложено обратить внимание на изучение работ современных буржуазных историков»¹⁵⁴. Тем не менее, работы по новейшему периоду истории в дальнейшем все более поощрялись.

Определенным откликом кафедры на «установку» деканата можно рассматривать доклад профессора МГУ Г.А. Новицкого «Закарпатская Украина», с которым он выступил 9 января 1947 г., поделившись своими впечатлениями о недавней поездке в этот край, в 1945 г. вошедший в СССР в составе Украины¹⁵⁵. Он отметил, что, по его наблюдению, язык местного населения «своей архаичностью очень сходен с языком Киевской Руси XIII в. В языковом отношении Западную Украину (в данном случае здесь и далее Закарпатье. — М.Д.) можно разделить на 10 зон. Сравнительное изучение восточных славянских языков заставляет причислить культуру Западной Украины к культуре Триполья»¹⁵⁶.

Доклад был интересен прежде всего тем, что Г.А. Новицкий представил тогдашнее понимание проблем Закарпатья и в то же время впечатления непосредственного наблюдателя, «незамутненные» предшествующей (часто тенденциозной) литературой¹⁵⁷ и позднейшей официальной пропагандой¹⁵⁸: «В настоящий момент интеллигенцию Западной Украины интересует вопрос о происхождении своего народа. Восточные города Западной Украины своей культурой и внешним видом похожи на средние чешские города. Западная Украина была частью Чехословакии, правительство которой во второй мировой войне не ставило вопрос о предоставлении самостоятельности этому району (такое автономное правительство кратковременно существовало только в 1938 г. — М.Д.). По чехословацким данным в Западной Украине проживает 700 тыс. человек, из них 450 тыс. — западные украинцы (то есть по преимуществу русины. — М.Д.). Униатская церковь и ее высшие представители находятся под сильным влиянием Ватикана. Население Западной Украины настроено к Советскому Союзу крайне положительно, особенно район Мукачево. Наблюдается два культурных течения — москвофилов и украинофилов. Епархиальное начальство в области

национальной и политической ориентации было в XIX и начале XX вв. настроено оппортунистически, абсолютно не имея в политическом течении твердого курса политической ориентировки. Среди населения — даже передового — нет правильного представления о решении национального вопроса. Его „теоретическая“ позиция базируется на извращениях и принципиально неверных положениях австромарксизма. Научной жизни в области гуманитарных наук нет. Интерес к Советскому Союзу огромен. Преподавание не на высоком уровне. Преподаватели пользуются пособиями начала XX и конца XIX в. Бросается в глаза отсталость в области техники. Среди молодежи, особенно участников партизанского движения — огромная тяга к знаниям»¹⁵⁹.

Докладчику задали ряд острых вопросов, касающихся современности — о деле лидера местного «украинофильского» направления А. Волошина, сотрудничавшего с фашистами (В.И. Пичета), и о ликвидации униатской церкви (И.С. Миллер). Члены кафедры выразили профессору Новицкому благодарность за «интересный и содержательный доклад»¹⁶⁰. Его, действительно, можно рассматривать как один из первых анализов межвоенных и послевоенных реалий Закарпатья в аудитории российских славистов.

В рамках кампании по активизации изучения новейшей истории в апреле 1947 г. была проведена общеуниверситетская конференция, посвященная вопросам экономического и политического развития современной Югославии и Болгарии. По сообщению И.М. Белявской, «деятельное участие в работе этой конференции приняла кафедра славяноведения. Конференция обсудила доклады по экономике, конституции и современной литературе Югославии и Болгарии»¹⁶¹. Других сведений о содержании конференции не сохранилось. С ее организацией на факультете не всё обстояло просто. В.В. Зеленин вспоминал, что когда конференция была подготовлена, никто из профессоров университета «или не хотел, или не решался ее возглавить. Обратились к Владимиру Ивановичу, он горячо отозвался на эту просьбу, сказал яркое вступительное слово, ориентировал участников конференции в их выступлениях, подвел итоги конференции». Более того, в перерывах между докладами В.И. Пичета «оживленно беседовал со студентами, высказал мысль о необходимости создания межфакультетского кружка по изучению стран новой демократии»¹⁶².

Возможно, в рамках этой конференции 24 апреля 1947 г. на кафедре обсуждался доклад С.Ш. Гринберга «Конституция новой демократической Болгарии». Первую часть доклада он посвятил обзору событий в Болгарии и Юго-Восточной Европе в период Второй мировой войны. Затем рассказал о создании Отечественного фронта, деятельности рабочей партии (коммунистов), о сентябрьских событиях 1944 г. и о работе правительства Отечественного фронта, подробно остановившись на аграрных преобразованиях, которые привели к несостоятельности старой Тырновской конституции. Докладчик отметил, что в новой конституции проявилось «прогрессивное влияние конституции СССР», и выразил уверенность, что Болгария ныне переживает период «социально-экономических изменений по пути превращения в подлинно демократическое государство». В обсуждении доклада приняли участие С.А. Никитин, М. Беклемишева, В.И. Пичета, поддержавшие мнения автора¹⁶³.

Как дань требованиям партийной идеологии следует рассматривать и предложение В.И. Пичеты «при приеме экзаменов требовать знания работ классиков марксизма-ленинизма»¹⁶⁴.

Как уже упоминалось, 13 марта 1947 г. на кафедре состоялось серьезное обсуждение доклада С.А. Никитина «Вопросы балканской политики России и русское общество

(1854–1856 гг.), фактическая предзащита его докторской диссертации. В соответствии с тогдашними представлениями докладчик стремился отделить «прогрессивное» славянское движение от «реакционных» славянофилов. Он утверждал, что хотя «в славянофильских изданиях этого периода наблюдается тесное сотрудничество с болгарами и сербами», но это было «следствием не близости программ славянофилов интересам южных славян, а реакцией на нараставшее и усиливавшееся сознание неизбежности начавшейся русско-турецкой войны»¹⁶⁵. Выступившие по докладу В.Н. Кондратьева и В.И. Пичета дали ему высокую оценку. Последний выразил согласие со взглядами С.А. Никитина и отметил его «правильный марксистский подход к оценке добровольческого движения» как патриотического, а не славянофильского¹⁶⁶.

10 апреля 1947 г. на кафедре выступил с докладом «Землевладельцы и земледельцы феодальной Сербии» аспирант В.Г. Карасев. Доклад оценили на «отлично», хотя В.И. Пичета отметил, что в нем не использована вся сербская литература (недоступная тогда в СССР), а только работы С. Новаковича. Г.Э. Санчук указал на недостаточное внимание к церкви. В.И. Пичета также особо подчеркнул «ценное мнение Карасева, что сербский феодализм соответствовал западному феодализму», отвергая таким образом славянофильское утверждение об «особом пути» России и зарубежных славян¹⁶⁷.

8 мая 1947 г. на кафедре обсуждали доклад аспирантки М.В. Столбовой (Питак) «Оценка Сташицем положения в Польше XVIII в.», которая изложила в нем прежде всего структуру своей будущей диссертации. Выступившие по докладу С.А. Никитин, В.И. Пичета и И.М. Белявская предложили улучшить структуру работы, а в концепции польского просветителя С. Сташица подчеркнуть его выступления за сохранение независимости Польши. Доклад был оценен на «хорошо»¹⁶⁸. Позднее этой аспирантке В.И. Пичеты предложили тему «Восстание Т. Костюшко»¹⁶⁹, разработку которой она так и не завершила.

Последнее заседание кафедры с участием В.И. Пичеты состоялось 20 мая 1947 г. Оно было по-своему знаменательным, так как тогда обсуждался один из самых животрепещущих для кафедры вопросов о создании нового учебника по истории южных и западных славян, первого учебного пособия, выполненного по канонам марксистско-ленинской методологии. Пичета сообщил о своем разговоре с зав. отделом учебников ВКВШ Бутятиным, который предложил «приступить к работе над учебником силами кафедры славяноведения МГУ (с санкции декана исторического факультета, профессора М.Н. Тихомирова)»¹⁷⁰. Зав. кафедрой высказал свои соображения о плане и объеме учебника (20–25 листов для истории южных славян и 30 — для истории западных), предложил не дробить материал между большим количеством авторов и как можно скорее представить подробную программу учебника. Начать подготовку издания он предлагал уже в начале 1947/1948 учебного года. Авторское распределение работы Пичета представлял следующим образом: написание истории западных славян поручить В.И. Пичете, И.С. Миллеру, И.М. Белявской и М.В. Миско (история Польши) и Г.Э. Санчуку, Б.М. Руколь, Н.Д. Ратнер, И.И. Удальцову (история Чехии). По истории южных славян распределить работу между С.Ш. Гринбергом, Б.Т. Горяновым (история Болгарии) и С.А. Никитиным (история Сербии). Члены кафедры в лице С.А. Никитина и И.М. Белявской поддержали начинание Пичеты, определив его как «необходимую и реальную работу». Никитин же, под руководством которого и вышел впоследствии учебник «История южных и западных славян» (М., 1957), предусмотрительно предложил также уточнить ее «техническо-издательские возможности»¹⁷¹.

Первоначально казалось, что на подготовку и написание этого учебника уйдет два-три года, но понадобилось целое десятилетие. В его создании приняли участие члены кафедры: профессора С.А. Никитин и В.Т. Дитякин, доценты И.М. Белявская, В.Г. Карасев, И.Н. Частухин, Б.М. Руколь, кроме того сотрудники Института славяноведения АН СССР, воспитанники кафедры: Ю.В. Бромлей, В.Д. Королюк, В.И. Фрейдзон, С.И. Прасолов, а также М.В. Миско и А.И. Недорезов. По отзыву В.Г. Карасева, «учебник явился своеобразным испытанием на зрелость всего коллектива кафедры, ее педагогической и научно-методической работы за первое послевоенное десятилетие. В нем впервые излагалась история народов Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии с древнейших времен до 1945 г. Учебник получил положительную оценку и стал важнейшим пособием для изучения истории славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы»¹⁷². Позднее учебник был подвергнут критике за излишнюю фактологичность, и члены кафедры взялись за написание новых учебных пособий, более соответствующих своему времени.

В.И. Пичета скончался от тяжелой болезни в больнице 23 июня 1947 г., до последнего дня посильно участвуя в делах кафедры. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Новый заведующий кафедрой С.А. Никитин уже 26 июня предложил почтить память ученого, посвятив ему специальное заседание кафедры, которое состоялось 23 октября 1947 г. На нем были прочитаны два доклада о В.И. Пичете — С.А. Никитина¹⁷³ и И.М. Белявской. С воспоминаниями об ученом выступили В.В. Зеленин, З.В. Шаталова, Т.Г. Свистунова, Г.Э. Санчук, И.А. Воронков, профессор Б.Е. Сыроечковский. Все они очень тепло характеризовали В.И. Пичету как выдающегося ученого, преподавателя, общественного деятеля, человека. «Он любил молодежь, умел делать так, что молодежь от общения с ним очень много получала», — начал свое выступление студент В.В. Зеленин. «Это был человек большого сердца, чуткий, внимательный педагог», — сказала о нем студентка Т.Г. Свистунова. Г.Э. Санчук продолжил тему: «Хочется отметить величайшее педагогическое искусство Владимира Ивановича. Он умел найти главное, лучшее в человеке, умел так влиять на человека, что тот всегда давал все, что мог дать для науки. Он всегда умел воодушевить человека, после беседы с ним каждый чувствовал себя приподнятым, трудности казались легкими, открывались широкие горизонты. Владимир Иванович всегда старался привить нам не только любовь к науке, но и к жизни, всесторонность интересов, говорил всегда о необходимости самостоятельно мыслить»¹⁷⁴. Об особенностях лекторского мастерства В.И. Пичеты хорошо сказал С.А. Никитин: «В.И. был блестящим лектором. Его умение ярко и красочно обрисовать существо эпохи, характеры и деятельность исторических лиц приковывало внимание слушателей. Колоссальная эрудиция позволяла ему прибегать к неожиданным и запоминающимся сопоставлениям, а огромная память — приводить цифровые данные и цитаты, не справляясь в записи. Даже ответственные научные доклады В.И. часто делал, положив рукопись перед собою, переворачивая ее, но излагал материал устно и в известной мере импровизируя»¹⁷⁵. С.А. Никитину принадлежит и справедливая оценка В.И. Пичеты как ученого: «Широта научного кругозора сочеталась у него с глубиной специальных знаний... Это был выдающийся представитель русской исторической науки, вошедший в советскую историографию и все свои огромные знания отдавший развитию советской исторической науки. В.И. умер, когда его духовные силы были еще велики, а творческие замыслы далеко не исчерпаны. Он оставил ряд незаконченных работ, у него было много продуманных планов дальнейших исследований»¹⁷⁶. Позднее к столетию В.И. Пичеты был выпущен в свет специальный сборник статей «Славяне в эпоху феодализма» (М., 1978).

Со смертью В.И. Пичеты закончился важный в истории кафедры истории южных и западных славян МГУ послевоенный период ее развития. Он являлся логическим завершением ее деятельности в довоенное и военное время. Тогда было сделано главное — утвердилась система преподавания предмета истории славян от древности до современности на марксистских основах, определился кадровый состав кафедры и распределение учебных нагрузок среди ее преподавателей, установились требования к уровню знаний студентов и аспирантов, намечались обширные, всеобъемлющие (может быть, слишком обширные, трудно реализуемые) планы ее научной и учебно-педагогической деятельности.

Новый заведующий С.А. Никитин поставил перед членами кафедры более конкретные и реальные задачи. Он нацелил ее сотрудников на работу по созданию учебника по истории славянских народов, которая была завершена лишь в 1957 г. Но до этого кафедре предстояло пройти через горнило и пережить тяжелые перипетии идеологической кампании борьбы с космополитизмом¹⁷⁷, развернувшейся в СССР в конце 1948 — первые четыре месяца 1949 г., где утверждался сугубо классовый подход в трактовке проблем славяноведения. Эта проблема отчасти будет затронута и в главе V.

О причинах кампании говорилось ранее (см. главу II). Остановимся на самых примечательных моментах, непосредственно касающихся кафедры. 25, 26 и 28 марта 1949 г. на Историческом факультете МГУ состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное вопросам «борьбы с космополитизмом» в советской исторической науке¹⁷⁸. Аналогичные мероприятия проводились в Институте истории, Институте славяноведения АН СССР, в Академии общественных наук и др.¹⁷⁹.

На заседании Ученого совета истфака МГУ выступили почти все его члены. Космополитизм был объявлен «идеологией воинствующего американского империализма» и одновременно «идеологическим орудием войны против СССР и стран народной демократии»¹⁸⁰. Следствиями уступок ему определялось: 1) принижение роли русского народа в его истории, 2) стремление ослабить чувство советского патриотизма и принизить достижения социалистического строительства, искусства и науки¹⁸¹. Объектами нападок и обвинений в космополитизме стали историки преимущественно еврейской национальности (хотя напрямую это не афишировалось). Среди них: академик И.И. Минц и члены его «группы» по изучению истории Гражданской войны в СССР И.М. Разгон, Е.Н. Городецкий, Б.Г. Верховень, а также историограф Н.Л. Рубинштейн, американист Л.И. Зубок, специалисты по истории Англии И.С. Звавич и Ф.А. Коган-Бернштейн, востоковед А.Ф. Миллер и др. Критике подвергалась также деятельность медиевистов: академика Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина, византиниста-слависта Б.Т. Горянова и др. В отношении первой группы предлагались строгие административные меры взыскания, вплоть до увольнения из университета и АН СССР, в отношении второй — требовалась «покаянная» самокритика и исправление идеологических ошибок. В развернутой резолюции, принятой на заседании, предлагалось подобные «разборки» провести на всех кафедрах исторического факультета. В частности, там указывалось: «Ученый совет считает своим долгом обратить внимание кафедр на то, что в учебниках и учебных пособиях, которыми пользуются студенты Исторического факультета, а также в курсах и спецкурсах, которые они слушают, имеется ряд серьезных ошибок. Значительное распространение в курсах и учебниках имеет буржуазный объективизм и рецидивы кадетских либеральных концепций»¹⁸². Кроме того, предполагалось «предложить зав. кафедрами строить всю свою работу по руководству кафедрой на основе

самой непримиримой борьбы с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма, являющихся питательной средой для любых космополитических тенденций»¹⁸³.

Основываясь на итогах расширенного Ученого совета истфака МГУ, подобное заседание «по борьбе с космополитизмом» было проведено и на кафедре истории южных и западных славян. Оно состоялось 9 апреля 1949 г. в присутствии большинства преподавателей, аспирантов и студентов кафедры, представителей партийной и комсомольской организаций и декана факультета Г.А. Новицкого. Отсутствовали Б.М. Руколь, Б.Т. Горянов и Г.Э. Санчук, деятельность которых в большей или меньшей степени подвергалась критике.

Как уже указывалось, С.А. Никитин пришел на кафедру в 1942 г. После отъезда З. Неудлы на родину (лето 1945) и смерти В.И. Пичеты (июнь 1947) именно ему, как наиболее опытному преподавателю кафедры, защитившему докторскую диссертацию «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50-х — 70-х годах XIX века» и подготовившему книгу по ней, было поручено заведование этим структурным подразделением. Одновременно в 1947 г. он стал сотрудником нового Института славяноведения АН СССР и возглавил там Сектор истории славянских народов периода феодализма и капитализма. После смерти В.И. Пичеты его назначили также зам. директора Института. Большая научная и организационная нагрузка не позволяла С.А. Никитину в полной мере посвятить себя заботам о кафедре, что составляло объективную основу для ряда критических нападок на состоявшемся заседании. К тому же и по характеру и манере человеческого общения он разительно отличался от В.И. Пичеты. Последний посвящал много времени общению с научной молодежью, был окружен ею, выступал в роли генератора идей и благодаря своей феноменальной памяти и большому опыту педагогической работы мог брать на себя, часто импровизационно, чтение больших общих курсов. С.А. Никитин по натуре был человеком более закрытым, сдержанным, много времени посвящал скрупулезной источниковедческой работе, анализу литературы и потому не был готов сразу, без предварительной подготовки начинать чтение обширных общих курсов по славяноведению. В результате из-за недостатка квалифицированных кадров на кафедре возникли трудности с преподаванием ряда курсов и ведением практических занятий. Как уже указывалось, здесь в то время работали И.М. Белявская, Б.М. Руколь, Б.Т. Горянов, Н.Н. Улащик, А.А. Никольская, И.Н. Частухин, М.А. Бирман, Г.Э. Санчук. Закачивали аспирантуру И.А. Воронков и В.Г. Карасев. Аспирантами первого курса являлись В.И. Владимирская, В.И. Фрейдзон, Т.Г. Свистунова, В.М. Ендакова. В 1949 г. кафедра своими силами начала работу по составлению учебника истории южных и западных славян и хрестоматии по истории южных и западных славян (2 тома), работу над первым объектом предполагалось завершить в 1952 г., над вторым — в 1953 г. Разумеется, учебник предполагалось разрабатывать на основе методологии марксизма-ленинизма. В перспективном плане научных работ кафедры указывалось: «Это будет первое целостное изложение истории славян, основанное на марксистско-ленинской методологии и охватывающее все периоды исторического развития. При разработке его будут учтены опубликованные в последнее время работы и внимание составителей будет направлено на разоблачение националистических взглядов славянских ученых и антиславянских воззрений немецких авторов»¹⁸⁴.

К 1949 г. члены кафедры выпустили в свет несколько сборников статей и книг, которые значились также в планах нового Института славяноведения АН СССР, со-

трудниками которого по совместительству являлись многие ее преподаватели. Было опубликовано подготовленное во время войны популярное издание «История Чехии» (под ред. В.И. Пичеты. М., 1947)¹⁸⁵, два «Славянских сборника». Один вышел в 1947 г. и посвящался проблемам образования Сербского, Польского, Чешского и др. государств¹⁸⁶. Его авторами выступили ученые старшего поколения Ю.В. Готье, В.И. Пичета и З.Р. Неядлы, а также их более молодые коллеги. Второй «Славянский сборник» имел подзаголовок: «Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах» (М., 1948), Здесь перу С.А. Никитина принадлежали «Введение», статья «Славянские съезды шестидесятых годов XX века», публикация «Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 г.»¹⁸⁷. Никитин же написал «Предисловие» к солидному и до сих пор сохраняющему свою уникальность изданию «Документы к истории славяноведения в России» (М.; Л., 1948)¹⁸⁸.

Во всех этих работах С.А. Никитин представил свое видение истории славяноведения и истории славянского движения в России, находя в них прямые соответствия и стараясь подчеркнуть некоторую преемственность идей дореволюционного и советского славяноведения, что было позволено сделать в нашей историографии кратковременно на исходе Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы¹⁸⁹. Точно также славянское движение представлялось в основном в позитивном ключе, хотя не скрывалось, что его адепты придерживались консервативных, монархических взглядов, разделяли идеи панславизма, которые оценивались довольно жестко. Но наступили другие времена. В историографии снова начало акцентироваться внимание на сугубо классовый подход к анализу исторических явлений, и советская наука стала представляться совершенно самостоятельным продуктом марксистской мысли, лишенным отечественных корней и всякой преемственности со своей дореволюционной предшественницей. (Исключение делалось только для творчества революционных демократов.)

В подходе к общему курсу, читаемому студентам 4-го курса истфака МГУ, С.А. Никитин исходил из убеждения о сбалансированном представлении разных периодов истории славянства, хотя понимал, что от него будут требовать большего внимания к периоду новейшей истории.

В чем же заключалась главная суть «разоблачительного» заседания, проходившего на кафедре южных и западных славян 9 апреля 1949 г.?

Задачей заседания, установленной деканатом истфака и ректоратом университета, а также его партийной организацией, было, как уже указывалось, разоблачение идей буржуазного космополитизма в среде славистов. Разумеется, что никаких оснований для этого не существовало. Ни зав. кафедрой С.А. Никитин, ни ее молодые сотрудники никогда не стремились принизить роль русского и славянских народов в истории, наоборот, здесь еще жили отголоски настроений времен Великой Отечественной войны, когда славянское движение представлялось «искони» противостоящим «натиску на Восток» немецких феодалов, а в современности — агрессии и злодеяниям фашизма. К тому же такая крупная фигура в тогдашнем славяноведении, как С.А. Никитин, являлся человеком русским по национальности, а преподаватели-евреи еще не приобрели какой-либо известности в науке, потому против них не имело смысла разворачивать шумную кампанию, тем более, что главные жертвы «борьбы с космополитизмом» уже были намечены партбюро истфака МГУ на уровне факультета. Поэтому главные стрелы критики и самокритики, как было тогда принято на партийных собраниях, направлялись на привычные цели разоблачения буржуазного объективизма, безыдейности, беспартийности в науке.

Собрание кафедры, по-видимому, было заранее срежиссировано партбюро факультета, потому что объектом научной критики избирались те же работы, которые обсуждались на открытом и закрытом партсобраниях Института, состоявшихся 20 и 26 октября 1948 г.¹⁹⁰. За неимением новых книг критиковались старые, в том числе — «История Чехии», «Славянские сборники», «Документы к истории славяноведения в России». Почему-то избежал критики сборник «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» (под ред. З.Р. Неедлы. М., 1944). Вероятно, не осмелились «покуситься» на ярко заявленный в нем «священный патриотизм» и «боевитый антифашизм» периода Великой Отечественной войны и — главное, на занимавшего высокие посты в ЧСР редактора.

В выступлениях преподавателей, аспирантов, студентов кафедры и приглашенных критике подвергались все стороны ее деятельности: организационная, педагогическая, научная.

Общий настрой выступлений наиболее четко определила И.М. Белявская: «Партия ведет борьбу против буржуазной идеологии, космополитизма, аполитичности, объективизма. В известной мере ошибки кафедры ведут к космополитизму. Я это подчеркиваю. Партия исходит [из необходимости борьбы] за чистоту, за большую принципиальность, партийность в науке»¹⁹¹.

Со стороны организации работы на кафедре Никитину ставилось в вину, что он недостаточно полно руководит ее преподавательской деятельностью, не планирует заранее темы спецкурсов, особенно по новейшему времени, мало внимания уделяет аспирантам и студентам, давая им на откуп выбор тем дипломных и диссертационных работ. В то время как, по выражению тогдашней аспирантки В.И. Владимирской, при бедности литературы «для нас даже дипломная работа является вкладом в нашу науку. Поэтому необходимо заранее намечать темы дипломных работ, а не предоставлять их выбор только студентам»¹⁹². Для таких обвинений имелись некоторые основания, хотя по протоколам заседаний кафедры видно, что Никитин стремился обеспечить учебный процесс на ней как можно в более полном объеме. Беда заключалась в отсутствии необходимых кадров или в их неопытности. В выступлении И.М. Белявской прозвучали претензии к стилю руководства С.А. Никитина, обвинения в «формализме» и «хвостизме», отражавшие настроения бывших учеников В.А. Пичеты и собственные амбиции. «В этом году, — замечала И.М. Белявская, — С.А. не взял ни одного семинара, спецкурса, недопустимо отсутствие практического общения со студентами. Необходимо вкладывать больше энергии, времени в дело работы кафедры. Традиции Пичеты нельзя забывать, его общение со студентами. Он ставил студенческие доклады на кафедрах»¹⁹³.

Она же поставила вопрос об идейно-политическом воспитании студентов кафедры: «На кафедре такие вопросы не ставились. Необходимо преодолеть недостатки. Это можно сделать: создать творческий коллектив, а не формальное заседание кафедр, это хвостизм, с которым необходимо покончить»¹⁹⁴. Ту же мысль развивала другой активный партиец — В.И. Владимирская, выступая за идейное воспитание не только студентов, но и преподавателей кафедры. «Заседания нашей кафедры, — сказала она, — не являлись творческой борьбой за партийность в науке. На заседании кафедры не ставились большие теоретические вопросы, не подвергалась критическому разбору ни одна выпущенная научная работа. Нельзя забывать, что партийности надо учить, надо прививать критическое отношение к прочитанному»¹⁹⁵. В этом требовании также невольно напрашивалось сравнение с заседа-

ниями кафедр, проводимыми В.И. Пичетой, хотя в последних не было специальной партийной назидательности.

В.И. Владимирская также требовала от руководства кафедры большей напористости в достижении ее «материального» благополучия, в чем также выражались общие настроения партийной молодежи: «Больше мы не должны терпеть бедность нашей кафедры в кадрах, литературе, помещении. Кафедра слишком малочисленна и не удовлетворяет возросшим потребностям. Руководители кафедры должны проявить больше настойчивости в своих требованиях. Если не идет на помощь деканат, надо требовать помощи от ректора, министерства. Ставить вопрос о кафедре вплоть до ЦК ВКП(б)... Надо говорить о нашей кафедре настойчиво громко. Руководители кафедры должны жить жизнью кафедры, творчески ей руководить. Мы живем слишком медленно. Надо идти в ногу с событиями, по-партийному обсуждать новые партийные вопросы»¹⁹⁶. В этих «хозяйственных» обвинениях тоже чувствовался политический подтекст.

Предметом обсуждения стали структура и содержание нового общего курса истории славян от древности до современности. Этот курс на кафедре только формировался. С.А. Никитин признавал: «Я сам недоволен своим курсом. Дефекты его: этот курс еще недостаточно сбалансирован, его пропорции еще не найдены. Это необходимо устранить и выправить. Курс недостаточно отточен, мне оставалось подчеркнуть то новое, что мне удалось в него внести, курс не отточен политически, встречаются неправильные, неточные формулировки. Я работаю над курсом, считаю, что это основная моя работа»¹⁹⁷.

И.М. Белявская, оценивая общий курс, нашла в нем «фактологизм, отсутствие точных политических формулировок»¹⁹⁸. Владимирская пошла еще дальше и увидела «в несоблюдении пропорций» в курсе, отмеченных самим Никитиным, «крупную политическую ошибку». Она подчеркнула, что «нельзя забывать важность новейшего периода истории» и «совершенно недопустимо выпускать из чтения курса такой важный вопрос, как роль Советского Союза в установлении народной демократии в славянских странах. Показать значение Советского Союза должна именно наша кафедра. Упущение этого в дальнейшем потребует политической оценки»¹⁹⁹.

Примечательно, что наиболее категорично оценил общий курс С.А. Никитина студент 3-го курса из Польши Ю.Г. Боген, судя по всему получивший в СССР хорошую марксистскую подготовку. Он также считал, что наибольший интерес представляет здесь новейшая история славянских стран, логически завершающаяся победой «народных демократий»: «Задачи курса — показать пути борьбы рабочих и крестьян и завершение *революций* (слово неразборчиво. Вариант прочтения. — М.Д.). У нас прочитан курс, изолировавший славянские страны друг от друга, изолированный от всемирной истории, изолированный от России, Советского Союза. Эта изоляция, отсутствие классовой борьбы... по сути дела это объективистская буржуазная история, не дающая принципиальную оценку событиям, происходящим в славянских странах. Прочитанный курс не дает нам возможности правильно понять историю славянских стран, этот курс для нас неприемлем, нуждается в коренной, радикальной переработке»²⁰⁰.

Молодой преподаватель кафедры В.Г. Карасев также развивал мысль о «высоком предназначении» общего курса и даже его некой «мессианистской» роли в утверждении идей социализма в славянском мире: «Мы должны разобраться в настоящем славянских стран, помочь им узнать свою подлинную историю, помочь им в строительстве социализма, показать великую роль Советского Союза, это наш патриотический долг»²⁰¹.

Критиковались также спецкурсы преподавателей кафедры. О спецкурсе Г.Э. Санчука по истории Чехии студент Ю.В. Бромлей сказал: «Главный недостаток в нечеткости выводов, в множестве характеристик чешских историков. Например, Палацкому дано так много характеристик, что студенты не могут в них разобраться — нечеткие формулировки»²⁰². Признавалось, что А.А. Никольская не справилась со спецсеминаром по истории Болгарии XIX века на 4-м курсе, который был передан И.Н. Частухину, но вина за это возлагалась не на молодого преподавателя, на его неопытность и недостаточную квалификацию, а на зав. кафедрой, который дескать не планировал заранее работу спецсеминаров. Сама Никольская говорила в свое оправдание: «О том, что я должна вести семинар, сказано в начале года, я была неподготовлена. С.А. не проявил достаточного внимания к работе семинара, не было оказано достаточной помощи, хотя и были сигналы со стороны студентов»²⁰³.

В то же время Б.М. Руколь критиковалась не за слабость содержания курса, а только за то, что историю Чехословакии читает слишком медленно, хотя «читает курс она не впервые»²⁰⁴.

Более всего «досталось» спецкурсу Б.Т. Горянова по истории Болгарии и его программе. (На ученом совете истфака МГУ профессор Е.А. Косминский критиковал Горянова за то, что он «не понял, что советская наука стоит на принципиально других позициях, чем буржуазная русская дореволюционная наука» по византиноведению)²⁰⁵. Хотя последний повторял общераспространенное в конце войны и первые годы по ее завершении мнение о их преемственности (см. главу V). Аспирантка Т.Г. Свистунова отметила, что в этом спецкурсе большее внимание уделяется «древнему периоду, а не новой истории... только 1/3 программы посвящена народной демократии. Горянову необходимо было исправить программу после борьбы с космополитизмом. У него [в списке] рекомендательной литературы [работа] космополита Вайнштейна»²⁰⁶.

Студент В.Д. Вознесенский критически оценил лекции византиниста Б.Т. Горянова об эпохе национального возрождения Болгарии, «назидательно» показав преподавателю основные принципы тогдашнего понимания марксистского подхода. «Тов. Горянов, — сказал он, — не выяснил базу, на какой возможно было возрождение Болгарии. Он не начал лекции с экономического положения Болгарии, а начал ее с общих положений о развитии производительных сил и т.д. В лекции говорилось о том, что уже всем известно, как в средней школе. Не упоминались высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, не были применены их положения к обстановке в Болгарии. Совершенно не были упомянуты труды Благоева». После марксистского ликбеза делался политический вывод: «У болгарского историка Натана есть определение типа буржуазного историка, как историка, который плавает по поверхности, не опускаясь в глубинные воды. Именно такое впечатление оставляют лекции т. Горянова». В следующей лекции студент не нашел характеристики мировоззрения болгарского революционера Христо Ботева и упоминания о влиянии на него революционно-демократического движения²⁰⁷. В третьей лекции В.Д. Вознесенскому не понравилась картина образования болгарской социал-демократии 1890-х годов, характеристика тесняков только как одной из парламентских фракций: «Ничего не сказано в лекции о борьбе социал-демократии, о рабочем движении, о борьбе Благоева за курс развития Болгарии. Ничего не говорилось о влиянии русской социал-демократии на болгарскую, о влиянии революции 1905 года»²⁰⁸. «В важнейшем вопросе о Балканских войнах, — назидательно заключал студент, — совершенно не упомянуто о том, что говорил по этому поводу Ленин. В лекции говорилось

только о буржуазном правительстве, о монархе и их действиях»²⁰⁹. Из этих сентенций создавалось впечатление, что студент лучше знает, как надо излагать предмет, чем его наставник. Вывод делался в духе погромных дискуссий и нравственной атмосферы тех лет. В.Д. Вознесенского нисколько не смущало то, что речь шла о его достойном уважения преподавателе: «Гов. Горянов стоит на буржуазно-объективистских позициях, льет воду на мельницу идеологических врагов... Горянов разоружился в момент, когда наука стоит на передовой позиции. Это можно квалифицировать как дезертирство. О Горянове стоит давно вопрос. Его несколько раз предупреждали, но он не сделал из этого выводов»²¹⁰.

Если для критики организационной и педагогической сторон деятельности кафедры и ее руководителя еще имелись определенные объективные и субъективные основания, то критика их научных взглядов была явно политически ангажирована. В ней можно усмотреть некоторые ключевые моменты изменившегося подхода в анализе исторических явлений, проявившихся в этот период развития марксистской историографии.

Наибольшую полемику вызвал вопрос о преемственности дореволюционного русского и советского славяноведения, «неправильный» подход к решению которого связали с проявлением космополитизма. И хотя С.А. Никитин во вступительном слове пытался оправдаться («неправильно, что я не понимаю различия между старой и новой исторической мыслью, что русское славяноведение продолжает линию Ламанского и др., что или недоразумение или незнакомство с моими работами») ²¹¹ и даже привел в подтверждение цитату из одной из своих работ (вероятно, из введения к публикации «Документы к истории славяноведения в России»; см. главу V), все равно его огульно продолжали критиковать именно за это понимание преемственности, которое не отвергалось, подчеркивалось в историографии в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Аспирант Л.В. Воробьев указал, что из предисловия к изданию «Документы к истории славяноведения» можно заключить «о преемственности советского славяноведения буржуазному славяноведению. Туманные формулировки, отсутствие политической остроты приводит к тому, что неискушенный читатель сделает выводы, что существует общеславянская наука, которая развивается и в настоящее время. Нет характеристики истории славяноведения, как борьбы двух направлений. Если С.А. признает эти ошибки, то он должен исправить свою диссертацию при издании своей работы (это часть диссертации)».

Выступление Воробьева поддержал аспирант В.И. Фрейдзон. Он утверждал: «Рецензия в журнале „Вопросы истории“²¹² отмечает два направления в науке славяноведения и недооценку роли революционных демократов. В сборнике дана правильная характеристика идеологов буржуазного славяноведения (Ламанского, Флоринского), но затем делается упор на изучение именно этих буржуазных историков, а не революционных демократов» И далее: «Неправильно также утверждение С.А. Никитина о том, что Октябрьская революция прервала преграды единению славян. Наоборот, славянские связи были ослаблены в результате антисоветской пропаганды империалистов. Буржуазной науке славяноведения была невыгодна новая советская наука славяноведения, [которая] не является продолжением буржуазной славяноведческой науки. В советское славяноведение надо внести новый революционный марксистский дух»²¹³.

Наиболее четко «партийную» позицию по этому вопросу выразила И.М. Белявская, указав, какие именно традиции дореволюционной науки должно развивать советское

славяноведение. Она утверждала: «В прошлом существовало славяноведение буржуазное и революционно-демократическое (Герцен, Чернышевский). Это революционно-демократическое славяноведение замалчивается С.А. Никитиным в его статьях в „Славянском сборнике“ и сборнике „Документы“. Останавливается внимание только на буржуазных славяноведах, мракобесах. Можно писать о Погодине и Каткове, но надо их разоблачать, показать, как они боролись против революционного движения, как они ненавидели русский народ и все славянские страны». Из сказанного делался категорический вывод: «Преемственность советской наукой революционных традиций не показана С.А. в его научных работах и очень мало в учебной. *Забвение роли русских революционеров, Октябрьской революции в истории славянских стран — есть космополитизм*»²¹⁴ (выделено нами. — М.Д.). Понятно, что дальнейшие исследования показали правоту взглядов С.А. Никитина.

Другой принципиальный для Никитина вопрос, подвергнутый критике, касался оценки им славянского движения и его главных деятелей. Ученый стремился не навешивать на них ярлыков реакционеров и прогрессистов, старался показать их вклад в развитие национальной культуры. (Хотя, заметим, и он был человеком своего времени и ему также были присущи некоторые упрощения и политизированные характеристики.) В этой связи аспирант Л.В. Воробьев упрекал своего руководителя в том, что он «недостаточно останавливается на отношении революционных демократов к движению в славянских странах, отсутствуют классовые характеристики, характеристика Каткова и прочих реакционеров... Не указывается, что Славянский комитет поддерживал национальное движение, не говоря [о том], что этот комитет не поддерживал демократические слои славянских стран. Отсутствуют характеристики реакционных кругов славянских комитетов. О национализме славянофилов сказано слабо. Неправильно дана характеристика славянофилов 60-х гг., они были националисты и в 60-х и в 70-х гг. Неправильна характеристика Каткова, получается объективно, что Катков не был реакционным деятелем той поры»²¹⁵.

Эту же тему развивала Белявская: «С.А. Никитин идеализирует Каткова, Погодина, славянофилов 60-х гг. Катков, Погодин мешали связям славянских народов. У С.А. получается наоборот... Выходит, что, по мнению С.А., революционеры 70-х гг. отмахнулись от славянского движения. Не отмахнулись Катков, Погодин?! Неправильна в статье оценка славянофильства, которое стало реакционным. Здесь дело в объективном содержании и политическом значении, оценке русского освободительного движения и реакции Сергеем Александровичем. В сборнике дана типично буржуазно-объективистская оценка Каткову, Соловьеву, Погодину»²¹⁶.

Резкой критике подвергались научные работы и других преподавателей кафедры. Среди них — белорусского историка Н.Н. Улащика. Он читал в 1948/49 году часть общего курса и спецкурс «Разложение феодально-крепостнической системы в Польше», ранее опубликовал по этой теме статью «Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.»²¹⁷. Статья удостоилась перевода на польский язык, но на данном заседании стала объектом критики аспирантов Свистуновой и Воронкова. «Тов. Свистунова, — говорилось в протоколе заседания кафедры, — правильно отмечала недостатки статьи тов. Улащика. Действительно, в ней слишком много цитат при небольшом размере статьи. В статье мало внимания уделяется классовой борьбе перед крестьянской реформой 1861 г. Не обрисовано положение деревни перед реформой. Мало освещен вопрос о землеустройстве. Создается впечатление, что у крестьян Литвы

и Западной Белоруссии было слишком много земли. Недостаточно подчеркнута связь мелких и средних крестьянских хозяйств с рынком»²¹⁸.

Даже на фоне достаточно жесткого обсуждения работы Никитина и других преподавателей кафедры суперкритический разбор студентом А.Х. Клеванским популярного издания «Истории Чехии», выполненной в рамках Института славяноведения АН СССР под руководством В.И. Пичеты и получившей благожелательные рецензии²¹⁹, выглядит некоторым диссонансом, неся в себе некую закулисную интригу и является выпадом против покойного руководителя кафедры. Можно предположить, что это выступление было заказано парткомом. Выступавший ставит вопрос ребром: является ли этот «первый опыт советских славяноведов осветить историю отдельной славянской страны с древнейших времен по сегодняшний день первой марксистской работой», и отвечает категорично: «Нет, не является», потому что «книга идеализирует и потому искажает историю». Более того, «книга игнорирует не только общие, но и непосредственные высказывания классиков марксизма-ленинизма о Чехии и даже больше, книга спорит с ними, пытается опровергнуть без достаточных доказательств»²²⁰. (Почему-то молодой критик не обратил внимания на то обстоятельство, что в книге нет ссылок на литературу, а только на труды И.В. Сталина, которого он опрометчиво не отнес к классикам.) Далее Клеванский скрупулезно, во всех периодах истории Чехии, представленных в книге, ищет подтверждения своему главному тезису. Примечательна здесь критика оценки Славянского съезда в Праге 1848 г., которая обсуждалась и пересматривалась в семинаре В.И. Пичеты, воспринимаясь как творческое развитие марксизма. Критик же придерживался ортодоксальных взглядов: «Автор сказал, что на Славянском съезде в 1848 г. в Праге не было панславизма, т. е. того, в чем обвинял съезд Маркс. В книге же он говорит (С. 145), но если на съезде не выдвигалась идея государственного объединения славян, то выдвигалась идея общеславянского союза (Бакунин, Либельт), кому на руку была такая идея в тогдашних конкретных условиях? Только на руку царскому самодержавию, главному врагу европейской революции. Итак, одна часть съезда объективно играла на руку самодержавию, другая выдвигала идею австрославизма, на руку реакционной Австрии. В обоих случаях оно было на руку реакции. Поэтому и сам съезд был реакционным, и Маркс был прав, так оценивая его. Но об этом в книге вы не найдете ни слова»²²¹.

Клеванский утверждал новый тогдашний подход советской историографии к вопросу о причинах распада Австро-Венгрии. По его мнению, «крах империи Габсбургов „не совпал“, а был одной из причин образования Чехословацкой республики. А главной причиной была борьба чешского народа под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции»²²².

Выступление было завершено категорическим выводом: «Книга ничего общего с марксизмом не имеет. Героическая и прекрасная история чешского народа не нуждается в идеализации. Не идеализация представителей господствующих классов, а показ героической борьбы народа против них, не изоляция в рамках чешских земель, а освещение значения борьбы одного из славянских народов в истории народов Европы, в истории борьбы человечества за коммунизм — задача партийной советской науки славяноведения»²²³.

Студент В.Д. Вознесенский верно передал тогдашнее ощущение «передовых» студентов, которые в области освоения марксизма опережали своих преподавателей. «Перед нами, студентами, стоит крепость. Нас ведут на штурм этой крепости с другой стороны. Мы хотим штурмовать эту крепость современным оружием, каким яв-

ляется наука марксизма-ленинизма»²²⁴. В этом отношении А.Х. Клеванский также искренне считал, что студенты могут помочь своим преподавателям: «Прислушавшись к голосу студентов, по мере своих сил старающихся помочь в этой большой работе, наши научные руководители воспримут сегодняшнюю критику как посильный вклад своих младших товарищей в наше общее большое дело»²²⁵. Этот момент отметила и И.М. Белявская, одобрявшая политически направленную критику студентов: «Выступления присутствующих преподавателей ограничены чисто критическими замечаниями. Не было дано политической оценки своих ошибок. Уровень выступлений преподавателей ниже, чем выступлений студентов и аспирантов. Преподаватели не почувствовали задачи, стоящие перед кафедрой»²²⁶.

На фоне задиристых критических выступлений студентов, аспирантов и молодых преподавателей заключение декана Г.А. Новицкого выглядело совсем «миролюбиво» и почти «примирительно». Он пожурил С.А. Никитина за то, что тот считает себя только «председателем кафедры», а не полноценным заведующим, вникающим во все ее дела. Он отметил: «Большие недостатки имеются на кафедре, и С.А. и я отвечаем за курс Горянова. Хотя критика Горянова была со стороны профессора Тихомирова, и в Академии наук, зав. кафедрой не председатель, у него большая власть, он руководитель кафедры, обладает большими правами, как и по отбору кадров, так и по другим»²²⁷. Тем самым был сделан явный намек на необходимость увольнения Горянова, которое могло послужить неким оргвыводом развернутой кампании. Никитин, сказавший во вступительном слове, что всем преподавателям кафедры, включая Горянова и его самого, предстоит исправлять ошибки, в заключение не стал его «добивать», остановившись на общих проблемах кафедры и пытаясь оправдаться по критике в свой адрес.

С.А. Никитин, в частности, сказал: «Выступления правильно отражали работу кафедры. Это очень важно, так как критика и самокритика не всегда имеет место в наших кафедрах. Необходимо понять о необходимости скорейшего появления учебника. Это первоочередная работа, не позднее осени 1950 г. Ибо учебник нужен не только нам, но странам народной демократии... Учебник необходимо писать коллективно»²²⁸.

В заключительном слове С.А. Никитин пытался ответить на выдвинутые обвинения и как-то оправдать себя и других членов кафедры. Момент был серьезный, так как могли последовать репрессивные «оргвыводы». Он не принял обвинений в «буржуазном космополитизме», прозвучавших в двух выступлениях, старательно обойдя этот вопрос. Из всех «политических» ошибок он признал только отсутствие «ясных и отчетливых формулировок» при разоблачении реакционных идеологов и то с оговоркой, что «в другом месте мною написано о Каткове иное»²²⁹. На определенную заданность обвинений указывал и тот факт, что, по признанию Никитина, статья из «Славянского сборника», «вызвавшая такие бурные прения», в свое время «была обсуждена на заседании кафедры и не вызвала сомнений». Главную задачу кафедры Никитин видел в том, «чтобы раз навсегда отказаться от той трактовки вопросов, которая приводит к указанным ошибкам, покончить с объективистским изображением, которое имеет у нас место. Вопрос этот имеет характер далеко не личный и только общими усилиями всей кафедры можно выйти из создавшегося положения»²³⁰. Наилучшим образом такую задачу, по его мнению, можно будет реализовать в подготовке учебника по истории славян, которую по заданию деканата необходимо было выполнить в короткий срок. Эта работа должна «явиться тем оселком, на котором кафедра должна показать свою способность к работе. Вопрос об учебнике практический, вопрос не далекого плана, а текущей [работы]: над созданием учебника должны работать все звенья кафедры»²³¹.

Никитин признал также, что «положение совместителя не всегда дает возможность уделять кафедре достаточно внимания, столько, сколько она требует. «Начало года, связанное с составлением плана в Институте славяноведения, оторвало меня от кафедры. Наиболее неприятное заключается в том, что не хватало времени побывать на занятиях у всех сотрудников кафедры. Это моя вина». Из этого следовал вывод: «Общая организация дел на кафедре требует принятия самых решительных мер для того, чтобы перестроить всю работу. В этом сошлись все выступающие»²³².

Никитин специально остановился на вопросе о работе с кадрами, что, как указывалось, косвенно служило обоснованием сохранения коллектива кафедры: «Привлечение работников со стороны очень трудное дело. В Институте славяноведения мало людей, которых можно было бы в полном объеме привлечь к работе на кафедре. Надо делать ставку, прежде всего, на самих себя. Надо смело привлекать к работе аспирантов. Надо попытаться привлечь работников из Академии общественных наук... Специалистов по новому периоду очень мало, что затрудняет возможность быстро укомплектовать кафедру. Но, повторяю, надо использовать все возможности»²³³.

Тяжелый осадок несомненно оставил у старших по возрасту преподавателей кафедры моральный аспект обсуждения. Несмотря на это, Никитин вынужден был признать скрепя сердце результаты обсуждения положительными: «Кафедра получила сегодня встряску, которая будет полезна для совершенствования ее работы. Мы не всегда интересовались работой друг друга. До сегодняшнего дня я не слышал таких суждений о моей научной и учебной работе, хотя и обращался с вопросами к товарищам. Только общей работой кафедры можно достигнуть улучшения работы кафедры»²³⁴.

Для выработки текущего решения на заседании была избрана комиссия в составе Новицкого, Никитина, Белявской, Владимирской и Улащика, текст которой не сохранился. Инициатором его составления выступила Белявская.

В заключение следует отметить, что, к счастью для развития отечественного славяноведения, это заседание не имело серьезных административных последствий ни для кафедры в целом, ни лично для С.А. Никитина, вероятно, потому, что в конце апреля 1949 г. кампания по борьбе с космополитизмом по указанию Сталина была свернута. По свидетельству очевидца, партбюро постановило снять все обвинения с Никитина в космополитизме, как «обвиненному неправильно». Б.Т. Горянов, правда, вскоре вынужден был уйти с кафедры, а Н.Н. Улащик впоследствии был арестован. Одно несомненно: С.А. Никитин получил еще одну глубокую моральную травму, от которой долго не мог оправиться, замкнувшись в себя. За эту закрытость и чрезмерную осторожность его впоследствии не раз упрекали на партсобраниях в Институте славяноведения АН СССР.

ПОПЫТКИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ЛГУ

Если кафедра истории южных и западных славян в МГУ, созданная в 1939 г., успешно развивалась в трудное военное и послевоенное время и функционирует до сих пор, то с организацией подобной кафедры на историческом факультете ЛГУ дело застопорилось. И это несмотря на то, что в Петербурге–Ленинграде существовали давние и крепкие славистические традиции. В северной столице в XIX — начале XX века исторические дисциплины преподавали и изучали И.И. Срезневский, В.И. Ламанский, В.В. Макушев, А.Н. Пыпин, Н.И. Кареев, Н.В. Ястребов и др. Да и после 1917 г. в университете работали

достаточно крупные специалисты — археолог и знаток древней истории В.В. Мавродин, византинист М.В. Левченко, медиевисты О.Л. Вайнштейн, С.Б. Окунь, А.Л. Гольберг, полонисты У.А. Шустер и М.В. Джервис, богемист К.А. Пушкаревич, наконец, славист широкого профиля и болгарист Н.С. Державин и пр. В 1934 г. восстановили исторический факультет ЛГУ, в 1937 г. в него влился аналогичный факультет ЛИФЛИ, выделенный из университета в начале 1930-х гг. Все вышеназванные ученые так или иначе были связаны с данными вузами и выделяли в своем преподавании славистические аспекты. На них, прежде всего, предполагалось опираться при организации кафедры истории славян ЛГУ, объективные предпосылки для создания которой, несомненно, созрели в 1939 г. Но не было субъективной составляющей — авторитетного лидера, способного убедить местные власти в необходимости принятия решения по этому делу.

Инициатором всех акций по возрождению славяноведения в Ленинграде выступил академик Н.С. Державин. Это был авторитетный ученый (филолог и историк) и организатор науки, еще до революции начавший изучение болгарских говоров на территории России, в 1930-е гг. впервые в отечественном славяноведении написавший «Историю болгарской литературы», а во время войны — четырехтомную «Историю Болгарии» и др. Им опубликовано множество работ по славянской (преимущественно болгарской) истории и филологии. Ученому, несомненно, принадлежит заслуга создания в 1931 г. Института славяноведения в Ленинграде. Будучи беспартийным, он всегда активно откликался на события в общественно-политической жизни страны и ревностно следовал за «линией партии». Его научную репутацию сильно портили ярая приверженность к марризму и неприкрытый сервилизм, о чем мы будем еще иметь случай рассказать подробнее.

После закрытия Института славяноведения в Ленинграде (в 1934 г.) Н.С. Державин был озабочен созданием академических и университетских структур по славянской филологии (см. главу II, IV и следующий раздел), посылая многочисленные докладные записки по этому поводу в высшие директивные органы. Только в канун Великой Отечественной войны дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Причем Н.С. Державин дальновидно хлопотал об организации в ЛГУ как кафедры славянской филологии, так и истории славян. 24 мая 1941 г. он писал С.Б. Бернштейну: «Сейчас славяноведение у нас серьезно становится на ноги. В Ленинградском университете восстанавливается кафедра славянской филологии и создается кафедра истории славянских народов»²³⁵. Следует отметить, что успеху дела значительно способствовало изменившееся в положительную сторону отношение руководства страны к славяноведению. Н.С. Державин в том же письме констатировал: «Движение в пользу славяноведения поддерживается руководящими верхами. Лица, до сих пор враждебно настроенные к славяноведению, под влиянием этого складывают оружие и без боя сдают свои позиции. Это я наблюдаю, в частности, в Ленинградском университете, где с осени мы будем иметь уже две славяноведные кафедры»²³⁶.

К сожалению, начало Великой Отечественной войны помешало становлению данных официально утвержденных славистических подразделений. Это засвидетельствовано и в единственной информации: «В августе Совет университета утвердил на истфаке новую кафедру — истории славянских народов, которую возглавил академик Н.С. Державин. С сентября к чтению новых курсов по славяноведению приступил только что окончивший у нас аспирантуру молодой талантливый славист Г.И. Иодко (безвременно погиб весной 1942 г.)»²³⁷. Г.И. Иодко не успел ярко

проявить себя в избранной специальности, но подавал большие надежды. Известно только, что накануне войны он блестяще защитил под руководством профессора О.Л. Вайнштейна кандидатскую диссертацию «Немецкая колонизация Силезии в XIII и XIV вв.» и был зачислен в штат истфака²³⁸.

В этой же информации отмечалось, что и на других кафедрах факультета с началом войны стала особенно популярной славянская патриотическая проблематика. Декан факультета В.В. Мавродин опубликовал в издательстве ЛГУ в 1941 г. брошюры «Историческая борьба славян с германцами» и «Грюнвальд». Доцент А.Л. Фрейман издал работы «Фашистские людоеды» и «Отечественная война украинского народа против фашистских захватчиков». Преподаватели университета читали лекции и доклады в госпиталях и военных школах, на боевых кораблях Балтийского флота, в военных частях в городе и на линии фронта.

Преподаватели отмечали, что учеба, несмотря на все лишения и невзгоды войны, проходила с высоким энтузиазмом, зимняя сессия прошла успешно, и «чем труднее было работать, тем упрямее вгрызались студенты в свои учебники и литературу»²³⁹. А было от чего впасть в панику и уныние. Вот как описывает профессор О.Л. Вайнштейн занятия в начале блокады Ленинграда: «Особенно тяжело стало поддерживать деловой ритм этих будней с наступлением зимних холодов. Стали трамваи, прекратилась подача электрического тока. В предутренней тьме, озаряемой вспышками орудийных выстрелов, через глубокие сугробы неубранного снега спешили профессора и студенты со всех концов города к зданию университета. Иногда на факультете мы заставляли с утра весьма неуютную картину: за ночь все окна выбиты воздушной волной от упавшей вблизи бомбы; по аудиториям свободно гуляет свежий ветер, сорвавшийся с просторов Балтики или соседней Невы. Пока идет срочное застекление, чернила успели замерзнуть. С декабря температуру насквозь простуженного здания невозможно было поднять даже до нуля. Лектор читал в калошах и шубе с поднятым воротником. Ему прилежно внимали закутанные в платки и шали энтузиасты учебы». Испытания холодом дополняли муки голодного желудка. «Кто не пробовал обходиться целый день 125 граммами хлеба и пустым дрожжевым супом, тот никогда не поймет условий жизни и учебы в Ленинграде в суровые зимние месяцы 1941–1942 года»²⁴⁰. Но студенческая молодежь и маститые профессора ЛГУ мужественно преодолевали все невзгоды и тяготы блокады.

В феврале 1942 г. началась эвакуация Ленинградского университета в Саратов, куда его преподаватели и студенты прибыли четырьмя партиями в начале марта. Уже через пять–шесть дней факультет приступил к регулярным занятиям в аудиториях и кабинетах Саратовского гос. университета. По понятным причинам кафедра истории славянских народов не могла возобновить свою работу, но славистическая проблематика в стенах исторического факультета продолжала изучаться. Об этом свидетельствовала, в частности, тематика «субботников» — серия открытых научных заседаний, проведенных объединенными усилиями преподавателей и студентов исторических факультетов местного и Ленинградского университетов. В докладах рассматривались славянские и патриотические аспекты отечественной и зарубежной истории. Так, профессор СГУ Н.Л. Рубинштейн прочитал доклад «Образование народного ополчения в XVII веке». Он же и профессор ЛГУ М.А. Гуковский выступили на специальном заседании, посвященном годовщине Ледового побоища, и пр.²⁴¹. С докладами патриотического содержания преподаватели ЛГУ активно выступали в Доме Красной Армии, в частях Красной Армии, военных школах, госпиталях и пр.

Научная работа в Саратове, ввиду отсутствия библиотек и архивохранилищ, не могла проводиться в полном объеме, но шло завершение начатых трудов. В информации сообщалось, что профессор В.В. Мавродин продолжает работу над монографией «Киевская Русь» и статьей «Русские на Дунае», Е.М. Косачевская готовит кандидатскую диссертацию «Галицкая Русь в первой половине XIX в.»²⁴².

Но, самое главное, в учебный план ЛГУ в Саратове в 1943 г. был включен курс истории южных и западных славян. Древнюю и средневековую историю славян читала здесь доцент кафедры средних веков, специалист по аграрной истории Польши О.Е. Иванова, историю славян нового и новейшего времени — полонист У.А. Шустер²⁴³.

Летом 1944 г. ЛГУ реэвакуировался в освобожденный от блокады Ленинград, и с 1 октября начался новый учебный год.

После окончания войны академик Н.С. Державин вновь предпринял попытку организации кафедры истории славян на истфаке ЛГУ. Сохранился черновик его докладной записки в руководящие органы, предположительно 1946 г. В ней он указывал, что на историческом факультете этого университета уделяется определенное внимание проблемам славяноведения. На кафедрах истории средних веков и истории нового времени в 1946/1947 учебном году читается общий курс истории славян. На кафедре истории новейшего времени студенты слушают спецкурсы по истории Болгарии, Польши XIX в., балканских стран межвоенного периода, а на кафедре истории СССР — спецкурс по истории Галиции в 1845–1848 гг. На кафедре истории нового времени, кроме того, проводится спецсеминар по истории национального движения в Польше в XIX в. Наряду с этим на факультете открыто Славянское отделение, и студенты получили возможность заниматься изучением чешского, польского и других славянских языков.

Державин отметил, что на филфаке также изучают историю славян, но историки не имеют ни малейшего представления о планах и программах своих коллег. Потому сложилась парадоксальная ситуация: «достаточно сказать, что курс истории славян для филологов расчитан на 100 с лишним часов, а курс истории славян для историков объемом в 64 часа!»²⁴⁴.

Для устранения недостатков по координации учебного процесса Державин предлагает организовать в ЛГУ кафедру славянской истории (или славяноведения) на историческом факультете или хотя бы общую межфакультетскую кафедру славяноведения для историков и филологов. «Если невозможно по соображениям формальным и финансово-штатным организовать на истфаке новую кафедру, — писал ученый, — то можно было бы на первых порах (предварительно) ограничиться созданием кафедры по истории Византии и славян на базе существующей кафедры византиноведения»²⁴⁵.

Заканчивал Державин свою докладную записку деловым предложением по кадровому составу новой кафедры из числа имеющихся в ЛГУ специалистов. Среди них он назвал полониста-аграрника О.Е. Иванову с кафедры истории средних веков, полониста У.А. Шустера с кафедры истории нового времени и специалиста по истории Галиции Е.М. Косачевскую с кафедры истории СССР. Все они уже защитили тогда кандидатские диссертации. Державин полагал, что можно было бы привлечь сюда и преподавателей истории славян с филфака — профессора К.Н. Державина, читающего курс по истории Болгарии, и доцента Л.В. Разумовскую, преподававшую там же общий курс истории славян²⁴⁶.

К сожалению, усилия Н.С. Державина по организации кафедры истории славян на истфаке ЛГУ в послевоенное время не увенчались успехом. Хотя здесь и далее

читались отдельные славистические курсы и спецкурсы, велись семинары, защищались кандидатские и докторские диссертации, венчавшие проводимые историко-славистические исследования. Славистическая проблематика занимала почетное место в лекциях и научных трудах профессоров ЛГУ В.В. Мавродина, С.Б. Окуня, О.Л. Вайнштейна, В.Г. Ревуненкова и др. В роли ведущих славяноведов факультета долгое время выступали профессора С.М. Стецкевич и В.А. Якубский, подготовившие не одно поколение ленинградских историков-славистов. Своей неутомимой деятельностью они подготовили почву для создания в Петербургском университете кафедры истории славянских и балканских стран, которая была открыта здесь в 2002 г. по инициативе ее первого заведующего, профессора А.Ю. Дворниченко. До августа 2006 г. ею руководил скоропостижно скончавшийся доцент В.П. Денисенко. Ныне ее возглавляет профессор А.И. Филюшкин. Кафедра уже сделала заметные успехи на ниве славяноведения²⁴⁷.

Вне Москвы и Ленинграда в рассматриваемый период практически не сформировалось специальных учебных подразделений, где преподавалась бы история славянских народов, хотя славистическая тематика находила отражение в темах докладов и научных работ в некоторых региональных вузах²⁴⁸. Исключение составляла единственная в своем роде историко-филологическая кафедра славяноведения в Иркутском университете, открытая в 1944 г. под руководством профессора К.А. Копержинского. Ее деятельность подробно рассмотрена в статье А.Н. Горяинова и Б.С. Шостаковича²⁴⁹.

* * *

Таким образом, возрождение университетского славяноведения в СССР началось в роковом 1939 г. Совпадение с началом Второй мировой войны обусловило востребованность, прежде всего, его исторической части, что и было реализовано в создании кафедры истории южных и западных славян во главе с В.И. Пичетой (первой в своем роде). Титанические усилия преподавателей кафедры по формированию учебных курсов и программ, воспитанию молодых кадров славистов и ответный энтузиазм студентов в овладении знаниями в тяжелое лихолетье Великой Отечественной войны являются достойным уроком для последующих поколений. Далеко не все удалось реализовать. Плохо обстояло дело с печатной продукцией, с подготовкой учебных пособий. В обучении азам предмета преподаватели кафедры предложили студентам его марксистское видение сначала в «антипокровской» трактовке, плавно перешедшей с началом Великой Отечественной войны в «патриотическую» (на добровольных, «по зову сердца» началах), затем в период кампании «борьбы с космополитизмом» утверждалось его «зашоренное» (репрессивно-принудительное) сугубо «классовое» видение. И те и другие представления, в разной мере, были далеки от научной объективности. К сожалению, попытки создания кафедры исторической славистики в Ленинграде не увенчались успехом, но отчасти компенсировались интересом к славистике вне её структурных подразделений.

КАФЕДРА СЛАВЯНО-РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В МИФЛИ

С успехами развития славянской филологии в начале XIX в. закономерно встал вопрос о необходимости ее систематического изучения. Первым опытом ее институциональной организации стало основание в Московском университете в 1811 г. кафедры славянской словесности, ограничившейся преподаванием церковнославянского языка профессором эстетики М.Г. Гавриловым²⁵⁰. Но только с 1835 г., когда по новому университетскому уставу в четырех российских университетах (Московском, Петербургском,

Харьковском и Казанском) учреждались кафедры истории и литературы славянских наречий, преподавание нового предмета — славянской филологии — стало носить регулярный характер. Большой вклад в развитие отечественного славяноведения внесли профессора кафедры М.Т. Каченовский, О.М. Бодянский, А.Л. Дювернуа, Р.Ф. Брандт, В.Н. Щепкин и др.²⁵¹, заложившие крепкие основы и традиции преподавания этой научной дисциплины в России. В то же время, по заключению специалистов, преподавание языков имело тогда «описательно-ознакомительный характер с преобладанием исторической интерпретации языковых фактов. История литературы славянских народов (за исключением Р.Ф. Брандта. — М.Д.) освещалась в лекциях фрагментарно»²⁵².

После Октябрьской революции 1917 г. новыми властями был взят общий курс на свертывание славистических исследований. (подробнее см. в главе II). В трудные годы Гражданской войны многие ведущие слависты страдали и умирали от голода и холода, отсутствия средств к существованию, некоторые из них искали спасения в эмиграции. Далее последовали прямые репрессии славистов²⁵³. В этой гнетущей обстановке в 1927–1930 гг. функционировал Цикл южных и западных славян на этнологическом факультете МГУ²⁵⁴, за основание которого боролся выдающийся филолог-славист, диалектолог, этнограф А.М. Селищев. Он надеялся со временем организовать на основе Цикла комплексный Институт славяноведения²⁵⁵. Этот проект не был поддержан. По свидетельству С.Б. Бернштейна, на Цикле «студент получал одновременно лингвистическую и собственно историческую подготовку. В зависимости от выбора специальных курсов и семинариев будущий славист становился лингвистом, историком или этнографом»²⁵⁶. Новый Цикл был ориентирован на подготовку кадров не столько «для работы в организациях, связанных с зарубежными славянскими странами, сколько на выполнение задач по подготовке специалистов для деятельности среди национальных меньшинств СССР»²⁵⁷.

Став руководителем Цикла, Селищев привлек к преподаванию в МГУ многих видных филологов и историков. Сам профессор, по свидетельству Р.И. Аванесова, читал курсы «введение в славяноведение, сравнительная грамматика славянских языков, славянская этнография, старославянский язык, чешский язык, сербский язык, сербский фольклор (в разные годы он читал курсы по другим славянским языкам, культурам, литературе)»²⁵⁸. Лекции А.М. Селищева производили сильное и незабываемое впечатление на слушателей. С.Б. Бернштейн вспоминал: «Самым главным во всем его облике, в его поведении была какая-то магическая сила, неумемая страсть. Он мало напоминал по манере чтения профессора. Перед нами стоял проповедник, который призывал нас к подвижнической жизни. Такого чтения лекций ни до, ни после мне никогда не приходилось слушать... Помню отчетливо лишь одно — после второй лекции я уверенно попросил в деканате зачислить меня на цикл южных и западных славян»²⁵⁹.

К преподаванию «живых» славянских языков были привлечены политэмигранты И. Мальшич из Югославии и М. Колинкоева из Болгарии. Практические занятия по польскому языку вел выпускник МГУ, филолог-русист Д.Э. Розенталь, по чешскому — полонист А.И. Павлович, по сербохорватскому — А.П. Добровольский. Преподавались также и восточнославянские языки — белорусский (П.А. Расторгуев) и украинский (Н.Л. Туницкий)²⁶⁰. Таким образом, лингвистическая часть цикла была обеспечена в достаточно полном объеме.

Хуже всего обстояло дело с преподаванием славянских литератур. Приглашенный в МГУ из Казанского университета А.М. Селищевым профессор Г.И. Ильинский, ав-

тор новаторской «Праславянской грамматики» (1916), крупный специалист в области палеографии, этнографии, географии славян, взял на себя чтение истории польской, а затем сербской литературы²⁶¹, читал специальные курсы по палеографии, славянским древностям, истории славянской филологии²⁶². По оценке выпускника цикла западных и южных славян С.Б. Бернштейна, здесь «лингвистические курсы носили историко-диалектологический характер. Всё внимание было направлено на изучение древних памятников письменности и диалектов. Систематических сведений о современных литературных славянских языках лингвистические курсы не давали. В этом отношении подготовка славистов не отличалась от дореволюционной»²⁶³. Нововведением А.М. Селищева являлось учреждение лектуры, когда под руководством приглашенных со стороны преподавателей студенты практически овладевали славянскими языками, изучали его литературные основы, хотя уровень этой подготовки был недостаточно высок.

По решению Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР, принятому при организации Цикла, особое внимание следовало обратить на преподавание предметов, освещающих современную жизнь славянских народов. Поэтому здесь читались курсы по государственному устройству славянских стран (юрист-международник, профессор В.П. Дурденевский, затем доцент К.А. Архипов), их экономической географии (профессор М.И. Селищенский), по экономическим и политическим отношениям с СССР (историк международных отношений и дипломат Б.Е. Штейн), а также курс этнографии южных и западных славян (выпускник РАНИОН П.П. Свешников)²⁶⁴. В рамках цикла большое внимание уделялось преподаванию исторических дисциплин. Курс по славянским древностям читал археолог и специалист по истории Сербии, профессор Ю.В. Готье, по истории материальной культуры зарубежных славян В.В. Богданов, по истории России до XIX в. историк-славист, профессор М.К. Любавский, затем видный специалист по русской истории, профессор С.В. Бахрушин, курс новой и новейшей истории Австро-Венгрии специалист по западноевропейской истории, профессор С.Д. Сказкин. В зависимости от специализации студентов предлагались курсы истории западных (М.К. Любавский) и южных (Ю.В. Готье) славян и семинары по этим предметам²⁶⁵. Из перечисленного видно, что при всей важности введения исторических дисциплин на Цикле западных и южных славян их преподавание не носило систематического характера.

В разное время этот Цикл закончили известные в будущем лингвисты Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн, П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров, сохранившие глубокую благодарность своему учителю и научному руководителю. Бернштейн, например, писал под его руководством диплом «Поляки на Воляни», выезжая для сбора материалов в диалектологическую экспедицию²⁶⁶. Селищев определил и тему его кандидатской диссертации.

Этот уникальный славистический центр в МГУ филолого-исторического профиля просуществовал до 1930 г. А.М. Селищев в феврале 1934 г. был репрессирован по «делу славистов» и сослан в Карлаг (под Карагандой). По этому же «делу» проходили и его коллеги Г.А. Ильинский, П.А. Расторгуев, А.И. Павлович, Н.И. Кравцов и др. А гуманитарные факультеты после очередной реорганизации были выделены из МГУ и составили особый Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ), ставший по воспоминаниям современников каким-то «оазисом свободомыслия», своеобразным «Лицеем в Сокольниках» в суровую сталинскую эпоху²⁶⁷. Этот институт в какой-то мере взял на себя эстафету в преподавании славянской филологии, организовав кафедру славяно-русского языкознания²⁶⁸ под руководством

Д.Н. Ушакова, крупного специалиста по русской фонетике, диалектологии, орфографии и лексикологии. Как видно даже из названия, кафедра занималась преимущественно вопросами русского языкознания. В разное время на кафедре преподавали первоклассные специалисты в этой области Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, Е.М. Галкина-Федорук, В.Д. Иванов, П.С. Кузнецов, С.И. Ожегов, М.Н. Петерсон и др.²⁶⁹

Примечательно, что все преподаватели кафедры являлись последовательными противниками «нового учения о языке» Н.Я. Марра и активно противодействовали натиску марристов. В то же время, проблемы литературоведения здесь почти не изучались, а содержание славистических курсов зависело в основном от квалификации наличных преподавателей. С 1937 г. до сентября 1939 г. их здесь вел профессор А.М. Селищев, который читал, прежде всего, традиционный для себя курс «Введение в славяноведение», курс сравнительной грамматики славянских языков, истории болгарского языка и пр. В канун Второй мировой войны, летом 1939 г., Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (далее ВКВШ) принял решение об усилении преподавания славистических языков в МИФЛИ²⁷⁰. С.Б. Бернштейн справедливо указывал, что руководство страны начало понимать, что «игнорирование славяноведения отрицательным образом сказывается и в политике, и в экономике, и в развитии культуры. На каждом шагу ощущалось отсутствие переводчиков со славянских языков, поражало невежество должностных лиц и простых граждан в важнейших вопросах жизни славянских народов и их истории»²⁷¹.

Во исполнение этого решения после вынужденного ухода Селищева из Института «по собственному желанию»²⁷² в сентябре 1939 г.²⁷³ на кафедру был приглашен из Одессы (по инициативе Д.Н. Ушакова) доцент С.Б. Бернштейн, заведовавший кафедрой болгарского языка и литературы в местном пединституте. К тому времени он защитил в 1934 г. в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Тюркские элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.» и заявил о себе как о серьезном специалисте в области болгарской диалектологии. Первое время он совмещал преподавание в МИФЛИ и Одессе и потому начал свои занятия с 13 ноября 1939 г. Программу курсов согласовывало с ним руководство кафедры.

Судя по письмам Д.Н. Ушакова (от 3 сентября 1939 г.) и Г.О. Винокура (10 октября 1939 г.) и официальному письму от зам. декана МИФЛИ М.Н. Зозули (от 10 октября 1939 г.) С.Б. Бернштейну поручалось, в конце концов, чтение сравнительной грамматики славянских языков на пятом курсе, введения в славянскую филологию — на втором, старославянского и польского языков для аспирантов²⁷⁴. В дальнейшем он читал в МИФЛИ также лекции по отдельным (болгарскому и сербскому) славянским языкам²⁷⁵, а также дважды небольшой курс по истории сербской литературы²⁷⁶.

В 1940–1941 г. чтение курса «Введение в славяноведение» взял на себя профессор П.Г. Богатырев²⁷⁷. Профессор Р.И. Аванесов в разное время также преподавал старославянский язык, А.С. Посвянская вела занятия по польскому языку²⁷⁸. В 1940 г. в качестве лекторов по сербскому и болгарскому языкам пригласили политэмигрантов Милича и М.Г. Колинкоеву²⁷⁹.

Таким образом, выпускники и аспиранты кафедры, получая довольно основательную славистическую подготовку, в основном становились русистами. «Чистых» славистов, то есть специалистов по зарубежным славянским языкам, было немного. В конце 1930 — начале 1940-х гг. славистическую подготовку в аспирантуре прошли И.К. Бунина, В.В. Бородич, В.И. Владимирская, В.К. Чичагов и др.²⁸⁰

История славянских литератур и искусств в МИФЛИ практически не преподавалась, тем не менее значительным событием на факультете стала защита вернувшимся из дли-

тельной командировки в Чехословакию в 1940 г.²⁸¹ известным литературоведом, фольклористом и этнографом П.Г. Богатыревым докторской диссертации «Чешский и словацкий народный театр» 26 сентября 1941 г. К освещению темы он подходил широко, пытаясь привнести методы структурализма (как член знаменитого Пражского лингвистического кружка) в изучение феномена театра. И хотя подобные методы в Советской России не приветствовались, он нашел понимание у коллег в стенах МИФЛИ. Оппоненты — профессора З.Р. Неедлы, И.Н. Розанов и М.А. Рыбников — высоко оценили вклад ученого в исследование народного искусства славянских народов. Подчеркивая именно новаторский дух диссертации, Неедлы отметил, что Богатырев хорошо известен в Чехословакии «как научный работник, внесший в нашу чешскую науку много новых импульсов»²⁸². В свою очередь, И.Н. Розанов указал, что многоплановая «серьезная и очень ценная» работа Богатырева, этого «пионера чешского Гурвинека», «дает много и фольклористу, и режиссеру, и актерам, и театральным работникам»²⁸³.

Предваряя защиту, выступавшие на Ученом совете выражали свои патриотические чувства в связи с началом Великой Отечественной войны и вместе с тем желание работать на ниве славистики. Ректор МИФЛИ А.И. Асеев, в частности, сказал, что все студенты и преподаватели Института как один вступили в ряды народного ополчения, многие активно участвуют в работе отрядов МПВО, работают медсестрами в госпиталях, выступают в воинских частях как пропагандисты. Профессора пишут брошюры «Расовый бред фашизма и его результаты» (философ, проф. А.П. Гагарин), «Взаимосвязь славянских литератур» (литературовед, проф. Н.К. Гудзий) и пр. Предполагалось приспособить обучение к нуждам военного времени и сократить срок подготовки «хорошо обученных специалистов» в МИФЛИ с пяти до трех лет²⁸⁴.

В середине декабря МИФЛИ был эвакуирован в Ашхабад и там в конце декабря расформирован — его гуманитарные факультеты влились в МГУ. Напомним, что фил-фак МГУ восстановили в 1937 г., но без специального славистического подразделения. В годы эвакуации (в Ашхабаде, а затем в Свердловске) С.Б. Бернштейн исполнял обязанности декана объединенного филологического факультета и руководил кафедрой славяно-русского языкознания, серьезно задумываясь о создании специальной кафедры славянской филологии. В этом отношении он имел влиятельных единомышленников в лице А.М. Селищева и Н.С. Державина, которые с противоположных научных позиций (традиционного индоевропейского языкознания и марризма) боролись за возрождение учебных центров славянской филологии в Москве и Ленинграде.

Профессор А.М. Селищев, несмотря на все гонения и преследования властей после освобождения и даже лишение звания члена-корреспондента АН СССР в 1938 г., напечатал первую часть капитального учебника «Славянское языкознание. Западнославянские языки» (М., 1941). Изданию содействовало личное распоряжение наркома С.В. Кафтанова. Селищев подготовил в 1942 г. и вторую часть учебника и сдал ее в Учпедгиз. Но после смерти автора издание не состоялось. Ученый как никто другой понимал насущную необходимость восстановления кафедры славянской филологии в МГУ, не побоялся обратиться по данному вопросу с докладной запиской в ЦК ВКП(б), а затем, как положено репрессированному, доложил об этом шаге всесильному Л.П. Берии. В письме от 14 июля 1942 г. он писал: «...ЦК ВКП(б), рассмотрев мою докладную записку об усилении изучения славянских языков и литератур, постановил открыть кафедру славяноведения в Московском государственном университете. Я представил записку об организации преподавания на этой кафедре и о штатах ее»²⁸⁵.

Из письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну можно составить представление и о намечаемом Селищевым кадровом составе кафедры. 5 мая 1942 г. Р.И. Аванесов сообщил другу и коллеге: Селищев «пишет мне, что от него попросили проект организации кафедры славянских языков при Университете и Государственном педагогическом институте..., он подал проект и пишет, что он возьмется за дело, если ему гарантируют выписку сотрудников — „С.Б. Бернштейна для болгарского языка, В.К. Чичагова для сербского языка, В.Г. Орлову для чешского языка и Р.И. Аванесова для старославянского“»²⁸⁶. К сожалению, безвременная кончина ученого 6 декабря 1942 г.²⁸⁷ помешала осуществлению интересных и перспективных планов.

ФИЛОЛОГО-СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В МГУ

И все же это трудное детище войны — кафедра славянской филологии — на филологическом факультете МГУ была основана летом 1943 г. уже другими людьми. Как нам удалось установить, приказ № 59 ВКВШ при СНК РСФСР об открытии Отделения славянских языков и литератур в МГУ и ЛГУ его председатель С.В. Кафтанов подписал 5 апреля 1943 г. В нем говорилось: «В целях подготовки научных и практических кадров в области славяноведения приказываю: 1. Организовать с 1943/44 учебного года на филологических факультетах Московского и Ленинградского университетов изучение славянских языков и литератур на базе теоретического и практического знания современных славянских языков: польского, чешского, сербохорватского, болгарского. 2. Организовать отделение славянских языков и литератур на филологических факультетах Московского и Ленинградского университетов. 3. Учредить в составе Московского и Ленинградского университетов кафедры: а) славянской филологии и б) истории славянских литератур»²⁸⁸.

Предстояло решить организационные вопросы. С.Б. Бернштейн вспоминал: «По возвращении коллектива МГУ в Москву 3 июня 1943 года началась энергичная подготовка к открытию на филологическом факультете отделения славянских языков и литератур и кафедры славянской филологии. Ранее проректор университета, профессор М.В. Сергиевский обсуждал с Н.С. Державиным возможность его привлечения к заведованию кафедрой. У Сергиевского создалось впечатление, что Державин не будет возражать против назначения меня его помощником. В это время в университете часто вспоминали изречение Сергиевского, что можно назначить Державина заведующим кафедрой, но только вынудив из него „яфетическое жало“. Большую поддержку я получил от и.о. ректора И.С. Галкина, с которым мы вместе учились. Несмотря на свою большую нагрузку, он меня принимал вне очереди и нередко у себя дома. Он был убежденным противником марризма в языкознании»²⁸⁹.

В первой половине августа 1943 г. состоялась решающая встреча председателя ВКВШ при СНК РСФСР С.В. Кафтanova с Н.С. Державиным и С.Б. Бернштейном, красочно описанная последним. «Должен вас, товарищи, обрадовать, — сказал им С.В. Кафтанов. — Принято решение об открытии на филологическом факультете Московского университета отделения южных и западных славян. Еще до войны об этом усиленно хлопотал профессор Селищев. К сожалению, полгода назад он скончался. Теперь всю организационную работу по созданию нового отделения Министерство поручает Вам, Николай Севастьянович. Конечно, Вам нужен будет помощник. Эту работу мы поручаем Бернштейну. Теперь у вас есть полная возможность начать в широ-

ком масштабе подготовку славистов, в которых так остро нуждается наша страна»²⁹⁰. Далее нарком пояснил, что организация кафедры связана с причинами не только научными, но и с общественно-политическими, ввиду того, что в годы войны славянское движение и славянские сочувствия в стране в русле антифашистской пропаганды всячески поддерживались: «Мы ежедневно сталкиваемся с трудными случаями, когда некому поручить переводы текстов с зарубежных славянских языков. Мы вынуждены часто обращаться за помощью к представителям славянской политической эмиграции в нашей стране, но они, как правило, очень плохо знают русский язык. Большие трудности языкового характера возникают при организации различных политических и общественных мероприятий». В то же время нарком показал полное неведение в отношении действительного положения дел со славянской филологией в СССР, сразу запланировав несоразмерные масштабы и большой объем учебной работы: «Вчера я поручил ректору университета организовать прием на славянское отделение уже в этом году. Нужно провести прием студентов не только на первый курс, но и на второй из второкурсников русского отделения. На первый курс мы утвердили прием в сто человек (четыре группы). Мы рекомендуем начать с подготовки прежде всего специалистов по сербскому и чешскому языкам, так как именно по этим языкам нет специалистов, а потребность в них особенно велика»²⁹¹.

С.В. Кафтанов ожидал, что приглашенные слависты с восторгом и воодушевлением воспримут его информацию. Однако они грустно молчали. В ответ на недоуменный вопрос министра С.Б. Бернштейн наглядно показал, в каком бедственном положении находится славянская филология в стране после закрытия всех научных и учебных научных центров в Академии наук и университетах и репрессий в отношении ведущих славистов²⁹². Эпизод разговора Н.С. Державина и С.Б. Бернштейна с наркомом С.В. Кафтановым имел продолжение не только в сердечном приступе академика, возмущившегося по поводу того, что нарком обвинил в сложившемся положении самих славистов, но и в том, что кафедра славянской филологии на филологическом факультете МГУ получила самостоятельный статус. Формально ее возглавил академик Н.С. Державин, но фактически всю основную организационную и педагогическую работу проводил доцент С.Б. Бернштейн. Утверждение последнего в должности заместителя заведующего кафедрой состоялось 16 августа 1943 г. на заседании деканата²⁹³. К слову сказать, поскольку Главный корпус МГУ на Моховой был разрушен бомбой 31 октября 1941 г., филологический факультет временно получил неотопливаемое помещение в здании средней школы на Малой Бронной. Там и проходила первоначально работа новой кафедры.

На плечи С.Б. Бернштейна легла нелегкая работа по выработке учебного плана (действующего в общих чертах по сей день), формирование коллектива преподавателей и, наконец, сама педагогическая работа: чтение курсов лекций, спецкурсов, руководство дипломниками и аспирантами, подготовка учебных пособий и пр. Державин, бывавший в Москве наездами, предоставил ему полную свободу действий.

Формируя учебную программу, С.Б. Бернштейн исходил отчасти из опыта дореволюционной славистики и А.М. Селищева, выделив четыре цикла: чешский, польский, сербохорватский и болгарский. Но в отличие от своих дореволюционных предшественников и постановки преподавания времен его учебы в МГУ на рубеже 1920–1930-х гг. ученый большее внимание уделил практическому овладению славянскими языками, полагая, что такая направленность их изучения лучше отвечает потребностям того времени.

Особенно трудно было найти тогда в военной Москве квалифицированных преподавателей как теоретических дисциплин, так и живых языков. В 1943 г. С.Б. Бернштейну многое пришлось взять на себя. В его архиве сохранились краткие протоколы заседаний только что организованной кафедры, наглядно показывающие трудный процесс ее становления²⁹⁴. Мы использовали также данные его опубликованных нами в соавторстве с А.Н. Горяиновым и др. машинописных воспоминаний-дневника «Зигзаги памяти» и первоначального рукописного дневника.

Первое заседание кафедры состоялось 12 августа 1943 г. На нем присутствовали все её наличные преподавательские силы в лице академика Н.С. Державина и доцента С.Б. Бернштейна. Обсуждался план Отделения южных и западных славян, составленный Р.И. Аванесовым и С.Б. Бернштейном. Проект был утвержден с некоторыми дополнениями и замечаниями Н.С. Державина, суть которых сводилась к необходимости включения в программу преподавания не только западно- и южнославянских, но и восточнославянских языков и особенно литератур. Замечание было справедливым, но в тех условиях нереальным. Преподавательских кадров для осуществления такой широкой программы в духе современной интегральной славистики не хватало. Рассуждали о составе обучающихся на кафедре. Решили привлечь студентов второго курса Отделения русского языка и литературы, которые должны были составить второй курс Отделения славянских языков. С.Б. Бернштейну поручалось составление переходного плана обучения для этих студентов. Процесс подготовки занятий на кафедре наглядно отражает также запись С.Б. Бернштейна в «Зигзагах памяти» от 22 августа 1943 г.: «Занят до предела организационными делами. Я принял решение на втором курсе готовить богемистов, на первом — богемистов и сербистов. Легко решить, но как это осуществить, когда в Москве нет специалистов ни по чешскому языку, ни по сербохорватскому? Вызываю для беседы А.Г. Широкову. Она окончила Городской педагогический институт, аспирантуру проходила под руководством А.М. Селищева, завершает диссертацию по словацкой диалектологии. Она была последней аспиранткой покойного слависта. Слышал, что он был доволен ее успехами. Впечатление от первой беседы благоприятное. Она откровенно говорит, что чешский язык знает плохо, читает со словарем, лучше знает польский. Однако, по всем данным, самый большой спрос будет на богемистов и сербистов. Поэтому я настаиваю на чешском языке. После некоторого колебания Широкова соглашается»²⁹⁵.

Так была определена научная судьба одного из ведущих впоследствии отечественных богемистов А.Г. Широковой. Далее Бернштейн знакомится с Радмилой Ивановной Григорьевой (Джорджевич), которая направлена в университет для преподавания сербохорватского языка. Ему известно, что она коренная сербка из семьи политэмигрантов, уже давно живущая в Москве и имеющая опыт преподавания языка. Но она производит на Бернштейна негативное впечатление: «Русским языком владеет плохо..., заносчива, все время стремится произвести впечатление, кичится своими связями со многими ответственными лицами. Легко установить, что у нее нет специальной подготовки в области сербского языкознания»²⁹⁶.

Второе заседание кафедры состоялось 26 августа 1943 г. в том же составе. На нем намечались и утверждались предметы, которые **реально** могли быть прочитаны, исходя из личного кадрового состава новой кафедры. Был утвержден традиционный курс «Введение в славянскую филологию» на Русском и Славянском отделениях филологического факультета, чтение которого брал на себя Н.С. Державин, и курс сравнительной грамматики сла-

вянских языков, порученный С.Б. Бернштейну (он читал его вплоть до ухода с факультета в 1970 г.). Последний же взялся читать и теоретические курсы по чешскому и болгарскому языкам. Аспирантке А.Г. Широковой поручалось ведение практических занятий по чешскому языку. Предполагалось взять на почасовую оплату для обучения сербохорватскому языку Р.И. Григорьеву-Джорджевич, а болгарскому — политэмигрантку М.Г. Колинкоеву (последнее не было реализовано), выходцев из славянских стран.

На заседании кафедры 15 сентября утверждались планы практических занятий по чешскому и сербскому языкам. С.Б. Бернштейн писал об этом времени: «Много всяких крупных и мелких дел в связи с подготовкой нового учебного года, началом работы Славянского отделения. Скоро начнутся занятия, а ничего нет. Нет ни учебников, ни словарей, ни текстов. Широкова усиленно изучает чешский, готовит от руки тексты, составляет словарики тематического характера. Из студентов русистов второго курса отобрали группу будущих богемистов. Таким образом, в этом учебном году у нас на славянском отделении будет три группы: две группы богемистов и одна — сербистов»²⁹⁷. Уже 20 октября С.Б. Бернштейн прочел на заседании кафедры первый научный доклад по теме подготавливаемой им докторской диссертации «Значение влахо-болгарской письменности для истории южнославянских языков». В обсуждении Н.С. Державин указал на некоторые спорные места доклада, но «в общем дал положительную оценку работе». 14 ноября 1943 г. с докладом «Генезис образа Марко Королевича и Ильи Муромца» на кафедре выступил сам академик. Эту тему он прежде освещал на заседании возглавляемой им Славянской комиссии АН СССР²⁹⁸. Доклад был проникнут духом марризма. Но в протоколе указывалось, что «доклад указал на общие черты в генезисе этих двух героев славянского эпоса и на то, что образ легендарного Марко Королевича древнее, нежели исторического Марко Королевича». Выступившие в прениях отмечали большой успех исследования.

6 декабря 1943 г. в Доме ученых состоялось совместное заседание кафедры славянской филологии и кафедры русского языка филологического факультета МГУ, а также государственного и городского пединституты, посвященное памяти выдающегося русского филолога-слависта, диалектолога и этнографа А.М. Селищева. Его организовал в годовщину смерти своего учителя С.Б. Бернштейн. Он и прочел главный доклад «Селищев — балкановед». Кроме него с докладами выступили известные московские лингвисты и филологи В.В. Виноградов, Н.К. Дмитриев, Р.И. Аванесов, М.Н. Петерсон и П.Я. Черных. С.Б. Бернштейн с горечью отметил, что «чествование памяти Селищева вызвало в Отделении литературы и языка отрицательное отношение, думаю, что по инициативе Лебедева-Полянского и Державина. Обнорскому за его участие в заседании сделали замечание»²⁹⁹.

Негативное отношение к Селищеву было, видимо, связано с его арестом по «делу славистов». Как уже упоминалось, он отбывал ссылку в Караганде, по возвращении из которой в 1938 г. его лишили звания члена-корреспондента АН СССР³⁰⁰. Со своим учеником С.Б. Бернштейном ученого связывали непростые отношения. Долгое время они состояли в доверительной и дружеской переписке. В научных вопросах, особенно по поводу «нового учения о языке» Н.Я. Марра, они выступали единомышленниками. Затем по не совсем ясной причине наступило заметное охлаждение, чуть не усугубившееся критической рецензией молодого ученого на учебник Селищева «Славянское языкознание», которая по настоятельному совету Р.И. Аванесова не была опубликована³⁰¹. В дальнейшем С.Б. Бернштейн всегда с большой теплотой отзывался о своем

университетском учителе и много сделал для увековечивания его памяти. В частности, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы опубликовать доклады указанного выше заседания: если не в виде сборника, то хотя бы сгруппировать их в четвертом выпуске «Докладов и сообщений филологического факультета» МГУ за 1947 год. Там же он впервые поместил список печатных работ А.М. Селищева. На склоне жизни С.Б. Бернштейн издал монографию «А.М. Селищев — славист-балканист» (М., 1987), в которой он подвел итоги многолетнего исследования творчества этого выдающегося ученого.

26 декабря 1943 г. состоялось заседание Ученого совета факультета, на котором детально обсуждался учебный план Славянского отделения, составленный С.Б. Бернштейном, получивший полное одобрение. Профессор кафедры истории зарубежной литературы МГУ Я.М. Металлов «требовал значительного увеличения часов на русскую литературу и введения курса истории западной литературы. По сетке часов это всё можно сделать только за счет специальных предметов». Бернштейн выступил против этого, и члены Совета его поддержали³⁰². Здесь же ученый сетовал на отсутствие преподавателей по истории чешской и сербской литературы. Чтение последней он предполагал взять на себя (опираясь на книги сербских историков литературы Б. Поповича и Й. Скерлича).

24 января 1944 г., судя по последнему из 8 сохранившихся протоколов, наряду с обсуждением текущих дел были заслушаны отчеты членов кафедры за первый семестр 1943/1944 г., что затем вошло в практику ее работы. Они наглядно отражали процесс ее становления. Здесь отмечалось, что академик Н.С. Державин прочел для студентов первого и второго курсов «Введение в славянскую филологию». Доцент С.Б. Бернштейн читал для студентов третьего курса русского отделения чешский язык, а для аспирантов-русистов — чешский и болгарский языки. Старший преподаватель Р.И. Григорьева вела занятия по сербскому языку на первом курсе Славянского отделения и так же, как и все, выполнила свой учебный план. Старший преподаватель А.Г. Широкова занималась со студентами чешским языком на первом и втором курсах Славянского отделения. В протоколе отмечалось: «Успехи студентов хорошие». Далее указывалось, что экзаменов по дисциплинам кафедры пока не было, но проведены зачеты по сербскому и чешскому языкам. Необходимо отметить, что если методикой преподавания А.Г. Широковой С.Б. Бернштейн остался доволен, то к Р.И. Григорьевой как преподавателю имел большие претензии. Позднее в дневнике он откровенно писал: «Очень плохо идут занятия на первом курсе по сербскому языку. Преподавательница Григорьева не имеет элементарного понятия о том, как нужно преподавать язык. На будущий год от нее освободимся. Только бы найти хорошего преподавателя» (запись в дневнике от 17 апреля 1944 г.). К слову сказать, Григорьева проработала на кафедре до середины 1948 г., до своего ареста и высылки в связи с известным конфликтом между ВКП(б) и КПЮ.

В 1944 г. в число преподавателей кафедры вошел профессор В.Т. Дитякин, ближайший сотрудник Н.С. Державина, бывший ученым секретарем возглавляемой последним Славянской комиссии АН СССР. Поскольку он являлся историком по специальности, то ему поручили чтение курса «История южных и западных славян» на втором и третьем курсах Славянского отделения. Тогда же установили число учебных часов на каждого преподавателя. При этом на долю Н.С. Державина приходилось 278 часов, С.Б. Бернштейна — 666; В.Т. Дитякина — 195; А.Г. Широковой — 613 (включая и преподавание старославянского языка), Р.И. Григорьевой — 289. Из этого расклада видно, что наи-

большую учебную нагрузку на кафедре имели С.Б. Бернштейн и А.Г. Широкова, успешно защитившая 14 февраля 1944 г. кандидатскую диссертацию «Восточно-словацкие говоры Земплинско-Унгского комитата (происхождение, состав)».

Были объявлены вакансии на преподавание истории чешской литературы (на третьем курсе), ведение практических занятий на первом и третьем курсах по болгарскому, польскому и чешскому языкам. Уже в 1944/1945 учебном году их удалось частично восполнить. Болгарский язык начала преподавать ученица С.Б. Бернштейна, доцент В.В. Бородич, а польский язык — А.С. Посвянская. С.Б. Бернштейн писал об этом: «Теперь открыты две новые специализации: польская и болгарская. Польский язык будет преподавать моя старая знакомая (по МИФЛИ. — М.Д.) Адель Соломоновна Посвянская. Думаю, что она успешно справится со своей задачей. Хуже с болгарским языком. Хороших преподавателей нет. Я пригласил свою ученицу Веру Владимировну Бородич. Она специализируется в области грамматики старославянского языка, хорошо знает болгарскую грамматику. Но она очень плохо практически владеет живым болгарским языком»³⁰³.

12 октября 1944 г. С.Б. Бернштейн подал докладную записку ректору МГУ И.С. Галкину, в которой поднял вопрос о насущных нуждах кафедры. Он сообщил, что в первом семестре 1944/1945 г. кафедре удалось обеспечить преподавание специальных дисциплин лишь **лингвистического** цикла. Из докладной следует, как распределялись занятия на кафедре в этом учебном году и какие там произошли изменения. Н.С. Державин по-прежнему читает введение в славянскую филологию, С.Б. Бернштейн — историю и диалектологию чешского языка, а также общий курс болгарского языка, руководит семинаром по истории чешского языка и ведет аспирантские занятия по славянским языкам. Доцент А.Г. Широкова ведет практические занятия по чешскому языку, доцент В.В. Бородич — по болгарскому, А.С. Посвянская — по польскому, Р.И. Григорьева — по сербскому.

В то же время, указывал С.Б. Бернштейн, кроме Н.С. Державина, занимавшегося историей болгарской литературы, кафедра не имеет ни одного специалиста по истории славянских литератур. Он сообщил также о попытках решить эту проблему собственными силами. Велись переговоры с профессором ГИТИСа С.С. Игнатовым, который читал там историю славянского театра. Последний выразил готовность прочитать в МГУ в текущем учебном году общий краткий курс по истории славянских литератур. В будущем, однако, писал С.Б. Бернштейн, кафедре требуются постоянные преподаватели, как минимум еще четыре человека.

И здесь ученый пытается напомнить о судьбе репрессированных славистов и как-то помочь их нормальному трудоустройству. Он указывает, что при энергичной поддержке ВКВШ можно было бы пригласить в Москву профессора А.М. Лукьяненко, который «в прошлом читал славянские языки и литературы в Киевском университете, а ныне живет в Сибири». В Яранске работает профессор В.П. Петрусь, написавший докторскую диссертацию на тему: «Фонематические структуры типа *tʎlt-tʎlt* в славянских языках» (и защитивший ее в Объединенном совете ИЯМ и ИРЯ в 1945 г.). «Могу засвидетельствовать, — писал далее Бернштейн, — как официальный оппонент диссертации, что он хорошо знаком со славянским языкознанием. Профессор Б.А. Ларин сообщил мне, что Петрусь хорошо знает украинский и польский языки. В Яранске он преподает русский язык». Вспомнил Бернштейн и о своем коллеге по МИФЛИ, профессоре А.М. Иорданском: «В 1940 г. в ИФЛИ успешно защитил диссертацию тов. Иорданский. Под руководством профессора Селищева он изучил главнейшие славянские языки. Его диссертация показала,

что тов. Иорданский хорошо знаком со славянскими языками. Приглашение его весьма желательно. Работает он в Уфе».

Понимая, что скоро дело с приглашением сосланных славистов решиться не может, Бернштейн предложил и другой способ выхода из создавшегося положения — приглашать для временного чтения лекций крупных специалистов из Львовского университета. Действительно, письмо от 17 мая 1945 г. профессору этого университета, полонисту В. Ташицкому с предложением перейти на работу в МГУ на кафедру славянской филологии за подписью ректора университета И.С. Галкина было послано³⁰⁴. Но, к сожалению, данные предложения ученого реализовать не удалось.

Кроме кадровых проблем С.Б. Бернштейн указал также на отсутствие необходимых пособий и специальной литературы, мешающих успешной работе кафедры. Он предложил организовать выпуск литературы из славянских стран, а также наладить выпуск учебных пособий. «Кое-что в этом отношении уже делается. Так, в ИРЯ АН СССР выпускает краткие грамматики важнейших славянских языков, предназначенных для практических занятий со студентами славянских отделений» (В этой информации желаемое скорее выдавалось за действительное.) С.Б. Бернштейн указывал также, что кафедре «срочно нужны пособия по истории славянских языков, диалектологии, хрестоматии со старыми текстами и со словарем к ним, истории славянских литератур. В этой работе должен принять участие наш университет».

В заключение С.Б. Бернштейн просил И.С. Галкина ознакомить с содержанием своей докладной записки соответствующие отделы ВКВШ и НКП РСФСР, справедливо указывая, что «старейший университет в стране, в котором читали лекции выдающиеся представители русского славяноведения, должен обеспечить нормальную подготовку славяноведческих кадров».

Последний пассаж С.Б. Бернштейна выдержан в духе «русофильства» последних лет войны. В докладе ректора МГУ «Задачи Московского университета в связи с выступлением тов. Сталина в ноябре 1943 г.», прочитанном 10 декабря, говорилось: «Старейший русский университет должен стать также средоточием развития русской и славянской культуры, очагом разработки теоретических проблем русской философской и экономической мысли, русского языка и литературы, русского искусства»³⁰⁵. В том же духе в МГУ 5–12 июня 1944 г., как уже указывалось, была проведена масштабная научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры»³⁰⁶. С большим докладом на ней от филологов-славистов выступил академик Н.С. Державин³⁰⁷. Однако С.Б. Бернштейн отметил плохую подготовку к сессии со стороны филологического факультета, так как не был прочитан принципиальный доклад о вкладе русских ученых в изучение русского языка. По этому поводу он привел ехидный вопрос к нему молодого талантливого математика Б.В. Гнеденко: «*Неужели русский язык в России не изучали?*»³⁰⁸.

Но вернемся к докладной записке С.Б. Бернштейна. В материалах его архива дальнейшая судьба предложений указанной выше записки не прослеживается. Названные преподаватели на кафедру приглашены не были. Но подготовка учебных пособий на кафедре началась. Сам С.Б. Бернштейн принимал участие в работе над русско-болгарским словарем³⁰⁹, а также готовил к печати пособие по истории чешского языка, которое намеревался литографировать. Не получив на это разрешения, он, взыскательно подходя к научным трудам, не решился издать пособие типографски, считая его компилятивным. В «Зигзагах памяти» он записал 5 сентября 1947 г.: «Творчески я никогда чешским языком не занимался. Рукопись представляет собой тщательно со-

ставленные записки лекционного курса на основе работ Гебауэра, Травничка, Гавранка и других богемистов. Выступать в печати в функции историка чешского языка я не могу»³¹⁰. Была издана только четырехстраничная «Программа по западнославянскому (чешскому) языку (для филологических факультетов гос. университетов)» (Киев, 1947).

План научной работы кафедры на 1945 год предусматривал подготовку А.Г. Широковой «Хрестоматии по истории и диалектологии чешского языка» объемом в 6 а.л., аналогичную хрестоматию по болгарскому языку в том же объеме должна была сделать В.В. Бородич, по польскому в 5 а.л. — А.С. Посвянская. Р.И. Григорьевой поручалось подготовить русско-сербский словарь в 20 а.л. С.Б. Бернштейн планировал написать «Лекции по истории чешского языка» в 15 а.л., а В.Т. Дитякин — «Очерки по истории чешской культуры». Эти планы в то время остались нереализованными. Впоследствии С.Б. Бернштейн подготовил «Краткий грамматический очерк болгарского языка» для «Болгарско-русского словаря» Т.С. Луканова и Е.П. Тиневой, изданного в 1947 г. В том же году вышел из печати его «Краткий грамматический очерк чешского языка» в «Чешско-русском словаре» П.Г. Богатырева. В послевоенные годы С.Б. Бернштейн упорно работал над учебником болгарского языка, законченным в июле 1946 г. В 1948 г. он вышел из печати и многие годы верой и правдой служил студентам университетов и пединститутам.

В 1945 г. Бернштейн выступил с инициативой издания «Ученых записок» кафедры славянской филологии МГУ, которая осталась в то время, как и все намеченные пособия кафедры, нереализованной³¹¹.

Но все же проблема с укомплектованием ее кадрами литературоведов как-то решалась. В 1945 г. польский политэмигрант, литературовед Г. Вольпе прочитал на кафедре годичный спецкурс «Эпоха А. Мицкевича», программа которого сохранилась в архиве Бернштейна.

В начале 1945/1946 учебного года на кафедру пригласили литературоведа-полониста, доцента А.И. Павловича для чтения курсов и ведения семинаров по чешской литературе. Бернштейн писал о нем: «Историю чешской литературы начал читать А.И. Павлович. С этим человеком я познакомился еще в 1930 г. Тогда он после завершения аспирантуры по польскому языку в РАНИОНе где-то преподавал русский язык. В 1934 г. был арестован по делу славистов. Сейчас после завершения срока живет в Рязани. Приезжает в Москву на один-два дня для чтения лекций. Это ему по нашему ходатайству разрешено. Пока читает очень плохо, но выбора нет. Он сам мне сказал, что ему было бы значительно легче преподавать польскую литературу, но нам нужна чешская»³¹². Остается добавить, что свой срок Павлович отбывал в Сиблаге в г. Мариинск (Кемеровской области), в Рязанском пединституте он преподавал русский язык. В 1944 г. защитил в Казанском университете кандидатскую диссертацию «Национально-освободительная борьба хорватского народа и творческий путь И.И. Мажуранича». Бернштейну удалось перевести его в МГУ. Он готовил докторскую диссертацию «Мицкевич в славянских литературах», которую так и не защитил.

Подводя некоторые итоги первых двух лет преподавания на кафедре славянской филологии, С.Б. Бернштейн писал: «Много времени отнимает Славянское отделение. Очень много трудностей. Мало текстов, нет словарей, учебников. Массу времени у преподавателей отнимает переписка текстов, составление небольших словариков. Не все преподаватели достаточно хорошо знают языки, некоторые не имеют опыта преподавания. Лучше всего обстоит дело с преподаванием польского языка, плохо с преподаванием болгарского и сербохорватского языков. Скверно читаются курсы истории

литератур... Устраиваем встречи студентов с представителями славянской эмиграции. Они проходят интересно, на них наши студенты держат экзамен, так как выступают на славянских языках. Из печати вышла моя программа по истории и диалектологии чешского языка. Впервые я такой курс читаю. На подготовку к лекциям и практическим занятиям уходит очень много времени»³¹³.

* * *

Окончание Великой Отечественной войны не внесло каких-либо существенных перемен в учебные планы кафедры славянской филологии МГУ, но несомненно повлияло на контингент студентов — аудитории стали заполнять вернувшиеся с войны солдаты.

Во втором семестре 1945/1946 учебного года Бернштейну снова пришлось выступить против способа преподавания В.Т. Дитякина. Он писал: «Плохо идут дела с курсом введения в славянскую филологию. Теперь этот курс уже совершенно официально читает Дитякин. Недавно он решил сделать уклон в языкознание и рассказывает студентам яфетические бредни Марра и Державина. По этому вопросу я беседовал с деканом. Показал Виноградову студенческие записи лекций. Виктор Владимирович согласился со мной, что Дитякину нельзя разрешать чтение лингвистических разделов курса. Вчера состоялась наша беседа с Валентином Тихоновичем. Приняли решение, что четыре лингвистические лекции буду читать я, после чего Дитякин продолжит лекции по другим разделам. Дитякин охотно согласился»³¹⁴.

Большое внимание С.Б. Бернштейн уделял поддержанию на факультете традиций чествования памяти выдающихся славистов. (Тенденция к признанию научных традиций поощрялась тогда и в исторической науке.) Так было сделано, как уже указывалось, по отношению к А.М. Селищеву в декабре 1943 г. 16 апреля 1944 г. в круглом зале университета состоялось заседание памяти выдающегося русского филолога и диалектолога, профессора МГУ и МИФЛИ Д.Н. Ушакова, скончавшегося в 1942 г. в Ташкенте. Тогда выступили с докладами его коллеги Л.В. Щерба, Г.О. Винокур и М.В. Сергиевский. К сожалению, сданный в печать сборник докладов памяти Д.Н. Ушакова из-за вмешательства академика В.В. Виноградова в свет не вышел³¹⁵. Сам С.Б. Бернштейн впоследствии посвятил Д.Н. Ушакову обстоятельную статью³¹⁶.

8 января 1946 г. на факультете отмечали 25-летие со дня смерти крупного филолога-слависта, профессора Московского университета В.Н. Щепкина (1863–1920). С.Б. Бернштейн писал: «М.Н. Петерсон выступил с докладом „В.Н. Щепкин — университетский преподаватель“. Это был доклад-воспоминание. Затем П.С. Кузнецов огласил доклад на тему „Труды В.Н. Щепкина в области старославянского языка“. Я выступил с докладом „В.Н. Щепкин — историк болгарского языка“. Неожиданно пришло много народу. В.В. Виноградов предложил опубликовать доклады в новой серии факультета „Доклады и сообщения“»³¹⁷. Доклады действительно были опубликованы во втором номере «Докладов и сообщений филологического факультета» (МГУ) за 1947 год. Впоследствии С.Б. Бернштейн написал о В.Н. Щепкине небольшую книгу в серии «Замечательные ученые Московского университета», изданную в 1955 г.

В 1945/1946 учебном году С.Б. Бернштейн читал студентам третьего курса историю чешского языка и сербского языка и руководил семинаром по истории чешского языка. Кроме того, впервые упомянул о чтении студентам четвертого курса сравнительной грамматики славянских языков³¹⁸. Если первые два курса, по свидетельству автора, носили компилятивный характер, то последний разрабатывался им самостоятельно и по прошествии времени издан в двух книгах³¹⁹, получивших высокую оценку специали-

стов. Судя по записям в дневнике, перенесенным в «Зигзаги памяти», С.Б. Бернштейн начал работу над курсом сравнительной грамматики славянских языков еще в 1943 г. и готовил ее книжный вариант. 28 ноября 1943 г. он записал в дневнике: «Решил исподволь начать работу над „Сравнительной грамматикой славянских языков“. В этом году [планирую] написать вводную часть, методологическую, и главу о носовых гласных. Должна быть тщательно обработана праславянская часть и история отдельных явлений во всех славянских диалектах». 19 мая 1944 г. он снова вернулся к этому вопросу и предполагал готовить эту работу частями, выпуская литографированные лекции по отдельным проблемам. Ученый сознавал, что в условиях господства марристов напечатать такую работу вряд ли удастся, чему служил примером урок украинского лингвиста Л.А. Булаховского, который жаловался на то, что в Киеве ему партийная организация факультета запрещает читать подобный курс³²⁰.

Летом 1946 г. прошли экзамены по читавшимся С.Б. Бернштейном дисциплинам, о которых он сделал любопытные выводы, связав качество преподавания с успехами студентов: «Завершаются экзамены. Экзамены по истории чешского и сербского языков прошли бледно. Блестящих ответов не было. Вызубрили свои записки, богемисты еще прочитали Селищева, сербисты ограничились Кульбакиным. Значительно лучше отвечали студенты четвертого курса сравнительную грамматику славянских языков. Этот экзамен доставил мне удовольствие. Вероятно, сравнительную грамматику я читал лучше, интереснее, нежели историю чешского и сербского языков»³²¹.

В новом 1946/1947 учебном году произошли некоторые изменения в преподавании кафедры. С.Б. Бернштейн читал для второго и третьего курсов историю болгарского языка, для студентов второго курса — историю сербского языка, а также спецкурс по болгарской фонетике, проводил семинары по болгарскому и чешскому языкам. Новшество заключалось в том, что историю болгарского языка он читал студентам по-болгарски, как это делал в 1930-е гг. в Одесском педагогическом институте. Вообще преподавание на славянских языках очень поощрялось на кафедре. Ученый констатировал: «Лучше всего кафедра обеспечивает преподавание практических занятий по польскому языку. Здесь нам большую и вполне квалифицированную помощь оказывает поляк [З.А.] Химова. Повысил уровень языковой подготовки наших полонистов Г. Вольпе, который прочитал на польском языке годовой курс, посвященный Мицкевичу. В прошлом году наш факультет по отделению русского языка и литературы окончила Е. Окунева. По совету и рекомендации ее руководителя я взял ее в аспирантуру по польской литературе, несмотря на то, что она не знает ни польского языка, ни польской литературы. Аналогичный опыт я сделал с другим выпускником университета С. Никольским. Его рекомендовал мне П.Г. Богатырев. Под его же руководством Никольский проходит аспирантуру по чешской литературе. Опыт рискованный, но ждать выпускников славянского отделения нельзя. Историю чешской литературы пока читает А.И. Павлович, читает на низком уровне. В свое время прочитать курс истории болгарской литературы обещал Н.С. Державин, но теперь после тяжелой болезни он полутруп»³²². Вопрос о курсе истории сербской литературы продолжал оставаться открытым.

Задуманное С.Б. Бернштейном возрождение традиций российского славяноведения проявлялось не только в чествовании памяти выдающихся славистов и начале чтений курса сравнительной грамматики славянских языков, учрежденного в российских университетах еще в середине XIX в., но и в попытках введения изучения в МГУ старославянского языка и его древних памятников. С.Б. Бернштейн отметил: «Нужно

постепенно возрождать те разделы славяноведения, которые прежде занимали в нем господствующее положение, а потом исчезли. Последними их представителями были еще в советское время П.А. Лавров, М.Н. Сперанский, Н.К. Никольский, А.В. Михайлов, Г.А. Ильинский и др. Речь идет об изучении старославянской письменности, ее языка, деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, об издании древних текстов и т.п.». У него возник план объединения усилий в этом направлении Славянского и Классического отделений филологического факультета МГУ. «Мы берем в аспирантуру успешно закончивших классическое отделение. Именно они в дальнейшем начнут готовить на славянском отделении соответствующих специалистов. Только пройдя курс классического отделения, можно основательно овладеть греческим и латинским языками. Славистическую их подготовку обеспечит уже наша кафедра. Что касается богословия (знание состава церковных книг, их функций и пр.), то здесь предстоит большая самостоятельная работа»³²³. Планируемое С.Б. Бернштейном обращение к «славянским древностям», не реализованное в полной мере до сих пор, конечно, носило в те времена характер «опасного прожекта» и не могло быть осуществлено в условиях господства марризма и начала жестких идеологических кампаний. К тому же С.Б. Бернштейн столкнулся с высокомерным отношением своих коллег «классиков» к славянской филологии. Профессор С.И. Соболевский в кулуарах одного из заседаний откровенно сказал ему: «Разве можно поменять Аристофана на черноризца Храбра?»³²⁴.

В середине 1946 г. началось «закручивание идеологических гаек», несколько ослабленных в годы войны в сторону патриотизма. О перестройке учебной и научной работы в МГУ в связи с решением ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии в связи с известным августовским постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», направленным в действительности против всяческого инакомыслия, говорилось на собрании профессоров, преподавателей и научных работников МГУ, состоявшемся 25 ноября 1946 г. В резолюции по докладу ректора МГУ И.С. Галкина, в частности, говорилось: «Рекомендовать советам и кафедрам географического, исторического, филологического, философского, экономического и юридического факультетов обратить особое внимание на изучение проблем, возникших в связи с появлением новых демократических государств в Юго-Восточной и Центральной Европе и на изучение проблем славяноведения». Кампания продолжалась и в 1947 г. С.Б. Бернштейн писал: «На факультете напряженная обстановка. Широко обсуждают прошлогодние постановления партии по вопросам литературы и искусства. В первую очередь это относится к кафедрам литературоведческого и искусствоведческого циклов. Однако приходится этим заниматься и лингвистам. К счастью славистов в этом аспекте пока не трогают, но кафедре русского языка достается. В специальном постановлении сказано, что „вся научная работа кафедры должна быть проникнута высокой идейностью, большевистской партийностью“. В решении кафедры записано: „Необходимо подчеркнуть, что этот метод (марксизм-ленинизм. — С.Б.) мы должны применять не только тогда, когда мы занимаемся такими общими проблемами, как вопрос об историзме в развитии языков, об образовании диалектов и национальных языков, о соотношении языка и мышления, которые непосредственно связаны с марксистско-ленинским учением об обществе и диалектико-материалистической теорией познания, — но также занимаясь любыми специальными и специфическими проблемами своей науки (например, вопросами грамматической или фонетической структуры языков)“»³²⁵. Бернштейну только оставалось констатировать «Как всё это напоминает 1931 год. Мы вновь входим в полосу левацких загибов, которые позже, конечно, будут осуждены»³²⁶.

Однако с «левацкими перегибами» С.Б. Бернштейну пришлось бороться значительно ранее. В 1945 г. Н.С. Державин ввиду длительной командировки в Болгарию и Югославию и инсульта отходит от преподавания в МГУ, передав отчасти свои функции В.Т. Дитякину, метод преподавания которого С.Б. Бернштейн был крайне недоволен, считая его «политическим барабаном»³²⁷, не отвечающим задачам современной славянской филологии. Позднее Бернштейн вынужден был снова беседовать с Дитякиным по поводу содержания его курса: «Недавно мне пришлось серьезно поговорить с профессором Дитякиным... Я познакомился с записками студентов, говорил со студентами и затем с самим профессором. В курсе Дитякина филологии почти нет. Всё время речь идет о борьбе славян со своими многочисленными врагами... Я долго и, кажется, безрезультатно пытался объяснить Дитякину, что студенты в этом курсе должны получить определенную сумму знаний, очень важную для понимания последующих дисциплин. Он обещал учесть мои пожелания. Как я и предполагал, Державин лекций не читает и передоверил весь курс Дитякину. Не знаю, было бы лучше, если бы читал сам Николай Севастьянович. Дитякин хотя бы не лезет в лингвистику, а Державин, конечно, ударился бы в марризм»³²⁸. С Н.С. Державиным Бернштейн поддерживал дружественные отношения (активно участвовал в торжествах, связанных с его юбилеем в 1948 г., послал статью для его юбилейного сборника), в то же время весьма критически относился к его научным трудам и особенно к приверженности академика марризму. Можно согласиться с оценкой Державина современных филологов, что он наряду с несомненными заслугами в области славяноведения «являл собой одновременно воплощение научного и политического конформизма и не раз использовал ради личного самоутверждения обычный для той поры арсенал средств, вплоть до самых одиозных»³²⁹.

Важным событием в истории кафедры стала защита докторской диссертации ее фактического руководителя С.Б. Бернштейна «Язык валашских грамот», которая состоялась 6 декабря 1946 г. в Институте русского языка АН СССР. Его оппонентами выступили академик Н.С. Державин, Б.А. Ларин и Л.А. Булаховский. Был зачитан также отзыв покойного М.В. Сергиевского, ранее утвержденного оппонентом. Защита прошла внешне блестяще, хотя сам диссертант удовлетворенно, не без некоторого лукавства сетовал, что не получил от оппонентов серьезных замечаний и научного диспута не получилось. «Неожиданно для меня, — писал С.Б. Бернштейн, — голосование было единогласным: все члены Совета единодушно проголосовали за присуждение степени доктора наук»³³⁰. Двумя годами позже диссертация была опубликована в виде книги под названием «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Язык валашских грамот XIV–XV вв.», составив важное событие в изучении истории болгарского языка в балканском контексте. Она получила высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных специалистов (И. Лекова, И. Дуйчева, Г. Нандриша и др.). По заключению современных ученых, это «до сих пор единственный в славянском языкознании фундаментальный труд, посвященный тому периоду истории болгарского языка, когда устанавливалась и утверждалась система его новоболгарских черт. Он важен не только для изучения истории болгарского языка, но и для исследования истории румынского языка, в частности его славянского компонента»³³¹.

Впоследствии С.Б. Бернштейн стремился вовлекать студентов в свою научную работу. В 1947 г. он подготовил программу по составлению Болгарского лингвистического атласа и наметил ряд экспедиций в Новороссию и Бессарабию для изучения болгарских диалектов потомков болгарских переселенцев в Россию. Начиная с 1948 г. в такие

экспедиции регулярно привлекались студенты. В тот год «было обследовано 40 болгарских говоров в 26 селах Молдавской ССР и Измаильской области УССР»³³².

После войны, когда стали возможны научные связи с коллегами из славянских стран «народной демократии», С.Б. Бернштейн придавал большое значение научным связям с зарубежными славистами и старался использовать их знания и опыт в учебно-педагогической работе. Первые личные контакты ему удалось установить в июне–июле 1945 г. во время пышных торжеств по поводу 220-летия Академии наук. В Москву и Ленинград были приглашены многие видные зарубежные ученые (подробнее см. об этом в главе VI). Наиболее тесно С.Б. Бернштейн общался тогда с сербским славистом, президентом Сербской Академии наук А. Беличем, французским славистом А. Мазоном, польским лингвистом Т. Лер-Сплавинским и др., вместе с которыми участвовал 5 июля в заседании Отделения литературы и языка, открывшемся докладом академика С.П. Обнорского. Ему также удалось организовать встречу приехавших на юбилейную сессию Академии чешских ученых — историка З. Неedly и этнографа и фольклориста И. Горака со студентами-богемистами. «Беседа прошла интересно. Наши девочки смело говорили на чешском языке», — вспоминал С.Б. Бернштейн³³³.

Открыл практику чтения курсов на кафедре славянской филологии болгарский ученый В. Велчев, который находился в 1947 г. в Москве в длительной научной командировке. С.Б. Бернштейн писал о нем: «В прошлом он работал в области истории болгарской литературы. Теперь перешел на должность зав. кафедрой истории русской литературы в Софийском университете. В центре его научных интересов творчество Тургенева и Максима Горького. На славянском отделении успешно читает курс истории болгарской литературы. Оказывает нам в этом отношении большую помощь»³³⁴.

Позднее С.Б. Бернштейн подал докладную записку в деканат о приглашении «профессора А. Белича на два месяца для чтения лекций на славянском отделении», о чем договорился с ним еще в 1945 г., и получил неожиданно для себя горячую поддержку тогдашнего декана филологического факультета В.В. Виноградова³³⁵. Президент Сербской Академии наук А. Белич прилетел в Москву 16 мая 1947 г. С.Б. Бернштейн писал об этом: «Александр Иванович чувствует себя отлично, полон всяких планов. На сербском языке будет читать нашим сербистам историю сербского языка и некоторые разделы грамматики современного литературного языка. Согласен читать лекции ежедневно, может даже две пары. А ведь ему уже семьдесят лет! Будет в Москве до конца июня. В связи с таким планом мы вынуждены некоторые экзамены наших сербистов перенести на сентябрь. Ректор дал на это согласие. Кроме того, Белич прочитает несколько лекций на русском языке по некоторым теоретическим вопросам грамматики»³³⁶. Далее Бернштейн не раз отмечал в своем дневнике, что лекции А. Белича проходят успешно и на них многолюдно. 25 июня начались экзамены по курсам Белича: «Девочки сперва робели, но потом освоились и отвечали бойко. Белич был доволен»³³⁷. Пребывание А. Белича в Москве закончилось торжественной церемонией его избрания первым почетным профессором Московского университета, состоявшейся в Актовом зале университета 28 июня 1947 г.³³⁸

Приглашение на кафедру иностранных славистов продолжилось и в 1948 г. С 9 марта по 3 апреля чешский лингвист, профессор Пражского университета Б. Гавранек читал «лекции по истории чешского языка и сравнительную грамматику славянских языков». Проведенными экзаменами остался доволен (Дневник. Записи от 9 марта и 4 апреля 1948 г.). В апреле начал читать лекции на болгарском языке о Х. Ботева профессор Софийского университета М. Димитров (Дневник. Запись от 21 апреля 1948 г.) и т.д.

Некоторый итог работе кафедры славянской филологии в 1943–1947 гг. был подведен в заметке С.Б. Бернштейна «О подготовке славистов-филологов в Московском университете»³³⁹.

Ученый указывал, что «в системе современного славистического образования большее внимание было уделено практическому изучению специального славянского языка. На первом и втором курсах практическим занятиям отведено 350 часов (210 на первом курсе и 140 на втором). Практическое изучение языка продолжается в течение всех пяти лет. Общее число часов составляет почти 600. Научное изучение специального славянского языка начинается со второго курса, после того как на первом курсе студенты основательно познакомятся с ним практически, пройдут старославянский язык и прослушают введение в славянскую филологию»³⁴⁰.

Научное изучение специального славянского языка включает в себя освоение прослушанных лекций и участие в практических занятиях по истории и диалектологии (в течение года 68 часов лекций и 34 часа практических занятий). Одновременно студенты слушают лекции по фонетике и морфологии современного литературного языка. На третьем курсе наряду с практическими занятиями читаются лекции по словообразованию и синтаксису, а со второго семестра проводятся специальные семинары по избранному студентами языку.

С.Б. Бернштейн справедливо полагал, что филолог-славист обязан получить хорошую подготовку и по русскому языку, что чрезвычайно важно как в овладении профессией, так и в плане дальнейшего трудоустройства, так как потребность в славистах была не слишком велика. Поэтому уже на первом курсе студенты сдают экзамен по современному русскому языку, а на третьем — слушают историю русского языка (68 часов). Одновременно студенты начинают знакомство со вторым славянским языком той же группы (чехисты — с польским, болгаристы — с сербским). На это изучение отводится 102 часа.

«На 3-м курсе, — писал С.Б. Бернштейн, — начинается изучение славянских литератур, чему предшествует на первых курсах изучение теории литературы и истории русской литературы. Курс истории всеобщей литературы был вынесен из числа обязательных предметов и включен в число специальных курсов.

На 4-м курсе основное внимание уделяется работе в специальных семинариях и курсах. Студенты раз в неделю продолжают практические занятия по специальному языку, приступают к изучению (68 часов) славянского языка другой группы (для чехистов — югославянский, для болгароведов — западнославянский) и слушают историю славянских литератур.

На 5-м курсе читаются сравнительная грамматика славянских языков, методика специального языка и ведется работа в спецкурсах и спецсеминарах. В течение первого семестра студенты проходят педагогическую практику на младших курсах отделения. За два месяца до государственных экзаменов происходит защита дипломных работ.

По такому учебному плану работали первые наши выпускники. С небольшими изменениями этот план действует и ныне»³⁴¹.

С.Б. Бернштейн не скрывал, что выработанный на кафедре оптимальный план преподавания предмета славянской филологии не был выполнен полностью по ряду объективных и субъективных причин. И прежде всего из-за неуккомплектованности преподавательского состава кафедры. Он признал, что ему удалось обеспечить практическое изучение основных славянских языков: «Удалось организовать чтение лекций

по истории и диалектологии всех специальных славянских языков. Значительно хуже дело обстояло с чтением специальных курсов и организацией специальных семинариев. Здесь кафедра смогла обеспечить лишь болгарский цикл и отчасти чешский»³⁴². В то же время не смогли обеспечить высокий теоретический уровень лекций по второму и третьему славянскому языку, здесь занятия свелись к практическому изучению языка.

Все это, констатировал профессор, «не могло сказаться благоприятно на уровне лингвистических знаний наших выпускников. Практические их знания оказались выше теоретической подготовки не только в области узкой специальности, но и в области славянского языкознания вообще»³⁴³.

Другой проблемой кафедры по-прежнему оставалось решение вопроса с чтением истории славянских литератур. «Здесь мы смогли обеспечить нормальное чтение лишь истории чешской литературы. Читался не только общий курс, но и специальные курсы, велись семинарии. Смогли временно организовать чтение лекций по истории болгарской и польской литератур. История сербской литературы не читалась. Студенты сербского цикла самостоятельно с помощью преподавателя сербского языка изучают писателей и штудируют основные труды по сербскому литературоведению»³⁴⁴. «Слабая подготовка наших студентов в области истории всеобщей литературы сказалась крайне отрицательно при изучении славянских литератур (например, отсутствие знаний по античной литературе при изучении польской литературы XVI в.)».

Бернштейн указал, что Славянские отделения организованы в Ленинградском, Киевском, Рижском, Львовском и других университетах, но никакой связи между этими отделениями не существует. Между тем была бы полезна некоторая специализация отделений, исходя из наличного состава славистов, для лучшей подготовки специалистов. Полонистов целесообразно готовить в Ленинграде и Львове, болгаристов — в Москве.

Важное значение для координации работы отечественных славистов имело Всесоюзное совещание кафедр славянской филологии, проходившее в Киеве 10–19 мая 1948 г. Оно имело целью «подвести итоги научной и педагогической работы по славянской филологии в СССР, выработать пути и методы еще более успешного и плодотворного развития славянской филологии и ее преподавания в высших учебных заведениях страны. Изучение и разработка этих вопросов имеет в настоящее время особенно важное значение в связи с ростом и укреплением связей между СССР и зарубежными славянскими народами»³⁴⁵. На совещании были заслушаны доклады Н.С. Державина, Л.А. Булаховского, В.Т. Дитякина, А.И. Белецкого, С.Б. Бернштейна, Н.К. Грунского, Н.И. Кравцова, М.Я. Немировского, В.П. Петруся, И.С. Свенцицкого, Э.А. Якубинской-Лемберг и других ученых. Судя по информации, опубликованной в журнале «Славяне», во многих (на самом деле некоторых) из них чувствовалось влияние марризма. Это проявилось, в частности, в том, что ряд участников совещания «резко выступал против самих принципов сравнительно-исторического языкознания, против теории праязыка и даже против признания генетического родства языков». В результате «пострадал» традиционный в славянской филологии общий курс сравнительной грамматики славянских языков. Было принято решение, что он может читаться на уровне спецкурса только небольшой группе студентов³⁴⁶. Тем не менее ярый антимаррист С.Б. Бернштейн (имя которого среди докладчиков в информации не упоминалось) остался доволен результатами совещания. Он писал: «Сегодня приехал из Киева, где происходило совещание руководителей кафедр славянской филологии, где имеются славянские отделения или славянские кафе-

дры. Были представители из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Риги, Ростова, Тарту и других городов... Мне пришлось выступать с несколькими докладами и сообщениями. Было принято несколько важных решений. Думаю, что совещание даст некоторые результаты в деле развития славистического образования в нашей стране» (Дневник. Запись от 20 мая 1948 г.). Вероятно, он имел в виду обсуждение докладов «о типовом учебном плане славянских отделений университетов, о постановке педагогической практики студентов, о научно-методической работе кафедр славянской филологии». На совещании был рассмотрен и утвержден проект плана работ для аспирантов. Кроме того, здесь обсуждались проекты программ по истории и диалектологии, современному литературному языку всех славянских народов, по сравнительной грамматике славянских языков, конкретных программ по истории сербской и чешской литературы. Несомненную пользу принесло рассмотрение имеющихся в распоряжении преподавателей учебников и учебных пособий по славянскому языкознанию и плана изданий учебной литературы на ближайшие три года³⁴⁷.

Положительные в целом итоги указанного совещания указывали на хорошие перспективы развития кафедры славянской филологии и в МГУ. В действительности же, на кафедре случился ряд осложнений, которые привели ее к разделению на кафедру славянских языков и кафедру славянских литератур. Заведующим первой с 7 сентября 1948 г. был утвержден С.Б. Бернштейн, второй — А.И. Павлович. Помимо чисто практических причин, по которым С.Б. Бернштейну затруднительно было совмещать работу зав. сектором филологии во вновь созданном Институте славяноведения АН СССР и на обширной кафедре в МГУ, где постановка преподавания славянских литератур постоянно «хромала», по-видимому, вмешались и внешние обстоятельства, по которым ученый стремился снять с себя ответственность за политизацию литературоведения, как следствие разворачивавшейся кампании борьбы против «буржуазного космополитизма».

Об этом свидетельствует документ, найденный нами в архиве В.Т. Дитякина. В то время углублялся личностный конфликт между В.Т. Дитякиным и С.Б. Бернштейном. Последний был крайне недоволен политизированным содержанием курса «Введение в славянскую филологию», который читал В.Т. Дитякин на первых курсах филологического факультета, называя его, как мы указывали, «политическим барабаном». В ответ на критику Дитякин организовал статью «О положении на Славянском отделении», опубликованную в факультетской газете «Комсомолия» (№ 7 от 10 ноября 1948 г.), подписанную «по поручению студентов третьего курса» Тонконоговой. Статья отразила нелегкое положение на кафедре в канун очередной политической кампании против космополитизма и нового наступления марристов. Дитякин устами студентки спекулировал на том, что «каждый студент, окончивший наш факультет, будь он лингвист или литературовед, должен прежде всего стоять на крепкой основе марксистского понимания вопросов лингвистики и литературоведения, должен уметь применять марксистский метод при дальнейшей самостоятельной работе над любыми научными вопросами»³⁴⁸. Он подчеркнул, что как раз с теоретическими и методологическими вопросами на Славянском отделении обстоит дело неблагоприятно, поскольку они поднимаются только в его циклах лекций «Введение в славянскую филологию» и «История славян», читаемых на первых двух курсах. На последующих курсах теоретические вопросы якобы не рассматриваются. За отсутствие марксистской критики Дитякин резко осудил курс лекций по истории славянских литератур доцента А.И. Павловича, курс истории польской литературы преподавателя Е.З. Окуновой (Цыбенко), спецкурс по

славянскому фольклору профессора П.Г. Богатырева. В вину руководства отделения он поставил отсутствие преподавателей по истории болгарской, чешской и сербской литературы. В этом опусе отмечалось: «Не лучше положение у лингвистов. Семинаров почти нет, студенты не имеют никакого представления об учении основателя марксистского языковедения академика Марра»³⁴⁹. Далее в статье содержались и вполне справедливые замечания о том, что в преподавании на кафедре мало внимания уделяется технике художественного перевода, что может быть полезно в будущей работе, что для студентов-полонистов необходимо организовать летнюю языковую практику и т.д. В целом же «политически грамотные» студенты требовали перестройки работы кафедры «по линии усиления и увеличения общих теоретических курсов, по линии перестройки имеющихся курсов литературоведения и лингвистики», организации «при НСО кружка славяноведения под руководством профессора Дитякина», важного «для понимания общих вопросов славяноведения» и составления библиографии произведений классиков марксизма-ленинизма и марксистских критиков по вопросам славяноведения. Статья заканчивалась знаменательными словами: «Нельзя забывать, что Славянскому отделению мало давать стране лишь людей практически знающих язык, стране, прежде всего, нужны молодые кадры ученых-славистов, вооруженных крепким и непобедимым оружием — марксистской теорией»³⁵⁰.

В дневнике С.Б. Бернштейна не отразилась его реакция на критику в стенгазете «Комсомолия». Это были только первые «грозовые удары» разворачивающейся идеологической кампании по борьбе с космополитизмом (в это же время начались «проработки» в Институте славяноведения АН СССР и других учреждениях), но ему все тяжелее было отбиваться от политического давления руководства факультета и нападков марристов в последующие годы³⁵¹.

* * *

В 1948 г. в связи с разделением кафедры славянской филологии на лингвистическую и литературоведческую составляющие завершился первый этап ее работы в МГУ. За прошедшее пятилетие кафедра прошла трудный период становления. Были сформированы ее программа, кадровый состав, выработаны основные курсы, много сделано для подготовки кадров преподавателей и переводчиков со славянских языков, но этот процесс остался незавершенным. С.Б. Бернштейн приложил много сил для того, чтобы студенты получали полноценную научную подготовку по славянской филологии, свободную от антинаучных построений марристов и излишней политизации обучения в духе марксизма-ленинизма. Не всё в этом плане ему удалось. Приходилось считаться с внешним давлением. Но ему можно было гордиться своими студентами. Многие из них (например, будущий академик Н.И. Толстой, доктора филологических наук Л.Э. Калнынь, Е.И. Демина и др.) стали впоследствии ведущими специалистами в области славянской филологии.

14 января 1945 г. С.Б. Бернштейн оптимистически писал в «Зигзагах памяти»: «Должно пройти еще несколько лет, чтобы наше славянское отделение стало университетским отделением. Но это будет! На каждом шагу вижу подлинную любовь к славянству, к славянским языкам, желание быстро овладеть специальными знаниями. Работают много все — и студенты и преподаватели. Трудности естественны, так как пришлось начинать на голом месте»³⁵². С полным основанием можно заключить, что С.Б. Бернштейну удалось заложить крепкий фундамент для успешной работы Славянского отделения на филологическом факультете в МГУ.

КАФЕДРА СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ЛГУ

Организация кафедры славянской филологии в ЛГУ не лишена драматизма и имеет свою предысторию. Кафедра истории и литературы славянских наречий (затем славянской филологии), основанная в С.-Петербургском университете в 1835 г. и воспитавшая не одно поколение отечественных славистов (там преподавали такие выдающиеся ученые, как П.И. Прейс, академики И.И. Срезневский, И.В. Ягич, В.И. Ламанский, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и др.), после установления Советской власти не могла развернуться в полную силу (хотя здесь преподавал выдающийся славист Е.Ф. Карский, а в 1928 г., как и в Москве, открылся славянский цикл, которым руководил Н.С. Державин) и была закрыта в связи с реорганизацией университета. В 1929 г. филологический факультет (называвшийся тогда факультет языкознания и материальной культуры — ЯМФАК) преобразовали в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), а в 1934 г. его включили в состав ЛИФЛИ (Ленинградский институт философии, литературы и истории), но там специальной кафедры славянской филологии основано не было. Славистика отчасти преподавалась на кафедре русско-славянской (славяно-русской) филологии, которую с 1935 г. возглавлял академик С.П. Обнорский³⁵³, крупный специалист в области фонетики и морфологии древнерусского и современного русского языка. Работал там и защищаемый Н.С. Державиным от нападков директора ЛИФЛИ Смирнова Славянский кабинет (то есть библиотека)³⁵⁴.

В 1937 г. в ЛГУ был восстановлен филологический факультет, но и там не предусматривалось тогда организации кафедры славянской филологии. За возрождение этой кафедры горячо ратовал неумолимый академик Н.С. Державин. Это был, по заключению С.Б. Бернштейна, «ученый широкого профиля (историк литературы, фольклорист, историк, этнограф, языковед, историк науки, библиограф, методист)»³⁵⁵. С 1896 г. его деятельность тесно связана с Петербургским университетом. Здесь он прошел путь от приват-доцента до профессора. В советское время, заявив о своей приверженности новой власти, он быстро продвинулся по административной лестнице, заняв влиятельное положение и лидирующие позиции в университете: был его ректором, деканом факультета общественных наук, директором Научно-исследовательского института языков и литератур при ЛГУ. В 1931 г. его избрали академиком. Н.С. Державин работал в различных областях славяноведения. До революции он много сил и времени отдал изучению языка и быта болгарских переселенцев в России, оставил в этой области ряд капитальных публикаций. Его фундаментальный труд «Болгарские колонии в России» (София, 1914. Т. 1; Пг., 1915. Т. 2), по справедливому мнению ленинградских славистов, «положил начало изучению болгарского языка на территории СССР, которое успешно было продолжено впоследствии группой советских славяноведов-диалектологов во главе с профессором Московского университета С.Б. Бернштейном»³⁵⁶.

После 1917 г. Н.С. Державин быстро приспосабливается к выдвигаемым новой эпохой требованиям в области науки и политики. Как верно заметил С.Б. Бернштейн, «после революции он много писал по различным вопросам истории славянских литератур (главным образом болгарской), славянской политики России (например, „Русский абсолютизм и южное славянство“, 1928), истории славяноведения. Продолжал работать в области языкознания, но уже на основе тех принципов, которые были выработаны академиком Н.Я. Марром (на так называемой яфетической теории). Он опубликовал ряд статей („Албановедение и албанцы“, 1926; „Яфетические переживания в промете-

идской славянской традиции», 1929, и др.), в которых широко применял элементный анализ Н.Я. Марра. К счастью, эта деятельность не нашла среди славистов продолжателей и сторонников. Были лишь кратковременные увлечения и заблуждения»³⁵⁷.

Итак, как ни парадоксально, но именно маррист Н.С. Державин (а учение Н.Я. Марра, как известно, отрицало теорию индоевропейской языковой семьи, на которой традиционно держится славянское языкознание) представил 9 июня 1938 г. специальную докладную записку декану филологического факультета ЛГУ «о настоятельной необходимости восстановления» там кафедры славянской филологии. Характерны сиюминутные, «политически актуальные» мотивы обоснования этого долгосрочного проекта. Державин увязал его в духе времени с постановлением СНК СССР от 8 мая 1938 г., с речью тов. В.М. Молотова на 1-м Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая и речью тов. Сталина о строительстве высшей школы эпохи сталинской Конституции на приеме ее работников в Кремле (17 мая). Но, вероятно, более всего побудило Державина к этому шагу известие, что «в ближайшее время предстоит открытие в СССР 22 филологических факультетов», для которых нужны квалифицированные филологи-слависты. Эта записка стала первой из серии последующих, направленных в директивные органы, с обоснованием необходимости возрождения славяноведения в СССР (см. главу II). Академик возлагал вину за закрытие славистических центров в Ленинграде на недавно разоблаченных «врагов народа», окопавшихся в ЛИФЛИ (Смирнов, Пальвадре, Горловский), ГПБ и БАН (Менстер), Институте славяноведения АН СССР, закрытом в 1934 г. (Бусыгин, Томинский, Заборов)³⁵⁸. Он указал на славные традиции славистики в Ленинграде, назвав его и Петербург «крупнейшим мировым центром славяноведных исследований в России и Советском Союзе». Из этого следовало заключение: «В интересах советской науки нам необходимо восстановить эту традицию и тем самым укрепить за советским славяноведением ту ведущую роль в мировой науке, какую оно играло еще в недавнем прошлом, роль, оспариваемую сейчас у нас фашистской Польшей»³⁵⁹. (Видимо, Державин имел в виду проведенный в Варшаве в 1933 г. Международный съезд славистов, в котором советские ученые не участвовали).

Другим важным аргументом в пользу возрождения славянской филологии Державин считал ее помощь «для надлежащей постановки дела преподавания и изучения русского языка», ибо «нельзя изучать, преподавать и знать русский язык вне увязки его со всей группой родственных ему славянских языков», что может привести «к идеалистическому формализму и метафизике». Заключал этот пассаж, «неотразимый» с точки зрения тогдашней идеологии, вывод: «Надлежащее, подлинно научное изучение русского языка, этого важнейшего органа нашего великого хозяйственного и культурного социалистического строительства, языка наших вождей пролетарской революции, Ленина и Сталина, требует и надлежащей постановки в нашем университете и вообще в стране и изучения славянской филологии, в которой русский язык, русская литература, этнография и фольклор органически входят как важнейшая составная часть»³⁶⁰. Следующим аргументом выдвигалось то, что только в Ленинграде к 1938 г. сохранилось несколько крупных и молодых специалистов в области славянской филологии. «Таким образом, — заключал академик, — только Ленинград, обладающий достаточными силами, может сейчас стать центром подготовки кадров, необходимых стране специалистов по славянской филологии и вместе центром возрождения и оживления и славяноведных исследований. А для этого необходимо прежде всего восстановить на филологическом факультете ЛГУ кафедру славянской филологии»³⁶¹.

При обосновании необходимости возрождения славянской филологии Н.С. Державин почти не коснулся политической важности этого шага и намеренно обошел вопрос о способах реабилитации славянской филологии, обвиненной (в том числе и им самим) в пособничестве фашизму, контрреволюции и панславизме. Видимо, это было одной из причин, почему первая в своем роде записка академика не привела к образованию задуманной кафедры. Почва еще не была подготовлена (подробнее см. в главе II).

Тем не менее хлопоты Н.С. Державина принесли свои скромные плоды именно в акценте на русскую составляющую славянской филологии. В 1939 г. на филологическом факультете ЛГУ начала работу кафедра русско-славянской филологии во главе с академиком С.П. Обнорским. Кафедра сочетала в себе преподавание русского языка (современный русский язык, его история и диалектология) и славистики в широком и несколько расплывчатом понимании. В январе 1939 г. в ее состав входило четыре профессора, четыре доцента и два ассистента. Большинство преподавателей кафедры были специалистами по русскому языкознанию (профессора С.П. Обнорский и С.Г. Бархударов, доценты М.А. Соколова, Л.В. Матвеева-Исаева и В.А. Гофман, ассистенты, потом доценты А.С. Мадуев и А.Н. Улитин) и только некоторые — славистами (профессора Н.С. Державин и В.Г. Чернобаев, доцент К.А. Пушкаревич)³⁶². При этом болгарист Н.С. Державин, а также полонист и богемист В.Г. Чернобаев преподавали историю славянских литератур (соответственно болгарской, польской и чешской), а богемист К.А. Пушкаревич наряду с чтением лекций по истории сербской, хорватской и чешской литератур вел практические занятия по славянским языкам (чешскому и польскому)³⁶³. Теперь стало известно, что доцент А.С. Мадуев преподавал на кафедре не только историю русского языка, но и славяно-русскую палеографию, сербский и польский языки³⁶⁴.

Насколько позволили источники и литература, мы попытались восстановить общую картину преподавания на кафедре русско-славянской филологии ЛГУ. Она показывает, что, несмотря на наличие квалифицированных специалистов, представление предмета славянской филологии давалось там далеко не в полном объеме (отсутствовали, например, теоретические курсы по истории отдельных славянских языков, нет сведений о чтении общего курса «Введение в славяноведение» и пр.), оно только полезно дополняло подготовку филологов-русистов. Зато, в отличие от МГУ, здесь регулярно читались курсы по истории славянских литератур.

Сотрудники кафедры вели также активную научную работу. Н.С. Державин наряду с другими трудами завершил трехтомную «Историю болгарской литературы» (1935), выпустил в свет «Сборник статей и исследований в области славянской филологии» (1941). В.Г. Чернобаев опубликовал ряд статей по истории польской и чешской литературы³⁶⁵, К.А. Пушкаревич в эти годы подготовил и защитил в апреле 1940 г. докторскую диссертацию «Чехи в России», на которую дали положительный отзыв филолог и историк, академик Н.С. Державин, чешский историк, профессор МГУ З.Р. Неедлы и этнограф, член-корреспондент АН СССР Д.К. Зеленин³⁶⁶. Однако книга Пушкаревича на основе диссертации была подвергнута сокрушительной критике И.Ф. Ивашина³⁶⁷.

С.А. Обнорский заведовал кафедрой до лета 1941 г., когда в связи с начавшейся войной вместе с гуманитарными отделениями АН СССР эвакуировался в Казань. В 1943 г. он был вызван в Москву и назначен директором Института русского языка. В Ленинград он больше не вернулся. С лета 1941 г. кафедру возглавила специалист по истории русского языка, доцент М.А. Соколова сначала в блокированном Ленинграде,

а с февраля 1942 г. — в Саратове, куда эвакуировали ЛГУ³⁶⁸. В 1941 г. и особенно в 1944 г. с образованием кафедры славянской филологии пути названных кафедр разошлись.

Накануне Великой Отечественной войны, 15 мая 1941 г., Н.С. Державин подал новую докладную записку о необходимости восстановления специальной кафедры славянской филологии в ЛГУ уже с несколько другим обоснованием. Теперь он делал акцент на то, что в 20–30-е гг. «во всех капиталистических странах Запада славяноведение сделало значительные успехи, выразившиеся в создании славяноведных кафедр в целом ряде университетов, где раньше их не существовало вовсе, и организации нескольких новых научно-исследовательских институтов, как, например, в Риме с его отделением в Неаполе, в Париже, в Праге, в Берлине, в Бреслау, в Польше..., наконец, в создании целого ряда новых как специально научных, так и популярно-публицистических журналов, посвященных славяноведению и проблемам культурной, экономической и политической жизни современного славянства»³⁶⁹. Главными факторами, обусловившими подъем славистических исследований в Европе и Америке, он считал «пролетарскую революцию в России и образование мощного Советского Союза», а также «образование новых славянских самостоятельных государственных объединений: Чехо-Словакии, Польши и Юго-Славии»³⁷⁰. Державин сетовал на то, что теперь мировым научным центром славяноведения признана Прага, особенно после проведенного в 1929 г. в Праге и Брно Первого международного съезда славянских филологов, однако, несмотря на это «во всех славянских странах, не только в Юго-Славии и Болгарии, но и в Чехии и Польше все чувствовали, что подлинным центром славяноведных изучений может быть только Советский Союз со своим 100-миллионным славянским населением, со своими богатейшими библиотеками и рукописными собраниями, тем более, что крестьянство, рабочий класс и широкие круги демократической общественности во всех славянских странах после Октябрьской революции тянулись к СССР»³⁷¹. Державин опровергал, как клеветнические, утверждения «агентов банковского капитала» на Западе, что «в СССР вовсе не интересуются славянами», но вынужден был признать, что после революции «работа эта была несколько снижена»³⁷². При этом он ссылаясь на свою докладную записку В.М. Молотову о положении славяноведения в СССР от 23 июля 1938 г.³⁷³. Немаловажным аргументом, с точки зрения академика, стало его весьма спорное утверждение, что и «академик Н.Я. Марр в своих классических трудах по языковедению всегда уделял значительное внимание проблемам славянских лингвистических древностей»³⁷⁴. Он по-прежнему справедливо подчеркивал, что полноценное изучение русского, украинского и белорусского языков невозможно без органической увязки их с остальными славянскими языками³⁷⁵.

На этот раз вопрос об открытии на филологическом факультете ЛГУ кафедры славянской филологии, видимо, уже был согласован в высших партийных верхах (деятельную поддержку академику оказали влиятельные партийные деятели, редактор журнала «Историк-марксист», академик Е.М. Ярославский и генеральный секретарь ИККИ Г.М. Димитров)³⁷⁶, поэтому Державин представил свое видение конкретной организации названной кафедры. По его мнению, она должна состоять из двух основных циклов — южнославянского и западнославянского, что отвечает «конкретным интересам нашего культурного социалистического строительства». Включение в состав СССР Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии добавило СССР около 1 миллиона болгарского и польского населения, которое наряду с прежними переселенцами из Чехии, Болгарии, Польши, Сербии нуждается в подготовленных преподавателях родного язы-

ка³⁷⁷. (Этот аргумент представляется не во всем состоятельным, так как к 1938 г. преподавание на национальных языках среди национальных меньшинств было свернуто и Н.С. Державин из писем С.Б. Бернштейна, лишившегося работы из-за этой реорганизации в Одесском пединституте, хорошо знал об этом.)

Тем не менее, Державин утверждал, что «кафедра славянской филологии ЛГУ может немедленно, то есть с начала наступающего учебного года, взять на себя организацию дела постановки преподавательских кадров и культурных работников для названных национальностей Советского Союза, так как ни в украинских, ни в молдавских, ни в белорусских педвузах получить соответствующее научно-филологическое образование не могут, ввиду отсутствия специалистов-славяноведов»³⁷⁸. Тем самым Державин обосновывал последующее использование и распределение подготовленных кадров филологов-славистов. Эта проблема станет актуальной позднее.

Державин представил свое видение и штатного профессорско-преподавательского состава новой кафедры. Это — три профессора (зав. кафедрой, специалист по южнославянским языкам и литературам и специалист по западнославянским языкам и литературам), далее один доцент, три ассистента (два — для практических занятий со студентами славянскими языками: болгарским, сербохорватским, польским и чешским и один — для заведования Кабинетом славянской филологии).

В числе обязательных предметов Державин выделял: введение в славяноведение, славянское языкознание (основные славянские языки: древнеславянский, болгарский, сербохорватский, польский и чешский), сравнительная грамматика славянских языков, славянская палеография, история славянских литератур, славянская этнография и фольклор, славянские древности, история того славянского народа, язык и литературу которого студент изучает. Кроме того, Державин предусматривал, что кафедра будет контролировать изучение филолого-славистических дисциплин на кафедре русского языкознания и кафедре истории славянских народов по взаимному согласованию³⁷⁹.

Нельзя отказать Державину в дальновидности, ибо он представил широкое видение предмета славянской филологии (из основных предметов его план не предусматривал только диалектологию), причем традиционное, включающее курс сравнительной грамматики славянских языков, несмотря на свою приверженность марризму. Однако выполнение этой программы в полном объеме из-за отсутствия кадров не представлялось возможным. Естественно, что заведующим названной кафедры в ЛГУ Державин видел самого себя, хотя и не называл в записке своего имени.

На этот раз докладная записка Н.С. Державина возымела успех. 12 августа 1941 г., несмотря на военное время, ректор ЛГУ А.А. Вознесенский издал приказ об открытии кафедры славянской филологии, но ее заведующим назначили богемиста К.А. Пушкаревича. Тогда же было принято решение об образовании на филфаке Славянского отделения. Решение обосновывалось стремлением СССР к становлению и развитию научных и культурных связей с народами Центральной и Юго-Восточной Европы. Указывалось, что оно имеет «большое не только научное, но и политическое значение»³⁸⁰. Начавшаяся война помешала развертыванию работы кафедры, хотя сам Пушкаревич много работал на нужды военного времени. Ему было поручено составление чешско-русского военного разговорника и чешско-русского военного словаря, он выступал в воинских частях и госпиталях с лекциями о славянах и их национально-освободительной борьбе, составлял хрестоматию чешского языка, писал этнографические очерки о чехах и словаках³⁸¹. В блокадную зиму 1942 г. в Ленинграде от голода и

дистрофии скончались немногие сотрудники кафедры — профессор К.А. Пушкаревич, доценты В.А. Гофман, А.С. Мадуев и А.П. Улитин, немного не дожив до эвакуации ЛГУ в Саратов (февраль 1942 г.).

Специальное славянское отделение открыли в ЛГУ в 1944 г. в исполнение процитированного выше приказа Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 5 апреля 1943 г.³⁸². Славянское отделение в ЛГУ возглавил академик Н.С. Державин. К преподаванию славянских языков и литератур привлекались: специалист по истории сербской литературы, профессор К.А. Копержинский (ранее преподававший в Иркутском университете)³⁸³, доценты-полонисты: литературовед С.С. Советов³⁸⁴ и лингвист и историк Л.В. Разумовская³⁸⁵, ассистенты: языковеды — болгарист Е.И. Безикович, богемист З.Т. Леонович, полонист-литературовед А.Л. Эпштейн. Планировалось приглашение профессора В.Г. Чернобаева, преподававшего славистику в оккупированной Риге³⁸⁶. Практически работой славистов-языковедов руководила Э.А. Якубинская-Лемберг, специалист в области славянского и финно-угорского языкознания: «Она фактически явилась создательницей и организатором славянского отделения в ЛГУ: подбирала и объединяла кадры преподавателей, готовила новые учебные планы, программы, учебные разработки»³⁸⁷. В 1948 г. после разделения (как и в МГУ) кафедры славянской филологии она возглавила кафедру славянского языкознания, а с 1955 — всё Славянское отделение в ЛГУ.

В Ленинграде намного лучше, чем в Москве, обстояло дело с преподаванием славянских литератур. Хотя и тут не все сразу сложилось. В фонде Н.С. Державина сохранился документ, освещающий распределение педагогической нагрузки на кафедре славянской филологии в 1947/1948 учебном году. Из него следует, что Н.С. Державин взял на себя только общее руководство и подготовку аспирантов. Доцент Э.А. Якубинская (зам. заведующего кафедрой) — чтение курса сравнительной грамматики славянских языков на четвертом курсе, старославянского языка на первом и втором курсах, спецкурс по сравнительной грамматике славянских языков. Ранее она читала курс «Введение в славяноведение». Профессор К.А. Копержинский (в ЛГУ прибыл из Иркутска в сентябре 1945 г.) читал «Введение в славяноведение» на первых курсах, преподавал историю болгарской литературы на третьем курсе, историю югославянской литературы на четвертом курсе, вел польский язык для русистов третьего курса и руководил курсовыми работами студентов-болгаристов. Профессор В.Г. Чернобаев в этом расписании не был представлен. Доцент С.С. Советов читал историю польской литературы, вел семинар по польской литературе, руководил аспирантами. Доцент Л.В. Разумовская (уникальный специалист по славянской филологии и истории) преподавала чешский язык на первом и втором курсах, читала историю (историческую грамматику) польского языка на четвертом курсе и историю славян, вела семинар по истории польского языка, руководила дипломниками. Специалист по общему и славянскому языкознанию, доцент Ю.С. Маслов читал историю болгарского языка. Старший преподаватель Е.И. Безикович обучала болгарскому языку студентов первого, второго и третьего курсов, проводила занятия по нему с аспирантами-русистами. Велись занятия по польскому языку на втором курсе (старший преподаватель А.Л. Каплан). Преподаватель И.В. Арбузова сменила Н.А. Цветанович в преподавании сербского языка. Ассистент Я.В. Мацюсович вела занятия по польскому языку на третьем курсе (для болгаристов и русистов) и на заочном отделении. Для заочников она читала также старославянский язык, проводила по нему практические занятия. К кафедре был прикомандирован чешский стажер Борживой Новак, который читал историю чешской литературы для

четверокурсников в 1946–1948 гг. В документе указывалось, что практические занятия по разговорному чешскому и сербскому языку ведут «командированные в Ленинград студенты и аспиранты чехи и сербы»³⁸⁸.

О научной деятельности кафедры славянской филологии дает представление заметка о ее работе в 1945–1946 академическом году. Из нее следует, что в то время состоялось 9 заседаний кафедры — 4 научных и 5 учебно-организационных. Преподаватели кафедры делились с коллегами результатами своих научных изысканий. 21 ноября 1945 г. на ее заседании профессор К.А. Копержинский прочитал доклад «И.С. Тургенев — переводчик Марко Вовчка», а доцент С.С. Советов 19 декабря выступил с докладом о стилистическом осмыслении именительного падежа множественного числа имен личных в «Гражине» А. Мицкевича. Заседание 15 февраля 1946 г. целиком посвящалось памяти профессора К.А. Пушкаревича, о научной деятельности которого рассказал в своем выступлении В.Н. Зыкин. В названной заметке излагалась краткая биография ученого, приводился список его наиболее важных трудов³⁸⁹. 15 марта доцент Э.А. Якубинская-Лемберг сделала сообщение на тему «Славяно-финские языковые связи», в котором привела ряд культурно-бытовых терминов, заимствованных финнами у славян, а затем — группу слов древнерусского языка, восходящих, по ее мнению, к балто-финским языкам. Примечательно, что в обсуждении доклада участвовал старший преподаватель кафедры славянских языков Тартуского университета В.И. Эрнитс, который также «ознакомил присутствовавших с постановкой преподавания славяноведения в Тартуском (Дерптском, Юрьевском) университете на всем протяжении его существования»³⁹⁰.

Научный план кафедры на 1946 г. включал в себя «исследования по истории болгарской литературы (академик Н.С. Державин, зав. кафедрой), монографию об украинско-сербских отношениях второй половины XIX в. (профессор К.А. Копержинский), работы о выражении категории определенности и неопределенности в памятниках старославянского языка (доцент Э.А. Якубинская), о стилистических особенностях поэтического языка Адама Мицкевича (доцент С.С. Советов), о культурных польско-чешских взаимоотношениях и их отражении в польской письменности (до 1400 г.) (старший преподаватель А.Л. Каплан); доцент Л.В. Разумовская подготавливает учебник чешского языка для студентов высших учебных заведений»³⁹¹. Далеко не все из запланированного преподавателями кафедры, к сожалению, было реализовано в печати.

В 1945–1946 учебном году на кафедре проходили подготовку четыре аспиранта. Под руководством академика Н.С. Державина Е.С. Андреева (преподававшая с 1946 г. на кафедре чешский язык) работала над темой «Поэтический язык Ю. Словацкого», а Я.В. Мацюсевич готовила работу «Особенности языка Я. Кохановского». Т.С. Карская (руководитель профессор В.Е. Евгеньев-Максимов) разрабатывала тему «Вклад русского славяноведения в изучение чешской культуры», а Л.Ф. Тарновский, руководимый профессором И.П. Ереминым, писал диссертацию «Литературная деятельность Н.И. Костомарова»³⁹².

В 1947–1948 учебном году на кафедре также воспитывалось несколько аспирантов. Т.С. Карская сменила научного руководителя. Ее работой (по чешской литературе) руководил теперь академик Н.С. Державин, так же как и работой В.М. Тимофеевой (по болгарской литературе). Под руководством доцента С.С. Советова писали диссертации по польской литературе Д.Б. Кацнельсон, В.И. Гапова и В.Б. Аболевич³⁹³. Из названных

аспирантов только Д.Б. Кацнельсон оказалась кратковременно востребованной кафедрой. В 1948–1949 г. она как ассистент-почасовик кафедры славянских литератур читала курс лекций по польскому романтизму³⁹⁴.

Преподаватели кафедры использовали и другие методы работы со студентами. В составе Научного общества при ЛГУ был организован кружок по славяноведению под руководством С.С. Советова. 5 марта 1946 г. состоялось первое заседание кружка, посвященное 90-летию со дня смерти Адама Мицкевича. Студенты-полонисты прочитали ряд стихотворений и отрывков из поэм великого польского поэта. С.С. Советов прочел свой стихотворный перевод поэмы «Гражина». 3 апреля профессор К.Н. Державин поделился с аудиторией своими впечатлениями о своей триумфальной поездке по Болгарии в 1945 г. с отцом, академиком Н.С. Державиным. В дальнейшем намечалось посвятить заседания кружка поэзии Я. Кохановского, русским переводам А. Мицкевича (студент Крементуло), обсудить реферат книги Райко Ружича о видах сербского глагола и пр.³⁹⁵ О дальнейшей судьбе кружка нам неизвестно.

Члены кафедры славянской филологии участвовали в научной жизни филологического факультета ЛГУ. С другой стороны, славистические исследования на факультете выходили за рамки кафедры. 23 октября 1945 г. состоялось заседание кафедр русского языка и славянской филологии совместно с Ленинградским отделением Института русского языка АН СССР, посвященное памяти выдающегося советского языковеда Л.П. Якубинского, скончавшегося 24 августа 1945 г.³⁹⁶. На этом заседании доцент Э.И. Каратаева прочитала доклад «Исследования профессора Л.П. Якубинского в области родства славянских языков»³⁹⁷.

В заключение нельзя не упомянуть о важном событии в истории Ленинградского университета — международной научной сессии по славяноведению, состоявшейся между 29 июня и 4 июля 1946 г. (подробнее см. в главе VI). Ее инициатором выступил ректор университета А.А. Вознесенский. Н.С. Державин, видимо, ввиду серьезной болезни в ней не участвовал. О масштабах сессии свидетельствует и тот факт, что на ее заседаниях присутствовало свыше 4000 человек³⁹⁸. В сессии приняли участие ведущие славяноведы из Чехословакии (И. Горак, Б. Гавранек, Ф. Вольман), Польши (Т. Лер-Сплавинский, Г. Вольпе), Югославии (А. Белич, Ф. Рамовиц), Болгарии (Н. Николов), а также различных городов СССР (Москва, Киев, Харьков, Казань, Рига, Тарту). В задачи сессии входило: «подвести итоги научно-исследовательской и методической работы на славянских отделениях и кафедрах славяноведения в университетах СССР, помочь установлению личных творческих контактов между отдельными учеными-славистами и наметить ряд очередных проблем изучения славянских взаимосвязей»³⁹⁹. На сессии выступили с научными докладами П.Г. Богатырев, Д.К. Зеленин, А.И. Белич, Е.В. Тарле, А.В. Предтеченский, П.Н. Берков, А.Д. Александров, Т. Лер-Сплавинский, В.В. Виноградов, Б. Гавранек и др. Ленинградскую славистику достойно представили В.Г. Чернобаев («Карел Гинек Маха в оценке современников и потомства»), С.С. Советов («Начало изучения польской литературы в России»). Следует отметить, что некоторые подготовленные к сессии доклады ввиду недостатка времени не были заслушаны. 3 июля 1946 г. участников сессии ознакомили с тезисами докладов ленинградских славистов — профессора Э.А. Якубинской-Лемберг «К вопросу о славяно-финских языковых отношениях», доцента Л.В. Разумовской «Немецкая колонизация и немецкое право в Великой и Малой Польше XIII–XIV вв.», профессоров Б.А. Ларина «О русско-литовских языковых связях» и К.Н. Державина «Возникновение болгарской литературы» и др.⁴⁰⁰. Сессия несомненно подтолкнула интерес общественности к изучению славянства в СССР и

способствовала расширению научных контактов ее членов с советскими и иностранными коллегами. Декан филологического факультета ЛГУ М.П. Алексеев выразил надежду, что «совместная работа ученых славянских стран будет иметь серьезное значение не только для развития славистики как науки, но и для укрепления дружественных отношений между учеными братских славянских стран»⁴⁰¹. Было принято решение издать «Труды научной сессии по славяноведению» отдельной книгой, что, к сожалению, осталось нереализованным. Однако в преддверии сессии филологический факультет выпустил в свет научный бюллетень ЛГУ (1946, № 11–12) с подзаголовком «Славистические заметки». Это был сборник рефератов, целиком посвященный проблемам славяноведения. Здесь публиковались пространные тезисы многих, прочтенных позднее на сессии докладов и другие материалы, в том числе документальные, характеризующие научные интересы ленинградских славистов (подробнее см. в главе V).

Преподаватели кафедры славянской филологии представили здесь в кратком изложении работы на следующие темы: Б.А. Ларин «Из заметок о русско-литовских соответствиях», Э.А. Якубинская-Лемберг «К вопросу о славяно-финских языковых соответствиях», К.А. Копержинский «Сербские деятели 60-х — 70-х годов и передовая русская литература», С.С. Советов «Попытка первого издания сочинений Мицкевича в русском переводе», А.Л. Каплан «„Слово о полку Игореве“ и польские писатели XIX–XX вв.». Л.В. Разумовская поместила в бюллетене ряд писем Ватрослава Облака к академику Б.М. Ляпунову. В сборнике опубликованы и первые работы аспирантов кафедры — Е.С. Андреевой («И.С. Тургенев и Иосиф Крашевский») и Т.С. Карской («Н.А. Некрасов и его чешский переводчик»). Примечательно, что в этом выпуске бюллетеня участвовали сотрудники других кафедр филфака ЛГУ. Кафедру русского языка представляла работа профессора В.В. Виноградова «Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков», кафедру русской литературы — рефераты профессоров И.П. Еремина «Неизвестный памятник болгарской литературы конца XVI в.», М.О. Скрипиля «„Повесть о Петре и Февронии“ и эпические песни южных славян об огненном змее», Н.П. Беркова «Славяноведческие интересы Ломоносова», Б.В. Томашевского «Пушкин и южные славяне», Г.А. Бялого «В.Г. Короленко и польские писатели», доцента Н.И. Мордовченко «Белинский о сербских народных песнях» и ассистента Н.В. Алексеевой «К истории переводов романа „Накануне“ И.С. Тургенева на болгарский язык». От кафедры западной литературы выступил профессор М.П. Алексеев («Петербургские английские переводы из А. Мицкевича 1835 г.»), от кафедры фольклора — профессор М.К. Азадовский («Русская фольклористика и славянские страны») и т.д. А.С. Бобович с кафедры классической филологии поместил неизданное письмо В.С. Караджича. В журнале были опубликованы также статьи и документальные материалы неуниверситетских славистов Ленинграда — В.Р. Свирской, А.Л. Гольберга, Л.Б. Модзалевского, Л.М. Добровольского и др.

В целом указанный сборник свидетельствовал о многообразии интересов ленинградских славистов с акцентом на литературоведческую проблематику.

В 1948 г. решением Министерства высшего образования СССР в ЛГУ на основе Отделения славянской филологии были созданы два новых подразделения: кафедра славянского языкознания и вместо кафедры литературоведения (как в МГУ) открывалось отделение славянского перевода также во главе с Э.А. Якубинской-Лемберг. Как вспоминал Г.К. Венедиктов, «учебными планами нового отделения, рассчитанными на 6 лет, предусматривалось интенсивное обучение студентов языкам зарубежных славян с целью под-

готовки квалифицированных переводчиков. Для этого, согласно программе, значительная доля учебных часов отводилась практическому овладению языками, в качестве дипломных предусматривались переводы текстов художественных произведений и научной литературы с русского на изучаемые славянские языки, последний (шестой) курс обучения отводился для практики в ведущих университетах славянских стран»⁴⁰². В названном Отделении прошли прекрасную подготовку многие известные специалисты по славянской филологии, в том числе П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов, сам Г.К. Венедиктов и др.

Таким образом, до своего разделения в 1948 г. кафедра славянской филологии ЛГУ прошла трудный этап становления. Следует отметить, что в Ленинграде было несколько легче со славистическими кадрами, чем в Москве, потому Н.С. Державин, привлекавший многих славяноведов к работе Славянской комиссии АН СССР в годы войны, и его заместитель, энергичная Э.А. Якубинская-Лемберг, довольно легко нашли здесь квалифицированных специалистов по славянским литературам. Труднее пришлось с кадрами лингвистов. Их предстояло еще воспитать (и не в духе марризма). Во всяком случае, именно на начальном этапе работы кафедры были заложены крепкие основы ее успешной деятельности в дальнейшем.

Следует отметить, что хотя основными «кузницами» кадров славянских филологов выступали Москва и Ленинград, но с 1946 г. кафедры славянской филологии были открыты в университетах Киева, Львова, Риги, Тарту. В учебных заведениях Одессы, Харькова, Ужгорода, Ростова, Воронежа, Фрунзе, Алма-Аты, Самарканда, Владивостока и др. городов СССР также начали готовить специалистов по славянскому языкознанию и литературоведению⁴⁰³. Напомним, что в годы войны и первые послевоенные годы в Иркутском университете успешно функционировала комплексная кафедра славяноведения⁴⁰⁴.

* * *

Подведем некоторые итоги. Университетская славистика в СССР прошла в 20–40-е гг. XX в. трудный путь становления. На начальном этапе перестройка высшего образования привела к практической ликвидации традиционных филолого-славистических структур ввиду их научной и политической невостребованности и не актуальности при новом общественном строе (промежуточные кафедры славяно-русской филологии 1930-х гг. в МИФЛИ и ЛИФЛИ не обеспечивали полноту преподавания предмета славистики). Начало Второй мировой войны вновь актуализировало славянский вопрос в Европе. Возникла объективная потребность в специалистах, разбирающихся в вопросах славянской и балканской политики (в СССР, Европе и мире), прежде всего, в пропагандистских целях, а начавшаяся Великая Отечественная война побудила использовать и весь мощный потенциал патриотической славянской идеологии. Эти внешние факторы при самоотверженной борьбе немногих оказавшихся на свободе специалистов несомненно способствовали возрождению славяноведения в СССР, пока в форме его исторической составляющей. Подобных историко-славистических центров в мировой практике славяноведения еще не создавалось. Ближе к концу войны, с развитием славянского антифашистского движения и близкой перспективой освобождения славянских стран Красной Армией и дальнейшего их сплочения вокруг СССР, возникла потребность в специалистах, владеющих славянскими языками, переводчиках и пр. Именно с этого времени началось истинное возрождение славянской филологии в СССР в ее полном традиционном объеме. Создались предпосылки для комплексного «воссоединения» в славяноведении исторических и филологических дисциплин, правда, не в университетах, а в рамках Академии наук.

Что касается методологических установок «нового» советского славяноведения, то в исторической науке безусловно утвердилось классовое марксистское понимание исторического процесса с некоторыми «поблажками» (в военное и первое послевоенное время) патриотизму и идее славянской солидарности. В языкознании дело обстояло сложнее, ибо марризм, признанный выражением «истинного» марксизма в этой науке, по своей сути не мог обеспечить развитие славянской филологии. Точно так же «не работали» и антикомпаративистские наработки Языкфронта, «задавленного» в начале 1930-х гг. марристами. А традиционные идеи индоевропейского языкознания, как и принципиально новые методы структурализма, приходилось отстаивать в тяжелой борьбе с идейными установками и давлением тоталитарного режима.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Липтева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005 и др.
- 2 См.: *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник МГУ. 1968. Серия 8. История. 1968. № 1. С. 9–11; *Руколь Б.М.* Славяноведение в Московском университете (1939–1941) // Очерки по истории современной науки и культуры. М., 1968. С. 200–213; *Воронков И.А.* Изучение истории зарубежных славян в Московском университете // Советское славяноведение. 1970. № 5. С. 58–65; *Историки-слависты Московского университета. К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы. М., 1979; Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 183–205; 50 лет исторической славистики в Московском университете. М., 1989; *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* К пятидесятилетию кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 68–77; *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934–1941) // Славистика СССР и русско-го зарубежья. 20–40-е годы XX века. М., 1992. С. 28–37; *Славяноведение // Историческая наука в Московском университете (1755–2004). М., 2004. С. 393–459 и др.*
- 3 *Историки-слависты Московского университета. К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. Материалы и документы. М., 1979.*
- 4 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 28–32.
- 5 *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 219.
- 6 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Владимир Иванович Пичета // Историки России XVIII–XIX веков. М., 1999. Вып. 6. С. 97–110.
- 7 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 32.
- 8 Подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; *Горяинов А.Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89; *Ашнин Ф.Д., Алтатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–5 и др.
- 9 Цит. по: *Уткина Л.И.* Академик В.И. Пичета — организатор кафедры истории южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 38.
- 10 Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки для заседаний 1919–1952. М., 2001. Т. II. 1930–1939. С. 1032 (из Д. 1007. Протокол № 69. Особая папка).
- 11 ЦМAM. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 114. Л. 37.

- 12 Историки-слависты Московского университета. 1939–1979. Славяноведение в МГУ. Вып. 1. М., 1979. С. 180.
- 13 Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 81–101; *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. Гл. 1 и др.
- 14 Историки-слависты Московского университета... С. 182–183.
- 15 Там же. С. 57.
- 16 Там же. С. 180.
- 17 Подробнее см.: *Горяинов А.Н.* Советская славистика 1920–1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 5–21.
- 18 Историки-слависты Московского университета... С. 181.
- 19 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян 1878–1947 // Ученики об учителях. Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 147.
- 20 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 34.
- 21 Историки-слависты Московского университета... С. 183.
- 22 Там же. С. 181–183.
- 23 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 33.
- 24 ЦМAM. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 144. Л. 70.
- 25 *Белявский М.Т.* Учитель и ученики (Из архива И.М. Белявской) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 121.
- 26 *Зинич М.С.* Материалы к биографии С.И. Зинича (1896–1945) // Из истории университетского славяноведения в СССР. Славяноведение в СССР. Вып. 2. М., 1983. С. 187.
- 27 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян... С. 147.
- 28 *Уткина Л.И.* Академик В.И. Пичета — организатор кафедры южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов... С. 39.
- 29 *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян Московского государственного университета // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 148.
- 30 *Руколь Б.М.* Зденек Неедлы в Московском университете // Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 219–230; *Она же.* Славяноведение в Московском университете (1939–1941) // Очерки по истории современной науки и культуры. М., 1968. С. 20–213; *Она же.* Педагогическая и научная деятельность Зденека Неедлы в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1978. № 3. С. 3–12.
- 31 *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян... С. 148.
- 32 Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–94.
- 33 *Неедлы З.* Борьба украинцев Буковины за свою национальную независимость // Вестник Академии наук СССР. 1940. № 11–12; *Он же.* История Закарпатской Руси до XIV столетия // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1945. Т. II. № 4. С. 201–220.
- 34 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян... С. 147.
- 35 *Руколь Б.М.* Проблемы гуситского движения в трудах и выступлениях Зденека Неедлы в 1941–1945 гг. // История и историки. Историографический ежегодник 1980. М., 1984. С. 214.
- 36 Там же. С. 215.
- 37 *Руколь Б.М.* Зденек Неедлы — профессор Московского университета (1939–1945) // 50 лет исторической славистике в Московском государственном университете. М., 1989. С. 66.
- 38 *Руколь Б.М.* Проблемы гуситского движения в трудах и выступлениях Зденека Неедлы... С. 212.
- 39 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян. Новые архивные материалы // Историческая славистика в МГУ. 1989–1999. М., 2000. С. 68.
- 40 *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян... С. 139.
- 41 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 33.
- 42 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян... С. 148.

- 43 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 34.
- 44 Там же. С. 35.
- 45 Историки-слависты Московского университета... С. 116.
- 46 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры западных и южных славян... С. 148.
- 47 Историки-слависты СССР. Биобиблиографический словарь справочник. М., 1981. С. 113.
- 48 *Горяинов А.Н.* Славяноведение на историческом факультете МГУ... С. 34.
- 49 *Пичета В.И., Миллер И.С.* Работа кафедры истории западных и южных славян... С. 149.
- 50 Подробнее см.: *Марченко А.И.* Куйбышевский период деятельности Зденека Неядлы // Советское славяноведение. 1974. № 2. С. 56–58.
- 51 Историки-слависты Московского университета... С. 57.
- 52 В информации о работе исторического факультета МГУ в Ашхабаде в 1943 г. кафедра истории южных и западных славян не упомянута. См.: *Сказкин С.* Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 106–107.
- 53 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян... С. 148.
- 54 Там же. С. 149.
- 55 См.: *Руколь Б.М.* Переписка М.Н. Тихомирова с В.И. Пичетой (1941–1943 гг.) // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 228.
- 56 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян // Историческая славистика в МГУ. 1989–1999. М., 2000. С. 70.
- 57 В.К. Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 140.
- 58 *Королюк В.Д.* Московский период в жизни Зденека Неядлы и развитие советского славяноведения // Зденек Неядлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 210.
- 59 *Руколь Б.М.* К вопросу о научно-педагогической и общественно-политической деятельности З. Неядлы в СССР // Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Roč. XXXI. Historica. Bratislava, 1980. С. 113.
- 60 Там же.
- 61 Цит. по.: *Руколь Б.М.* Зденек Неядлы в Московском университете // Зденек Неядлы, выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 227.
- 62 В.К. Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ... С. 140.
- 63 Историки-слависты Московского университета... С. 95
- 64 Там же. С. 91.
- 65 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 36. Л. 2, 7.
- 66 *Руколь Б.М.* Зденек Неядлы — профессор Московского университета (1939–1945)... С. 66–67.
- 67 Историки-слависты Московского университета... С. 184.
- 68 Там же. С. 185.
- 69 Там же.
- 70 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян... С. 67.
- 71 *Хайретдинов Х.Х.* Ирина Михайловна Белявская // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 112; *Он же.* Ирина Михайловна Белявская (1913–1975) // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 11. О деятельности И.М. Белявской см. также: *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* И.М. Белявская — «убежденный коммунист» или новатор конца 40-х–50-х годов XX века // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 23–43 и др.
- 72 Историки-слависты Московского университета... С. 22.
- 73 Работа исторических факультетов университетов в дни отечественной войны с германским фашизмом // Исторический журнал. 1942. № 9. С. 91.
- 74 Историки-слависты Московского университета... С. 100.
- 75 *Руколь Б.М.* Зденек Неядлы в Московском университете... С. 226.
- 76 Там же. С. 230.
- 77 *Королюк В.Д.* Московский период в жизни Зденека Неядлы и развитие советского славяноведения // Зденек Неядлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 212.

- 78 Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета в Московском университете (Из истории становления советского славяноведения) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 109–110.
- 79 Историки-слависты Московского университета... С. 116–117.
- 80 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 80. Л. 5–6 об. (Заседание кафедры 15 ноября 1945 г.)
- 81 О диссертациях, защищенных на Ученом совете исторического факультета МГУ в 1944 году // Исторический журнал. 1944. № 1–2. С. 109.
- 82 Там же. С. 109, 33.
- 83 ЦМAM. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 155. Л. 3.
- 84 Там же. Л. 20 об.
- 85 Пичета В.И. История южных и западных славян в трудах русских историков // Роль русской науки и культуры. Программы и тезисы докладов. М., 1944. С. 69–71.
- 86 См.: Пичета В.И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 157–175; Он же. Академия наук и славяноведение // Славяне. 1945. № 7. С. 10–19.
- 87 См.: Письма Анны Михайловны Панкратовой (Публикация Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 72.
- 88 ЦМAM. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 155. Л. 20 об.
- 89 Белявская И.М. О работе кафедры истории западных и южных славян исторического факультета Московского государственного университета в 1939–1947 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1948. Т. 1(а). С. 409.
- 90 Белявская И.М. Научная сессия по вопросам южных и западных славян 17–20 ноября 1944 г. // Доклады и сообщения Исторического факультета (МГУ). М., 1945. Вып. 3. С. 50.
- 91 Королюк В.Д. Сессия в Московском государственном ордена Ленина университете имени М.В. Ломоносова, посвященная истории западных и южных славян // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 92.
- 92 Белявская И.М. О работе кафедры истории западных и южных славян... С. 409.
- 93 Белявская И.М. Научная сессия по вопросам южных и западных славян... С. 51.
- 94 Белявская И.М. О работе кафедры истории западных и южных славян... С. 409.
- 95 Белявская И.М. Научная сессия по вопросам южных и западных славян... С. 52.
- 96 Там же.
- 97 Королюк В.Д. Сессия в Московском государственном ордена Ленина университете имени М.В. Ломоносова... С. 92.
- 98 Белявская И.М. Научная сессия по вопросам южных и западных славян... С. 52.
- 99 Белявская И.М., Воронков И.А. Советское славяноведение в Московском университете. С. 5; Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета в московском университете... С. 109; Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян... С. 192 и др.
- 100 Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета в Московском университете... С. 106.
- 101 Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О. Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ). М., 1945. Вып. 3. С. 57–58.
- 102 Пичета В.И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 175.
- 103 Пичета В.И. Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 153.
- 104 Державин Н. Рец. на кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. Сборник статей под редакцией проф. З.Р. Неедлы. 1944 // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 82.
- 105 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 80. Л. 4.
- 106 Горянов Б.Т. Византия и южные славяне // Преподавание истории в школе. М., 1950. № 4. С. 36–46.
- 107 Ученые записки (МГУ). 1945. Вып. 81. Сборник исторического факультета.
- 108 Там же. С. 134.
- 109 Там же. С. 135.
- 110 Там же.
- 111 Там же.
- 112 Там же. С. 137.

- 113 Там же. С. 141.
- 114 Там же. С. 162.
- 115 *Белявская И.М.* О работе кафедры истории западных и южных славян... С. 409.
- 116 Там же. С. 410.
- 117 Цит. по: *Уткина Л.И.* Академик В.И. Пичета — организатор кафедры истории южных и западных славян... С. 44.
- 118 См.: [*Ненашева З.С.*] Славяноведение (подраздел: Возрождение и развитие славяноведения) // Историческая наука в Московском университете (1755–2004). М., 2004. С. 424–459.
- 119 Историки-слависты Московского университета... С. 187.
- 120 Там же. С. 188.
- 121 Там же.
- 122 Там же. С. 188–189.
- 123 Там же. С. 189.
- 124 *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян... С. 195.
- 125 См.: Историки-слависты Московского университета... С. 117.
- 126 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 80. Л. 21.
- 127 Историки-слависты Московского университета... С. 117.
- 128 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 41–42.
- 129 Там же. Л. 16–18.
- 130 Там же. Л. 24.
- 131 Там же. Д. 80. Л. 2–3.
- 132 Историки-слависты Московского университета... С. 189.
- 133 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 14.
- 134 Там же. Д. 80. Л. 24.
- 135 Там же. Д. 110. Л. 15 об.
- 136 Там же; Историки-слависты Московского университета... С. 190.
- 137 Там же. С. 189.
- 138 Историки-слависты Московского университета... С. 185.
- 139 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 1–2.
- 140 Там же. Л. 36.
- 141 Подробнее о позиции Н.С. Державина см.: *Таранова В.Г.* К оценке работ Н.С. Державина по проблемам ранней истории болгар (VI–VII вв.) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1980. Вып. 6. С. 115–125.
- 142 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 80. Л. 3.
- 143 Там же. Л. 3–4.
- 144 Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 95–99.
- 145 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. 1946. № 1. С. 81–86; Т. 2. М.; Л., 1946 // Там же. № 10–11. С. 70–75.
- 146 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 80. Л. 22 об.
- 147 Там же. Л. 23.
- 148 Там же. Л. 25.
- 149 Там же. Д. 110. Л. 3.
- 150 Там же. Л. 6.
- 151 Там же. Л. 9.
- 152 Там же. Л. 10.
- 153 Там же. Л. 12.
- 154 Там же.
- 155 Подробнее см.: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.
- 156 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 13.
- 157 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67–95.
- 158 Подробнее см.: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь)...
- 159 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 110. Л. 13.
- 160 Там же.
- 161 *Белявская И.М.* О работе кафедры западных и южных славян... С. 409.
- 162 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 135. Л. 6 об.
- 163 Там же. Д. 110. Л. 25–26.
- 164 Там же. Л. 36.
- 165 Там же. С. 16.
- 166 Там же. Л. 22.
- 167 Там же. Л. 23.
- 168 Там же. Л. 28–31.
- 169 Там же. Л. 43.
- 170 Там же. Л. 34.
- 171 Там же. Л. 34–35.
- 172 *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян... С. 195.
- 173 [*Никитин С.А.*] Пичета В.И. 9/21–X.1878 — 23.VI.1947 // Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ. М., 1948. Вып. 7. С. 3–7.

- 174 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 135. Л. 6 об.–7.
- 175 Там же. Л. 13. Доклад был с небольшими изменениями опубликован. См.: [Никитин С.А.] В.А. Пичета (Некролог) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1948. Т. 1(а). С. 7.
- 176 Там же.
- 177 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 167–175; *Она же.* С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 30–47.
- 178 См.: *Стишов М.* На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 154–158; *Поляков Ю.А.* Весна 1949 года // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 69–73; *Досталь М.Ю.* «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. ... С. 166–175; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева [Публикация Р.Г. Эймонтовой] // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–163 и др.
- 179 В Институте славяноведения // Славяне. 1948. № 11. С. 57–58; В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Хроника // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 151–154; А.В. Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24–28 марта 1949 года // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 152–155; *Поляков Ю.А.* Весна 1949 года... С. 69–70 и др.
- 180 *Досталь М.Ю.* «Борьба с космополитизмом»... С. 168.
- 181 Там же. С. 169.
- 182 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 36. Л. 221.
- 183 Там же. Л. 222.
- 184 Там же. Ф. 9. Оп. 8. Д. 160. Л. 3. (План научно-исследовательской работы кафедры на 1949 г.)
- 185 Авторами книги «История Чехии» являются В.И. Пичета (гл. 1. Дофеодалный период и гл. 2. Феодальная Чехия), Б.М. Руколь (гл. 3. Реформация в Чехии и гл. 4. Феодально-крепостническая Чехия) А.К. Целовальникова (гл. 5. Возникновение капитализма и национальное возрождение Чехии), И.И. Удальцов (гл. 6. 1848 год в Чехии и гл. 8. ЧСР), Н.Д. Ратнер (гл. 7. Чехия в 1860–1914 гг.), Г.Э. Санчук (гл. 2. § 7. Возрождение Чехии при Карле I; гл. 3. § 1. Феодализация Чехии)
- 186 Славянский сборник. Образование Сербского, Польского и Чешского государств. М., 1947.
- 187 Сборники получили положительную оценку в печати. См.: *Дитякин В.Т.* [Рец. на кн.:] Славянский сборник. М., 1947 // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 118–126; *Молок Ф., Глебов В.* Новые материалы из истории славянских взаимоотношений России // Вестник ЛГУ. 1949. № 3. С. 126–128. [Рец. на кн.: Славянский сборник. М., 1948] *Ефимов К.* Сборник статей, посвященный прошлому славянских народов (Славянский сборник. I. Образование Сербского, Польского и чешского государств; II. Исторические связи славян) // Славяне. 1948. № 9. С. 53.
- 188 Публикация оценивалась в двух рецензиях. В первой — в основном положительно, во второй — более критически. См.: *Ростов С.* Публикация писем ученых из славянских земель (Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948) // Славяне. 1948. № 8. С. 54–57; *Бернштейн С.А., Дитякин В.Т.* Рец. на кн.: Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 132–135.
- 189 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 304–319.
- 190 В Институте славяноведения... С. 57–58.
- 191 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 159. Л. 43.
- 192 Там же. Л. 30 об.
- 193 Там же. Л. 45.
- 194 Там же.
- 195 Там же. Л. 30.
- 196 Там же.
- 197 Там же. Л. 26 об.
- 198 Там же. Л. 45.
- 199 Там же. Л. 30 об.
- 200 Там же. С. 41.
- 201 Там же. С. 45 об.
- 202 Там же. Л. 29.
- 203 Там же. Л. 27.
- 204 Там же. Л. 26 об.

- 205 Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 36. Л. 38 об.
- 206 Там же. Оп. 8. Д. 159. Л. 28.
- 207 Там же. Л. 42.
- 208 Там же. Л. 42–42 об.
- 209 Там же. Л. 42 об.
- 210 Там же.
- 211 Там же. Л. 25 об.
- 212 Бернштейн С.Б., Дитякин В.Т. [Рец. на кн.:] Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 132–135.
- 213 Архив МГУ. Оп. 8. Д. 159. Л. 31 об.
- 214 Там же. Л. 43 об.
- 215 Там же. Л. 27 об.
- 216 Там же. Л. 43 об.
- 217 Вопросы истории. 1948. № 12. С. 51–56.
- 218 Архив МГУ. Оп. 8. Д. 159. Л. 30.
- 219 См.: Яцунский В. История братского народа («История Чехии» / Под ред. акад. В.И. Пичеты) // Славяне. 1948. № 2. С. 59; Никитин С.А., Миллер И.С. Рец. на кн.: История Чехии / Под ред. В.И. Пичеты // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 108–111.
- 220 Архив МГУ. Оп. 8. Д. 159. Л. 32.
- 221 Там же. Л. 36 об.
- 222 Там же. Л. 37 об.
- 223 Там же. Л. 38.
- 224 Там же. Л. 42 об.
- 225 Там же. Л. 38.
- 226 Там же. Л. 43.
- 227 Там же. Л. 45 об.
- 228 Там же.
- 229 Там же. Л. 46.
- 230 Там же. Л. 46 об.
- 231 Там же.
- 232 Там же.
- 233 Там же. Л. 47.
- 234 Там же.
- 235 Письма академика Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 511.
- 236 Там же.
- 237 Вайнштейн О.Л. Исторический факультет Ленинградского гос. университета в дни Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 104.
- 238 Аржакова Л.М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. СПб., 2004. С. 267.
- 239 Вайнштейн О.Л. Исторический факультет Ленинградского гос. университета в дни Отечественной войны... С. 104.
- 240 Там же.
- 241 Там же. С. 106.
- 242 Там же.
- 243 Аржакова Л.М. Кафедра истории славянских и балканских стран... С. 267.
- 244 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 135. Л. 5.
- 245 Там же. Л. 5–5 об.
- 246 Там же. Л. 5 об.
- 247 Подробнее см.: Аржакова Л.М. Кафедра истории славянских и балканских стран... С. 272–277.
- 248 См.: И.К. Советские историки в дни Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 148–150; Коган А. Куйбышевский государственный педагогический институт // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 108; Шкляева А. Работа исторических факультетов университетов и педагогических институтов в дни Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 12. С. 102–104; Горловский М. Работа кафедры истории СССР Свердловского государственного университета им. А.М. Горького в дни Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 106–107; Введенский А. Два года работы исторического факультета Объединенного украинского университета в условиях эвакуации // Исторический журнал. 1944. № 5–6. С. 95–96 и др.
- 249 Горяинов А.Н., Шостакович Б.С. Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К.А. Копержинский // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 156–170.
- 250 Подробнее см.: Билунов Б.Н. К истории славяноведения в Московском университете (1811–1835 гг.) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 3–33.

- 251 См.: *Липтева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; *Досталь М.Ю.* Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005 и др.
- 252 *Гудков В.П.* Кафедра славянской филологии МГУ: 60 лет педагогического и научного творчества // Исследования славянских языков и литератур в высшей школе: Достижения и перспективы. Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003 / Под ред. В.П. Гудкова, А.Г. Машковой, С.С. Скорвида. М., 2003. С. 11.
- 253 Подробнее см.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 254 В 1925 г. факультет общественных наук МГУ (бывший историко-филологический) был реорганизован. На его основе создали два факультета — этнологический и советского права. На этнологическом факультете учредили четыре отделения: историческое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств. Именно на этнографическом отделении по инициативе А.М. Селищева был организован Цикл южных и западных славян.
- 255 *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ (1927–1930) // 50 лет исторической славистики в Московском университете. М., 1989. С. 13, 20 и др.
- 256 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет... С. 83.
- 257 *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ... С. 21–22.
- 258 *Аванесов Р.И.* Мой первый родной дом в науке // Вестник Московского университета. Филология. 1979. № 6. С. 71.
- 259 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор академик РАН В.Н. Топоров. Составители М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов. М., 2002. С. 55–56.
- 260 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 83.
- 261 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 27.
- 262 *Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З.* Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 197.
- 263 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет... С. 83.
- 264 *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ... С. 14–15.
- 265 Там же. С. 15.
- 266 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 301.
- 267 *Черноуцан И.* В те 30-е годы. Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах // Литературная газета. 1989. 14 июня; *Соловьев Г.А.* Островок пылливой мысли (Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах) // Вопросы литературы. 1990. № 11–12. С. 283–309; *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. М., 1995; *Полжав Ю.А.* Путь познания истории // Отечественная история. 1996. № 6. С. 142.
- 268 Подробнее см.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 40–46.
- 269 ЦМА–МЛС (Центральный московский архив — Музей личных собраний). Ф. 2378. Оп. 1. Д. 35. Л. 38.
- 270 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет... С. 88.
- 271 *Бернштейн С.Б.* Становление славянского отделения на филологическом факультете Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова // Актуальные проблемы славянской филологии (Материалы научной конференции). М., 1993. С. 5.
- 272 По мнению В.М. Алпатова, А.М. Селищев ушел из МИФЛИ в МГПИ им. В.И. Ленина в связи с тем, что «администрация института (этого «оазиса свободомыслия!» — М., Д.) относилась к нему с недоверием». Для такого заключения дает основание письмо А.М. Селищева Д.Н. Ушакову от 11 августа 1939 г. Селищев, в частности, писал: «Прошу Вас, не пеняйте на меня. Ведь я оправдал Вашу рекомендацию. Студенты и аспиранты были удовлетворены моими занятиями. В общественном отношении я также безупречен. Но меня обессилила институтская атмосфера, в особенности после постановки вопроса о продолжении (о прекращении) моей работы в институте... Нет, не могу я работать в такой атмосфере». Этот эпизод наглядно показывает, что пределы

- «свободомыслия» и в МИФЛИ были жестко ограничены тоталитарной системой. См.: «Решаюсь представить в ЦК ВКП(б)...» Три письма члена-корреспондента АН СССР А.М. Селищева. Публикация Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова // Вестник Академии наук СССР. М., 1990. № 10. С. 119, 121–122.
- 273 ЦМА–МЛС. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 20. Л. 202. Приказ от отчисления А.М. Селищева из МИФЛИ № 141 от 11 сентября 1939 г. С.Б. Бернштейн был зачислен в должности профессора (по совместительству) на кафедру славяно-русского языкознания в МИФЛИ 1 сентября 1939 г. (Приказ № 165 от 8 октября 1939 г.) См.: ЦМА–МЛС. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 21. Л. 52.
- 274 Письма к С.Б. Бернштейну Д.Н. Ушакова, Г.О. Винокура, М.Н. Зозули хранятся в ЦМА–МЛС. Фонд С.Б. Бернштейна. Ксерокопии в архиве автора.
- 275 Венедиктов Г.К., Гудков В.П. Об авторе книги «Зигзаги памяти» // *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 4.
- 276 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 33.
- 277 ЦМА–МЛС. Ф. С.Б. Бернштейна. Письма С.Б. Бернштейну от Д.Н. Ушакова от 22 мая 1940 г. и Г.О. Винокура от 29 апреля 1941 г. См. также: Письма П.Г. Богатырева к Д.К. Зеленину // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 131.
- 278 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 33.
- 279 ЦМА–МЛС. Фонд С.Б. Бернштейна. Письмо Д.Н. Ушакова С.Б. Бернштейну от 28 июля и 6 августа 1940 г.
- 280 ЦМА–МЛС. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 30. Л. 205; Д. 32. Л. 99–100.
- 281 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // *Славяноведение*. 1998. № 4. С. 31–42.
- 282 ЦМА–МЛС. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 16.
- 283 Цит. по: *Досталь М.Ю.* П.Г. Богатырев в Чехословакии... С. 33.
- 284 ЦМА–МЛС. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 3 об.–6.
- 285 «Решаюсь представить в ЦК ВКП(б)...»... С. 122.
- 286 *Досталь М.Ю.* Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 2003–2005. М., 2006. С. 229–249.
- 287 Подробнее см.: *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 35.
- 288 Бюллетень ВКВШ при СНК РСФСР. 1943. № 5. С. 5.
- 289 *Бернштейн С.Б. Становление славянского отделения...* С. 6.
- 290 *Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение*. 1989. № 1. С. 77.
- 291 Там же.
- 292 Подробнее см.: *Горяинов А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение*. 1990. № 2. С. 78–89; *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (По материалам ОГПУ–НКВД) // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 68–82; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994 и др.
- 293 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 23. (Запись от 16 августа 1943 г.)
- 294 Архив С.Б. Бернштейна ныне хранится в Центральном московском архиве — Музее личных собраний (бывшем Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы) и пока не обработан. Здесь и далее автор опирается на ксерокопии документов архива, сделанные еще при жизни С.Б. Бернштейна. Особая ценность этого архива состоит в том, что в Архиве МГУ в фонде филологического факультета эти материалы отсутствуют.
- 295 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 24–25. (Запись от 22 августа 1943 г.)
- 296 Там же. С. 25.
- 297 Там же. С. 29. (Запись от 25 сентября 1943 г.)
- 298 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // *Славянский альманах* 1996. М., 1997. С. 113–114.
- 299 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 31. (Запись от 10 декабря 1943 г.)
- 300 *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»... С. 159–160.
- 301 См.: Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. ... Письмо от 16 июня 1941 г.
- 302 *Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти...* С. 33. (Запись от 27 декабря 1943 г.)

- 303 Там же. С. 53. (Запись от 1 сентября 1944 г.)
- 304 ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 174. Л. 23.
- 305 Там же. Д. 143. Л. 32.
- 306 Демидов К. Русская наука и мировая культура // Славяне. 1944. № 7. С. 27–29.
- 307 Державин Н.С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. М., 1946. Т. 3. Кн. 2. С. 3–25. (Ученые записки МГУ. Вып. 107.)
- 308 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 47. (Запись от 9 июня 1944 г.)
- 309 См.: Бернштейн С.Б., Луканов Т.С., Тинева Е.П. Болгарско-русский словарь. М., 1947.
- 310 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 112.
- 311 В 1951 г. в МГУ вышел первый выпуск сборника «Славянская филология», который, как и все последующие, можно рассматривать как фактические «Ученые записки» кафедры славянской филологии. За сообщение этого факта выражаю сердечную благодарность профессору МГУ В.П. Гудкову.
- 312 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 55. (Запись от 5 ноября 1944 г.)
- 313 Там же. С. 61. (Запись от 14 января 1945 г.)
- 314 Там же. С. 77. (Запись от 29 января 1946 г.)
- 315 Там же. (Запись от 18 февраля 1946 г.)
- 316 Бернштейн С.Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (Страницы воспоминаний) // Вестник МГУ. Серия Филология. 1973. № 1. С. 78–85.
- 317 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 76. (Запись от 8 января 1946 г.)
- 318 Там же. С. 77. (Запись от 21 февраля 1946 г.)
- 319 Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков (Введение. Фонетика). М., 1961; Он же. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. М., 1974.
- 320 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 79. (Запись от 5 мая 1946 г.)
- 321 Там же. С. 81. (Запись от 29 июня 1946 г.)
- 322 Там же. С. 82–83. (Запись от 15 сентября 1946 г.)
- 323 Там же. С. 78. (Запись от 2 апреля 1946 г.)
- 324 Там же. С. 79.
- 325 ЦМА–МЛС. Фонд С.Б. Бернштейна.
- 326 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 99–100. (Запись от 15 марта 1947 г.)
- 327 Там же. С. 54. (Запись от 1 сентября 1944 г.)
- 328 Там же. С. 69. (Запись от 17 апреля 1945 г.)
- 329 Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З. Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. Ч. 1. М., 2000. С. 200.
- 330 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 89–90. (Запись от 9 декабря 1946 г.)
- 331 Венедиктов Г.К., Гудков В.П. Об авторе книги «Зигзаги памяти» // Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 6.
- 332 Чешко Е.В. К истории создания «Атласа болгарских говоров СССР» (М., 1958) // *Dialectologia slavia*. Сборник к 85-летию С.Б. Бернштейна. М., 1995. С. 318.
- 333 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 71–72. (Запись от 5 июля 1945 г.)
- 334 Там же. С. 101. (Запись от 6 апреля 1947 г.)
- 335 Там же. С. 93. (Запись от 7 января 1947 г.)
- 336 Там же. С. 103. (Запись от 16 мая 1947 г.)
- 337 Там же. С. 106. (Запись от 25 июня 1947 г.)
- 338 Подробнее см.: А.И. Белич — почетный профессор Московского университета // Славяне. 1947. № 6. С. 60–61; Гудков В.П. Московский университет на рубеже столетий в свидетельской оценке Александра Белича // Вестник МГУ. № 5. С. 190–196.
- 339 Бернштейн С.Б. О подготовке славистов-филологов в Московском университете // Доклады и сообщения филологического факультета (МГУ). М., 1948. Вып. 6. С. 76–78.
- 340 Там же. С. 76.
- 341 Там же. С. 76–77.
- 342 Там же. С. 77.
- 343 Там же.
- 344 Там же.
- 345 Тихонов В. [Дитякин В.Т.] Всесоюзное совещание кафедр славянской филологии // Славяне. М., 1948. № 6. С. 61.
- 346 Бернштейн С.Б. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 90.
- 347 Тихонов В. [Дитякин В.Т.] Всесоюзное совещание... С. 62.
- 348 ЦМА–МЛС. Ф. 43. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.
- 349 Там же. Л. 2.
- 350 Там же.

- 351 Подробнее см.: *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Проблема научной этики в воспоминаниях С.Б. Бернштейна в 1930–1950-х гг. // *Славянский альманах* 2000. М., 2001. С. 349–358.
- 352 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 61.
- 353 *Андреев В.Д., Лутовинова И.С.* Историческая справка. 1. Фрагменты истории факультета (1724–1999) // *Филологический факультет Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2002. С. 13, 14. Сведения о реорганизации ЛГУ в ЛИФЛИ и существовании там кафедры русского и славянских языков под руководством Н.С. Державина, приведенные в книге Е.П. Аксеновой «Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы» (М., 2002. С. 42), нуждаются в уточнении.
- 354 Н.С. Державин писал в 1941 г.: «Имевшая [место] в это же время попытка директора ЛИФЛИ Смирнова ликвидировать университетский славянский кабинет, представляющий собой исключительно ценное книжное собрание учебных собраний и пособий для специальных студенческих занятий по славяноведению, была во время парализована» (ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 134. Л. 8).
- 355 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет... С. 85.
- 356 *Мещерский Н.А., Дмитриев П.А.* Русское и славянское языкознание в Петербургском–Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969) // *Филологический факультет Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2002. С. 48.
- 357 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет... С. 85.
- 358 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 130. Л. 3.
- 359 Там же. Л. 4.
- 360 Там же. Л. 6.
- 361 Там же. Л. 9.
- 362 *Мещерский Н.А., Дмитриев П.А.* Русское и славянское языкознание в Петербургском–Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969) // *Вестник ЛГУ*. 1969. № 2. Вып. 1. История языка и литературы. С. 85.
- 363 *Personalia* // *Филологический факультет Санкт-Петербургского университета*... С. 483.
- 364 Там же. С. 442. См. также: Книга памяти Ленинградского–Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1.
- 365 Подробнее см.: *Сафронов Г.И.* О научной деятельности В.Г. Чернобаева // *Славянская филология*. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 152–156; *Порочкина И.М.* У истоков советской славистики. Виктор Григорьевич Чернобаев // *Вестник ЛГУ*. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1988. Вып. 3. С. 34–38.
- 366 Кафедра славянской филологии в 1945–1946 acad. году // *Научный бюллетень Ленинградского университета*. Л., 1946. № 11–12. С. 90; *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А.* Константин Алексеевич Пушкиревич // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 94.
- 367 *Ивашин И.Ф.* Рец. на кн.: *Пушкаревич К.А.* Чехи. М.; Л., 1942 // *Исторический журнал*. 1943. № 2. С. 98–99. Подробнее см.: *Бучанов И.И.* Советская историография гуситского движения в 20–40-х гг. XX в. // *Проблемы славяноведения*. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2004. Вып. 6. С. 171–172.
- 368 О трудных буднях филфака ЛГУ в условиях блокады и эвакуации подробнее см.: *Редина А.* Суровые и светлые годы филфака... // *Аврора*. Л., 1978. С. 43–47.
- 369 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 134. Л. 18.
- 370 Там же. Л. 20.
- 371 Там же. Л. 22.
- 372 Там же.
- 373 *Аксенова Е.П.* «Изгнанное из стен Академии» (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // *Советское славяноведение*. 1990. № 5. С. 69–81.
- 374 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 134. Л. 25. См. также: *Вельмезова Е.В.* Славяне и славянские языки в «новом учении о языке» Н.Я. Марра // *Славяноведение в России в XIX–XXI веках*. М., 2007. С. 178–188.
- 375 Там же. Л. 26.
- 376 *Бернштейн С.Б.* Становление славянского отделения... С. 6.
- 377 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 134. Л. 28.
- 378 Там же.
- 379 Там же. Л. 29.
- 380 *Логачев К.И.* Славистика в Петроградском–Ленинградском университете в годы советской власти // *Славянская филология*. К X

- Международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 70.
- 381 Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкиревич... С. 95.
- 382 Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. М., 1943. № 4. С. 5.
- 383 Подробнее см.: Горяинов А.Н., Шостакович Б.С. Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К.А. Копержинский // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 156–170.
- 384 Волошина Г.К., Мацюсевич Я.В. С.С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы // Там же. С. 170–181.
- 385 Горяинов А.Н. Из новых материалов о ленинградских славистах // Из истории университетского славяноведения в СССР. Славяноведение в МГУ. Вып. 2. М., 1983. С. 166–171.
- 386 Там же. С. 175.
- 387 Мещерский Н.А., Дмитриев П.А. Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет... С. 89.
- 388 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 135. Л. 6.
- 389 Кафедра славянской филологии в 1945–1946 acad. году... С. 89–90.
- 390 Там же. С. 90.
- 391 Там же. С. 91.
- 392 Там же.
- 393 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 135. Л. 7.
- 394 Personalia // Филологический факультет Санкт-Петербургского университета... С. 413.
- 395 Славяноведческий студенческий кружок // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 91.
- 396 Памяти проф. Л.П. Якубинского // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 91.
- 397 Научная жизнь Филологического факультета // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 9. С. 43.
- 398 Научная сессия по славяноведению // Научный бюллетень ЛГУ. 1947. № 14–15. С. 75.
- 399 Научная сессия по славяноведению // Вестник Ленинградского университета. 1946. № 2. С. 132.
- 400 Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Первая послевоенная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 94.
- 401 Научная сессия по славяноведению // Вестник Ленинградского университета. 1946. № 2. С. 136.
- 402 Венедиктов Г.К. Несколько слов воспоминаний о двух коллегах-славистах // Профессора-слависты П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников. СПб., 2006. С. 81.
- 403 Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. М., 1963. С. 55, 67; Досталь М.Ю. К истории создания кафедры славистики в Киевском университете св. Владимира // Славистика в университетах России: Сборник научных трудов. Тверь, 1993. С. 9–25; Она же. Украинская славистика в канун и в годы Великой Отечественной войны // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 347–354 и др.
- 404 Горяинов А.Н., Шостакович Б.С. Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К.А. Копержинский // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 156–170.

ГЛАВА IV

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

СЕКТОР СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

До Октябрьской революции в Российской империи не существовало специальных институтов гуманитарного профиля в рамках Императорской академии наук. Славистическая проблематика успешно разрабатывалась в основном в Отделении русского языка и словесности (далее ОРЯС)¹ и, как уже указывалось, в университетах. При ОРЯС после 1917 г. продолжали некоторое время работать разнообразные комиссии, в том числе по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции, византологическая, славянская и др., члены которых в той или иной степени занимались славистическими вопросами, пытаясь приспособиться к новым условиям². Но решительная «советизация» Академии наук, всеми силами борющейся за сохранение своей автономности³, привела, в конце концов, к ликвидации всех славистических центров. Если их закрытие для новых властей больших усилий не составляло, то для «выкорчевывания» немарксистских кадров славистов необходимо было более длительное время. Ученых принуждали к добровольному принятию марксизма или того, что им объявлялось в вульгаризованном варианте (в виде «покровщины», «переверзевщины», марризма и пр.) «проработками», травлей в печати и пр.⁴. После «усмирения» Академии наук в 1929 г., в год «великого перелома», путем введения (под видом «выборов») в ее состав «коммунистических» членов, определился курс на изоляцию и искоренение славистических кадров путем арестов, ссылок, расстрелов. Было начато и т. н. «дело славистов»⁵.

Внедрение марксистской методологии в славистические дисциплины разного профиля — процесс разновременный. «Синхронизировать» его взялся академик Н.С. Державин, благодаря усилиям которого в начале 30-х гг. на короткий период впервые удалось создать *комплексный* Институт славяноведения АН СССР в Ленинграде, объявивший о переходе славяноведения на рельсы марксизма-ленинизма. Но то ли рельсы оказались ненадежными, то ли развернувшийся маховик репрессий ненароком подавил все слабые ростки новой науки (по известному сталинскому принципу: «лес рубят — щепки летят»), но к середине 1930-х гг. славяноведение как наука в СССР фактически перестала существовать. И вместе с этим погасли надежды на его реанимацию в рамках самостоятельного академического института. Но оставались другие варианты, так как строительство новой «советской» Академии наук предполагало основание многих других институтов гуманитарного профиля.

В 1939 г., как мы указывали, начался новый период в истории отечественного славяноведения — его постепенное возрождение. Этому способствовал ряд объективных и субъективных факторов, внешнеполитическая ситуация, изменения в идеологии (см. главу II). Более готовой к этому оказалась историческая славистика. Со второй половины 30-х гг. в связи с угрозой новой мировой войны, с оккупацией фашистской Германией и ее сателлитами славянских стран ощущается поворот в сталинской идеологии от жестко классовой доктрины пролетарского интернационализма к патриотизму имперского типа, поворот советского руководства «лицом» к славянским проблемам, осознание необходимости их надлежащего освещения. Этому направлению больше не отве-

чала «школа М.Н. Покровского», жарко разоблачавшая внутри- и внешнеполитические «аферы» царизма и реакционный панславизм⁶. В 1939 г. начался разгром этой школы⁷, способствующий некоторому очищению марксистской исторической науки от вулгаризаторства и догматизма (утверждались, правда, другие стереотипы). К этому времени были восстановлены исторические факультеты в университетах (1934) и, что очень важно, создан Институт истории АН СССР (1936). Таким образом, сложились благоприятные предпосылки к принятию решения об организации славистических центров.

Однако ничто не дается без борьбы. Многократные обращения академика Н.С. Державина к руководству страны с обоснованием необходимости возрождения славяноведения в целом⁸, включая скомпрометированную в глазах общественности славянскую филологию, ожидаемых результатов не дали, но показали политическую важность задачи (см. главу II). Обращение к партийному руководству академика Б.Д. Грекова, членов-корреспондентов А.Д. Удальцова и В.И. Пичеты попали на подготовленную Державиным почву. Было принято дальновидное решение об организации Сектора славяноведения в Институте истории АН СССР и одновременно для обеспечения его кадрами — о создании кафедры истории южных и западных славян в МГУ.

Как нам удалось установить, Сектор славяноведения в Институте истории АН СССР официально начал свою работу на исходе зимы 1939 г. Президиум АН СССР принял решение о его создании 25 февраля⁹. Сами «отцы-основатели» Сектора никогда точную дату не называли, ограничиваясь указанием года. О намерении учредить данный Сектор первый раз в известных нам источниках упоминалось в протоколе закрытого партсобрании Института от 3 января 1939 г. в выступлениях медиависта А.Д. Удальцова и византиниста Н.С. Лебедева. Последний, в частности, сказал: «Много труда затрачено, чтобы ликвидировать последствия т. н. „вредительства“. Следует выполнить поставленные задачи по созданию центра по изучению славянства и Византии на марксистско-ленинских основах»¹⁰. Не случайно возрождение славяноведения связывалось с ликвидацией «вредительства» в исторической науке, якобы «учиненного» школой М.Н. Покровского. Только так представлялось тогда возможным возрождение этой науки. 4 апреля 1939 г. в газете «Известия» (№ 79) была напечатана статья «Сектор славяноведения в Институте истории», где в интервью с директором Института Б.Д. Грековым о создании Сектора говорилось как о свершившемся факте. На партсобрании 21 апреля 1939 г. указывалось на необходимость предоставления новому Сектору двух-трех комнат в Институте. «Потесниться» должен был ранее подвергавшийся критике философ, академик А.М. Деборин¹¹.

Созданию Сектора предшествовала, как уже указывалось, длительная борьба. В Институте истории дело усугублялось тем, что как раз в апреле 1939 г. многие коммунисты этого учреждения выступали за то, чтобы его директором был назначен авторитетный партиец, неутомимый борец с религией, академик Е.М. Ярославский (М.И. Губельман), а не временно исполняющий обязанности директора, крупный исследователь истории русского средневековья, академик Б.Д. Греков, покровительствовавший планам славистов, ученым «старой школы» и развитию ленинградского филиала Института. В связи с этим «уклоном» административная деятельность Грекова подвергалась резкой критике¹². Не трудно догадаться, как сказалось бы на реализации славистических планов назначение нового директора. Но гроза, нависшая над Грековым, миновала. Высшие партийные и академические инстанции не поддержали требования местных партийцев, отдав предпочтение историку-профессионалу высокого класса.

Нам пока не удалось найти «учредительных» документов по организации Сектора славяноведения. Безрезультатными оказались поиски в Архиве РАН, архиве бывшего Института истории. А в РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ) и в бывшем московском партархиве (ЦГАОДМ, ныне ЦАОПИМ) многие нужные фонды еще закрыты для исследователей. Одним из таких документов, по всей видимости, можно считать упомянутую ранее докладную записку о развитии славяноведения в СССР, составленную директором Института истории АН СССР, академиком Б.Д. Грековым и членом-корреспондентом А.Д. Удальцовым из личного архива А.К. Целовальниковой. О ней мы упоминали ранее. По всей видимости, она была направлена в директивные органы (ЦК ВКП(б) и Президиум АН СССР). В ней указывалось на «целесообразность и необходимость» развивать славяноведение именно в СССР, «в центре развития единственно научной исторической мысли, своей политикой привлекающей симпатии всех прогрессивных слоев славянских стран». Записку дополняло «Приложение» под названием «Задачи советского славяноведения», в котором определялись тематические направления исследований: изучение межславянских связей, национально-освободительного движения, развития капитализма, рабочего движения и революционной борьбы, борьбы с немецкой агрессией, внешнеполитических вопросов, которые, как указывали авторы, не разрабатывались в «буржуазной» историографии¹³. В интервью Б.Д. Грекова газете «Известия» от 4 апреля 1939 г. указывалось, что в задачу Сектора «входит изучение славянства и его роли в мировой истории. До сих пор проблемы, связанные с ролью славян в историческом процессе, недооценивались. Тематика охватит вопросы борьбы славян с германской агрессией в XIII и XV веках, историю гуситских войн, историю Болгарии и т.д. Часть работ уже в этом году будет подготовлена к печати»¹⁴.

Таким образом, в плане работ Сектора «уживались» традиционные «дореволюционные» темы исследований историков-славистов в области межславянских отношений в сочетании с «вечным» вопросом о роли славян в истории, поставленным и решаемым еще во времена славянского Возрождения в XIX веке, а также актуальная антифашистская проблематика и новые направления марксистской историографии (с приоритетом классового и формационного подхода). Как видно, об утверждении «чистого» марксизма (второго из указанных направлений) в тематике славяноведения, в интерпретации Б.Д. Грекова и А.Д. Удальцова, речь пока не шла. Напротив, лидеры этой науки справедливо полагали, что веяниям предвоенного времени наиболее соответствует оптимальное сочетание традиционных, патриотических тем, потенциально направленных на разоблачение немецкой агрессии (несколько заглушенное после заключения советско-германского пакта о ненападении), с постепенной наработкой материала, раскрывающего чем дальше, тем больше марксистское видение истории славян в целом.

К сожалению, каких-либо других подробностей об этой записке не имеется. Но и они показывают, в каком направлении представлялось развитие советского славяноведения. Первое боевое «крещение» нового Сектора состоялось уже 26–27 апреля 1939 г. на собрании Отделения истории и философии. Вышедшие из научного «подполья» слависты для утверждения позиций своей науки в структуре академических гуманитарных дисциплин предложили коллегам темы по древней истории славян, связанные с актуальной и дискуссионной тогда проблемой этногенеза (см. главу V). Н.С. Державин прочел доклад «Проблема происхождения южных славян», Б.А. Рыбаков — «Анты и Киевская Русь», П.Н. Третьяков — «Восточно-славянские племена».

Более подробную информацию о первоначальном видении перспективы работы Сектора можно найти в заметке В.И. Пичеты «Изучение истории славянства», опубликованной в газете «Известия» 21 апреля 1939 г. (№ 93). Она свидетельствует о том, что в Секторе в целях самоутверждения серьезно размышляли о марксистском «переосмыслении» славяноведения. В.И. Пичета стремился доказать, что создание Сектора «полностью отвечает требованиям советской науки», подчеркивал необходимость изучать историю славян в тесной связи с историей России. Он не упустил возможности также упомянуть об отрицательном отношении идейно «разоблаченного» М.Н. Покровского к славяноведению, объявив его инициатором ликвидации Византийской комиссии при Академии наук. В заключение В.И. Пичета заметил: «Исходя из основ марксистско-ленинской методологии, мы должны дать историю славянства на фоне общеевропейской истории в современном научном освещении. Сектор славяноведения разрабатывает программы для составления отдельных историй всех славянских народов. Их целями являются: изучение происхождения этих народов, в частности, происхождение южных славян, а также его роль в уничтожении рабовладельческого строя в Византийской империи. Мы хотим выяснить и пересмотреть историю политики царизма в отношении всех славянских народов. Сектор сосредоточит свое внимание на изучении революционного движения славянских народов, совершенно замалчиваемого буржуазной историографией. Большое внимание будет отведено гуситским войнам — важнейшему моменту в истории возрождения чешского народа»¹⁵. Пичета упомянул также о том, что в распоряжение Сектора будут переданы свыше 100 томов из библиотеки бывшей Славянской комиссии, находящиеся в Ленинграде, а также о том, что Сектор намерен выпустить сборник научных трудов советских ученых, занимающихся изучением славянства.

Г.Э. Санчук (бывший аспирант и сотрудник Сектора) выделил в его работе три главных периода: 1939—октябрь 1941 г. (формирование штата научных сотрудников, разработка первого перспективного плана), 1941—июнь 1943 г. (работа в условиях эвакуации) и 1943—январь 1947 г. (написание монографических исследований по истории Польши, Чехии, коллективных очерков по истории этих государств и истории борьбы славянских народов против германской агрессии и пр.)¹⁶. Соглашаясь в целом с такой периодизацией, считаем, что следует выделить, однако, еще один период: май 1945 — сентябрь 1946 г., ибо окончание войны внесло свои коррективы в направление исследований. А с сентября 1946 г. началось формирование кадров и структур нового Института славяноведения АН СССР.

Первый период работы Сектора славяноведения кратко рассмотрен в монографии Е.П. Аксеновой¹⁷. Потому подведем некоторые его итоги, внеся свои дополнения и коррективы, и сосредоточим свое внимание на последующих этапах.

Первым делом руководства Сектора стало формирование его кадрового состава. Его заведующим утвердили члена-корреспондента АН СССР В.И. Пичету. Он был тогда одним из ведущих в СССР специалистов по истории славян, преимущественно восточных и западных. В 1930-е гг. он пережил тяготы ссылки¹⁸. В состав Сектора вошел специалист по истории Сербии, академик Ю.В. Готье, старшие научные сотрудники: болгарский политэмигрант Х.С. Кабакчиев, специалист по истории Смутного времени в России А.А. Савич, чешский профессор З.Р. Неедлы, а также младший научный сотрудник Е.И. Кондрашова. В ленинградской группе Сектора, приказ о создании которой под руководством болгариста, академика Н.С. Державина, последовал 27 апреля 1940 г.¹⁹, начали свою работу полонисты, старшие научные сотрудники М.В. Джервис-Бродский, У.А. Шустер, младший научный сотрудник Л.В. Разумовская. Среди членов Сектора преобладали ученые старшего по-

коления, многим из которых перевалило за шестьдесят. Нехватка необходимых молодых кадров долгое время являлась узким местом в работе Сектора. Об этом ставился вопрос даже на партсобрании Института истории 15 мая 1939 г.²⁰ Не все благополучно было и с распределением специалистов по странам и периодам изучения. В Ленинграде, например, явно ощущался польский «флюс».

Борьба представителей старшего и младшего поколений за степень овладения марксистско-ленинской методологией, обуревавшая парторганизацию Института истории и больно задевавшая представителей «старой школы», видимо, обошла новый Сектор стороной. И все благодаря непререкаемому авторитету В.И. Пичеты, еще до создания этого подразделения организовавшего специальный кружок по изучению политических и научных проблем, с охотой посещаемый специалистами разного уровня²¹. На партсобраниях этот кружок ставился в пример, а участие в нем служило индульгенцией от разборок для историков старшего поколения.

23 июня 1939 г. состоялось заседание Ученого совета Института истории, на котором был заслушан доклад профессора В.И. Пичеты «О плане работы сектора истории славяноведения» (название Сектора тогда еще не устоялось) на 1939 и 1940 г. Он примечателен тем, что вводит нас в «производственную кухню» начальной работы Сектора, начавшейся с обсуждения программ намечаемых трудов по истории отдельных славянских стран. За два первых месяца была подготовлена и обсуждена программа «по истории Болгарии с начала XIX века до наших дней». Предполагалось, что разработку истории Болгарии до XVIII в. возьмет на себя академик Н.С. Державин, а более позднего времени — профессор Х.С. Кабакчиев. Профессор З.Р. Неедлы успел подготовить программу изучения истории Чехии на чешском языке, которая была переведена на русский язык, и ее в ближайшую неделю планировалось обсудить на заседании Сектора. «Такому авторитетному автору», как З. Неедлы, поручалась разработка истории Чехии в полном объеме. Программу по истории Польши при согласовании с ленинградской группой (где полонисты преобладали) намечалось начать с конца XVIII в. с охватом всего XIX века. «Вопрос о более древнем периоде истории Польши, — указал Пичета, — оставим до другого раза, ввиду того, что у нас нет под руками сейчас литературы», которая вышла в Польше в последнее время. «По истории Польши XIX века, — продолжал он, — там материалов вышло не очень много, и ничего сокрушительного нет, и потому дать историю Польши XIX и XX вв. мы можем»²². Намечалось также составить программу по истории Сербии и поручить ее «такому опытному знатоку по истории славянства», каким является академик Ю.В. Готье.

В ближайшие планы Сектора входила также подготовка сборника по истории славянства, чтобы «как-нибудь заявить изданием этого сборника о своем существовании». В сборник должны были войти статьи сотрудников Сектора (его московской и ленинградской групп) по древнейшей истории славян и их законодательных памятниках, истории Болгарии, Чехии, Польши.

Распределение тематики между членами Сектора, учитывая их научные интересы, Пичета представлял себе в то время следующим образом. Академик Готье будет разрабатывать историю Сербии до конца XIV века, профессор Неедлы — историю Чехии и Словакии в полном объеме, академик Державин — историю Болгарии до конца XVIII века, профессор Кабакчиев — XIX–XX вв. Пичета будет заниматься изучением польского восстания 1830–1831 гг., Шустер — польским восстанием 1863–1864 гг., Кондрашова напишет о крестьянской реформе в Польше 1864 г., Савич — о польско-

литовской интервенции в Россию в начале XVII в., Разумовская — о немецкой колонизации Польши в XIII–XVI вв.²³.

Исследовательские планы В.И. Пичеты и сейчас поражают глобальностью и универсальностью. Он предполагал силами небольшой группы специалистов, многие из которых не имели опыта регулярной работы в области славяноведения и потому не накопили достаточных исследовательских материалов, разработать практически весь пласт истории западных и южных славян со времен Средневековья до современности, при этом переосмыслив ее с марксистских позиций. (Вероятно, Пичета полагался при разработке такого плана на научный потенциал прежде всего маститых ученых.) И все же выполнение поставленных задач стало под силу только большому коллективу исследователей целого академического института на протяжении нескольких десятилетий. Понятно, что план такого масштаба был утопичен и по объективно-субъективным причинам не мог быть тогда реализован. Но он отражал исследовательские «аппетиты» и энтузиазм сотрудников Сектора и, прежде всего, его руководителя.

Трудновыполнимость грандиозных планов обнаружилась с самого начала работы Сектора. Прежде всего, не была сформирована источниковая — библиотечная и архивная — база для проводимых исследований. Сотрудники Сектора остро ощущали отсутствие необходимой литературы, не только марксистской, которую еще предстояло создать, но и «буржуазной». Кроме того, как сотрудники Института истории, многие члены Сектора участвовали в начатых многотомных изданиях Института по всемирной истории, истории СССР и пр.²⁴. Много сил отнимало преподавание на кафедре южных и западных славян, выступление с разнообразными лекциями и докладами перед широкой аудиторией. Но все это было необходимо для возрождения и утверждения славяноведения в стране в качестве полноценной научной дисциплины и его «реабилитации» в глазах общественного мнения.

О работе ленинградской группы Сектора известно мало. В.И. Пичета не раз пытался согласовать работу двух частей Сектора с Н.С. Державиным, но это не всегда удавалось из-за научных и организационных амбиций последнего. Из сохранившихся разрозненных материалов о работе группы за 1940 год следует, что здесь также практиковалось обсуждение докладов на заседаниях, причем их темы позднее повторялись в работе возрожденной Славянской комиссии во главе с Н.С. Державиным²⁵ (см. далее).

Как показано в монографии Аксеновой, Сектор стремился выполнить и кое в чем перевыполнил намеченные планы. Некоторые работы были вставлены в план редподготовки на 1940 г. Запланированному сборнику и многим трудам («История Польши», «История Чехии», «История Болгарии» и др.) помешала завершению начавшаяся война. Некоторые подготовленные статьи были опубликованы в других изданиях. Часто заслушивались научные доклады²⁶, вышли из печати некоторые работы отдельных сотрудников²⁷, среди которых следует отметить серию статей и брошюр В.И. Пичеты по истории Западной Украины и Белоруссии, включенных в конце 1939 г. в состав СССР²⁸, и пр.

Таким образом, если бы не война, то Сектор славяноведения мог постепенно, накапливая силы, реализовать хотя бы частично то, что осуществили советские слависты позже, в 1950-е гг., а именно, написание трудов по истории славянских народов, на что он был нацелен с самого начала. При этом в то время упор делался на маститых ученых, которые индивидуально могли поднимать и решать большие проблемы (общирные труды по истории Польши, Болгарии, Чехии готовили в годы войны Пичета, Державин, Неудлы). Время создания коллективных трудов еще не пришло.

* * *

Большая Отечественная война во многом изменила тематику и условия работы советских ученых. 23 июня 1941 г. состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР. Среди многих выступавших только академик А.М. Деборин сформулировал задачи гуманитарных наук. «Очевидно, по гуманитарной линии необходимо развить работу в двух направлениях. С одной стороны, в направлении разоблачения фашизма, начиная с разоблачения главарей и кончая разоблачением всего кровавого режима, который они установили в поработанных странах. Наши обращения с такими листовками или небольшими брошюрами к нашему народу и к поработанным фашизмом народам Франции, Юго-Славии, Польши и т. д., несомненно, будут иметь огромное агитационное значение. Мне кажется, что гуманитарные институты должны совершенно перестроиться именно в смысле создания такой агитационной литературы, создания специальной организации, которая занималась бы такими вопросами. Затем необходимо поднять на щит героев гражданской войны. Необходимо по линии истории [осветить] борьбу русского народа с германской агрессией на протяжении всей истории соседнего существования, начиная с Ледового побоища и кончая последним нападением, дать специальную популярную работу, которая бы освещала роль агрессора. Теперь ясно для всех, не только для нашей страны, [что необходимо] объединение и сплочение вокруг нашей коммунистической партии и вокруг нашего вождя тов. Сталина, но ясно для всех трудящихся и интеллигенции всего мира, что именно на рубеже нашего Союза решаются судьбы цивилизации, решаются судьбы культуры, и что только Советский Союз несет освобождение поработанным фашизмом народам»²⁹.

Слависты Института приняли активное участие во Всеславянском радиомитинге в августе 1941 г., который положил начало организации Всеславянского комитета (ВСК). На него были возложены широкие задачи агитации и пропаганды идеи славянской солидарности как необходимой составляющей общего антифашистского движения³⁰. В дальнейшем они охотно печатали свои статьи на страницах журнала ВСК «Славяне», выходившего с середины 1942 г. (см. главу II).

23 сентября 1941 г. состоялась научная сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная истории борьбы славянских народов против германской агрессии и вопросам общности культуры славян под председательством члена-корреспондента А.Д. Удальцова. С докладами выступили В.И. Пичета («Вековая борьба славянских народов с германизацией»), З.Р. Неуды («Общность исторического развития славянских народов»), Д.С. Густинич («Югославия и гитлеровская Германия»), Б.А. Рыбаков («Влияние русской культуры X–XIII вв. на другие славянские народы»), М.Н. Тихомиров («Культурные связи русского народа с южными славянами в XIV–XVI вв.»). Уже темы докладов свидетельствовали об общей антифашистской идеологической направленности выступлений. Следует отметить, что они во многом определили дальнейшую тональность, подход и установки советских славистов к освещению славистической проблематики в период Великой Отечественной войны.

Цели научной пропаганды были определены во вступительном слове А.Д. Удальцова. Во-первых, как и А.М. Деборин, он отметил, что советская историческая наука должна разоблачать «фашистскую фальсификацию истории человечества, которую проводит гитлеровская банда лакеев для тщетного оправдания попыток завоевания мира». Для этого она «развертывает перед нами картину славных дел нашего великого русского народа и др. народов и показывает нам, как свободолюбивые народы боролись за свою не-

зависимость». При этом подчеркивалось, что славянские народы вели «вековую борьбу» (выделено нами. — М.Д.) против немецкой агрессии и «в этой борьбе отдельные славянские народы теснее сплачивались и устанавливали взаимные между собой культурные связи»³¹. Во-вторых, предлагалось разоблачить другой лозунг фашистской пропаганды, вытекающий из идеологического кредо фашистов, выраженного в книге «Mein Kampf» А. Гитлера, что «немцы — раса господ, а славяне это только масса рабов», и «нужно, чтобы иерархия господ поработила массу рабов». Для этого следовало показать, «какой отпор давали всегда славяне этой агрессии... что славянские народы не были рабами и не будут рабами»³². В-третьих, необходимо опровергнуть утверждение фашистов: «Есть одна немецкая культура... Признать за чехами или другими славянскими лакеями право на культуру, значит признать расовый хаос». «Мы покажем в своих докладах, — продолжал А.Д. Удальцов, — что славяне имели свою высокую культуру, что славянские народы внесли ценный вклад в историю человечества». Таким образом, история славян признавалась важным и наиболее показательным объектом антифашистской пропаганды.

Эту линию начал активно разрабатывать академик Н.С. Державин. Выступая на названной научной сессии, он с пафосом рассказал о вкладе в сокровищницу мировой культуры всех славянских народов, назвав их культурных гениев. Заключил он свою речь следующими образно-агитационными словами: «Но что общего с этим культурным человечеством имеют взбесившиеся животные, именуемые фашистами? Они — враги культуры и враги человечества. Они, как примитивные варвары, стремятся уничтожить и плоды культуры и ее творцов, потому что людоеду-палачу и садисту нужна прежде всего человеческая кровь». И далее: «Но близок день, когда объединенными силами всего передового человечества, в том числе и всех славянских народов, кровавый фашизм будет стерт с лица земли. Героическая Красная Армия нанесет ему сокрушительный, смертельный удар. Освобожденные от фашистского кошмара, от коричневой чумы народы мира радостно вздохнут и вернуться к своему свободному мирному труду, к своему культурному творчеству — во имя интересов своей национальной жизни, во имя общего прогресса всего человечества»³³. Доклад сопровождался бурными аплодисментами.

Советские слависты чутко отреагировали на социальный заказ общества. Но выполнение его было связано теперь с большими трудностями. В октябре 1941 г., когда германские войска подступали к Москве, началась эвакуация многих учреждений и промышленных предприятий. Для Института истории АН СССР местом эвакуации определили Ташкент. Туда последовали некоторые члены московской группы Сектора вместе с В.И. Пичетой. Н.С. Державин вместе с Президиумом Академии наук, членом которого он являлся, оказался в Свердловске. Политэмигранты, включившиеся в работу Сектора, напротив, остались в Москве. З.Р. Неудлы лишь на короткое время по делам агитпропа уезжал в Куйбышев³⁴. Судьба ленинградской группы сложилась более трагически. М.В. Джервис умер в блокаду от голода. У.А. Шустер ушел на фронт. Л.В. Разумовская сумела с большими трудностями добраться до Ташкента. О судьбе Е.И. Кондрашовой нам ничего неизвестно. Ученым приходилось работать на новом месте в трудных бытовых условиях, ютиться в съемных квартирах или общежитиях, полуголодными, получая скудные пайки, при отсутствии собственных и публичных библиотек, не говоря уже об архивах.

Тем более нельзя не удивляться результатам проделанной сотрудниками Сектора работы. Об этом периоде его существования мы располагаем лишь одним документом — отчетом В.И. Пичеты, опубликованным в «Историческом журнале» (1942. № 11).

Думается, даже его составление потребовало от ученого немалых усилий, так как он попытался объединить отчеты находящихся в разных местах сотрудников и представить работу Сектора как единого коллектива.

Прежде всего, обращает внимание тот факт, что состав Сектора заметно расширился. В его работу включились политэмигранты, работавшие в Институте истории, — болгарин Р.К. Караколов, хорват Д.С. Густинчич, македонец Д.И. Влахов, серб Н.П. Франич, а также византинисты Б.Т. Горянов, Н.С. Лебедев, специалисты по истории отдельных славянских стран: Сербии — С.К. Богоявленский, Польши и внешней политики России в XIX — начале XX в. — А.Л. Попов, Чехии — А.К. Целовальникова, а также Молдавии — Н.А. Нарцов. В работе сектора продолжали принимать участие Б.Д. Греков, З.Р. Неедлы, Н.С. Державин. Вероятно, не все указанные ученые действительно входили в состав Сектора, но так или иначе сотрудничали с ним.

Прежде всего, Пичета стремился выделить приоритетные направления работы его сотрудников. Было подчеркнуто, что «ведя борьбу с фашистскими извращениями истории славян». Сектор подготовил к печати сборник статей по проблеме образования славянских государств. О формировании русского государства особый очерк написал академик Б.Д. Греков, который «уже много лет вел борьбу против норманизма, господствовавшего в русской буржуазной историографии». Об образовании чешского государства писал профессор З.Р. Неедлы, болгарского — академик Н.С. Державин, сербского и польского — академик Ю.В. Готье³⁵. Все очерки, как мы видим, подготовили маститые ученые, немногие оставшиеся в СССР знатоки истории славянства. В них с особой силой подчеркивалось, что славяне были способны *самостоятельно*, без внешней помощи (как утверждали норманисты) создавать свои государства. Другой особенностью советской исторической славистики стало утверждение о феодальном и классовом характере возникающих государств и о том, что в своем историческом развитии славянские народы миновали рабовладение как социально-экономическую формацию³⁶.

Другим направлением работы Сектора продолжала оставаться разработка общих вопросов истории отдельных славянских народов. Поэтому, «стремясь познакомить советскую общественность с основными моментами истории южных и западных славян», сотрудники Сектора готовили к печати ряд исторических очерков под общей редакцией З.Р. Неедлы и В.И. Пичеты. Это являлось продолжением работы над не реализованными до войны темами. Н.С. Державину и Р.К. Караколову поручалось написание очерка истории болгарского народа с древнейших времен до наших дней, Д.С. Густинчич писал аналогичную работу по истории хорватского и словенского народов, З.Р. Неедлы — словацкого, Д.И. Влахов — македонского, В.И. Пичета — польского, С.К. Богоявленский — сербского. Л.В. Разумовская разрабатывала историю прибалтийских славян, Б.Т. Горянов — Черногории. Сборник планировалось подготовить к концу 1942 г.

Помимо этого каждый из сотрудников Сектора работал над специальными темами и проблемами, причем разрабатывал их большей частью монографически. Их диапазон был достаточно широк: от времен Византии до XIX в. Так, Б.Т. Горянов готовил к печати работу «Революция зелотов в Фессалониках», Н.С. Лебедев писал монографию «Византия и монголы». Н.С. Державин планировал написание двухтомной «Истории Болгарии» с древности до XIX века. Л.С. Разумовская готовила к защите диссертацию «Немецкая колонизация в Польше», С.К. Богоявленский — монографию «Дипломатические отношения России и Сербии в XVIII в.», В.И. Пичета продолжал работать над книгой «История польского восстания 1830–1831 гг.» (в развитие плана 1939 г.).

Новое веяние проявилось в том, что Н.С. Лебедев взялся за написание историографической статьи «Работы В.Г. Васильевского по изучению истории Византии и славян», открывавшей путь для частичной реабилитации дореволюционного византиноведения, и эта тема была одобрена научным подразделением.

Научная работа Сектора осуществлялась и путем заслушивания на его заседаниях научных докладов. Пичета не уточнил, где именно (в эвакуации или в Москве) они читались, но отметил, что в качестве докладчиков выступали не только сотрудники Сектора. Следует отметить, что тематика докладов была тесно связана с плановыми научными исследованиями и стала своего рода формой публичной отчетности о проделанной работе. В.И. Пичета прочитал доклад «Польские славянофилы в начале XIX в.», Н.С. Лебедев — «Византия и монголы», Б.Т. Горянов сделал доклады по темам своих плановых работ, Л.В. Разумовская — «Работы польских историков о городском строе Польши в период раннего средневековья», Д.С. Густинчич — «Развитие феодального строя в Хорватии», «Борьба хорватского народа за национальную свободу», Р.К. Караколов — «Историко-философские взгляды Д. Благоева», А.Л. Попов — «Политика царского правительства накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», Н.П. Франич — «Сербия во время оккупации германским фашизмом», Ю.В. Готье — «Законодательство Стефана Душана», Н.А. Нарцов — «Происхождение молдавского государства», А.К. Целовальникова — «Начало чешского возрождения»³⁷. Некоторые из названных докладов в переработанном виде были опубликованы позднее или, во всяком случае, использованы в дальнейшей работе.

Первая половина 1943 г. ознаменована большим «урожаем» защит кандидатских диссертаций сотрудников Сектора. Искомые степени получили: Д.С. Густинчич («Балканский союз»), Л.В. Разумовская («Хроника славян Гельмгольда как исторический источник»), Б.Т. Горянов («Очерки по истории Византии в эпоху Палеологов»), Н.С. Лебедев («В.Г. Васильевский об истории византийско-русских отношений»). Все эти диссертации детально обсуждались на заседаниях Сектора³⁸.

Помимо этого его сотрудники читали доклады в других научных учреждениях и общественных аудиториях, печатали публицистические статьи в газетах и журналах³⁹.

В середине июня 1943 г. ташкентская группа Сектора славяноведения во главе с В.И. Пичетой возвратилась в Москву, и со времени объединения ее с московской (во главе с З.Р. Неедлы) можно говорить о новом периоде деятельности этого подразделения в других условиях. Работа ленинградской группы так и не возобновилась.

В своем отчете за 1943 год В.И. Пичета представил новый, расширенный состав Сектора. Помимо самого заведующего и профессора З.Р. Неедлы, который был назначен заместителем В.И. Пичеты, в него по-прежнему входили политэмигранты Д.С. Густинчич, Р.К. Караколов, Д.И. Влахов (к которым присоединилась и польский историк Ж.М. Корман), а также византинисты Б.Т. Горянов, Н.С. Лебедев, полонист Л.В. Разумовская. В работе Сектора активное участие принимали академик Ю.В. Готье, члены-корреспонденты медиевисты С.К. Боговяленский, Е.А. Косминский, профессор М.Н. Тихомиров, а также болгарист, к.и.н. Е.А. Тихонова и «действительный член научно-исследовательского института в Молдавии» Н.А. Нарцов.

Обращает на себя внимание тот факт, что Сектор взялся за подготовку довольно большого числа аспирантов. Среди них: полонист В.Д. Корольюк, богемисты Г.Э. Санчук и А.К. Целовальникова, специалист по истории южных славян, сербист Н.П. Франич, болгарист С.Ш. Гринберг, историограф и историк общественной мысли Ф.Т. Константинов,

а также хорватский политэмигрант, докторант С.И. Зинич. Последний подготовил докторскую диссертацию «Иллиризм в 30–40-е годы XIX века», но не успел защитить ее ввиду скоропостижной смерти в 1945 г.⁴⁰

Этот «аспирантский бум», несомненно, был вызван серьезным беспокойством Пичеты по поводу кадрового состава Сектора. В отчете за 1943 г. он писал: «Кадры Сектора славяноведения совершенно недостаточны. В случае отъезда на родину ряда товарищей — З.Р. Неедлы, Д.С. Густинчича, Д.И. Влахова, Сектор лишится крупных специалистов, а молодых заместителей по их специальности в Секторе, к сожалению, не имеется. Необходимо увеличить кадры аспирантов по истории южных славян. Последние представлены в Секторе крайне недостаточно»⁴¹. Опасения Пичеты имели веские основания. Уже в отчете за 1944 год отмечалось, что на родину в Югославию уехал македонец Д.И. Влахов и польский профессор из Люблина Ж.М. Корман. На их место были взяты в качестве младших научных сотрудников югославист В.Н. Кондратьева, полонист М.В. Миско и богемист Б.М. Руколь. В аспирантуру приняли специалиста по истории Молдавии Ф.А. Грекула и богемиста Н.Д. Ратнер. Прогноз Пичеты оправдался — в первом полугодии 1945 г. Сектор покинули наиболее ценные работники З.Р. Неедлы, Д.С. Густинчич и мало принимавшие участие в работе Сектора Р.К. Караколов и Н.П. Франич. Как уже указывалось, умер докторант С.И. Зинич. На освободившиеся вакансии с 1 мая 1945 г. взяли болгариста С.Ш. Гринберга (в качестве младшего научного сотрудника) и полониста М.В. Миско (в качестве старшего)⁴².

Воссоединение Сектора было ознаменовано новыми планами. Началась работа над двумя перспективными темами: «Балканские государства между двумя войнами» (другой вариант названия «накануне Второй мировой войны») и «Южные славяне и Россия в их культурных и политических отношениях» (или по-другому — «Россия и южные славяне в их культурных и политических связях»).

Темы сборников, совершенно новые в советской исторической науке, определялись, видимо, прежде всего, с учетом специализации наличного состава сотрудников Сектора, а также тогдашнего понимания научной актуальности. Первый сборник готовила московская группа политэмигрантов под руководством З.Р. Неедлы. Как можно судить по отчетам, последний писал вступительную статью к сборнику, статью о Румынии и очерк «Попытки организации балканских государств», видимо, о создании балканского союза, Н.П. Франич написал статью о Югославии, Р.К. Караколов — о Болгарии, Д.И. Влахов — о Греции и Албании (их перерабатывал потом З.Р. Неедлы), востоковед А.Ф. Миллер готовил статью о Турции. К концу 1943 г. все статьи, за исключением работы последнего, уже были написаны и редактировались З.Р. Неедлы⁴³. Авторы сборника стремились показать, к каким пагубным последствиям для балканских государств привели включение их в орбиту фашистской Германии и отказ от сотрудничества с СССР. Примечательно, что сборник по тематике выходил за рамки славяноведения. Если бы он вышел в свет, то стал бы первым трудом Сектора по балканистике. Хотя сборник «Балканские государства между двумя империалистическими войнами» и не был издан, но многие его статьи прошли в 1943 г. публичную апробацию в виде докладов на заседании Сектора. Предметом обсуждения стали: «Вступительная статья» З.Р. Неедлы к сборнику, статьи Н.П. Франича «Происхождение Югославии», «Югославы», Д.С. Густинчича «История Хорватии», Д.И. Влахова «Албания», «Греция», Р.К. Караколова «Болгария»⁴⁴.

«Второй сборник, — писал Пичета в отчете, — был начат в Ташкенте. Его план... был пересмотрен и дополнен в июле 1943 г. после состоявшегося объединения обеих групп»⁴⁵.

Сборник предполагал показать положительные примеры исторической и культурной близости славянских народов с Россией и СССР. Особо отмечалось, что последний раздел сборника «СССР и южные славяне» — «пополнит нашу историографию в области истории современного славянства. Особого интереса заслуживает разработанный здесь вопрос о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на общественно-политическую жизнь южнославянских государств»⁴⁶. Раздел писался коллективными усилиями сотрудников Сектора: В.И. Пичеты, Д.С. Густинчича, Р.К. Караколова, С.И. Зинича и аспирантов Н.П. Франича, С.Ш. Гринберга и В.Д. Королюка. Статьи сборника носили не популярно-пропагандистский, а научно-исследовательский характер, в написании ряда статей использовались архивные материалы. Все это, конечно, не исключало актуализации их содержания. В сборнике были задействованы все наличные силы Сектора, к участию в нем приглашались также С.К. Богоявленский, М.Н. Тихомиров, докторант С.А. Никитин и академик Н.С. Державин. Таким образом, в этом издании должны были пройти апробацию как новые идеи (например, проблема влияния Великой Октябрьской социалистической революции на образование славянских государств, поднятая в нем, долгое время являлась одной из ведущих в советском славяноведении), так и опыт написания коллективной работы.

Отчет Пичеты позволяет частично реконструировать содержание сборника. От написания коллективного раздела в нем судя по всему отказались. Сборник получил название «Южные славяне и Россия в их культурных и политических отношениях». С.Ш. Гринберг готовил статью «Россия и Болгария после Берлинского конгресса», В.И. Пичета — «Светозар Маркович и русские просветители», Н.П. Франич — «Россия и Сербия в Первой мировой войне» и «Взаимоотношения России и южных славян во Второй мировой войне», С.К. Богоявленский — «Россия и Сербия во второй половине XVII в.», «Россия и Сербия в XVIII в.», Д.С. Густинчич — «Балканский союз и Россия», Р.К. Караколов — «Болгария и СССР», М.Н. Тихомиров — «Иван Грозный и Сербия»⁴⁷.

Хотя завершение сборника планировалось к концу декабря 1943 г., работа над ним продолжалась и в 1944 г. Обращает на себя внимание тот факт, что Н.С. Державин своих статей в сборник так и не прислал и по существу не принимал участия в работе Сектора. Названные статьи так или иначе были представлены в 1944 г. на заседаниях Сектора в виде докладов по названным темам Н.П. Франича, М.Н. Тихомирова и Д.С. Густинчича. Р.К. Караколов, несколько изменив тему, прочитал доклад «Октябрьская революция и Болгария», В.И. Пичета вообще отказался от ранее заявленной темы, подготовив доклад и статью «Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству»⁴⁸.

В первом полугодии 1944 г. Сектор также готовил конференцию «Россия и южные славяне», которая «по независящим от него обстоятельствам не могла состояться»⁴⁹, точно так же как не был опубликован и указанный сборник. Однако в 1947 г. ряд статей названных авторов по указанной тематике нашел свое место в вышедшем в свет «Славянском сборнике». Причем В.И. Пичета и М.Н. Тихомиров представили новые статьи. Первый — по теме вышеназванного доклада, а второй — «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.», С.А. Никитин поместил статью «Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в.»⁵⁰.

Третьей большой плановой темой Сектора являлась двухтомная «История Польши» объемом в 26 п.л., охватывающая период с 1799 по 1863 г. Ее персонально готовил В.И. Пичета. Он предполагал закончить ее вторую часть к концу 1943 г.⁵¹, но в

действительности работал над ее отдельными главами вплоть до самой смерти в 1947 г. Полностью работа в свет так и не вышла. По ней был опубликован ряд статей уже после смерти автора⁵² и автореферат⁵³, содержащий изложение основной концепции труда. Многое осталось в рукописи⁵⁴.

В.И. Пичета осуществлял оригинальные методы в профессиональной подготовке научной молодежи. Его семинары в домашней обстановке были прозваны «пичетниками». Они проходили с ноября 1943 г. по июнь 1947 г. В них участвовали многие молодые историки, составившие впоследствии кадровое ядро историков-славистов в СССР. Среди них: И.М. Белявская, М.А. Бирман, Ц.С. Бобинская, И.А. Воронков, И.Б. Греков, Ф.А. Грекул, С.Ш. Гринберг, И.С. Достян, В.Г. Карасев, К.А. Козырина, И.В. Козьменко, В.Д. Королюк, Б.М. Руколь, Г.Э. Санчук, И.И. Удальцов, Н.П. Франич, А.К. Целовальникова⁵⁵. Сама обстановка уютного профессорского дома несомненно располагала к доверительности, раскрепощенности, которую нельзя было себе позволить в государственном учреждении сталинской эпохи. Недаром именно здесь позволялись некоторые «вольности», отступления от канонизированных высказываний классиков марксизма-ленинизма. Б.М. Руколь вспоминала по этому поводу: «Мы, только входящие в науку, ценили смелость его (Пичеты. — М.Д.) научных дерзаний, когда он поставил вопрос о необходимости критического пересмотра оценок славянских народов, данных в 1848 году К. Марксом и Ф. Энгельсом»⁵⁶. Таким образом, участники семинара В.И. Пичеты имели редкую в те времена возможность творческого постижения отдельных положений марксизма.

По воспоминаниям участников «пичетников» вырисовывается также продуманная схема научного руководства работой аспирантов: заслушивание и обсуждение в виде докладов и сообщений, рефератов и обзоров отдельных частей подготавливаемых молодым автором работ (диссертаций, статей, монографий). Как правило, внимание акцентировалось на критическом анализе источников, историографическом обзоре, которые прорисовывали новую постановку проблемы, возможность введения в научный оборот неизвестного архивного материала. Если речь шла о средневековой проблематике, то часто заслушивался предлагаемый докладчиком русский перевод оригинального текста (с латыни или одного из славянских языков) с научным комментарием, предлагалось новое прочтение определенного места из хорошо известных изданий. Большинство докладов и материалов, обсужденных на семинаре и получивших одобрение к печати, вскоре было опубликовано⁵⁷.

«Эти семинары, — как верно отметила исследователь творчества В.И. Пичеты Л.И. Уткина, — сыграли большую роль в подготовке и формировании кадров советских историков-славистов, способствовали развитию навыков самостоятельной научно-исследовательской работы аспирантов, расширяли их кругозор, учили ориентироваться в наиболее сложных вопросах истории славянских народов. В.И. Пичета считал такой метод работы с аспирантами наиболее продуктивным и действенным»⁵⁸.

Пробой сил молодых специалистов, воспитываемых В.И. Пичетой, стала аспирантская научная сессия, проведенная в ноябре 1944 г. На трех ее заседаниях были прочитаны 5 докладов: Г.Э. Санчук «Хроника Козьмы Пражского и раннее чешское средневековье», В.Д. Королюк «Грамота Пражского архиепископа 1180 г.», Ц.С. Телицына-Бобинская «С. Сташиц и польско-пруссский союз», И.М. Белявская «М. Бакунин и польский вопрос», Н.П. Франич «Сербия в период Первой мировой войны»⁵⁹. Все доклады носили научно-исследовательский характер и были связаны с темами кандидатских диссертаций. И хотя разнообразие тем давало мало точек соприкосновения для общего

обсуждения, оно несомненно способствовало расширению кругозора участников конференции, помогало не замыкаться только в рамках своих исследований. Опыт конференции был признан удачным⁶⁰.

Ввиду трудностей опубликования работ сотрудников Сектора, на его заседаниях по-прежнему практиковалось широкое обсуждение научных докладов как его членов, так и ученых, приглашенных участвовать в разрабатываемой тематике. Доклады стимулировали работу сотрудников, заставляли их соблюдать плановые сроки, помогали доработке материалов, способствовали повышению общей информированности и образования молодых историков. Тематика докладов свидетельствовала не только о ходе работы над плановыми темами, но и более широких научных интересах сотрудников Сектора и о тогдашнем (военного времени) понимании актуальности научных проблем.

Посмотрим с этой точки зрения на тематику докладов, прочитанных на заседаниях Сектора в 1943–1945 гг. В 1943 г. здесь было заслушано 28 докладов с весьма разнообразной проблематикой. Средневековой истории славян и Византии посвящалось три доклада. Н.В. Пигулевская осветила классовую борьбу в Византии в VII в., а также положение Византии в XI в. Историографическое обозрение эпохи представлено Н.С. Лебедевым в докладе «В.Г. Васильевский как историк южнославянско-византийских отношений». По тематике XIX в. было прочитано несколько докладов: В.И. Пичеты «Пруссия и польское восстание 1830–1831 гг.», А.К. Целовальниковой «Карел Гавличек», С.К. Богоявленского «Сербия во второй половине XIX в.», Ю.В. Готье «Бисмарк и польский вопрос». Начало XX в. представлено в докладах Д.И. Влахова «Македония и македонский вопрос», Н.П. Франича «Образование Югославии», Д.С. Густинича «Балканский союз». Последние три темы активно обсуждались в последние годы войны в связи с проблемой будущего государственного устройства Югославии. С.Ш. Гринберг прочитал доклад на актуальную тему «Немецкая агрессия в славянском фольклоре»⁶¹.

Несколько докладов посвящалось историографическим и методологическим вопросам, которым в конце войны уделялось особое внимание. Кроме указанного выше доклада Н.С. Лебедева, Ф.Т. Константинов прочитал доклад «Грюнвальдский бой (Обзор историографии и источников)», В.И. Пичета «Развитие польской исторической науки», Ц.С. Телицына (Бобинская) «Аграрный вопрос по Сталину» и др.⁶².

В 1944 г. в Секторе состоялось, судя по отчету, рекордное количество заседаний — 41 (среди них 8 производственных), где было зачитано и обсуждено свыше 30 докладов и сообщений. Это свидетельствовало о большой интенсивности его научной работы. Заседания проходили почти каждую неделю. В них представлена, главным образом, тематика нереализованных сборников, по ним можно судить об этапах работы над темами.

Новым веянием было то, что несколько докладов аспирантов и молодых сотрудников Сектора посвящалось анализу средневековых источников (В.Д. Королюк — «Мартин Галл как источник для изучения раннего польского средневековья», Н.Д. Ратнер — «Отношение гуситов и королевской власти по хронике Лаврентия из Бржезовой», Г.Э. Санчук — «„Majestas Carolinae“ как источник изучения земского чешского права») и материалов более позднего времени (Г.Э. Санчук — «План „направы“ Польского государства Фрыча Моджевского»). Эти же вопросы активно обсуждались и в семинарах В.И. Пичеты. Ряд докладов историков старшего поколения освещали историю славянских стран периода средневековья (В.И. Пичета — «Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству», М.Н. Тихомиров — «Иван Грозный и Сербия»).

История славянских народов XIX в. была представлена в докладах И. Топалова «Германский империализм в Болгарии XVIII–XIX вв.», З.Р. Неедлы — «Краледворская рукопись», А.К. Целовальниковой — «Отчет о командировке в Ленинград по теме о чешском национальном возрождении», С.И. Зинича — «Происхождение иллирийского движения в 30–40-е годы XIX в.», С.И. Никитина — «Балканский вопрос в 30–50-е гг.», Р.К. Караколова — «Болгария и освободительная русско-турецкая война 1877–1878 гг.»

Уже в годы войны историков-славистов начала привлекать проблематика польского национально-освободительного движения. По этой теме были прочитаны доклады В.И. Пичеты «Т. Костюшко», «Австрия и польское восстание 1863 г.», В.Н. Кондратьевой «Крестьянский вопрос в Литве и Белоруссии во время польского восстания 1863 г.», С.И. Шкроба «Материалы для биографии А.А. Потемни, участника восстания 1863 г.». Два доклада последний посвятил также революционной и издательской деятельности Иосафата Огрызко.

Несколько рефератов освещали особенно поощряемую к изучению новейшую историю первой половины XX в.: Н.П. Франич прочел доклад «Происхождение Югославии», Ж.М. Корман — «Метод библиографии истории рабочего класса в Польше в первой половине XX в.», Ф.И. Нотович — «Вступление Италии в войну», С.Ш. Гринберг — «Вступление Болгарии в войну», Д.С. Густинчич — «Балканский союз и Россия» и «Итальянско-югославская граница», Р.К. Караколов — «Октябрьская революция и Болгария». Было проведено торжественное заседание, посвященное годовщине нападения гитлеровцев на Югославию.

Примечательно также, что несколько докладов посвящалось методологическим и историографическим проблемам. З.Р. Неедлы прочитал доклад «Задачи советского славяноведения», Б.Т. Горянов «Русское византиноведение»⁶³. Отметим, что тематика докладов 1944 г. по сравнению с предыдущим заметно расширилась. Больше внимание стало уделяться проблемам национального возрождения славян, их национально-освободительным движениям, истории славянских народов XX столетия.

В первом полугодии 1945 г. на заседаниях Сектора славяноведения было прочитано 14 докладов. В отчете указывалось, что «Сектор придает огромное значение научным докладам, поскольку они отражают научное лицо Сектора и показывают способности его сотрудников к научно-исследовательской работе»⁶⁴. Тематический диапазон выступлений по-прежнему был довольно широк. К периоду раннего средневековья относились доклады В.Д. Королюка «Русско-польские отношения в X веке», Г.Э. Санчука «Феодальное землевладение в Сербии (Законник Стефана Душана)» и Н.А. Нарцова «Источники молдавской истории».

Наибольшее число выступлений по-прежнему касалось истории XIX в. В.И. Пичета прочитал доклады «Россия и польский вопрос (1799–1807)», «Россия, Франция и польский вопрос (1777–1812)» и «Австрия и польское восстание 1830–1831 гг.», З.Р. Неедлы — «Чехия в 1848 г.», М.В. Миско — «Восстание 1863 г.», В.Д. Королюк — «Борьба за власть в восстании 1863 г.», Н.Д. Ратнер — «Борьба Австрии и Чехии в 60-х годах XIX ст.», А.К. Целовальникова — «Политические взгляды Голуховского».

Истории XX в. посвящались доклады С.Ш. Гринберга «Попытка держав Антанты втянуть Болгарию в войну» и «Вступление Болгарии в Первую мировую войну»⁶⁵.

Следует отметить, что обилие докладов в период войны не случайно. Ввиду сложности с публикацией сборников ученые нашли свой способ научной коммуникации — излагать основные положения своих исследований в устной форме, опираясь на заинтересо-

ванную аудиторию коллег. Эта форма, безусловно, имела сиюминутные преимущества непосредственного восприятия итогов исследования, выражающиеся в расширении кругозора слушателей, но проигрывала в долгосрочности функционирования его результатов.

Но были темы особенно востребованные после окончания войны и потому затруднений в публикации не испытывали. Необходимо было подвести некоторый итог историко-славистических исследований в СССР, не отказываясь от дореволюционного научного наследства. В.И. Пичета представил историографические темы в докладах «Академия наук и славяноведение», опубликованном в «Вестнике Академии наук» и журнале «Славяне»⁶⁶, и «Академия наук и византиноведение в советское время»⁶⁷. Доклады были прочтены на Юбилейной научной сессии по случаю широко отмечаемого в СССР в июне 1945 г. 220-летия со дня основания Академии наук с приглашением иностранных ученых. Тогда впервые позволялось позитивно писать о достижениях дореволюционной академической науки, в том числе в области славяноведения и византиноведения. Положительным моментом было и общение с иностранными коллегами, прежде всего из славянских стран⁶⁸.

Встречи с зарубежными славистами составили важное событие в жизни Сектора. 30 июня 1945 г. высоких гостей принимал Институт истории и Сектор славяноведения. На заседании присутствовали президенты Сербской (А. Белич), Словенской (Ф. Кидрич), Болгарской (Д. Михалчев), Польской (С. Кутшеба) Академий наук, ректоры Пражского (И. Горак), Варшавского (Т. Котарбинский), Краковского (Т. Лер-Сплавинский), Братиславского (Д. Рапант) университетов, а также известный французский историк Камил Брок, президент Славянского института Парижского университета Андре Мазон, министр народного просвещения ЧСР Зденек Неядлы и др. Советскую сторону представляли кроме рядовых сотрудников Института академики В.П. Волгин и Б.Д. Греков, члены-корреспонденты В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.Д. Удальцов, С.К. Богоявленский, А.М. Панкратова, профессора М.Н. Тихомиров, С.П. Толстов и др. Помимо прочего здесь впервые В.П. Волгин озвучил проект организации в СССР Института славяноведения АН СССР для комплексного изучения славянских стран и народов. В развитие этой идеи Иржи Горак предложил создать «Союз славянских академий», а Б.Д. Греков подчеркнул важность продолжения работы над «Славянской энциклопедией», начатой В. Ягичем до революции⁶⁹. Все эти проекты получили единодушное одобрение участников заседания (подробнее см. главу VI).

Возвращаясь к делам Сектора, отметим, что В.И. Пичета намечал также провести здесь в первой половине 1945 г. две научные сессии. В первой из них, а именно «Славянские народы и Энгельс», должны были участвовать Королюк, Кондратьева, Миско, Целовальникова, Ратнер, Грекул, Санчук. Здесь предусматривалось подвергнуть критическому пересмотру некоторые некорректные высказывания Ф. Энгельса по славянскому вопросу. Вторую предполагалось посвятить теме «Русско-польские отношения в освещении С.М. Соловьева», где в докладах Пичеты, Санчука, Миско, Королюка намечалось объективно представить позицию видного дореволюционного историка по польскому вопросу XVIII — начала XIX вв.⁷⁰. В известных нам отчетах Сектора не сохранилось упоминания, что эти конференции действительно состоялись. Но отдельные доклады были все же прочитаны на заседаниях Сектора. Так, судя по сохранившейся описи уничтоженных впоследствии дел Сектора 1940–1946 (некогда хранившихся в архиве Института славяноведения АН СССР), В.Н. Кондратьева 8 декабря 1945 г. прочитала доклад «Энгельс и южные славяне», а 22 декабря эту тему продолжили Ф.А. Грекул

в докладе «Маркс–Энгельс о Молдавии», В.Д. Корольюк в докладе «Фридрих Энгельс о Польше до конца XVIII века», М.В. Миско в докладе «Энгельс о польском вопросе в XIX в.». По теме второй научной сессии зафиксирован только один доклад М.В. Миско «С.М. Соловьев и русско-польские отношения в период разделов Польши», состоявшийся 5 января 1946 г.

И дружеские встречи в Академии наук, и названные доклады могли состояться потому, что Великая Отечественная война внесла некоторые идеологические коррективы в подходе к историческим явлениям. Понимая, что подъем массового патриотизма является одним из залогов грядущей победы, партийное руководство не препятствовало выходу работ, где был «ослаблен» классовый подход в интерпретации исторических явлений в пользу их национальной составляющей. Стало возможно не отрещиваться, а находить нечто положительное в истории дореволюционной России и ее научном наследии. Более того, в 1944 г. после ряда публикаций в печати⁷¹ особенно поощрялось возвеличивание роли русского народа в истории России и СССР. В этом плане показательно упомянутое в другом ракурсе во II главе совещание историков в ЦК ВКП(б) в мае–июне 1944 г., созванное по инициативе А.М. Панкратовой, подспудно стремившейся разобраться в том, почему она не получила Сталинскую премию за выполненный под ее руководством капитальный труд «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (Алма-Ата, 1943), но прикрывшей свои намерения идейными соображениями. Историк считала, что этот труд, в духе разоблаченного еще до войны М.Н. Покровского, обличающий колониальную политику русского царизма и положительно оценивающий лидеров национального движения, выступающих против России, выполнен по канонам истинного марксизма-ленинизма. И потому она обратилась за содействием к лидерам партии, обращая их внимание, что «среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода в области истории»⁷².

А.М. Панкратова, видимо, надеялась, что ее позиция получит одобрение в ЦК ВКП(б) и справедливость в отношении ее работы восторжествует. Но случилось иначе. Присутствовавшие на совещании партийные лидеры А.С. Щербаков, А.А. Андреев, Г.М. Маленков и др., хотя и готовили осуждающую резолюцию, но хода ей не дали, позволив историкам развернуть оживленную дискуссию и высказывать мнения как в поддержку Панкратовой (М.В. Нечкина, А.Л. Сидоров, И.И. Минц, А.В. Ефимов, Е.Н. Городецкий и др.), так и против нее (Е.В. Тарле, С.К. Бушуев, Х.Г. Аджемян, С.В. Бахрушин, Н.Л. Рубинштейн, В.И. Пичета, Б.Д. Греков, А.И. Яковлев и др.), а сами как бы устранились от каких-либо комментариев и указаний. Надлежащих оргвыводов, на которые рассчитывала Панкратова, также не последовало. По-видимому, они получили инструкции от И.В. Сталина не вмешиваться в дискуссию, которая должна была выявить спектр имеющихся по проблеме российского колониализма мнений с учетом для будущего. (И действительно эта дискуссия по-своему «аукнулась» в период разворачивания кампании по борьбе с космополитизмом.) Свою роль, возможно, сыграл ярко выраженный «русоцентризм» историков-патриотов, негласно поощрявшийся на исходе войны.

Для нас важно, что в этой дискуссии слависты В.И. Пичета и Б.Д. Греков, с одной стороны, и Н.С. Державин, с другой — оказались, что называется, по разную сторону баррикад.

В.И. Пичета, в частности, поставил на обсуждение вопрос о необходимости пересмотра оценки роли западников и славянофилов в советской историографии. «Он заявил, — писала Панкратова, — что нельзя считать славянофилов реакционерами, а западников прогрессивным течением, что были различные течения среди них». В тенденциозной интерпретации Панкратовой, «когда он стал конкретизировать их теории, то у него получились западники реакционным, а славянофилы прогрессивным течением, так как западники недооценивали народ, переоценивали государство, а славянофилы боролись с гегельянскими теориями»⁷³. В.И. Пичета также пытался «пересмотреть характер восточных войн, которые он объявляет прогрессивными, т. к. они способствовали освобождению Сербии, Болгарии от турок». Кроме того, «он остановился также на взаимных влияниях славянства на запад и обратно и на роли Киевского государства как общей основы русского, белорусского и украинского народа»⁷⁴. (Отметим, что это позднее общепринятое мнение тогда только начинало утверждаться в советской историографии⁷⁵.) Интересна также точка зрения В.И. Пичеты о польском вопросе в XIX в. и о характере восстаний 1830 и 1863 гг., в изложении Панкратовой: «Поляки требовали границ 1772 г., т. е. присоединения Литвы, Украины и Белоруссии. Говорят, что требования демократов и аристократов в этих восстаниях были различны. Это верно, но в данном случае было единство их точек зрения. Говорят, что лучшие русские люди, в том числе Герцен, сочувствовали польскому восстанию. Но, анализируя переговоры Герцена с польским революционером Жондом, мы видим, что Герцен требовал для всех неполяков национально-культурной автономии. В 1943 г. вышел очередной том „Литературного наследия“, в котором мы находим письмо Герцена к Огареву, в котором он пишет, что если поляки не пойдут на эти требования, то мы мешать их восстанию не будем, но и поддерживать его не будем»⁷⁶. Тем самым Пичета стремился представить антиросийские выпады поляков, опираясь на авторитет революционных демократов, не всегда и во всем «прогрессивными» и справедливыми, как это утверждалось в советской историографии. Как видим, взгляды В.И. Пичеты, высказанные в далеком 1944 г., представляются более чем актуальными, а тогда вызвали негодование сторонницы сугубо классового подхода А.М. Панкратовой: «Выступление Пичеты было несколько сумбурно и внутренне противоречиво, а главное, в нем не было четкой классовой марксистской позиции. Все время говорится о славянстве вообще, без малейшей попытки конкретно показать это движение и в классовом, а не только в национальном разрезе»⁷⁷.

В то же время и Б.Д. Греков, отвечая на критику Е.Н. Городецкого, что он «перенес единство Советского государства и советского народа на всю историю», а это «антиисторично», заявил, что «Городецкий не убедил его, и он продолжает думать, что государство и народ нельзя противопоставлять. Народ без государства — это хаос. Карамзин и другие историки этот факт справедливо подчеркивали». Возражая Городецкому, он также выразил новый подход к норманнской теории, дружно и однозначно осуждаемой тогда советскими историками: «Бороться с варяжским вопросом нужно, но нельзя искажать факты. Северная Русь была связана со Скандинавией, — надо этот факт объяснить, а не зачеркивать. Мы давно показали, что до варягов славяне имели свои государственные образования и этим самым опровергли норманнские теории о происхождении государства от варягов-норманнов»⁷⁸. Наконец, Греков выразил совсем крамольное с точки зрения сторонников классового подхода к истории мнение, которое, однако, отвечало патриотическим настроениям защиты Отечества в годы войны: «Наше спасение в единстве. Это единство всегда спасало русский народ. Кто стремится

ся отклониться от этого единства, тот гибнет. В борьбе за единство русскому народу принадлежало первое место. Первая строфа гимна о том, что Великая Русь „навеки сплотила наши народы“, говорит об объединяющей роли русского народа. Чтобы ее понять, надо конкретно исследовать, когда и как вошли народы нашей страны в состав России, что заставило их вместе бороться. Надо сказать правду и том, как строилось наше государство, какие переживало этапы, какое положение занимало в истории»⁷⁹.

Как никогда актуально звучит призыв Грекова к историкам: «В частности, надо показать и роль Киевского государства как общей государственной колыбели русских и украинцев. Даже Грушевский, враждебно относившийся к Москве, не отрывал Украину от Руси. Родство русского, украинского и белорусского народов надо показать конкретно»⁸⁰.

Напротив, в лице Н.С. Державина А.М. Панкратова нашла горячего защитника своей классовой позиции. Советский академик по-прежнему призывал различать интересы народа и русского царизма. Он подчеркнул, что «борьбу народов против аннексионистской колонизаторской политики царизма передовые люди всегда приветствовали. Они солидаризировались с национальным движением, а не с царизмом, который подавлял это движение. Поэтому он, Державин, как русский человек, не может согласиться с Яковлевым и другими, которые упрекают прекрасную книгу „История Казахской ССР“ и объявляют ее антирусской только потому, что в ней отрицательно обрисована колонизаторская политика царизма и положительно — национальные восстания. Иначе и не должно быть. Советский патриотизм нельзя смешивать с патриотизмом Союза русского народа»⁸¹. В то же время есть свои резоны в утверждении Державина: «Нельзя также по-одному оценивать борьбу за свободу славянских народов, которые угнетались австро-венгерской или германской монархией, и по-другому относиться к борьбе за свободу и независимость народов царской России. Это и исторически неверно, и политически нельзя оправдать ни с какой стороны»⁸².

Подводя свои итоги дискуссии, А.М. Панкратова разделила своих противников на три категории. Е.В. Тарле и его прямых сторонников она обвинила в фактической реставрации основ «дворянско-буржуазной историографии», не исключавшей политического умысла. Грекова и Пичету она отнесла к числу тех «заслуженных, честных и искренних историков», которые «все же показали себя еще не вполне овладевшими марксизмом в истории... Их ошибки скорее проистекают от „чувства“ (они хорошие патриоты) и недостатка знаний в области теории». Наконец, третью категорию, по ее мнению, составляли беспринципные «конъюнктуристы», постоянно ожидающие «новых установок» и потому работающие «на два фронта»⁸³.

Представляется, что дискуссия показала «разброд и шатания» в стане советских историков в момент судьбоносного перепутья в конце войны, когда партийные власти еще окончательно не утвердились в выработке нового послевоенного курса. Жесткий классовый подход мог бы отпугнуть союзников и не соответствовал нуждам патриотической пропаганды, но и полный отказ от него противоречил бы принципам тогдашней системы. Поэтому допускалась тонкая балансировка между классовым и национальным подходами к анализу исторических явлений.

Такое положение отразилось и в подготовке перспективного плана исторических исследований.

Незадолго до окончания Великой Отечественной войны в главном периодическом органе советской исторической науки — «Историческом журнале» в 1945 г., в преддверии Победы, было опубликовано изложение доклада вице-президента АН

СССР, академика В.П. Волгина «О перспективном плане в области исторической науки», прочитанного им в Президиуме АН СССР в связи с обсуждением перспектив развития гуманитарных наук. Доклад содержал новые директивы партийного руководства для ориентации советских историков в послевоенный период. В нем, в частности, говорилось: «При составлении перспективного плана работ в области истории на ближайшие годы необходимо учитывать ту общую историческую обстановку, в которой эта работа будет протекать. Разгром фашизма поведет: 1) к колоссальному усилению всемирно-исторической роли СССР как решающей силы в борьбе с фашизмом, 2) к ясному осознанию морально-политического и военного превосходства стран демократических над странами фашистскими. Во всем мире резко возрастает интерес к СССР, к истории русского народа и других народов Советского Союза, к истории развития демократических идей и учреждений, к международным отношениям, в частности, к истории отношений между странами, участвующими в антифашистской коалиции, к истории войн и военного дела. К голосу советской науки в зарубежных странах будут прислушиваться больше, чем когда бы то ни было»⁸⁴.

Примечательно, что в данной установке СССР не противопоставлялся другим странам антифашистской коалиции как страна, принадлежащая к «истинно демократическому» лагерю. Но вопрос о превосходстве марксизма над другими методологиями не мог быть упущен руководящими идеологией органами. Поэтому В.П. Волгин должен был подчеркнуть: «С другой стороны, в зарубежной исторической науке — как реакция на рост влияния СССР — могут вновь оживиться антимарксистские тенденции и группировки. Известно, что в предвоенные годы многие проблемы потому только и выдвигались в западноевропейской и американской исторической науке, что их разрешение, по мнению соответствующих кругов, должно было нанести удар марксистскому пониманию истории. Не надо также преуменьшать значение фашистских и профашистских фальсификаторских тенденций в исторической науке. Эти тенденции могут кое-где сохраниться и после разгрома фашизма, если против них не будет вестись настойчивой борьбы, в которой советской науке также должна принадлежать ведущая роль».

В.П. Волгин признавал также, что при своем «методологическом превосходстве» советская наука в решении некоторых вопросов «значительно отстает по количеству работ, по публикации материалов и т. д. Ряд проблем недостаточно разработан с точки зрения марксизма-ленинизма»⁸⁵.

В перспективном плане специально выделялся круг проблем, касающихся исторического славяноведения, что свидетельствовало о признании важности этой отрасли знания в советской науке:

«В области истории славянских народов. (Здесь и далее выделено в документе. — М.Д.) Связанный с Великой Отечественной войной подъем интереса к жизни и истории славянских народов требует выделения проблем славяноведения в особую группу. Русское славяноведение в прошлом имело немало заслуг, русские слависты разрешили много важных проблем во всех областях славяноведения. Однако наше старое славяноведение имело также ряд недостатков методологического и политического характера. Советское славяноведение, несмотря на наличие отдельных выдающихся исследователей и исследований, несомненно, отстает от предъявляемых ему жизнью требований. Настоятельно необходимо объединение всех сил славистов, привлечение ряда молодых работников, восстановление и укрепление связей с зарубежными славяноведами. Задача советских славистов — использовав все наследие старого славяноведения, под-

нять историю славянских народов на новую высоту, осветив ее светом марксистско-ленинской исторической теории»⁸⁶.

Далее следовал подробный перечень актуальных проблем во всех областях исторической науки. Эта часть доклада, возможно, была составлена на основе наработок Н.С. Державина, так как большинство указанных тем рассматривалось в виде докладов на руководимой им Славянской комиссии АН СССР⁸⁷, но еще более вероятно, как увидим далее, — при участии Б.Д. Грекова и В.И. Пичеты, формулировавших схожие проблемы. Здесь, в частности, указывалось: «Среди проблем, выдвигаемых здесь, помимо проблемы „Этногенез славянских народов“ отметим:

I. „Проблема происхождения и развития государства и права у славянских народов“. Несмотря на то, что над этой проблемой немало работали, в этой области до сих пор еще весьма широко распространены совершенно ненаучные настроения. Необходимо пересмотреть и критически провести широкие исследовательские работы.

II. „История борьбы славянских народов за свою свободу“. В этой области накоплен большой материал, требующий критического пересмотра в свете событий Великой Отечественной войны. Здесь немало популярных работ, но нам нужно сейчас переходить к углубленным исследованиям.

III. „Культурная общность славянских народов“. Исследование этой проблемы на основе изучения вещевых памятников, языка, фольклора и т.д. составляет актуальную задачу нашего, как и зарубежного славяноведения.

IV. „Русско-славянские отношения“. Эта проблема требует сил историков различных специальностей. Должно исследовать политические, экономические и культурные связи России с западными и южными славянами на различных ступенях исторического развития — с особым вниманием к новому времени (XIX в.)»⁸⁸.

Как ни удивительно, но такое комплексное видение главных и актуальных историко-славистических проблем стало возможным только в период патриотической эйфории близкой Победы, оно в принципе совпадало со взглядами дореволюционных славяноведов, исходивших из представления о этнокультурной общности славян. Здесь не наблюдалось «нажима» в сторону разработки чисто страноведческой проблематики новейшей истории и поисков классово-подоплеку всех происходящих в славянских странах событий. Это уже додумывали по умолчанию сами историки-слависты.

В 1945 г. в Секторе был разработан новый план научно-исследовательских работ. При его составлении В.И. Пичета «руководился теми общими соображениями, которые были намечены в общеинститутском плане, рассмотренном в Отделении истории и философии»⁸⁹. Заметим, однако, что руководитель Сектора славяноведения не стал принимать к разработке в своем научном подразделении всех актуальных в тогдашнем понимании проблем, стоящих перед историческим славяноведением, а прежде всего тех, которыми в той или иной степени занимался сам. Отметим, что ни в одном из рассмотренных планов Сектора не была представлена тема «этногенез славянских народов». Она активно разрабатывалась специалистами других подразделений Академии наук, а из номинальных членов Сектора только Н.С. Державиным. (Сам В.И. Пичета рассматривал только проблемы этногенеза белорусского народа.) Точно так же он не акцентировал внимание на проблему «Культурная общность славянских народов», вероятно, считая ее больше темой филологической.

В.И. Пичета выделил на ближайшую перспективу три главные исследовательские проблемы: история образования славянских государств, история национально-

освободительных движений в славянских странах и история дореволюционного славяноведения⁹⁰. Первая тема должна была продолжить исследования по истории возникновения древнерусского государства, начатые директором Института истории Б.Д. Грековым в трудах по истории Киевской Руси, и завершить, наконец, многолетние разработки Сектора, вторая, сравнительно новая, — пересмотреть позиции буржуазной историографии относительно целей и задач, классового состава национально-освободительных движений славянских народов, третья — попытаться частично реабилитировать дореволюционное славяноведение, освободить его от навешанных на него в 1930-е гг. «ярлыков». Последнее направление выделялось В.И. Пичетой как самостоятельное, в дополнение к указанным выше темам и как нельзя лучше отражало патриотические настроения конца войны.

В то же время В.И. Пичета несомненно думал о разработке советскими учеными-славистами вопросов приоритетных для марксистской историографии, которые игнорировались европейской «буржуазной» наукой, и выделил их сам в дополнение к «всеславянским» предложениям Отделения: «К ним относятся: а) история крестьянства; б) история средневекового города; в) история развития производительных сил; г) развитие капитализма; д) формирование рабочего класса и революционное движение»⁹¹. Таким образом, в далеком 1945 г. впервые были сформулированы проблемы, которые с марксистских позиций разрабатывало затем не одно поколение советских историков-славистов вплоть до 1991 г.

Первыми «ласточками» реализации этого плана стало несколько работ. В.И. Пичета намечал закончить третью часть своей «Истории Польши», охватывающей период со второй половины XIX века до наших дней. Эту работу объемом в 18–20 л. он намеревался написать в соавторстве с уехавшей в Польшу Ж.М. Корман. Актуальность темы он объяснял отсутствием трудов по данной тематике в СССР и наличием в польской историографии только двух работ на эту тему: профессора М. Бобжинского, касавшегося образования Польской буржуазной республики в 1918 г., и П. Галецкого, в которой представлена история Польши до 1939 г. Эти опусы, по мнению Пичеты, «проникнуты идеологией пилсудчикства, враждебного к Советскому Союзу. Оба автора останавливают свое внимание на внутренних и внешних политических факторах, не касаясь развития капиталистических отношений, истории рабочего класса и крестьянства, рабочего и аграрного движения, революционного движения и т.д.»⁹². Восполнить этот пробел с точки зрения марксистской историографии и намеревались названные авторы. Ж.М. Корман планировала написать главы о развитии капитализма и образовании рабочего класса и рабочего движения, используя свою большую подготовительную работу, проведенную в СССР. Замысел этой большой работы остался нереализованным⁹³. До отъезда в Польшу она успела представить на Ученый совет свою кандидатскую диссертацию «Йоахим Лелевель, его жизнь, общественная деятельность и научное наследие».

Историю сербского феодализма, его генезис и дальнейшее развитие в XIII в., используя Законник Стефана Душана, намеревался монографически разработать Б.Т. Горянов. Эта работа (с запланированным объемом в 6–8 а.л.) также в свет не вышла.

Д.С. Густиничу до отъезда на родину была поручена разработка темы «Балканские войны 1912–1913 гг.». Пичета характеризовал данный период как «важнейший момент в истории политико-экономического развития балканских славян» и обосновывал важность его изучения тем, что в советской науке эти войны всесторонне не изучены: «не были привлечены фонды бывшего МИД, архив посла Гартвига, русская журналистика. К вопросу

оценки балканских войн не раз возвращался В.И. Ленин. Без Балканских войн не может быть изучена роль славянских народов в Первой мировой войне»⁹⁴. К сожалению, эта «первостепенной важности» работа осталась незаконченной.

История сербского национально-политического движения после заключения Парижского мира 1856 г. и до половины 70-х гг. XIX в. стала темой исследовательской работы В.Н. Кондратьевой. Работа также не была опубликована.

Историю Чехии в XIX в. с марксистских позиций предполагал написать З.Р. Неедлы, но не успел закончить ввиду отъезда из СССР. Частично эта тема была раскрыта в коллективной научно-популярной работе «История Чехии», вышедшей в 1947 г. под редакцией В.И. Пичеты. Позднее З. Неедлы опубликовал на русском языке книгу «История чешского народа. Т. 1. Чехия в древнейшие времена» (М., 1952. 252 с.), которую можно рассматривать как подступы к названной теме.

Полностью завершённой работой надо признать лишь кандидатскую диссертацию С.Ш. Гринберга на тему «Вступление Болгарии в Первую мировую войну», которую он успешно защитил в МГУ в 1945 г.⁹⁵

Деятельность любого научного подразделения оценивается, прежде всего, по выпуску в свет его научной продукции. В этом отношении Сектору славяноведения в условиях войны не слишком «повезло». Из нескольких подготовленных к печати сборников в 1944 г. был опубликован только один — «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии» (под редакцией З.Р. Неедлы), сформированный в начале войны и потом расширенный. Одновременно его можно считать и продуктом научной деятельности преподавателей кафедры истории южных и западных славян МГУ. В нем приняли участие многие сотрудники Сектора и кафедры: В.И. Пичета⁹⁶, З.Р. Неедлы⁹⁷, Н.П. Грацианский⁹⁸, У.А. Шустер⁹⁹, С.И. Зинич¹⁰⁰, Р.К. Караколов¹⁰¹ и др. В.И. Пичета так сформулировал основную концепцию сборника: «Авторы наглядно показывают, что возникновение славянских государств — результат внутреннего развития славянских племен на базе возникновения классового общества. Конечно, следует отметить, что борьба с внешними врагами, которую приходилось вести всем славянским народам, ускорила процесс формирования славянских государств и в то же время содействовала их политическому развитию»¹⁰². В сборнике с понятным для военного времени пафосом доказывалось «извечное» противостояние немецких «агрессоров» и «миролюбиво-свободолюбивых» славянских народов. «Составители показали, как славянские народы боролись за свою национальную и политическую независимость против немецкой агрессии, стремившейся к порабощению и уничтожению славянских народов»¹⁰³. Академик Н.С. Державин в своей рецензии на книгу выразил эту мысль с присущей ему «брутальной» образностью, заявив, что «сборник представляет собой полезное, общедоступное пособие для ознакомления с историей борьбы западных и южных славянских народов против наглых немецких захватчиков, присосавшихся, как отвратительный паразит, к славянскому народу и в течение свыше тысячи лет непрерывно отравлявших жизнь славянских народов грабежами, насилиями и разбоем»¹⁰⁴. В этом же ключе написана популярная брошюра Н.С. Державина «Вековая борьба славян с немецкими захватчиками» (М., 1943), многие статьи и брошюры Н.П. Грацианского¹⁰⁵.

По теме образования славянских государств в годы войны удалось опубликовать лишь несколько статей, например, З.Р. Неедлы «История политического формирования словацкого народа» (Исторический журнал, 1942, № 7) и др. После войны вышла

в свет 4-х томная «История Болгарии» Н.С. Державина (М.; Л., 1945–1948), упомянутая научно-популярная «История Чехии» (М., 1947). Наконец, в «Славянском сборнике» (М., 1947), о котором речь пойдет далее, были опубликованы ранее подготовленные очерки об образовании чешского, польского, болгарского, словенского, сербского государств. В.И. Пичета начал работу над историографией южных и западных славян, которая осталась в рукописи.

В первой половине 1946 г. Сектор славяноведения продолжал интенсивно работать согласно разработанным планам. Как законченные работы Сектора В.И. Пичета характеризовал в отчете за этот год два опубликованных тома «Истории Болгарии» Н.С. Державина (хотя последний работал над ними вне рамок Сектора, но по его первоначальному плану 1939 г.), свою двухтомную «Историю Польши с древнейших времен до восстания 1863 г.», «Историю Сербии» С.К. Богоявленского, «Историю Черногории» Б.Т. Горянова, «Историю Хорватии» Д.С. Густинчича¹⁰⁶. Реально вышла в свет лишь работа Н.С. Державина. По остальным темам отдельные статьи¹⁰⁷ опубликованы позднее.

Хотя с 1945 г. уже строились планы создания отдельного Института славяноведения, но в Секторе, как структурном подразделении Института истории АН СССР, разрабатывался перспективный пятилетний план научно-исследовательских работ на 1946–1950-е гг. План остался нереализованным, но некоторая его проблематика была «унаследована» новым учреждением. Так, В.И. Пичета собирался написать третий том «Истории Польши» (1863–1914), подготовить работы «Феодальные поместья в Белоруссии в XV–XVIII вв.» и «История города Дубровника в XV–XVI вв.». В.Н. Кондратьева поручалась разработка проблем Боснии и Герцеговины: «Босния и Герцеговина с 1875 по 1909 г.» и «Русская дипломатия и печать в отношении к аннексии Боснии и Герцеговины». М.В. Миско брал на себя изучение темы «Польское государство в 1918–1939 гг.». Б.Т. Горянов запланировал тему «Византийский поздний феодализм», Б.М. Руколь — «Эпоха чешской Реформации», С.Ш. Гринберг — «Болгария 1878–1923 гг.», А.К. Целовальникова — «Чешское возрождение в первой половине XIX века», В.Д. Королюк — «Русско-польские отношения при Петре I», Г.Э. Санчук — «Феодальные отношения в Чехии в XIV–XV вв.».

Новые сотрудники Сектора собирались разрабатывать следующие темы: И.И. Удальцов — «Чехия в период феодализма», И.С. Достян — «Внешнее положение Сербии в XIV–XVI вв.», И.С. Миллер — «Международное положение Польши в XVII веке», А.А. Никольская — «Газета „День“ и славянские проблемы». Намечались к изучению также темы: «Польша и международное положение в XVIII в.», «Далматинские города», «Хорватское крестьянство в XV–XVI вв. и восстание крестьян», «Аграрный строй Сербии в средние века», «Рабочий класс и рабочее движение в Болгарии, Сербии, Словении, Чехии, Польше»¹⁰⁸. Вне плана В.И. Пичета, И.И. Удальцов и Д.С. Густинчич заблаговременно начали разработку темы «Славянские народы и революция 1848 года»¹⁰⁹, широко обсуждавшуюся затем накануне и в дни столетия этого события. После смерти Пичеты и отъезда Густинчича она «досталась в наследство» С.А. Никитину.

В отличие от первоначальных глобальных замыслов В.И. Пичеты в отношении разработки истории всех зарубежных славянских народов от эпохи Средневековья до современности в начале работы Сектора, этот пятилетний план носил несколько отрывочный и «точечный» характер. Не ставились задачи создания общих коллективных трудов. Упор делался на разработку отдельных проблем разных эпох и в разных странах. Обращает внимание почти полное отсутствие болгарской проблематики в планах Сектора, что скорее всего связано с незаинтересованностью Державина в его работе. По-видимому, в общем

подходе к тематике всё же сказалось ожидание скорых коренных преобразований в судьбе этого научного подразделения.

На заседаниях Сектора, как и прежде, читались разнообразные по тематике доклады, показывающие, что научный арсенал сотрудников Сектора (и приглашенных на его заседания) не исчерпывался планируемыми темами, и хронологический диапазон их разработок был достаточно велик. Б.Т. Горянов прочел доклад «Феодор Метохит — византийский гуманист». Тема славянского Средневековья нашла отражение в докладах С.В. Юшкова «К вопросу о дофеодалном варварском государстве», «К проблеме образования феодального государства», Г.Э. Санчука «Majestas Carolina», Ф.А. Грекула «Феодалные отношения в Молдавии при Стефане Великом», Б.М. Руколь «Взгляды Иеронима Пражского и программа таборитов» и «Письмо Поджио Брачиолини», В.Д. Королюка «Польско-русские отношения 1697–1702 гг.».

Проблемы истории Нового времени рассматривались в докладах И.С. Достяна «Политика России и Франции в славянских странах Адриатического побережья 1806–1813 гг. и образование иллирийских провинций Австрии», В.И. Пичеты «Дипломатия кн. Адама Черторыйского», «Аграрно-крестьянский вопрос в королевстве Польском 1815–1830 гг.», Н.Д. Ратнер «Возникновение венгерско-хорватского соглашения 1868 г.», В.Н. Кондратьевой «Аграрный вопрос в Боснии накануне восстания 1875 г.», И.И. Удальцова «К вопросу о возникновении чешской „национально-свободомыслящей партии“».

Проблемам межвоенного периода был посвящен доклад С.Ш. Гринберга «Болгария в 1918–1939 гг.» Несколько докладов свидетельствовали о серьезном отношении Сектора к историографическим проблемам. В.И. Пичета прочитал доклады «Христо Ботев и его историко-философские взгляды», «Памяти академика Ст. Кутшебы», А.А. Никольская — «Польский вопрос в освещении газеты „День“», М.В. Миско — «Русско-польские отношения в период разделов Польши в освещении С.М. Соловьева» и «Концепции историков Бобржинского, Дембовского, Кутшебы по вопросу о воссоздании польского государства»¹⁰.

Работы членов Сектора по проблемам образования славянских государств, русско-славянских связей, наконец, нашли место в «Славянском сборнике. I. Образование Сербского, польского и чешского государств. II. Исторические связи славян» (т. I), который был сдан в печать в 1946 г. и опубликован в 1947 г. Об образовании чешского государства там говорилось в статье З.Р. Неедлы, сербского — Ю.В. Готье, польского — В.И. Пичеты. Г.Э. Санчук написал о государстве Готшалка. Кроме того, здесь помещены статьи В.И. Пичеты «Юрий Крижанич и отношение его к Русскому государству», С.К. Богоявленского «Политические связи сербов с Русским государством в XVII–XVIII вв.», М.Н. Тихомирова «Культурные связи русского народа с южными славянами», С.А. Никитина «Дипломатические сношения Сербии с Россией в 60-х годах XIX в.». За рамки указанной проблематики выходили две статьи по темам кандидатских диссертаций Л.В. Разумовской «Крестьянские повинности в Польше в XIII в.» и Г.Э. Санчука «Majestas Carolina».

Статьи сборника в совокупности давали довольно целостное представление о формировании отдельных славянских государств. Сборник уже не носил откровенно антифашистско-агитационного характера и потому наработки по проблемам становления раннефеодалных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, сделанные в статьях, и их фактический материал активно использовались позднее в коллективных трудах по истории Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии, подготовленных в Институте славяноведения АН СССР.

Пичета указал также, что в Секторе сданы в печать краткие истории Польши и Чехии, готовятся к печати сборник «Югославия» и «Славянский сборник» т. II¹¹. Из них вышли в свет только последний сборник и «История Чехии». Одной из причин такого положения, кроме недостаточной настойчивости руководства Сектора, могла быть и чисто техническая — катастрофическая нехватка бумаги, большая часть которой шла на нужды агит-пропаганды. На это указывалось на упомянутом совещании историков 1944 г.¹²

Узким местом в работе Сектора славяноведения являлось, как мы видели, отсутствие своего печатного органа, который мог бы решить жгучую проблему публикации трудов его сотрудников. Об этом, кстати, В.И. Пичета говорил на совещании историков в 1944 г.¹³. Кроме того, Сектор не мог взять на себя по недостатку кадров решение всех актуальных тогда проблем даже исторической части славяноведения, не говоря уже о его филологической составляющей. В то же время в послевоенный период, когда речь шла о создании блока стран народной демократии, в большинстве своем славянских, проблемы славяноведения не теряли своего политического характера. Понимая это, руководство Института истории и Сектора активно включилось в борьбу за создание специального комплексного Института славяноведения, идею воссоздания которого с начала войны активно вынашивал Н.С. Державин. Основой будущего Института он полагал возглавляемую им с 1942 г. Славянскую комиссию АН СССР, что было официально выражено в постановлении Президиума АН СССР. Однако в 1945 г. в период его командировки в Болгарию и постигшей его продолжительной тяжелой болезни инициатива по созданию Института перешла в руки историков. Директор института истории Б.Д. Греков в апреле 1945 г. представил в ЦК ВКП(б) проект создания специального Института как комплексного центра славяноведения в СССР на базе трех академических учреждений: Сектора славяноведения Института истории, Славянской комиссии и Сектора славяно-балтийских языков Института русского языка. В задачи нового Института входило решение тех проблем, которые были обрисованы ранее в «перспективном плане в области исторической науки» 1945 г., а именно «изучение происхождения славянских народов и их исконных связей; возникновение славянских государств и их борьба за свою независимость; внешняя политика славянских государств; история русского славяноведения; культурное развитие западных и южных славян в их взаимоотношениях с русской культурой»¹⁴, а также ряда литературоведческих и лингвистических проблем. Попытки Н.С. Державина, оправившегося от инсульта, убедить партийное руководство, что именно он должен возглавить новый Институт, оказались безуспешными. Его директором был назначен академик Б.Д. Греков, заместителями по истории — академик В.И. Пичета, филологии — академик С.П. Обнорский. Многие сотрудники Сектора славяноведения (среди них С.Ш. Гринберг, К.И. Козырина, В.Н. Кондратьева, В.Д. Королук, М.В. Миско, Г.Э. Санчук, А.К. Целовальникова и др.) вошли в состав нового Института. Н.С. Державин возглавил в конечном итоге небольшой филиал Института в Ленинграде в 1950 г. (О создании Института славяноведения см. далее.)

Таким образом, Сектор славяноведения Института истории АН СССР внес свою лепту в возрождение этой отрасли отечественной науки накануне, в годы и по окончании Великой Отечественной войны, подготовив необходимые кадры отечественных славистов. В трудное время военного лихолетья советские слависты самоотверженно трудились на благо советской науки. И хотя их работы, зачастую изложенные в устной форме, были не свободны от идеологического социального заказа своего времени, им удалось заложить прочный фундамент разработки большинства проблем исторического славяноведения, интенсивно исследуемых в последующие годы.

СЛАВЯНСКАЯ КОМИССИЯ АН СССР

Славянская комиссия при Президиуме АН СССР была создана в годы Великой Отечественной войны в целях содействия развитию славяноведения в СССР. Ее возглавил академик Н.С. Державин. До недавнего времени это сообщество ученых, ставшее одним из трех «источников» формирования Института славяноведения АН СССР, не было предметом специального исследования¹¹⁵. Архив Славянской комиссии в виде отдельного фонда не сохранился. Однако протоколы заседаний Комиссии нам удалось разыскать в фонде его секретаря В.Т. Дитякина в Центральном московском архиве — Музее личных собраний, другие материалы хранятся также в Архиве РАН и его Петербургском филиале (ПФА РАН).

Идею создания Славянской комиссии (далее СК) академик Н.С. Державин высказал еще в 1938 г., в начале борьбы за возрождение славяноведения в СССР. Существовавшая ранее в рамках еще не реорганизованной Академии наук (т. е. до 1929 г.) комиссия под аналогичным названием, занимавшаяся изучением «славянства в историческом, литературном, этнографическом, языковом и др. отношениях» под руководством П.А. Лаврова, была расформирована в начале 1930-х гг. в период массовых репрессий оставшихся в Советской России славистов¹¹⁶.

Н.С. Державин явился одним из немногих советских славяноведов, избежавших тюрьмы и ссылки, но его любимое детище — Институт славяноведения (1931–1934) — был закрыт. Предложения ученого о некоторых мероприятиях, отчасти компенсирующих эту потерю¹¹⁷, тогда руководящими инстанциями во внимание не принимались. Однако накануне Второй мировой войны внешнеполитическая ситуация изменилась. Советское руководство, предвидя грядущую войну с фашистской Германией, с одной стороны, пыталось «умиротворить» агрессора, пойдя на заключение пакта Риббентропа–Молотова, но с другой — должно было подумать о своих стратегических союзниках, среди которых важное место занимали славянские страны. Н.С. Державин как никто другой понимал последнее обстоятельство, пытаясь использовать его для обоснования необходимости возрождения славяноведения в СССР. Еще в 1938 г. он писал: «Угрожающее наступление немецкого фашизма на дружественную нам Чехословакию и другие славянские страны Центральной Европы, всякое замаскированное или открытое противодействие успехам славяноведных изучений в СССР должно быть рассматриваемо как попустительство фашизму. С другой стороны, заострение внимания советской науки к славяноведным проблемам несомненно сыграет в трудовых демократических кругах малых народов Центральной Европы, находящихся под непосредственной угрозой фашистского погрома, огромную роль фактора, стимулирующего подъем антифашистского настроения, так как будет воспринято здесь как доказательство внимания к малым народам со стороны великого Советского Союза, пользующегося в этих кругах, как известно, исключительным авторитетом единственного в мире подлинного защитника угнетенного человечества»¹¹⁸.

Не случайно уже в 1938 г. в кругах филологов и историков СССР началось рассмотрение вопроса об организации центров славяноведения в академических институтах и вузах страны. Так, в середине 1938 г. в Отделении общественных наук АН СССР обсуждался проект академика А.М. Деборина, предусматривающий создание в Ленинграде при Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра (далее ИЯМ) совместно с Институтом литературы АН СССР специального сектора по изучению литературы и фольклора южных и западных славян с привлечением к работе, кроме 5 сла-

вистов из ИЯМа, академиков Б.М. Ляпунова и Н.С. Державина, члена-корреспондента Л.В. Щербу, профессора В.Г. Чернобаева и других ведущих специалистов.

Н.С. Державин, находясь в сложных личных отношениях с ленинградскими славистами, выступил против этого проекта. В служебной записке академику И.К. Луполу от 12 ноября 1938 г. он обосновывал свой отказ нежеланием оказаться в подчинении «компаний предпринимателей, очковтирателей и бездельников», в числе которых бесосновательно назывались академики А.С. Орлов, А.М. Деборин, профессора В.М. Жирмунский и В.Г. Чернобаев, «при полной пассивности и невмешательстве со стороны П.И. Лебедева-Полянского» (тогда директора Института литературы. — *М.Д.*). Взамен он предлагал укрепить существовавший в ИЯМе Кабинет русского и славянского языков. «Наконец, — писал он далее, — если бы Президиум признал бы полезным объединение всех ленинградских славяноведов, литераторов и лингвистов, включая сюда и специалистов по русскому языку, полезным и отвечающим интересам дела, то в таком случае надо было бы говорить не о создании отдела славянской филологии в составе ИЯМа, а о создании *Славянской комиссии* (выделено нами. — *М.Д.*), подчиненной Президиуму АН, но в таком случае всю лингвистическую работу по изучению русского и других славянских языков пришлось бы изъять из ИЯМа и передать в ведение названной выше Славянской комиссии, что я признаю несвоевременным и нецелесообразным. Организация же Отдела славянской филологии в составе ИЯМа явится несомненно кустарщиной, снижать до которой академическое славяноведение нельзя»¹¹⁹.

Руководство АН СССР, видимо, приняло во внимание доводы авторитетного Н.С. Державина и подобный отдел в ИЯМе, равно как и Славянская комиссия в то время организованы не были.

Предложение о создании при Отделении литературы и языка (далее ОЛЯ) Комиссии славянской филологии, в задачи которой входила бы координация работ в области славяноведения, прозвучало в докладе С.П. Обнорского «Перспективы развития славянской филологии в СССР», сделанном на майской 1940 г. сессии ОЛЯ АН СССР¹²⁰.

Новое предложение об организации СК Н.С. Державин выдвинул в разгар Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Казани. Оно также прозвучало в более широком контексте. Несмотря на тяжелые условия военного времени, ученый мечтал о создании в СССР фундаментального центра славяноведения, который проводил бы подготовку кадров славистов, а также академические исследования по истории языков, литератур, культуры и прошлого славянских народов, гарантировал их архивное и библиотечное обеспечение, координировал работу славистов внутри страны и развивал их международное сотрудничество. Этим целям соответствовало бы, по мнению Н.С. Державина, создание в СССР Академии славяноведения. Более узкие задачи в рамках этого проекта мог бы решать Институт славяноведения (со штатом приблизительно 60 человек) и, наконец, Славянская комиссия (со штатом в 10 человек). В докладной записке от 17 августа 1942 г. Н.С. Державин представил на рассмотрение Президиума АН СССР все три варианта создания славистического центра в нашей стране. Естественно, что в ходе его обсуждения, учитывая условия войны, был избран самый «экономный» из предложенных вариантов. В постановлении Президиума АН СССР указывалось, что он признает целесообразным организацию в системе Академии наук Института славяноведения, но в связи с военным временем организует вместо него «для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в АН СССР» Славянскую комиссию «с привлечением к ее работам специалистов-славяноведов и византинистов»¹²¹.

Штаты СК по замыслу ученого должны были составлять: 1 председатель, 1 зам. председателя, 1 ученый секретарь, 5 старших научных сотрудников, 1 референт и 1 машинистка. В конце концов был утвержден состав СК, включающий в себя 5 человек (председатель, его заместитель, ученый секретарь, референт и машинистка). Персонально, естественно, Комиссию возглавил академик Н.С. Державин, его заместителем утвердили русиста, академика С.П. Обнорского, ученым секретарем первоначально — византиниста, профессора М.В. Левченко, который, однако, по имеющимся сведениям, так и не приступил к исполнению своих обязанностей. Эту должность все эти годы исправно исполнял историк западноевропейской культуры, славист-самоучка, профессор В.Т. Дитякин, совмещая ее с обязанностями референта. Секретарем-машинисткой значалась М.А. Державина, но эта штатная единица скоро также была сокращена, и машинописное обслуживание Комиссии возлагалось на аппарат Президиума АН СССР. Месячный фонд зарплаты СК определялся в сумме 2100 рублей и практически весь шел на зарплату ученого секретаря (1500 руб.) и одновременно референта (450 руб.)¹²².

Располагая такими скромными возможностями, Н.С. Державин, тем не менее, рассматривал Комиссию как прообраз будущего Института славяноведения и понимал ее задачи чрезвычайно широко. По его замыслу, она должна была координировать «научно-исследовательскую работу по славяноведению во всех его частях (история, языкознание, литературоведение, этнография, экономика) и смежных с ним дисциплинах (византиноведение, история СССР, история Западной Европы и др.)», содействовать «исследовательской работе как целых научно-исследовательских учреждений, так и отдельных организаций и лиц путем изыскания соответствующих средств», устанавливать «связи между отдельными учреждениями с целью создания максимума единства и плановости тематики, достижения теоретической выдержанности и широчайшего охвата всех проблем, стоящих перед советским славяноведением»; устанавливать связи между «славяноведными научными учреждениями СССР и заграницы»; содействовать «широкой популяризации достойных теоретических работ научных учреждений», а также «созданию и постановке славяноведных курсов в вузах СССР»; оказывать «братскую помощь и содействие научно-исследовательским учреждениям славянских народов, не объединенных СССР»¹²³.

Для достижения указанных целей СК, как полагал Н.С. Державин, предстояло установить «постоянные связи со всеми славяноведными научно-исследовательскими учреждениями СССР и за границей», разработать «единый теоретический план научных работ по славяноведению в СССР» и представить его в Президиум АН СССР, принимать участие в работах АН Союза ССР и республик, а также зарубежных славистических учреждений путем послышки на их сессии своих представителей, оказывать поддержку местным славистическим учреждениям в их обращениях и ходатайствах перед центральными правительственными учреждениями и общественными организациями СССР, оказывать широкое содействие Всесоюзному комитету по делам высшей школы по постановке славистических курсов в вузах СССР путем участия в соответствующих его комиссиях, выработке программ курсов, рекомендации преподавателей, участвовать в подготовке аспирантов, созывать пленарные заседания комиссии и конференции научно-исследовательских учреждений и научных работников-славяноведов, выполнять задания общеславяноведческого характера (библиографические работы по славяноведению, энциклопедия славяноведения, сборник по славяноведению общего характера, переводы классических работ и т.п.), принимать участие

в работе Всеславянского комитета в Москве и других общественных организаций, организовывать научно-популярные лекции, издавать научно-популярную литературу, регулярно представлять отчеты Президиуму АН СССР¹²⁴.

Таким образом, по масштабному замыслу Н.С. Державина СК должна была стать средоточием всей славистической работы в СССР, взяв на себя функции международного представительства и посредничества перед высшими государственными учреждениями внутри страны, определять характер не только научно-исследовательской работы, но и преподавания славистических дисциплин в вузах, а на общественно-политическом уровне — «нового славянского движения» в СССР и т.д. Разумеется, что осуществление подобных «замыслов с размахом» (своего рода иного варианта грандиозных планов В.И. Пичеты 1939 г.) в СССР в условиях войны при незначительном числе разбросанных эвакуацией кадров славистов и весьма скромных организационных и финансовых возможностях СК было нереально. И тем не менее попытки частичной реализации указанной программы, предпринятые Н.С. Державиным, в тяжелые годы войны заслуживают внимания и уважения потомков.

Работа Славянской комиссии началась с составления В.Т. Дитякиным указанного выше положения о ее деятельности, собирания сведений о ведущихся в научных учреждениях СССР работах по славяноведению и составления их сводного обзора, а также подготовки списка работающих в стране славистов, которых Н.С. Державин стремился привлечь к работе в СК. Первый подобный список включал в себя 20 человек. Это были в основном историки-слависты, работавшие в Секторе славяноведения Института истории АН СССР (полонисты В.И. Пичета, Л.В. Разумовская, политэмигранты из славянских стран: чех З.Р. Неядлы, болгарин Р.К. Караколов, македонец Д.И. Влахов, серб Н.П. Франич, хорват С.И. Зинич, словенец Д.С. Густинчич), историк-полонист У.А. Шустер, лингвист, специалист по кавказским языкам и фонетике Н.Ф. Яковлев, филолог-славист Института языка и мышления АН СССР Б.М. Ляпунов, профессор МГПИ им. В.П. Потемкина А.М. Селищев, лингвист-болгарист С.Б. Бернштейн, литературовед-русист М.О. Скрипиль, этнограф и фольклорист-богемист П.Г. Богатырев, византинисты М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц и др. Многие из них находились в эвакуации в Ташкенте, Свердловске, Казани и других городах Союза. Всем им были посланы приглашения с изложением программы деятельности Комиссии¹²⁵. Список объективно включал в себя большинство действующих в СССР славистов, как филологов, так и историков, невзирая на идейные разногласия, симпатии-антипатии к председателю Комиссии. Но как различные отношения определили ее настоящий, действующий состав.

Далее Н.С. Державин, будучи в командировке в Москве, «посетил заседание Института языка и письменности и огласил план работ СК, который был встречен всеми участниками заседания выражением сочувствия и готовности работать. Им достигнута полная договоренность со Всеславянским комитетом, членом которого он является, о предоставлении комитетом помещения для работы Славянской комиссии»¹²⁶. И действительно, в Москве заседания Комиссии проходили по адресу ВСК — ул. Кропоткина (ныне Пречистенка), д. 10.

Первое официальное заседание СК состоялось в Казани 8 января 1943 г. в присутствии Н.С. Державина, С.П. Обнорского, В.Т. Дитякина, М.О. Скрипиля и византиниста Н.В. Пигулевской (не включенной ранее в состав Комиссии). Из сохранившегося протокола следует, что на нем обсуждались вопросы бюджетного финансирования, штатного состава Комиссии, была одобрена предварительная организационная дея-

тельность Державина. Участники заседания приняли решение «провести в ближайшее время учет всех научных работников СССР, работающих в области славяноведения и смежных дисциплин, установить с ними регулярные связи, наметить план научных заседаний на ближайшее время, приступить к развертыванию издательской деятельности Комиссии, подготовив, в первую очередь, 1-й том трудов Славянской комиссии». Предусматривались три серии изданий СК: 1. «Труды Славянской комиссии» (непериодическое издание); 2. Монографии; 3. Популярно-агитационная литература, учебники и брошюры. Всем членам СК настоятельно рекомендовалось «принять самое широкое участие в деле распространения правильных научных сведений о славянских народах, их истории, литературе, современном положении, их героической борьбе с гнусным врагом всех славян — германским и итальянским фашизмом и их подлыми приспешниками» и особое внимание уделять сотрудничеству в журнале «Славяне», выходившем с середины 1942 г.¹²⁷.

О первых шагах работы Комиссии Н.С. Державин весьма откровенно писал П.Г. Богатыреву 17 апреля 1943 г.: «С декабря 1942 г. у нас функционирует „Славянская комиссия“, как временное учреждение. После войны она будет реорганизована в „Славянский институт“. Я уже включил Вас в состав „Славянской комиссии“, а затем Вы перейдете в „Славянский институт“. Работа Комиссии протекает в Казани, но ввиду отсутствия, кроме меня и двух византинистов, других специалистов, носит очень жиденький характер. Со славистами у нас в СССР вообще дело обстоит очень слабо, особенно после потери в Ленинграде трех моих учеников. Как удастся нам наладить работы „Славянской комиссии“, я не знаю, но не падаю духом»¹²⁸. Судя по отчетам Комиссии, компаративист и структуралист П.Г. Богатырев (зная о приверженности Державина марризму) в ее работе, видимо, по идейным соображениям, не считал нужным участвовать.

П.Г. Богатыреву, как и другим, избранным Н.С. Державиным членам СК, посылались план ее работ на 1943 год, включавший в себя актуальные (с позиций науки того времени) проблемы славяноведения, которые предполагала рассматривать Комиссия на своих заседаниях. Среди них: проблема этногенеза славянских народов; борьба славянских народов за национальную свободу и государственную независимость; общность культуры славянских народов по данным вещевых памятников, древностей, языка, литературы, фольклора, права; критический пересмотр древних памятников по истории славянских народов; славяне и Византия в их культурно-исторических связях и взаимоотношениях. В приглашении членам Комиссии также указывалось: «Настоящим Вы привлекаетесь к работе Комиссии. Об избранной Вами теме работы и форме ее (исследование, доклад, статья для „Трудов Славянской комиссии“) прошу Вас сообщить по адресу: г. Казань, ул. Чернышевского, 18, АН СССР»¹²⁹.

Следует отметить, что предлагаемая Н.С. Державиным тематика докладов по славяноведению являлась комплексной, не носила ярко выраженного конъюнктурно-политического характера (за исключением, может быть, второй темы). В дальнейшем, как мы увидим, она была значительно изменена в зависимости от реальных исследовательских возможностей приглашенных ученых и «социального заказа» военного времени.

Уже в первые месяцы существования Славянской комиссии в Казани Н.С. Державину удалось организовать 5 заседаний с обсуждением докладов. В начале он предложил слушателям свой постановочный доклад: «Этногенетический метод изучения русского и славянского фольклора (в связи с исследованием былин об Илье Муромце и Крелевиче Марко)», чтобы продемонстрировать «идейную зрелость» возглавляемой им Комиссии

и готовность ее членов развивать славяноведение в духе марксизма-ленинизма. В нем он попытался соединить несоединимое: во-первых, в духе учения Н.Я. Марра о языке дать «развернутую характеристику нового, резко порывающего со старой традицией метода исследования фольклора. Это метод этногенетический, основанный на приложении к фольклору диалектической теории познания, строящегося на ней учения о стадиях мышления». Во-вторых, в соответствии с потребностями и задачами военного времени, определявшими необходимость активизации усилий по сплочению славянских народов на борьбу с фашизмом, он руководствовался «с одной стороны, — идеей общности славянских народов, с другой стороны — идеей глубокой в то же время самобытности и величия древнейших культур славянских народов». И эта «тремучая смесь» истинно-марксистского «нового учения Н.Я. Марра о языке», отрицавшего существование каких-либо национальных и «генетически связанных» общностей и языковых семей, в соединении с традиционными для дореволюционного славяноведения «возрожденческими» идеями «славянской взаимности» и сравнительного славянского языкознания, предложенная в качестве нового метода, иллюстрировалась, как говорилось в информации, «внимательным анализом огромного количества памятников славянского фольклора и особенно двух вышеназванных, широко известных всему славянскому миру былин». Тем не менее, «присутствующие на заседании члены Комиссии отметили чрезвычайную плодотворность нового метода, обширность и солидность его аргументации»¹³⁰, не дав по умолчанию никакого отпора марризму.

Другие доклады не носили столь «новаторского» характера, будучи посвящены традиционным проблемам славяноведения. Заместитель председателя СК, высококлассный специалист по истории русского языка и его древних памятников, академик С.П. Обнорский посвятил свое сообщение 100-летию со дня издания Остромирова евангелия, замечательного памятника древнерусской письменности XI в., охарактеризовав его значение «для истории русского языка, палеографии, искусства... на широком фоне картины развития филологии»¹³¹. Трактовал он памятник, опираясь на общепринятый в славянской филологии метод сравнительно-исторического анализа.

Одно из заседаний Комиссии посвящалось памяти ее члена, выдающегося специалиста по истории, этимологии и сравнительной фонетике славянских языков, академика Б.М. Ляпунова, скончавшегося 23 февраля 1943 г. Выступавшие отметили огромные познания, разносторонность и широту интересов покойного, «хорошо известного и зарубежному славянству»¹³². Участники заседания не афишировали резкое неприятие покойным марнизма.

Историк древнерусской литературы М.О. Скрипиль прочел доклад «Повесть о Петре и Февронии и сербская песня о царице Милице и Змее из Ястребца (К проблеме славянского единства)». Используя традиционные методы исследования, он сосредоточился на анализе вопроса «о культурных связях восточных и южных славян в период раннего развития их национальных культур», показав несостоятельность старых представлений о заимствованиях в названных славянских памятниках из скандинавского фольклора. Их сходство он объяснял «восхождением этих обоих произведений к одному общему для всех славянских племен источнику»¹³³. Слушатели одобрили патристическую, антинорманскую направленность доклада.

Византинист М.В. Левченко в докладе об «Императорском домене в Византийской империи в VI веке» нарисовал «обстоятельную картину земельных порядков в Византии VI в., с которыми пришлось столкнуться становившимся здесь на ноги славянским племенам»¹³⁴.

Всего в Казани на заседаниях СК было прочитано 9 докладов. В информациях и протоколах упоминались выступления доцентов: историка Б.Д. Дацюка «Патриотические идеалы Юрия Крижанича», литературоведов М.А. Васильева «Мотивы патриотизма и идея славянского единства у русских поэтов XIX в.», Е.К. Бахмутовой «Пушкин и славянство» и профессора М.В. Левченко «Имперское землевладение в Восточно-Римской империи в V–VI вв.»¹³⁵. Судя по всему, проблемы славянской идеологии становились приоритетными на заседаниях СК. Они как нельзя лучше отвечали «социальному заказу» военного времени.

Одновременно Н.С. Державин предпринимал усилия по «постановке изучения истории, литературы и языков в *высшей школе*» (здесь и далее выделено нами. — М.Д.), послав специальное письмо председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы С.В. Кафтанову от 29 апреля 1943 г. В нем он предлагал осуществить несколько мероприятий: создать при ВКВШ, при ВАК Славянскую подкомиссию, которая должна будет взять на себя проведение всей методической работы, составление программ курсов, подготовку учебников, выдвижение лекторов и т. д.; поручить СК АН СССР подготовить программы по курсам истории, истории литературы и языков всех славянских народов для историко-филологических факультетов университетов и пединститутов; поручить СК АН СССР подготовить *учебник* по истории славянских народов, большая часть материалов для которого уже подготовлена работниками комиссии (Державиным и Дитякиным); поставить с осени 1943 г. в нескольких крупных вузах СССР *курсы* истории, литературы и языковедения славянских народов, в чем СК АН СССР может оказать широкое содействие.

Но оказалось, что Державин несколько опоздал со своими предложениями. С.В. Кафтанов в ответном письме от 31 мая 1943 г. констатировал, что при Комитете уже создана Комиссия под руководством профессора А.М. Еголина, которой поручено проведение всей методической работы по составлению программ курсов и учебников, в том числе и по вопросам славяноведения. Тем не менее, Комитет просит СК АН СССР подключиться к работе названной Комиссии, прежде всего, в части подготовки программ и учебников по истории, истории литературы и языков славянских народов для историко-филологических факультетов университетов и пединститутов и рекомендовать специалистов-славяноведов для прочтения в них специальных курсов лекций¹³⁶. О дальнейшем ходе работы Комиссии в этой области мы информацией не располагаем, но общеизвестным фактом является деятельное участие Н.С. Державина на уровне Президиума АН СССР в деле организации осенью 1943 г. кафедры славянской филологии на филфаке МГУ¹³⁷.

После сентябрьского (1943 г.) Общего собрания АН СССР Комиссия продолжила свою работу уже в Москве, проведя во втором полугодии еще пять научных заседаний. В отчете за этот год указывалось, что, кроме того, «члены СК вели большую популяризаторскую работу, выступая с докладами и лекциями на славяноведческие темы на научных сессиях Академии наук СССР, в высших учебных заведениях, в различных учреждениях, предприятиях и воинских частях. Эта работа имела большое значение для распространения правильных сведений по истории, литературе и языкам славянских народов»¹³⁸. Многие из этих докладов и иные статьи членов Комиссии впоследствии были напечатаны в журнале «Славяне», советской и зарубежной периодике.

В конце года Комиссия совместно со Всеславянским комитетом приступила к подготовке справочника «Славяне (народы и страны)»¹³⁹, в составлении которого под руко-

водством Н.С. Державина приняли участие академик Л.В. Щерба, член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова, профессора Т.С. Горбунов, В.Т. Дитякин, доцент В.Д. Дацюк, а также В.Д. Королюк, Ф.Т. Константинов, В.С. Осьминин, политэмигранты профессор З.Р. Неудлы, В.П. Коларов, Ж. Корман, Н.П. Франич, Р.К. Караколов, Д.И. Влахов, Д.С. Густинчич, С.И. Зинич¹⁴⁰. Таким образом, в этой работе были задействованы почти все наличные кадры историков-славистов. Но данное издание, к сожалению, в свет не вышло. Возможно, краткая версия его содержания изложена в исторической справке «Славяне», опубликованной Н.С. Державиным и Ф.Т. Константиновым в 1943 г.¹⁴¹

К концу 1943 г. был составлен первый том трудов Славянской комиссии, содержащий 20 статей общим объемом в 32 а.л. В него вошли вышеназванные доклады Н.С. Державина, С.П. Обнорского, М.В. Левченко, М.О. Скрипиля, кроме того, написанные С.П. Обнорским статьи по истории науки «К 20-летию со дня смерти И.В. Ягича» и «Некролог А.М. Селищева», заметка об академике Н.С. Державине, а также статьи византинистов Н.В. Пигулевской «Славяне на Балканском полуострове во второй половине VI — начале VII вв.» и Е.Э. Липшиц «Из истории нападения славян на Византийскую империю», статьи по истории южных славян — В.И. Беяева «Арабские источники по истории южных славян», М.Д. Башмакина «Славянский вопрос во франко-турецких отношениях XVI в.», В.Т. Дитякина «Образование государства хорватов» и др. Проблемы современности затрагивались лишь в статье В.Т. Дитякина «Начало Освободительной войны народов Юго-Славии против немецко-итальянских захватчиков»¹⁴². С.Б. Бернштейн зафиксировал в своем дневнике факт сдачи в сборник двух своих статей по докладам «О болгарской иммиграции» и восьмую главу из диссертации¹⁴³. О работе над «Трудами» СК говорилось в последующих отчетах о ее деятельности, но они по неясным для нас причинам так и не вышли в свет. Однако некоторые из названных статей были впоследствии напечатаны в различных научных изданиях¹⁴⁴.

Н.С. Державин продолжал работу и над персональным составом СК. К началу 1944 г. число научных работников, привлеченных в Комиссию, достигло 46 человек (36 из них являлись членами СК). Это были, прежде всего, сотрудники различных институтов АН СССР, работники АН УССР, МГУ, БГУ и пр. Среди них 3 академика, 3 члена-корреспондента, 22 профессора и доктора наук, 8 старших научных сотрудников, 4 доцента, 5 аспирантов. По специальности они распределялись следующим образом: филологов — 13, историков и этнографов — 28, правоведов и экономистов — 6, искусствоведов — 1¹⁴⁵. Таким образом, в работе Комиссии был представлен весь спектр специалистов по предмету славяноведения (в тогдашнем его понимании).

Сохранился список членов СК на 20 октября 1943 г. Среди новых имен здесь упоминаются филологи — академик Л.В. Щерба, профессора С.Г. Бархударов, Р.И. Аванесов, старший научный сотрудник ИМЛ С.И. Урбан, доцент С.С. Высотский и др.; историки и этнографы — члены-корреспонденты А.Д. Удадьцов, С.К. Богоявленский, профессора Б.А. Рыбаков, Н.П. Грацианский, М.Н. Тихомиров, доктор исторических наук Н.В. Пигулевская, аспиранты Института истории Ф.Т. Константинов, В.С. Осьминин, С.Ш. Гринберг, В.Д. Королюк, м.н.с. А.К. Целовальникова, профессора, сотрудники АН УССР К.Г. Гуслистый, Н.Н. Петровский и др.; экономисты и правоведы, профессора: болгарский политэмигрант В.П. Коларов, Г.С. Михайлов, В.А. Краснокутский, Т.С. Горбунов, Н.А. Кожин, З.Л. Орех, преподаватель ВШ РККА С.П. Рудных, член-корреспондент АН УССР С.В. Юшков и др.¹⁴⁶. Следует отметить, что большинство из названных лиц реально в СК не работали.

В 1944 г. СК АН СССР значительно расширила свою работу «как по линии проблематики славяноведения, так и по линии организационной». Было проведено 14 пленарных заседаний, 2 секционных и 2 совещания, на которых заслушано 13 научных докладов и сообщений, охватывающих как общие, так и многие частные проблемы славяноведения. В отчете за этот год отмечалось, что на них впервые ставились «вопросы анализа истории государственно-правовых отношений» и истории искусства славянских народов. «Наряду с разработкой тем, относящихся к более или менее далекому историческому прошлому славянских народов, были поставлены и подверглись обсуждению актуальные проблемы современности»¹⁴⁷.

Заседания Комиссии в 1944 г. открыл доклад старшего научного сотрудника ИМЛ им. А.М. Горького С.И. Урбана «Идея борьбы за единство славянских народов и национальное освобождение в словенской литературе до XIX века». В информации говорилось, что автор подробно осветил развитие словенской литературы в контексте исторического развития этого народа, показав «его богатое историческое прошлое, обычно отрицаемое немецкими фальсификаторами истории». Основными идеями словенской литературы с древнейших времен в духе военного времени автор назвал «идеи независимости словенского народа, единства славянских народов», отметив, что «борьба с немцами в художественной литературе словенцев всегда занимала очень большое место»¹⁴⁸.

В своем втором сообщении С.И. Урбан обозрел словенскую литературу XIX — начала XX в. Судя по информации, доклад строился по классической схеме марксистской историографии: «начав с характеристики влияния Французской буржуазной революции XVIII в. на развитие словенской общественности, подробно охарактеризовав иллирийское движение, влияние революции 1848 г., докладчик подробно осветил период конца XIX и начала XX вв., когда идея объединения словенского народа достигает особенной выразительности (творчество Прешерна, Грегорчича, Ашкерца и др.)». Примечательно, что докладчик закончил свое выступление «анализом патриотических песен современной национально-освободительной борьбы народов Югославии против немецкого и итальянского фашизма»¹⁴⁹.

В докладе С.Б. Бернштейна «Болгарская иммиграция в Россию в период русско-турецкой войны 1827–1829 гг.» широко использовались уникальные материалы Одесского исторического архива, собранные в довоенный период. (Большинство из них погибло во время румынской оккупации Одессы.) Докладчик обстоятельно осветил «почти неизвестный в научной литературе период болгарской иммиграции в Россию, предпринятой по плану графа Воронцова и значительного расширенной петербургскими правящими сферами». Печальные судьбы этой волны болгарских иммигрантов объяснялись теми противоречиями, которые существовали «между широкими проектами императора Николая I и узкими возможностями их осуществления»¹⁵⁰. С.Б. Бернштейн, может быть, не без лукавства сетовал в своем дневнике (запись 27 января 1944 г.), что доклад «бессодержательно хвалили» и не нашлось специалистов для его критической оценки¹⁵¹.

Другой доклад С.Б. Бернштейна посвящался «Истории именного склонения в валахских грамотах XIV–XV столетия» (он составил впоследствии основу докторской диссертации ученого). В информации говорилось, что автор на основе большого количества изученных им валахских грамот «восстанавливает сменявшие друг друга пласты в развитии болгарского языка, выдвигая при этом ряд весьма интересных, но крайне

спорных вопросов по истории древнеболгарского языка и его происхождения». Доклад С.Б. Бернштейна вызвал оживленную дискуссию, в которой выступил и Н.С. Державин, подвергший «критическому обзору (вероятно, в духе марризма. — М.Д.) основные методологические установки докладчика и нарисовавший стройную концепцию развития болгарского языка»¹⁵². По версии С.Б. Бернштейна, Державин сказал о его докладе «несколько общих фраз, хвалил», а остальные молчали. Ученый поневоле сравнил Державина со своим учителем: «Селищев нашел бы объект для строгой и полезной критики»¹⁵³. Бернштейн сильно досадовал по поводу обидного отсутствия московских специалистов-славистов на заседании, которое он объяснил несколькими днями спустя «демонстрацией против Державина»¹⁵⁴.

Три доклада освещали вопросы древней истории славянских народов. Профессор В.П. Пожидаев в докладе «Азы-черкесы и болгарские династии» дал обстоятельный анализ данных античных писателей, археологии и лингвистики о древнейших обитателях Северного Кавказа. В отчете указывалось, что автор, «остроумно конструируя древнейшую историю народа *адыче, адзыче, азухи*, создает гипотезу о связях между этим народом и древнейшими славянскими племенами, создателями Первого болгарского царства. Опираясь также материалами лингвистики и этнографии, автор выдвигает предположение, что и вторая болгарская династия была очень близка сарматской среде». Вероятно, автор базировался на «новом учении о языке» Н.Я. Марра. Не все выступавшие по докладу согласились с доводами автора. Но в целом признавалась правильность постановки вопроса о складывании славянского народа «из различных прото- и близ- славянских компонентов». Особое значение имело привлечение докладчиком кавказских материалов, обычно не затрагиваемых при исследовании этого вопроса¹⁵⁵.

В числе рефератов по древней истории славян — два касались вопросов по истории права, весьма редкого явления в тогдашней и нынешней славистической среде. Правовед, профессор С.В. Юшков в докладе «О влиянии болгарского языка на древнерусское право» «вполне убедительно, на анализе правовых памятников доказал, что влияние болгарской литературы на русскую было гораздо более значительно, чем это обычно трактуется. Путем текстологического анализа автор показал, что *Судебник царя Константина* в Киевской Руси был столь же важным и действующим источником права, как и знаменитая *Русская правда*»¹⁵⁶ (выделено в тексте. — М.Д.)

Правовед, бывший профессор по кафедре теории и истории государства и права МГУ, работавший после выхода на пенсию в Институте прокуратуры СССР¹⁵⁷ В.А. Краснокутский прочитал доклад «Роль славян в истории римского государства и права». Из отчета следовало, что его выступление носило романтический характер, изобилуя «остроумными аналогиями и попытками филологического раскрытия терминов древнеримского права». Поэтому, вероятно, основная (по существу колларовско-венелинская) концепция автора «о славянах, как первоначальных насельниках Апеннинского полуострова»¹⁵⁸ и встретила серьезные возражения со стороны участников заседания. Однако мысли автора «о вторжении славянских элементов в Италию не только с Востока, но и с Запада, или соображение о большом влиянии элементов славянских правовых отношений на кодекс Гая и позднейшие венецианские статуты» были признаны интересными «при углубленной разработке этой проблемы»¹⁵⁹.

Критически мыслящий и компетентный в этом вопросе С.Б. Бернштейн, присутствовавший на заседании, совсем не так снисходительно оценил это выступление. «До начала доклада я подумал, — писал ученый, — что речь будет идти о влиянии славян-

ского права на Кодекс Юстиниана. Каково же было мое удивление, когда докладчик заговорил о V в. до н.э.». Более всего возмутила С.Б. Бернштейна некомпетентность автора-правоведа в лингвистических вопросах, которые он смело начал «разбирать», назвав свой доклад «лингвистическим». «Все его лингвистические рассуждения, — с иронией отмечал Бернштейн, — были на уровне Третьяковского. Древнейшим населением Апеннинского полуострова были, конечно, славяне. Именно они дали наименование Сицилии (ср. слав. *сѣчь*) и т.д. На острове была славянская вольница типа Запорожской Сечи. Умбрский язык был славянским языком. И все в таком же духе». Ученый первым выступил в прениях по докладу «и по возможности корректно показал, что метод докладчика был осужден в языкознании еще в начале XIX в. Нельзя решать поставленные профессором Краснокутским вопросы без специальной подготовки в области сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков». Престарелый докладчик «озлился и в заключительном слове заявил, что от всей сравнительной грамматики пахнет немецким духом». (Неотразимый аргумент с точки зрения «антифашистских» гонителей славянской филологии 1930-х годов!) С.Б. Бернштейн отметил далее, что присутствовавшие на заседании юристы не решились или не знали, как возражать докладчику, и потому молчали. Только С.В. Юшков «деликатно заметил, что юридических данных для подтверждения концепции докладчика нет»¹⁶⁰.

Данный пример наглядно показывает, насколько субъективными бывают интерпретации и оценки докладов в протоколах, хрониках и мемуарах участников событий. Мы старались отбирать при анализе наиболее объективную информацию, соответствующую научным представлениям современности. Поэтому и не можем целиком принять уничтожающе-саркастическую оценку, данную *всей* работе Комиссии после доклада В.А. Краснокутского раздосадованным С.Б. Бернштейном, который писал: «Под руководством Державина Славянская комиссия становится прибежищем махровых мракобесов, которые на славянской демагогии хотят кое-что заработать. Противно!»¹⁶¹.

Но проследим дальнейшую работу Комиссии. Особый интерес, как единственный в своем роде, представлял доклад профессора Н.А. Кожина «К вопросу о роли искусства западных славян в художественном развитии Европы в средние века». Основная его концепция носила ярко выраженный в условиях войны патриотический характер. В отчете отмечалось, что автор «путем сравнительного анализа старинных чешских и польских архитектурных сооружений опровергает ставшее традиционным в научной искусствоведческой литературе положение об отсутствии в искусстве западных славян оригинального самобытного начала». Автор пришел к выводу, что «в основе их лежат лужицкие постройки, бытовавшие на большой территории Центральной Европы еще до н.э., они-то и оказали влияние на скандинавский тип сооружений, которые традиция обычно полагает в основу старинной славянской архитектуры. Остроумны замечания автора о борьбе между славянскими и немецкими элементами, развернувшейся в чешской архитектуре X–XII вв. Столь же интересна и гипотеза докладчика о восхождении древней архитектуры Бранденбурга к постройкам полабских славян». В результате всего исследования докладчик приходит к выводу, что искусство западных славян, в частности архитектура имела свое «самобытное начало, которое в процессе своего развития оказало влияние и на общее западноевропейское искусство в эпоху средневековья». Признав интересными основные положения доклада, участники дискуссии отметили, что «многие вопросы, поставленные автором, нуждаются в дополнительной углубленной проработке»¹⁶². Отметим, что в данном случае членами СК патриотиче-

ское «самобытничество» славянской архитектуры не без веских оснований было поставлено под сомнение.

Совершенно неизвестный в тогдашней литературе вопрос «Иван Грозный и Сербия» осветил в своем докладе, основанном на серьезных архивных разработках, профессор МГУ М.Н. Тихомиров. Он начал с развернутого изложения связей Московского государства с южными славянами в XV в. и по данным летописей и свидетельству современников «установил особенно богатый и широкий рост этих связей после завоевания Константинополя турками». В неизвестных доселе и впервые подвергнутых исследованию докладчиком родословных московских государей он «нашел прямые указания на близкое родство Ивана Грозного с последними сербскими деспотами. Сам брак Ивана Грозного с Еленой Глинской носил политический характер — укрепление связи Москвы с сербами». Это родство объясняет «многие до сих пор мало выясненные вопросы русской истории, ставит по-новому вопрос о Максиме Греке, о появлении в России книгопечатания, связи которого с южнославянскими и венецианскими — славянскими очагами книгопечатания устанавливаются на анализе „без выходных“ книг». Участники обсуждения признали очень важным вывод автора, опровергающий традиционное в славяноведении утверждение, что знакомство русских с южными славянами является «фактором преимущественно конца XVII — начала XVIII века». В заключение докладчик выразил убеждение, что влияние южных славян на Россию имело не односторонний, а двусторонний характер. Поэтому «сознание культурного единства, единства по крови, вере и языку восточных и южных славян восходит к значительно более раннему времени, чем это обычно принято думать»¹⁶³. Доклад М.Н. Тихомирова многократно апробировался в его выступлениях на истфаке МГУ и Институте истории АН СССР, и везде его небесспорные идеи нашли тогда поддержку и понимание.

Аспирант Института истории АН СССР Ф.Т. Константинов прочитал доклад на тему «Славянское движение в России в начале XIX века». Автор проанализировал «условия развития славянского движения, как оно сложилось в России в начале XIX в. в результате внутреннего развития русского общества, с одной стороны, и влияния крупных культурно-общественных процессов, происходивших на Западе в это время — с другой». По мнению автора, «Россия в начале XIX в. переживала своеобразный период национального возрождения, которое в смыкании его с национальным возрождением западнославянских народов и дало широкую волну славянского движения в России». В отчете справедливо отмечалось, что, «к сожалению, в дальнейшем изложении автор свел все многообразие форм славянского движения в России в начале XIX в. лишь к истории Общества соединенных славян». Участники дискуссии говорили о своевременности постановки темы и о «необходимости более широкой трактовки проблем „славянского движения“ путем включения в это понятие вопросов научного и общекультурного порядка и о необходимости тщательно учитывать особенности славянского движения в каждой отдельной стране в зависимости от политического и социального уровня развития ее народа»¹⁶⁴.

Остальные доклады целиком посвящались южнославянской тематике. Доцент С.П. Рудных в докладе «Василий Левский (Из истории партизанской борьбы в Болгарии в 1870-х гг.)» на основе изучения большого числа малоизвестных материалов восстановил подлинную биографию «славного организатора болгарского революционера, замечательного конспиратора и организатора партизанской разведки». Подробно и обстоятельно он описал созданную Левским «сеть тайных, почти конспиративных квартир,

местных комитетов, количество которых достигало огромной цифры — 300». В характеристике политических воззваний Левского докладчик уделил «особое внимание России, на которую Левский взирал с огромной надеждой, как на страну-освободительницу»¹⁶⁵. Доклад Рудных был дополнен выступлениями Н.С. Державина и болгарского политэмигранта Т.С. Луканова, с позиций укрепления «боевого единства славянских народов» подчеркнувших значение пророссийской направленности деятельности болгарского революционера.

Старший научный сотрудник Института истории АН СССР, болгарский политэмигрант Р.К. Караколов представил на обсуждение членам Комиссии часть подготовленной им большой работы «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и ее значение для южных славян», построенной по канонам марксистской историографии и отражавшей тогдашнее понимание проблемы. «После обширного методологического введения, в котором автор широко использовал указания классиков марксизма-ленинизма, решительно опроверг многие ходячие теориейки старой историографии, широко использованные и позже, и в настоящее время болгарскими профашистами, докладчик переходит к обстоятельному анализу обширного документального материала. С несомненностью выясняется, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. как по субъективным стремлениям, так и по ее объективным результатам была подлинно освободительной, несмотря на все происки австро-германцев, впервые был установлен военный союз русского народа и южных славян. Результатом войны явилось решение исторической проблемы, создание буржуазно-демократической Болгарии». Особый интерес в условиях войны представляло сообщение автором материала «об общественном движении в Болгарии этих годов, о деятельности и роли болгарского народного ополчения»¹⁶⁶ и боевом братском союзе русского и болгарского народов.

Актуальной проблеме тогдашней современности, когда решался вопрос о государственном статусе составляющих будущую Югославию республик, был посвящен доклад старшего научного сотрудника Института истории АН СССР, члена Антифашистского югославского вече, македонца Д.И. Влахова «Македонский вопрос». Судя по отчету, докладчик подробно охарактеризовал международно-политическое положение Македонии с 1870 г. по 1944 г. и дал «подлинно научную трактовку новейшей истории Македонии в противовес многочисленным легендам, созданным сербскими, болгарскими и греческими великодержавными историками, географами и политиками», подробно осветив «борьбу македонских славян за свое национально-политическое освобождение и духовно-культурное объединение». Автор продемонстрировал официальное, общегославское видение решения этой сложной проблемы, принятое тамошними коммунистами. «Исходя из *Сталинского* (здесь и далее выделено нами. — М.Д.) определения нации докладчик убедительно доказал наличие самостоятельной македонской нации и ее исторического права на самостоятельное существование. Закljučая свой доклад, тов. Влахов подробно охарактеризовал современное положение Македонии и перспективы ее развития в связи с развитием национально-освободительной войны в Югославии и решениями Антифашистского югославского вече о федеративном устройстве Югославии, начинающее новый период истории македонского народа, получившего все права самоопределения и свободного политического существования».

Выступивший в прениях по докладу Н.С. Державин, выдавая желаемое за действительность, отметил, что «данный им еще в 1914 г. анализ македонского вопроса (с болгарских позиций! — М.Д.) ныне проверен практикой и позднейшими событиями

подтвержден в еще большей степени». Остановливаясь на решениях антифашистского югославского вече о федерации, академик Н.С. Державин отметил «необходимость глубокого изучения истории идеи балканской федерации, ее связи с русским утопическим социализмом в прошлом, с ленинизмом в настоящем»¹⁶⁷. С.Б. Бернштейн, присутствовавший на заседании, проявил большой интерес к докладу Д. Влахова, так как языковая интерпретация «македонского вопроса» входила в сферу его профессиональных интересов. Он с удовлетворением отметил, что позиция докладчика по этому актуальному политическому вопросу совпадает с его собственной: «Генетически коренное население Македонии является болгарским. История Македонии является органической частью истории Болгарии. Вот почему буржуазные ученые Болгарии во многом ближе к истине, нежели сербские ученые, которые извращают подлинные факты в угоду политическим интересам господствующих классов Югославии. Однако существует одно существенное отличие между подлинным положением и взглядами болгарских ученых. Начиная с XIX в. начался процесс обособления македонцев от болгар. Они стали чувствовать себя самостоятельной нацией. Процесс этот был длительным и сложным...» С.Б. Бернштейн дословно зафиксировал в своем дневнике позицию Д. Влахова: «Мы, коммунисты, решительно выступаем против аспираций болгарской буржуазии захватить Македонию. Наш лозунг: „Македония для македонцев!“, т. е. для славян, вlahов, греков, албанцев, турок, населяющих Македонию. В будущей балканской федерации Македония должна стать самостоятельным государством, она должна объединить все земли в границах исторической Македонии»¹⁶⁸.

Не вдаваясь в детали этой сложной проблемы, споры по которой не утихают до сих пор, проблемы, ставшей в конце 1940-х гг. по политическим причинам закрытой в СССР до времени перестройки, отметим, что в конце войны Д.И. Влахов имел возможность публично изложить свои взгляды относительно полной политической самостоятельности этой спорной территории на заседаниях Всеславянского комитета и его печатного органа, журнала «Славяне»¹⁶⁹. Однако после того, как лидеры компартии Югославии приняли решение о вхождении «усеченной» (без греческой и болгарской частей) Македонии в состав общего государства, Влахов был вынужден отказаться от идеи ее полного суверенитета. Эту позицию он выразил на заседании Славянской комиссии. Тем не менее здесь он встретил не только поддержку в лице С.Б. Бернштейна и отчасти «перестроившегося» Н.С. Державина, но и возражения ярых противников в лице своих коллег, югославских коммунистов-политэмигрантов, серба Франича и словенца Густинчича, которые «решительно отвергли основные положения докладчика о прошлом Македонии и македонских славян», выступив, по словам Бернштейна, с просербских позиций «беличизма», т. е. в русле представлений сербского академика А. Белича, защищавшего положение об исконной близости македонского языка к сербскому.

Сам московский славист осветил в своем выступлении лингвистический аспект македонской проблемы, который очень заинтересовал Влахова. Впоследствии Бернштейн передал македонцу по его просьбе свои письменные соображения по македонскому вопросу «Несколько замечаний о македонском литературном языке». При этом он исходил из того, что «новый литературный язык должен опираться на самые характерные, типичные говоры, отражающие самые существенные признаки македонского языка. Новый литературный язык должен существенно отличаться как от болгарского языка, так и от сербского. Поэтому в основе македонского литературного языка должны лежать говоры Прилепа, Битоли и соседних областей»¹⁷⁰. Соображения Бернштейна

были в общих чертах учтены при кодификации македонского литературного языка в Македонии, однако, в СССР исследования в этой области надолго затормозились из-за протестов и несогласия болгарской стороны. А начало этой долгой истории во многом положил доклад Д. Влахова на заседании Славянской комиссии.

Рассмотренные доклады, прочтенные в течение 1944 г., позволяют отметить некоторые закономерности в направленности работы СК. Из 13 докладов подавляющее большинство было посвящено болгарским (5) и югославянским (5) сюжетам. Меньшинство составляла западнославянская (2) и общеславянская тематика (1). Это свидетельствовало о том, что в подборе тем докладов, несомненно, сказывалась южнославянская специализация председателя Комиссии. В то же время ему, как никому другому, удалось привлечь для совместной работы славистов разных специальностей: 1 лингвиста, 1 литературоведа, 5 историков, 1 искусствоведа, 1 этнографа, 2 правоведов. (Историкам, как мы видим, было отдано даже некоторое предпочтение.)

Тематика докладов мало совпадала с ранее намеченной программой и носила отчасти случайный характер, связанный с научными интересами и предложениями докладчиков. Но было несколько моментов, объединяющих обсуждаемые доклады, несомненно связанных с военным временем. Большинство из них имело патриотическую и несколько романтическую направленность, стремилось разоблачить «происки» немецкой «антиславянской» историографии. В них проводилась мысль о коренной славянской самобытности и ее приоритете перед германским влиянием, извечной прогрессивности идеи славянской взаимности и необходимости укрепления русско-славянских связей. Все докладчики в большей или меньшей степени подчеркивали свою приверженность марксистской методологии (включая «новое учение о языке» академика Н.Я. Марра). В соответствии с этим подчеркивалась выдающаяся роль в истории славян деятелей революционного толка, теории и практики возглавляемого ими движения. Тем не менее, несмотря на условия военного времени, затрудняющие пользование архивами и библиотеками, большинство докладов базировалось на солидной источниковой базе, выдвигало ряд оригинальных гипотез, часть из которых нашли подтверждение в последующей историографии.

Следует отметить, что работа Комиссии протекала по известной аналогии с Сектором славяноведения Института истории АН СССР, где практика обсуждения докладов, то есть устная форма функционирования науки, также получила обыкновение. При этом в СК, так сказать, «на общественных началах» выступали многие его сотрудники, в основном политэмигранты болгаристы и югослависты, ибо в отличие от Сектора СК не имела штата своих научных сотрудников и определенного для них плана работ.

И все же Н.С. Державину удалось создать отдельную и уникальную исследовательскую группу при СК АН СССР с первоначальным названием «сектор права и экономики славянских народов» в составе 12 человек, сформированную из сотрудников Института права АН СССР, МГУ, Военно-юридической академии, Московского института права и др. Ее целью являлось изучение развития государства и права славянских народов. Такой группы ни до ни после СК в структуре АН СССР не создавалось. Судя по информации, названная группа выработала план работ, в котором на первом месте стояла подготовка сборника статей по истории государства и права славянских народов. Здесь предусматривалось также издание в 1944–1945 гг. сборника статей и однотомника докладов¹⁷¹.

Сохранилась докладная записка члена партбюро группы Г.С. Михайлова председателю СК АН СССР от 23 декабря 1944 г., которая проливает свет на работу правовой секции. Из нее следует, что ее руководителям удалось добиться принятия ВКВШ по-

становления о введении в юридических вузах факультативного курса по истории государства и права южных и западных славян (40 часов). Группа была, собственно, образована для подготовки первоначально намеченного 12-томного академического издания памятников права южных и западных славян. В ней участвовало 20 человек (среди них 14 профессоров, включая 6 докторов наук). Среди главных трудностей работы правовой секции СК АН СССР Г.С. Михайлов отметил недостаточность до последнего времени специального «научно-марксистского изучения государственного строя и права южных и западных славян, почти полное отсутствие правовых работ советского периода по этому вопросу». Поэтому было решено сначала издать хрестоматию «Избранные памятники права южных и западных славян конца XVIII в.» (под руководством виднейших советских историков права Б.И. Сыромятникова и С.В. Юшкова) и сборник «Государственно-правовые акты и документы южных и западных славян XIX–XX вв.». Публикация этих изданий, по мнению Михайлова, «может иметь значение и как один из первых шагов в деле упрочения нашего идеологического влияния в научно-общественных и вузовских кругах союзных с нами славянских государств»¹⁷².

В числе ближайших задач правовой секции в этой связи Михайлов считал подготовку «упреждающей» монографии по проблемам развития социалистического государства у славянских народов и использование опыта многолетней работы членов секции для постановки научно-методической и научно-учебной работы «на правовом участке славяноведения». Судя по некоторым данным, правовая секция все более обособлялась от СК и продолжала работу после ее ликвидации, выпустив в свет некоторые из названных выше трудов (под другими названиями)¹⁷³.

В 1945–1946 гг. работа Комиссии была свернута ввиду заграничной командировки и тяжелой болезни ее председателя, отчеты о ее деятельности ограничивались трудами академика Н.С. Державина, включенными в общеакадемический план как темы Комиссии. По теме «Введение в славяноведение» в качестве первой ее части в 1946 г. он издал монографию «Славяне в древности» (13,5 п.л.), вторую часть темы «Очерк развития славяноведческой науки» предполагалось завершить в 1946 г. В фонде Н.С. Державина сохранился текст этой работы, подготовленной В.Т. Дитякиным, который еще ждет своего исследователя. По каким-то причинам он не был издан. Экземпляр текста хранился и в расформированном архиве Института славяноведения. По теме «Христо Ботев» Н.С. Державин подготовил монографию в 8 п.л., которая вышла в свет в 1946 г.¹⁷⁴.

В отчете Комиссии за 1945 год подробно освещалась командировка ее председателя в Болгарию и Югославию. В Болгарии он «провел большую научно-исследовательскую работу, прочел ряд лекций и докладов в Болгарской академии наук и искусств и Софийском университете и принял участие в работах Славянского собора и многочисленных заседаниях, посвященных тем или иным замечательным датам в истории болгарской культуры и установлении более близких связей между болгарским и русским народами». Кроме того, он посетил Белград, где «также выступил с докладами в Югославской академии наук и Народном университете». В отчете указывалось, что Н.С. Державину «как представителю советской науки и выдающемуся славяноведе был оказан в обеих странах исключительно радушный прием». Всего за время пребывания в названных странах Н.С. Державин «прочел 23 доклада и лекции, произнес 32 речи и напечатал 32 статьи», а также несколько монографий. Интенсивные встречи и работа Н.С. Державина в Болгарии и Югославии сказались на его здоровье, он перенес инсульт и надолго выключился из работы Славянской комиссии.

Среди работ других членов Комиссии в отчете отмечались исследование В.Т. Дитякина «Н.Г. Чернышевский и славянство», завершаемое в 1946 г., и его статьи: «Павел Шафарик» (уже опубликованная¹⁷⁵), «Советская наука о происхождении славян» (в сборнике «Славяноведение в АН СССР»¹⁷⁶). Указывалось, что С.Б. Бернштейн завершил капитальный труд по истории болгарского языка и подготовил две статьи для «Трудов СК». Для них же С.И. Урбан написал статью «Национально-освободительные идеи в словенской литературе XIX–XX вв.». С.П. Рудных закончил работу «Василий Левский как теоретик партизанской войны», а Ф.Т. Константинов завершил большую часть исследования «Борьба белорусского народа с интервентами».

Заседаний СК, судя по отчету, в 1945 г. не проводилось¹⁷⁷. Исключение составлял доклад Н.С. Державина, прочитанный до командировки 8 января 1945 г. в помещении Института русского языка (ИРЯ), по адресу Волхонка, д. 18, «Происхождение русского народа». Он являлся своего рода презентацией его одноименной книги, вызвавшей неоднозначные суждения специалистов¹⁷⁸. Дитякин же осторожно отметил, что докладчик «обстоятельно осветил основные методологические положения решения этой важной проблемы»¹⁷⁹. Судя по отчету, Державин вместе с Дитякиным за неимением докладов, как основной формы деятельности Комиссии, несколько слукавили, представив труды некоторых членов СК (наиболее близких коллег Державина) как ее штатных сотрудников.

Продолжалась работа над так и не увидевшими света справочником «Славяне (народы и страны)» и следующими томами «Трудов СК». Отмечалось, что «установление академиком Державиным связей с болгарской передовой наукой уже дало свои результаты, в редакцию „Трудов СК АН СССР“ уже поступили 4 статьи выдающихся представителей болгарской исторической и филологической науки»¹⁸⁰. (Вероятно, речь идет о статьях некоторых болгарских ученых, которые впоследствии были помещены в недавно обнаруженный А.Н. Горяиновым сборник статей к 70-летию Державина, подготовленный к печати в 1949 г., но так и не вышедший в свет.) В окончательном варианте первый том «Трудов СК» включал в себя 9 статей: Н.С. Державина — «Влияние идей века Просвещения и Французской революции 1789 г. на возрождение народов Балканского полуострова»; С.Б. Бернштейна — «Болгарская иммиграция в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.»; К.Н. Державина — «Лопе де Вега и чешская история»; М.О. Скрипиля — «Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об Огненном Змее»; И. Лекова — «Скрещение представлений о народе и свободе в толковании одного славянского слова»; В.Т. Дитякина — «Н.Г. Чернышевский и его занятия славяно-русской филологией»; Н.С. Державина — «Академик В.И. Ламанский в истории славяноведения и наша современность»; М.В. Щепкиной — «В.Н. Щепкин»; В.Т. Дитякина — «Славянская комиссия за три года». Сборник объемом в 13,5 а.л. был сдан в РИСО 15 мая 1946 г.¹⁸¹. Отделение литературы и языка АН СССР по докладу ученого секретаря РИСО Л.А. Плоткина утвердило рукопись к печати и включило в план изданий Академии на 1946 год¹⁸². Но в свет он так и не вышел.

И все же ученый секретарь Комиссии жизнеутверждающе заключал в последнем отчете о ее деятельности: «Устанавливаются связи и с учеными Югославии, Польши и Чехословакии, многие из которых выражают большой интерес к работе Комиссии и изъявляют готовность принять участие в обмене научной литературой»¹⁸³.

На этой оптимистической ноте приходится завершить наше исследование о деятельности СК АН СССР. Отчета о ее работе за 1946 год не сохранилось. Но в архиве В.Т. Дитякина мы нашли информацию о последнем докладе Н.С. Державина, сделан-

ном на заседании Комиссии в ИРЯ 1 июля 1946 г., «Христо Ботев — поэт-революционер (К 70-й годовщине со дня его героической смерти)»¹⁸⁴. В целом же Н.С. Державин из-за болезни не мог деятельно руководить деятельностью Комиссии. К тому же он был занят другими делами, включившись, хотя и поздно, в борьбу за место директора Института славяноведения, возобновляемого в структуре АН СССР. Однако инициатива по его организации была взята уже руководством Института истории академиками Б.Д. Грековым и В.И. Пичетой, представившими еще в 1945 г. в ЦК ВКП(б) соответствующую докладную записку¹⁸⁵. Даже посланное вдогонку Н.С. Державиним личное письмо И.В. Сталину, в котором он обосновывал свое право на руководство Институтом, не возымело ожидаемого действия¹⁸⁶. 20 сентября 1946 г. состоялось Распорядительное заседание Президиума АН СССР, принявшее постановление об организации Института славяноведения АН СССР под руководством Б.Д. Грекова на базе Сектора славяноведения Института истории, Сектора славяно-балтийских языков Института русского языка и Славянской комиссии АН СССР¹⁸⁷. После чего последняя прекратила свое существование.

Подведем некоторые итоги. В трудные годы Великой Отечественной войны академику Н.С. Державину удалось создать один из центров славяноведения СССР с весьма широкими целями и задачами. В отличие от существовавших тогда структур (Сектора славяноведения в Институте истории и кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ, организованных в 1939 г., Сектора славяно-балтийских языков в Институте русского языка АН СССР и кафедр славянской филологии на филологических факультетах МГУ и ЛГУ, созданных в 1943 и 1944 гг.) Славянская комиссия АН СССР имела комплексный характер, объединяя славистов разных, причем зачастую довольно редких для славяноведения специальностей. В нее входили не только лингвисты, литературоведы, фольклористы, этнографы и историки, но и правоведы, экономисты, искусствоведы. И хотя их деятельность осуществлялась, главным образом, в «устной форме» — в подготовке, прочтении и обсуждении докладов, но это было очень важно для обмена информацией ученых разных специальностей, пополнения знаний, общей ориентации в предмете, и все вместе взятое способствовало развитию науки, особенно учитывая трудности военного времени. Кроме того, руководство Комиссии согласно ее программе приняло деятельное участие в организации преподавания в вузах некоторых не изучавшихся в последнее десятилетие и ранее славистических дисциплин (например, славянской филологии и права). К сожалению, по неясным причинам не вышли в свет главные плоды деятельности Комиссии — ее «Труды» и справочник «Славяне», которые могли занять достойное место среди славистических работ военного времени.

Таким образом, не идеализируя деятельности Славянской комиссии АН СССР, которая в исповедовании марризма и некоторых крайностей марксизма, патриотической романтизации предмета исследований, носила заметный отпечаток своего времени, мы можем констатировать, что она несомненно внесла свой вклад в возрождение отечественного славяноведения в годы войны, закономерно влившись в конечном итоге в возобновленный на новой основе Институт славяноведения АН СССР.

СЕКТОР БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР И ДРУГИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Сектор славяно-балтийских языков или по-другому балто-славянского (славяно-балтийского) языкознания в Институте русского языка АН СССР существовал в

1945–1946 гг. и носил скорее формальный и даже «фантастический», по выражению С.Б. Бернштейна¹⁸⁸, характер. Даже название его не устоялось. Его недолгому существованию предшествовала длительная структурная пертурбация в рамках Академии наук, представляющая самостоятельный научный интерес.

Но начнем с образования самого Института русского языка (далее ИРЯ), тесно связанного с судьбами славянского языкознания. Изучение русского языка в рамках Академии наук с 1917 по 1929 г. сосредоточивалось в трех Комиссиях: Московской диалектологической комиссии, Комиссии по составлению словаря современного русского языка и Комиссии по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку. После «советизации» Академии¹⁸⁹ в декабре 1929 г. все комиссии были слиты в одну Комиссию по русскому языку. Через два года, в октябре 1931 г., она вошла в структуру руководимого академиком Н.Я. Марром Института языка и мышления, преобразованного из его же Института яфетидологических изысканий (созданного в Ленинграде в 1921 г.). В феврале 1933 г. Институту Президиумом АН СССР было присвоено имя скончавшегося академика Н.Я. Марра. В составе ИЯМа с 1934 г. работал **Кабинет славянских языков**, которым первоначально заведовал крупный специалист по старославянскому языку и сравнительной грамматике славянских языков, академик Б.М. Ляпунов¹⁹⁰, с 1938 г. — литературовед, специалист по истории польской и чешской литературы, профессор В.Г. Чернобаев¹⁹¹, позднее богемист К.А. Пушкаревич¹⁹². О работе данного Кабинета, особенно с 1939 г., известно не слишком много¹⁹³. Нам удалось найти стенограмму расширенного заседания бюро Отделения литературы и языка АН СССР, состоявшегося в самый канун Великой Отечественной войны 21 июня 1941 г., дающую наглядное представление о работе этого подразделения. Заседание было посвящено проверке выполнения плана ИЯМа за первое полугодие. Среди других вопросов обсуждалась и работа Кабинета славянских языков, с отчетом о которой выступил профессор В.Г. Чернобаев¹⁹⁴. Примечательно, что в этом подразделении силами всего трех научных сотрудников (сам В.Г. Чернобаев, Б.В. Лавров и Е.К. Колесников) велись исследования языков как восточных, так и западных и южных славян. Прежде всего, они по заданию СНК СССР подготовили сборник статей, посвященный украинско-белорусским языковым отношениям, под названием «Полонизмы в украинском и белорусском языках и борьба с ними». Тема была актуальной, не только в связи с присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г., но и потому, что в языковой политике этих советских республик допускались явные перекосы националистического порядка. Н.Н. Дурново еще в 1934 г. писал: «Больно видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский, и наводняли их полонизмами и чехизмами и даже германизмами, неизвестными живому языку»¹⁹⁵. Задачу очищения украинского и белорусского языков от «наносных элементов», внедряемых в эти языки местными «буржуазными националистами», сборник, естественно, выполнить не мог, но ставил вопрос о взвешенном, с точки зрения науки, подходе к его решению. Его основу составили доклады, прочитанные ранее на заседаниях Кабинета: В.Г. Чернобаева и Б.В. Лаврова о полонизмах в украинском академическом словаре, Л.В. Матвеевой-Исаевой «О словарном составе языка Шевченко», Б.М. Ляпунова об украинско-русских языковых отношениях «в старшую эпоху», И.О. Кузьмина о полонизмах в белорусском словаре И.И. Носовича и в белорусских народных сказках, Е.К. Колесникова об украинско-русских языковых отношениях

«в свете нового учения о языке», С.С. Советова о «полонизмах в лексиконе П. Берынды» и др.¹⁹⁶. Статьи носили научно-академический, исследовательский характер, они констатировали наличие явления, но не имели «указательного» назначения по его разрешению. Сборник был сдан в печать, но в свет так и не вышел.

Далее сотрудники Кабинета работали над составлением крайне необходимой и отсутствующей тогда в отечественной литературе «Грамматики славянских языков»: В.Г. Чернобаев — чешской, а Б.В. Лавров — сербской. Они находились в разной степени готовности, но также не были опубликованы. Кроме того, В.Б. Лавров разрабатывал исследовательскую тему «Обработка явлений синтаксиса чешского языка XIX века по двум памятникам», В.Г. Чернобаев — «Проблемы словацкого литературного языка», а Е.К. Колесников — «Термины родства в славянских языках». Работы по этим направлениям также в свет не вышли. (Последняя тема впоследствии нашла блестящее воплощение в трудах академика О.Н. Трубочева¹⁹⁷.) В принятом постановлении ОЛЯ АН СССР о деятельности Кабинета, выдавая желаемое за действительное, указывалось, что сотрудники Института в основном стоят «на позиции нового учения о языке академика Н.Я. Марра»¹⁹⁸, но в указанной выше тематике этой «позиции» за единственным исключением не прослеживалось.

Чрезвычайно важной плановой работой Кабинета в традициях дореволюционной славянской филологии являлось составление «Словаря старославянского языка». Оно было поручено, главным образом, Е.К. Колесникову, в связи с чем Дирекцию просили освободить его от других исследований. В.Г. Чернобаев указывал: «Ввиду крайней необходимости подготовки нового словаря старославянского языка, Кабинет посвятил немало времени подготовке этой работы с тем, чтобы в 1942 году можно было ее развернуть шире. За это время у нас разработан вопрос об источниках словаря, разработана инструкция по выборкам. Намечены памятники, которые должны быть привлечены в первую очередь. Частично приступлено к собиранию материалов по этим памятникам»¹⁹⁹. К сожалению, начавшаяся война не позволила завершить эти интересные начинания. Тем не менее в русле работы над старославянским словарем в 1940 г. в Кабинете обсуждались доклады Л.П. Якубинского о начале славянской письменности и Н.П. Зарубина²⁰⁰ о картотеке покойного археографа Н.К. Никольского «Материалы словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей» и др.

При обсуждении отчета был поднят ряд животрепещущих вопросов, касающихся научной деятельности Кабинета, и, прежде всего, кадровый. В «горниле» марризма, каковым являлся тогда ИЯМ под руководством академика И.И. Мещанинова, Кабинету славянских языков трудно было рассчитывать на значительное кадровое расширение, кроме того, его сотрудники не могли себе позволить какие-либо теоретические изыскания, которые неизбежно вступили бы в конфликт с «новым учением о языке» академика Н.Я. Марра.

Тем не менее здесь речь шла о важной практической работе — подготовке грамматик славянских языков и старославянского словаря. И в этой области намечались подвижки. В канун войны даже главный тогдашний идеолог марризма, директор ИЯМа И.И. Мещанинов был вынужден признать, что «славянские языки, конечно, требуют особого внимания»²⁰¹, и рассказал о попытке перевести в Институт необходимого специалиста из Института этнографии (по-видимому, речь шла о К.А. Пушкаревиче). Однако он высказал сомнение, что малочисленный состав Кабинета сможет справиться с поставленными плановыми задачами. Примечательно, что директор предложил изъ-

ять из плана, прежде всего, исследовательскую тему Колесникова, как не вписывающуюся в перспективные разработки Института. В этом отношении его поддержали профессор С.Г. Бархударов и Е.С. Истрина.

В защиту Кабинета выступил антимаррист, академик Б.М. Ляпунов, крупный специалист по истории, этимологии, сравнительной фонетике славянских языков. Его, прежде всего, интересовала судьба старославянского словаря. «Эта работа, — сказал он, — конечно, полностью осуществляться не должна, потому что сотрудников мало. Но мы в этом не виноваты. Я думаю, что они будут прибывать. Такие договорные сотрудники у нас уже есть, например, Н.П. Зарубин составил инструкцию, есть еще А.С. Мадуев, ценный работник по старославянскому языку. Он знает греческий язык (а необходимо при этой работе сличать тексты старославянские и греческие)». Б.М. Ляпунов сообщил также о желании включиться в это дело сотрудника Словаря современного русского языка Никольского «с предложением работать по древнерусскому языку. Он старый словарник, тоже знаком с древними языками, что ценно для нашей работы»²⁰². Кроме того, академик предложил перевести в ИЯМ и привлечь к этой работе богемиста К.А. Пушкаревича.

Таким образом, Б.М. Ляпунов дальновидно признавал важность и научную перспективность работы над Словарем старославянского языка и пытался убедить руководство Института в необходимости обеспечения ее квалифицированными кадрами. При этом он приводил такие научные аргументы: со времен публикации первого подобного словаря «Лексикона» Ф. Миклошича в 1862–1865 гг. было издано много новых старославянских памятников. «Стыдно перед Европой, — отмечал академик, — что у нас до сих пор не сфотографированы такие ценнейшие памятники как Остромирово и Ассеманово евангелия. Классическое издание первого из названных евангелия А.Х. Востокова 1843 г. нуждается в обновлении». Все подобные памятники, по его мнению, должны интенсивно изучаться и составить особое приоритетное направление в современном отечественном языкознании. И.И. Мещанинов вынужден был с этим согласиться. К сожалению, начавшаяся Великая Отечественная война, блокада Ленинграда не позволили реализовать эти перспективные для науки планы. Работа над словарем старославянского языка возобновилась уже в Институте славяноведения АН СССР Р.М. Цейтлин. Она велась в тесном сотрудничестве с чешскими коллегами из Славянского института в Праге и завершилась первоклассным изданием²⁰³.

О последующей работе Кабинета удалось найти лишь некоторые фрагментарные сведения. На майской сессии ОЛЯ 1940 г. в докладе С.П. Обнорского «Перспективы развития славянской филологии в СССР» в п. 1 перед этим подразделением были поставлены новые задачи, а именно: «укрепление и расширение деятельности Кабинета славянских языков ИЯМ, который должен заниматься изучением не только славянских языков, но и вопросами письменности славянских народов, славянских древностей, фольклора. К осуществлению этой широкой программы должны быть подключены не только ленинградские слависты, но и исследователи из других городов, а Кабинет славянских языков ИЯМ выполнял бы функции координатора»²⁰⁴. Начавшаяся война помешала выполнению намеченных планов.

Уже в период блокады К.А. Пушкаревич, возглавив Кабинет (после того, как Чернобаев, будучи на отдыхе, оказался в оккупированной Латвии), указывал в индивидуальном отчете за вторую половину 1941 г., что переключился на оборонные заказы. Он подготовил «Чешско-русский военный разговорник», продолжал работать над

составлением «Русско-чешского военного словаря». Самое удивительное, что в холодном блокадном Ленинграде он не оставил предвоенной темы: работал над проектом инструкции по составлению словаря старославянского языка и вел исследование по теме «Русские изучения старославянского языка». Как первый результат работы, он намечал в ноябре 1941 г. прочитать в Кабинете доклад «„Русские“ письма в Паннонских легендах»²⁰⁵. К.А. Пушкаревич скончался, не пережив блокады Ленинграда.

В 1942 г. многие сотрудники ИЯМа эвакуировались в разные города СССР — Алма-Ату, Ташкент и Казань. Коллектив Кабинета, по понятным причинам, распался. В отчете ОЛЯ АН СССР за 1943 год, тем не менее, зафиксирована славистическая тема ленинградского филолога, сотрудника ИЯМа С.С. Советова «Язык героико-комических поэм, как один из факторов развития польского литературного языка во второй половине XVIII века» (6 а.л.). Эту работу он тогда же защитил в названном Институте в качестве кандидатской диссертации. Статья по этой теме была опубликована только в 1949 г.²⁰⁶.

Параллельно с ИЯМом в системе АН СССР в Москве работал Институт языка и письменности народов СССР (ИЯП). Он был создан в системе ЦИК СССР в 1936 г. на основе НИИ национальностей СССР, но в 1938 г. передан в структуру союзной Академии. С 1939 по 1944 г. в ИЯПе функционировал **Сектор славянских языков** под руководством академика Л.В. Щербы, в сферу широких научных интересов которого входили проблемы общего языкознания, русистики, романистики, славистики, а затем члена-корреспондента АН СССР Д.Н. Ушакова, крупного специалиста по общему языкознанию, диалектологии, истории русского языка, орфографии, орфоэпии и лексикологии. В планы Сектора входила разработка, прежде всего, проблем русистики, а уже затем вопросов славянского языкознания. В Секторе работали в разное время перво-классные филологи-русисты С.П. Обнорский, Б.А. Ларин, С.Г. Бархударов, С.И. Ожегов, А.Б. Шапиро, Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур и др. Видимо, именно научные интересы личного состава Сектора обусловили общую направленность его деятельности — изучение проблем русского языкознания. Они работали над составлением грамматики современного русского литературного языка и исторической грамматики русского языка. С.И. Ожегов руководил работами по лексикографии, Р.И. Аванесов — диалектологии, А.Б. Шапиро — по орфоэпии. Примечательно, что сотрудники сектора в трудные годы войны, в условиях эвакуации (с 1942 г.), зачастую не имея под рукой необходимых книг, взялись за подготовку Малого толкового словаря русского языка, готовили Словарь современного русского языка и пр. За разработку славистической проблематики горячо ратовал уже во время войны Г.О. Винокур, автор трудов по истории русского языка, проблемам культуры современной русской речи и пр., возглавивший Сектор после смерти Д.Н. Ушакова в 1942 г. Он имел широкий взгляд на этот предмет, справедливо полагая, что, чтобы «стимулировать изучение русского языка, надо включить в поле зрения разработку вопросов из области других славянских языков», и сокрушался по поводу того, что «славистика была представлена в секторе темами случайного характера»²⁰⁷. Действительно, судя по отчетам в ОЛЯ АН СССР, в период войны сотрудники Сектора, находясь в эвакуации, изучали языки, так сказать, «места проживания»: сам Г.О. Винокур — русско-татарские языковые отношения, Н.К. Дмитриев — русско-башкирские и пр. Очерк истории русского языка готовил С.И. Ожегов. И только профессор Н.Ф. Яковлев написал актуальную «славистическую» брошюру «Пангерманизм и славяноведение» (6 а.л.), а профессор П.Г. Богатырев — «Борьба славян за свой родной язык и культуру против фашизма» (2,5 а.л.), которые не были, однако, опубликованы²⁰⁸.

Тем не менее в Отчете ОЛЯ за 1943 г. отмечалось, что Г.О. Винокур работает над монографией «История славянизмов в русском литературном языке» и подготовил статью «Польско-украинские языковые отношения» (2 а.л.), а С.С. Высотский — «К вопросу о чешско-немецкой топонимике» (2 а.л.). Работы не вышли из печати. Сектору не раз предлагалось координировать свою деятельность с ИЯМом, но в условиях эвакуации это было делом нереальным.

Примечателен доклад Г.О. Винокура «Славяно-русское языкознание в СССР за 25 лет», сделанный в канун четвертьвекового юбилея Октябрьской революции²⁰⁹. Подобное предприятие, к сожалению, у филологов не завершилось капитальной книгой, как у историков²¹⁰. Очевидно, в докладе делался упор на развитие русистики, так как славянская филология в СССР почти не прогрессировала.

Нам удалось найти хронику заседания Ученого совета ИЯПа от 1 и 15 июня 1943 г., где обсуждалась, в частности, и работа Сектора славянских языков. Здесь было заслушано сообщение о ходе работы по общеинститутской теме «Языки СССР в эпоху Отечественной войны». Лидировал в этих исследованиях Сектор славянских языков. С.И. Ожегов рассказал о создании особой картотеки новых слов и выражений (свыше 3000 карточек) по материалам периодической, прежде всего, фронтовой печати и художественной литературы, «вошедших в быт как Красной Армии, так и гражданского населения». Учитывая важность и актуальность этой работы, Ученый совет постановил «расширить рамки участников по сбору и первичной обработке материалов и привлечь к этому преподавателей и студентов, членов Союза советских писателей и военных корреспондентов». Славистика, судя по этой хронике, не занимала в Секторе доминирующих позиций. Поэтому 15 июня Ученый совет постановил расширить его тематику, включив в план «на второе полугодие 1943 г. новые темы по западным и южнославянским языкам, и, в первую очередь, — составление кратких грамматик чешского, польского, сербского и болгарского языков»²¹¹. Как видно, Сектор славянских языков ИЯПа, вероятно, не подозревая об этом из-за отсутствия информации и координации, «подхватил» всегда актуальные для славянского языкознания темы, разработка которых начиналась, но не была реализована в Кабинете славянских языков ИЯМа в 1941 г.

После заседания Ученого совета ИЯПа 27 июля 1943 г. в Секторе обсуждались перспективные планы его работы. Г.О. Винокур считал главной задачей расширение славистической проблематики Сектора и предлагал сосредоточиться на изучении, прежде всего, в развитие постановления Ученого совета, вопросов сравнительной грамматики славянских языков. Он нашел сторонников своей точки зрения в лице Н.Ф. Яковлева и Р.И. Аванесова. В то же время С.Г. Бархударов, А.Б. Шапиро и С.И. Ожегов настаивали на приоритетном изучении в Секторе указанных проблем русского языкознания²¹². Время очень скоро рассудило диспутантов. Уже строились планы создания Института русского языка, а потом и Института славяноведения, где проблемы славянского языкознания планировалось изучать в полном объеме.

В феврале 1944 г. после реэвакуации из Алма-Аты, Казани, Ташкента и других городов СССР основные секторы ИЯПа вошли в состав ИЯМа, образовав при нем московское отделение. В то же время 28 декабря 1943 г. после соответствующей санкции СНК СССР состоялось решение Президиума АН СССР об образовании **Института русского языка** с центром в Москве, прежде всего, на базе Сектора славянских языков ИЯПа с включением в него основного состава специалистов²¹³. Из состава ИЯМа в теч-

ние 1944 г. были выведены Словарный отдел и Кабинет славянских языков, которые образовали отделение ИРЯ в Ленинграде. Директором Института был назначен академик С.П. Обнорский, крупный специалист в области фонетики и морфологии древнерусского и современного русского языка²¹⁴.

Само решение о создании Института русского языка не случайно созрело именно в 1943 г., когда в государственной идеологии после роспуска Коминтерна начал утверждаться приоритет русской нации с особой атрибутикой. В этот год получило известность сталинское суждение, определившее во многом курс тогдашней национальной политики: «Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»²¹⁵. Вспомним, что именно тогда был создан Гимн Советского Союза, народы которого «сплотила навеки Великая Русь», заменивший «Интернационал», введена форма (китель и погоны) царской армии, учреждены ордена и медали в честь великих русских полководцев и флотоводцев, заключен своего рода «конкордат» с Русской православной церковью и т.п. Тогда же состоялось трудное решение об организации кафедр славянской филологии в МГУ, а затем в ЛГУ. Но почва к созданию ИРЯ подготавливалась ранее.

Как уже указывалось, в августе 1942 г. усилиями академика Н.С. Державина была основана Славянская комиссия при Президиуме АН СССР. Она определялась как **временное** учреждение в условиях войны, предтеча будущего послевоенного Института славяноведения. Видимо, под впечатлением этого судьбоносного решения в Отчете ОЛЯ АН СССР за 1942 год отмечалось, что один из главных недочетов в работе Отделения заключается «в слабой и явно недостаточной разработке вопросов русского языка и, в особенности, почти полном отсутствии исследовательских работ по славянским языкам. Причиной этого является отсутствие в составе Отделения Института, который считал бы своей основной задачей разработку русского и других славянских языков, отсутствие в составе необходимых кадров русистов и славистов и слабое руководство имеющимися кадрами»²¹⁶.

К осени 1944 г. после всех сложностей реэвакуации завершилась кадровая «утряска» всех его структурных подразделений. Во всяком случае, в октябре этого года Институт смог представить в Отделение свой первый отчет и сформулировал приоритетные направления своей деятельности, а именно: изучение грамматики современного русского языка, русской лексикологии и лексикографии, диалектологии. По славянским языкам намечалось составление «Учебника сербского языка» в качестве пособия для филологических факультетов университетов и педвузов. В роли автора выступал П.С. Кузнецов, специалист по фонологии, диалектологии и истории русского и славянских языков. К сожалению, эта работа не была выполнена. Уже тогда к этому направлению причислялся докторант С.Б. Бернштейн, подготовивший реально к тому времени главу из диссертации «История именного склонения в языке валашских грамот»²¹⁷.

Сведений о функционировании **Сектора славянских и балтийских языков или балто-славянского языкознания** (с неустоявшимся названием) сохранилось очень мало, и они носят отрывочный характер. Постараемся реконструировать то немногое, что удалось найти в архивах и мемуарах. По-видимому, этот Сектор как структурное подразделение, а не научное направление начал функционировать в 1945 г. В

мемуарах С.Б. Бернштейна о его существовании как свершившемся факте говорится в записи от 2 ноября 1945 г. Ученый сообщает, что его обещали зачислить в «славяно-балтийский сектор» ИРЯ после окончания докторантуры. А в то время под впечатлением доклада Д. Влахова о македонском вопросе на заседании Славянской комиссии он предполагал составить грамматику македонского языка, проследив, как создаются современные литературные языки, и включить эту тему в план данного Сектора²¹⁸. Впоследствии С.Б. Бернштейн серьезно разрабатывал проблемы македонского языка, написав в 1948 г. исследование «Очерки по македонскому языку», одобренное академиком С.П. Обнорским²¹⁹. Эта работа значилась даже в плане ИРЯ на 1947 год. По политическим причинам подготовленная книга в свет не вышла.

В отчете ИРЯ за 1945 г. указывалось, что в Секторе славяно-балтийских языков кроме труда М.Н. Петерсона («Очерк современного литовского языка») велось исследование в области болгарского и словацкого языков. Докторант Сектора С.Б. Бернштейн закончил диссертацию на тему «Язык валашских грамот XIII–XIV вв.»²²⁰.

15 марта 1946 г. С.Б. Бернштейн представил текст своей диссертации директору ИРЯ С.П. Обнорскому и сразу же получил копию приказа о зачислении его старшим научным сотрудником на полставки в этот Институт в Сектор балто-славянского языкознания. Он констатировал, что до сих пор единственным сотрудником его был М.Н. Петерсон, специалист по теории языкознания, индоевропеистике, литуанистике, проблемам современного русского языка²²¹, который по плану сектора писал книгу «Очерк литовского языка» (она вышла в свет в 1955 г.). Единственным славистом в нем с 1946 г. становится С.Б. Бернштейн. Ему было обещано после защиты утверждение в ранге заведующего Сектором с согласия и пожелания М.Н. Петерсона²²². Тема диссертации С.Б. Бернштейна «Язык валашских грамот XIV–XV вв.», успешно защищенной в декабре 1946 г., являлась главным пунктом его отчета о работе в этой «мифической организации»²²³. В протоколе распорядительного заседания Президиума АН СССР от 30 мая 1946 г., где указывалась утвержденная структура всех академических отделений, в системе ОЛЯ в Институте русского языка был зафиксирован и Сектор славяно-балтийских языков (четвертый в местной «табели о рангах»). В его задачу входило изучение «отдельных славянских и балтийских языков в их истории и в современном состоянии, как в области народных говоров, так и в области литературного языка»²²⁴. Этот Сектор, несомненно, имел некоторые потенциалы для дальнейшего развития и при известном расширении (ему было обещано еще две штатные единицы), под руководством деятельного и инициативного С.Б. Бернштейна с постепенным включением в работу его талантливых университетских учеников мог бы оставить весомый след в истории отечественной науки. Но на пути к этому имелись и существенные препятствия. Славянское языкознание не было приоритетным, «титულным» направлением исследований в ИРЯ. И Бернштейн это очень хорошо почувствовал на себе, когда попытался запланировать организацию в 1947 г. на базе Института и Сектора диалектологическую экспедицию по изучению болгарских говоров в Северном Причерноморье и Молдавии. Он получил отказ по финансовым соображениям, так как имеющиеся средства предназначались Сектору диалектологии по сбору материалов для атласа русских говоров. «Славистика в Институте русского языка всегда будет в положении бедной родственницы», — с горечью констатировал ученый²²⁵. Поэтому он с известным энтузиазмом²²⁶ воспринял решение Президиума АН СССР о включении сектора славяно-балтийских языков в новый комплексный Институт славяноведения. Именно здесь он реализовал одно из главных научных дел своей жизни — создание Болгарского

лингвистического атласа, именно здесь он создал школу специалистов по славянскому языкознанию.

Таким образом, в рамках АН СССР в рассматриваемый период не было создано ни одного структурного подразделения, целиком занимающегося проблемами славянского языкознания. Имело место «точечное» изучение лингвистических вопросов, тогда как в отечественной науке ощущалась необходимость возрождения этой области знания, получившей развитие и добившейся ощутимых научных результатов в послевоенное время как на базе Института славяноведения, так и кафедр славянской филологии во многих университетах страны.

ОПЫТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В РАМКАХ АН СССР

Если исследование вопросов славянского языкознания получило в рамках АН СССР в конце 1930-х гг. некоторое структурное оформление, то научным центрам по изучению проблем славянской литературы сложилось так и не было суждено, хотя некоторые усилия в этом направлении также предпринимались.

Определенным стимулом для развития этой области славистики стала подготовка многотомного академического издания «История всемирной литературы», включавшая в себя и очерки по истории литературы в славянских странах. В системе АН СССР в конце 1930-х гг. существовали два института — Институт литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде и Институт мировой литературы в Москве, сотрудники которых могли взять на себя разработку славистической проблематики. Первым инициативу в этом деле проявил академик Н.С. Державин, выступивший 14 мая 1937 г. на заседании группы Отделения общественных наук Академии с предложением о целесообразности «организации в Институте литературы отдела или группы славянских литератур и славянского фольклора». В план работы этого подразделения он предполагал включить «хотя бы одну западнославянскую и одну югославянскую литературу». Для усиления аргументации академик подчеркнул, что славянские литературы нужно изучать на марксистской основе и главной проблемой здесь «должна быть история развития реализма в связи с национальным возрождением у славян и историей революционного движения»²²⁷. Тем самым он определял стратегическое направление «идеологически правильной» в методологическом отношении разработки славянского литературоведения в нашей стране. Предложение Н.С. Державина поддержали в своих выступлениях специалист по западным литературам В.М. Жирмунский и знаток древнерусской словесности В.П. Адрианова-Перетц. Но их призыв не был услышан академическими властями.

В то же время в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ), в 1938 г. переведенного из структуры ЦИК СССР в систему АН СССР, также не существовало специального отдела славянских литератур. Однако Центральная библиотека Института, которая содержала литературные произведения стран Европы и Америки на языках оригинала, в переводах и литературно-художественную периодику, располагала специальным **Кабинетом славянских литератур**²²⁸. Этот Кабинет потенциально мог обеспечивать работу исследовательского подразделения.

Видимо, это обстоятельство учитывал академик Н.С. Державин, когда в докладной записке 1938 г. на имя Президента АН СССР В.Л. Комарова, говоря о тяготах развития славистики в нашей стране, предлагал исправить это положение в том числе

и созданием Отдела славянских литератур (с временным включением в него проблематики славянской этнографии и фольклора) именно в ИМЛИ, с опорой на Кабинет славянских литератур²²⁹. Это предложение поддержал и тогдашний директор ИМЛИ И.К. Луппол, который также писал В.Л. Комарову о необходимости создания подобного Отдела в Институте и даже предлагал утвердить его кадровый состав: заведующего, одного старшего научного сотрудника, секретаря, двух аспирантов и одного докторанта²³⁰. По-видимому, И.К. Луппол имел в виду и конкретные кандидатуры на занятие названных должностей.

Предложение литературоведов встретило сопротивление в лице академика-секретаря Отделения общественных наук, философа А.М. Деборина, который выступил против создания Отдела славянских литератур в ИМЛИ, мотивируя свое мнение, с одной стороны, недостаточностью предложенного кадрового состава, а с другой — необходимостью организации целостного Сектора по изучению истории языков, литератур и фольклора западных и южных славян, включавшего языковедов и литературоведов. В связи с этим А.М. Деборин предложил создать такой сектор на базе Кабинета славянских языков ИЯМа с включением туда нескольких сотрудников из ленинградского Института литературы и аспирантов²³¹.

Контрпроект Деборина встретил отпор у академика Н.С. Державина, который в письме к вице-президенту АН СССР Г.М. Крыжановскому в начале 1939 г. вновь говорил о нецелесообразности объединенного изучения разных областей славянской филологии в рамках одного сектора в ИЯМе, называя это «несомненно кустарщиной, снижать до которой академическое славяноведение нельзя»²³². Вопрос остался нерешенным.

В результате возникших противоречий застопорилась работа над «славянскими» томами «Истории всемирной литературы». К 1939 г. было определено, что ее 17 и 18-й тома будут посвящены западно- и южнославянским литературам. Как мы видели, необходимых кадров и подразделений для решения этих задач ни в ленинградском Институте литературы, ни в московском ИМЛИ не имелось, тем не менее завершение работы над ними планировалось в 1942–1944 гг.²³³. Начавшаяся война надолго затормозила реализацию этих перспективных замыслов.

Однако определенные шаги по созданию Отдела славянских литератур в академических институтах продолжали предприниматься. Академик Н.С. Державин в упоминавшихся письмах к С.Б. Бернштейну от 21 января и 16 февраля 1939 г. определенно говорил о создании Сектора истории славянских народов в Институте истории, расширении Сектора славянских языков в ИЯМе, уже утвержденных Президиумом АН СССР, и о готовящемся утверждении Сектора славянских литератур уже не в ИМЛИ, а в ленинградском Институте литературы. При этом он отмечал и яростное сопротивление этим планам академика А.М. Деборина, но и «эту последнюю преграду мне удалось сломить»²³⁴.

К сожалению, подготовленное решение не воплотилось в жизнь, хотя в выступлении И.Л. Лебедева-Полянского 25 июня 1939 г. при обсуждении плана работы Отделения на 1940 г. упоминалось об определенных усилиях Державина в этом вопросе, указывалось на специальную директиву по развитию славяноведения в СССР со стороны руководящих органов и «необходимость обеспечить разработку славянской литературы»²³⁵.

Но борьба продолжалась. К майской сессии 1940 г. Отделения языка и литературы АН СССР специальной комиссией ОЛЯ был подготовлен доклад «Перспективы развития славянской филологии в СССР», зачитанный академиком С.П. Обнорским. В резолюции

по нему в пункте 2 отмечалась необходимость создания «Отдела славянских литератур в Институте мировой литературы в Москве или (выделено нами. — М.Д.) Институте литературы в Ленинграде с целью углубленного изучения истории славянских литератур нового и новейшего времени»²³⁶. Таким образом, в решении данного вопроса проглядывается явный шаг назад, поскольку место учреждения Сектора славянских литератур так и не было окончательно согласовано.

Трудно сказать, завершились бы академические споры и выступления в то время созданием в рамках АН СССР искомого Сектора славянских литератур или нет. Но начало Великой Отечественной войны существенно изменило задуманные планы. На первое место выступила разработка патриотических и оборонных тем, и потому даже «неорганизованная» славистика оказалась в фаворе. Как вспоминал С.Б. Бернштейн, летом 1941 г. вне стен Академии широко обсуждался план создания книги, которая содержала бы краткую историю всех славянских литератур. Предполагалось издать ее 100-тысячным тиражом²³⁷. К сожалению, этот проект, к реализации которого намеревались привлечь всех наличных литературоведов-славистов, в сумятице наступления на Москву реализовать не удалось. В 1943 г. Всесоюзная книжная палата все же выпустила в свет брошюру «Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык», содержащую довольно внушительный ее библиографический указатель.

В рамках же АН СССР славистический потенциал литературоведения не был в достаточной мере использован. Сотрудники литературоведческих институтов работали в трудных условиях — ИМЛИ был эвакуирован в Ташкент, Институт литературы пережил блокаду Ленинграда, а в 1942 г. эвакуировался в Казань. Если что и усилилось в работе литературоведческих институтов, то это — изучение именно русской литературы. Академик А.С. Орлов указал и на ощущаемую им общую направленность литературных изысканий периода войны: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там обычно покрыты коркой. Они везде таятся, их надо чутя, отыскать и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой: „образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т.д.»²³⁸.

Первоначально в ИМЛИ наряду с привычными темами по английской и американской литературе началось изучение русской литературы. В 1942 г. вышел в свет альбом «Русские писатели и родина», разрабатывалась тема «Борьба русских революционных демократов за счастье и свободу Родины» (И.И. Висклер)²³⁹.

Институт литературы (Пушкинский Дом) сразу поставил своей задачей «максимально приблизить свою деятельность к запросам войны. В условиях осажденного города, помимо широко развитой устной агитационной работы, была разработана специальная «оборонная серия», которая направлена «к выявлению героического характера русского народа, патриотизма, ненависти к врагу, готовности народа на великие жертвы, чтобы отстоять независимость, честь и свободу своей страны»²⁴⁰. В рамках этой программы готовились работы о героическом прошлом русского народа, о его великих писателях А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Л.Н. Толстом и др. М.О. Скрипиль написал книгу «Древние русские оригинальные повести». Д.С. Лихачев готовил брошюру о героической обороне древнерусских городов (5 а.л.), Л.А. Плоткин — А.М. Горький и Великая Отечественная война против германского фашизма (6 а.л.), К.Н. Державин — о Герцене и германизме (2 а.л.), Н.И. Мордовченко — о великих людях русского народа и пр.²⁴¹. Как видим, в обоих институтах славистика была представлена только русскими и не всегда литературоведческими темами.

В Отчете ОЛЯ АН СССР за 1943 год литературно-славистические темы вовсе не были представлены, и это отмечалось как недостаток в работе Отделения. Развитие работы в области литературоведения в целом рассматривалось в докладе Н.К. Пиксанова «Итоги литературоведческой науки за 25 лет», в котором работы по славяноведению по понятным причинам почти не нашли отражения²⁴².

В 1944 г. главными темами изучения в ИМЛИ под руководством члена-корреспондента АН СССР В.Ф. Шишмарева являлись: фольклор Великой Отечественной войны, мировое значение русской литературы (по этой теме была проведена специальная конференция) и русско-западноевропейские литературные связи. В Институте литературы под началом члена-корреспондента АН СССР П.Н. Лебедева-Полянского изучалась история русской литературы, «неподражательность» русского классицизма, творчество В.Г. Белинского и Д.И. Писарева. Академик А.С. Орлов опубликовал статью «Героические темы древнерусской литературы». М.О. Скрипиль защитил докторскую диссертацию «Опыт изучения древнерусской бытовой повести»²⁴³.

В 1944–1945 г. произошла эвакуация основных гуманитарных институтов в Москву и Ленинград. В «Известиях АН СССР. ОЛЯ» в 1945 г. появились статьи П.И. Лебедева-Полянского о великом баснописце И.А. Крылове (вып. 1), о А.П. Чехове (вып. 2), А.С. Орлова и В.П. Адриановой-Перетц «Литературоведение русского средневековья» (вып. 6). Публиковались некрологи Л.В. Щербы, Д.Н. Ушакова, памяти Н.Я. Марра и пр. Но никаких славистических тем официально в отделенческом отчете за эти годы не было представлено.

Положение на литературоведческом фронте Академии наук несколько спасал академик Н.С. Державин, официально не работавший ни в одном из названных институтов. Как мы указывали, он возглавлял Славянскую комиссию АН СССР, где и сосредоточились основные исследования по славянскому литературоведению. В академический план 1944 г. были включены монографии Н.С. Державина «Иван Вазов. Жизнь и творчество» (15–18 а.л.)²⁴⁴ и «Славяне в древности»²⁴⁵, в первой части последней рассматривалась проблема происхождения славян, вторая содержала «культурно-исторический очерк славян в древности». Работа планировалась первоначально объемом в 30 а.л. Кроме того, он готовил к печати «Очерки по истории болгарской литературы» (Т. 1, 16–18 а.л.)²⁴⁶. В 1945 г. планы академика несколько изменились.

Книгу «Славяне в древности. Культурно-исторический очерк» (14 п.л.) он включил в исследовательскую тему «Введение в славянскую филологию», над которой работал в последние годы жизни. Подготовленная рукопись так и осталась неопубликованной. Монографию «Христо Ботев» он планировал завершить в начале 1946 г.²⁴⁷. Она вышла в свет в 1948 г.

Если литературоведческие труды Н.С. Державина об основоположнике болгарской реалистической литературы Иване Вазове и крупнейшем революционном болгарском поэте и революционере Христо Ботеве были сочувственно встречены специалистами и представляли несомненный вклад в советское марксистски понимаемое литературоведение, то книга «Славяне в древности» подвергалась критике за романтическое представление славянского прошлого и спорную трактовку проблем этногенеза славян. С.Б. Бернштейн откровенно написал в своих мемуарах: «В этой популярной книжке автор умудрился сделать много элементарных ошибок. Подлинных текстов не читал. Поэтому много старых ошибок из сочинений разных авторов спокойно переключивали в его книгу. Стыдно за академика. Я уже не говорю о марризме»²⁴⁸.

Итак, славянское литературоведение в рамках академических институтов в рассматриваемый период не получило структурного оформления. Это, несомненно, явилось определенным тормозом для развития в этой области знания. Не формировались кадры специалистов, не планировалось развитие исследований, а значит, не выпускались научные академические труды. Тем не менее подобные исследования проводились. Как мы увидим далее (см. главу V), славистическое литературоведение нашло адекватную условиям военного времени форму выражения в публицистике.

Неизбежно встает вопрос: почему, несмотря на предпринятые усилия, славянское литературоведение не смогло оформиться в структурное подразделение в рамках хотя бы одного академического института? Думается, что здесь были причины объективного и субъективного характера. Объективно внешне- и внутривнутриполитическая обстановка в стране в канун Второй мировой войны создавала благоприятные возможности для возрождения всех славистических дисциплин, новые власти не препятствовали больше их развитию. Разумеется, труднее было «очиститься от скверны» славянскому языкознанию, объявленному ранее «реакционной» и «панславистской» наукой. Тем не менее лингвисты сумели, как мы видели, создать некоторые, хотя и не полнокровные, славистические центры. Слабо развитое славистическое литературоведение ничем заметно не запятнало себя в глазах властей, в общем потоке научных исследований поддаваясь влиянию «вульгарного социологизирования». Но, видимо, в этой недостаточной зрелости и заключались главные причины неудачи. Научных кадров катастрофически не хватало. Авторитетные научные лидеры не смогли договориться между собой о месте дислокации литературно-славистического центра, и им почти не на кого было опереться при его создании. К тому же активность академика Н.С. Державина, главного специалиста в названной области, зачастую раздражала академическое начальство, испытывавшее к нему личную неприязнь.

Как мы уже указывали, славистическое литературоведение нашло некоторое развитие лишь под сенью державинской Славянской комиссии АН СССР и в публицистике. Но в полной мере оно смогло развернуться в рамках созданного в 1947 г. академического Института славяноведения.

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

До 1917 г. общего академического центра славяноведения в нашей стране не существовало²⁴⁹. Это обстоятельство в какой-то степени способствовало тому, что новым властям удалось довольно быстро распылить и значительно сократить кадры славистов. Оставшиеся в Советской России ученые сосредоточились в стенах старой Академии наук, всеми силами сопротивлявшейся своей «советизации»²⁵⁰. Наиболее дальновидные слависты старшего поколения, пытаясь сохранить хотя бы небольшие очаги славяноведения в стране, вынашивали планы создания общероссийского координационного центра славяноведения. (А.М. Селищев, например, предпринимал шаги по созданию учебно-научного Института славяноведения на базе МГУ²⁵¹). Примером для них послужило возникновение в межвоенный период славянских институтов во Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Югославии, Болгарии и Чехословакии.

Наибольших успехов, однако, добился в этом направлении академик Н.С. Державин. Участие в Первом съезде славянских филологов в Праге (1929), встречи с чешскими

коллегам — сотрудниками только что созданного там Славянского института — побудили его предпринять энергичные меры по организации в СССР специального Института славяноведения в рамках АН СССР²⁵² с несколько отличающимися от европейских институтов задачами и способом организации²⁵³. Такой Институт действительно был создан в Ленинграде в 1931 г. под руководством Н.С. Державина. Он носил комплексный характер, в духе расширительного понимания предмета славяноведения. Его задачами провозглашалось «детальное изучение истории, экономики, политики, народного быта, литературы и искусства славян и... славянских языков». И что важно, с точки зрения современного интегрального понимания славяноведения, Институт намеревался изучать «проблемы, связанные с культурно-национальными интересами тех же славянских и связанных с ними народов, входящих в качестве национальных меньшинств в состав населения СССР»²⁵⁴. За несколько лет своей работы Институту удалось издать два тома своих «Трудов», провести отдельные исследования, главным образом, в области новой истории, истории литературы и культуры, декларируя свою приверженность к марксизму. В 1934 г., когда сфабрикованное «дело славистов» было завершено, Институт славяноведения закрыли²⁵⁵. Причины его ликвидации до сих пор не совсем ясны. Но очевидно, что компрометация этого учреждения проводилась по нескольким направлениям, как кадровым, так и идеологическим. Известно, что среди арестованных и обвинявшихся в шпионской и контрреволюционной деятельности находились некоторые сотрудники Института (Д.Д. Димитров, В.В. Дроздовский, В.Н. Кораблев и др.) Сам Н.С. Державин чудом избежал ареста²⁵⁶. В этот же период началась активная идеологическая кампания против «реакционного панславизма», славянская филология в связи с этим объявлялась «лженаукой», которая «льет воду на мельницу фашистам»²⁵⁷.

Наступило наиболее глухое время для развития славяноведения в СССР, когда его последние центры были ликвидированы или почти растворились в структурах других институтов²⁵⁸.

Как уже отмечалось нами ранее, довольно скоро, в 1939 г., события в Европе и мире заставили советское руководство повернуться лицом к славистике (см. главу II). В 1939 г., как уже указывалось, начали работу Сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян в МГУ. В том же году в Отделении языка и литературы АН СССР обсуждались планы возрождения и расширения исследований в области славянской филологии в СССР (как в языкознании, так и литературоведении) и создания специальных славистических подразделений этого профиля в академических институтах. В то время несколько укрепил свои позиции Кабинет славянских языков Института языка и мышления им. Н.Я. Марра в Ленинграде. В сентябре 1939 г. начал свою работу Сектор славянских языков Института языка и письменности народов СССР в Москве. Проект создания Отдела славянских литератур в одном из литературоведческих институтов АН СССР так и остался нереализованным.

Тогда же прозвучали первые предложения о необходимости восстановления Института славяноведения. Так, академик А.С. Орлов, крупный специалист по древнерусской литературе, выступая на заседании ОЛЯ АН СССР 25 июня 1939 г., рекомендовал выделить славистику в самостоятельный раздел науки и объединить немногочисленные кадры славистов в специальном институте: «Вы скажете, — сказал он, наверняка вспоминая бесславно закончившего свои дни предшественника такого института, — это старая форма — Институт востоковедения, Институт славяноведения и т.д. Но я должен сказать, что для определенного времени такие несколько универсальные

узлы, как Институт славяноведения, был бы весьма подходящей формой, он обрастал бы кадрами, выращивал бы необходимые кадры, а потом уже из них произошла бы определенная дифференциация. Ведь нельзя забывать, что старые слависты в старое время были всегда такими универсалами... Мне кажется, что практическое создание такого института не является утопией»²⁵⁹. Директором нового комплексного Института А.С. Орлов предлагал назначить, как и ранее, академика Н.С. Державина. К сожалению, несколько расплывчатое предложение А.С. Орлова, отягощенное к тому же незаслуженно негативным пафосом по отношению к предшествующему Институту, не нашло поддержки у других членов ОЛЯ, его считал преждевременным в тогдашних условиях и сам Н.С. Державин, который писал С.Б. Бернштейну 23 января 1939 г.: «Я не настаиваю на восстановлении Института славяноведения, разгромленного, как сейчас уже выяснено с полной очевидностью, врагами народа, потому, что у нас нет сейчас для организации объединенного Института достаточного количества сил, и потому предпочел говорить о создании в соответствующих институтах соответствующих секторов»²⁶⁰.

В начале Великой Отечественной войны Н.С. Державин вновь предпринял попытки воссоздать Институт славяноведения АН СССР. Находясь в эвакуации в Казани, он представил докладную записку Президиуму АН СССР от 17 августа 1942 г., в которой начертил глобальные планы развития славистики в СССР, предложив 3 проекта ее организации. Во-первых, он предлагал создать Всеславянскую академию славяноведения в Москве с целью осуществления широких международных контактов со славистами зарубежных стран. Такая Академия могла стать реализацией давней заветной мечты Н.С. Державина — сделать столицу СССР центром мирового славяноведения²⁶¹. Но для реализации такой мечты, романтически преувеличивающей значение славяноведения в системе гуманитарных наук, в условиях войны и даже после нее не было ни сил, ни средств. Более реальным являлся план создания фундаментального комплексного центра славяноведения, который проводил бы подготовку кадров славистов, а также академические исследования по истории языков, литератур, культуры и прошлого славянских народов, гарантировал бы их архивное и библиотечное обеспечение, координировал работу славистов внутри страны и развивал их международное сотрудничество²⁶².

Идея создания Института славяноведения была поддержана Президиумом АН СССР, который на своем заседании 25 августа 1942 г. признал ее «целесообразной», отложив ее реализацию до окончания войны. Временно же необходимые мероприятия «для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в Академии наук в области славяноведения» предписывалось проводить в рамках создаваемой при Президиуме АН СССР Славянской комиссии²⁶³. Под руководством Н.С. Державина она успешно работала все годы войны²⁶⁴, о чем говорилось ранее.

Помимо Н.С. Державина в филологических кругах АН СССР также вынашивались планы создания специального института, разрабатывающего общеславянские проблемы, которые завершились, как уже указывалось, в конце 1943 г. созданием Института русского языка²⁶⁵. Кроме того, в 1943 г. для подготовки филологов-славистов была основана кафедра славянской филологии в МГУ²⁶⁶, а в 1944 г. — в ЛГУ²⁶⁷.

Окончание войны, попытки разграничения сфер влияния среди великих держав выдвигали перед советским руководством новые идеолого-политические задачи объединения преимущественно славянских стран вокруг СССР. На этом этапе использовались, как и в годы войны, идеи дружбы славянских народов и славянской солидарности²⁶⁸. Эти обстоятельства несомненно составляли глубинную подоплеку создания

координационного центра славяноведения в Москве, хотя официально об этом никогда не заявлялось²⁶⁹.

В борьбу за организацию и будущее руководство Институтом славяноведения АН СССР вступили тогда две группы лидеров советского славяноведения: академики Н.С. Державин с небольшой группой своих сторонников из Славянской комиссии при поддержке влиятельных партийных деятелей Г.М. Димитрова и ранее Е.М. Ярославского, с одной стороны, и Б.Д. Греков и В.И. Пичета из Института истории, поддержанные вице-президентом АН СССР В.П. Волгиным, — с другой.

Нам удалось отыскать в ЦМА–МЛС, в фонде В.Т. Дитякина, интересный документ. 8 августа 1944 г. Н.С. Державин подал в Бюро ОЛЯ АН СССР «Записку о состоянии изучения славяноведческих проблем в СССР и за границей в связи с разработкой их в АН СССР». В ней он снова напомнил о том, что Славянская Комиссия, успешно работающая под его руководством, только «зародыш» (собиратель кадров и координатор исследований) будущего полнокровного Института славяноведения, непосредственная организация которого назревает уже в самое ближайшее время. При этом он обосновывал необходимость его создания «объединительными» целями советской внешней политики в конце войны: «Великая освободительная война уже дала свои результаты в Польше и Югославии. СССР все более и более становится притягательным центром для всех славянских народов. Наша советская славяноведческая наука должна быть достойна той огромной исторической задачи, которую выполняет ныне наша великая страна»²⁷⁰.

Между тем многомесячная болезнь, сразившая Н.С. Державина в 1945 г. во время его поездки в Болгарию и Югославию, исключила его из числа участников подготовки нового проекта создания Института, за который он так много ратовал в годы войны.

Инициативу взял в свои руки директор Института истории, академик Б.Д. Греков (при несомненной поддержке зав. Сектором славяноведения В.И. Пичеты). В обоснование проекта организации Института, представленного в ЦК ВКП(б) на имя его секретаря Г.М. Маленкова 12 апреля 1945 г., он, как и Державин, на исходе войны апеллировал к «объединительной» послевоенной миссии СССР по отношению к славянским народам: «В настоящее время, в период все растущего взаимного сближения славянских народов, вопросы славяноведения становятся особенно актуальными», но отсутствие научно-организационного центра тормозит развитие этой науки. «Между тем освободительная роль Советского Союза в отношении славянских народов настоятельно требует, чтобы советское славяноведение заняло руководящее место в разработке вопросов истории славянских народов, в изучении их языков и литературы, в объединении славянских научных сил вокруг изучения славяноведческих проблем». Таким образом, Б.Д. Греков также ставил задачу превращения советского славяноведения в лидера мировой науки, причем с постепенным «приобщением» зарубежных славяноведов к марксистской методологии: «Советское славяноведение несомненно привлечет к себе внимание славянских ученых, которые будут приезжать в Советский Союз для работы в советских архивах, для более тесного общения с исследователями, работающими на основе метода марксизма-ленинизма»²⁷¹.

Б.Д. Греков поддержал выдвинутую ранее Н.С. Державиным идею создания Института как комплексного координационного центра славяноведения в СССР. В нем намечалось первоначально создание только двух секторов: Сектора истории и Сектора языка и литературы. Как ранее Н.С. Державин, Б.Д. Греков предусматривал в своем проекте издание специального научного журнала и учреждение

при Институте научной библиотеки (за счет фондов ликвидированного ранее Института славяноведения, переданных в свое время в Библиотеку Академии наук в Ленинграде). Было и характерное новшество в духе времени на исходе войны: высказывалось пожелание пополнения библиотеки коллекцией трофейных книг из «богатой славяноведческой библиотеки и архива Восточного института в Бреславле (полностью) и библиотеки Кёнигсбергского университета (частично)»²⁷².

В проекте Б.Д. Грекова перечислялись первоочередные (как это представлялось в 1945 г.) проблемы, подлежащие разработке в организуемом Институте славяноведения (изучение происхождения славянских народов и их исконных связей; возникновение славянских государств и их борьба за свою независимость; внешняя политика славянских государств; история русского славяноведения; культурное развитие западных и южных славян в их взаимоотношениях с русской культурой).

В докладной записке назывались также имена славистов, которые могли бы составить штаты будущего Института (историки: Б.Д. Греков, В.И. Пичета, С.К. Богоявленский, А.Д. Удальцов, М.Н. Тихомиров, Н.П. Грацианский, С.А. Никитин, Л.В. Разумовская, П.Г. Богатырев и др.; филологи: Н.С. Державин, С.П. Обнорский, Л.А. Булаховский, Якуб Колас, Н.К. Гудзий, Ф.В. Ржига, С.Б. Бернштейн и др.)²⁷³. Как в предложенных для разработки темах, так и в кадрах наблюдалось явное превалирование историко-славистической проблематики и историков. Славянская филология, доминирующая в зарубежном славяноведении, отодвигалась на второй план²⁷⁴.

Далее в дело организации Института славяноведения включились руководители АН СССР — тогдашний президент В.Д. Комаров и вице-президент В.П. Волгин. В июне 1945 г. в Москве и Ленинграде проводилась грандиозная юбилейная научная сессия по случаю 220-летия АН СССР, куда были приглашены многие видные иностранные ученые. Некоторые зарубежные слависты говорили о необходимости создания в Москве международного центра славяноведения. Эти предложения встретили горячую поддержку собравшихся²⁷⁵. Вероятно, не случайно Комаров и Волгин, воодушевленные этой международной поддержкой, подали докладную записку в ЦК ВКП(б) от 14 июня 1945 г., в которой настойчиво просили разрешения организовать в системе Академии наук названный Институт и предлагали кандидатуры на руководящие должности. По этому проекту Н.С. Державин вовсе устранился от руководства Институтотом²⁷⁶.

Оправившись от инсульта, академик в начале 1946 г. подготовил личное письмо И.В. Сталину. В нем он, приводя пространные аргументы в пользу развития славистики в новых послевоенных условиях, осторожно подводил вождя к мысли о том, что именно он — Державин — может и должен возглавить Институт славяноведения, а его «соперники» не обладают необходимыми для этого качествами. В частности, он писал: «...Работая над этим делом, я все последние годы присматривался к нашим ученым и нашей молодежи. На заседаниях созданной мною Славянской комиссии АН СССР прошли десятки людей различного круга знаний, склонностей и интересов, узкие специалисты и люди с широким кругозором, политически острые и деятельные. Отчетливо выяснилось, что нельзя приблизить к руководству этим делом людей, может быть, и достаточно научно подготовленных, но застывших в круге узких проблем славистики, проблем, к тому же нередко весьма далеко отстоящих от современности» (выделено нами. — М.Д.)²⁷⁷.

Однако дискредитация коллег не возымела своего действия и «дело» об Институте было решено положительно в пользу академика Б.Д. Грекова и его единомышленни-

ков. Ироничный С.Б. Бернштейн писал по этому поводу 15 декабря 1946 г.: «Имеется уже предварительное решение о создании в Академии наук Института славяноведения. Он будет создан на основе сектора южных и западных славян Института истории, балто-славянского сектора Института русского языка и Славянской комиссии при Президиуме Академии наук... Говорят, что директором будет академик Греков. Это сильный удар по Державину, благодаря которому и принято решение о создании Института. Он был директором Института славяноведения в 1931–1934 гг., активно хлопотал сразу же после войны об организации нового Института. Привлек на свою сторону Г.М. Димитрова и Е. Ярославского. И вот... Институт создан, но руководителем будет его старый враг. Намечаются два заместителя директора: академик Пичета по истории и академик Обнорский по филологии. Как бы Державина не хватил второй удар»²⁷⁸. Несмотря на некоторые неточности в названии славистических центров и неосведомленность об акциях Державина по восстановлению Института в военное время, С.Б. Бернштейн верно охарактеризовал накал страстей, напряженную атмосферу борьбы «титанов славяноведения» за кресло директора нового Института.

Почему же академик Н.С. Державин потерпел фиаско в деле организации давно лелеемого им детища? Казалось бы, как плодовитый филолог и историк, он являлся наиболее подходящей кандидатурой руководителя для комплексного Института. Он много раз и последовательно выступал за его создание, обращаясь в руководящие органы Академии и ЦК ВКП(б), в своей Славянской комиссии собрал сведения и располагал наиболее полной информацией о кадрах славистов в СССР и поддерживал с ними научные связи. Вероятно, все же дело заключалось совсем не в болезни академика, а в его личности — конформиста, ловко подлаживающегося под предлагаемые властями условия, последователя «нового учения о языке» Н.Я. Марра, от которого, несмотря ни на что, отгораживались здравомыслящие филологи. Все это негласно компрометировало его репутацию в научных академических кругах. Что касается политического руководства страны, то, видимо, имеет свои резоны высказанное в устных воспоминаниях С.Б. Бернштейна предположение, основанное на рассказах самого Державина, что якобы И.В. Сталин после триумфальных приемов ученого в правительственных кругах Болгарии и Югославии в 1945 г. «взревновал» академика к его популярности у южных славян. Это не значит, что Б.Д. Греков и В.И. Пичета (несомненно стоявший у истоков проекта) являются «безгрешными ангелами» в отношении политического конформизма с партийными властями (при всей сложности их внутреннего отношения к Советской власти), но этот конформизм в ученых кругах тогда считался нормой, а авторитет стойких марксистов (и одновременно патриотов) в исторической науке, несомненно, был им на пользу при организации Института с профилирующей исторической ориентацией.

Далее, после одобрения «сверху», вопрос об Институте славяноведения рассматривался в Президиуме АН СССР 30 мая и 18 июня как дело уже решенное. Уточнялись структура Института, его цели и задачи. Примечательно, что первоначальный вариант славистических структурных подразделений в АН СССР не во всем совпадал с окончательным результатом. Согласно постановлению Президиума по Отделению истории и философии от 30 мая 1946 г., Институт славяноведения должен был включать в себя 4 структурных подразделения: Сектор западных славян, Сектор южных славян, Сектор византиноведения и библиотеку. Из этого видно, что эти подразделения комплексного характера, имели бы своими задачами изучение истории, языка и литературы славян-

ских народов, истории их государств, внешней политики, русско-славянских отношений и культуры славян.

Но Институт славяноведения по тогдашнему замыслу не исчерпывал собой славистических центров в АН СССР. В рамках Отделения истории и философии в Институте материальной культуры намечался Сектор славянской археологии, с намерением изучать археологию славянства (восточного, южного и западного), а в Институте этнографии планировалось сформировать два сектора — славяно-русский и фольклора. Первый должен был изучать проблемы этнографии славянских народов, второй — славянского фольклора и связанные с ним вопросы духовной культуры. В рамках ОЛЯ АН СССР в Институте русского языка по этому плану продолжал функционировать Сектор славяно-балтийских языков²⁷⁹.

18 июня 1946 г. Президиум АН СССР вернулся к вопросу о предложенной ранее структуре Института славяноведения. И побудил его к этому академик Н.С. Державин. Надо отдать ему должное в том, что ущемленное самолюбие не возобладало на этот раз в ученом, и он приветствовал создание Института как «акт международного значения». «Этого Института, — сказал академик, — ждет не только наша общественность, не только наша страна, но его ждут и за рубежом, во всех славянских странах... Там смотрят на Советский Союз как на своего вождя, у которого хотели бы учиться, хотели бы пользоваться его помощью». Он благородно пожелал «развития и расцвета» уже «не своему» Институту²⁸⁰. В то же время Н.С. Державин высказал ряд дельных пожеланий относительно структуры Института. Учитывая опыт работы возглавляемой им Славянской комиссии, он предложил организовать в нем отделы языка, фольклора и славянского права. Академик Б.Д. Греков в ответном выступлении заверил его, что в каждом из общих отделов южных и западных славян будут изучаться «и язык, и право, и все, что необходимо для славяноведения». Академик же В.П. Волгин несколько остудил «всеядность» будущего директора, заявив, что язык и фольклор, несомненно, будут предметом изучения в Институте славяноведения. Что касается славянского права, то специалистов так мало, что их целесообразнее оставить в Институте права, который «не может отказаться от того, чтобы у него были работники, занимающиеся славянским правом»²⁸¹.

Замечания Н.С. Державина стали предметом дальнейшего внутреннего обсуждения, которое привело к структурированию секторов по научным дисциплинам, а не по архаичным славянским «племенам».

Постановление об организации Института в Совете Министров СССР состоялось 31 августа 1946 г.²⁸².

Наконец, 20 сентября Президиум АН СССР принял окончательное решение об образовании Института славяноведения АН СССР в рамках Отделения истории и философии. С докладом об Институте выступил академик Б.Д. Греков. В постановлении о нем было сказано, что он создается на базе Сектора славяноведения Института истории АН СССР, Сектора славянских (точнее, славяно-балтийских) языков Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии АН СССР. Задачами Института определялись научная разработка истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовка квалифицированных специалистов-славяноведов.

Была утверждена структура Института, учитывая предыдущее обсуждение, уже по специальностям: Сектор истории, Сектор языка и литературы, группа византино-славянских отношений и библиотека. Относительно структуры споров не произошло.

Академик В.П. Волгин пояснил только, что вместо предложенного Сектора Византии утверждается только группа славяно-византийских отношений, а сам Сектор продолжает функционировать в Институте истории. Предметами обсуждения стали вопросы о помещении, кадрах, финансировании, периодическом издании. Б.Д. Греков откровенно сказал, что в помещении Института истории на Волхонке, 18, в одной комнате новый Институт международного значения размещаться не может, в качестве возможного варианта он рассматривал здание на Кропоткина, 10, где функционировал Всеславянский комитет и другие общественные организации. Относительно кадров он планировал включить в состав Института 18 историков, 17 филологов и 8 византинистов. В аспирантуру намечалось принять до 20 человек. Предлагалось издавать международный бюллетень по славяноведению и рассмотреть вопрос о созыве международного совещания славистов из славянских стран (см. главу VI). Все эти пожелания вошли в принятое постановление. Институт претендовал на помещение в 400–500 кв. метров рабочей площади. Была создана специальная комиссия по формированию книжного фонда Института на базе Библиотеки Академии наук²⁸³.

Директором назначался академик Б.Д. Греков, а его заместителями — С.П. Обнорский и В.И. Пичета²⁸⁴. Именно они (за исключением серьезно болевшего Обнорского) осуществляли в первые годы руководство и кадровую политику, определяли задачи и основные направления работы этого научного учреждения и, несомненно, имеют (как на подготовительном этапе и Н.С. Державин) большие заслуги в формировании его научного и кадрового фундамента. Академик Н.С. Державин возглавил в конечном итоге небольшой филиал (группу) Института в Ленинграде с 1950 г. до своей смерти в 1953 г.

В декабре 1946 г. удалось решить основные штатные, бюджетные и административно-хозяйственные проблемы работы Института, и 31 декабря был подписан первый приказ по этому новому учреждению. Его основание достойно завершило не только организационное оформление научных исследований и сосредоточение научных сил в области академической славистики, но и длительный этап борьбы за право славяноведения восстановить свое достойное место среди других дисциплин гуманитарного профиля. Фактически Институт начал свою работу с января 1947 г. и с тех пор по настоящее время был и является единственным академическим комплексным центром славяноведения в СССР, а затем и в России, адекватно решающим важные научные проблемы в современном радикально меняющемся мире. Как справедливо писал один из его директоров, член-корреспондент АН СССР В.К. Волков, «объективно значение славяноведения в новых условиях для России возрастает, если учесть, что оно является одной из сфер знания, служащих для научного обоснования ее национально-государственных интересов»²⁸⁵.

Примечания

1 Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

2 Подробнее см.: *Логачев К.И.* Первый этап развития советского славяноведения (славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук (далее АКД). М., 1979.

3 См.: *Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–56; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. Предисловие. С. V–LXII и др.

4 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Е.Ф. Карский в годы «советизации» Академии Наук // Из-

- вестия ОЛЯ. М., 1995, Т. 54. ¹ 3. С. 77–82; Робинсон М.А. Государственная политика в сфере науки и отечественного славяноведения 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 111–134; Он же. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 78–90 и др.
- 5 Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- 6 Подробнее см.: Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
- 7 См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. М.; Л., 1939. Ч. 1; Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. М., 1940. Ч. 2.
- 8 Аксенова Е.П. «Изгнанное из стен Академии» (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.
- 9 Решение Президиума АН СССР о создании Сектора славяноведения в Институте истории АН СССР было принято 25 февраля 1939 г. См.: 50 лет советской исторической науки. 1917–1967. Хроника. М., 1971. С. 213. В книге Е.П. Аксеновой указан апрель 1939 г., когда появились первые заметки в газетах о начале работы Сектора. См.: Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 159.
- 10 Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 211. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2.
- 11 Там же. Л. 70.
- 12 Там же. Л. 64–70.
- 13 Руколь Б.М. Зденек Неядлы – историк славянства. Неопубликованная статья 1960-х гг. В архиве автора. С. 2–3.
- 14 Известия. 4 апреля 1939. № 79.
- 15 Известия. 21 апреля 1939. № 93.
- 16 Санчук Г.Э. Сектор славяноведения Института истории АН СССР (1939–1947) и становление марксистской историографии по истории зарубежных славян // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов 27–29 января 1988 г. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1988. С. 229–230.
- 17 Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 159–167.
- 18 Досталь М.Ю. Пичета Владимир Иванович (1878–1947) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 571–580; Иванов Ю.Ф. Когда и как был освобожден В.И. Пичета // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 174–175; Горяинов А.Н., Иванов Ю.Ф. Новое об академике В.И. Пичете // Вопросы истории славян. Воронеж, 2004. Вып. 16. С. 3–34.
- 19 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 66.
- 20 ЦАОПИМ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.
- 21 Там же. Л. 47.
- 22 АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 22. Л. 58. Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 23 июня 1939 г.
- 23 Там же. Л. 59.
- 24 Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., Л., 1942. С. 222–235.
- 25 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 66. Л. 13.
- 26 Подробнее см.: Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 160–166.
- 27 См.: Савич А.А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века. М., 1939; Шустер У.А., Джервис М.В. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М., 1939. С. 410–445; Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940; Державин Н.С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л., 1941; Неядлы З. К истории славяноведения до XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–96; Кабакчиев Х., Караколов Р. Болгария в первой мировой империалистической войне (1915–1918) // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 32–46; Готье Ю.В. Балтийский вопрос в XI–XIII в. // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 87–96; Караколов Р. Болгарский народ в кровавых лапах германского фашизма. М., 1941; Густинич Д. Словения под игом Гитлера и Муссолини. М., 1941; Франич Н.

- Сербия в войне 1914–1918 гг. // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 55–63 и др.
- 28 См., например: *Пичета В.И.* Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская наука. 1939. № 12. С. 155–170; *Он же.* Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939; *Он же.* Исторический путь народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Октябрь. 1939. № 10–11. С. 3–11; *Он же.* Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Историк-марксист. 1939. № 5–6. С. 67–98 и др.
- 29 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 53. Л. 114.
- 30 Подробнее см.: *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 г. М., 1999; *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 175–188.
- 31 АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.
- 32 Там же. Л. 2.
- 33 Там же. Л. 7.
- 34 *Марченко А.К.* Куйбышевский период деятельности Зденек Нееды // Советское славяноведение. 1974. № 2. С. 56–58.
- 35 *Пичета В., Целовальникова А.* Сектор славяноведения Института истории Академии наук СССР (с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г.) // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 100.
- 36 *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шеттунув И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 22.
- 37 *Пичета В., Целовальникова А.* Сектор славяноведения Института истории... С. 100.
- 38 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. Славистика СССР и русского зарубежья 20-40-х годов XX века. М., 1992. С. 102–103.
- 39 *Пичета В., Целовальникова А.* Сектор славяноведения Института истории... С. 100–101.
- 40 Материалы к биографии Стефана Иосифовича Зинича (1896–1945 гг.) (Публикация М.С. Зинич) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 184–191.
- 41 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. С. 101.
- 42 Там же. С. 119, 122, 123.
- 43 Там же. С. 101.
- 44 Там же. С. 102, 103.
- 45 Там же. С. 101, 116.
- 46 *Королюк В., Санчук Э.* Работа сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943–1944) // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 139.
- 47 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 107, 109–111,
- 48 Там же. С. 112–113.
- 49 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 141.
- 50 В «Славянском сборнике» были опубликованы также статьи: *Богоявленский С.К.* Связи между русскими и сербами в XVII–XVIII вв. // Славянский сборник. М., 1947. С. 241–261. *Гринберг С.Ш.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Первой мировой войны (1912–1914 гг.) // Там же. С. 291–335.
- 51 Там же. С. 101.
- 52 См.: *Пичета В.И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. (с предисловием В. Королюка) // Ученые записки [Институт славяноведения АН СССР]. М., 1951. Т. 3. С. 136–175; *Он же.* Австрия и польское восстание 1830–1831 гг. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 29–51 и др.
- 53 *Пичета В.И.* История Польши. Т. 2. Автореферат // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии. М.; Л., 1947. С. 34–35.
- 54 *Королюк В.Д.* Рукописное наследство академика В.И. Пичеты // Ученые записки [Институт славяноведения АН СССР]. М., 1949. Т. 1. С. 25–34.
- 55 *Санчук Г.Э.* Разработка проблем феодализма в научном семинаре академика В.И. Пичеты // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 152.
- 56 *Руколь Б.М.* В.И. Пичета — основатель кафедры южных и западных славян // Ученики об

- учителях. Воспоминания об ученых Московского университета. М., 1990. С. 151.
- 57 Санчук Г.И., Уткина Л.И. Чтения, посвященные памяти В.И. Пичеты // Из истории университетского славяноведения в России. М., 1983. С. 214–215.
- 58 Уткина Л.И. Академик В.И. Пичета — организатор кафедры южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 40.
- 59 Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 114.
- 60 Подробнее о работе «пичетников» см.: Досталь М.Ю. «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян в МГУ (1943–1946) // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 304–318.
- 61 Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 102–103.
- 62 Там же.
- 63 Там же. С. 112–113.
- 64 Там же. С. 123.
- 65 Там же. С. 123–124.
- 66 См.: Пичета В.И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. М., 1945. № 5–6. С. 157–175; Он же. Академия наук и славяноведение // Славяне. 1945. № 7. С. 10–19.
- 67 Пичета В.И. Академия наук и византиноведение в советское время // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 189–194.
- 68 Отделение истории и философии. В институтах отделения // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8. С. 124–125.
- 69 В Отделении истории и философии АН СССР // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 4. С. 295–296.
- 70 Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 125–126.
- 71 Подробнее см.: Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в годы войны... С. 175–188; Дубровский А.М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х гг. // Проблемы славяноведения. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 195–209.
- 72 Цит. по: Письма Анны Михайловны Панкратовой (Публикация Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 55.
- 73 Там же. С. 63.
- 74 Там же.
- 75 Подробнее см.: Юсова Н.Н. Легитимация понятия «древнерусская народность» // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2006. Вып. 8. С. 3–17.
- 76 Письма Анны Михайловны Панкратовой... С. 64. Пичета упомянул 41–42 тт. «Литературного наследства» (М., 1941), в котором была опубликована переписка русских революционных эмигрантов.
- 77 Там же.
- 78 Там же. С. 69–70.
- 79 Там же. С. 70.
- 80 Там же.
- 81 Там же. С. 76.
- 82 Там же.
- 83 Там же. С. 70.
- 84 О перспективном плане в области исторической науки // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 68.
- 85 Там же.
- 86 Там же. С. 73.
- 87 Подробнее см.: Досталь М.Ю. Славянская комиссия Академии наук СССР (1842–1946) // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 105–129.
- 88 О перспективном плане в области исторической науки... С. 73.
- 89 Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 120.
- 90 Там же.
- 91 Там же.
- 92 Там же. С. 120–121.
- 93 Позднее Ж. Корман опубликовала в СССР часть планируемой работы: Корманова Ж. Революция 1905–1907 гг. на польских землях (Попытка обобщения исторического хода революции) // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1956. Вып. 20. С. 13–24.

- 94 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. ... С. 121.
- 95 По этой теме был опубликован автореферат и вышла статья. См.: *Гринберг С.Ш.* Первая мировая война и болгарский народ // *Исторические записки.* 1947. Кн. 21. С. 202–221.
- 96 *Пичета В.И.* Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян // *Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии.* М., 1944. С. 6–31; *Он же.* Борьба западных славян против германской агрессии до начала X в. // Там же. С. 42–48; *Он же.* Борьба Чехии и Польши против германской агрессии: (X–XII вв.) // Там же. С. 60–67; *Наступление Австрии и Пруссии на славянские народы в XVI–XVIII вв.* // Там же. С. 80–94.
- 97 *Неедлы З.* Государство Само // *Вековая борьба западных и южных славян...* М., 1944. С. 42–43; *Он же.* Национальное движение славян в XIX в. // Там же. С. 94–107; *Он же.* Борьба славянских народов за национальную независимость в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Там же. С. 107–119; *Он же.* Гитлеризм — злейший враг славянства // Там же. С. 119–126; *Он же.* Чехословакия [1938–1944] // Там же. С. 127–150.
- 98 *Грацианский Н.П.* Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XV в. // *Вековая борьба западных и южных славян...* М., 1944. С. 67–80; *Он же.* Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века // Там же. С. 48–60.
- 99 *Шустер У.А.* Польша под властью германских оккупантов // *Вековая борьба западных и южных славян...* С. 150–179.
- 100 *Зинич С.* Борьба народов Югославии против германских и итальянских оккупантов // *Вековая борьба западных и южных славян...* С. 180–198.
- 101 *Караколов Р.К.* Болгария (1938–1944) // *Вековая борьба западных и южных славян...* С. 198–222.
- 102 *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение... С. 175.
- 103 *Пичета В.И.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // *Вопросы истории.* 1946. № 10. С. 153.
- 104 *Державин Н.С.* Рец. на кн.: *Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии.* Сборник статей, под редакцией проф. З.Р. Неедлы. М., 1944 // *Исторический журнал.* 1944. № 12. С. 82.
- 105 *Грацианский Н.П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; *Он же.* Заэльбские славяне и борьба с немецкой агрессией в X–XII вв. // *Исторический журнал.* 1942. № 8. С. 37–42; *Он же.* Славянское царство Само (К критике известий «Хроники Фредегара») // *Исторический журнал.* 1943. № 5–6. С. 41–47; *Он же.* Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века // *Вековая борьба западных и южных славян...* С. 48–60; *Он же.* Карл Великий и славяне // *Исторический журнал.* 1945. № 3. С. 21–27; *Он же.* Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // *Вопросы истории.* 1946. № 2–3. С. 91–105 и др.
- 106 *Пичета В.И.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР... С. 153.
- 107 См.: *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом // *Вопросы истории.* 1946. № 8–9. С. 19–41; *Он же.* Связи между русскими и сербами в XVII–XVIII вв. // *Славянский сборник.* М., 1947. С. 241–261; *Горянов Б.Т.* Черногория. Стенограмма публичной лекции. М., 1945.
- 108 *Пичета В.И.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР... С. 153.
- 109 Там же.
- 110 Там же. С. 153–154.
- 111 Там же. С. 154.
- 112 Письма Анны Михайловны Панкратовой... С. 72.
- 113 Там же. С. 64.
- 114 Цит. по: *Досталь М.Ю.* Институт славяноведения и балканистики РАН (К 50-летию его создания) // *Славистичні студії.* Т. 1. Матеріали V-го Міжнародного славистичного колоквиуму (Львів 14–16 травня 1996 р.). Львів, 1997. С. 24. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение.* 1996. № 6. С. 13.
- 115 Впервые деятельность Комиссии получила освещение в нашей статье, положенной в основу настоящей главы. См.: *Досталь М.Ю.* Славянская

- комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 107–129.
- 116 Подробнее см.: *Логачев К.И.* Первый этап развития советского славяноведения (Славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.) АКД. М., 1979. С. 9; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 и др.
- 117 При деятельном участии Н.С. Державина Президиум АН СССР принял 10 июня 1934 г. Постановление, которое предписывало: «1. В целях усиления работы во всех обществоведческих учреждениях Академии наук в области изучения славянских народов: а) предложить ИЯМ усилить группу по изучению славянских языков; б) предложить Исторической комиссии обратить особое внимание на разработку проблем по истории славянства; в) предложить ИЯМ при составлении плана издания исторических документов учесть необходимость издания исторических документов по сопредельным с СССР странам, в особенности славянским; г) предложить ИРЛИ в планах своих работ обратить внимание на изучение славянских литератур в их взаимодействии с русской литературой; предложить Бюро Ассоциации учреждений ООН принять все необходимые меры, вытекающие из настоящего постановления. 2. Сохранить в плане издания АН издание комплексного сборника по языкам, литературам и истории славянских стран в составе Фундаментальной библиотеки АН и пр.». Это важное постановление, к сожалению, не было реализовано. См.: ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 62. Л. 6–7.
- 118 Там же. Л. 26–26 об.
- 119 Там же. Л. 30–32.
- 120 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения конца 1930-х — начала 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 9–10.
- 121 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 2 об.
- 122 Там же. Л. 35.
- 123 Там же. Л. 18.
- 124 Там же. Л. 19–20.
- 125 Там же. Л. 21–23.
- 126 Там же. Л. 31.
- 127 Там же. Л. 31–31об.
- 128 АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–1об.
- 129 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 29 об.
- 130 *Дитякин В.Т.* Новые работы по славяноведению // Славяне. 1943. № 4. С. 36.
- 131 Там же. С. 37.
- 132 Там же.
- 133 Там же.
- 134 *Дитякин В.Т.* Славянская комиссия Академии наук в 1943 г. // Известия Академии наук СССР. Серия ОЛЯ. 1944. Т. III. В. 1. С. 48.
- 135 Там же. С. 47.
- 136 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 37–38, 39.
- 137 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 56. Л. 40.
- 138 *Дитякин В.Т.* Славянская комиссия Академии наук в 1943 г. ... С. 48.
- 139 В мемуарах С.Б. Бернштейна упоминается о работе над аналогичным справочником в Институте этнографии АН СССР. Ученый подготовил для него популярную статью «Славянские языки». См.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор академик РАН В.Н. Топоров. Составители М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов. М., 2002. С. 53 (Запись от 20 августа 1944 г.).
- 140 *Дитякин В.Т.* Славянская комиссия Академии наук в 1943 г. ... С. 48.
- 141 *Державин Н.С., Константинов Ф.Т.* Славяне (Справка) // Славяне. 1943. № 8. С. 21–23.
- 142 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 33.
- 143 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 54. (Запись от 16 сентября 1944 г.)
- 144 См.: *Бернштейн С.Б., Державин Н.С.* Кравевич Марко и Илья Муромец // Советская этнография. Сборник статей. VI–VII. М., Л., 1947. С. 106–116; *Дитякин В.Т.* Образование государства у хорватов (X в.) // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 71–83; *Скрипиль М.О.* «Повесть о Петре и Февронии» и эпические песни южных славян об огненном змее // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 35–39 и др.
- 145 *Дитякин В.Т.* Славянская комиссия Академии наук в 1943 г. ... С. 47.
- 146 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 48.

- 147 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 1.
- 148 Там же.
- 149 Там же. Л. 2.
- 150 Там же. Л. 3.
- 151 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 37. (Запись от 27 января 1944 г.)
- 152 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 3.
- 153 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 29. (Запись от 20 октября 1943 г.)
- 154 Там же. (Запись от 24 октября 1943 г.)
- 155 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 3–4.
- 156 Там же. Л. 4.
- 157 ЦММФ. Ф. 2377. Оп. 1. Д. 1534. Л. 6.
- 158 См.: *Срезневский И.И.* Славянские известия. [Рец. на кн.:] Путешествие И. Коллара по Северной Италии, Тиролю и Баварии // Москвитянин. 1844. № 5. С. 123–151. См. также: *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х гг. XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1993. С. 4–116.
- 159 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 4–5.
- 160 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 46–47. (Запись от 1 июня 1944 г.)
- 161 Там же. С. 47.
- 162 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 5–6.
- 163 Там же. Л. 7–8.
- 164 Там же. Л. 6–7.
- 165 Там же. Л. 8–9.
- 166 Там же. Л. 9.
- 167 Там же. Л. 10–11.
- 168 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 39–40. (Запись от 29 марта 1944 г.)
- 169 См.: *Влахос Д.* Македонские славяне сражаются за свою свободу // Славяне. 1943. № 11. С. 41–42; *Он же.* Македонский народ в борьбе за свое воссоединение // Славяне. 1944. № 4. С. 17–19.
- 170 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 54. (Записи от 5 и 11 сентября 1944 г.)
- 171 Славянская комиссия Академии наук СССР // Славяне. 1944. № 10. С. 46; АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 33. Л. 11.
- 172 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 64–68.
- 173 Позднее было издано Всесоюзным юридическим заочным институтом два учебных пособия: См.: История государства и права новейшего времени (Чехословакия, Болгария, Польша, Румыния). Учебное пособие. М., 1957; *Черниловский З.М.* История феодального государства и права. В приложении документы по истории феодального государства и права. М., 1959. Здесь содержались главы «Польша», «Чехия», «Болгария» и «Сербия».
- 174 АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 48. Л. 1.
- 175 *Дитякин В.* Павел Шафарик (К 150-летию со дня рождения) // Славяне. 1944. № 5. С. 41–44.
- 176 Эта статья также была опубликована в журнале «Славяне» (1945. № 8–9. С. 27–34).
- 177 АРАН. Ф. 456. Оп. 6. Д. 117. Л. 48–50.
- 178 См.: *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Державин Н.* Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944 // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 121–125.
- 179 ЦМА–МЛС. Ф. 43. Оп. 1. Д. 561. Л. 138.
- 180 АРАН. Ф. 456. Оп. 6. Д. 117. Л. 48–50.
- 181 ЦМА–МЛС. Ф. 43. Оп. 1. Д. 561. Л. 96.
- 182 Там же. Л. 241–242.
- 183 АРАН. Ф. 456. Оп. 6. Д. 117. Л. 50.
- 184 ЦМА–МЛС. Ф. 43. Оп. 1. Д. 561. Л. 80.
- 185 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 51–52 (12 апреля 1945 г.).
- 186 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 44. Л. 3–7.
- 187 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 64. Л. 58; Д. 58. Л. 12 об.
- 188 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 78. (Запись от 15 марта 1946 г.)
- 189 Подробнее см.: *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 120–127; *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 175–183; *Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–66; *Горяинов А.Н.* «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 107–114.
- 190 О Б.М. Ляпунове см.: *Обнорский С.П.* Памяти академика Б.М. Ляпунова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. 3. Вып. 5. С. 228–231; *Бернштейн С.Б.* Борис Михайлович Ляпунов // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 67–75 и др.

- 191 Подробнее см.: *Порочкина И.М.* У истоков советской славистики. Виктор Григорьевич Чернобаев // Вестник ЛГУ. 1988. Серия 2. Вып. 3. С. 36; *Сафронов Г.И.* О научной деятельности В.Г. Чернобаева // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 152–156.
- 192 См.: *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А.* Константин Алексеевич Пушкиревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 84–97.
- 193 Подробнее о работе Кабинета в середине 1930-х годов см.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 99–106.
- 194 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 74. Л. 165 об.–167 об.
- 195 Цит. по: *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 79.
- 196 *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 30-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 87–88.
- 197 См.: *Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–2002. Вып. 1–28.
- 198 Цит. по: *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики... С. 88.
- 199 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 74. Л. 166.
- 200 *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики... С. 88.
- 201 Там же.
- 202 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 74. Л. 167.
- 203 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- 204 Цит. по: *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 9.
- 205 ПФА РАН. Ф. 792. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
- 206 См.: *Советов С.С.* К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1. С. 293–324.
- 207 Цит. по: *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 22.
- 208 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.
- 209 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 23.
- 210 Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., Л., 1942.
- 211 Институт языка и письменности народов СССР // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 7–8. С. 128.
- 212 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 24.
- 213 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 99. Л. 9.
- 214 Подробнее см.: История языковедческих учреждений АН СССР за 1917–1954 гг. / Под ред. Е.А. Бокарева. М., 1955.
- 215 Цит. по: *Копелев Л.* Вопрос без ответа // Отгек. 1989. № 46. С. 14.
- 216 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 80. Л. 17 об.
- 217 Там же. Д. 99. Л. 12.
- 218 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 73. (Запись от 2 ноября 1945 г.)
- 219 Там же. С. 126. (Запись от 28 августа 1948 г.)
- 220 АРАН. Ф. 456. Оп. 6. Л. 117.
- 221 С.Б. Бернштейн весьма критически отнесся к теоретической работе М.Н. Петерсона «Проблема метода в языкознании», упрекая автора в том, что его правильный постулат о системности языка он никогда не реализовал на практике. В то же время ученый очень сочувствовал своему коллеге, когда в начавшейся кампании по осуждению генетиков он был как сторонник индоевропеизма (компаративистики) причислен к рядам антимарксистов и идеалистов в языкознании в противовес марристам. См.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 84–85. (Запись от 10 ноября 1946 г.) С. 127. (Запись от 14 октября 1948 г.)
- 222 Там же. С. 78. (Запись от 15 марта 1946 г.)
- 223 Там же. С. 90. (Запись от 15 декабря 1946 г.)
- 224 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 157. Примечательно, что Сектор должен был функционировать наряду с организуемым Институтом славяноведения, куда по планам того периода времени включались только исторические сектора западных, южных славян и византиноведения (Там же. Л. 165).

- 225 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 81–82. (Запись от 15 июля 1946 г.)
- 226 Там же. С. 90. (Запись от 15 декабря 1946 г.)
- 227 Цит. по: *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 12.
- 228 Там же. С. 13.
- 229 *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 30-е годы // Советское славяноведение. М., 1991. № 5. С. 91.
- 230 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 15.
- 231 Там же.
- 232 Цит. по: Там же. С. 15.
- 233 Там же. С. 16.
- 234 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 503.
- 235 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 7.
- 236 Там же. С. 9–10.
- 237 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 88.
- 238 ПФА РАН. Ф. 763. Оп. 2. Д. 15. Л. 21 об.
- 239 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 80. Л. 7.
- 240 Там же. Л. 8 и 9.
- 241 Там же. Л. 10.
- 242 Там же. Л. 35 и 39.
- 243 Там же. Д. 99. Л. 29 и 35.
- 244 Монография опубликована в 1948 г.
- 245 Книга издана в 1945 г.
- 246 АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 98. Л. 75.
- 247 Там же. Оп. 6. Д. 117. Л. 1.
- 248 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 79. (Запись от 14 апреля 1945 г.)
- 249 Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
- 250 Подробнее см.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 251 *Горяинов А.Н.* Славяноведение в Московском университете (1917–1927): из истории преподавания славистических дисциплин и организации цикла южных и западных славян // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 56–58.
- 252 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 246. Л. 148, 197. Стенограмма выступления Н.С. Державина 21 октября 1929 г. с отчетом о Съезде славянских филологов.
- 253 Подробнее см.: *Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti. Sborník statí. Bibliografie. Praha, 2000.* Славянский институт в Праге состоял из действительных членов и членов-корреспондентов и по существу не имел кадрового состава. Он был создан в духе ягичевского глобально-филологического представления о предмете славяноведения, но исторические исследования занимали в его трудах значительное место. В Институте существовали две секции, каждая из которых издавала свою серию изданий. Члены Института занимались проблемами славянского языкознания, палеославистики, византиноведения, карпатистики, литературоведения, истории славян, вспомогательных научных дисциплин и библиографии.
- 254 *Державин Н., Кораблев В.* Институт славяноведения (ИНСЛАВ) // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 1. Стб. 37–38, 39.
- 255 Подробнее о деятельности ленинградского Института славяноведения см.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения... Очерк 4; *Робинсон М.А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 210–239 и др.
- 256 Подробнее см.: *Горяинов А.Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2. С. 78–89; *Робинсон М.А., Петровский Л.П., Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов»* (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 68–82; *Аншин Ф.Д., Аллатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994 и др.
- 257 *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 78.
- 258 *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы... С. 83–93.

- 259 Аксенова Е.П. Академическое славяноведение... С. 8–9.
- 260 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950)... С. 503.
- 261 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 2–3. См.: *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 6–7.
- 262 ПФА РАН. Ф. 877. Оп. 3. Д. 77. Л. 3–4.
- 263 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 33. Л. 14–15.
- 264 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // *Славянский альманах* 1996. М., 1997. С. 107–129.
- 265 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР... С. 10–11.
- 266 Славянское отделение Филологического Факультета Московского университета // *Славяне*. № 5. С. 47; *Гудков В.П., Новикова А.С., Широкова А.Г.* Славянское языкознание в Московском университете // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1984. С. 4–11; *Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З.* Кафедра славянской филологии // *Филологический факультет Московского университета. Очерки истории*. Ч. 1. М., 2000. С. 182–219; *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) (К 60-летию ее основания) // *Славяноведение*. 2003. № 5. С. 32–47 и др.
- 267 *Досталь М.Ю.* Становление кафедры славянской филологии в ЛГУ // *Проблемы славяноведения*. Брянск, 2003. Вып. 5. С. 193–203 и др.
- 268 *Досталь М.Ю.* Славянский конгресс в Бел. граде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994.
- 269 Истинные цели советской политики были высказаны А.А. Ждановым на совещании со славяноведами. См.: *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // *Исторический архив*. М., 2001. С. 3–13.
- 270 ЦМА–МЛС. Ф. 43. Оп. 1. Д. 561. Л. 182 об.
- 271 См.: *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР... С. 12.
- 272 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 52.
- 273 См.: *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР... С. 13.
- 274 О понимании предмета славистики в европейских странах подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Предмет славистики в работах чехословацких ученых (1945–1984) // *Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США*. М., 1989. С. 144–164.
- 275 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // *Славянский альманах* 2003. М., 2004. С. 244–294.
- 276 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 54–56.
- 277 ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 44. Л. 4–5.
- 278 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 90. (Запись от 15 декабря 1946 г.)
- 279 АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 53. Л. 162, 163, 165, 157.
- 280 Там же. Оп. 3. Д. 74. Л. 159–160.
- 281 Там же. Л. 163–164.
- 282 Там же. Ф. 6. Д. 57. Л. 165; Д. 54. Л. 58–59; Оп. 3. Д. 74. Л. 158–161, 163–164.
- 283 Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 81. Л. 77, 79, 80.
- 284 Там же. Л. 78; Оп. 6. Д. 58. Л. 125–126.
- 285 *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // *Институт славяноведения и балканистики. 50 лет*. М., 1996. С. 31.

ГЛАВА V

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ:

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Возрожденное с 1939 г. советское славяноведение до войны не имело своего печатного органа. С середины 1942 г. эту функцию отчасти выполнял журнал «Славяне», основанный московским Всеславянским комитетом, но он имел преимущественно пропагандистско-публицистическую направленность. Немногие советские историки-слависты, сосредоточенные в основном в Секторе славяноведения Института истории АН СССР и на кафедре истории южных и западных славян МГУ, помещали свои статьи в основном в «Историческом журнале», издававшемся упомянутым Институтом с 1937 г. В 1941 г. он был объединен с авторитетным партийным журналом «Историк-марксист». До середины 1940-х гг. журнал редактировался влиятельным партийным деятелем Е.М. Ярославским. Объединенный журнал из научно-популярного и пропагандистского скоро превратился в научный — академического характера, с образцово-твердой марксистской трактовкой, но в условиях военного времени, естественно, приобрел патриотическую направленность. Он выходил до середины 1945 г. (вышло 5 номеров). В сентябре его заменил журнал «Вопросы истории», который должен был адекватнее отвечать изменившимся потребностям послевоенного времени. В частности, в преамбуле реорганизованного журнала указывалось, что он «будет уделять внимание вопросам, выдвинутым перед историками Великой Отечественной войной», среди других, таким как «проблема образования славянских государств и их борьбы с германской агрессией»¹.

Историки-слависты в условиях войны имели возможность также печататься в научных журналах «Вестник древней истории» (издавался также Институтом истории с 1937 г.), «Вестник Академии наук», «Советская этнография», в «Вестниках» МГУ и ЛГУ, агитационно-пропагандистских журналах «Большевик», «Пропагандист», реже в региональных и прочих изданиях. Объектом нашего анализа будут преимущественно работы профессиональных историков, главным образом, научного характера.

Прежде всего, определимся в том, какие направления историко-славистических исследований считались основными и приоритетными. По этому вопросу намечилось несколько представлений.

Остановимся на позиции «Исторического журнала». В методологическом отношении речь уже не шла об утверждении на его страницах ранних «левацких» марксистских идей: принимались статьи «зрелого» марксистского направления в духе сталинизма с сильным имперско-патриотическим уклоном.

Первый номер журнала за 1941 г. открывала передовая статья «Задачи журнала в области пропаганды исторических знаний». Она как бы подводила итоги идейного разгрома «школы М.Н. Покровского», обвиненного в вульгаризации и чрезмерной актуализации советской исторической науки, и намечала пути ее перестройки в свете «истинного» понимания исторического материализма, предложенного в знаменитом сталинском «Кратком курсе» истории ВКП(б) (1938). В статье обращалось внимание на

то, что «вместе с изучением экономики общества данной эпохи историк, если он не хочет быть вульгаризатором, упрощенцем типа историков „школы“ Покровского, должен дать простор в своем исследовании также и истории идей этой эпохи», которые возникают «лишь вследствие развития материальной жизни общества, появления и постановки перед обществом новых задач»². Журнал ставил своей задачей «постановку новых актуальных вопросов, популяризацию среди своих читателей всех новых достижений исторической науки и показ образцов марксистско-ленинской разработки исторических проблем, пропаганды исторических знаний» не менее чем на уровне «великих задач великой сталинской эпохи»³. Среди последних впервые специально выделялся «вопрос о западном и южном славянстве», правда, еще связанный с разработкой древней истории народов СССР, однако подчеркивалось, что «славяноведение стало большой, чрезвычайно важной проблемой»⁴.

Как уже указывалось, руководители Сектора славяноведения Института истории АН СССР первоначально не ставили перед собой решение всех глобальных общеславянских проблем. Они вырисовывались по мере конкретной работы. Однако сразу же было заявлено, что в сферу интересов Сектора входит изучение происхождения (этногенеза) славян, славяно-византийских отношений, разработка истории отдельных славянских стран, а в этих рамках — особенно борьбы славян с немецкой агрессией, межславянских связей, национально-освободительного движения, развития капитализма, рабочего движения и революционной борьбы⁵, позднее, уже в годы войны, была сформулирована проблема образования славянских государств и пр.

Начало Великой Отечественной войны изменило основные акценты популяризации исторических знаний и разработки исторических проблем. Ученые стремились внести свой посильный вклад в разгром врага на идеологическом фронте, в укрепление боевого и патриотического духа сограждан. Наиболее отчетливо новые задачи сформулировал Е.М. Ярославский в статье «О ближайших задачах исторической науки в СССР»⁶.

Статья появилась в канун 25-летия Октября, и потому цели историографии военного времени увязывались в ней с задачами популяризации всемирно-исторического значения революции. Особое внимание уделялось проблематике Гражданской войны, разгрому контрреволюции и интервенции и последующему утверждению молодого Советского государства на международной арене, теме дружбы и братства народов СССР, советского патриотизма. Важное значение придавалось разработке проблематики партизанского движения в прошлом и настоящем, собиранию и публикации материалов Великой Отечественной войны, показу героического прошлого русского и других народов СССР.

«Боевой задачей» советских историков признавалось всестороннее разоблачение фашистской идеологии, бесчеловечного фашистского «нового порядка» на оккупированных территориях ряда европейских стран. Были отчетливо сформулированы и задачи советского славяноведения: «Историкам СССР предстоит дать всестороннее освещение роли советских народов в истории человечества, резко отмежевав нашу точку зрения от всякого рода панславистских тенденций, как это сделал, между прочим, Первый всеславянский митинг в Москве (состоялся 10–11 августа 1941 г. — М.Д.). Историки должны развернуть картину борьбы славянских народов против германского империализма в Польше, Чехии, Сербии, Болгарии, Черногории, Словении, Македонии, роль прибалтийских славян. При этом нужно показать огромную роль

русского народа в борьбе против попыток Германии истребить славянские народы, превратить их в навоз истории для новых германских господ, установить господство германской „нордической“ расы в славянских странах»⁷.

Для такой последовательной борьбы имелись существенные основания, так как речь шла о самом жизненном существовании славянских народов. Как справедливо писал В.К. Волков, «известна гитлеровская практика геноцида целых народов. Истребление евреев на захваченных нацистами территориях, вошедшее позднее в историю под названием Холокост, превзошло все имевшиеся в истории прецеденты. Точно такая же судьба была уготована славянским народам. Генеральный план „Ост“, составленный теми же фашистскими „специалистами“, детально намечал апокалиптическое истребление славянских народов. Основное количество жертв борьбы против фашизма приходится на них. Больше 15% населения Советского Союза, преимущественно русских, белорусов и украинцев, погибло в этой войне. Примерно такой же урон понесли народы Югославии. Особенно велики были потери Польши, утратившей почти четверть своих сограждан. Львиная доля этих потерь была вызвана политикой оккупантов»⁸.

Эти задачи носили не проблемный, а самый общий характер, определяя как бы «дух» и идеологическую направленность предстоящих публикаций. Они существенно перекликались с решениями упомянутого нами в IV главе заседания Президиума АН СССР от 23 июня 1941 г. по докладам академика А.М. Деборина и члена-корреспондента А.Д. Удальцова. Последний четко определил цели научной пропаганды. Во-первых, советская историческая наука должна разоблачать «фашистскую фальсификацию истории человечества» и развернуть «картину славных дел нашего великого советского народа и др. народов», показать, «как свободолюбивые народы боролись за свою независимость». При этом подчеркивалось, что славянские народы вели «вековую борьбу» (выделено нами. — М.Д.) против немецкой агрессии и «в этой борьбе отдельные славянские народы теснее сплачивались и устанавливали взаимные между собой культурные связи»⁹. Во-вторых, предлагалось разоблачать другой лозунг фашистской пропаганды, что «немцы — раса господ, а славяне это только масса рабов». Для этого следовало показать, «какой отпор давали всегда славяне этой агрессии... что славянские народы не были рабами и не будут рабами». В-третьих, необходимо было опровергнуть утверждение фашистов о превосходстве германской культуры над славянской и доказать, что «славянские народы внесли ценный вклад в историю человечества»¹⁰.

В 1942 г. в журнале была опубликована статья академика Н.С. Державина «Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения»¹¹. К ней мы еще вернемся. Здесь же укажем те главные направления славистических исследований, которые конкретизировал ученый применительно к славяноведению. Он понимал, что историко-славистические исследования приобретали особую актуальность в годы Великой Отечественной войны, потому что они как бы напрямую служили патриотическим целям, борьбе против фашистской фальсификации истории. Прежде всего он называл проблему этногенеза славян, затем проблемы первобытно-общинного строя у славян, славяно-византийских отношений, формирования государственных объединений у западных и южных славян, развития национально-освободительных движений славянских народов. Названные вопросы действительно активно разрабатывались в период войны и нашли свое отражение на страницах «Исторического журнала» и других периодических изданий, книг и брошюр, напечатанных стенограмм публичных лекций. Что касается проблем новейшей истории, отмеченных Державиным, то они оста-

вались в основном задачами на послевоенное время. Среди них: «История образования новых славянских государств после Первой империалистической войны; борьба классов и рабочее движение в славянских странах в эпоху империализма и пролетарских революций; проблема национальных меньшинств в славянских странах; история крестьянских движений и крестьянских восстаний у славян, начиная с древнейших времен и кончая современностью»¹².

Наиболее отчетливо главные проблемы историко-славистических и более широких исследований формулировались в отчетах Славянской комиссии АН СССР. Здесь указывались четыре проблемы общеславянского характера, над которыми реально работали советские ученые (члены Комиссии) в период Великой Отечественной войны. Это проблемы: этногенеза славян, происхождения и развития государства и права у славянских народов, борьбы славянских народов за свободу и государственную независимость и культурной общности славян и связанная с ней проблема развития межславянских связей¹³.

В программной статье «Академия наук и славяноведение», опубликованной в середине 1945 г. к ее 220-летию, В.И. Пичета, подводя краткий итог академических исследований, в том числе и в военное время, по существу солидаризировался с Н.С. Державиным, выделив наряду с проблемой славянского этногенеза вопрос об образовании славянских государств (без вопросов права). Борьбу славян за свободу и независимость он ограничил проблемой их отпора германской агрессии, проблемы славянской солидарности вообще проигнорировал, выделив только аспект русско-славянских политических и культурных связей. При этом он явно исходил из проблематики возглавляемого им Сектора славяноведения¹⁴.

В 1945 г. в «Историческом журнале» (№ 3) определялись задачи историко-славистических исследований на ближайшие послевоенные годы. Они по существу повторяли темы, указанные Н.С. Державиным и В.И. Пичетой (этногенез славян, проблема происхождения и развития государства и права славянских народов, история борьбы славянских народов за свою свободу, культурная общность славянских народов, русско-славянские отношения)¹⁵, и их можно рассматривать более как некий итог исследований героико-романтической военной эпохи, чем перспективы на будущее, так как скоро начавшиеся идеологические кампании и всевозможные «чистки» заставили историков в корне пересмотреть грядущие планы, чтобы они адекватнее отвечали потребностям жестокой эпохи послевоенного «репрессанса».

Последние тенденции (с акцентацией на классовые движения и новейшую историю) отчасти просматриваются в определении исследовательских планов нового Института славяноведения АН СССР в 1947–1948 гг. Наряду с указанными выше проблемами и тематикой славяно-византийских отношений, здесь указывались: история аграрных отношений и крестьянства в славянских странах, развитие капитализма, формирование рабочего класса и рабочего движения¹⁶. В изучении вопросов национально-освободительного движения упор делался на исследование хода революции 1848 г. в этом регионе. Большое место уделялось проблемам истории XX в. — влияния Октябрьской революции на формирование славянских государств, борьбы славян с фашизмом и образования «новых демократических славянских государств»¹⁷.

Таким образом, в конце 1940-х гг. были в основном сформулированы проблемы, которые разрабатывало затем с марксистских позиций не одно поколение советских историков-славистов вплоть до 1991 г.

Историографические проблемы. Названные выше задачи и проблемы так или иначе решались в тогдашней историко-славянистической литературе рассматриваемого периода. Но, прежде всего, необходимо было восстановить «имидж» славяноведения, сильно «подмоченный» усилиями властей, партийных и академических функционеров в годы Советской власти, о чем неоднократно говорилось в нашей работе ранее¹⁸.

Уже разгром «школы» М.Н. Покровского в 1939 г., в котором участвовали и историки-слависты (В.И. Пичета, А.А. Савич, М.В. Джервис и др.), свидетельствовал о том, что сталинское руководство открыло путь (наряду с сугубо классовым подходом) некоторой «патриотической направленности» в интерпретации отечественной истории. Для идейного разгрома «школы» М.Н. Покровского были изданы сборники «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1939. Ч. 1) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М., 1940. Ч. 2) как отклик историков на постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса ВКП(б)“, в котором говорилось: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой „школой“ Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажая действительную историю»¹⁹. Перед авторами сборника ставилась задача разоблачить «извращения», чуждые историческому материализму и присущие Покровскому и его «школе», которыми прикрывались «троцкистско-бухаринские наймиты фашизма». Но по существу это была, как указывалось, «поблажка» патриотическим тенденциям. Поясним сказанное на некоторых примерах.

Так, С.В. Юшков, обратившись к древнему периоду русской истории, в статье «М.Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма» патриотически выступил против утверждения М.Н. Покровского (берущего свое начало с карамзинских времен) о примитивном уровне земледелия у славянских народов²⁰. А.А. Савич в статье «Польская интервенция начала XVII в. в оценке М.Н. Покровского» критиковал историка за недооценку агрессивной роли польского правительства и шляхты в событиях «Смутного времени»²¹. М.В. Джервис выразил несогласие с тенденцией Покровского модернизировать историю, объясняя внешнюю политику России только интересами ее «торгового капитала». Поэтому разделы Польши нельзя, по его мнению, было трактовать только как «результат экономического тяготения к России украинских и белорусских земель», а необходимо учитывать международные отношения, внешнеполитическое соперничество великих держав, внутреннюю политику России и особенно Польши, ее внутренние «распри», экономический развал государства, расстройство культурной и политической жизни, произвол шляхты и пр.²². В статье А.Л. Попова выражено стремление смягчить присущие М.Н. Покровскому оценки «колониальной, захватнической внешней политики царизма», касавшейся и отношений со славянскими народами. В частности, указывалось, что прежний глава советских историков недооценивал национально-освободительные движения на Балканах и роль России в освобождении славянских народов от турецкого ига²³.

Именно в канун войны лидерам советского славяноведения предоставлялась уникальная возможность публично «оправдать» свой предмет от обвинений в приверженности к панславизму исторической славистики (выдвигаемых «школой» Покровского),

с одной стороны, и от ярлыка «пособничества фашизму» славянской филологии (приклеиваемых марристами) — с другой (см. главу II).

С этой целью в последних (до слияния с «Историческим журналом») номерах «Историка-марксиста» были опубликованы по постановлению Ученого совета Института истории от 23 июня 1939 г. две программные статьи — чешского ученого, профессора МГУ З.Р. Неэдлы «К истории славяноведения до XVIII века»²⁴ и зав. Сектором славяноведения Института истории и зав. кафедрой истории южных и западных славян МГУ, члена-корреспондента АН СССР, профессора МГУ В.И. Пичеты «К истории славяноведения в СССР»²⁵. В обеих статьях определялись основные вехи развития славяноведения (соответственно зарубежного и отечественного). Защищая возрождающееся советское славяноведение как принципиально новую науку, построенную на принципах марксистско-ленинской методологии, оба автора вынуждены были по существу отречься от богатого наследия дореволюционной русской и зарубежной славистики, обвинив ее (почти по заветам М.Н. Покровского) в апологетике панславизма и славянофильства. Так, З.Р. Неэдлы писал о «неоспоримой реакционности большинства дореволюционных славистов», которые ориентировались на царскую Россию, и об использовании в историческом прошлом сознания «славянского родства» как фактора, «содействовавшего экспансии государств», и для «разжигания ненависти между народами». Поэтому и славяноведение, по его мнению, «вырастая на основе этой политики, служило не столько сближению славянских народов между собою, сколько подчинению одного народа другим»²⁶. Несколько странно и лукаво из уст такого информированного ученого, как З.Р. Неэдлы, звучало утверждение, что после Октябрьской революции советские ученые вдруг «забросили» свою отрасль науки вместо того, чтобы развивать ее на основе марксизма-ленинизма.

В.И. Пичета, так же как и ранее «разоблаченный» им и другими историками М.Н. Покровский, обвинил большинство дореволюционных славистов в приверженности панславистской и славянофильской идеологии, которую также оценивал крайне негативно: «Представители дворянского и буржуазного славяноведения, находясь под влиянием реакционного славянофильского и панславистского учения, были сторонниками объединения славян под властью царской России. Исследователи затушевывали ту реакционную политику, которую проводило царское правительство на Балканах под предлогом освобождения славян от турецкой неволи. Славянофилы и панслависты, точнее панрусисты, выступали в качестве глашатаев захватнической политики на Балканах»²⁷.

Особенно «досталось» главе петербургской школы славистов В.И. Ламанскому. «Патриарх русского славяноведения, — писал Пичета, — был идеологом самодержавия, его захватнической балканской политики и великорусского националистического шовинизма. Это не следует забывать при оценке отрицательной роли В.И. Ламанского в истории русского славяноведения»²⁸. Не будем судить, насколько искривлен был В.И. Пичета в подобной оценке В.И. Ламанского. Но такой ценой оплачивалась возможность возрождения исторического славяноведения на марксистской основе.

Тогда же В.И. Пичета вывел формулу оценки буржуазной историографии, укоренившуюся (с небольшим перерывом на исходе войны) в советской науке на долгие годы, согласно которой советское марксистское славяноведение в корне отличается от дореволюционного и «буржуазного». Последнее может предоставить современным марксистам не идеи и теории, а только интересный фактологический материал²⁹.

Первой «ласточкой» в направлении реабилитации дореволюционного славяноведения стала упомянутая ранее статья академика Н.С. Державина «Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения», вышедшая в свет в разгар войны (1942 г.). В ней уже значительно мягче оценивалось дореволюционное наследие. Более того, исторические труды деятелей славянского национального возрождения, проникнутые «национальным пафосом и патриотизмом», характеризовались как «блестящие»³⁰. Конечно, как истый марксист, Н.С. Державин не мог не отметить их классовой ограниченности в интерпретации исторических явлений, но сделал это без разоблачительного пафоса. Статья была написана в добавление к обзорам развития разных отраслей исторической науки в СССР за 25 лет Советской власти, опубликованных в предыдущем номере. Но поскольку достижения исторической славистики являлись более чем скромными, Державину предоставлялась возможность говорить о перспективах этой возрождающейся отрасли науки. Автор сформулировал важные принципы подхода советского марксистского славяноведения к предмету своего исследования, кое в чем не утратившие своего значения и ныне: «Славянский мир интересует нас не какой-либо своей, не существующей фактически, специфической расовой изолированностью в процессе своего культурно-исторического развития от прочих народов мира (здесь явно «брошен камень» в сторону славянофилов и Н.Я. Данилевского. — М.Д.): он интересует нас с точки зрения тех же основных этапов социального процесса, какие в равной мере общие всем без исключения народам мира. Так называемый славянский мир — это один из своеобразных по языку и особенностям культурно-исторического значения участок единого общеевропейского фронта народов»³¹. Поэтому, в противовес утверждениям фашистской историографии, «во имя защиты интересов прогрессивного культурного и социально-экономического развития отдельных народов, равноправных во всех отношениях членов великой общечеловеческой семьи, — заключал академик, — мы относимся непримиримо враждебно ко всяким теориям расовой исключительности, ко всяким националистически-шовинистическим тенденциям и великодержавному панславизму, ко всяким попыткам отмежевать „славянский мир“ в какую-то особую, замкнутую в себе культурно-историческую единицу, имеющую какие-то специфические задачи в общей семье народов мира, каких не имеют другие народы»³².

Что касается оценки В.И. Ламанского, которая служила своего рода «лакмусовой бумажкой» отношения советских славистов к своим предшественникам, то она неоднократно менялась. Н.С. Державин в указанной выше статье не счел нужным охарактеризовать этого ученого. Это сделал его коллега В.И. Пичета также в год 25-летия Октября, декларируя еще жесткое отношение к русскому «панслависту». Научные и общественно-политические выступления Ламанского, по его мнению, «отталкивали от сближения с Россией славянских буржуазных ученых и политических деятелей. В этом отношении деятельность Ламанского содействовала не сближению славян с русским народом, а скорее их разъединению»³³. Но уже здесь советский историк признавал научные заслуги слависта и его многочисленных учеников и указывал, что в своих трудах Ламанский обращал внимание русского общества на «враждебное отношение немецко-буржуазной науки к славянству», что недооценивалось «русскими буржуазно-либеральными учеными»³⁴.

В 1944 г., когда Красная Армия подошла к границам СССР и начала бои за освобождение Восточной и Центральной Европы от фашистов, положение в корне изменилось. Началась кампания по возвышению русской науки и культуры. (Мы уже имели

случай говорить о масштабной конференции в МГУ «Роль русской науки и культуры в развитии мировой науки и культуры» во II и III главах³⁵.) На упомянутом ранее совещании историков в ЦК ВКП(б) ученым патриотического направления удалось дать отпор (без последствий для себя) сторонникам узкоклассового подхода к историческим явлениям³⁶. Остро чувствующий политическую конъюнктуру академик Н.С. Державин выступил в 1944 г. на октябрьской сессии Отделения литературы и языка АН СССР с докладом «Академик Владимир Иванович Ламанский (1833–1914)». Доклад (включенный в первый том «Трудов» Славянской комиссии АН СССР) остался неопубликованным. Его обнаружил в ПФА РАН М.А. Робинсон. По его заключению, это был своего рода панегирик русскому ученому. Н.С. Державин, отказавшись от своих прежних характеристик Ламанского 1930-х гг., давал теперь чрезвычайно высокую оценку его научной деятельности. «Владимир Иванович Ламанский, — заявлял он, — знаменитый русский ученый-гуманист, филолог, историк и этнограф, славяновед, разносторонняя ученая и общественная деятельность которого образует целую эпоху в развитии русского славяноведения и одну из выдающихся страниц в истории русско-славянских международных отношений»³⁷. Чтобы окончательно «обелить» Ламанского в глазах советской общественности, Н.С. Державин вопреки фактам отделял его от считавшихся чрезвычайно «реакционными» славянофилов (на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. только В.И. Пичета отважился выступить в их защиту)³⁸, с которыми он, дескать, «никогда не имел ничего общего», необоснованно утверждая, что он «чужд всякой племенной и национальной исключительности», и сближал его с «либеральной демократической общественностью» типа известного историка литературы и культуры А.Н. Пыпина³⁹. Таким образом, Державин в реабилитации Ламанского отводил его от «реакционеров» (славянофилов) в сторону либералов.

Нам удалось найти хроникальную заметку об этом выступлении Н.С. Державина, которое состоялось 13 октября 1944 г. на Октябрьской сессии ОЛЯ АН СССР. Доклад назывался «Академик В.И. Ламанский как славяновед». Автор заметки не раскрыл подробностей содержания доклада, но дал понять, что деятельность дореволюционного ученого в нем оценивалась весьма положительно. Так, он подчеркнул, что Державин представил «углубленную характеристику деятельности академика Ламанского и нарисовал *обаятельный* (выделено нами. — М.Д.) образ выдающегося русского ученого-слависта». Из заметки следует, что «советский академик» как всегда актуализировал обращение «к изучению богатого наследия, оставленного нам выдающимися русскими славистами», потому что к концу войны «несомненно... в истории славянства предстоят крупные события» и потребуется «значительное увеличение кадров славистов», которые начнут с «вдумчивого отношения» к славистическому наследию⁴⁰. Но, самое важное, было зафиксировано общее благожелательное отношение к содержанию доклада (а значит и к В.И. Ламанскому) участников сессии: «Общее собрание вынесло благодарность академику Н.С. Державину за его содержательный доклад».

Итак, в ходе войны подходы советских ученых к оценке трудов своих предшественников существенно изменились⁴¹. О том же В.И. Ламанском в 1945 г., в дни празднования 220-летнего юбилея Академии наук, эйфории Победы и «витающей в воздухе» идеи объединения освобожденных славянских народов вокруг СССР, В.И. Пичета писал совсем в другом ключе: «Велики заслуги В.И. Ламанского в истории русского исторического славяноведения. Созданная им школа заняла выдающееся место в европейской славяноведческой науке»⁴². О сочинении В.И. Ламанского «Об историче-

ском значении греко-славянского мира» (1871), ранее признававшимся исключительно «реакционно-панславистским», он, в частности, писал: «В.И. Ламанский раскрыл в своем сочинении подлинное отношение немецкой публицистики и немецкой буржуазной науки XIX века к славянам, сущность их вековой идеологической подготовки агрессии в целях окончательного уничтожения славян»⁴³. Особенно интересен такой поворот в рассуждениях Пичеты, рассчитанный по существу на оправдание панславизма: «Диссертация В.И. Ламанского была встречена отрицательно либеральной публицистикой, увидевшей в ней шовинистическую, панславистскую окраску». Таким образом, историк-марксист в оценке Ламанского по существу солидаризировался с русскими патриотами-консерваторами конца позапрошлого века и, в отличие от Державина, не поощрил либералов. Но ему тогда важно было подчеркнуть именно антинемецкую направленность воззрений русского ученого. Он писал, что «в действительности книга В.И. Ламанского впоследствии показала, на какой идеологической почве вырос воинствующий пангерманизм»⁴⁴. Следует отметить, что до декларирования своих патриотических убеждений Пичета прошел долгий путь, в том числе и через горнило соещения историков в ЦК ВКП(б) 1944 г., где, несомненно, искренне отстаивал свои «прославянские» убеждения (см. главу IV).

Как уже указывалось, к концу войны советским славистам не возбранялось положительно оценивать своих дореволюционных предшественников. Были реабилитированы и подняты на щит выдающиеся русские византилисты В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский, даже эмигрант Н.П. Кондаков (см. далее). Признавался вклад А.А. Шахматова в изучение русского летописания, причем не только по фактологии, но и методам исследования⁴⁵. По материалам научных сессий об ученом был подготовлен сборник статей и материалов⁴⁶. Именно в это время в ведущем советском историческом журнале сочли уместным опубликовать статью русского эмигрант-слависта А.В. Флоровского «Чехи и восточные славяне», в которой просматриваются рецидивы славянофильской (!) трактовки гуситского движения⁴⁷. Высоко оценивались заслуги в становлении европейского славяноведения западнославянского слависта П.И. Шафарика⁴⁸, вклад чешского историка Ф. Палацкогo в историографию Чехии⁴⁹. В дни особо торжественно отмечаемого 220-летия АН СССР с участием многих видных зарубежных ученых В.И. Пичета дал чрезвычайно высокую оценку российскому славяноведению: «вместе с университетами Академия наук составляла мощную организацию, разрабатывающую историю славянских народов: русские историки-слависты занимали выдающееся место в мировом славяноведении»⁵⁰.

Правда, эйфория признания предшественников очень скоро прошла. Подули ветры «холодной войны», и советские идеологические ведомства поспешили подавить проросшие во время войны ростки патриотизма и славянской солидарности, снова внедряя жесткий классовый подход и идею непогрешимой исключительности советской марксистской исторической науки. И очень скоро последователи и коллеги В.И. Ламанского снова были объединены в «славянофильско-панславистскую школу», а историософский трактат ученого «Три мира Азийско-Европейского материка» расценивался как попытка «уничтожения марксизма»⁵¹.

В конце 1948 г. Н.С. Державин закончил работу над историей славяноведения (как части труда «Введение в славянскую филологию») ⁵². Работа осталась неопубликованной. Нам удалось найти ее рукопись в расформированном архиве Института славяноведения. Здесь уже просматривается совсем иной тон оценки В.И. Ламанского. Автор

справедливо критикует заключения ученого в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (1859), упрекая его (речь идет о попытках «славянизации» региона) устами А.Н. Пыпина и революционных демократов в «произвольности» и «натянутости утверждений». Что касается докторской диссертации Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), то Державин характеризует этот труд как выражение «славянофильско-панславистской концепции», но в то же время отдает ему должное уже не в антинемецком пафосе, а «разоблачении» враждебной славянам «фальсификации славянской истории», предпринимаемой «невежественными или сознательно недобросовестными» западно-европейскими историками. Представляя Ламанского теперь как «вождя реакционного панславизма», Державин все же продолжал признавать его заслуги в создании «самой крупной и многочисленной школы в области славяноведения», указывая, правда, что его труды «имели мало влияния на развитие науки» и что далеко не все ученики разделяли «славянофильские воззрения учителя», а стояли скорее «на позициях буржуазного либерализма»⁵³.

Но самую жесткую характеристику В.И. Ламанскому, как ни парадоксально, дал преемник В.И. Пичеты на кафедре истории южных и западных славян в МГУ и Институте славяноведения АН СССР, одна из жертв кампании по борьбе с «буржуазным космополитизмом», С.А. Никитин. Его, несомненно, вынудили в подобном духе написать о В.И. Ламанском в предисловии к капитальному изданию «Документы к истории славяноведения в России» (1948): «Представитель панславизма, Ламанский во всех своих работах проводил идею объединения славян как отдельной этнографической группы, противопоставляя ее группе романо-германской. Идеолог панрусизма, он защищал положение о русском языке как общелитературном языке для всех славян. Идеолог самодержавия и его захватнической политики, Ламанский был сторонником русификаторской политики царизма в Польше и не раз выступал с полонофобскими речами. Панславистские идеи Ламанского нашли дальнейшее развитие у его учеников». Не менее «хлестко» С.А. Никитину пришлось оценивать и последователей В.И. Ламанского. Так, А.С. Будилович характеризовался им как «приверженец русификации, верный слуга царизма, все труды которого проникнуты реакционной православно-славянофильской идеологией», Т.Д. Флоринский — как «яркий представитель панрусизма, православия и самодержавия, впоследствии активный враг Советской власти». Вышесказанное относилось и к А.Ф. Гильфердингу, П.А. Кулаковскому, И.С. Пальмову и др.⁵⁴ Казалось бы, такая «брутальная» оценка В.И. Ламанского (от которой ученый в 1960-е гг. отказался и представил наиболее объективную в советской историографии тех лет характеристику славянофилов и панславистов) надолго даст ему «индальгенцию от обвинений» в каком-либо несоответствии марксистским канонам и послужит защитой в идеологических кампаниях. Однако оказалось, что надо писать еще жестче и резче. В погромном обсуждении работы кафедры истории южных и западных славян в апреле 1949 г. (о котором говорилось ранее, в главе III) профессора С.А. Никитина огульно обвиняли как раз в положительной оценке дореволюционного славистического наследия, выраженного во введении к указанной публикации⁵⁵. За это же ученого критиковали ранее и на заседаниях Ученого совета в Институте славяноведения АН СССР в октябре–ноябре 1948 г.⁵⁶ Там, в частности, говорилось, что в этом издании «не показано коренное отличие советского славяноведения, опирающегося на марксистско-ленинские методологические основы, от дореволюционного русского дворянско-буржуазного славяноведения, отражавшего идеологию господствовавших в царской России реакционных классов», не проявлено достаточно

критического отношения «к зарубежному буржуазному славяноведению, что в отдельных случаях привело к проникновению в эти работы взглядов буржуазных славистов»⁵⁷. Здесь содержался явный намек и на труды В.И. Пичеты, слава богу, не дожившего до подобных огульных обвинений.

Говоря о приоритетных направлениях историко-славистических исследований 1940-х гг., уместно провести некоторую аналогию с задачами, которые решала романтическая историография периода славянского национального Возрождения, воодушевленная в первой половине XIX в. колларовской идеей «славянской взаимности». Славянские ученые-«будители» начали свою многотрудную работу по возрождению нации с формирования научного славяноведения, национальной исторической науки и разоблачения тенденциозных утверждений развитой в научном отношении немецкой историографии, принижающей роль и место славян во всемирной истории. Они обратились к древностям, пытаясь доказать автохтонное происхождение славян в Европе, по канонам романтизма начали «славянизировать» древние народы, упомянутые в исторических источниках, и особенно иноземных основателей местных династий, показывая высокий уровень культуры славян, приоритетность славяно-русских связей, противопоставляли славянский и германский миры, подчеркивая коренную противоположность национального характера германцев и славян («агрессивность» одних и «стойкость и миролюбие» других) и их «вековое» противостояние⁵⁸. Так или иначе, но в советской историографии военного времени указанные черты романтизации исторического процесса, а также «одухотворенности» патристической славянской идеей заметно проявлялись в интерпретации исторических явлений.

Почти каждая историко-славистическая работа этих лет начиналась с разоблачения «измышлений фашистской историографии» о расовой неполноценности славян и их «извечной» подчиненности и зависимости от германского мира. В канун Второй мировой войны этой проблеме был посвящен специальный сборник «Против фашистской фальсификации истории» (М., 1939), где в статьях Н.П. Грацианского «Немецкий дранг нах остен» и У.А. Шустера и М.В. Джервиса «Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии» развенчивались тенденциозные утверждения фашистской историографии и прогермански настроенных польских историков (см. главу II). З.Р. Неедлы в начале Великой Отечественной войны посвятил этой проблеме специальную статью «Каннибальская расистская теория в фашистской историографии» (1941)⁵⁹ и раздел в специальном сборнике «Преступления фашистов против исторической науки» на ее исходе⁶⁰. Данному вопросу много места уделялось в публицистических работах Н.С. Державина, В.И. Пичеты, А.М. Селищева⁶¹ и др.

Проблема этногенеза славян. Пожалуй, наибольшее внимание советских историков в конце 30-х — 40-е гг. прошлого века привлекали этногенетические проблемы. Причин тому, на наш взгляд, было несколько. В канун войны Институт истории АН СССР начал осуществление крупных проектов — многотомных трудов «История СССР» и «Всемирная история». Именно в них предполагалось утвердить «зрелое» марксистское понимание истории, очищенное от скверны представлений «школы» Покровского. Проблемы этногенеза славян и других народов в связи с этими изданиями надо было решать в первую очередь.

Не следует забывать также, что возрождение и становление любой науки начинается с изучения «начал» ее предмета: с древностей, истории происхождения изучае-

мых народов. Не малым «побудительным стимулом» являлось и то обстоятельство, что трактовка происхождения славян в лидирующей по этой проблеме в научном мире немецкой, а тем более фашистской историографии, страдала крайней тенденциозностью, и возникала необходимость, как и на заре славянского Возрождения, дать отпор этим «человеконенавистническим», «расистским» теориям⁶².

Еще до войны проводилось несколько дискуссий по этому вопросу, одна из них состоялась в Институте истории АН СССР в 1939 г. Публиковались разного рода исследования⁶³. Тон дискуссиям во многом задавал в своих трудах и выступлениях директор Института истории материальной культуры М.И. Артамонов⁶⁴. В том же году при Отделении истории и философии АН СССР была учреждена специальная Комиссия по изучению происхождения славянских и других народов во главе с членом-корреспондентом АН СССР А.Д. Удальцовым, которая провела до и во время войны несколько научных сессий (1939, 1940, 1943, 1944 гг.)⁶⁵. В газете «Известия» от 6 апреля 1939 г. сообщалось, что к работе в ней привлечены академики И.И. Мещанинов, И.А. Орбели, Н.С. Державин, В.В. Струве, профессора А.И. Артамонов, С.П. Толстов, А.В. Мишулин и др. В первом номере «Вестника древней истории» за 1939 г. мы находим статьи Н.С. Державина «Об этногенезе древнейших народов днепровско-дунайского бассейна», Б.А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь» и пр.

Следует отметить, что в «буржуазном» европейском и российском славяноведении издавна велась дискуссия о прародине славянских народов. Творцы индоевропейского языковедения утверждали теорию об азиатской прародине славян. Согласно этой концепции, славяне принадлежат к западной ветви арийского «племени», которое, в свою очередь, распалось на две группы: североевропейскую, или германо-славянскую, и южноевропейскую, или греко-итало-кельтскую. Первую составили племена германцев и балто-славян, впоследствии также разделившихся. Выходцы из Азии, германцы и балто-славяне заняли Центральную и Восточную Европу и постепенно обособились друг от друга. Эту «азиатскую» теорию происхождения славян поддерживали в русской науке известные историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. Первый полагал, согласно летописной традиции, что славяне поселились на Дунае и оттуда мигрировали в другие места. Последний — что славяне с Дуная продвинулись к Карпатам, которые стали их второй прародиной. В польской науке «азиатскую» теорию исповедовали М. Бобжинский, В. Смоленский, А. Брюкнер и др.⁶⁶.

Против «азиатской» теории происхождения славян, выдвинутой первоначально немецкими учеными в период славянского национального Возрождения, выступили «патриарх» славистики Й. Добровский и его последователь П.И. Шафарик. Они утверждали, что славяне являются в Европе такими же старожилками, как греки, германцы и римляне. Шафарик в своем капитальном труде «Славянские древности» (1837) определил территорией «прародины» славян северо-восточные отроги Карпат, т. е. регион нынешней Галиции, Вольни и Подолии. Теорию автохтонности славян в Европе разделяли Ю.И. Венелин, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, польский историк И. Лелевель и др. Концепция П.И. Шафарика стала доминирующей в науке XIX в. В XX в. ее на основе нового обширного археологического материала пересмотрел профессор Пражского университета Л. Нидерле. В своих «Славянских древностях» (1934) он разместил прародину славян на широком пространстве от Карпат до Могилева на Днестре на северо-востоке, от Вислы на северо-западе до Киева на юго-востоке.

К проблеме прародины славян не раз обращался и выдающийся русский ученый, академик А.А. Шахматов. Он полагал, что балты и славяне, составляя одну языковую

семью, размещались первоначально на балтийском побережье — в северном течении Немана и Западной Двины. Затем, разделившись с балтами, под напором готов, они заняли Привисленскую низменность, которая стала их второй прародиной. Мнение Шахматова нашел недостаточно обоснованным и подверг критике Г.А. Ильинский⁶⁷. Польские археологи Ю. Костшевский и Л. Козловский расположили прародину славян в области распространения так называемой лужицкой археологической культуры — от средней Эльбы на западе до Буга на востоке, от устья рек Одера и Вислы на севере до Карпат на юге⁶⁸.

Особо следует сказать о позиции Г. Коссинны, наиболее видного немецкого специалиста по вопросам этногенеза, с «расово-фашистскими» взглядами которого яростно сражались советские ученые. Он полагал все «праиндоевропейцы» («праиндодогерманцы» или «арийцы») сложились на севере Германии, в Ютландии и Южной Скандинавии, главным образом, на основе северной (нордической) расы. Расселяясь отсюда по Европе и Азии, вплоть до Индии, «праиндоевропейцы» смешивались с туземным «неарийским» населением и, таким образом, дескать, положили начало разнообразным индоевропейским народам, в том числе и славянам. Поэтому именно немцы являлись согласно этой «теории» народом, наиболее сохранившим исконные индоевропейские (или «арийские») черты характера и физического облика высшей северной расы, и в силу этого они якобы предназначены к господству над другими народами⁶⁹.

Отвергая теорию миграции, вытекающую из индоевропейской теории славянской прародины и праязыка славян, которой Н.Я. Марр приписывал «чисто метафизический характер», и принимая по существу (а иногда чисто декларативно) его «теорию единства глотогонического процесса и единства происхождения народов», советские историки (А.Д. Удальцов, М.И. Артамонов, А.В. Мишулин, С.А. Жебелев, М.В. Левченко, Б.Т. Горянов, Б.Д. Греков, Н.С. Державин и др.) вернулись к положению об автохтонности славян в Европе, выдвинутому еще в романтической историографии XIX в. П.И. Шафариком, его продолжателем в XX в. Л. Нидерле и др.

В.И. Пичета определил позицию тогдашней науки следующим образом: «Советское славяноведение отрицает теорию славянской прародины, славянской прасемьи и расселения славян с Дуная или Карпат; оно доказывает, что не было никакой славянской миграции и что славяне являются исконными обитателями той территории, которую они занимали в историческое время. Разумеется, отрицание миграции по существу не отрицает возможности передвижения отдельных славянских племен. Если же не было миграции славян, и они являются автохтонами, то, естественно, возникает вопрос об этногенезе славян на базе скрещивания отдельных местных этнических элементов»⁷⁰.

По вопросу о роли «скрещивания» языков и народов в процессе этногенеза советские историки и археологи взяли на вооружение основные положения «теории» Н.Я. Марра. Как известно, тот, опираясь на некоторые положения трудов К. Маркса, рассматривал язык как «надстройку» над экономическим строем общества, утверждая его классовую сущность. Опираясь марксистскими терминами, он выработал положение о стадильном развитии языка от одного (первоначального яфетического) качественного состояния к другому (индоевропейскому как высшей стадии языкотворческого процесса) путем революционных взрывов, скачков и пр., отвергая традиционное сравнительно-историческое изучение языковых семей. Что касается этногенеза, то Н.Я. Марр полагал: славянам, германцам, тюркам, иранцам со всеми присущими им национальными особенностями предшествовали другие древние народы, носители

яфетических языков, которые в результате революционных скрещений и трансформаций превратились в искомые народности.

Особенно ясно следы этой «теории» проглядываются в трактовке скифской проблемы, которую впервые успел прорисовать Н.Я. Марр. Он считал скифов предками славян. Исходя из своей теории классовости языков, он полагал, что их иранский по происхождению язык, выявляемый по данным топонимики и ономастики, был присущ только господствующему классу скифского общества. Основная же масса скифов говорила на древнем «яфетическом» языке, который якобы являлся одним из предшественников славянского языка. Взгляды Марра разделяли многие советские историки и археологи. Поэтому скифская государственность в Крыму и Нижнем Поднепровье рассматривалась ими чуть ли не как предшественница славянской государственности⁷¹.

Наиболее внятно и даже несколько утрированно позицию марристов по проблеме этногенеза славян изложил профессор МГУ В.Т. Дитякин, с которым С.Б. Бернштейн небезуспешно боролся за умы студентов на кафедре славянской филологии филфака МГУ. Он полагал, что обширный этнический массив, из которого в дальнейшем выросли славянские племена, с древнейших времен располагался на территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. «Это так называемые „яфетиды“. Говорить о „германской“, или „славянской“, или какой-либо иной „расе“ для этого времени бессмысленно. Эти племена находились в состоянии беспрерывных скрещений, возникновения и исчезновения...» Их имена в истории не сохранились. Только со второй половины II тыс. до н.э. на этой обширной территории зафиксированы имена фракийцев и иллирийцев. «В процессе скрещений с другими племенами, в условиях перехода на более высокий уровень социально-экономических отношений и происходит перерастание этих племен в новое этнографическое качество»⁷².

Разумеется, что теория стадильности и прочие «новации» Н.Я. Марра нашли отражение далеко не во всех сочинениях советских ученых по вопросу об этногенезе славян. Но в той или иной мере зловещие «метастазы» этой «теории» в них проявлялись. В «Историческом журнале» (1943. № 11–12) в развитие уже высказанных ранее идей было опубликовано несколько статей, так или иначе касающихся проблем славянского, преимущественно восточнославянского этногенеза, а именно: Б.А. Рыбакова «Ранняя культура восточных славян», А.Д. Удадьцова «Начальный этап восточнославянского этногенеза» и др. Статьи представляли собой переработанные доклады, прочитанные на сессии Отделения истории и философии АН СССР в сентябре 1943 г.

Наиболее примечательна в интерпретации проблемы этногенеза последняя публикация. Автор признал, что его точка зрения об автохтонном происхождении славян близка позиции чешских ученых П.И. Шафарика и Л. Нидерле⁷³. Расхождение с ними А.Д. Удадьцов, проявив себя последователем Н.Я. Марра, видел в приверженности последних компаративистике. «Все западнославянские историки, — считал он, — индоевропейцы; они не видят самого процесса этногенеза, т. е. превращения доиндоевропейского (яфетического) населения Европы в индоевропейцев славянского типа. У них „этнос“ и „славянство“ не возникают заново, как новое этническое качество, — они не диалектики»⁷⁴.

Ученый определил далее теоретико-методологические подходы тогдашних советских историков к вопросам славянского этногенеза. «Наша теоретическая основа — это, во-первых, учение Маркса–Энгельса–Ленина, которое дополнил и развил дальше товарищ Сталин, в особенности, в своей замечательной книге „Марксизм и национальный

вопрос“, и, во-вторых, широкое использование учения академика Н.Я. Марра. Наш методический прием — это комплексный подход изучения явлений этногенеза с использованием одновременно археологических, лингвистических и иных источников»⁷⁵.

Опираясь на данные разнообразных древних источников, в том числе греческой мифологии, автор приходит к выводу, что основными предками славян были скифские племена сколотов–паралатов–поров, которые во времена Геродота и Прокопия Кесарийского (соответственно V в. до н.э. и VI в. н.э.) являлись «автохтонным земледельческим населением Среднего и Нижнего Днепра», одного из наиболее «передовых и культурных центров древнейшей Европы»⁷⁶. Именно из «автохтонных», земледельческих народностей: сколотов во главе с паралатами на юге Восточной Европы и невров — на севере, по мнению А.Д. Удальцова, «путем длительного постепенного их взаимного скрещения, взаимопроникновения и аккультурации сложилось основное ядро протославянской народности»⁷⁷.

Ученый полагал, что этот процесс происходил со II в. до н.э. по II в. н.э. Сформировавшееся «ядро» в результате столь удобного для последователей Марра «скрещения» с западными соседями, «славянизирующимися лугиями», дало, по представлению А.Д. Удальцова, западное славянство, а «позднее на юге совместно с протославянскими иллиро-фракийцами — южное славянство (это прекрасно показал академик Н.С. Державин)»⁷⁸. Антов историк представил восприимчивыми высокой аланской (ранее эллино-скифской культуры), а факт образования антского союза племен в борьбе со стоявшими, по его мнению, на более низком уровне культурного развития готами в течение III–IV вв. н.э. расценивал как «скрещение предков славян и сарматов при гегемонии роксоланов»⁷⁹. От последних А.Д. Удальцов произвел термин «Русь», обозначающий, по его мнению, первоначальную южную ветвь восточного славянства, тем самым возвращаясь к мнениям антинорманистов XIX в.⁸⁰

Таким образом, «теория» Н.Я. Марра позволила А.Д. Удальцову, не вдаваясь в сложности историко-лингвистического анализа, легко «скрестить» все значимые древние народы, упомянутые у древних авторов как проживавшие на территории Восточной Европы, и превратить их в конечном итоге в славян. Причем такие, зачастую произвольные, построения считались допустимой нормой в тогдашней науке и подвергались критике не за фантазии «скрещения», а за отступления от формирующихся «логических» с точки зрения актуальной политики схем.

Примечательны общие выводы А.Д. Удальцова, свидетельствующие о желании автора «романтически» возвысить древнерусскую культуру, «удревнить» и углубить ее корни. Так, он считал, что «зарождение первых славянских государств в VII–X вв. шло на основе сложения классового общества, дальнейшего процесса консолидации восточного славянства и образования ко времени Киевского государства из отдельных восточнославянских племен великого русского народа с высокой самостоятельной культурой, преемницей древних черноморских культур: трипольской, эллино-скифской, сармато-аланской, антской»⁸¹.

В определении корней древней русской культуры А.Д. Удальцов пошел еще дальше. Он полагал, что она «преемственно складывалась на основе развития ряда автохтонных племен и народностей Восточной Европы, синтезируя в этом общем процессе аккультурации элементы культур Запада, Востока и Юга в лице хеттской, западно- и восточноиранской и культур Галыштата и Элады»⁸². В противовес немецкой историографии ученый считал перечисленные культуры высокоразвитыми. В духе времени он «патриотично» заключал, что все указанные военно-племенные союзы и государства складыва-

лись на «местной основе» и всегда отстаивали свою культурную самостоятельность: «ни кельто-иллирийские бастарды, ни восточногерманские готы, ни северогерманские варяги, ни кочевники степей Причерноморья не могли заставить отклониться восточнославянское культурное развитие от его самостоятельного пути»⁸³.

Данными своей статьи А.Д. Удальцов стремился подвести основание для доказательства «исконного» единства народов СССР. «Этническое развитие русских славян, — полагал он, — обнаруживает вместе с тем близкое родство восточнославянских великороссов, белорусов, украинцев (процесс разделения начался с XIV в.) с западными и южными славянами, а в то же время и с современными балтийскими народами — литовцами и латвийцами. Оно обнаруживает исконное братское участие в общем культурном творчестве с русскими славянами и других народов Советского Союза, прежде всего народов Кавказа и Средней Азии, дружно отстаивающих теперь против нашествия современных дикарей и варваров свои культурные завоевания»⁸⁴.

В статье Б.А. Рыбакова «Ранняя культура славян» на конкретных данных археологических раскопок и свидетельствах древних авторов в противовес утверждениям фашистских историков, что «на Востоке нет культурных ценностей», доказывалось, что «Русь в X–XIII вв. была одной из высококультурных и передовых стран Европы»⁸⁵. При этом автор возвращался к истокам формирования Древнерусского государства, разоблачая порочность «миграционной» теории карпатской прародины славян⁸⁶. По его мнению, теория расселения славян из Карпат приводила к неизбежному выводу о том, что «предки русских — анты, — повернувшись спиной к Европе, устремились на север, чтобы заново начать жизнь на русской равнине». В рамках этой теории уклад жизни древнего славянина рисовался неприглядно, как «живущего звериным образом», не знающим «ни пашен, без оседлости, без ремесленных навыков»⁸⁷.

Б.А. Рыбаков последовательно обосновывал (как и движимые национально-патриотической идеей историки-романтики эпохи славянского национального движения в XIX в.) местные корни славянской культуры, отождествляя славян с «благородными» скифами-пахарями. Он стремился доказать, что многие археологические находки, приписываемые «тотской культуре», на самом деле являются славянскими. Ученый придавал большое значение связям славян с римской цивилизацией I–IV вв. и считал ее влияние на них в цивилизационном плане благотворным. Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что дружинная культура в VI–VIII вв. не ограничивалась «восприятием только внешней обстановки византийских или восточных дворцов», но славянские князья в VI в. были «уже достаточно подготовлены к восприятию византийской культуры во всей ее глубине»⁸⁸.

В заключение статьи Б.А. Рыбаков отметил высокий уровень культуры Среднего Поднепровья уже в «римский и византийско-хазарский период». Именно здесь, по его мнению, сформировалась земля богатырей — Рось, получившая впоследствии название Русской земли или Руси. Корни этой культуры, как полагал ученый, восходят к скифам-пахарям и их славянизовавшимся потомкам, которые «упорно овладевали римским мастерством, торговали с Римом своим зерном, воспринимали римские обычаи». В VI в. на берегах Днепра зафиксирована богатая культура антов, «удачливых победителей Византии, участников походов в Закавказье». Их потомки, русские славяне, отражая набеги степных кочевников и северных «варягов» в лице готов и варягов, «сохраняли и развивали свою культуру, закономерным завершением которой явилась культура Киевской Руси, ослепляющая современников и чарующая потомков своей тонкостью, изысканностью и красочностью»⁸⁹.

Наиболее последовательно применял «теорию стадиальности» Н.Я. Марра в своих этногенетических исследованиях академик Н.С. Державин. Это ярко проявилось в первом томе «Истории Болгарии» (М., 1945) и ряде других работ⁹⁰, где речь шла о происхождении дунайских болгар. Как известно, территория нынешней Болгарии была некогда населена фракийскими племенами. С первых веков н.э. из-за Дуная во Фракию стали проникать другие племена, в том числе и славянские. В VI и начале VII в., в период ожесточенной борьбы славян с Византией, произошло массовое переселение славян на Балканский полуостров, вследствие чего, по свидетельству Константина Багрянородного, «вся провинция ославянилась».

В VII в., на основании договора с местным населением, за Дунай продвинулась одна из протоболгарских орд во главе с Аспарухом, возглавившим впоследствии Первое болгарское царство. Потомки Аспаруха и все пришедшие с ним тюрки-протоболгары вскоре ославянились, не оставив зримых следов в современном болгарском языке. Такое мнение о происхождении нынешних болгар постепенно сложилось в советской историографии к началу 1950-х гг.⁹¹ и в принципе отвечает современным представлениям.

Академик Н.С. Державин шел в этом вопросе своим, «марровским» путем. Как и другие советские историки, будучи приверженцем теории автохтонного происхождения славян, он за неимением наличного древнего славянского населения на территории нынешней Болгарии решил скомпоновать его из фракийцев, выдвинув «теорию» стадиального перевоплощения фракийцев в славян, указывая, что фракийцы вместе со скифами и венедами входили в группу близких между собой племен — предков славян, стоящих на «яфетической стадии культурного развития». Эти племена, по мнению академика, древние авторы противопоставляли кельтам, германцам и сарматам⁹². При таком видении проблемы Державин отводил реально происходившей славянской колонизации полуострова в процессе этногенеза болгар второстепенное место.

Что касается происхождения «аспаруховых болгар», то ученый проявил в этом вопросе буйную «марровскую» фантазию. По его мнению, это тоже яфетиды, «по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собой народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственными этногонически с чувашами». В этом «народе» шел процесс превращения его из яфетидов в индоевропейцев, который привел «массовый болгарский народ уже в историческое время к славянизации, в то время как верхи болгарского общества были приобщены к восточной культуре господствующих классов соседей — чувашей и хазар, что диктовалось общностью их хозяйственных и политических интересов»⁹³.

Таким образом, согласно академику Н.С. Державину, в ходе этногонического процесса в славян превратились и фракийцы, близкие скифам и венедам, и приазовские протоболгары, родственные сарматам и чувашам. Дважды ославянив обе составляющие предков болгар, ученый все же признал, что их высший слой являлся тюркоязычным, ибо хозяйственно и политически он был связан якобы не столько со своими эксплуатировавшимися классами, сколько с господствующими сословиями своих восточных соседей. Здесь нашла, следовательно, отражение и марровская «теория» классовости языка.

Поскольку концепция Державина явно противоречила известным фактам славянской колонизации Балканского полуострова и зафиксированным столкновениям славян с Византией, она была подвергнута критике рядом советских историков⁹⁴, несмотря на защитный камуфляж марровской теории, еще до известной дискуссии по вопросам языкознания 1950 г.

Взгляды А.Д. Удальцова на этногенез славян постепенно уточнялись и корректировались в связи с появлением новых работ советских историков⁹⁵. Но в целом он оставался на позициях марризма.

В работе «Теоретические основы этногенетических исследований» (1944), написанной на основе доклада на августовской сессии Комиссии по этногенезу в Ташкенте (1942), А.Д. Удальцов изложил квинтэссенцию своего понимания этногенеза славян. Обойдя, как и ранее, понятие прародины, он писал: «Первоначально ядро славянской этнической общности складывается из скрещения венедов, склавинов и антов, в свою очередь представлявших собою продукт предшествовавших племенных скрещений; в своем дальнейшем расширении эта общеславянская народность, скрещиваясь с близкими ей народностями: лугийской, иллирийской, фракийской, отчасти алано-сарматской (берем лишь основные компоненты скрещений), все более консолидируется, а в то же время и дифференцируется, давая начало различным племенам и народам восточных (русских), западных и южных славян, сходных и в то же время отличных друг от друга».

Здесь же А.Д. Удальцов изложил сложившееся к тому времени представление советских ученых о этногенезе древнерусской народности. «В развитии, в частности, восточного славянства, — писал он, — также наблюдаются две тенденции. Первоначально складывается общерусская многоплеменная народность (хотя и с местными диалектальными и бытовыми особенностями), объединяющаяся затем (к X в.) в единое государство — Киевскую Русь. Но после монгольского завоевания Руси и разобщения ее отдельных частей, попадающих каждая в свои особые исторические условия, усиливается (с XIV в.) процесс дифференциации, начавшийся еще, впрочем, в период феодальной раздробленности, процесс сложения великорусов (или русских в узком смысле слова), белорусов и украинцев, ныне полностью воссоединившихся в качестве самостоятельных наций в братской семье народов Великого Советского Союза»⁹⁶.

В этой статье, анализируя на основе цитат из Маркса, Энгельса, Сталина основные положения новой исторической науки «этногенетики» (утвердившиеся марксистские представления о племени, народе, нации в различных общественно-экономических формациях), А.Д. Удальцов отважился на критику некоторых положений теории Марра, не соответствующих общим формационным воззрениям.

Правда, критиковался здесь не напрямую сам Марр, а «толкователи» его «учения». Так, ученый считал упрощением «огульное, принципиальное отрицание самой возможности миграций, априорное утверждение всеобщей автохтонности». «Неприемлемым» автору статьи казалось применение «анализа по четырем элементам» без изучения «адекватных ему древнейших языковых формаций», смущало его определение генетической связи «самих типов элементов с древнейшими племенными названиями». Эту сторону теории Марра он отважился назвать «формалистической» и критиковал за ее некритическое применение Н.С. Державина, который нашел в Северном Причерноморье (а не в Италии) исторических этрусков, смешав их с гипотетическими марровскими «рошами»-этрусками «тотемической стадии развития человечества». В 1944 г. Удальцов пришел к смелому заключению (не повторенному и не развитому в конце 1940-х гг.), что «подобного рода абстрактно-формалистический анализ не может способствовать нашему дальнейшему продвижению вперед в области этногенетических исследований»⁹⁷.

Если теоретические постулаты, сформулированные А.Д. Удальцовым, давно устарились⁹⁸, то заявленный им комплексный методический подход к исследованию этого

важного явления не потерял актуальности до настоящего времени и остается в арсенале отечественных ученых.

Иные методологические подходы проявились в докладе польского филолога Т. Лер-Сплавинского⁹⁹ на юбилее АН СССР в 1945 г. Примечательно, что доклад «буржуазного» ученого, индоевропеиста, в тот момент был замечен, признан важным и без промедления опубликован в «Вопросах истории». Это дало повод А.Д. Удальцову, наиболее авторитетному в СССР исследователю проблем этногенеза, выступить в печати с изложением позиции советских историков¹⁰⁰. Но нагляднее всего она была раскрыта в обширной рецензии В.И. Пичеты.

Чем же доклад Лер-Сплавинского так привлек внимание советских историков? Думается, что, забаррикадовавшись в своих душных «марровских палатах», они смогли глотнуть немного свежего воздуха при обсуждении работы польского ученого в короткое время послепобедной «толерантности», хотя по-прежнему тянули его в «омут» марризма. Прежде всего, положительным моментом называлось использование в его исследовании не только лингвистических данных, но и археологических материалов. Советских ученых привлекало также стремление польских ученых «ославянить» лугиев и лужицкую археологическую культуру, поскольку они потихоньку возвращались к попыткам связать определенный этнос с данными археологии.

Пичета полагал также, что польский лингвист сделал известный шаг вперед в решении проблем этногенеза славян по сравнению с другими индоевропеистами: «Славяне не выступают на прародине, отмеченной Лер-Сплавинским, как уже сложившийся этническо-языковой и культурный элемент. Он формируется в длительном процессе встреч и скрещения разных этническо-языковых и культурных элементов. Таким образом, происхождение славян — длительный, вековой процесс. Это теоретическое положение — основной стержень всего исследования Лер-Сплавинского. В этом отношении труд его представляет выдающееся явление в европейской историографии»¹⁰¹. Общую здравую позицию польского лингвиста, не имеющего точного понятия о теории стадильности, Пичета приближал в методологическом отношении к «учению творца яфетической теории — Н.Я. Марра».

Но находил и существенные различия. Он обвинил Лер-Сплавинского в приверженности к немецкой археологической школе (во главе с «фашистским расистом» Г. Коссинной), утверждавшей, что «более культурные племена, идущие с запада, из Центральной Германии, ассимилируют первоначальные поселения, местный „этногенетический субстрат“, который в процессе скрещения с пришлым этногенным элементом полностью в нем растворяется»¹⁰². Пичета вместе с другими советскими историками выступал за признание большей активной роли и «творческой деятельности местного „этнического субстрата“», в качестве которого выступали протославяне. В этом отношении он критиковал польского ученого также за приверженность теории миграции, по его мнению, принижающей самобытность славянской культуры.

Отдавая должное трудам Лер-Сплавинского как «выдающегося польского лингвиста», советский историк считал неприемлемым его положение о том, что «образование лужицкой культуры» является «результатом миграций из Германии, тогда как в действительности ее образование имеет самостоятельное значение и не связано с миграционными культурными веяниями, идущими из Германии». Из этого делался далеко идущий вывод, согласно которому стойкий антифашист «Т. Лер-Сплавинский находится полностью под влиянием немецкой археологической и исторической науки,

которая якобы пытается всю раннюю и позднюю культуру славянских народов, в особенности поляков, объяснить влиянием культуры, идущей из Германии» и тем самым «льет воду на мельницу фашистской историографии»¹⁰³.

Советский рецензент упрекнул польского ученого также в чрезмерном расширении им «прародины» славян, включающей территорию современной Польши, Галиции и Волыни. Отрицая в своих трудах правомерность самого этого понятия, В.И. Пичета, тем не менее, «снизошел» до того, что стал «патриотично» оспаривать размещение пресловутой «прародины» именно в этом регионе, для чего, по его мнению, «нет никаких оснований». (Сами советские ученые проявляли склонность считать «исконной территорией» славян, обходя термин «прародина», широкое пространство Среднего Поднепровья.)

В целом же Пичета (по «заветам» Н.Я. Марра) утверждал, что труд Лер-Сплавинского «лишний раз доказывает полную несостоятельность объяснения славян с точки зрения индоевропейской теории непрерывных миграционных потоков, неизвестно по каким причинам направляющихся на восток»¹⁰⁴. Но он оценил идею польского ученого о том, что формирование языков и этносов идет от множества к единству, а не от единства к множеству.

Теории «прародины» Пичета противопоставляет археологическую культуру «полей погребений», известную под названием трипольской, памятники которой найдены под Киевом, в Подолии, Бессарабии, Галиции, Семиградии, Молдавии, Фракии, связывая ее с протославянами. Таким образом, от «космополитической» стадильности советские историки постепенно возвращались к понятию «археологическая культура» и к попыткам связать ее с определенным этносом.

По верному наблюдению В.А. Шнирельмана, на исходе войны советские археологи в полной мере использовали возможность в противостоянии с немецкой «этногенетической экспансией», отрицающей автохтонность и высокий уровень культуры славян (школа Г. Коссинны), романтически «ославянить» многие территории Евразии¹⁰⁵, используя марристскую терминологию, но не вполне следуя постулатам Марра. О Среднем Поднепровье и Балканах мы уже говорили. С.П. Толстов высказал убеждение в «сармато-славянском» характере болгарского объединения и значительном славянском массиве среди хазар и в южноволжской Сарматии¹⁰⁶. Н.С. Державин утверждал, что славяне и финны «выросли» на одной территории из единой «яфетической стадии». П.Н. Третьяков также первоначально отрицал расселение славян на север и полагал, что «северные группы восточных славян возникли на месте автохтонным путем»¹⁰⁷.

Славянские древности упорно искали в Крыму, особенно после депортации татар в 1944 г. Еще из дореволюционных археологических раскопок стало очевидно, что славяне впервые появились на Среднем и Нижнем Дону и Тамани не ранее X в. Однако советские ученые решили углубить корни славян в Крыму. Началось с того, что В.В. Мавродин, в подкрепление идей Н.Я. Марра, выдвинул мысль о том, что «славяне сформировались там автохтонным путем на основе предшествовавших скифо-сарматских культур»¹⁰⁸. Далее С.П. Толстов выдвинул фантастическую гипотезу о раннем «славяно-алано-черкесском государстве» на Тамани под гегемонией русских царей¹⁰⁹. Б.А. Рыбаков также полагал, что славяне могли обитать на Тамани и в низовьях Дона до X в.¹¹⁰ Во второй половине 1940-х гг. археологические раскопки в Крыму щедро финансировались. Советские археологи стремились доказать славянский (русский) приоритет в Крыму. П.Н. Шульц на основании раскопок в Неаполе Скифском и Херсонесе пришел в выводу, что «Крым — это не чужая, якобы татарская, генуэзская,

готская или греко-римская, но наша, родная, русская земля»¹¹¹. При этом он и его последователь П.Н. Надинский исходили из генетического родства между скифами и славянами, утверждая, что «крымская земля изначально принадлежала славянам и их предкам скифам», татары же являются поздними пришельцами и поэтому только русские имеют неоспоримые исторические права на Крым¹¹².

Ославянив древние народы на тогдашней территории СССР, советские историки (образно говоря, «вслед за победоносной Красной Армией») двинулись в Европу, противопоставив германской этногенетической «экспансии» славянскую. В послевоенное время они развивали мнения Т. Лер-Сплавинского и других польских ученых о славянстве дугиев и лужицкой культуры¹¹³. М.И. Артамонов определил пшеворскую и оксывскую археологические культуры как славянские, а не вандалские (германские). С.П. Толстов «ославянил», подобно Н.В. Савельеву-Ростиславичу из журнала «Маяк» (40-е годы XIX в.) и отчасти Ю.И. Венелину¹¹⁴, вандалов и лангобардов, объявив Заэльбье древними славянскими землями.

С готами, одними из самых одаренных и мужественных среди германских племен, решили «разделаться» двумя путями. А.Д. Удальцов представлял их в послевоенный период разрозненными «отсталыми» племенными группами, которые, придя в Северное Причерноморье, быстро усвоили местную культуру и растворились среди туземного населения¹¹⁵. Н.С. Державин же сразу причислил готов (точнее, ядро готского союза) к «русским славянам», считая их местным «яфетическим» народом, а сведения остготского историка VI в. Иордана о «готской державе» вообще объявил легендарными¹¹⁶.

Согласимся с выводом В.А. Шнирельмана о том, что «лишив древних германцев изрядного количества земель и культурного наследия, советские авторы уделяли им в этногенетической карте Европы столь же незавидное место, какое немецкие авторы 1920–1930-х гг. отводили славянам»¹¹⁷. Он справедливо указывал, что особенно далеко по пути «низложения» германцев зашел С.П. Толстов, который полагал, что до I в. до н.э. немногочисленные германские племена прозябали в невежестве на задворках культурной Европы. Он представлял их отсталыми охотниками, рыболовами, примитивными земледельцами, которые, находясь на «переходной» от яфетической к индоевропейской стадии, были «поверхностно индоевропеизированы под воздействием соседних кельтов и протославян»¹¹⁸. Н.И. Чебоксаров вообще пришел к крайнему выводу о том, что немецкий народ начал формироваться лишь с IX в. н.э., причем на расово и этнически неоднородной основе¹¹⁹.

Следует отметить, что в исследовании проблем этногенеза славян советские историки под прикрытием марризма долее всего имели возможность проявлять «славянский патриотизм», развивать идею о том, что славяне и особенно «великий русский народ» всегда в истории оказывали «облагораживающее влияние на соседей» и т. д., тогда как другие направления разработок в конце 1940-х гг. постепенно «зашоривались» классовым подходом.

Только на рубеже 40–50-х гг. XX в., еще до лингвистической дискуссии и особенно после нее, наметилось некоторое отрезвление и даже критика отдельных положений «теории» Н.Я. Марра, причем по внутринаучным причинам, без принудительной обязательности «критики и самокритики» и разоблачительных обсуждений «ситуации в данной науке». Так, языковед А.В. Десницкая в статье «К проблеме исторической общности индоевропейских языков», ссылаясь на доклад А.Д. Удальцова¹²⁰, подвергла критике такие важные постулаты Марра, как «отрицание возможности миграций», а также

сведение процесса этногенеза «к однолинейности и к одним лишь явлениям объединения, этнической интеграции, с отрицанием явлений этнической дифференциации», оценивая это как подмену «живых, конкретных племен и народов „абстрактными стадиями“ этнического развития населения тех или иных территорий»¹²¹.

Наметилась и тенденция к «более объективному прочтению источников» в отношении «славянскости» археологических культур¹²². Так, М.И. Артамонов пришел к отказу от отождествления трипольцев и скифов с предками славян¹²³, что нашло поддержку и было закреплено на конференции по скифо-сарматской археологии в 1952 г.¹²⁴. Он же позднее признал, что «поля погребальных урн», считавшихся славянскими, могли быть оставлены готами¹²⁵. П.Н. Третьяков при обсуждении своей книги «Восточнославянские племена» (М., 1948) осмелился отрицать генетические связи между славянами и носителями дьяковской культуры и выразил сомнение в присутствии славян на Дону и Тамани до X в., признал государственность готов и пр. И, разумеется, не был понят участниками обсуждения¹²⁶.

После известной дискуссии по вопросам языкознания 1950 г. советские историки и археологи публично отказались от марризма и выступили с «покаянными» докладами на объединенной сессии лингвистов, археологов, этнографов и антропологов по вопросам методологии этногенетических исследований, организованной АН СССР в Москве осенью 1951 г., а затем и с соответствующими статьями¹²⁷. Престарелый А.Д. Удальцов так и не смог оправиться от антимарристского удара и прекратил этногенетические исследования. В то же время П.Н. Третьяков, напротив, публично открестившись от Н.Я. Марра, продолжал их¹²⁸. Напомним, что названный археолог, автор монографии «Восточнославянские племена» (1948), использовал теорию стадильности Марра при объяснении формирования славян и древнерусской народности. Именно он впоследствии, кардинально переработав монографию, выступил наиболее последовательным критиком теоретических постулатов Н.Я. Марра.

Ученый, в частности, покаянно писал о себе: «Исходя из взглядов Н.Я. Марра, автор, однако, полагал, что возникновение славян не могло обойтись без качественного скачка, без взрыва в развитии языка и этнического типа. Временем этого скачка, отделяющего славян от их предков, он считал рубеж нашей эры, когда порывающие с первобытно-общинным строем племена — предки славян — „в условиях насыщенной бурными событиями исторической обстановки Северного Причерноморья и Прикарпатья, подобно металлам, попавшим в один горн, мало-помалу создали новый, ранее неизвестный сплав — славянские племена“»¹²⁹. Ученый признал свои прежние взгляды в корне неверными и ошибочными.

Неизбежно встает вопрос, почему славяноведы-лингвисты в большинстве своем не приняли «теорию» Н.Я. Марра и скрыто и явно сопротивлялись ее внедрению в свою отрасль науки, а археологи и историки масштабно опирались на нее в теории этногенеза? Думается, что дело в том, что «поверхностный марксизм» Н.Я. Марра, проявившийся в его теории стадильности, «скрещиваний», «скачков» и «революций», попросту «не работал» в языковой сфере. Лингвисты находили привычные «эволюционные» объяснения формирования тех или иных языков и изменений в них, исходя из внутрilingвистических, а не социальных факторов. Историкам-марксистам, напротив, импонировала теория Марра, так как путем «скрещивания» и «революционных рывков» было очень удобно объяснить появление того или иного нового народа, не вникая в тонкости лингвистического и этноисторического анализа. В этом прозвучали

своего рода дальние отголоски «ультра-славянофильского» романтизма XIX в., приверженцы которого патриотически «ославянивали» древние народы, проводя поверхностные аналогии, не утруждая себя глубиной научных разработок¹³⁰. Очень верно сказал о вредности этой «теории» П.Н. Третьяков уже после антимарровской дискуссии 1950 г.: «Ошибочные представления о возникновении славян в результате скрещивания и стадийного перевоплощения различных более древних племен, живших на территории обитания славян в средние века, завели исследования славянского этногенеза в тупик, и при этом тупик идеалистический. Признавая магическое перевоплощение и скрещивание решающим фактором славянского этногенеза, рассматривая славян как новообразование, марристы — историки, языковеды, этнографы и археологи, по сути дела, отказывались от изучения древней истории славян, от выяснения истоков их культуры, от поисков их истинных предков»¹³¹.

Следует отметить и побочные последствия несомненно «очистительной» лингвистической дискуссии. Н.Я. Марр в своих трудах обращался к фундаментальным проблемам языкознания и народоведения, хотя и пытался решать их с фантастических, доведенных до абсурда «марксистских» позиций. Вслед за ним в разработку проблем этногенеза втянулись многие советские исследователи. Развенчание теории Марра принесло отрезвление в горячие головы ученых, поверивших в свои возможности на основе марксистского методологического энтузиазма овладеть глубокими «тайнами народообразования». С тех пор наметился резкий спад в развитии этногонических исследований в нашей стране, отмеченный еще В.Д. Королюком¹³².

Но все же, несмотря на неудачу тогдашних теоретических построений в области славянского этногенеза, в нашей науке в «сухом осадке» осталось несколько важных позитивных принципов, сохранивших свое значение и в настоящее время. Среди них В.Д. Королюк справедливо назвал признание необходимости комплексного подхода к решению этногенетических проблем силами историков, археологов, антропологов, этнографов и лингвистов; научное обоснование того, что древние этнические процессы не являются биологическими, расовыми, поскольку нет расово однородных этносов, все они прошли сложный процесс развития, ассимиляции, поглощения, скрещивания разнородных элементов и культурного взаимодействия. Осталось в анналах науки и убеждение о связи этнических процессов с историческим развитием общества, хотя, может быть, не так жестко социально-экономически обусловленных. Наконец, можно признать справедливыми выводы тогдашних ученых о том, что «нет оснований рассматривать этногенетические явления как явления прямолинейные, однонаправленные, ибо параллельно с явлениями этнической и языковой интеграции постоянно происходили противоположные им процессы этнической и языковой дифференциации»¹³³.

С л а в я н о - в и з а н т и й с к и е о т н о ш е н и я. 1939 год стал в СССР и годом возрождения отечественного византиноведения, что выразилось в его институционализации в Ленинграде (основание византийской группы в Ленинградском отделении Института истории АН СССР¹³⁴, создание в 1940 г. византийского отделения на филфаке ЛГУ). В 1943 г. в Москве сформировалась византийская научная группа под руководством члена-корреспондента АН СССР Е.А. Косминского, поставившая целью своей деятельности объединение работы византинистов во всесоюзном масштабе¹³⁵. Ученые подготовили еще до войны к печати «Византийский сборник», вышедший только в 1945 г.¹³⁶. С 1947 г. возобновился выход «Византийского временника».

Современные исследователи связывают возрождение византиноведения не только с научной необходимостью разработки древнейшего периода истории России, начатого в эти годы, но и, прежде всего, с формированием имперских амбиций сталинского руководства¹³⁷. Важное значение в этом направлении имело и «низвержение» «школы» М.Н. Покровского, «которая игнорировала византийскую историю, особенно в ее взаимоотношении со славянами»¹³⁸.

Реабилитация византиноведческих исследований сразу же поставила перед советскими учеными «патриотическую» задачу показать роль славян во взаимоотношениях с Римской и Византийской империями, принижаемую в германской (и особенно фашистской) историографии. Но сначала надо было решить проблему, *к какому времени следует отнести начало миграции славян на Балканский полуостров*. В историографии XIX в. господствовало мнение, опиравшееся на показания византийских писателей VI в., что начало переселения славян на этот полуостров относится именно к этому времени острейшего внешнеполитического кризиса Византийской империи.

Однако отечественные слависты и византилисты в конце того же века начали оспаривать сложившееся представление. Профессор Харьковского университета, известный болгарский историк М. Дринов в своем труде «Заселение Балканского полуострова славянами» (М., 1873) пришел к выводу, что проникновение славян в пределы Византийской империи относится к более раннему времени, к II–III вв., но только в VI в. начинается массовое продвижение славян на Балканский полуостров и продолжительные вооруженные столкновения с Византией. Известный русский византист Ф.И. Успенский позднее также не отрицал возможность проникновения отдельных славянских дружин на Балканы в IV–V вв. Но все-таки массовую миграцию славян на этот полуостров позднейшие исследователи — русский историк А.Л. Погодин, чешский славист Л. Нидерле и др. — традиционно относили к VI в.¹³⁹.

Против этого общепринятого в науке мнения в 1931 г. выступил академик Н.С. Державин. Отстаивая марристские представления об автохтонности славян в местах их нынешнего проживания, он полагал, что вся территория от берегов Эгейского и Адриатического морей «вплоть до Карпат и Среднего Днепра представляет собой известное единство в хозяйственном отношении». И вся эта территория, по его мнению, была уже плотно заселена славянами, но только в VI в. начались их военные столкновения с Византией¹⁴⁰. Другие советские историки (А.В. Мишулин, Б.Т. Горянов, М.В. Левченко, академик Б.Д. Греков), также разделяя положения об автохтонности славян, на этот раз не поддержали мнение Н.С. Державина. Они, опираясь на данные источников, по-прежнему утверждали, что их массовая миграция на Балканский полуостров началась с VI в.¹⁴¹. (Далее станет понятна мотивация такой позиции.)

Несмотря на критику в печати, Н.С. Державин остался верен своим взглядам и в 1940-е гг. В первом томе своей «Истории Болгарии» (1945) он продолжал утверждать, что «нынешнее население Балканского полуострова, в том числе, как и насельники всего Днепро-Дунайского бассейна..., не пришлый откуда-то с севера, с востока или запада народ, а местное, исконное население на занимаемой им ныне территории»¹⁴². Рецензенты книги В.И. Пичета и М.В. Левченко выразили отрицательное отношение к гипотезе Державина¹⁴³.

Вторжение славян на Балканский полуостров в пределы Византийской империи являлось только одной стороной сложной проблемы славяно-византийских отношений. Другую — составлял вопрос, *какую роль сыграли славяне в ее исторических судьбах*.

Решение этого вопроса составило основное содержание работ советских ученых конца 30–40-х гг. XX в. в области византиноведения. И здесь они снова обратились к трудам предшественников. Повод для размышлений предоставили труды крупных российских византинистов В.Г. Васильевского и Ф.И. Успенского¹⁴⁴, где отмечалось, что славяне, вторгнувшись на Балканский полуостров, принесли с собой общину, которая обусловила глубокие изменения в положении сельского населения, и что благодаря массовой славянской миграции Византийская империя в значительной степени ослабилась¹⁴⁵. Рано ушедший из жизни молодой византинист К.Н. Успенский в своих «Очерках по истории Византии» (1917) впервые обратил внимание на феодализацию империи¹⁴⁶. Советским историкам оставалось только с марксистских позиций решить проблему влияния славянской миграции на общественно-экономические отношения в Византийской империи. Среди многих высказываний классиков марксизма о роли варварских народов в процессе формирования феодализма в Европе, в противовес фашистским историкам, приписывающим чудодейственную силу древним германцам, было обращено внимание на мнение Энгельса о том, что «омолодили Европу не их (германцев. — М.Д.) специфические национальные особенности, а просто... их варварство, их родовой строй»¹⁴⁷. Вспомнили и выражение Сталина на XVII съезде ВКП(б) о том, что «варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹⁴⁸.

Из всего этого главный вывод сделал византинист Б.Т. Горянов уже в 1939 г.: «Славяне своим родовым строем, своим варварством омолодили империю, позволили ей просуществовать тысячу лет... Славяне, предки великорусского народа, передали нашей родине высокую культуру Византийской империи. Вот почему советская историческая наука, самая передовая в мире, должна иметь в числе важнейших своих отраслей византиноведение»¹⁴⁹.

В 1940 г. профессор ЛГУ М.В. Левченко опубликовал учебник «История Византии. Краткий очерк», в котором попытался синтетически изложить историю империи «с начала Византии до ее падения при Палеологах». При этом он много внимания уделил (с марксистских позиций) социально-экономическому развитию этого государства и теме славяно-византийских отношений. «Исторический журнал» опубликовал в канун войны рецензию А.К. Бергера на эту книгу, в которой её автор выразил несогласие с утверждавшейся в советской науке тенденцией придавать чрезмерную роль в преобразовании Византийской империи славянской общине. «Нужно, однако, отметить, — писал он, — не отрицая роли славянской или иной варварской цивилизации, что источники все же не свидетельствуют о столь радикальной аграрной революции и не указывают на варварскую цивилизацию как на причину исчезновения господствовавших в VI веке колонатных отношений и появления на их месте свободного крестьянства в VII веке», которое, по мнению А.К. Бергера, образовалось «не столько благодаря варварской колонизации, сколько генетически было связано... с сельскими трудовыми массами» местного происхождения¹⁵⁰.

Если в 1939 г. еще позволялось иметь иное мнение о ведущей роли славян в «омоложении» Византийской империи, шедшее в фарватере утверждающейся сталинской имперской политики, то постепенно критики отступали в тень. Принципиальное значение для формирования новой концепции имела публикация в 1941 г. статьи А.В. Мишулина «Древние славяне и крушение Восточноримской империи»¹⁵¹. Она являлась развитием положений почти аналогичной по названию статьи 1939 г., опубликованной в «Вестнике древней истории»¹⁵². Автор не скрывал, что актуальность те-

матики диктуется не только научными, но и политическими причинами. Он указал, что «если история Западноримской империи в результате вторжения германских и галльских варварских племен, а также кризиса самого рабовладельческого производства более или менее разработана в исторической литературе, то в истории падения Восточноримской империи многое еще не ясно»¹⁵³. Среди нерешенных проблем автор назвал вопросы о том, как происходил процесс распада античной цивилизации на Востоке, о складывании здесь феодальных отношений, о внутренних и внешних факторах распада этой империи и образования Византии¹⁵⁴. Среди политических причин обращения к данной тематике А.В. Мишулин подчеркнул необходимость разоблачения измышлений фашистской историографии о «неполноценности» славянских народов, призванных якобы быть в услужении у подлинно «полноценной», германской «арийской расы», и опровержения «доказательств» того, что «во все времена истории человечества, начиная с древнейших времен, славяне покорялись другим народам»¹⁵⁵.

Опираясь на свидетельства древних историков, А.В. Мишулин стремился доказать, что протославяне, скрывавшиеся отчасти под именами скифов, сарматов, роксоланов в I–IV вв., вместе с другими варварскими племенами способствовали падению рабовладельческой Западной Римской империи, сыграв тем самым прогрессивную роль в истории смены устаревшего общественно-экономического строя другим, более прогрессивным. Второй период борьбы с Римской империей на Востоке относится к VI–VII вв., когда судьба империи всецело решалась вторжениями славян, которые постепенно расселились по всему Балканскому полуострову. А.В. Мишулин солидаризировался с мнением большинства советских историков, полагающих, что славяне принесли на Балканы новый экономический строй, общинные отношения. «Историческая роль славян в их вторжении в Восточноримскую империю, — писал он, — заключается именно в том, что принесенная славянами община довершила разложение рабовладельческого строя, создала толчок для наметившегося еще в эпоху Юстиниана процесса феодализации и образования Византии»¹⁵⁶. Автор отмечает и обратную сторону процесса — влияние Восточной Римской империи на темпы социального развития славян.

В отличие от Б.Д. Грекова, Н.С. Державина, Б.А. Рыбакова и других ученых, писавших об изначально высоком культурном уровне славянских племен, А.В. Мишулин считал их древний «культурно-исторический облик» примитивным. Но эту «некультурность» славян он по марксистским канонам «компенсировал» не восприятием ими рабовладельческого строя, а построением своей государственности. По его мнению, непрерывные столкновения славян с Римской империей сыграли роль «толчка, усилившего темп социального развития древних славянских племен»: от первобытно-общинного строя они перешли к «военной демократии» как переходной форме к государству. Автор полагал не случайным тот факт, что первые славянские государственные объединения VII в. — княжество Само к северу от Дуная и держава Аспаруха к югу — возникли на территории или на границах с империей, в борьбе с нею. Особую роль в этом процессе он отводил Киевской Руси, полагая, что и «Киевская держава в IX–X вв. противостояла Византии и являлась мощным оплотом славянских народов, а вместе с тем и фактором развития государственности на Балканах»¹⁵⁷.

А.В. Мишулин приходит к выводу о том, что под ударами славянских племен из Приднепровья и Приднестровья Восточная Римская империя деформировалась. Образовавшиеся на ее границах славянские государства — Чехия, Болгария, Сербия, Киевская Русь — «дальнейшей борьбой с Византией довершили распад этой рабов-

ладельческой монархии». Кроме того, «исторически прогрессивная роль» славянских вторжений заключалась, по мнению ученого, в привнесении в Византию общинных отношений, что создавало предпосылки для ее перехода к «феодальной системе хозяйства». Сами древние славяне также перешли к феодализму, «минуя рабовладельческую ступень развития»¹⁵⁸.

В дополнение к своей статье А.В. Мишулин по просьбе редакции «Исторического журнала» поместил в 1942 г. публикацию «Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточноримскую империю в VI–VII веках нашей эры». Ученый привел восемь отрывков из трудов древних авторов (Иордана, Прокопия, Маврикия, Фиофилакта Симокатты, Иоанна Эфесского), которые свидетельствовали, по его мнению, о том, что «весь VI и VII века нашей эры были заполнены постоянными вторжениями славян в пределы Восточноримской империи» и что «во всех войнах и стычках древние славяне неизменно проявляли свои характерные черты (не «кроткомиролюбивые», как у П.И. Шафарика, а напротив, «боевитые», столь востребованные в период войны с германским фашизмом. — М.Д.): необыкновенную воинственность и стойкость в битвах, выносливость, отвагу, любовь к свободе»¹⁵⁹. Источники должны были наглядно показать, что вторжения славян вызывали в ряде мест империи назревшие уже восстания рабов, которые вместе со славянами приняли деятельное участие в крушении рабовладельческого строя Восточной Римской империи аналогично и не хуже, чем это сделали германские племена с Западной Римской империей.

Итак, вывод А.В. Мишулина о том, что «культура Византии — это синтез античной цивилизации и славянской самобытной культуры»¹⁶⁰ и что славяне содействовали «омоложению» Византии и «этим на тысячу лет продлили ее существование»¹⁶¹, прочно утвердился в советской историографии. Его так или иначе развивали в своих исследованиях Б.Г. Горянов, М.В. Левченко, Е.Э. Липшиц, Б.Д. Греков¹⁶². Последний имел приоритет в утверждении концепции, что Киевская Русь миновала стадию рабовладения, и переносил это понимание на славянскую общину в Византии: «В византийской деревне восторжествовали порядки, характерные для славянского, германского, армянского, грузинского и других новых обществ той поры... Рабство не совсем исчезло, но заняло весьма скромное место, подобно тому, как и в других европейских государствах. Византийская империя, этот пережиток мировой Римской державы, стала очень похожа на варварские средневековые государства»¹⁶³.

Е.Э. Липшиц, много лет работая над юридическими источниками, в частности над «Земледельческим законом», пришла к выводу о влиянии славянской общины на процесс феодализации византийского общества. В историографии долго шел спор о датировке этого памятника и о том, отражал ли закон отношения, принесенные славянами, или он являлся результатом законодательной деятельности византийских императоров, тем самым подтверждая фискальную теорию происхождения общины. С последней концепцией советский византолог никак не могла согласиться. Е.Э. Липшиц проанализировала в ряде работ¹⁶⁴ содержание «Земледельческого закона» в связи с реалиями славянской колонизации и сопоставила его с «варварскими правдами». Она пришла к заключению, что общины, представленные в «законе» и «правдах», принципиально идентичны, а посему «Земледельческий закон» является своеобразной кодификацией славянского обычного права. Принятие закона и славянская колонизация способствовали экономическому подъему империи, выходу в VII–VIII вв. из длительного кризиса, ее феодализации, и продлению существования¹⁶⁵.

Не изменил своей позиции только академик Н.С. Державин, который по-прежнему считал славян автохтонами на Балканском полуострове. Не проявив желаемой в таком случае гибкости в своих умозаключениях, он так и не смог признать значения «славянского вторжения для исторических судеб Византийской империи» и утверждения там новых феодальных отношений. Эта позиция Державина, идущая вразрез с новой концепцией советских византинистов, как уже указывалось, была подвергнута критике со стороны В.И. Пичеты на заседании кафедры истории южных и западных славян в МГУ, а затем и в печати¹⁶⁶.

Как уже отмечалось, новые подходы советских историков к оценке роли славян в крушении рабовладельческой Западной Римской империи и феодализации Восточной трудно и невозможно было бы выработать без учета достижений дореволюционной российской и зарубежной историографии. Не случайно, что в канун и в годы Великой Отечественной войны подняли на щит известных русских византинистов мирового уровня В.Г. Васильевского и Ф.И. Успенского, впервые поставивших вопрос о славянизации балканской территории Византии и роли славянской общины в ее «омоложении». «Вспомнили» даже о заслугах выдающегося историка византийского искусства Н.П. Кондакова¹⁶⁷, вынужденного эмигрировать из России и потому на долгое время вычеркнутого из анналов отечественной науки. Между тем он основал в Праге международный византийский семинарий, превратившийся после смерти ученого в Археологический институт его имени. В Академии наук СССР состоялось несколько сессий, посвященных памяти выдающихся русских византинистов. Первая такая сессия в Отделении общественных наук прошла в 1938 г. и была приурочена к 100-летию со дня рождения В.Г. Васильевского. С докладами на ней выступили академик С.А. Жебелев («В.Г. Васильевский об изучении византийских древностей»¹⁶⁸) и академик Б.Д. Греков («История древних славян и Руси в работах акад. В.Г. Васильевского»¹⁶⁹). Последний, в частности, отметил: «В.Г. Васильевский вошел в водоворот самых спорных, самых темных и трудных вопросов, поднятых русской наукой, и вышел из этого водоворота с честью. Он дал нашей науке так много нового и ценного, что мы вправе сказать (это не будет преувеличением), что наша наука в вопросах древности может быть разделена на два периода — до и после работ В.Г. Васильевского»¹⁷⁰.

Сессия памяти академика Ф.И. Успенского в Отделении истории и философии состоялась в апреле 1945 г.¹⁷¹. Открывая ее, академик В.П. Волгин, в частности, сказал, что с именем ученого «связан расцвет византиноведения в России», «его перу принадлежат крупнейшие работы по социально-экономической истории Византии, по общественно-политической идеологии, по истории взаимоотношений и связей славянских государств с Византией». С докладами выступили Е.А. Косминский, Б.Т. Горянов, Н.С. Лебедев, М.В. Левченко, Н.В. Пигулевская, Е.Э. Липшиц и др. На этой сессии было принято постановление о необходимости переиздания трудов Ф.И. Успенского, В.Г. Васильевского, возобновлении «Византийского временника» и даже о правомерности восстановления Русского археологического института в Константинополе (1895–1914). На проводимых в Отделении византиноведческих сессиях 1943, 1944 и 1946 гг. докладчики постоянно ссылались и перевозносили труды русских византинистов¹⁷². В «Историческом журнале» публиковались статьи М.А. Шангина «История славян в трудах русских византинистов», Н.С. Лебедева «Академик В.Г. Васильевский и его работа по истории Византии» и Б.Т. Горянова «Ф.И. Успенский и русское византиноведение». Во всех этих статьях научные заслуги названных ученых оценивались чрезвычайно высоко, они назывались «корифеями русского византиноведения», каж-

дый из которых «высказал до сего времени не превзойденное слово в той области византиноведения, в которой он работал»¹⁷³. Указывалось, что их труды заложили основы «русского научного византиноведения, получили признание в мировом византиноведении»¹⁷⁴, и что совсем удивительно для тогдашней марксистской историографии, признавалось, что работы мастеров «старой школы» интересны для современных историков не только в отношении фактологии, но и что «выводы и результаты исследований не устарели до настоящего времени». Более того, подчеркивалось, что «методы научной работы над источниками могут служить образцом для историков нашей эпохи»¹⁷⁵. Такие далеко идущие дифирамбы в отношении дореволюционного византиноведения можно объяснить, пожалуй, только тем, что указанная выше концепция русских византинистов о «славянском омоложении империи» очень импонировала патриотизму историков-марксистов и имперским амбициям руководящей партийной элиты. Как мы уже указывали, «патриотическая» тенденция к признанию наследия отечественной науки распространялась и поощрялась в конце войны во многих гуманитарных дисциплинах, в том числе и в славяноведении, хотя, конечно, приоритетность и авангардность марксистской науки всегда оставались неоспоримыми.

«Черные времена» наступили для некоторых советских византинистов на исходе кампании по борьбе с космополитизмом в первые месяцы 1949 г. Об этом свидетельствует объединенное заседание Сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков МГУ 23 марта, стенограмма которого недавно опубликована¹⁷⁶. Стрелы критики были направлены против многих выдающихся медиевистов Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина, С.Д. Сказкина, Р.Ю. Виппера, а также О.Л. Вайнштейна, Ф.А. Коган-Бернштейн и др., которых необоснованно обвинили в низкопоклонстве перед западной наукой. Так же как и на кафедре истории южных и западных славян, наиболее «смело» клеймили маститых ученых молодые неопиты. Среди славистов-византинистов больше всего пострадал Б.Т. Горянов, отчасти М.В. Левченко и др. Горянова обвинили не только в «низкопоклонстве» перед иностранной наукой (аполетика французского византиниста Ш. Дилья), в стремлении утвердить тезис о «единой мировой науке» (космополитизм), но, вместе с Левченко, как раз в уважительном отношении к трудам дореволюционных византинистов В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского, что так поощрялось на исходе войны. В выступлении Старостина, в частности, указывалось: «В работах Б.Т. Горянова об Успенском превозносится реакционное славянофильство. Указывается, что работы таких людей, как Хомяков, Ламанский, словом, реакционных славянофилов, подготовили в России почву для научного исследования. Объяснение Успенским падения первых славянских образований на Балканском полуострове тем, что у славян была сильная семейная община, которая не давала возможности объединиться в крупное государство, это объяснение Успенского считается глубоким и как-то исключительно научным. Вообще каждое слово крупного византиниста, далеко не безупречного в научном отношении, Успенского, рассматривается как какое-то последнее откровение науки. Советское славяноведение, по мнению Б.Т. Горянова, должно заниматься продолжением и развитием тех идей, которые в свое время были выдвинуты Успенским и Веселовским (вероятно, Васильевским. — М.Д.) и теми идеями, которые развивал во Франции Ш. Дилья и его школа»¹⁷⁷. В стенограмме не указаны инициалы Старостина, что косвенным образом свидетельствует о его малой известности. Очевидно, он был тогда аспирантом или студентом и потому не вполне точно изложил суть концепции Успенского о роли славянской общины, но дух критики Горянова и пафос отказа от дореволюционного научного наследия уловил точно. Старшие коллеги Старостина, обвиняя

Горянова, Левченко и др. в следовании традициям дореволюционных византинистов, возможно, намеренно не тронули их славистический аспект.

Так или иначе, но после окончания идеологических кампаний, серьезно отяготивших души ученых¹⁷⁸, концепция прогрессивной роли славянства в феодализации Византийской империи долгое время продолжала господствовать в советской историографии. В 1963 г. В.Д. Королук, подытоживая результаты проведенных исследований, подчеркивал, что они показали «огромную прогрессивную роль» раннего славянства «в гибели отжившей рабовладельческой формации в Юго-Восточной Европе и переходе к передовому тогда феодальному способу производства. Славянская община на Балканах сыграла такую роль в синтезе, давшем начало феодализму в Европе, как германская на территории Италии, Галлии и Испании. Известную, хотя и не столь значительную роль, как на юго-востоке, сыграли славянские передвижения и в крушении западного очага рабовладения — Западно-Римской империи»¹⁷⁹.

В настоящее время эта проблема получила новое освещение. Процессы феодализации в социально-экономической трансформации Византийской империи уже более не акцентируются, большее внимание придается влиянию высокой византийской культуры и античной цивилизации на славян, а не наоборот¹⁸⁰.

Проблема образования славянских государств. Важное значение в историческом славяноведении указанного времени придавалось решению проблемы образования славянских государств. Новизна подхода, выработанного в тогдашней советской историографии, заключалась в постулате о преобладании внутренних факторов (складывание классового общества) над внешними (опасность завоевания) при формировании первых государственных образований у славян. При этом разоблачалась антинаучность идеалистической теории о «божественном происхождении власти», а также норманнской и прочих теорий неславянского происхождения первых государств или неспособности славян создавать свои государства без помощи чужеземцев. З.Р. Неядлы, например, напрочь отрицал роль немцев в образовании Чешского государства, В.И. Пичета — Польского. Откровеннее всех эту тенденцию определил академик Н.С. Державин, указавший, что при исследовании первых государственных образований у славян в предшествующем славяноведении «господствуют или „варяги“ в лице какого-нибудь болгаро-турко-татарина Аспаруха, или франкского купца Само у чехов, или же, еще проще, некий неудовимый „дух“ с весьма явственным национал-шовинистическим ароматом»¹⁸¹. Исходя из этого, Н.С. Державин, вопреки историческим данным, решился «ославянить» тюркок-протоболгар, указывая, что в войске их предводителя, хана Аспаруха, основу составляли славянские элементы. Общий вывод гласил: «Таким образом, в действительности не выходец с северного Прикавказья, болгарин Аспарух был основателем первого славянского болгарского государства, а его создателем явилось местное славянское население. Государственные образования у всех народов возникают не в результате инициативы того или иного субъекта, а в итоге социально-политического и экономического развития народов»¹⁸².

В «Историческом журнале» также был опубликован ряд статей, так или иначе освещавших вопрос об образовании большинства древних славянских государств. Самому раннему из них посвящалась статья Н.П. Грацианского «Славянское царство Само (К критике известий „Хроники“ Фредегара)». Автор определил его как «первое по времени крупное объединение» западных (славянские племена Богемии и Моравии, полаб-

ские сербы) и части южных (словинцы Хорутании и Паннонии) славян, сложившееся «в первой половине VII в. в процессе борьбы их с аварами и окрепшее в борьбе с франками» и просуществовавшее 35 лет¹⁸³. Это мнение в целом принято и в современной науке. Отвергая тезис фашистской историографии, что славяне сами неспособны к созданию государства, автор критически отнесся к сведениям Фредегара о франкском происхождении Само. Ссылаясь на другой древний латинский источник («Обращение баваров и хорутан»), датируемый около 870 г., и мнения известных славистов-романтиков XIX в. П.И. Шафарика, Ф. Палацкого и ученых XX в. Ф.И. Успенского, Л. Нидерле, Н.П. Грацианский заключает, что Само по происхождению не франк, а «природный славянский вождь, действующий так, как и подобает ему действовать — в строго языческом и чисто славянском духе»¹⁸⁴, который принадлежал, вероятно, племени славяновелетов, якобы подчинившемуся франкам. Автор пришел к выводу, что союз славянских племен, возглавляемый Само, «при господстве родовых отношений и отсутствии крепкой внутренней связи между отдельными кровными объединениями славян» мог быть только временным союзом, созданным для отпора внешнему врагу, и потому распался со смертью вождя. Он подчеркнул, что этот союз сыграл огромную роль в истории западных и отчасти южных славян, освободив их от аварского ига и отразив «натиск франков и германцев на славянские земли» и в то же время открыв путь «к экспансии славян на Салу, в Тюрингию, и юго-западнее — во Франконию, к Майну»¹⁸⁵. В духе военного времени Н.П. Грацианский заключает: «Время Само навеки останется блестящей страницей в истории многовековой борьбы славян за свою самобытность и независимость»¹⁸⁶. Если вывод Грацианского о непрочности державы Само закрепился в последующей историографии, то тезис о его славянском происхождении ушел вместе с эпохой военного патриотизма.

Статья Б.Д. Грекова «На заре русского государства» (1942) являлась своего рода квинтэссенцией его многочисленных работ по истории Киевской Руси, признанной классической книги «Киевская Русь» (1939) и прологом к монографии «Культура Киевской Руси». (М.; Л., 1944). Сейчас это кажется хрестоматийным, но в 1930-е гг. советскому историку в жарких спорах с коллегами-марксистами пришлось отстаивать «дерзкую» мысль о том, что указанное государство не являлось рабовладельческой державой. Тогда это расценивалось как отступление от марксистских канонов, согласно которым любая историко-этническая общность должна в своем развитии последовательно пройти через все социально-экономические формации¹⁸⁷. В указанной статье Б.Д. Греков утверждал, что первые государственные образования у славян сложились задолго до Рюрика. Общественный строй славянских народов VI–VII вв. он, опираясь на работы Ф. Энгельса, определяет как «военную демократию», которая не исключала общинных отношений, несущих «омоложение зашедшему в тупик древнему античному обществу»¹⁸⁸. Автор указывает, что, «перейдя Дунай и разгромив значительную часть Восточной Римской империи», славяне на новой территории смогли образовать Болгарию — «новое государство, с новым общественным строем, способным удовлетворить и народную массу аборигенов страны». Считая образование Первого Болгарского царства межславянским делом, он все же не исключал «вмешательства тюрков-болгар», которые приняли участие в организации власти, но быстро ослабились и только осложнили этот процесс¹⁸⁹. Греков сообщает также о первых государственных образованиях у сербов в VI в., чехов в VII в. и т. д., говорит о первом восточнославянском государственном объединении в Прикарпатье и пр. Автор заключает, что Киевское госу-

дарство не является «первым государственным образованием у восточных славян и что эти государственные образования возникли задолго до появления варягов в Восточной Европе». Он неоднократно подчеркивает свою главную мысль о том, что формирование государства у восточных славян явилось закономерным «следствием развивавшихся у них классовых отношений, а не результатом деятельности чужеземцев»¹⁹⁰. Это мнение закрепилось в отечественной историографии.

Не опускаясь до «славянизации» варягов, как это делали в «патриотическом» порыве некоторые его коллеги (подобно историкам-романтикам XIX в.), Б.Д. Греков считал важным заметить, что династия Рюриковичей, «какого бы она ни была этнического происхождения», могла удержаться во главе славянского государства «единственно при условии, что она ослабляется в смысле своей политической программы и деятельности». И в этом отношении династия Рюриковичей «удовлетворяла полностью интересам русского государства»¹⁹¹. Общее заключение Б.Д. Грекова звучало жизнеутверждающе-патриотически, в духе военного времени: «Русский народ, выступив на историческую сцену в VI в., оказался достаточно сильным и организованным, чтобы сохранить свое лицо, облечь свое официальное существование в Европе в государственную форму, определить свое почетное место в истории Европы и тем самым наметить и расчитать путь для своего дальнейшего славного развития»¹⁹².

Пафос статьи В.Т. Дитякина «Образование государства у хорватов» (1944) также был направлен на разоблачение «национал-шовинизма» немецких и итальянских историков, утверждавших, что славяне не способны к «самостоятельному существованию и развитию»¹⁹³. Автор согласился с утверждением некоторых хорватских историков об «исконном» и «совершенно самостоятельном» характере княжеской наследственной власти у хорватов¹⁹⁴. Основываясь на известиях древних авторов, полемизируя с фашистскими и отчасти с дореволюционными русскими историками, автор приходит к выводу, что «подлинным основателем Хорватского государства следует считать славного Людовита, князя паннонских хорватов, объединителя хорватских племен в борьбе против франкского господства, неустрашимого, последовательного бойца против франков»¹⁹⁵. Автор указывает, что существовало это государство не долго — до вероломного убийства вследствие междоусобной распри «хорватского национального» князя в 823 г. — и объединяло лишь небольшую часть нынешней Хорватии. (В современной историографии, отдавая должное мужеству Людовита Посавского, всё же образование первого Хорватского государства связывают с именем Ладислава из рода Трпимировичей, племянника главного соперника Людовита — князя Далматинской Хорватии Борны¹⁹⁶.) Следуя канонам марксистской историографии, В.Т. Дитякин особо подчеркивает, что истоки образования Хорватского государства следует искать во внутреннем строе хорватских племен второй половины VIII и начала IX в., характеризующемся борьбой «нарождающихся, феодальных элементов против остатков родоплеменных отношений»¹⁹⁷. Нашествие германцев и упорное сопротивление ему только стимулировало этот процесс и «именно в процессе этой борьбы против немецкого господства, а не благодаря ему, совершился переход от родового строя к классовому, создается государство у хорватов, как новая форма их общественного бытия»¹⁹⁸.

Вопрос о формировании Болгарского государства подробно разбирался в первом томе «Истории Болгарии» Н.С. Державина в духе упомянутых его более ранних работ¹⁹⁹.

Попытки формирования государства и этапы борьбы за национальную независимость так или иначе рассматривались в содержательном очерке Д. Густинчича «Словенцы

(историческая справка)»²⁰⁰ и насыщенной интересным фактическим материалом статье З. Неэдлы «История политического формирования словацкого народа»²⁰¹.

Указанные статьи послужили своего рода апробацией концепции готовящегося сотрудниками Сектора славяноведения Института истории АН СССР специального сборника, получившего окончательное название «Славянский сборник. Образование Сербского, Польского и Чешского государств» (М., 1947). Проблемы формирования славянских государств стали предметом изучения сотрудников Сектора с момента его основания. Работа над этим сборником под редакцией В.И. Пичеты велась в годы войны, в 1944 г. он был сдан в печать, но вышел только в послевоенное время²⁰². Б.Д. Греков писал там об образовании государства восточных славян, Н.С. Державин — Болгарского, Ю.В. Готье — Сербского, З.Р. Неэдлы — Чешского, В.И. Пичета — Польского. О борьбе хорватского народа за свою государственность говорилось в статье Д.С. Густинича и пр. Все названные авторы по канонам марксистской историографии утверждали, что «возникновение славянских государств — результат внутреннего развития славянских племен на базе возникновения классового общества»²⁰³.

Отметим, что первым марксистским историкам доказывать это, при отсутствии надежных источников, было нелегко. Поэтому, например, З. Неэдлы все-таки «сбился» на утверждение, что «стимулом к объединению» племен и возникновению племенного государства явилась «угроза со стороны внешнего врага», а В.И. Пичете пришлось выискивать следы классового расслоения и противостояния в описанной Галлом Аннонимом легенде о князе Попеле и крестьянине-земледельце Пясте. Лучшее всего концепция складывания государств в результате классовой борьбы нашла освещение в статье молодого тогда историка В.Д. Королюка «Государство Готшалка»²⁰⁴. Кроме того, акцентировалось образование именно феодальной государственности.

Таким образом, решая проблемы образования славянских государств, советские историки настаивали на внутренних, социально-экономических причинах их формирования, последовательно опровергали «норманскую теорию» и другие теории «завоевания» при их основании, подчеркивали «раннефеодальную структуру» возникших славянских государств, обосновывали тезис о том, что в «своем историческом развитии славянские народы миновали рабовладение как социально-экономическую формацию»²⁰⁵. Некоторые моменты этой концепции в модернизированном виде остались в арсенале современной науки²⁰⁶.

Борьба славян с иноземными захватчиками. Специальное освещение в историографии военного времени получила тема борьбы славян с иноземными захватчиками, начиная со средних веков до современности. При этом доказывалось, что особую агрессивность и жестокость в своих завоевательных походах проявляли среди варварских племен именно германцы. Но по вопросу о том, с какого времени начался германский «Дранг нах Остен», среди советских историков существовали разногласия. В отличие от Н.С. Державина, вслед за историками Германии считавшего Карла Великого создателем «обширного немецкого (выделено нами. — М.Д.) государства» и полагавшего, что с «именем Карла Великого связывается и начало разбойничьего наступления немецких захватчиков на Восток, известного у немцев под названием „Дранг нах Остен“»²⁰⁷, Н.П. Грацианский в статье «Карл Великий и славяне» (1945) подчеркивал, что войны создателя франкской империи Карла Великого на восточной границе являлись «не завоевательными, а чисто пограничными. Вся суть политики императора по отношению к западным славянам сводилась

к тому, чтобы установить над ними свой протекторат, обезопасить тем самым восточную границу империи и, по возможности, воспользоваться услугами славянских соседей для подчинения саксов и отражения датских набегов». В войнах Карла Великого со славянами, подчеркивал автор, не было «той кровавой жестокости, которой запятнали себя немецкие феодалы»²⁰⁸. Похоже, что точкой отсчета в оценке степени агрессивности Карла Великого по отношению к восточным соседям у названных историков послужила этническая принадлежность и фактическое направление деятельности этого правителя. Один считал его германцем, другой протофранцузом. Ведь франкское (т. е. германское) происхождение Карла Великого не помешало ему стать основателем мощной империи, на развалинах которой возникло будущее французское и другие государства.

Особо приоритетная для военного времени **тема борьбы с германской агрессией** освещалась в многочисленных брошюрах и статьях ведущих советских историков²⁰⁹. Этой проблеме был посвящен специальный сборник «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии», вышедший в 1944 г. под редакцией З.Р. Неедлы. «Исторический журнал» напечатал статьи В.И. Пичеты «Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками» (1941)²¹⁰, Н.П. Грацианского «Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X–XII вв.» (1942)²¹¹ и рецензии Н.С. Державина на вышеуказанный сборник²¹², а также В.И. Пичеты на книгу Н.П. Грацианского «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века» (1943)²¹³. Эти статьи и рецензии представляли собой выдержанную в академических тонах квинтэссенцию многочисленных агитационных брошюр и статей в других журналах и газетах, под стать романтической историографии XIX в., где подчеркивался «исконный» и «вековой» характер борьбы славян против германского «натиска на Восток», который, по словам Н.П. Грацианского, неизменно сопровождался «вопиющими насилиями над местными жителями» и являлся «вопреки лживым утверждениям фашистов не чем иным, как сплошным разбоем в грандиозном масштабе»²¹⁴.

В ряде работ советских славистов по существу возрождались романтическая теория противостояния двух миров. В упомянутом сборнике «Вековая борьба славянских народов с немецкой агрессией» всесторонне освещались «извечное» противостояние и борьба славян за свое существование с германцами, причем славяне наделялись чертами свободолюбия и демократии, а немцы — агрессии и стремления к порабощению других народов. В духе романтической историографии сделан, например, вывод в статье А.М. Селищева: «Славяне, активно воспользовавшись элементами общечеловеческой культуры, внесли в нее выразительные черты своих идеалов. А основной идеал славян — это жажда равенства в социальном и политическом отношении. Красной нитью проходит эта идея в истории славян с давнего времени. Не случайно эта идея впервые в Европе проявилась в славянской области и оказала влияние на другие народы. То было богомилское движение в Болгарии в X–XIV вв., еще ярче загорелось пламя борьбы за свободу личности в Чехии, в гуситском движении первой половины XV в. С ярким светочем счастья в руках, со светочем свободы и братства, идут славяне в их борьбе с гитлеризмом, с его диким насилием и звериной ненавистью к человеку»²¹⁵.

С окончанием войны эта тематика быстро потеряла свою актуальность, но неожиданно приобрела второе дыхание в 60-е гг. — в период борьбы с «немецким реваншизмом»²¹⁶.

Естественно, что на страницах «Исторического журнала» и других изданий получила специальное освещение тема — **«героические победы славянских народов в**

борьбе с иноземными захватчиками». Здесь публиковались статьи о развитии военного дела у славян²¹⁷, о знаменитом Ледовом побоище и других победах Александра Невского²¹⁸, битвах Даниила Галицкого под Дорогочином (1237) и Ярославом (1245)²¹⁹, о Куликовской битве и Дмитрии Донском²²⁰, о судьбоносной Грюнвальдской битве (1410)²²¹, громких победах чешских гуситов в XV в.²²², об отпоре польско-шведской интервенции в начале XVII в.²²³, о доблести Богдана Хмельницкого²²⁴, о вступлении русских войск в Берлин во время Семилетней войны в 1760 г.²²⁵, о военном искусстве А.В. Суворова²²⁶ и М.И. Кутузова²²⁷, об Отечественной войне 1812 г.²²⁸, о победах русского оружия в Первой мировой войне²²⁹, об отпоре интервентам на Украине и в Белоруссии в годы Гражданской войны²³⁰, об освободительной борьбе партизан и движении Сопротивления в славянских землях²³¹, о формировании славянских воинских частей на территории СССР²³² и т.д.

Особо хотелось бы отметить в этой связи статью Я.Я. Зутиса «Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена» (1941)²³³, одну из многих, посвященных в годы войны этой теме. Автор представил картину жестокого завоевания Орденом в Прибалтике обширной территории и формирования его «грабительского» хозяйственно-политического уклада, отметил постоянные восстания покоренного населения против господства немецких рыцарей. Историческое значение сражения под Грюнвальдом и Танненбергом, произошедшее 15 июля 1410 г., Я.Я. Зутис видел в том, что тут впервые объединенные славянские народы: «белорусы, украинцы, русские, поляки — совместно с литовцами нанесли смертельный удар тевтонским рыцарям, считавшимся до этого непобедимой военной силой»²³⁴. Выражая общее мнение советских историков, автор, выдавая желаемое за действительное, заключил, что победа при Грюнвальде «на несколько десятилетий приостановила немецкий „натиск на Восток“ и дала возможность Польше и Литве отстоять свою политическую независимость. Победа эта спасла народы Прибалтики от онемечения — судьбы, постигшей пруссов. Народы Восточной Европы после окончательного распада орденского государства (в Пруссии и Ливонии) получили возможность добиться доступа к Балтийскому морю»²³⁵.

Итоги Грюнвальдской битвы на самом деле имели более локальное значение, чем им приписывали в годы войны, но в тех условиях она стала (и до сих пор остается) символом сплочения славянских народов и совместной победы над «вековым» врагом. Не случайно Я.Я. Зутис считал Грюнвальд прообразом того неизбежного эпилога «кровавых подвигов» современных фашистов, который постиг их средневековых предшественников²³⁶. В таком же духе писали о значении Грюнвальдской битвы другие советские ученые²³⁷.

Идея боевого единства и солидарности славянских народов. С первых дней войны советское руководство включило идею славянской солидарности в арсенал антифашистской пропаганды. Она органично вошла в круг «охранительных» идей, способствующих подъему патриотического и боевого духа воинов Красной Армии, народов СССР и зарубежных славянских стран, ведущих борьбу с фашизмом. Ради этого на время была несколько приглушена пропаганда идеи пролетарского интернационализма. Во II главе говорилось, как с помощью созданного в Москве Всеславянского комитета и его органа, журнала «Славяне» (выходил с июня 1942 г.), а также других средств массовой информации началась мощная кампания по пропаганде боевого единства и солидарности славянских народов, попавших в фашистское рабство²³⁸. Уже на первом Всеславянском радиомитинге в августе 1941 г. определялось

понимание славянской солидарности: «Мы объединяемся как равные среди равных... Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем идею панславизма как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов»²³⁹. В ходе войны, однако, «антипанславистский» пафос официальной пропаганды постепенно затухал. Сталин поощрял развитие идей русской национальной державности, и средства массовой информации дружно провозглашали ведущую роль русского народа сначала в Советском Союзе, а затем и среди других славянских наций. От идеи боевого союза славянских народов постепенно завуалированно переходили к идее объединения и сплочения освобождаемых Красной Армией славянских народов с режимами «народных демократий» вокруг СССР²⁴⁰.

В связи с этим интерпретация **развития славянской идеи в России** и зарубежных славянских странах сильно политизировалась. В это время не появлялось каких-либо обобщающих работ о развитии славянской идеологии, не анализировались серьезно корни ее зарождения²⁴¹. К решению этой проблемы на русской почве ближе всего подошел профессор С.А. Никитин в своей диссертации «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50–70-х годах XIX в.». Политика царизма на Балканах уже не оценивалась в качестве реакционной, признавалась роль России в освобождении южнославянских народов от османского ига. Никитин подготовил объемную книгу по этому предмету, но в период кампании с «буржуазным космополитизмом» набор был рассыпан. Тема постепенно, кроме глав, посвященных панславистам, раскрывалась в его статьях и более поздних монографиях²⁴².

Продолжательница традиций школы С.А. Никитина И.В. Чуркина проницательно объясняет этот инцидент тем, что размах «панславистской» политики Кремля в годы войны и после ее окончания и обширная деятельность славянских организаций в России в середине XIX в., похожие проекты панславистов по объединению славянских земель вокруг нее могли вызвать у читателя нежелательные ассоциации²⁴³. Примечательно, что по наблюдению Чуркиной, проанализировавшей содержание сохранившегося экземпляра книги, С.А. Никитин в 1947 г. проявлял сочувственное отношение к деятельности славянофилов и даже панславистов, включая В.И. Ламанского, старался объективно показать их деятельность на основе множества документов²⁴⁴, но тяжелый в моральном плане урок с запрещением книги, обвинения в объективизме и откровенная травля в рамках кампании борьбы с «буржуазным космополитизмом» 1948–1949 г. заставили его ужесточить оценки (о чем говорилось выше).

В своих фундаментальных работах С.А. Никитин вскрыл огромные пласты неизвестных ранее документов и как никто другой понимал, что их издание и обстоятельное изучение — важнейшая задача отечественной науки. Они необходимы для углубленных исследований в области недостаточно и односторонне изученной в те годы балканской политики России»²⁴⁵. В 1948 г. под редакцией Н.М. Дружинина вышел «Славянский сборник» с подзаголовком «Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах». Составителями сборника на базе Рукописного отдела Государственной библиотеки имени В.И. Ленина (ГБЛ) выступили С.А. Никитин и И.В. Козьменко. В нем впервые публиковались чрезвычайно важные документы: «Письма и записки Н.А. Киреева», видного деятеля Московского славянского комитета, который командовал болгарскими дружинами во время сербо-турецкой войны 1876 г. (С.А. Никитин), а также переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским по поводу формирования болгарского

народного ополчения (И.В. Козьменко). С.А. Никитин поместил в сборнике также статью «Славянские съезды шестидесятых годов XIX века», впервые в советской историографии на основе архивных документов, материалов русской прессы, мемуаров комплексно освещая эту «запретную» ранее тему. В оценке славянофилов и панславистов С.А. Никитин в конце 1940-х гг. по понятным причинам стоял на достаточно жестких позициях и всячески пытался, показывая положительную роль Славянских комитетов в общественной жизни России, отделить их от деятельности славянофилов. (Позднее, в 1960-е гг., он реабилитировал славянское движение, «показав, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами..., а являлись людьми умеренно либеральных взглядов, выступавшими за проведение постепенных буржуазных реформ в русском обществе»)²⁴⁶.

Напомним, что в канун войны С.С. Дмитриев попробовал представить славянофилов защитниками либеральных реформ в России, за что был подвергнут нещадной критике на страницах журнала «Историк-марксист»²⁴⁷. Во время войны В.И. Пичета пытался реабилитировать славянофилов, подчеркивая их патриотизм²⁴⁸. Но после Победы на щит активно стали подыматься революционные демократы, которые объявлялись зачинателями «прогрессивных» традиций во всех гуманитарных науках и особенно в философии²⁴⁹, а представителям других течений русской общественной мысли была уготована участь реакционеров и консерваторов. Кстати, рецензенты «Славянского сборника» (1948), признавая его научное значение, сетовали на то, что там недостаточно показано «отношение демократических кругов русской общественности к славянскому вопросу», и предлагали Рукописному отделу ГБЛ выпустить еще один специальный сборник²⁵⁰.

Несколько продвинулось в конце 1940-х гг. исследование сущности австрославизма и проблемы панславизма на первом Славянском съезде 1848 г. в Праге в связи со столетним юбилеем революции 1848–1849 гг. в Европе. И.И. Удальцов и С.А. Никитин довольно взвешенно подошли к объяснению возникновения идеи австрославизма в Чехии, сформулированной Ф. Палацким в знаменитом «Письме во Франкфурт» (18 марта 1848 г.). С одной стороны, они по марксистской традиции не отрицали, что, поскольку «эта точка зрения предполагала непрременное сохранение Австрии в существующих границах, она по существу противоречила интересам европейской революции и была использована в дальнейшем либеральной буржуазией в интересах реакции». Но с другой, — они подчеркивали, что австрославизм сформулирован в ответ на пангерманские тенденции Франкфуртского парламента, поддержанные австрийскими и чешскими немцами, требовавшими, вопреки воле чехов, включения Чехии в состав Германской империи²⁵¹.

Если данное положение было поддержано и развито в последующей историографии, то утверждение Удальцова, что чешские политики опасались быть поглощенными царской Россией, не претендовавшей тогда на земли австрийских славян, представляется по меньшей мере спорным²⁵². В этом он некритически следовал за классиками марксизма, которым в славянском движении и укреплении межславянских связей «мерещились» проявления и «признаки» панславизма. Им грезились возрождение «фантастической славянской национальности», за которой могла стоять «ужасная реальность Российской империи»²⁵³. Важным моментом новой концепции являлось утверждение, что на первом этапе революции, до разгрома пражского восстания, австрославизм, выступая за преобразование империи Габсбургов в федерацию равноправных народов, не носил реакционного характера²⁵⁴. (Правда, С.А. Никитин «по старинке» был склонен считать потенциально реакционными и начальные проявления австрославизма²⁵⁵.)

Что касается Славянского съезда в Праге, то И.И. Удальцов и С.А. Никитин справедливо представили его форумом австрийских славян, пытавшихся совместно обсудить политические вопросы, касавшиеся «осуществления своих национальных прав» и объединения усилий для достижения данной цели. Чехи и южные славяне предполагали добиваться своих прав мирным путем на платформе австрославизма, поляки же выступали за восстановление Польского государства революционными методами. Удальцов решительно отверг утверждения, встречающиеся в советских учебных пособиях, о реакционной панславистской направленности съезда²⁵⁶. Он обоснованно полагал, что на съезде «не существовало сколько-нибудь значительного направления, которое отстаивало бы лозунг государственного объединения всех славянских народов с Россией»²⁵⁷. С.А. Никитин разделял это мнение, указав, что «никакого иного (кроме внутриаустрийского. — М.Д.), более широкого славянского объединения Пражский славянский съезд не планировал»²⁵⁸.

Особенно привлекательной в плане пропаганды **межславянской солидарности** была фигура Юрия Крижанича, хорватского религиозного деятеля и публициста XVII в., одного из первых идеологов «славянской взаимности». О нем еще в дореволюционное время и после войны писал В.И. Пичета²⁵⁹ и другие советские ученые²⁶⁰. В «Историческом журнале» его деятельности посвящена статья историка «старой школы» С.В. Бахрушина «Юрий Крижанич» (1942)²⁶¹. Автор подчеркнул, что у этого хорватского деятеля, одного из первых, «сформировалась идея религиозного и политического объединения всего славянства для борьбы с немецкой опасностью и угнетением»²⁶². С.В. Бахрушин показал также, в каких трудных условиях, а именно непонимания со стороны русских властей и последовавшей ввиду этого ссылки, родились главные произведения Ю. Крижанича «Политика» и «Разговор о владетельству», в которых он выразил свои заветные помыслы и чаяния «на возрождение славянства при помощи и под руководством Москвы»²⁶³. Недооцененные современниками, эти идеи, по мнению автора, приобрели особую политическую актуальность в суровые годы Великой Отечественной войны и оказались наиболее востребованными после ее окончания, в период создания блока стран «народной демократии»²⁶⁴.

В оценке Б.Д. Дацюка, автора книги «Юрий Крижанич» (1946), последний предвосхитил общие настроения славянской взаимности, характерные для военного времени. Автор выразил надежду, что славяне, по заветам поборника славянской солидарности, «во главе с русским народом..., освободившись от иноземного ига, выйдут на широкую дорогу познания всех своих духовных сил, „идя от добрых уставов ко крепости, от крепости к доброму стоянию или ко блаженности и славе“»²⁶⁵. В рецензиях на книгу Б.Д. Дацюка о Ю. Крижаниче, принадлежащих перу А.Л. Гольдберга²⁶⁶ и В.И. Пичеты²⁶⁷, указывалось на некритическое отношение автора к объекту своего исследования и загушевание того факта, что во взглядах хорватского деятеля «органически» сочетались не только «страстный призыв к славянскому единству», но и «глубокая католическая религиозность, вынуждающая Крижанича говорить об объединении славян в одной, католической, церкви как о задаче не менее важной, чем национальное освобождение и культурно-политическое единение славян»²⁶⁸, и выступать сторонником Брестской унии 1596 г.²⁶⁹. Свой вклад в издание неизвестных трудов Крижанича и анализ исторической литературы о нем внес А.Л. Гольдберг²⁷⁰.

В работах военного времени скорее констатировалась, чем анализировалась приверженность идеям славянской солидарности у многих деятелей славянского нацио-

нального возрождения: Я. Коллара, Л. Штура, Х. Ботева, Л. Каравелова²⁷¹ и др., мельком говорилось о проведении славянских съездов 1848 и 1860-х гг.²⁷², совсем не акцентировалось внимание на проблемах русского славянофильства и международного неославянского движения (начала XX в.) как слишком реакционных и близких к «панславизму».

Развитие связей между славянскими народами. Главным свидетельством славянской солидарности всегда выступали связи славянских народов в различных сферах жизни: политике, экономике, науке и культуре. В период Великой Отечественной войны этому направлению исследований придавалось особое значение. Как мы уже указывали, в Секторе славяноведения Института истории АН СССР готовился специальный сборник «Культурные и политические связи южных славян и России» под редакцией В.И. Пичеты²⁷³, который, однако, в свет не вышел. В упомянутом Секторе, на кафедре истории южных и западных славян в МГУ, в Славянской комиссии АН СССР²⁷⁴ темы межславянских связей постоянно являлись предметом обсуждения.

В создание источниковой базы для исследования русско-славянских научных связей много сил вложили В.Р. Лейкина-Свирская и Л.В. Разумовская, отобравшие, сделавшие переводы на русский язык и подготовившие к печати материалы для ставшей классической публикации «Документы к истории славяноведения в России» (М.; Л., 1948). Предисловие к ней написал С.А. Никитин. В издание вошло 231 письмо ведущих отечественных славистов В.И. Ламанского, А.Ф. Гильфердинга, А.Н. Пыпина, П.А. Лавровского, А.С. Будиловича, П.А. Кулаковского, И.С. Пальмова, К.Я. Грота, П.А. Сырку, В.Н. Щепкина, М.Г. Долобо и др. их коллегам в России — И.И. Срезневскому, М.Н. Сперанскому, А.А. Шахматову, П.А. Лаврову и др. и от ученых славянских стран — И.В. Ягича, Ф. Пастернака, А. Патеры, И. Кукулевича-Сакцинского, Л. Нидерле, Н. Герова, Л. Стояновича, Л. Милетича, М. Мурко, В. Вондрака, Ю. Поливки, А. Белича, Ф. Рачки, И. Штроссмайера, С. Гурбана-Ваянского, В. Златарского, Э. Муки и др. Издание снабжено квалифицированным аннотированным алфавитным указателем. Письма были извлечены из Архива АН СССР в Ленинграде из фондов В.И. Ламанского, А.А. Шахматова, И.И. Срезневского, А.И. Соболевского, П.А. Лаврова, Б.М. Ляпунова, К.Я. Грота, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.Н. Щепкина, Ф.И. Успенского, Н.К. Никольского, А.В. Михайлова. Они представляют собой внушительную картину развертывания и укрепления связей между русскими и славянскими учеными-славистами с середины XIX по 10-е гг. XX в. По справедливому заключению С.А. Никитина, «научные связи с Россией, с русскими учеными были не только формой научного контакта и ученой взаимопомощи. Русская поддержка славянской науки представляла собой форму содействия национальному движению, национальной культуре братских народов»²⁷⁵. Публикация донине представляет собой непреходящую научную ценность для истории славяноведения в России и славянских странах. По охвату материала ей до сих пор нет равных. Она сопоставима пока только с незавершенным изданием «Зарубежные славяне и Россия: Документы из архива М.Ф. Раевского 40–80-е гг. XIX в.» (М., 1975), первый том которого подготовлен В. Матулой и И.В. Чуркиной. Тем не менее «Документы» подверглись огульной критике в период кампании «борьбы против космополитизма».

Тема развития связей между славянскими народами и укрепления их братской солидарности также нашла свое отражение на страницах журнала «Славяне», «Исторического журнала» и других периодических изданий, в книгах и брошюрах. В работах, посвященных древнему периоду, как правило, доказывалось прогрессивное

воздействие установления русско-славянского сотрудничества для борьбы западных и южных славян за свою независимость. М.Н. Тихомиров посвятил этим сюжетам в 1941 г. две статьи: «Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время»²⁷⁶ и «Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV–XVI веках»²⁷⁷, неоднократно выступая по этой теме в разных аудиториях (на заседании Президиума АН СССР, в МГУ, Институте истории, Славянской комиссии АН СССР). Он последовательно, широко используя работы русских дореволюционных, болгарских и чешских ученых, показал, что исторические судьбы южных и восточных славян тесно связаны между собой с древнейших времен. Автор полагал (несколько в другом ключе, чем византинисты), что южные и восточные славяне в совместном наступлении разрушили на Балканах «разлагающийся рабский строй древней Римской империи» и в дальнейшем, в IX–XII вв., оказывали друг другу поддержку в борьбе с Византией. Он считал, что Балканский полуостров с Русью соединяли «мощные культурные связи», которые выражались в «постоянном и прочном взаимном культурном обмене»²⁷⁸.

М.Н. Тихомиров не скрывал политической направленности своих взглядов, стремления опровергнуть утверждения болгарских «профашистских» ученых, что «русские и болгары исторически не имели ничего общего»²⁷⁹. Напротив, по его мнению, эти культурные связи были основаны на «исконной близости южного и восточного славянства, являясь ярким примером братского обмена культурными достижениями между народами» и, что примечательно, обмена, основанного не на «завоевании или насилии, а на общности происхождения, исторических судеб и культурных интересов»²⁸⁰.

В статьях, касающихся современности, доказывалась необходимость твердой ориентации на Советский Союз в борьбе каждого славянского народа против фашистской агрессии и оккупации, за свое скорейшее национальное освобождение²⁸¹. В этот период, может быть, с особенной интенсивностью были отысканы и подняты на щит неоспоримые факты положительного значения славянской солидарности. «Идиллически» утверждалось: «Нет в мире более яркого, более трогательного примера дружбы между народами, чем дружба славянских народов», которая зиждется на общности языка, «духовной природы славян», народного творчества и литературы славян и наиболее ярко проявляется «в дни борьбы с врагами» славянских народов²⁸². Негативные моменты межславянских отношений (например, участие России в разделах Польши, антироссийские польские восстания XIX в., Балканские войны и пр.), напротив, замалчивались и исключались из рассмотрения²⁸³.

Так или иначе, в публикациях затрагивался вопрос о том, кому принадлежит лидерство в межславянском сотрудничестве. Большинство авторов журнала «Славяне» (менее явно отечественных, более явно зарубежных)²⁸⁴ склонялось к определению ведущей роли России (СССР) в этом процессе. Редакция журнала так подытожила сложившееся в 1945 г. (не без влияния партийных установок) мнение: «В ходе великой борьбы свободолюбивых народов против немецкого империализма сложилось нерушимое единство славян, опирающееся на великую славянскую державу — Советский Союз. Сплоченность славянских народов и их дружба с великим Советским Союзом является надежной гарантией прочного мира в Европе и процветания славянских государств»²⁸⁵.

Далее всех пошел в этом направлении академик Н.С. Державин. Он опубликовал статью «Исторические основы дружбы русского и болгарского народов» (1943), которая является в некотором отношении концептуальной квинтэссенцией его крупных трудов

«История Болгарии» (М.; Л., 1945–1948. Т. 1–4) и «Славяне в древности» (М., 1946). Желяз показал, что традиции дружбы русского и болгарского народов уходят в глубь веков, Державин утверждал, что уже «в VII веке северная придунайская Болгария была заселена славянскими племенами, этнографически и культурно-исторически родственными с русским народом»²⁸⁶, и именно эти восточнославянские племена составили «основное ядро славянского населения Болгарии». Следовательно, заключал академик, в «основе современного болгарского народа, независимо от позднейших этнических наслоений, лежит восточнославянский, или русский, элемент»²⁸⁷. Это способствовало, по его мнению, мощному влиянию русской культуры на болгарскую с самых древних времен. (В этой статье Державин даже сознательно обходит вопрос о влиянии болгарской раннесредневековой книжности на русскую.)

Подобное заключение, выдержанное в романтическом духе историографии XIX в., должно было усилить общий вывод советского академика: «Вот почему всякие попытки отречения от этого богатейшего русского культурного наследия представляли бы собой сейчас, в разгар ожесточенной борьбы славянских народов со своим злейшим врагом, кровавым немецким фашизмом, безумие и насилие над естественным, веками складывавшимся и определившимся процессом исторического развития национальной жизни болгарского народа»²⁸⁸. Разумеется, что эти «ультрапатриотические» доводы Державина не выдерживают научной критики, но в период войны, возможно, сыграли свою роль в возвращении «блудных сынов», оказавшихся «под пятой» Гитлера, в лоно славянской политики СССР.

Проблемы истории отдельных славянских народов. Историография 1940-х гг. не ограничивалась, конечно, только рассмотренными сюжетами общеславянского характера. Наряду с отечествоведением, историей России, Украины и Белоруссии, рассматривались отдельные проблемы истории Польши, Чехии, Словакии, Болгарии и Югославии, причем не столько древнего периода, сколько периода Первой мировой и Гражданской войн. Вышло из печати два обобщающих труда по истории Болгарии и Чехии²⁸⁹, охватывающих периоды от древности до XIX в. в первом случае и до первой трети XX в. — во втором, а также книга К.А. Пушкаревича «Чехи. Историко-этнографический очерк (М.; Л., 1942). Это были первые попытки марксистской интерпретации истории славянских стран, признанные современниками-специалистами не вполне удачными (хотя Державин за первые два тома своей «Истории» получил в 1948 г. Сталинскую премию)²⁹⁰. История Польши в интерпретации В.И. Пичеты осталась незавершенной. Отдельные фрагменты этой капитальной работы опубликованы позднее²⁹¹. В страноведческих исследованиях кроме проблем этногенеза и становления государственности поднимался ряд проблем, которые детально разбирались в последующей историографии. Так, в истории Польши с марксистских позиций освещались и переосмысливались прежде всего источники²⁹², вопросы, связанные с польско-шведской интервенцией начала XVII в.²⁹³ с уклоном на белорусский и украинский аспекты, проблемы ее разделов²⁹⁴, восстаний 1830–1831 и 1863 гг.²⁹⁵, русско-польских революционных связей²⁹⁶, анализировались причины краха «буржуазной» Польши 1939 г.²⁹⁷, рассматривался вопрос об урегулировании ее западных и восточных границ²⁹⁸ и пр.

В истории Чехии анализировались проблемы гуситского движения²⁹⁹, национального возрождения³⁰⁰, революции 1848 г.³⁰¹, «чехословацкого мятежа» в Сибири³⁰²,

Мюнхенского «сговора»³⁰³ и др. Болгаристы уделяли внимание вопросам этногенеза, болгаро-византийских и болгаро-русских отношений, русско-турецкой войны 1878–1879 гг. и освобождению Болгарии³⁰⁴, позиции Болгарии накануне и в период Первой мировой войны³⁰⁵, развитию социалистической мысли в Болгарии и победе Г. Димитрова на Лейпцигском процессе³⁰⁶ и т.д. В истории югославянских земель особо выделялись проблемы формирования государственности сербов, словенцев, хорватов, македонцев, Балканских войн³⁰⁷, участия Сербии в Первой мировой войне³⁰⁸ и иные.

В 1940-е гг. впервые был поднят и начал разрабатываться вопрос о влиянии Октябрьской революции на создание самостоятельных славянских государств после окончания Первой мировой войны в 1918 г.³⁰⁹ А.Я. Манусевич прямо утверждал, что «победа Великой Октябрьской социалистической революции не в малой степени способствовала образованию Чехословакии и Югославии и высвобождению Болгарии из-под немецкого господства и тем самым вместе с созданием национальных государств Польши, Советской Белоруссии, Советской Украины и Советской России открыла новую эру в жизни славянских народов»³¹⁰. Ряд статей, как уже указывалось, освещали партизанское движение и движение Сопротивления в период Второй мировой войны³¹¹. Публиковались и документы кануна и времени Второй мировой войны, касающиеся славянских народов³¹². Сразу после ее окончания появились статьи о становлении режимов «народной демократии» в славянских странах³¹³.

Несколько слов хотелось бы сказать о разработке такой общей проблемы, как революция 1848–1849 гг. в славянских странах, которая впервые стала предметом специальных исследований в конце 1940-х гг. в связи с предстоящим столетним юбилеем. Советские историки-марксисты попали в сложное положение, так как в интересах истины должны были оспаривать «святое святых» — непререкаемые взгляды классиков марксизма-ленинизма. Дело в том, что молодые демократы К. Маркс и Ф. Энгельс, очевидцы революционных событий в Европе, выпуская «Новую Рейнскую газету», как и большинство немецких публицистов, негативно отнеслись к революционным движениям в славянских странах, назвав их «реакционными», наносящими вред делу европейской революции и пособниками ее поражения. Эти высказывания, естественно, учитывались авторами ряда работ и учебных пособий³¹⁴ и соответственно воспринимались будущими историками. В годы войны В.И. Пичета на своем семинаре для молодых сотрудников и аспирантов Сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян МГУ в дискуссиях предложил «крамольную» версию о «равноправном» участии славян в европейской буржуазно-демократической революции и «заблуждениях» (неточной информации) по этому поводу Маркса и Энгельса.

После смерти Пичеты летом 1947 г. его ученики и коллеги в дискуссиях сформулировали новое компромиссное толкование этой проблемы, дающее возможность «реабилитировать» славян и подтвердить «непогрешимость» классиков марксизма. Выход из ситуации нашли в положении о двух этапах революционного движения славянских народов. Согласно новой концепции, на первом, «демократическом» этапе славяне (демократические круги славянской буржуазии с вовлечением «широких слоев» пролетариата и крестьянства) вместе с другими народами (в том числе с немцами и венграми) активно участвовали в революционном процессе и даже заслужили похвалу Маркса и Энгельса (удалось найти их одобрительные высказывания о Пражском восстании в июне 1848 г., польском восстании в Познани и др.).

На втором же этапе революции отмечался поворот «славянской буржуазии и дворян к реакции» и соглашательству с австрийской монархией и потому оправдывались резкие оценки классиков марксизма, которые, кстати, в унисон с немецкими националистами доходили до утверждения о «неисторичности» славян и неспособности их к самостоятельному государственному существованию³¹⁵.

В канун столетия революции появилось или готовилось к печати несколько работ в основном молодых историков (И.И. Удальцов, И.С. Миллер, И.Н. Мельникова, У.А. Шустер, С.А. Никитин)³¹⁶, в которых утверждалась данная концепция. Особую активность проявил И.И. Удальцов³¹⁷.

На основе данных наработок С.А. Никитин выступил с дискуссионной статьей «Славянские народы в революции 1848 года» (1948), в которой впервые представил события 1848 г. в славянских странах частью общеевропейской революции 1848–1849 гг., носившей буржуазно-демократический характер. Он отверг утверждения немецкой (буржуазной и социал-демократической) историографии о периферийности и второстепенности революций в славянских странах и их несамостоятельном характере, а также оценки этих движений как «целиком реакционных». Ученый критиковал также утверждения славянских историков о «единстве славянских народов в их национально-политической борьбе»³¹⁸. С.А. Никитин попытался показать, что разнообразие социально-экономических и сословных укладов и историко-политических статусов славянских народов (чехов, словаков, поляков, сербов, хорватов, словенцев, русинов и др.) в Австрийской империи привело к разным стартовым позициям в революции, разным требованиям и методам борьбы.

Несколько идеализируя роль радикальных демократов в революционных событиях, их поиски поддержки у крестьян и у индифферентного и малочисленного тогда пролетариата, он достаточно взвешенно оценил концепцию австрославизма чешских политиков и Славянский съезд в Праге в июне 1848 г., который попытался объединить славян под его знаменами. То, что славянские либералы и консерваторы возобладали на втором этапе революции и пытались стабилизировать общество мирными путями на основе компромисса и соглашения с монархией, конечно, по марксистским канонам осуждалось и признавалось вслед за Марксом и Энгельсом «реакционным». (Странно, но историки-марксисты, негодуя по поводу поражения революции и осуждая Николая I за проявленную ответственность по стабилизации общественных устоев беспокойного соседа, как-то не задумывались о том, к какому вселенскому хаосу и катастрофическим последствиям в Центральной Европе могло привести преждевременное крушение Австрийской империи.)

В заключение С.А. Никитин впервые определил положительные результаты революции в славянских землях: она несомненно способствовала «ликвидации основ феодально-крепостнических отношений», помогла сближению славян между собой, дала толчок возрождению сербов-дужичан, поляков Силезии. К положительным итогам революции ученый по тогдашним представлениям отнес и содействие дальнейшему классовому и политическому размежеванию среди славянских народов, влияние на развитие революционной мысли в России (Н.Г. Чернышевский) и мировоззрение славянских революционеров Любена Каравелова, Христо Ботева, Светозара Марковича, Димитра Благоева и др.³¹⁹.

Следует отметить, что в статье С.А. Никитина давалась довольно умеренная «классовая» оценка событий революции 1848 г., большее внимание уделялось националь-

ным противоречиям в империи. В ближайшие затем два–три года классовая сущность революции все более резко акцентировалась, а либеральные деятели (например, Палацкий), грубо, причислялись к лагерю реакции. Более всего это проявилось в работах И.И. Удальцова³²⁰, который откровенно писал, что Палацкий рассматривается им «как руководитель чешской либеральной буржуазии, главной целью которой было отвлечение чешских народных масс от борьбы социальной, классовой, в сторону борьбы национальной»³²¹. Эта позиция Удальцова впоследствии подверглась критике З. Неедлы³²².

* * *

Рассмотренные общеславянские сюжеты периода Второй мировой войны позволяют сделать некоторые заключения. Большинство из работ, несмотря на трудные условия работы в отсутствии архивов и библиотек в эвакуации, в блокадном Ленинграде или холодной Москве, все же свидетельствуют о знакомстве с источниками и литературой авторитетных советских историков или политэмигрантов-коммунистов из славянских стран. Все авторы так или иначе причисляли себя к марксистским историкам. Но годы войны несомненно наложили свою печать на проводимые исследования. Отрыв от архивов и библиотек подчас приводил к наличию многих фактических ошибок и априорности выводов. Этому способствовал и политический заказ времени — всеми доступными средствами способствовать идейному разгрому фашизма и пробуждать и укреплять патриотические чувства в обществе. В годы войны историкам позволялось не давать жесткого, сугубо классового анализа исследуемых явлений. Г.Д. Бурдей в книге «Историк и война» (1989) верно подметил: «Классовый анализ при этом часто отступал перед оценками с точки зрения национально-государственных интересов и прогресса вообще»³²³.

Марксизм, притупляя классовый подход, выступал, таким образом, в своего рода «патриотическом» облике. Началась эпоха советского «романтизма». Руководствуясь патриотическими целями, историки старой и новой формации старались так интерпретировать источники, чтобы они наилучшим образом отвечали актуальным задачам антифашистской пропаганды, формировали у сограждан чувство гордости за великое прошлое русского и других славянских народов. В этом смысле происходила известная «романтизация» в интерпретации исторических явлений, востребованная тогдашним обществом. Несомненно, положительным моментом в краткий послевоенный период «толерантности» является демонстрация уважительного отношения к дореволюционному научному наследию.

Однако в конце 1940-х гг., когда начались жесткие идеологические кампании, налет «романтизации» и «толерантности» быстро исчез, и к статьям военного времени стали обращаться довольно редко. Более того, часто происходил пересмотр оценок и даже обвинение авторов в объективизме, идеализме, непонимании необходимости «партийного подхода» в решении исторических проблем, проявленных в работах тех лет.

Так или иначе, но время войны остается важным периодом в отечественной историографии, интересным, может быть, не столько с точки зрения научных выводов и результатов, большей частью патриотически и политически ангажированных, сколько «благодатным» в конкретном решении всегда актуального вопроса о взаимодействии науки и идеологии.

ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Славянское языкознание в России имеет богатые научные традиции. Оно прославлено именами А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича, И.И. Срезневского, П.И. Прейса, О.М. Бодянского, В.И. Григоровича, П.С. Билярского, А.Л. Дювернуа, Ф.Ф. Фортунатова, В.Н. Щепкина, И.А. Бодуэна де Куртенэ, П.А. Лаврова, Б.М. Ляпунова, С.М. Кульбакина, А.А. Шахматова и др.

По справедливому заключению С.Б. Бернштейна, «русское славянское языкознание в конце XIX — начале XX в. выдвинулось на одно из первых мест в мире. Высокий уровень филологической критики текста, широкое и умелое привлечение диалектологического материала, изучение языка в связи с судьбами говорящего на нем народа, — все это отличает труды указанных лингвистов и обязывает нас отнестись к ним с особым вниманием. Прежде всего, следует указать на фортунатовскую школу, которая оказала сильное влияние на развитие науки не только в России, но и за ее пределами»³²⁴.

После Октябрьской революции 1917 г. исследования в области славянского языкознания начали постепенно сворачиваться. Славянская филология не вписывалась в новую систему «классово ориентированных» гуманитарных наук. Несмотря на все материальные трудности и идеологические преследования, оставшиеся на Родине ученые «старой школы» А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, А.И. Соболевский, П.А. Лавров, Б.М. Ляпунов, Е.Ф. Карский и др. в первые годы новой власти пытались продолжать свои научные разработки, главным образом, в области старославянского языка и письменности, которые ныне признаны классическими трудами в этой сфере знания³²⁵.

Попытки внедрения марризма в славянское языкознание. Как известно, в СССР в 1920–1930-е гг. предпринимались попытки внедрения марксизма в числе других гуманитарных наук и в языкознание. Они осуществлялись разными путями. Молодые лингвисты «Языкфронта» во главе с зам. директора Научно-исследовательского института языкознания (НИЯЗ) Г.К. Даниловым, выступая против традиционной компаративистики, яростно противостояли «новому учению о языке» более маститого и искусного в научно-организационных «играх» с властями Н.Я. Марра, который был к тому же крупным кавказоведом, академиком (с 1909 г.), профессором Петербургского-Ленинградского университета. Марристы оказались организационно сильнее и постепенно оттеснили и дезавуировали соперников, присвоив себе право именоваться единственно «истинными» и правоверными марксистами в языкознании³²⁶. Успешному утверждению марризма способствовали мероприятия советских властей по кодификации национальных языков и письменности, выработке национальных алфавитов, в которых активно участвовали сторонники Н.Я. Марра.

«Новое учение о языке» сформировалось не сразу. Начав с основательного изучения грузинского языка и его генетических связей, Марр выдвинул «яфетическую теорию», которая первоначально представляла собой лишь попытку доказать родство кавказских языков с семитическими. (Отметим, что в 1960-е гг. эта плодотворная идея была развита и преумножена В.М. Иллич-Свитычем и его последователями в «ностратическом» языкознании³²⁷.) Но постепенно Марр придал этой теории не только общелингвистический, но и «социально-формационный» характер. Согласно его «новому учению о языке», язык — надстроечная категория и классовое явление. Провозгласив единство глоттогонического процесса, он утверждал, что все языки мира берут начало якобы от так называемых четы-

рых элементов (*сал, бер, йон, рош*) и в дальнейшем развиваются стадийно, посредством взрывов прежней структуры в ходе социального развития. В июне 1950 г. развернувшаяся с подачи И.В. Сталина дискуссия по вопросам языкознания вскрыла антинаучный характер «учения» Марра, отлучив его от марксизма, однако, попытки внедрения последнего в лингвистику, правда с меньшим нажимом, продолжались³²⁸.

В 1930-е гг. последователи Марра в рамках провозглашенной партией большевиков неустанной борьбы с «многочисленными врагами пролетариата» настойчиво акцентировали внимание на коренных отличиях материалистического языкознания от «буржуазного» сравнительно-исторического языковедения, «продолжающего идти по пути обособленного исследования отдельных языковых семей с их мнимым изначальным праязыком в основе»³²⁹. При этом компаративистике приписывалась «расовая исключительность» и «умалчивание» вывода о «равноправии всех языков мира». По словам Н.Я. Марра, советская лингвистика, «обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданиями только различных эпох. Каждая „расовая семья языков“ оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы»³³⁰.

Продолжатель «дела» Н.Я. Марра академик И.И. Мещанинов демагогически утверждал: «Языкознание, по мере углубления советских лингвистов в изучение основных высказываний классиков марксизма-ленинизма, все более и более выходит из своей узкой специализации и смыкается в своем изучении с историческим обществоведением. Сам языковой материал, при таких условиях, воспринимается, с одной стороны, как исторический факт, а с другой — как исторический источник. Разрыв с индоевропейской школой языкознания оказался полным и в методологических путях и в целевой постановке». Конечной целью советского языковедения, по его мнению, является «обслуживание идущего в СССР языкового строительства, неразрывно связанного со строительством социалистического общества. Для этого изучается настоящее состояние языка и его прошлое. Для советского лингвиста становится неприемлемым и непонятным утверждение буржуазных представителей науки о том, что „единственным и истинным объектом лингвистики (по утверждению Ф. де Соссюра в „Курсе общей лингвистики“ 1916 г. — М., Д.) является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя“»³³¹.

В свете этих высказываний становится понятен негативный пафос академика Н.С. Державина относительно традиционной славянской филологии, проявленный не только в 1930-е гг., но отчасти сохранившийся и в военное время. И в 1942 г. он продолжал обвинять западную славянскую филологию в «формализме» и приверженности компаративизму, необоснованно заявляя, что «индоевропейская теория, несомненно, послужила благодарной почвой для выращивания на ней великодержавных тенденций и расовых теорий»³³². Подобные заявления отнюдь не способствовали реабилитации филологической славистики в СССР. Но парадокс заключался в том, что сам Державин именно в это время активно боролся за ее возрождение. Выход он видел в том, чтобы, отказавшись от «дурного» наследия западной и дореволюционной славянской филологии, перейти на рельсы марксистского языкознания. Он заявлял, что «филологическому формализму, идеализму и метафизике» советская наука противо-

поставляет «исторический материализм, марксистскую диалектику», которые в области славянской филологии воплотились, по его мнению, в «новом учении о языке» академика Н.Я. Марра, отвергнутом впоследствии в нашем языкознании за его научную несостоятельность³³³.

Большинство же языковедов-славистов не принимало марризм, так как он противоречил фундаментальным основам классического языкознания.

Итак, самым крупным филологом-славистом, последователем «нового учения о языке» Н.Я. Марра, отрицавшего генетическое родство славянских языков и внутренние законы его развития, был академик Н.С. Державин. Как профессор-славист ЛГУ, ЛИФЛИ и МГУ, он находился в сложном положении, так как должен был читать традиционные курсы «Старославянский язык», «Сравнительная грамматика славянских языков» и др., которые теряли свои предметные основы и «рассыпались» при использовании марровского учения. Только в курсе «Введение в славянскую филологию» он мог отчасти генерировать «новые идеи» и предаваться марровским фантазиям.

Тем не менее, в печатных работах он позволял себе эксперименты в интерпретации известных фактов в духе марризма. Так, в статье «Наука на службе империализма» (своего рода рецензия на труд эмигранта С.М. Кульбакина «Старославянский язык с лексической точки зрения», опубликованный в 1930 г.) Державин применил «классовый» подход в толковании происхождения старославянского языка. Он утверждал, что язык, канонизированный Кириллом и Мефодием, это язык «высших, командных классов македонской солунской славянской общности»³³⁴, к которому принадлежали просветители по своему рождению, воспитанию и политической карьере. Язык окрестного сельского славянского населения от него отличался. Таким образом, старославянский язык «с его развитым флективным строем», по Державину, являлся языком господствующего класса, но, тем не менее, он называл его «нормативным славянским национальным языком»³³⁵. Однако подобные заявления о «классовости» старославянского языка, к счастью, не влияли на основы его практического преподавания.

Как маррист, Державин отрицал генетическое родство южных славянских языков с другими славянскими языками и существование общего для них «праязыка», вместо этого он говорил о стадильном развитии языков. «Согласно его взгляду, — писал С.Б. Бернштейн, — южные славянские языки представляют собой новую стадию в развитии древнейших, автохтонных языков Балканского полуострова. Фракийские и иллирийские племена представляли собой „эмбриональное состояние будущих народов полуострова — славян, румын, албанцев, находившихся в процессе становления в социально-структурном, этнографическом и языковом отношениях“. Пользуясь элементарным анализом, он утверждал, что можно говорить уже „о несомненной наличности известной стадильно-преемственной связи между языком фракийским и южнославянским“»³³⁶. Понятно, что подобные утверждения не способствовали выяснению истины в трудном вопросе о происхождении языков народов Балканского полуострова.

Кроме Н.С. Державина более или менее последовательных марристов среди филологов-славистов было немного. При этом они, пережив «детскую болезнь» увлечения «новым учением о языке», возвращались на позиции классического языкознания, поняв бесперспективность дальнейших разработок в данном направлении.

Так было с ленинградским филологом-славистом С.С. Советовым. Воспитанник Ленинградского университета (окончил отделение языковедения ФОН ЛГУ в 1926 г., где в то время преподавали Н.С. Державин, М.Г. Долобо, В.Г. Чернобаев), в молодые годы

он тоже отдал дань марризму. В 1938 г. Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра выпустил сборник статей «Памяти академика Н.Я. Марра (1864–1934)». В нем приняли участие многие известные советские лингвисты, и далеко не все из них заявили в сборнике о своей приверженности «новому учению о языке». Так, слависты С.П. Обнорский (статья «Префикс „без“ в русском языке») и И.И. Толстой (статья «Связанный и освобожденный Силен») написали свои работы с позиций классического языкознания и не цитировали Н.Я. Марра, К. Маркса и пр., чтобы показать свою «марксистскость». Напротив, С.С. Советов написал свою статью «Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словенских сказках» как раз по канонам марризма. По заветам Н.Я. Марра, он говорил о «необходимости вскрывать в сказках происхождение отдельных мифологических образов, являющихся пережитками конкретного мышления древнейших стадий в истории человеческого общества, мышления, отражавшего материальное производство на различных ступенях его развития»³³⁷. В своем анализе он исходил из методологической установки Марра на сведение образов космизма к простым элементам. В то же время С.С. Советов проявил известную изобретательность в сопоставлении образов «огня» и «воды» в русских, словацких и южнославянских сказках, показав глубокое знание предшествующей литературы (труды А.Н. Веселовского, Л. Леже, В.И. Даля, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, Л. Стояновича, А.Г. Шкультеты и П. Добшинского, М. Хостника и др.), однако, пришел, опираясь, прежде всего, на Марра, к чересчур социологизированным выводам. «Первоначальный образ 'огня' и 'воды', проходя различные стадии в хозяйственном развитии человеческого общества и связанной с ним техники мышления, изменяет свой облик, принимает новые очертания...; однако, несмотря на свою трансформацию, сохраняет в себе еще пережитки древнейших стадий человеческого мышления»³³⁸. Эта социологизированная накрученность «палеонтологии фольклорных сюжетов» должна была закамуфлировать простое и ясное заключение: «вода» освобождает из оков «змея», «дракона» — этого властителя подземного водного царства, который, оказывается, воплощал в себе не только понятие 'воды', но также и понятие 'огня'. Свою статью автор заканчивает цитатой из Н.Я. Марра, должной свидетельствовать о приверженности к историческому материализму. Дело, оказывается, не в огне и воде, а в противоположности «стихии — материи, явно производственно-общественному выявлению природы в осознании коллектива эпохи» (выделено нами. — М.Д.)³³⁹.

В дальнейшем С.С. Советов отошел от марризма, сосредоточившись на изучении литературного языка произведений А. Мицкевича, внося заметный вклад в изучение истории польской литературы, изучал также вопросы поэтики, языка и стиля не только польских, но и сербских и русских писателей, заслужив уважение коллег³⁴⁰. Таковы его статьи «К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке» и «Стилистическое осмысление мужско-личных и „предметных“ окончаний в поэтическом языке „Гражины“ Мицкевича», опубликованных в разгар кампании борьбы с космополитизмом в 1949 г.³⁴¹. Первая статья представляла часть его кандидатской диссертации, вторая — подготовляемой (но не защищенной) докторской. Статьи имели чисто научное значение и не имели «родимых пятен» этого страшного времени³⁴².

Несколько иначе случилось с Л.В. Матвеевой-Исаевой. Пройдя в 1920-х гг. классическую лингвистическую школу М.Г. Долобо, который в своих лекциях по сравнительной грамматике славянских языков уделял большое внимание акцентологии, и опубликовав монографию «Закон Фортунатова–де Соссюра»³⁴³, она увлеклась учением Н.Я. Марра. В статье «Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологиче-

ской системе» (1931)³⁴⁴ автор обнаружила древние «отложения» в славянских языках с помощью данных китайского языка³⁴⁵. В статье содержались нападки на индоевропейское языкознание. Автор пришла к «марристскому» выводу о том, что «система акцентуации славянских языков вплотную подводит к вопросу об их стадиальности».

После лингвистической дискуссии 1950 г. Л.В. Матвеева-Исаева попыталась снова вернуться к прежним методам работы, но, как отметил С.Б. Бернштейн, «это не дало положительных результатов». Данное суждение представляется нам несколько предвзятым. Отход от марризма наметился в докторской диссертации ленинградского филолога «Основы синтаксиса славянских языков» (1947). В дальнейшем, после ее смерти были опубликованы «Лекции по старославянскому языку» (Л., 1958), выполненные по классическим канонам сравнительно-исторического языкознания. Их она читала на кафедре русского языка ЛГУ с 1949 г. Но, безусловно, увлечение марризмом не могло не сказаться на имидже ученого и степени продуктивности ее работы.

Развитие традиционного славянского языкознания. Державину как мог противостоял славист «старой школы», вернувшийся из ссылки и переживший в 1938 г. горечь лишения звания члена-корреспондента АН СССР (а значит и определенных материальных льгот, например, удовлетворительного решения квартирного вопроса, важного для нормальной научной работы) А.М. Селищев, известный специалист по сравнительной грамматике славянских языков, болгарской диалектологии, ономастике, литературе и этнографии славян. Для обучения возрождающейся славянской филологии требовались учебные пособия. Эта работа и была поручена ученому Наркомпросом. Он задумал капитальный труд под общим названием «Славянское языкознание». Его основу составляли курсы по истории и диалектологии славянских языков, которые Селищев читал многие годы в Казанском и Московском университетах. Первый том посвящался западнославянским языкам. В вводной статье давалась общая характеристика различных периодов общественно-политического развития и в связи с этим картина языковой дифференциации славянских племен. В четырех разделах учебника анализировались языки чешский и словацкий, лужицкий, польский с кашубским и мертвые языки полабских славян. «Каждый из этих разделов, — писал Н.А. Кондрашев, — содержит очерки политической и культурной истории данного народа и истории языка, перечень памятников письменности, орфографии, грамматику современного литературного языка, образцы литературных и диалектных текстов со словариком к ним. Каждая глава сопровождается подробными биографическими указаниями»³⁴⁶. Этот том труда Селищев опубликовал в 1941 г. в канун Великой Отечественной войны. Ученый до самой смерти (декабрь 1942 г.) работал по данным принципам и над следующими томами. Подготовленный вчерне том, посвященный южнославянским языкам, после кончины ученого не был издан. Учебник по старославянскому языку, напротив, опубликован стараниями учеников в начале 1950-х гг.³⁴⁷

Таким образом, студентам, специализирующимся по западнославянским языкам, можно сказать, повезло — они получили надежное и квалифицированное руководство по своему предмету. Н.А. Кондрашев, выпустивший позднее свое учебное пособие по славянским языкам, с полным основанием указывал: «Анализ книги показывает, что проф. Селищев сумел в сжатой форме сообщить важнейшие сведения о западнославянских народах, памятниках их письменности, о формировании литературных языков, современном состоянии славянских языковых групп, представить историю

языковых семей и важнейшие черты диалектов. Труд Селищева является той же сравнительной грамматикой, но с расположением материала применительно к отдельным славянским языкам»³⁴⁸.

Селищев был человеком своей эпохи. Он написал политизированное введение к своему пособию, за которое его «гнусно» (по выражению С.Б. Бернштейна) критиковал Н.С. Державин в письме С.Б. Бернштейну от 27 июня 1948 г., в частности заметив: «Мы его знаем как довольно темного человека, ввиду чего, между прочим, ему в свое время было отказано в просьбе включить в состав сотрудников Института славяноведения. Мы его знали как сербофила, переметнувшегося впоследствии в болгарский лагерь»³⁴⁹. С.Б. Бернштейн собирался написать критическую рецензию на эту книгу, но Р.И. Аванесов в письме от 10 февраля 1942 г. отговорил его не усугублять ею трудное «внеакадемическое» и поднадзорное положение Селищева³⁵⁰. Л.А. Булаховский также не опубликовал свою рецензию, как ранее планировалось. Однако нам все же удалось найти публицистический отзыв на книгу А.М. Селищева, принадлежащий перу «партийного» языковеда Т.П. Ломтева. Этот отзыв является своего рода некрологом московскому профессору, хотя автор на месяц «убыстрил» его кончину, назвав ноябрь вместо 6 декабря 1942 г. Ломтев справедливо оценил труд ученого, назвав его «капитальной работой», «обширным и ценным трудом», который «не имеет себе равного ни в русской, ни в зарубежной литературе по славяноведению и принадлежит к числу лучших явлений советской филологии»³⁵¹. Он обозначил общий масштабный замысел книги: «В изданный первый том вошли курсы западнославянских языков. Второй том должны были составить курсы южнославянских языков, третий том — курсы восточнославянских языков; работа в целом должна была, по замыслу автора, представлять собою свод последних научных достижений в славяноведении»³⁵². Примечательно, что в 1943 г. Т.П. Ломтев, всегда следовавший за «линией партии», высоко оценил сравнительно-исторический труд Селищева, признав его несомненный вклад в отечественную науку. Но все же, не вдаваясь в подробности научного содержания книги, автор подчеркнул ее, прежде всего, «общественно-политическую значимость», которая заключалась в том, что ученый на лингвистическом материале показал «единство славянских народов». «Автор, — писал Ломтев, — со всей отчетливостью показал силу и мощь славянства и славянской культуры в борьбе против иноземных агрессоров. Автор навсегда связал свое имя с освободительной борьбой славян против гитлеровских захватчиков»³⁵³.

Так неожиданно сугубо научно-учебная книга Селищева приобрела общественно-политическое звучание. Т.П. Ломтев справедливо отметил патриотический порыв ученого, который, забыв про все гонения, смело заявил в первые дни войны: «Никогда Германии не победить нас! Ведь это же Россия! Нет, никогда немцы не будут владеть русской землей!»³⁵⁴ Действительно, стремясь внести свой посильный вклад в дело Победы, А.М. Селищев выразил свой патриотизм в публицистических статьях «Извечная борьба славян против немецких варваров» (1941) и «Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру» (1943), опубликованных в журнале «Славяне»³⁵⁵.

Следует отметить, что жесткое идеологическое планирование науки в годы войны мало коснулось разработок по славянскому языкознанию. Языковедов-славистов было чрезвычайно мало, они работали индивидуально, в соответствии со своими научными интересами и патриотическими порывами. То немногое, что планировалось в 1939 г. в ИЯМе (составление словаря старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков), в условиях войны не удалось реализовать.

В связи с этим довольно трудно выделить (как, например, в исторической науке) какие-либо особые направления научных исследований, в которых бы последовательно участвовал ряд авторов.

Но все же потребности войны коснулись и славянского языкознания, прежде всего его практической стороны. По мере продвижения наших войск к западным границам и на территорию Восточной и Центральной Европы все сильнее стала ощущаться потребность в переводчиках со славянских языков и словарях. Для нужд возобновленного вузовского преподавания славянской филологии также остро требовались учебники. И наши немногочисленные слависты с этой задачей с честью справились.

В 1939 г. впервые был издан «Польско-русский словарь» под редакцией Б.Т. Мархлевской и М.Ф. Розвадовской. Его сопровождал грамматический очерк польского языка, написанный профессором В.Г. Чернобаевым. Последний в следующем году опубликовал свой «Русско-польский словарь», насчитывающий 50 тыс. слов. Его 3-е издание состоялось в 1946 г. Подобный словарь в 65 тыс. слов выпустил И.Х. Дворецкий (1 изд. 1940, 3 изд. 1948).

Болгарский политэмигрант И.Г. Кара-Иванов подготовил в 1944 г. «Русско-болгарский словарь» в 25 тыс. слов. Его тщательно редактировал С.Б. Бернштейн. Последний вместе с болгарскими коммунистами Т.С. Лукановым и Е.П. Тиневой в 1947 г. выпустил в свет «Болгарско-русский словарь». Работавшая в МГУ под началом С.Б. Бернштейна сербская политэмигрантка Р.И. Григорьева составила вместе с М.М. Ильиной «Русско-сербский словарь» (1946). В первые послевоенные годы (1947) было издано два русско-чешских словаря: под редакцией Т.Г. Брянцева и др. в 25 тыс. слов и под редакцией профессора П.Г. Богатырева в 30 тыс. слов. К нему прилагался краткий грамматический очерк чешского языка, составленный С.Б. Бернштейном. Таким образом, в 1940-е гг. прошлого века слависты располагали словарями практически по всем славянским языкам и даже (кроме сербско-русского и чешско-русского) в прямом и обратном вариантах.

Что касается учебников по отдельным славянским языкам, то кроме пособия А.М. Селищева в 1947 г. был издан учебник «Польский язык» И.Х. Дворецкого, а в 1948 г. — «Учебник болгарского языка» С.Б. Бернштейна, которые вместе с «Грамматикой болгарского языка» болгарского лингвиста Л. Андрейчина (1949, в переводе В. Бородич) долгое время служили верой и правдой молодому поколению славистов. Учебник чешского языка А.Г. Широковой, а также учебники сербохорватского языка, выпущенные в ЛГУ, а также В.П. Гудковым в МГУ, вышли в свет много позднее.

И все же в некоторых областях славянского языкознания проводились серьезные научные исследования вне зависимости от политической конъюнктуры. Прежде всего, речь идет о С.Б. Бернштейне, который, по справедливому утверждению известного русиста и слависта-эмигранта А.В. Исаченко соединял в себе «качества талантливого педагога, оригинального лингвиста, добросовестного филолога и темпераментного исследователя»³⁵⁶. Выпускник МГУ (где обучался на цикле южных и западных славян у А.М. Селищева), он окончил аспирантуру ленинградского Государственного института речевой культуры и защитил в 1934 г. кандидатскую диссертацию «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.». Главным направлением его деятельности стало изучение болгарских говоров и истории болгарского языка. В этой области он выступал как исследователь-новатор и как инициатор и организатор важных научных исследований синхронического и диахронического плана. Он показал перспективность изучения болгарского языка от современного его состояния (включая народные говоры) «к

новоболгарскому языку дамаскинов XVII–XVIII вв., отражающему многие особенности речи тех столетий, а от него — к данным памятников письменности XIV–XV вв. (в частности, валашских грамот), а затем и к более ранним этапам»³⁵⁷.

К рассматриваемому нами периоду относится его капитальное исследование «Язык валашских грамот», защищенное в ИРЯ в 1946 г. в качестве докторской диссертации. В 1948 г. оно вышло в свет в виде монографии «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». По справедливому заключению Р.И. Аванесова, «труд С.Б. Бернштейна является первым исследованием в этой области. В нем он рассмотрел широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки обычных лингвистических исследований: проблемы этнических и языковых взаимоотношений на территории Дакии, вопросы возникновения письменности в Валахии, филологическая критика исследуемых текстов (выделение сербских и болгарских элементов). И лишь после этого автор обратился к собственно языковым вопросам — изучение глагола и системы именного и местоименного склонения. Результаты исследования внесли существенный вклад не только в историю болгарского языка, но также и в изучение так называемого славянского периода в истории румынского народа и языка. Книга является также крупным вкладом в балканистику. Характерная особенность этого труда — органическая связь истории языка с историей народа»³⁵⁸.

В 1934–1938 гг. С.Б. Бернштейн заведовал кафедрой болгарского языка и литературы Одесского гос. педагогического института и кафедрой языкознания Одесского гос. университета (1937–1939). К этому времени он организовал первые диалектологические экспедиции в болгарские села Северного Причерноморья и Крыма (с участием студентов) и опубликовал начальные результаты своих изысканий в статье «Болгарские говоры Украины»³⁵⁹, обратив особое внимание на ольшанский говор, и др. Продолжая исследования болгарских говоров на территории бывшей Российской империи, начатые Н.С. Державиным в двухтомном труде «Болгарские колонии в России» (1914–1915)³⁶⁰. С.Б. Бернштейн значительно превзошел своего старшего коллегу, во многом уточнив сделанные им выводы. Державин имел возможность провести довольно поверхностные наблюдения (хотя впервые применил фонограф) над языком болгар Приазовья, Херсонской губернии и частично Бессарабии (в трех пунктах) и смог сгруппировать их не по отличительным признакам (сопоставимым с говорами самой Болгарии), а только по губерниям (Бессарабская, Таврическая, Херсонская). Таким образом, Державин, ограничившись «наблюдениями над отдельными случайно выбранными говорами», не сумел верно определить, по заключению С.Б. Бернштейна, диалектный тип болгарских говоров России и установить связь между ними. Отсюда он пришел к неправомерному выводу, что эти говоры представляют собой «бессистемный конгломерат отдельных разнородных диалектологических ячеек»³⁶¹.

После войны С.Б. Бернштейн уже как профессор МГУ и зав. сектором филологии Института славяноведения АН СССР организовал фронтальное полевое исследование болгарских говоров на территории СССР (Молдавия, Приазовье, Крым) в ряде возглавляемых им научных экспедиций рубежа 40–50-х гг. XX в. Ему вместе с молодыми коллегами удалось систематизировать болгарские говоры на территории СССР и, сопоставив с говорами балканских болгар, установить их происхождение, выделив при этом единые и смешанные разновидности. Болгаристы пришли к конечному выводу: «На территории Советского Союза мы имеем семь различных групп болгарских говоров: чувшмелийскую (шуменскую), чийшийскую, ольшанскую (алфатарскую), балканскую (ѵ- и о- диалекта), фракийскую, восточнородопскую и западноболгарскую. Таким обра-

зом, наиболее полно представлены говоры восточной Болгарии»³⁶². Результатом многотрудных исследований стало осуществленное под руководством С.Б. Бернштейна капитальное и первое в своем роде издание «Атласа болгарских говоров СССР» (М., 1958). Как первый опыт картографирования болгарского диалектного материала этот труд сыграл важную роль в работе по составлению атласа говоров на территории самой Болгарии. Понятно, что С.Б. Бернштейн также принимал непосредственное участие в составлении «Болгарского диалектологического атласа» (София, 1964. Т. 1)³⁶³.

В первые послевоенные годы С.Б. Бернштейн занялся изучением проблем македонского языка, продолжив исследования своего учителя А.М. Селищева. В отличие от него³⁶⁴ ученый пришел тогда к убеждению, что македонский язык приобрел статус самостоятельного южнославянского языка, отличного как от своего «прародителя» болгарского, так и от «близкого родственника» сербского. В течение 1947 г. он упорно работал над монографией «Македонский язык». 25 апреля С.Б. Бернштейн записал в своем дневнике: «Работаю над монографией с большим подъемом. К сожалению, нет в моем распоряжении источников, на основе которых я мог бы охарактеризовать орфоэпические аспекты. В центре описания грамматики нового языка будет стоять морфология. Специальная глава посвящена анализу языка Мисиркова. В книге будет хрестоматия и македонско-русский словарь к текстам хрестоматии»³⁶⁵. 2 декабря он завершил работу над рукописью³⁶⁶. В мае 1948 г. вышла в свет статья С.Б. Бернштейна «Македонский язык», своего рода автореферат законченной монографии³⁶⁷, в котором он раскрыл содержание шести глав книги, указав, что в ней решается вопрос «о месте македонского языка среди других южнославянских языков», содержится «описание фонетической и морфологической природы нового литературного языка. Описание сделано на основе оригинальных произведений македонских поэтов и писателей, а также языка газет с привлечением материала из диалектологических текстов». Кроме того, освещается полемика по отдельным вопросам с создателями нового литературного языка, центральное место в которой автор уделяет представлениям о «форме третьего лица единственного числа глаголов настоящего времени». В книге дается краткое описание отдельных, интересных в фонетическом и морфологическом отношении фрагментов газеты «Вардар», выходившей в Одессе в 1905 г. на македонском языке. Бернштейн стремился также показать, что сделано русскими славистами (В.И. Григоровичем, П.А. Лавровым, В.Н. Щепкиным, Г.А. Ильинским, Н.С. Державиным и особенно А.М. Селищевым) в изучении македонских говоров и языка старых македонских памятников письменности. В заключение ученый рассматривал актуальные вопросы современного теоретического и практического изучения македонского языка: необходимо создать серьезный научный курс македонского языка, начать подробное экспериментальное изучение законов литературного языка, на основе которого можно составить обстоятельный орфоэпический очерк, приступить к составлению большого толкового словаря и небольших двуязычных словарей, начать работу над атласом македонских говоров и т.д.³⁶⁸.

В июне 1948 г. академик С.П. Обнорский согласился редактировать эту книгу, названную теперь «Очерки по македонскому языку», дав в августе на нее положительный отзыв. Ранее (весной 1948 г.) книга была утверждена к печати на Ученом совете Института славяноведения. Директор Института, академик Б.Д. Греков (еще в ноябре 1947 г.) обещал, что «книгу будут набирать молнией» к готовившемуся в апреле съезду славистов в Москве³⁶⁹. Но обострение отношений с Югославией летом 1948 г. надолго поставило изучение македонской проблемы в ряд запретных тем советского славяноведения.

Тем большего внимания заслуживает статья С.Б. Бернштейна «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке», опубликованная в канун югославских событий³⁷⁰. В то время в республике Македония, входившей в состав Югославии, остро стоял вопрос о нормализации македонского литературного языка, отличного от болгарского. Как известно, македонский язык относится к числу сравнительно молодых южнославянских языков. Он сформировался только в конце XIX в. на общей основе болгарского языка. С.Б. Бернштейн отмечал, что юго-восточные говоры Македонии носят «следы влияния говоров сербских», а восточные — сильно болгаризированы. Сербизированный «скопско-велесский говор» группа македонских патриотов эпохи национального возрождения стремилась положить в основу нового литературного языка, чтобы отмежеваться от болгарского, что неизменно вызывало протест болгар и жаркие дискуссии.

С.Б. Бернштейн занял в этом споре, по нашему мнению, нейтральную и взвешенную позицию, не потакая претензиям ни болгаро-, ни сербофилов. По вопросу о том, какие македонские говоры следует положить в основу македонского литературного языка, к нему, как специалисту, осенью 1944 г. обратился председатель Антифашистского собрания Народного освобождения Македонии Д. Влахов. Бернштейн изложил свою позицию. Он писал: «Перед строителями новой национальной культуры на Балканах стоит задача создания нового литературного языка, языка близкого народным массам Македонии... Велесско-скопские говоры не могут быть использованы при создании нового литературного языка... При выборе говора нужно обязательно учитывать то, что новый язык должен быть наделен и такими особенностями, которые оправдали бы его существование. Таким говором может быть только центральный говор, занимающий значительную территорию Македонии (Битоля, Поречь, Прилеп). К этому говору очень близки говоры охридской группы; они также должны быть учтены при создании нового литературного языка. Эти говоры имеют старую книжную традицию, восходящую еще к деятельности Климента (Охридского. — М., Д.)»³⁷¹.

С мнением Бернштейна солидаризировался ряд ведущих македонских языковедов — Вылко Марковский, Блаже Конеский и др. В основу нормализации македонского литературного языка были положены именно центральные говоры, наиболее ярко отражающие особенности этого языка³⁷². Но в конце 1940-х гг. этот процесс далеко не завершился, нормы орфографии только вырабатывались. Язык газет был «полон противоречий и разных несообразностей». В первой половине 1945 г. Министерство народного просвещения Македонии организовало «Комиссию языка и орфографии» для решения всех спорных вопросов. С.Б. Бернштейн предпринял попытку внести свой посильный вклад в нормализацию македонского языка. В своей статье, тщательно проанализировав историю употребления глаголов 3 л. ед. ч. в центральных говорах, языке ранних македонских книжников и писателей XIX в., ученый стремился доказать, что правомерно употреблять здесь формы на *-т*, а не на гласную основу³⁷³, как в языке современных газет.

Не принимал марровское «учение» и выдающийся украинский лингвист, член-корреспондент АН СССР Л.А. Булаховский, профессор Пермского, Харьковского и Московского (1943–1946) университетов, будущий директор Института языковедения АН УССР (1945–1961) в Киеве. В его многочисленных исследованиях большое место занимали южнославянские языки. В частности, он изучал старокрымский болгарский говор — единственный родопский говор на территории СССР — и послал статью о

нем в неопубликованный сборник в честь 70-летия Н.С. Державина, подготовленный к печати в 1949 г.³⁷⁴. Главным направлением его исследований стали проблемы славянской акцентологии. «В течение всей своей научной жизни, — писал С.Б. Бернштейн, — Булаховский постоянно интересуется вопросами грамматической аналогии, которую он исследует на материале различных славянских языков. Специально болгарскому языку посвящена работа „Славянские атематические глаголы“ (1940). Автор анализирует формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, формы имперфекта, аориста, повелительного наклонения и причастия»³⁷⁵. В этом направлении ученый работал и в 1950-е гг., издав монографии «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950) и чешскому языку (Киев, 1953). По заключению Н.А. Кондрашова, Л.А. Булаховский «сделал значительный вклад в изучение славянской акцентологии (вышедшие работы составляют часть большого подготавливаемого им труда „Введение в славянскую акцентологию“) и истории славянских литературных языков»³⁷⁶.

Академик В.В. Виноградов поднял важный вопрос об изучении общего лингвистического фонда в структуре славянских языков, который осветил в специальной статье 1946 г.³⁷⁷. Ученый дал обзор мнений о проектах и попытках создания «всеславянских» словарей А. Шлейхера, И.И. Срезневского, Ф. Миклошича, А. Брюкнера, А.С. Будиловича, Р. Траутмана (восстановление славяно-балтийского лексического фонда), А.М. Селищева и др. и пришел к заключению о важности решения поставленной проблемы на основе сравнительно-исторического изучения славянских языков. Он писал: «Исследование разных исторических взаимодействий славянских языков (напр., русского и болгарского, сербского, русского и польского и т.д.) поможет определить новые пласты лексической общности между разными славянскими языками и соответствия между ними в процессе семантических изменений и в методах словообразования. В этом направлении представляют особенный интерес наблюдения над течением сложного процесса формирования национальных языков у отдельных славянских народов и над той внутренней семантической опорой, которую находили при этом отдельные славянские народы в лексической сокровищнице другого языка (напр., болгары и отчасти чехи в русском языке)»³⁷⁸.

В 1940-е гг. состоялись защиты ряда кандидатских и докторских диссертаций по вопросам славянского языкознания. В 1940 г. в Ворошиловграде защитил кандидатскую диссертацию украинский лингвист С. Самойленко «Категория персональности и неперсональности в славянских языках», в 1942 г. — московский языковед П.П. Свешников «Продуктивность конъюнктивных конструкций в балканских языках», в 1943 г. — ленинградский филолог С.С. Советов «Язык ирои-комической поэмы как фактор развития польского литературного языка во второй половине XVIII в.», в 1944 г. — московский богемист А.Г. Широкова «Восточнословацкие говоры Земплинско-Унгского комитета», в 1946 г. — ленинградский филолог А.Л. Каплан «Чешско-польские культурные взаимоотношения и их отражение в польской письменности раннего Средневековья», в 1949 г. — московский словакист Н.А. Кондрашов «Категории личности и неличности в словацком языке»³⁷⁹.

Докторских диссертаций по славянскому языкознанию было защищено всего три — упомянутые С.Б. Бернштейна (1946), Л.В. Матвеевой-Исаевой (1947) и В.П. Петруся «Славянская фонематическая структура типа **tolt, *tolt*» (1945). С.Б. Бернштейн выступал на последней защите в качестве оппонента. Он отметил в своих мемуарах: «В целом автор не вносит существенно нового во всю проблему (изучаемую ранее

П.А. Лавровским, А.А. Потебней, А.А. Кочубинским. — М., Д.), но интересно освещает историю этой фонемы в некоторых диалектах. Есть новые и поучительные сопоставления. Праславянскую часть диссертант не затрагивал, даже не пользовался термином „праславянский“, что можно понять при современных обстоятельствах. Следует учесть, что Петрусь работает в провинции, а там марризм силен. У меня было много критических замечаний, но и я, вслед за Державиным и Обнорским, дал общую положительную оценку. Петрусь в свое время жил и работал в Киеве. Был арестован, какой-то срок провел в лагерях, а теперь живет и работает в Кирове. Девятью голосами против двух Петрусь получил степень доктора»³⁸⁰. Одна из глав этой диссертации позднее была опубликована в виде статьи «К вопросу о происхождении фонетической формы лексем *pólk* и *towa* в польском языке»³⁸¹.

Проблема отношения к научному наследию в свете и идеологических кампаний. Логической тенденцией развития послевоенной науки являлось закрепление признания научного наследия предшественников — именитых русских языковедов — в современном языкознании. Этому способствовала «русоцентристская» кампания 1944 г.³⁸² и широкое празднование 220-летия Академии наук. Казалось бы, по логике вещей, этому должна была содействовать и кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом». Но на практике в последнем случае произошло иначе.

21 мая 1946 г. еще до печально знаменитого августовского постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы в АН СССР состоялось совместное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка, посвященное памяти корифея отечественной науки, академика А.А. Шахматова по случаю 25-летия со дня его смерти. А.А. Шахматов вошел в историю отечественной науки как выдающийся исследователь русского языка, его говоров, древнерусской литературы, русского летописания, проблем русского и славянского этногенеза и пр. С докладами на заседании выступили филологи: академик С.П. Обнорский и профессор В.В. Виноградов, а также историк, профессор М.Н. Тихомиров. Примечательно, что открыл заседание маррист, академик И.И. Мещанинов, который вынужден был подчеркнуть, что научные труды ученого «оставили глубокий след в нашей науке»³⁸³. В докладе С.П. Обнорского, зачитанном, ввиду его болезни, К.И. Былинским, говорилось о значении А.А. Шахматова как историка русского языка. Автор сделал ряд важных заявлений. Во-первых, он признал, что ученый вместе с А.И. Соболевским «заложил прочный фундамент наших современных знаний о русском языке», что «изучение русского языка после Шахматова идет по путям, им проложенным»³⁸⁴. Во-вторых, через Шахматова признавалось наследие основоположника московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатова, внесшего значительный вклад в развитие общего и сравнительно-исторического языкознания. (Именно эта школа постоянно подвергалась нападкам марристов!) В докладе же, напротив, указывалось: «От Ф.Ф. Фортунатова Шахматов унаследовал глубокою общую лингвистическую подготовку — знание сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков»³⁸⁵. В-третьих, признавались заслуги Шахматова в исследовании русских говоров, в разработке программы по их изучению, по которой работала известная Московская диалектологическая комиссия. В-четвертых, Обнорский признал вклад ученого в публикацию памятников языка и культуры и их критическое исследование: «Его методология и методика публикации и исследования памятников состави-

ли целый этап в науке»³⁸⁶. Признавая ряд недостатков Шахматова в подходе к исходным принципам и формированию исторической схемы, С.П. Обнорский дальновидно оценил масштаб научной деятельности ученого: «Здание истории русского языка, построенное Шахматовым, захватывает громадным масштабом своих перспектив, освещая и далекое прошлое и богатства современного русского языка. Оно опирается на богатый материал источников, прочный и доброкачественный, специально проверенный и критически обследованный. Деятельность А.А. Шахматова открыла новый этап в разработке истории русского языка»³⁸⁷. В этих словах заключалась высшая оценка, какую только можно было дать творчеству ученого. Абстрагируясь от марксизма и марризма, Обнорский охарактеризовал Шахматова как корифея отечественной науки, научная концепция и методология которого в основном адекватны представлениям современной науки и имеют непреходящую ценность.

Примерно в таком же ключе преподносились заслуги ученого в докладе В.В. Виноградова «Русский литературный язык в исследованиях А.А. Шахматова». Автор подчеркнул его предпочтение не синхроническим, а историческим исследованиям языка. Он показал славистический аспект трудов ученого, благодаря которым «история русского литературного языка стала одной из глав сравнительной истории славянских языков, тесно сблизилась с диалектологией русского языка, с историей языка города и с историей языка народной словесности»³⁸⁸. Виноградов изложил шахматовскую концепцию формирования русского литературного языка на основе всеобъемлющего влияния старославянского языка и «этнографического, народнорусского речевого начала» и в духе русоцентризма нарисовал свою «идиллическую» картину «мирного, но стремительного усвоения чужого, хотя и родственного славянского языка древней Русью», которое представлялось ученому выражением великих жизненных сил «русской почвы». Более критически, чем предыдущий докладчик, он оценил вклад Шахматова в разработку истории русского языка, находя в его концепции «противоречия и крайности». Виноградов, однако, признал, что он много дал современной науке в эвристическом плане, выдвинув «много новых, чрезвычайно существенных проблем и задач, не разрешенных еще современной наукой о русском языке»³⁸⁹.

В докладе М.Н. Тихомирова говорилось о вкладе А.А. Шахматова в историческую науку, в разработку проблем русского летописания, о чем речь шла ранее.

Позднее, 14 июня 1946 г., состоялось еще одно объединенное заседание ОИФ и ОЛЯ, посвященное памяти А.А. Шахматова. С докладами выступили С.П. Обнорский, Д.С. Лихачев, В.А. Чернышев, Д.Б. Бубрих, Е.С. Истрина³⁹⁰. На основе этих докладов и других материалов в 1947 г., несмотря на первые признаки постепенно начинающегося изменения отношения к научному наследию предшественников, вышел в свет сборник статей и материалов, посвященный А.А. Шахматову³⁹¹. Это было апогеем его признания в сталинскую эпоху.

Прозвучавшее на заседаниях безоговорочное признание заслуг ученого-компаративиста, поддержанное многочленной аудиторией, явилось болезненным «щелчком» по марризму, и если бы языковедению в дальнейшем позволили развиваться по традиционному пути, проложенному трудами предшественников, то, полагаем, марризм мог быть изжит эволюционным путем. Антимарристы предприняли еще несколько шагов по реабилитации сравнительно-исторического языковедения в СССР. 13 июня 1947 г. на заседании Отделения литературы и языка с «большим интересом» был заслушан доклад президента Сербской академии наук А. Белича «Природа языка и

его изучение». Более того, изложение доклада «буржуазного» ученого-компаративиста было опубликовано в «Вестнике АН СССР» (1947)³⁹². А между тем докладчик опирался (хотя и критически) на труды основоположника структурализма Ф. де Соссюра, оперируя его терминологией. У Белича быстро нашелся последователь, московский лингвист Н.С. Поспелов, напечатавший в том же году статью «Учение академика А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе»³⁹³. В июне же А. Белича избрали почетным профессором МГУ³⁹⁴. Удалось опубликовать также статью выдающегося польского структуралиста, специалиста по индоевропейскому и общему языкознанию Е. Куриловича (проживавшего тогда во Львове), который специально проанализировал проблему марровской стадиальности и пришел к выводу, что «если стадиальность в языковом развитии и существовала, то в нашем распоряжении и изложенных выше материалах она следа не оставила»³⁹⁵.

Однако марристы также не собирались отступать. Относительно притихшие в годы войны и вынужденные смириться лишь с формальным признанием истинной «марксистскости» их учения, в конце 1940-х гг. они снова перешли в наступление на традиционное отечественное языкознание. Эту «атаку» облегчили жесткие идеологические кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом, по осуждению журналов «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г., по изжитию «буржуазного объективизма», разгром генетики, философии и т.д.

Началось это постепенно с юбилеев Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, ИЯМа³⁹⁶, на которых актуализировалось значение «материалистического» направления в языкознании. Его противники причислялись марристами к «идеалистам» со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. И.И. Мещанинов выступил со статьей «Учение Н.Я. Марра о стадиальности» (1947)³⁹⁷, создав прецедент для появления серии подобных статей³⁹⁸. Эта «проблема» стала предметом обсуждения в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра в Ленинграде и его московском филиале³⁹⁹. «Стадиальность» нашли даже в трудах А.А. Потебни⁴⁰⁰. Появились работы, специально направленные против структурализма и сравнительно-исторического языкознания⁴⁰¹. В преддверии кампании против космополитизма (1948–1949) вошли в практику всевозможные обсуждения, осуждения, «суды чести» и прямая травля, справедливо названная В.М. Алпатовым «аракчеевщиной»⁴⁰². Важное значение имели доклады И.И. Мещанинова «О положении в лингвистической науке» и Ф.П. Филина «О двух направлениях в языковедении», прочтенные в Ленинграде на совместном заседании Ученых советов ИЯМ, и ЛО ИРЯ АН СССР 22 октября 1948 г. и повторенные через пять дней в московском Институте русского языка⁴⁰³. Мещанинов «в корректных тонах», а Ф.П. Филин в «некорректных»⁴⁰⁴ обвинили там М.В. Сергиевского, В.В. Виноградова и А.С. Чикобаву в критике марризма⁴⁰⁵.

Из славистов-лингвистов особенно трудно пришлось В.В. Виноградову, а также С.Б. Бернштейну. От них требовали публичного покаяния и демонстрации приверженности к «новому учению о языке». Испытывая муки морального характера, они все же дрогнули.

В.В. Виноградов — после значительного давления и травли в печати с осуждением его книги «Русский язык» (1947). Первоначально его книги на эту тему «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1938), «Великий русский язык» (1945) признавались существенным вкладом в науку⁴⁰⁶. Со статьи в «Литературной газете» Б. Агапова и К. Зелинского «Нет, это не русский язык!»⁴⁰⁷ началась огульная критика в печати⁴⁰⁸.

Сначала ученый как мог отбивался, отвергал обвинения в своем «немарксизме», мужественно заявив на открытом партийном собрании Московского отделения ИЯМа и ИРЯ в начале 1948 г., что «новое учение о языке не покрывает всех проблем, выдвинутых советским языкознанием»⁴⁰⁹. Однако затем весной 1949 г. на пике кампании «борьбы с космополитизмом» на совместном Ученом совете названных институтов он выступил все же с признанием, что «он никогда не вел борьбы против установок Н.Я. Марра в области языкознания... и впредь считает для себя необходимым теснее сблизиться с новым учением о языке» Ему «пришлось сталкиваться с трудностями в освоении материалистического, марксистско-ленинского метода научно-лингвистического мышления. Отсюда блуждания и поиски новых путей изучения русского языка, приводивших иногда к неправильным положениям»⁴¹⁰.

В области славистики «покаяние» В.В. Виноградова выразилось в статье «Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков» (1949)⁴¹¹, в которой он вынужден был заявить о своей приверженности «передовому» «материалистическому» учению о языке Н.Я. Марра и осуждению «формального компаративизма до-революционного славяноведения», а также «сравнительно-исторического схематизма буржуазного индоевропейского языкознания»⁴¹². В этой связи ученому пришлось резко осудить «порочность методологии» и «одностороннюю формально-грамматическую направленность»⁴¹³ трудов А.А. Шахматова, из школы которого он вышел.

В.В. Виноградов выступил также с критикой сравнительно-исторического метода, на основе которого всегда строил свои работы. Он, в частности, писал: «В основе этой методологии лежит метафизический принцип историко-генетического родства современных славянских языков, являющихся будто бы результатом различных эволюций одного и того же „праславянского языка“ (или „славянского праязыка“). И А.А. Шахматов, изучая явления современного русского литературного языка, старается вскрыть их „исторические корни“, сопоставляя их с однородными явлениями в других славянских языках. Истоки и причины современных русских языковых явлений оказываются сближенными с соответствующими древнерусскими и инославянскими явлениями и процессами у *своей мнимой общеславянской основы*. Конкретно-историческая сущность русского языкового процесса в его обусловленности историей материальной культуры и общественных мировоззрений — при таком абстрактном формально-лингвистическом анализе — совершенно искажается и расплывается в славянофильском и космополитическом тумане»⁴¹⁴. Оставим без комментария совместимость в данном контексте «славянофильского и космополитического тумана», навеянного, видимо, для усиления злободневности сказанного, но печальный факт формального отречения от наследия выдающегося русского ученого А.А. Шахматова был налицо.

Тем не менее, после «покаянной» преамбулы В.В. Виноградов, словно забыв о критике «буржуазного» сравнительно-исторического метода, поставил в своей статье ряд интересных и не потерявших до сих пор своей актуальности вопросов по «сравнительно-типологическому» изучению славянских литературных языков. Отдав дань высказываниям Ленина и Сталина о развитии языков в капиталистическом и социалистическом обществах, В.В. Виноградов говорил, например, о неравномерном развитии и разновременном формировании славянских национальных языков, обусловленных различными политическими и культурно-историческими условиями, в которых «протекал процесс образования национальных языков у разных славянских народов». Поэтому, справедливо считал он, и «возраст» их различен: «Крайние полюсы: русский, польский, чешский языки, с одной сто-

роны, и белорусский или македонский, с другой; промежуточные по „возрасту“: сербский, болгарский, украинский»⁴¹⁵. Формирование и развитие национальных языков он связывал «с народно-освободительными движениями, с возрождением народности в разных сферах общественной жизни, с национальным самоопределением славянских народов»⁴¹⁶. Ученый поставил проблемы «межславянского словарного фонда» и «общей интернациональной лексики в структуре современных славянских языков» (затронутые в упомянутой статье 1946 г.), тесно связав их с процессами интеграции стран «новой демократии»⁴¹⁷.

В то же время он принимал во внимание и аспекты «национализации и индивидуализации» интернациональной лексики в структуре каждого славянского языка⁴¹⁸. Виноградов выступал за сравнительно-типологическое изучение современных славянских языков «в фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом плане»⁴¹⁹, очистив его от «антиисторического» и «метафизического формализма структуралистской теории (напр., работы проф. Б. Гавранка)»⁴²⁰. Ученый считал важным учитывать проблему «функционального расслоения славянских литературных языков в течение XIX и XX веков и все усложняющегося стилевого их разнообразия»⁴²¹. Он поставил вопрос о «синхронно-диахроническом» (т. е. статико-историческом) «функционально-стилистическом изучении каждого из современных славянских языков»⁴²². Для плодотворной работы в этом направлении он считал необходимым создание хороших «дифференциальных» словарей разных славянских языков и общего «сравнительно-семантического словаря всех славянских языков», а также «сравнительно-функциональных грамматик современных славянских языков»⁴²³.

В заключение статьи Виноградов рассуждал также о необходимости изучения как «индивидуального стиля художника слова», так и языка художественной литературы в целом. При этом он говорил о важности изучения современного литературно-художественного языка славянских народов в сравнительно-типологическом плане: «Наблюдения над тождественностью или сходством средств и приемов поэтического выражения в современных славянских литературных языках, установление общих для них закономерностей в развитии форм и жанров литературного творчества, осмысление различий в системах словесно-художественной изобразительности — все это будет лишь содействовать пониманию тесного родства и общности славянских национальных культур»⁴²⁴. Завершалась статья оптимистическим прогнозом будущего всестороннего сближения славянских языков и культур СССР и стран «новой демократии», когда «семантическая структура живых славянских языков будет все полнее и шире отражать общие пути идеологии, общие культурно-политические интересы славянских народов». И при этом в духе русоцентризма утверждалось: «Великому русскому языку в этом сближении славянских языков принадлежит огромная роль. Это сближение славянских литературных языков, не затрагивая их национальной независимости, сулит им всем новую эру развития. В демократическом государстве нового типа литературный язык становится подлинным достоянием всего народа и питается жизненными соками материальной и духовной культуры всей нации»⁴²⁵.

Таким образом, несмотря на вынужденное «покаяние», В.В. Виноградов высказывал в статье интересные соображения по проблемам развития славянских литературных языков, по-своему стремясь соответствовать современным общественно-политическим установкам.

С.Б. Бернштейну также пришлось пережить нравственный надлом накануне лингвистической дискуссии 1950 г. Хотя этот случай выходит за хронологические рамки на-

шей работы, охарактеризуем его как яркий, зафиксированный в мемуарах пример состояния нравов (вопрос о конформизме) той трудной эпохи и логическое завершение идеологической кампании касательно славистики. Напомним, что к концу 1949 г. культ Марра достиг своего апогея. С начала 1950 г. началось административное преследование тех, кто еще не «покаялся» в отступлении от его «учения»⁴²⁶.

Готовилась научная сессия, посвященная Н.Я. Марру в связи с 15-летием со дня его смерти. С.Б. Бернштейн, заведовавший тогда кафедрой славянского языкознания МГУ, как последовательный противник марризма был вызван по этому поводу руководством филологического факультета. Декан Н.С. Чемоданов и его заместитель Т.П. Ломтев убеждали ученого прочесть доклад, в котором следовало показать, что он перестраивается в духе «нового учения о языке». «Никого не интересует, что ты думаешь на самом деле», — «аргументировал» сомнительное предложение Т.П. Ломтев. «Ты должен прекратить», — более весомо подкрепил аргументацию Н.С. Чемоданов, — чтение лекций по сравнительной грамматике славянских языков. Я скрываю от ректора и от министерства, что на факультете читается такой курс. В любой момент может разразиться скандал. Не буду скрывать, что это больно ударит и по мне»⁴²⁷.

Началась полоса душевных терзаний и поиска выхода. «На душе, — писал С.Б. Бернштейн в мемуарах, — чернее черной кошки. Что делать? Пренебречь советом — значит уйти из университета, вероятно, и из Института славяноведения. Ну а потом? Менять специальность уже поздно. Постепенно в душу закрадывается мысляшка — я должен подумать и о славистике. Пока она и в университете, и в Институте пропадет без меня. Я не имею права бросать ее на произвол, я отвечаю перед потомством за ее судьбу. Так постепенно возник мостик для соглашательства. Чувствую, что пойду на компромисс. Грязная свинья!!!»⁴²⁸.

Оценка ученым своего нравственного компромисса в комментариях не нуждается. Бернштейн наглядно показал внутреннюю мотивацию своего вынужденного сервизма. Отношение к докладу он выразил в следующих мемуарных записях: «Для марровской сессии состряпал доклад на тему „Проблемы изучения болгарского языка в свете нового учения о языке“. Это не представляло никакого труда, так как на сессиях подобного рода нужны крик и шум, треск и барабан, а не наука. Мы все уже давно наловчились выступать с подобного рода „научными“ докладами»⁴²⁹. О самом выступлении ученый кратко сообщил: «На днях на сессии памяти Марра читал доклад. Все мои „благожелатели“ были в восторге. Я полагал, что все закончится докладом. Однако Ломтев требует его публикации. Неужели я должен пройти и через этот позор! Пока буду тянуть всеми средствами»⁴³⁰.

Эти несколько театрализованные строки написаны С.Б. Бернштейном в 1970-е гг., когда он в полной мере осмыслил уроки эпохи господства марризма. В оригинале дневника в записи от 19 февраля 1950 г. фактически никакого нравственного осуждения своего «марристского» выступления ученым не делалось, это было тогда в порядке вещей. Он писал: «На днях (14 числа) на сессии памяти Марра в университете читал доклад „Формирование болгарского народного языка в свете нового учения о языке“. Доклад, говорят, имел успех. С большим успехом прошел доклад Виноградова. Докладчики Сердюченко и Левковская оскандалились. Мой доклад будет печататься»⁴³¹.

Следует отметить, что ни в мемуарах, ни в оригинале дневника Бернштейн ничего не писал о содержании «покаянного» доклада. В архиве ученого нам не удалось обнаружить именно этот текст, зато нашлись тексты двух других докладов, один из которых

свидетельствует, что «грехопадение» ученого случилось несколько ранее, как раз после выступления И.И. Мещанинова и Ф.П. Филина в ИРЯ. В мемуарах под 21 ноября 1948 г. он зафиксировал: «В пятницу, 19-го, делал доклад об очередных задачах славяноведения. Присутствовали все московские слависты. Председательствовал Державин. Выступало много народа»⁴³². В этой записи нет ни слова осуждения, не отмечено и какой-то «чрезвычайности» содержания доклада. А между тем он был выдержан в «погромном» духе тогдашних идеологических кампаний.

Выполняя постановление Ученого совета МГУ от 27 сентября 1948 г., призвавшего путем самокритики изучать уроки августовской сессии ВАСХНИЛ, разгромившей отечественную генетику, ученый «обрушился» на вейсманистов-морганистов как представителей «буржуазной» науки. Аналогию им он нашел в «буржуазных» лингвистах, которые «своими теориями праязыка, превосходства индоевропейских языков над другими языками, извечной обособленности одних языков от других подкрепляют расистские теории, служат и оправдывают империалистические захваты и колониальный режим. Буржуазное языкознание в отрыве от деятельности человека, от социальных условий рассматривает его лишь в плане биологическом». «С этим буржуазным языкознанием, — продолжал он, — мы должны вести такую же непримиримую борьбу, разоблачать отдельных его представителей так же решительно и принципиально, как это делают сейчас наши товарищи биологи в отношении вейсманистов».

Разоблачив вейсманистов и «буржуазных» лингвистов совсем в духе академика Н.С. Державина, Ф.П. Филина и др., С.Б. Бернштейн осудил и своих коллег, неоднократно подвергавшихся тогда критике — М.Н. Петерсона и А.А. Реформатского, обвинив их в опоре на методологию Ф.Ф. Фортунатова (выдающегося компаративиста, основоположника московской лингвистической школы) и игнорировании «достижений марксистско-ленинской методологии». За использование теории праязыка он резко критиковал своего единомышленника Л.А. Булаховского. Л.П. Якубинскому «досталось» за то, что тот в одной из статей с помощью цитат из Ф. Энгельса пытался опровергнуть «новое учение о языке» применительно к славянским языкам⁴³³.

Здесь же, как ни печально, С.Б. Бернштейн выступил с критикой своего учителя А.М. Селищева, репутацию которого достойно защищал в 1932 г. от нападок «язык-фронтцев», стремившихся в борьбе с марристами утвердить свое понимание марксизма в языкознании и выступавших против «буржуазной» индоевропеистики⁴³⁴. Он признал, что опубликование в «Докладах и сообщениях» филфака МГУ (1947. Вып. 4) выступлений памяти А.М. Селищева, сделанных в годовщину его смерти в декабре 1943 г., не отвечает современным научным требованиям. «Селищев мой учитель, — сказал Бернштейн. — Под его руководством проходила моя подготовка в области славянской филологии и балкановедения. Однако это не освобождает меня от необходимости критики, с позиций марксистско-ленинского языкознания оценить его труды по вопросам балкановедения. Это не было сделано ни мной, ни другими участниками сборника... На методологических ошибках Селищева в своих лекциях я останавливаюсь часто и подробно». Далее он полагал, что, если «панегирический тон можно было оправдать в докладах, которые читались вскоре после смерти учителя, то издавать их без серьезной переработки в 1947 году не следовало». Ученикам Селищева, по его мнению, необходимо (согласно «перевернутой логике» партпропаганды), напротив, для увековечения памяти ученого подвергнуть «серьезной критике его методологические установки».

Но верхом «покаяния» стали «ожидаемые научной общественностью» пассажи о заслугах Н.Я. Марра. «Весьма существенным вопросом для нас сейчас является вопрос о новом учении о языке, созданном акад. Н.Я. Марром, — заявил Бернштейн. — Свое учение акад. Марр создал, базируясь на языках, далеких от языков нашей специальности. Но было бы большой принципиальной ошибкой на основании этого утверждать, что новое учение о языке не имеет отношения к славистике. Так утверждали многие противники акад. Марра, но это были и противники советского, марксистско-ленинского языкознания. Акад. Н.С. Державин является славистом. И однако в течение многих лет он работает над исследованием различных проблем славяноведения, стоя на позициях нового учения о языке». Далее Бернштейн призывал «творчески применять идеи акад. Н.Я. Марра в своей научной и педагогической деятельности» для создания «марксистско-ленинского славяноведения».

Бернштейн также сделал попытку в «отчаянно-наступательном» тоне оправдать необходимость чтения курса сравнительной грамматики славянских языков в МГУ, отрицая в духе времени те основания, на которых он базировался. Вначале он стремился показать, что этот курс не противоречит «учению» Марра: «В течение многих лет ежегодно я читаю сравнительную грамматику славянских языков. Выступая против многих основных положений традиционного буржуазного компаративизма (в частности, против учения о праязыке, против формального применения сравнительного метода и др.), я, однако, совсем недостаточно останавливался на вопросах метода, перегружал свой курс массой лингвистических мелочей».

В заключение же Бернштейн пытался этот курс актуализировать, подчеркивая, что он «должен в большей степени, чем другие, быть методологически заостренным, так как он дает широкую возможность показать ограниченность метода буржуазного языкознания».

В докладе выражено и распространенное тогда убеждение о «самых передовых» идеях советского славяноведения и необходимости «культуртрегерского» внедрения их в науку стран «новой демократии». Бернштейн утверждал в этой связи: «Недостаточно боролись мы и с реакционными идеями в трудах зарубежных славистов. Досталось от нас кое-кому из реакционных болгарских славистов. Но разве нет таких же обскурантов как Младенов* в сербском, чешском или польском языкознании? Они, конечно, есть, и с ними надо вести борьбу». Он считал необходимым «прийти на помощь тем зарубежным славистам, которые искренне стремятся стать на позиции марксистской науки». В качестве примера Бернштейн привел статью своих старых коллег, чешских славистов Ф. Вольмана и Б. Гавранека, в журнале „Slavia“ (1948)⁴³⁵ об очередных задачах славянской филологии, указав, что авторы «многого не понимают и фактически в области метода стоят на позициях буржуазной науки», но выразил надежду, что они путем доброжелательной критики осознают «ограниченность» своего мировоззрения.

Вероятно, текст этого доклада был использован и в февральском выступлении Бернштейна. На исходе «космополитической» истерии, 7 апреля 1949 г., ученый выступил в подобном же духе на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ. Теперь уже он созрел до утверждения, что в ликвидации славяноведения в СССР повинны «замаскированные враги» науки — космополиты: «В одной из своих статей „Правда“ писала, что буржуазный космополитизм нанес нашей культуре и науке гро-

* Стефан Младенов (1880–1963) — крупный болгарский языковед, академик БАН (1929) и многих иностранных академий, профессор Софийского университета. Автор важных трудов по славянскому, болгарскому (диалектология, этимология), индоевропейскому и общему языкознанию.

мадный вред. От себя могу добавить, что есть разные области знания, которые в результате многолетней деятельности наших замаскированных врагов, врагов русской и советской культуры почти прекратили существование. И это не второстепенные, периферийные области, а первостепенные и важные. Я имею в виду славяноведение в самом широком смысле этого слова (славянское языкознание, славянское литературоведение, историю, искусство и пр. и пр.). И это, сокрушался он, в СССР — «в могучей славянской стране, где славяноведение стояло всегда очень высоко».

Поставив вопрос, почему советское славяноведение, в отличие от дореволюционного, не имеет достаточно кадров квалифицированных преподавателей, Бернштейн сделал экскурс в историю вопроса, еще раз заклеив дореволюционную «буржуазную» науку. «После революции, — сказал он, — многие слависты оказались в рядах белой эмиграции, что не было случайным. Действительно, в области славяноведения было много представителей самой черной реакции. Мы знаем, что проф. киев. универ. Флоринский был расстрелян по решению ВЧК. Случай очень редкий. Но, тем не менее, оставалась сравнительно большая группа славистов, которая продолжала работать и хотела работать. Среди них можно указать две группы. Одни продолжали работать в старом плане (Ляпунов, Селищев, [позже добавлен Булаховский. — *М.Д.*], Лукьяненко), другие (ленинградцы) пошли на выучку к академику Марру и попытались применить марксистскую методологию к славистике (Державин, Долобко).

Было много молодых специалистов, которые только начинали свою научную деятельность (Свешников и мн. др.). Себя в число последних ученых Бернштейн не включил. «Почему, — вопрошал он, — ничего не получилось? Почему за все эти годы Державин и Долобко (он умер в 1935 году) не подготовили нам научной смены советских славистов-марксистов? Почему Булаховский не воспитал ни одного специалиста по славистике, и славянское отделение киевского университета влечило жалкое существование? Может быть, они не хотели? Может быть, они хотели, чтобы вместе с ними умерла славистика? Нет, причины в другом... И здесь сразу же обнаружились все пагубные последствия этой вредительской политики».

И далее на «новом витке» времени (как в 1941–1942 гг. В.И. Пичета, З. Неедлы и Н.С. Державин) Бернштейн рассуждал о «главной жизненной задаче» — возрождении славистики в СССР: «Это нельзя понимать в том смысле, что мы возрождаем старую славистику. Нет. Советская славистика так же должна отличаться от дореволюционной, как и вся наша общественная наука отличается от дореволюционной. Надо, однако, прямо и открыто признать, что здесь у нас достижений меньше, чем должно было быть. Все, что говорилось на философской дискуссии по книге тов. Александрова («История западноевропейской философии». М., 1946. — *М.Д.*) и позже об объективизме, о неумении увидеть коренные различия до марксистско-ленинского этапа в науке, относится и к нам, советским славистам».

В качестве примера потакания «буржуазному объективизму» он снова привел сборник памяти А.М. Селищева и славяноведческие работы Л.А. Булаховского. Напротив, ранее критически воспринимаемые труды Н.С. Державина теперь представлялись им как образец для подражания, невзирая на присущий им и осуждаемый ученым «политический барабан». «Нет во многих наших работах, — утверждал он, — той необходимой в настоящее время политической заостренности, к которой нас призывает партия и которая необходима в каждом научном исследовании. Счастливое исключение представляет в этом отношении акад. Державин, работы которого всегда политически

заострены и смело и решительно разоблачают врагов социализма, демократии и славянства. Велики заслуги Державина и в области применения идей акад. Марра в области славянского языкознания и славянского фольклора».

Завершало доклад пафосное утверждение о необходимости разрыва с традициями дореволюционного отечественного славяноведения: «Мы... должны решительно порвать со старыми отжившими традициями, смело ставить большие методологические проблемы, выступать с острой и принципиальной критикой как собственных ошибок, так и ошибочных и даже враждебных нам положений зарубежных славистов славянских стран. Мы должны сделать советскую славистику передовым участником нашего теоретического фронта»⁴³⁶.

Таким образом, в «смуте» марристской «аракчеевщины» Бернштейну пришлось, как и Виноградову, формально (но с соблюдением всех атрибутов пропагандистского ритуала) отречься от классического наследия славянской филологии и от своих учителей.

К счастью для научной репутации С.Б. Бернштейна и его коллег-славистов, подобные доклады не были изданы. Этому помешало внезапное изменение ситуации в советском языкознании в мае 1950 г., связанное с публикацией антимарристской статьи А.С. Чикобавы в «Правде» и неожиданной для общественности поддержкой ее И.В. Сталиным, вскоре включившимся в дискуссию со своей статьей «Марксизм и вопросы языкознания»⁴³⁷. Противники Марра восприняли появление этих статей «почти как чудо» и с облегчением вернулись к исповедованию своих прежних взглядов, испытывая муки совести за временный отход от них и «поступление принципами».

Впрочем, для атмосферы эпохи характерно, что нравственные терзания испытывали далеко не все. Характерный пример привел в своих мемуарах С.Б. Бернштейн. Он писал: «Один Ломтёв не унывает. Он мне открыто и цинично сказал: „Я всегда стою на позиции партии. До выступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании „нового учения о языке“. Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап. Я уже переработал свою статью в свете новых установок. Тебе жить труднее, так как у тебя нет путеводной звезды, за которой бы ты шел бездумно. Сейчас многие бывшие марристы собираются писать покаянные письма. Я этого делать не буду, так как большей глупости нельзя и придумать. Моя совесть чиста!“ Таков Ломтёв!»⁴³⁸.

Многие мыслящие ученые, с восторгом и удовлетворением воспринявшие «очистительный душ» лингвистической дискуссии, затем закономерно задались вопросом, кто виноват в том, что антинаучная теория Марра заняла господствующие позиции в советском языкознании?

С.Б. Бернштейн справедливо писал: «Виноваты не только эпигоны Марра, которые фактически ликвидировали языкознание. Виноваты более высокие инстанции, которые поддерживали этих полуграмотных эпигонов. Убежден, что теперь будут открыты окна и затхлый яфетический воздух, в котором так хорошо дышалось „ученикам Марра“, рассеется»⁴³⁹. Ученый поставил вопрос и о моральной ответственности ученых за утверждение марризма. «Марризм в языкознании, — писал он, — это позор, несмыслимый позор. Наши потомки не смогут простить нам нашего малодушия»⁴⁴⁰.

Таким образом, ученый представил нам неординарные свидетельства функционирования советского конформизма. Не щадя ни себя, ни ближайших коллег, он изобличает парадоксальную действительность, порождающую уродливые человеческие отношения, в которых отречение от своего учителя, его очернение, отказ от своих на-

учных идей и принципов поощрялись, а их отстаивание, убежденность в своей правоте карались всяческими репрессиями. Он показал, с какой легкостью в этой мутной обстановке многие его коллеги мимикрировали, приспосабливались к новым условиям, с чистой совестью «колебались вместе с линией партии». Он честно показал на собственном примере, как тяжело было совестливому человеку сохранять научную честь, избегая прямого конформизма и сервизма⁴⁴¹.

Подлинным прозрением ученого, свершившимся, конечно, не в 1950-е (как следует из мемуаров), а в «застойные» 1970-е гг., было смелое и в те времена признание, что в условиях тоталитаризма не может быть подлинной свободы научной дискуссии. Здесь только одни догматы и кумиры сменяются другими, и карьеристы-конформисты мгновенно (без утрызений совести) перестраиваются в угоду новым идеологическим установкам. «В период господства марристов на поверхности было много вонючей накипи. Теперь господствуют другие, сменилась и накипь, но она продолжает вонять... Сейчас очевидно, что дело не в т. н. „новом учении“, а в нашей общественной системе», — за долго до коренных социальных перемен в нашей стране писал С.Б. Бернштейн⁴⁴².

И действительно, никто не отменил после дискуссии попыток внедрения (правда, с меньшим напором) марксизма в языкознание, идеологических чисток, борьбы с «буржуазным объективизмом» за «партийность» в науке, ограниченного общения с «буржуазными учеными» и отрицание достижений науки «капиталистических стран» и т.д. Лишь в 1970-е гг. постепенно стало возрождаться уважение к дореволюционному славистическому наследию. Да, традиционное сравнительно-историческое языкознание было реабилитировано, но новое направление, структурная лингвистика, обрела право на существование лишь в 1960-е гг., и этому в немалой степени содействовал С.Б. Бернштейн. Наука в тоталитарной системе не могла развиваться свободно, согласно своим законам, но тем не менее, вопреки политической конъюнктуре, развивалась и даже, как мы показали, достигла определенных успехов.

ТЕМАТИКА И ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И ФОЛЬКЛОРА

Славяноведение в России с самого начала своего становления включало в себя изучение славянских литератур и устного народного творчества. Такова была концепция первых университетских кафедр «истории и литературы славянских наречий», возникших по новому университетскому уставу 1835 г. в четырех российских университетах, поэтому и первые научные командировки посланцев университетов О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, П.И. Прейса и В.И. Григоровича предусматривали тщательное изучение современного состояния и истории славянских литератур и фольклора во всех посещенных ими славянских землях и личное знакомство с тамошними литераторами. Первые университетские слависты, включая М.Т. Каченовского, заложили крепкие основы изучения славянских литератур в России. Их продолжателями выступили впоследствии А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, Р.Ф. Брандт (сторонники культурно-исторической школы), последователи славянофилов В.И. Ламанский, А.С. Будилович и др., а также Б.М. Ляпунов, П.А. Лавров, М.Н. Сперанский и другие ученые, пережившие рубеж революции. Сторонники разных методов в литературоведении, исследовавшие славянские литературы от первых памятников письменности до современности, они внесли весомый вклад в мировое литературоведение⁴⁴³.

После Октябрьской революции ситуация в славистическом литературоведении существенно изменилась. Мы уже неоднократно говорили о гонениях, постигших славяноведение как науку в целом. Они коснулись и славистов-литературоведов⁴⁴⁴. Оставшиеся в России ученые, несмотря на разруху, голод, лишения и репрессии, закрытие славистических центров в университетах и Академии наук, не прекращали своей научной работы и издали ряд важных трудов, главным образом, в сфере изучения старославянской письменности, наиболее значимого и развитого до революции направления научных исследований в области литературоведения. Так, академик П.А. Лавров, долгое время занимавшийся собиранием памятников эпохи первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия, завершил свою многотрудную работу изданием капитальной книги «Кирило та Мефодій в давньослов'янській писменстві» (Київ, 1929). Посмертно вышло в свет подготовленное им наиболее полное собрание старославянских памятников «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (Труды славянской комиссии Академии наук. М.; Л., 1930. Т. 1), составившее своеобразную «кирилло-мефодиевскую энциклопедию», отличающуюся особой тщательностью филологического анализа⁴⁴⁵.

Академик М.Н. Сперанский опубликовал в 1920–1930-е гг. ряд ценных исследований: «Тайнопись в южнославянских и русских памятниках», «К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы», «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV–XVI веков». Ученый «старой школы», он не воспринял марксистских установок классового анализа литературных явлений и продолжал скрупулезно, тонко филологически анализировать древние тексты, выявлять своеобразие памятников литературы, проследить их бытование и распространение в разных странах. Он традиционно рассматривал литературные связи в сложном процессе обогащения литератур. В конце жизни Сперанский подвергся репрессиям, но его несомненные научные заслуги были высоко оценены младшими коллегами, издавшими в 1960 г. сборник его ранее опубликованных работ «Из истории русско-славянских литературных связей», который, по справедливому заключению В.И. Злыднева, «обобщает наше представление об узловых моментах литературных взаимоотношений славянских народов на протяжении XI–XVII вв.»⁴⁴⁶.

После революции некоторые литературоведы «старой школы» — Н.С. Державин, П.Н. Сакулин, В.Н. Кораблев и др. — начали интенсивно перестраиваться в духе марксистской методологии. Их более младшие коллеги К.А. Пушкаревич, В.Г. Чернобаев, М.Н. Скачков, М.С. Живов, Н.И. Кравцов и др. уже осознанно выступали с марксистских позиций. Долгое время ведущее место в изучении истории славянских литератур принадлежало академику Н.С. Державину. Именно он взял курс на исследование творчества крупных славянских писателей как «выразителей идейной борьбы своего времени», современных «прогрессивных» писателей демократических убеждений или просто критически относящихся к «буржуазному» строю. Так, «советский» академик написал обширные работы о классике болгарской литературы Иване Вазове, сатирике-реалисте Алеко Константинове, философско-обличительной поэзии Стояна Михайловского⁴⁴⁷. В.Г. Чернобаев в 1930-е гг. анализировал творчество польских поэтов и писателей: Адама Мицкевича, Юлиуса Словацкого, Владислава Реймонта, чешских и словацких — Яна Коллара, Яна Неруды, Ярослава Гашека⁴⁴⁸ и др., М.Н. Скачков писал о развитии современной литературы в Чехословакии⁴⁴⁹, К.А. Пушкаревич — в Болгарии и Югославии⁴⁵⁰, М.С. Живов — в Польше⁴⁵¹, пропагандируя «революционные» славянские литературы на страницах «Интернациональной литературы» и других литературных журналов⁴⁵².

Примечательно, что в СССР начали издавать сочинения выдающихся писателей XIX–XX вв. из славянских стран — Я. Неруды, Я. Гашека, И. Вазова, А. Константинова, В. Броневского, В. Реймонта и др., отличавшихся ярко выраженным социальным протестом. Советские литературоведы сопровождали эти издания содержательными литературными очерками, знакомя отечественных читателей с творчеством славянских поэтов и прозаиков. А.Н. Горяинов насчитал в межвоенный период примерно 280 работ по художественной литературе славянских народов!⁴⁵³

Несколько особняком в советском литературоведении 1930-х гг. стояла капитальная монография Н.И. Кравцова «Сербский эпос» (М., 1933), в первой части которой автор новаторски исследовал историческое содержание юнацких, гайдукских, ускокских песен, во второй — опубликовал их тексты из собрания Вука Караджича (в переводах на русский язык Н. Берга, Н. Гальковского и своем). Эта работа послужила поводом для репрессий в 1930-е гг., но волей судьбы в 1947 г. в ИМЛИ именно за нее он получил степень доктора филологических наук⁴⁵⁴.

Определенный вклад в советское славистическое литературоведение 20–30-х гг. внесли и политэмигранты из славянских стран, работавшие в СССР: Г. Бакалов, В. Клементис, Я. Гемпель, С. Станде, Е. Троповский и др.⁴⁵⁵. Но их перу принадлежали, главным образом, обзоры в общественно-литературных журналах о «передовых и революционных тенденциях в разных литературах»⁴⁵⁶.

Примечательно, что стремление связать творчество писателей с общественно-экономическими условиями и отношениями, классовой борьбой в данной славянской стране приводило к признанному позже ошибочным «вульгарному социологизму», который не позволял в должной степени раскрыть художественное своеобразие авторов. В то же время попытки выделить из общего массива литературного творчества и возвеличить лишь революционные и «прогрессивные» течения вели к упрощенной и односторонней трактовке всего литературного процесса в каждой отдельной стране. Особенно «переусердствовал» на поприще «вульгарного социологизирования» литературовед «старой партийной закалки» В.Ф. Переверзев, подобным образом интерпретировавший творчество Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, за что на рубеже 1920–1930-х гг. подвергся жесточайшей критике.

Но несмотря на все «чистки» и критические выступления «классовый» подход к анализу литературных явлений продолжал превалировать, так как являлся неотъемлемой частью марксистской методологии. После разоблачения «переверзевщины» и одновременно РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), борющейся за «партийность» литературы, несомненно, положительным моментом в развитии советского литературоведения конца 30-х гг. было признание научных заслуг классика отечественного литературоведения, главы культурно-исторической школы А.Н. Веселовского. 100-летие со дня его рождения было торжественно отмечено в феврале 1938 г. научной сессией в Отделении общественных наук АН СССР. С докладами о его научных заслугах в области отечественного литературоведения выступили ведущие и наиболее авторитетные российские ученые В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский, В.А. Десницкий, М.К. Азадовский, М.П. Алексеев, сделавшие попытку адаптировать идеи А.Н. Веселовского к советской действительности⁴⁵⁷ (см. далее). Эта сессия — несомненно важное событие в области отечественного литературоведения, равноценное разгрому «школы» М.Н. Покровского в области истории, еще одно свидетельство поворота властей к государственному патриотизму.

Изучение славянских литератур в канун войны. Итак, к 1939 году — переломному рубежу в истории отечественного славяноведения — советская литературоведческая славистика добилась определенных, хотя и весьма скромных научных результатов. Литературоведы «старой школы» со своими классическими трудами по древнеславянской литературе не без помощи новых властей ушли «в мир иной». Новое марксистское литературоведение только постепенно завоевывало свои позиции, пережив не одну «болезнь левизны», и весьма односторонне освещало развитие славянских литератур с акцентом на современные левые революционные течения и выражение социального протеста, почти игнорируя богатства литературы средневековья и XIX в. Несомненно, как положительный факт можно расценивать публикацию в русском переводе произведений славянских писателей, считавшихся «прогрессивными», но это делалось очень дозированно и с определенной идеологической подоплекой.

Как уже говорилось, в канун Второй мировой войны академик Н.С. Державин предпринял ответственные шаги, чтобы решить остро назревший кадровый вопрос в области славянской филологии и литературоведения. Обращаясь в разные академические и партийные высокие инстанции, он пытался убедить их в необходимости организовать славистические центры в московском или ленинградском академических институтах, открыть кафедры славянской филологии в университетах. Его проекты не раз обсуждались в Академии наук и были близки, по его внутреннему ощущению, к реализации, однако в то время не осуществились⁴⁵⁸.

Но все же нельзя сказать, что в годы Второй мировой войны славистическое литературоведение в Советском Союзе не прогрессировало. Напротив, оно получило мощный патриотический заряд и одновременно «социальный заказ», но волею судеб развивалось вне институциональных структур, что можно признать отличительной особенностью развития этой науки в конце 1930-х и 1940-е гг.

Следует отметить, что включение в состав СССР в сентябре 1939 г. согласно тайным протоколам пакта Молотова–Риббентропа западноукраинских и западнобелорусских земель, входивших в состав разгромленной Гитлером «панской» Польши, открыло интенсивную агитационно-пропагандистскую кампанию, целью которой было наглядно доказать, в каких невыносимых условиях жили наши «кровные братья» и как «страстно» они желали воссоединиться с Советской Россией, Украиной и Белоруссией.

На страницах общественно-политических и литературных журналов сразу же появились подборки впечатлений очевидцев, литературных произведений и развернутые очерки о состоянии литературы в Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. В этой кампании использовали даже стихи «агитатора, горлана, главаря» В. Маяковского, агитировавшего за победу Красной Армии в советско-польской войне 1920 г. и весьма критически воспринявшего порядки и «разгул назойливой военщины» в «панской» Польше во время своего пребывания в ней в 1927 г. Его удручали «ощетинившиеся колючей проволокой границы с СССР и нищета народа»⁴⁵⁹. Все это подводило автора статьи «Маяковский о Польше» Е. Крекшина к политически заостренному выводу: «20 лет панская Польша — искусственно созданное, нежизнеспособное государство — играла роль одного из горшков на кухне войны, готовящейся специалистами по человеческой бойне»⁴⁶⁰.

Литературовед М.С. Живов откликнулся на эти события явно заказной статьей «Литература мрачного двадцатилетия. Заметки о польской литературе (1919–1939 гг.)»⁴⁶¹ и брошюрой «Польская литература о крестьянстве в панской Польше (Обзор худ. литературы)» (М., 1939). Так, анализируя состояние современной польской литературы,

советский литературовед, стараясь показать нежизнеспособность и реакционность самостоятельного Польского государства в межвоенный период, «беспросветной тюрьмы для населявших ее народов», приходит к неутешительному и тенденциозному выводу, что писатели старшего поколения — С. Жеромский, А. Струг, С. Пшибышевский, Г. Даниловский, представлявшие ранее «молодую Польшу» с «ее прогрессивными тенденциями, очень скоро сожрали то, чему поклонялись, и положили перо свое к хищным когтям „белого орла“, стараясь не замечать, что подмятые крылья его обгарены кровью рабочих и крестьян, подпавших под гнет новых хозяев Польши»⁴⁶².

Что касается «бардов» новой польской государственности, Ю. Каден-Бандровского (роман «Генерал Барч»), Ф. Гегеля (роман «Циклопы»), Г. Яроцкого (роман «Накануне»), то и они, по мнению автора, «в своих стараниях воспеть новую Польшу» должны были констатировать, что «польское государство с первых дней своего существования пошло по пути развала и гибели»⁴⁶³. Ярким исключением из общего правила М.С. Живов назвал творчество В. Василевской (см. далее), а также деятельность литературного объединения «Окраина», ставившего своей целью «освещать жизнь городских предместий» и все то, «что гнездится в Польше на окраинах культуры» — «порабощение национальных меньшинств, нужду и голод безработных, гнет и бесправие крестьян» и пр. Но автора не вполне удовлетворил первый сборник «Окраины». Он отметил, что в нем «все эти картины зафиксированы с какой-то внутренней холодностью, без того революционного темперамента, который мог бы превратить эти страницы в страстный призыв к борьбе против насилия и гнета». К тому же, по его мнению, в этих произведениях много «нездорового психологизма» и «фактографии»⁴⁶⁴.

Все же М.С. Живов нашел польских писателей, в произведениях которых, несмотря на рогаки цензуры, звучит призыв: «Долой капитализм, долой буржуазию!». К ним он отнес повести «Красные змеи» Е. Богусhevской, «Ночь с полицейским в деревне» Г. Корнацкого и особенно романы «Вербы над Сеной», «Пашня под паром» Я. Виктора. В последнем романе писатель запечатлел «беспросветную темноту, голод и нищету, в которой жила крестьянская масса»⁴⁶⁵.

Пафос статьи М.С. Живова заключался в стремлении доказать, что «помимо воли авторов, многие произведения польской литературы стали суровыми обличительными документами, вскрывающими цепь кровавых преступлений польской шляхты над порабощенным ею многомиллионным народом». И виновато во всех бедах литературы и культуры реакционное Польское государство, которое закономерно шло навстречу своей гибели. Он утверждал, что Польша за «черное» двадцатилетие «не выдвинула ни одного имени, которое заняло бы в мировой литературе место рядом не только с Мицкевичем и Словацким, но и с Выспяньским и Жеромским. Польская цензура и полицейский террор всячески препятствовали развитию польской литературы, жестоко преследуя каждую попытку правдиво отобразить мрачную польскую действительность»⁴⁶⁶. Таким образом, у советского читателя из статьи М.С. Живова складывалось обманчивое впечатление не только о полной стагнации польской литературы в межвоенный период, которой «жилось» много хуже, чем при царизме, но и о беспросветно-мрачном положении польского общества в целом, поскольку рассматриваемая литература освещала только нищету и бесправие его «низов» — рабочих и крестьян⁴⁶⁷.

В эти годы было поднято на щит литературное творчество польской «прогрессивной» писательницы и общественной деятельницы Ванды Василевской, которая

в своих повестях и романах («Облик дня», «Родина», «Пламя на болотах», «Земля в ярме» и др.) живописала «тяжелое положение пролетарских масс, беспримерное угнетение крестьянства» в «панской» Польше. Ее творческий путь оценивался в статьях Г. Мирошниченко⁴⁶⁸, Д. Заславского⁴⁶⁹ и др. Последний, как и М.С. Живов, представил не столько художественный анализ, сколько «социальный срез» низов польского общества, отраженный в произведениях писательницы, стремился показать на примере ее сочинений закономерность «падения» Польши.

«Василевская, — писал Д. Заславский, — в ярких картинах показала изнанку польской буржуазной государственности. Теперь, когда панская Польша рухнула, обнаружив всю свою гнилость, произведения Василевской имеют характер исторических документов, вскрывающих причины позорного бессилия польской шляхты и военщины». Он полагал, что «национализм, который в течение десятилетий вколачивался в сознание польских трудящихся масс, потерпел полное крушение. Господствующие классы не могли опереться на народ, потому что народ успел узнать подлинную цену буржуазной государственности»⁴⁷⁰.

Автор представил, прежде всего, социальное содержание произведений польской писательницы, показав, что она смело «поставила вопрос о национальной политике польского правительства на „кресах“ (на окраинах), в Западной Украине и Западной Белоруссии. Угнетение рабочего класса и рост революционных настроений в нем — это было содержание „Облика дня“. Угнетение крестьянства и рост революционных настроений в нем — это содержание „Родины“ и „Земли в ярме“. Угнетение национальностей в панской Польше и рост революционных настроений на „окраинах“ — это „Пламя на болотах“»⁴⁷¹.

Д. Заславский отметил чрезвычайную политическую злободневность сочинений Василевской в свете недавнего присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. По мнению автора, она установила, что «польская насильственная власть была ненавистна массам в Западной Украине и Западной Белоруссии, что крестьяне жили мечтой о своем национальном освобождении, что передовая часть крестьянства тянулась всем своим существом к Советской стране». По его мнению, «Василевская показала, что польский националистический оплот, созданный в украинских и белорусских землях, бессилён, что под ним гнилая почва, что стихийная крестьянская ненависть снесет его при первом же мощном ударе»⁴⁷².

И потому закономерно, что Василевская при начавшейся фашистской оккупации бежала не на Юг и Запад, как другие интеллигенты, а на Восток, пройдя пешком 600 км к советской границе. Она была избрана в состав делегации, которая на Верховном Совете СССР «выразила волю населения Западной Украины к вхождению в состав СССР», и стала депутатом этого Совета. Автор с удовлетворением констатировал, что В. Василевская ныне «занимает одно из первых мест в советской литературе. Ее произведения отмечены честностью и правдивостью большого человека и писателя». Кроме того, она привела в советскую литературу группу молодых польских писателей, «еще до 1939 года совершивших поворот в сторону коммунизма, понявших, что единственный путь для передовой интеллигенции в сближении с революционным пролетариатом, в решительном разрыве с шовинистической политикой польского национализма».

Итак, Ванда Василевская, которая после эмиграции в СССР утратила корни для свойственного ее сочинениям социального протеста, надолго стала воплощением «передовой» польской современной литературы, которая «продолжает лучшие традиции

польской демократической литературы, в которой всегда жила родственная, братская связь с передовой русской литературой»⁴⁷³.

Примерно в том же ключе характеризовалось Г. Мирошниченко произведение польской писательницы «Земля в ярме»: «Ванда Василевская показывает в своей повести „Земля в ярме“, как возрастает борьба польского крестьянства с помещиками, приобретая все более организованный характер. Крестьянские выступления встречают уже поддержку в крупных промышленных городах. Революционные силы крепнут. Ненависть крестьян к помещику возрастает». Создается впечатление, что автор рецензии воспринимает коллизии художественного произведения как реальные исторические события и делает соответствующие, в русле советской интерпретации истории межвоенной Польши выводы. Более того, книга Василевской рассматривалась как документ, подтверждающий правильность «политики партии и правительства» в вопросе присоединения к Советскому государству западнобелорусских и западноукраинских земель. Автор полагал, что книга Ванды Василевской помогает понять причины распада Польши, а также, «почему угнетенные народы с такой беспредельной радостью встретили приход доблестных частей нашей Красной Армии, принесшей им освобождение»⁴⁷⁴.

Если статьи о творчестве Ванды Василевской носили явно пропагандистский и общественно-политический характер, мало соотносящийся с научным литературоведением, то работы о великом польском поэте Адаме Мицкевиче, приуроченные к 85-летию со дня его смерти отличал на удивление строгий научный подход. Публикации принадлежали перу ряда более или менее известных литературоведов и писателей⁴⁷⁵. Остановимся на двух из них. Писатель А.Б. Чаковский написал серьезную статью с характеристикой всего творческого пути А. Мицкевича⁴⁷⁶, литературовед Д.Д. Благой — о его пребывании в России⁴⁷⁷.

Следует отметить, что оба автора продемонстрировали умелое владение марксистской методологией. Они тесно увязывали анализ творчества Мицкевича в разные периоды с конкретной общественно-политической ситуацией в России и Польше и политикой царского правительства. При этом делался акцент на революционном характере действий и помыслов поэта, подчеркивалась его близость и совпадение взглядов с оппозиционно настроенной к царизму русской интеллигенцией — декабристами и особенно А.С. Пушкиным. Следует заметить, что статья представителя «старой школы» литературоведов, видного пушкиниста Д.Д. Благого более «описательна», содержала множество конкретных фактов литературных связей и творческого взаимовлияния «пленников русского самодержавия». Несомненной заслугой автора является доказательное установление того факта, что одна из строф расшифрованного в 1911 г. пушкинистом П.Е. Щеголевым «крымского» стихотворения Пушкина 1828 г. посвящена не Шота Руставели, как общепризнано (в угоду Сталину) считалось ранее после статьи М.К. Азадовского «Руставели в стихах Пушкина» в журнале «Звезда» (1938), а Адаму Мицкевичу. Автор отметил: «Разгадка этого настоящего смысла — посильное приношение советского пушкиноведения к дням юбилейного чествования памяти Мицкевича всеми народами Советского Союза»⁴⁷⁸.

Статья А.Б. Чаковского более политизирована, но представляет собой, может быть, первый в советском литературоведении опыт обозрения творчества польского поэта от рождения до смерти, который представлялся на суд нового поколения читателей. Автор рассказал о первых впечатлениях Адама в провинциальном литовском городке

Новогрудке от армии Наполеона (в дни наступления на Россию и после поражения), об его участии в оппозиционных, позднее революционных обществах филоретов и филوماتов, не забыл о трагической любви поэта к Марии Верещак, отразившейся в стихах и поэмах «Живилия», «Гражина» и др. Писатель включил творчество польского поэта в борьбу литературных направлений — классицизма и романтизма, подробно охарактеризовал влияние Шиллера, Гете, Байрона на его поэзию в целом и главные патриотические произведения поэта «Дзяды», «Конрад Валленрод», «Пан Тадеуш» и др. Автор показал и революционную деятельность поэта, его заключение в Базилианском монастыре в Вильно, отношение к событиям 1830 и 1846–1848 гг. в Польше, пребывание в России и пр. Красочно описаны нужда и лишения Мицкевича во время эмиграции в Швейцарии и Франции, женитьба на Целине Шимановской, зловещее влияние на поэта в 1840-е гг. мистика А. Товьянского, усилившего его мессионистские настроения.

Примечательно, что российский период Чаковский относит к вершинам творческого пути поэта, отмечая, что «годы, проведенные в России, были наиболее плодотворными в его поэтической деятельности. Идея братства народов, свободолюбия укреплялась в нем»⁴⁷⁹. Причем акцент делался на то, что именно в это время «польский поэт, ненавидящий царизм и часто отождествляющий с ним всю Россию, сейчас открывает другую Россию, других людей, так же как и он ненавидящих царизм, так же страдающих от гнета монархии»⁴⁸⁰.

Автор признавал величие польского поэта, объясняя некоторые слабости его творчества влиянием романтизма⁴⁸¹. Под этим углом он, пожалуй, слишком прямолинейно отождествлял произведения польского поэта с характером польского национально-освободительного движения, но так было принято в советском литературоведении. «Творчество Мицкевича, — писал он, — отразило в себе всю силу и слабость национально-освободительного движения в Польше. Он идеализировал старую Польшу, в ней искал он забвения от зол настоящего. Он боготворил Наполеона, видел в нем наследника традиций французской революции. Он, под конец своей жизни, исповедовал туманную, чуждую народу религию жертвенности и самоотречения. Это было его слабостью»⁴⁸².

В заключение А.Б. Чаковский объяснял, чем близок Мицкевич советскому читателю: «Он жил и на нашей земле. Он ненавидел и то, что и мы ненавидим, он любил нашего Пушкина, нашу великую литературу». Автор распростер над творчеством А. Мицкевича патриотический ореол, который весьма актуально воспринимался в предвоенный год: «Беспредельная, самоотверженная любовь поэта к своей родине, неугасаемое, страстное желание видеть свой народ сильным, свободным, эти чувства, столь близкие и советским патриотам, делают память Мицкевича бессмертной на все времена»⁴⁸³.

Итак, обращение к поэту-романтику XIX в., так и «не доросшего» до реализма, компенсировалось его революционностью и ненавистью к царскому самодержавию.

В последнем номере журнала «Октябрь» за 1940 год была опубликована и баллада «Пани Твардовская» А. Мицкевича в русском переводе М. Голодного.

Журнал «Историк-марксист» (1941. №6) также откликнулся на юбилей А. Мицкевича статьей польского коммуниста Ф.Я. Кона, написанной явно еще до войны. Автор анализировал деятельность поэта не столько как литератора, сколько как политического борца за свободу угнетенной родины, опираясь на суждения Розы Люксембург. Читателя подводили к мысли, что Мицкевич является предтечей не просто революционных, но

именно социалистических идей в Польше, хотя и утопических. Анализируя статью поэта во французской газете «Трибуна народов» (1848) под названием «Социализм», Ф.Я. Кон писал: «В этой статье поэт доказывает, что целей, которые выдвигает социализм, нельзя осуществить мирным путем и никого не задевая. Мир распадается на два лагеря: рабов и угнетателей, на жертвы тирании и палачей, — и соглашения между ними быть не может. Злейшими реакционерами поэт считал капиталистов. У них нет ни бога, ни отчизны, хотя эти слова у них всегда на устах. Они уверяют, будто народ хватается за оружие исключительно из материальных побуждений»⁴⁸⁴. Завершает статью цитата из Розы Люксембург: «Среди польских социалистов вошло в обычай извлекать из произведений Мицкевича, во что бы то ни стало, доказательства его социалистических взглядов»⁴⁸⁵. Таким образом, коминтерновец Ф. Кон стремился очистить «светлый образ» великого польского поэта от налета религиозности и мистицизма, присущего ему в 1840-е гг., и сделать его предшественником марксизма в Польше.

Что касается других работ о славянских литературах, то в отечественном литературоведении в канун войны отдавалось явное предпочтение анализу произведений современных писателей, оппозиционных межвоенному «буржуазному» режиму в своей стране и фашистской оккупации. Так, в рецензии И. Гринберга рассматривалась патриотическая пьеса выдающегося чешского писателя Карела Чапека «Мать»⁴⁸⁶. Автор справедливо подчеркнул, что это произведение писателя было написано в дни оккупации Чехословакии немецкими войсками и потому закономерно, хотя и иносказательно, отразило обстановку в стране. В центре внимания мать, потерявшая в бурных событиях века мужа и четырех из пяти сыновей, которая после мучительных переживаний и споров с теньями ушедших сама отправляет последнего сына на фронт. «Пьеса Чапека, — пишет автор, — печальна, потому что в ней рассказано о нескольких смертях, о большом человеческом горе, о разгроме страны... Но эта печаль очищающая и облагораживающая. Она пробуждает в читателях и зрителях самые высокие чувства, она воспитывает и укрепляет волю к борьбе, она внушает уверенность в победе над варварами. Ведь не может не победить народ, если он отдает борьбе все свои силы, все самое лучшее, самое дорогое, что у него есть, если матери посылают в бой своих любимых сыновей»⁴⁸⁷.

Что касается болгарской литературы, то академик Н.С. Державин после серии работ о современных писателях как раз накануне войны написал несколько очерков о литературе болгарского национального возрождения и опубликовал их в своем «Сборнике статей и исследований в области славянской филологии» (1941)⁴⁸⁸. Первый очерк он посвятил Паисию Хилендарскому, знаменитому автору «Истории славяно-болгарской» (1762), и его последователю, болгарскому просветителю Софронии Врачанскому, сыгравшему большую роль в развитии болгарского литературного языка. В своих характеристиках деятелей болгарского возрождения Державин сильно модернизировал и социологизировал исторический процесс. Это ясно показал, может быть сам того не желая, рецензент сборника, академик С.П. Обнорский, который отметил: «В своих исследованиях, посвященных жизни и деятельности этих двух писателей начального периода болгарского культурно-национального возрождения, академик Н.С. Державин дает впервые в славяноведческой науке обстоятельное исследование социальных основ болгарского возрождения и на этом фоне изучает жизнь и деятельность названных авторов. Автор подвергает тщательному критическому исследованию источники и обширную болгарскую литературу, посвященную названным писателям; и жизнь и деятельность Паисия Хилендарского и Софрония

Врачанского — первых основоположников нового культурного движения в Болгарии — встает перед читателем в совершенно новом освещении, как *выразителей передовых тогда освобожденческих устремлений молодой, поднимающейся национальной буржуазии* (выделено нами. — М.Д.)»⁴⁸⁹.

Несомненно положительным моментом сборника Державина является его исследование болгарской версии «Повести о семи мудрецах» — известного древнего памятника мировой литературы. Ее автором выступил как раз Софроний Врачанский. Она «представляет собою в освобожденческой болгарской литературе эпохи Возрождения блестящую апологию „просвещенного разума“»⁴⁹⁰. По наблюдению С.П. Обнорского, Державин подверг сравнительно-филологическому анализу греческий и болгарский тексты повести и пришел «к установлению характерных особенностей болгарской версии, объясняемых временем ее составления и „просвещенческими тенденциями“ его автора»⁴⁹¹. Ценность этого исследования увеличивается тем обстоятельством, что названный текст ранее не публиковался и вообще не удостоивался внимания болгарских ученых.

Таким образом, в канун войны изучение славянских литератур, несмотря на разоблачение «вульгарного социологизирования», проходило под знаком сугубо классового подхода к литературным явлениям, с акцентом на их современные «антибуржуазные» и антифашистские реалии. В 1939–1941 гг. и ранее обращалось особое внимание на революционную, антимонархическую и социальную направленность сочинений литературных классиков и антифашистскую — современных писателей.

Славистическое литературоведение в годы Великой Отечественной войны. Начало Великой Отечественной войны вызвало большой патриотический подъем у советских писателей и литературоведов. Славянские политэмигранты также включились в антифашистскую пропаганду. Журнал «Иностранная литература» (1941. № 9–10) в рубрике «Славянская поэзия» напечатал целую подборку стихотворений славянских поэтов: поляков Ю. Путрамента, М. Важинской, А. Важика, моравского силезца, носителя ляхского языка О. Лысогорского, чеха В. Дыка, черногорца Р. Стийенского, а также сербскую народную песню «Погибнут как обрь». Все эти произведения были проникнуты чувством ненависти к иноземным поработителям.

В статье, помещенной в рубрике «Героические традиции славянских народов», М.С. Живов привел уничижительные характеристики крестоносцев, которые дал А. Мицкевич в своей поэме «Гражина». «С тевтонской псарни пес негодный», — так обличал поэт германских поработителей. Автор особо подчеркнул, что «чувством ненависти к исконным врагам славянства проникнута вся поэма Мицкевича»⁴⁹².

Здесь же публиковалась глава «Битва на Жижкове» из исторического романа известного чешского писателя Алоиза Ирасека «Против всех» (1893), повествующая о героических победах гуситов над крестоносцами. Героям национально-освободительной борьбы посвящались стихотворения классика болгарской литературы Христо Ботева «Хаджи Димитр», Радуге Стийенского «Пусть расскажут сыновьям и женам». Восхищение русской литературой и русским народом, «оплотом вольности для всех народов мира», выражено в стихотворении известного словенского поэта Антона Ашкерца «Великий язык» и т.д. Эти произведения впервые стали известны советскому читателю в переводе на русский язык.

Наряду с этим в «Интернациональной литературе» оперативно публиковались выступления славянских писателей и общественных деятелей на Всеславянском митинге в

Москве, состоявшемся 10–11 августа 1941 г., в специальной рубрике «Славяне объединяются против фашистской тирании». В речах сербского профессора Божидача Масларича «Сербы в борьбе с гитлеризмом», словенского журналиста Ивана Регента «Словенский народ и русская культура», болгарского общественного деятеля Александра Стоянова «Болгарский народ за победу над фашизмом», македонского общественного деятеля Димитрия Влахова «Македонский народ в борьбе против фашистских оккупантов», а также в статье чешского историка и культуролога Зденека Неедлы «О чешском народе и его культуре» говорилось не только о возникающем движении Сопротивления в оккупированных фашистами странах и «прозрении» болгарского народа, которому «не по пути с фашистской кликой», о солидарности с советским народом, вступившим в кровавую схватку с фашистскими захватчиками, но и о позитивном значении русской и советской литературы для воспитания патриотизма, пробуждения чувства ненависти к «подлым врагам человечества» и уверенности в скорой победе.

Следует отметить, что большинство названных авторов не были профессиональными литературоведами, но все же в их статьях прозвучали имена известных славянских писателей: солунских братьев Кирилла и Мефодия, Я. Коллара, Й.К. Тыла, К.Г. Махи, К. Гавличека-Боровского, Я. Гашека, А. Мицкевича, Ф. Прешерна, А. Ашкерца, И. Цанкара, Л. Каравелова, Х. Ботева, Г. Делчева, К. и Д. Миладиновых и пр. и давалась краткая оценка их творчества⁴⁹³. Таким образом, советский читатель получал хотя и минимум популярных сведений об истории славянских литератур, но в патриотической интерпретации.

Всё это являлось частью целенаправленной, постепенно реализовывающейся идеологической кампании. Из воспоминаний С.Б. Бернштейна, в частности, известно, что в первые же месяцы войны была задумана популярная книга по истории славянских литератур, издание которой сорвалось из-за эвакуации из Москвы ее предполагаемых авторов. Все же в 1943 г. вышел в свет указатель литературы «Художественная литература славянских народов», который давал довольно полное представление о масштабах публикаций произведений славянских писателей на русском языке в дореволюционное и советское время.

В условиях войны ставка делалась на укрепление славянской солидарности. И здесь умелая интерпретация творчества славянских писателей могла сыграть свою позитивную роль. Популярные статьи о славянских писателях регулярно появлялись на страницах органа Всеславянского комитета в Москве — журнала «Славяне».

В 1943 г. ВСК провел торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Яна Коллара. С речами на нем выступили чешский ученый З.Р. Неедлы и советский писатель А.А. Фадеев. Неедлы подчеркнул, что идеи «идеолога и певца славянской взаимности» живы и до сих пор: «Мы обращаемся к Коллару как к источнику и поныне живых мыслей, стремлений, надежд и убеждений, источнику, воодушевляющему нас в борьбе с врагом»⁴⁹⁴. Автор остановился на тех моментах биографии поэта, которые относились к формированию его идеологии. В частности, он указал, что во время обучения в Йене Коллар воодушевился выступлениями немецких студентов за объединение Германии, но воспринял не их националистический дух, а гуманную идею освобождения поработенных народов, воскрешения их национальной самобытности. Оплотом движения славян за свою свободу он считал Россию, имевшую мощное национальное государство. Принципиальным моментом в трактовке Неедлы идей Коллара был упор на то, что для защиты «слабых, поработенных славянских народов» необходимо не

просто освобождение их Россией, а чтобы и «другие славянские народы стали сильными, устойчивыми. Лучшую их защиту Коллар видел в объединении сил славянских народов и для внутреннего их укрепления и для их защиты от угрозы извне»⁴⁹⁵. Таким образом, чешский ученый как бы «уводил» Коллара из-под обвинений в панславизме.

В подтверждение того, что «Коллар был убежденным защитником самостоятельности и полной свободы славянских народов», Неедлы привел его автограф на одном из личных экземпляров трактата о славянской взаимности: «Славянская взаимность не превращает Европу в Россию. Она вьет венок из жемчужин матери Славии, чтобы славянские народы, заселяющие половину мира, начали новую жизнь в честь всего человечества»⁴⁹⁶. Точно так же Неедлы отводил от Коллара обвинения в его приверженности идее создания единого всеславянского языка, что противоречило, по его мнению, стремлению поэта развивать «индивидуальность и самостоятельность отдельных славянских языков», а не вести их к гибели. Поэтому он объяснял известное сужение Колларом славянского мира четырьмя наречиями — русским, польским, иллирским (южнославянским) и чешским, его желанием начать изучать все многообразие славянских языков хотя бы с четырех главных из них.

Неедлы отметил влияние идей Коллара на поэзию других выдающихся славянских поэтов — Адама Мицкевича, Франце Прешерна и особенно Тараса Шевченко, который «придал борьбе славян за свободу революционный смысл». В духе времени Неедлы призывал «крепить боевое единство славян», опираясь на заветы Я. Коллара. Он подчеркивал, что главная мысль поэта в отражении немецкой агрессии: немцы — «враг злой, опасный, славяне, объединяйтесь, чтобы устоять в этой страшной борьбе, чтобы вас не постигла судьба славян, захваченных немцами и погибших там, на равнинах Германии, где их печальные следы так глубоко взволновали Коллара в его юности»⁴⁹⁷.

Если З. Неедлы интересовали не столько литературные достоинства творчества Я. Коллара, сколько актуальная трактовка провозглашенной им идеи «славянской взаимности», то А.А. Фадеев все же коротко охарактеризовал значение его лирико-эпической поэмы «Дочь Славы». Он назвал словацкого поэта «основоположником чешской поэзии» и справедливо показал, что «поэма началась с любовных сонетов, обращенных к Мине (возлюбленной Коллара Вильгельмине Шмидт, потомка онемеченных полабских славян. — М.Д.) сонетов в духе Петрарки, и разрослась в мощную и страстную, то гневную, то лирическую, то философскую поэму-симфонию в духе Данте и Байрона, но совершенно самобытную, в кованных, порой тяжеловесных, но всегда полных вдохновенного пафоса чешских стихах»⁴⁹⁸.

Эта характеристика свидетельствует о личном (не по литературе) знакомстве Фадеева с поэмой Коллара и собственных суждениях о ней. Если о несомненном влиянии гуманистической поэзии Данте и Петрарки говорили до этого многие чешские и русские литературоведы, то сомнительный пассаж о Байроне — новация самого писателя.

Фадеев также выступил против обвинений Коллара в панславизме, в созвучии его идей с воззрениями «крамольных» русских славянофилов и привел трафаретную аргументацию о различиях русского народа и царизма. Он подчеркнул, что поэт «был певцом угнетенных славян». И далее: «Он любил русский народ, как самый могучий из славянских народов, сумевший отразить всех и всяких иноземных завоевателей. От него, конечно, а не от русского царизма он ждал помощи в деле освобождения славян. У Коллара идея славянского единства проникнута глубочайшим гуманизмом, духом свободы народов»⁴⁹⁹. При такой «зашоренной» аргументации остается непонятным,

каким образом простой русский народ, носитель «гуманизма и свободолюбия», без военной мощи государства, пусть и самодержавного, мог способствовать освобождению славянских народов? Статья завершилась актуальным выводом о воплощенной в могучей Советской России мечте Коллара: «И он был бы счастлив тем, что славянские народы всё теснее объединяются в борьбе против ненавистных угнетателей. И тем, что в Москве, которую он воспел, в Москве — столице новой, освобожденной России братских народов — на весь мир горит светоч освобождения всех славянских и иных народов от ярма немецких поработителей»⁵⁰⁰.

В декабре 1943 г. ВСК вместе с Союзом польских патриотов провел большой вечер польской культуры, посвященный 400-летию выхода в свет «Краткой беседы между тремя особами: Паном, Войтом и Плебаном» Николая Рея — выдающегося польского писателя эпохи Реформации, поборника гуманизма, «отца польской литературы». Примечательно, что доклад о творчестве самого писателя «Николай Рей — основоположник польской литературы» прочитал только польский политэмигрант, литературовед Генрих Вольпе. Он подчеркнул, что главной исторической заслугой писателя является то, что «он первый создал значительное литературное произведение на родном польском языке. Тема его творчества — борьба за интересы народа — является вот уже на протяжении 400 лет основной линией польской прогрессивной литературы», и в годы оккупации Польши память великого поляка можно чествовать только в России.

А.А. Фадеев говорил о тесных связях русской и польской литератур в XIX–XX вв., З. Неядлы и искусствовед С.С. Игнатов — о взаимосвязях польской литературы с литературами других славянских народов. «Торжественное празднование 400-летия польской национальной литературы, — говорилось в информации, — вылилось в яркую манифестацию дружбы и сотрудничества славянских народов, в демонстрацию их многовековой культуры и непреклонной воли к борьбе за свою свободу и независимость»⁵⁰¹.

Творчество южнославянских писателей XVII–XVIII вв. освещалось в журнале «Славяне» в статье Я. Федорова. Автор привел отрывки из поэм Юние Палмотича «Христиада» (1670), драмы «Цаптислава» (1652), неназванной поэмы Павла Витезовича (1710), где Петр I был представлен «столпом славян», из панегирика в его же честь Стефана Русича, воспевающего русского царя как великого славянского полководца — «орла Севера», из черногорской песни «О Петре Великом» и др., в которых говорилось «об освободительной миссии русского народа» среди славян⁵⁰².

В 1944 г. Государственное издательство художественной литературы выпустило сборник «Болгарская народная поэзия», выход которого знаменательно совпал с победой Отечественного фронта и вступлением на территорию Болгарии Красной Армии в сентябре того же года. Это обстоятельство отметил рецензент книги, профессор В.Т. Дитякин⁵⁰³, замолчав, правда, факт освободительного восстания самих болгар в сентябре 1944 г. В четырех разделах сборника были помещены в русских переводах мифологические, юнацкие старшие, юнацкие младшие и гайдуцкие песни, которые, по мнению рецензента, имеют очень много общего с устным народным творчеством, прежде всего, русского народа. Мифологические песни — потому, что они своими корнями восходят к «представлениям, единым для болгарского и русского народов, вышедших из единой, общей для них этнической семьи их далеких предков», юнацкие и гайдуцкие — как «песни героизма, беспредельной, действенной, горячей любви к своей родине и к своему народу, песни о жгучей ненависти к врагу, песни борьбы и победы»⁵⁰⁴, созданные в столетия османского ига, близкие по духу русскому народу, пережившему

и преодолевшему монгольское иго и фашистскую оккупацию западных районов СССР. С этими песнями шли в бой болгарские партизаны против ненавистных гитлеровцев.

Но решающую роль в освобождении Болгарии сыграл, по мнению автора, Советский Союз: «Освободителем болгарского народа от ига гитлеровцев и их приспешников явился русский народ, могучая советская Красная Армия, выполняющая свою великую историческую освободительную миссию»⁵⁰⁵. Автор рецензии отметил высокие художественные достоинства болгарских народных песен, найдя в них «яркость и богатство речи героев, великолепные картины природы, военные сцены, пластичность образов»⁵⁰⁶.

В.Т. Дитякин «назидательно» советовал болгарскому народу, в духе советской пропаганды, «искупить свою вину против братских славянских народов» за коалицию с фашистской Германией правящих кругов страны «широкой всенародной войной с немецким фашизмом», используя «славный завет» отважных гайдуков: «С недругом нет договоров, нет с басурманами мира!». Только так, по мнению автора, он может войти «в славную семью других славянских народов, героически отстаивающих свою свободу от посягательства вековых врагов славянства»⁵⁰⁷.

Сборник предваряла статья академика Н.С. Державина «Основные идеи и факты болгарской героической народной поэзии». Она была написана с марристских позиций, при использовании «палеонтологического метода» исследования фольклора. Суть его, в трактовке автора рецензии на сборник В.Т. Дитякина, заключалась в том, что, «исследуя древнейшие произведения фольклора, их сюжет, их персонажи, исследователь, прежде всего, ищет в них отражения того огромного культурного наследия, которое современные народы получили от своих далеких предшественников и которое они восприняли не в порядке так называемых „влияний“ или „заимствований“, а органически, естественно, как законные наследники»⁵⁰⁸. Главный выпад против школы А.Н. Веселовского у Державина заключался в том, что он отверг теорию диахронических «влияний» на болгарское устное народное творчество народов других эпох (например, влияние античных образов), а говорил только о возможном синхроническом влиянии народов, стоящих на одной стадии развития, и потому допускал параллели с армянскими, грузинскими, иранскими сказаниями о местных легендарных богатырях «вишапах». Все народы мира, по его мнению, получили общее наследие от «стадии, предшествующей их оформлению»⁵⁰⁹.

Но все же в рассуждениях академика, подробно изложенных в докладе на заседании Славянской комиссии и специальной статье⁵¹⁰, было и рациональное зерно. Державин сосредоточился, главным образом, на анализе сказаний о Кралевиче Марко, справедливо указав, что в процессе формирования героического эпоса реальный исторический герой отгесняет на второй план своего предшественника — героя мифических сказаний, но не уничтожает его совсем, а «вбирает в себя его характерные черты, свойства, дарования, атрибуты». Путем перевоплощения миф перерастает в героический эпос⁵¹¹. Он указал, что исторический прототип «кралевича» был «ренегатом, изменившим своему народу, погибшим в борьбе против славянского народа на стороне турок», но в народном мифологическом сознании он превратился в эпического героя, богатыря, мужественного защитника своего народа. Державин характеризует его как «комплексный образ», впитавший в себя огромное содержание как доисторических, так и исторических переживаний южнославянских и русского народа⁵¹².

В 1944 г. Н.С. Державин поместил в журнале «Славяне» статью, посвященную 65-летию со дня смерти выдающегося болгарского писателя, публициста и обществен-

ного деятеля Любена Каравелова. Кратко охарактеризовав революционную деятельность писателя, его связи с передовыми русскими литераторами во время учебы в Московском университете в конце 1850-х гг., культурно-просветительскую работу в журнале «Знание» и борьбу за самостоятельный болгарский экзархат в 1870-е гг., участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., советский славист подводил читателя к мысли об актуальности идей, высказанных Л. Каравеловым, и в годы Великой Отечественной войны. «Идеи Каравелова, — писал он, — проникнутые духом единства братских народов, продолжают и по сей день волновать каждого патриота. Каравелов верил в будущее своего народа в содружестве со всеми славянскими и другими народами Балканского полуострова. Он выступал за самое тесное сближение с великим русским народом»⁵¹³.

В рецензии на «Избранные произведения» известной польской поэтессы Марии Конопницкой, живописующей жизнь польской деревни и городской бедноты (изданы на русском языке также в 1944 г.), С. Семеновский подчеркнул, прежде всего, актуальность ее лирических сочинений: «Поэзия Конопницкой далеко выходит за рамки лирики чувства, мысли, философского раздумья о судьбах мира и родины, о путях человека». Славянский патриотизм, ненависть к тевтонским крестоносцам звучит в ее строках о Грюнвальде, когда общие враги, тевтоны, не знали, «польский витязь меч заносит, чех или русский панцирь прусский разрубил сплеча?»⁵¹⁴. Автор утверждает, что с «Присягой» Конопницкой на устах ныне идут в бой «воины Польской армии в СССР» — «это как бы памятка солдату Польской армии, идущему на смертный бой с извечным врагом». Автор патетически заключает, что трогательная «задушевная» лирическая поэзия Конопницкой в годы войны обретает «новую жизнь, новую живую силу». Ее стихи «звучат на борьбу с душителями свободы, народного духа, с гитлеровским человеконенавистничеством, за идеалы братства, справедливости и правды»⁵¹⁵.

Во время войны литературоведов по-прежнему привлекала личность Адама Мицкевича, трактовавшегося теперь не столько как революционера, выступавшего против самодержавия, сколько как «непреклонного борца за величие славянства, за его достойное место в культурном мире» против «немецких агрессоров»⁵¹⁶. В статье «Заветы Адама Мицкевича» М.С. Живов трактует содержание его поэм «Гражина» и «Конрад Валленрод», «Курса славянских литератур» в Колеж де Франс и др. именно в таком ключе: поэт, дескать, здесь «обрушивает гнев патриота-славянина на исконных врагов своей родины — коварных и злобных тевтонцев». Даже известные связи поэта с русскими писателями, по его мнению, «утвердили в Мицкевиче сознание необходимости единения славянства против исконного врага-немца»⁵¹⁷. При этом автор не забывает отметить, что «ненависть Мицкевича к немцам была священной ненавистью патриота и передового борца, в ней не было ничего от националистического шовинизма, никогда и ни в какой мере не проявлявшегося у этого подлинного интернационалиста, боровшегося за „весну народов“», что подтверждают его связи «с лучшими представителями немецкой культуры»⁵¹⁸.

В обширной статье о творчестве А. Мицкевича, написанной по поводу выхода в свет его «Избранных произведений» на русском языке (М., 1943), А. Лаврецкий как бы продолжает рассуждения М.С. Живова о сущности патриотизма польского поэта. Здесь просматриваются «всполохи» будущей кампании «борьбы с космополитизмом». Автор писал: «Его национальное чувство не противопоставляло свой народ другим народам, отечество — человечеству. Такое противопоставление — характернейшая черта немецкого национального сознания. Это идея немецкого Vaterland'a, в которой на-

ционализм получил наиболее отталкивающее выражение». Однако не менее чужда великому польскому поэту, по мнению А. Лаврецкого, «такая идея всечеловеческого единства, которая носит абстрактный характер, лишена понимания этого многообразия и своеобразия наций, которое и составляет духовное богатство человечества, без которого немислимо человеческое творчество. „Гражданин вселенной“ презирует свой народ, живет в некоей республике свободных умов, вне пространства и живого исторического движения». Напротив, утверждает автор статьи, «Мицкевич предельно глубоко чувствовал свою национальность... Он уверен в том, что какая-то существенная сторона общечеловеческой правды воплощается или раскрывается именно в национальной форме его народа, и, не будь ее, осталась бы не выраженной. Кто так мыслит, тот может соединить патриотизм и широкие интернациональные симпатии, которые оставались разъединенными и у националистов, и у космополитов»⁵¹⁹.

В трактовке русских контактов Мицкевича А. Лаврецкий делает упор на его «родственность социальной природы» с декабристами и особенно на «общеславянские тяготения» с Пушкиным. Он полагал, что «и великий поэт Польши, и великий поэт России были одинаково глубоко заинтересованы в утверждении культурной самобытности своих народов и литератур как народов и литератур славянских. В утверждении национальной самобытности Мицкевич видел залог их сотрудничества и дружбы»⁵²⁰.

Автор показал свое видение проблемы отношения поэтов к польскому восстанию 1830 г. В стихотворении «Русским друзьям» (1832) Мицкевич негодовал против тех, кто занял к повстанцам враждебную позицию. А. Лаврецкий обходит вопрос о панславистских тенденциях в стихотворении Пушкина «Клеветникам России» и оправдывает поэта за выступление против вмешательства европейских стран во внутренние дела российской державы: «Пушкин считал, что русские и поляки, как члены одной славянской семьи, не должны выносить своих споров на суд других народов, а раньше или позже договориться сами. Стихи Пушкина направлены не против поляков, а против вмешательства других государств во внутренние дела России». В этом русский поэт не был понят Мицкевичем⁵²¹.

А. Лаврецкий противопоставляет взгляды Мицкевича и Пушкина и по вопросу о «прогрессивной роли Петра Великого как государственного деятеля». Он справедливо полагает, что у Мицкевича, воодушевленного идеями Байрона, «Петр является чем-то вроде „сверхчеловека“, нарушающего законы человеческого естества», стремившегося только «показать свое всемогущество». Пушкин-государственник, задумываясь о цене Петровских преобразований для населения России, все же полагает, что «необходимость исторического дела для блага народа оправдывает... те жертвы, которых оно требует», поскольку «действия Петра были определены... исторической и национальной необходимостью, а не личной заинтересованностью»⁵²².

Однако далее А. Лаврецкий в духе времени изобретает некую «славянскую этическую концепцию», в рамках которой действуют и выражают свои мысли поэты и которая, дескать, в корне противостоит немецкой «идее государства-Молоха», не замечая явной аналогии со сталинской тоталитарной системой. «Различия во взглядах Пушкина и Мицкевича на Петра, — писал автор, — символизирующего проблему прав исторического героя, движутся, однако, в пределах одной и той же этической концепции... это славянская концепция личности и ее отношения к обществу, противоположная, прежде всего, немецкой, в которой культ будто бы довлеющего себе государства сочетается с поклонением властителю, отождествляющему государство со своим личным

произволом». Напротив, автор полагает, что «содержание этой славянской концепции — гармоническое единство личности и общества. Величайшая ответственность за судьбы всякой человеческой личности, а следовательно, и общества, — составляет вытекающее из этой предпосылки этическое следствие»⁵²³.

Неправильное понимание этой проблемы Мицкевичем ведет его, по мнению автора, к «болезненному мессианизму». «И в мессианизме Мицкевича, обрекшем польский народ на жертву для человечества, получила свое, правда болезненное, выражение эта черта этичности в творчестве великого поэта славянства»⁵²⁴.

В 1945 г. в атмосфере эйфории Победы в Великой Отечественной войне появилась новая статья М.С. Живова «Адам Мицкевич», приуроченная к 90-летию со дня смерти поэта. В ней характеризовались все периоды его творчества, но под углом распротраненных тогда в СССР идей русоцентризма и формирующегося нового понимания «славянской демократии». В этом ракурсе рассматривалось теперь противостояние польского классицизма и романтизма. «Баллады Мицкевича, — писал автор, — до сих пор остаются шедевром польской романтической поэзии. То, что в основу их были положены народные мотивы, само по себе определяло их демократичность в противопоставлении с аристократической поэзией приверженцев классицизма. Они будили любовь к родной земле, к родному народу, питая патриотические стремления и чувства молодого поколения Польши. Народное предание легло в основу и первых частей большой драматической поэмы Мицкевича „Дзяды“»⁵²⁵.

Особый акцент М.С. Живов делал на значение общения польского поэта с русскими писателями в Петербурге, Одессе и Москве: «Мицкевич восхищал русских друзей своими знаменитыми импровизациями, в которых он предстал в равной мере и как вдохновенный поэт, и как пламенный патриот своей родины»⁵²⁶. Автор писал также об успехе в России «Крымских сонетов» Мицкевича и его поэмы «Конрад Валленрод», о первых многочисленных опытах переводов его стихов на русский язык.

М.С. Живов старался подчеркнуть, что пребывание в России сыграло исключительную роль в творчестве польского поэта: «Пять лет, проведенных Мицкевичем в России, взрастили талант польского поэта, наполнили его новой силой; расширили кругозор поэта, еще глубже стали его поэтические помыслы, еще шире стали его идейные стремления»⁵²⁷. Для подкрепления своей мысли автор приводил отзывы польского литератора, профессора Т. Бой-Желенского о том, что «высылка в Россию была изгнанием, но и освобождением...», и что пребывание в России сыграло в духовной жизни Мицкевича колоссальную роль», а также русского поэта И. Козлова, сказавшего своему польскому коллеге А.Э. Одынцу: «Взяли мы его у вас сильным, а возвращаем могучим»⁵²⁸. При этом автор не скрывал, что творческий подъем поэт в дальнейшем испытал и в Германии, пережив там «дрезденскую весну», подобно «болдинской осени» Пушкина.

Страстный антинемецкий пафос уже не звучал в статье при оценке исторических поэм «Гражина» и «Конрад Валленрод», «Курса славянских литератур» в Коллеж де Франс, статьи «О славянстве вообще» и неоконченной «Истории Польши». Автор только замечает, что Мицкевич показал в них, «какую угрозу для славянских народов представляет германская агрессия», начертал в своих лекциях «путь культурного развития славянских народов, их роль в развитии мировой культуры», а также опроверг «ложь немецких историков, их клевету на славянские народы», показав «моральное превосходство славян над немцами»⁵²⁹. Живов также огласил (ставшее особенно актуальным в 1945 г.)

желание Мицкевича, выраженное через цитату из польского историка Яна Длугоша, о необходимости возвращения Польше западных земель, завоеванных немцами: Силезии и Поморья (решение о чем было принято в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции лидеров трех великих держав)⁵³⁰.

В революционном 1848 году М.С. Живов представляет Мицкевича не только страстным публицистом газет «Польский пилигрим» и «Трибуна народов», в которых он клеймил «деспотию господствующих классов, отстаивая основанный на праве и справедливости общественный строй и горячо приветствуя революционные бури, пронесшиеся над Европой», но и впервые — организатором польских легионов «для борьбы за освобождение Польши»⁵³¹.

В «Воззвании к русским» (1832) автор видит не обвинение Мицкевичем русских друзей в непонимании благородных целей польского восстания 1830 г., а осознание того, «какую роль в деле единения славянства» и падении деспотизма «может сыграть великий русский народ»⁵³².

Подводя итоги, автор обозначил новое понимание значения творчества Мицкевича, характерное для первых месяцев послевоенного патриотического подъема: «Великим гением славянства, борцом за свободу и счастье человечества, борцом за единение славянских народов во имя прогресса и культуры, во имя мирной творческой жизни всегда представлял Мицкевич многочисленным почитателям в России». М.С. Живов особо подчеркнул, что «традиция любви и уважения к великому польскому поэту, утвердившаяся еще в пушкинские времена, нашла свое прекрасное продолжение в последующие десятилетия. Гоголь и Лермонтов, Герцен и Огарев, Белинский и Чернышевский, Лесков и Короленко, Лев Толстой и Максим Горький выразили восхищение его могучим талантом»⁵³³.

Характерна и актуализация значения творчества польского поэта в начальный (еще завуалированный) период формирования блока стран «народной демократии»: «В наши дни, когда объединение славянских народов становится осуществленной мечтой (выделено нами. — М.Д.), русские читатели с интересом и волнением перечитывают страницы замечательной биографии великого польского поэта, его бессмертные произведения, воплотившие его поэтический гений и его свободолюбивые стремления. И они ставят его имя в одном ряду с именами своих великих поэтов»⁵³⁴.

Мы проанализировали наиболее характерные статьи советских литературоведов, касающиеся освещения истории славянских литератур в годы Великой Отечественной войны, стремясь определить, прежде всего, не тонкости содержавшегося в них литературоведческого анализа (который почти отсутствовал), а влияние на них политической конъюнктуры, так как эти статьи имели явно пропагандистский характер и делали упор на патриотические моменты творчества писателей, их ненависть к «вековым врагам славянства», мотивы единения славянских народов. Эти цели достигались на примерах характеристики творчества наиболее выдающихся славянских писателей, своего рода символов и классиков литературы своих стран, достижений периода национального Возрождения, так как мотивы их творчества и освободительные порывы оказались наиболее созвучны патриотическому подъему эпохи ожесточенной борьбы с немецким фашизмом. В это время не появилось статей, освещающих какие-то продолжительные периоды в развитии славянских литератур, что явилось отчасти следствием отсутствия единого славистического литературоведческого центра.

Что касается произведений современных литераторов (преимущественно левой ориентации), на освещение которых всегда делался особый акцент в советском лите-

ратуроведении, то в журнале «Славяне» помещались рецензии на произведения тех славянских авторов, которые с особым пафосом разоблачали преступления немецких захватчиков, а именно: чешских эмигрантов Мориса Хиндуса «Петь вместе с ангелами» и Франца Вайскопфа «Заря занимается»⁵³⁵, польского поэта Леона Пастернака «Слова издалека»⁵³⁶, писательницы Ванды Василевской «Радуга»⁵³⁷, сборник стихотворений хорватского поэта Владимира Назора⁵³⁸ и др. Эти авторы заявили о себе как страстные борцы с немецким фашизмом. Однако систематического внимания к изучению современных славянских литератур не наблюдается.

Чего не скажешь об **издательской политике СССР периода войны в отношении славянских писателей**. Это было временем начала расцвета переводческой деятельности, имевшей активное продолжение в послевоенные годы. И здесь вскоре нашли свое применение в качестве переводчиков и редакторов первые выпускники кафедр славянской филологии МГУ и ЛГУ. Стихотворения славянских поэтов-антифашистов Р. Стийенского, О. Лысогорского, Э. Шемплинской регулярно помещались на страницах журнала «Славяне». В годы войны вышли в свет на русском языке «Стихи и повести» (М., 1944) выдающегося чешского писателя и поэта Яна Неруды, «Старинные сказания чешского народа» (М., 1943) мастера чешского исторического романа Алоиза Ирасека и его роман о героической борьбе пограничных поселенцев — ходов против Габсбургов «Псоглавцы» (1945), уже упоминавшиеся «Избранные произведения» и «Избранное» Адама Мицкевича (1943) и Марии Конопницкой (1944). Все они сопровождалась вводными статьями о творчестве поэтов и писателей, трактующими его в духе времени, с патриотических и антифашистских позиций. Большинство этих произведений вышло в Государственном издательстве художественной литературы в рамках его проекта «Славянская библиотека».

Особо хотелось бы сказать о «Библиотечке Союза польских патриотов в СССР», в которой активно публиковались сочинения классиков польской литературы на родном языке: Адама Мицкевича, Генриха Сенкевича, Болеслава Пруса, Марии Конопницкой, Элизы Ожешко, современных поэтов: Юлиана Тувима, Адама Важики, Леона Пастернака и др., которые были запрещены на родине в годы войны. «Библиотечка» выпустила также ряд политических брошюр: «Грюнвальд», «Тадеуш Костюшко», «Пятая колонна среди польской эмиграции», небольшие книжки Белецкого «Лагеря смерти», Лямпе «Место Польши в Европе», Ланга «Свастика над Польшей» и др.⁵³⁹.

Примечательно, что в годы войны сознавалась острота проблемы качества **переводов произведений выдающихся славянских писателей**. Уже в рецензии А. Лаврецкого отмечались несовершенства в переводе отдельных произведений А. Мицкевича на русский язык, особенно трудности в адекватной передаче «интимных отношений человека к природе, богатства ее одушевленной поэтом жизни», когда природа «изображает не только ландшафт, но и духовную жизнь поляков среди этого ландшафта»⁵⁴⁰. Рецензент отметил неточности в передаче образных выражений стихотворения «Вид на горы из Козловских степей» в переводе О. Румера, «Песни филаретов» — Д. Горбова и др.

Сознавая эти трудности, издательство художественной литературы, собираясь выпустить в свет собрание сочинений Адама Мицкевича, провело в конце 1944 г. интересную творческую дискуссию о методах переводов произведений великого польского поэта. На обсуждение были представлены два варианта перевода патриотической поэмы «Гражина», сделанные опытными переводчиками Ю. Верховским и

А. Коваленским. Первый перевел ее силлабо-тоническим стихом, второй — силлабическим. В дискуссии выступили многие известные советские литературоведы, главным образом пушкинисты: М.А. Цявловский, С.М. Бонди, Б.В. Томашевский, поэты М. Зенкевич, С. Шервинский, В. Левик и др. «Выступавшие требовали от переводчиков передачи глубокой народности поэзии Мицкевича, ее простоты и образности, глубокой лиричности»⁵⁴¹. Примечательно, что участники обсуждения проявили разносторонний, не свойственный тому времени, плюрализм мнений, рекомендовав выпустить в свет оба перевода, обращая внимание, прежде всего, на их художественность, а не на размер стиха. Отметим, однако, что в переводе А. Коваленского поэма вышла в свет в 1945 г. Выпуск же другого перевода так и не состоялся.

Востребованное во время войны творчество А. Мицкевича, как ни одного из других славянских писателей, аккумулировало внимание большого числа советских поэтов-переводчиков: Н. Асеева, П. Антокольского, Е. Благиной, В. Звягинцевой, М. Зенкевича, М. Голодного, С. Мар, О. Румера и др. Показательно, что переводы выносились на общественное обсуждение. Так, Н. Асеев прочитал на собрании 200 библиотекарей Москвы свое переложение поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» и получил их горячее одобрение. Его перевод «Песни филаретов» признали лучшим из десяти представленных на своеобразный конкурс в издательстве. «Крымские сонеты» адекватнее всего удалась О. Румеру, баллада «Пани Твардовская» — М. Голодному, отрывки из поэмы «Пан Тадеуш» — С. Мар и т.д.⁵⁴². Все они были включены в готовящееся к изданию собрание сочинений польского поэта.

В горниле идеологических кампаний конца 1940-х гг. «Поражение от Победы». Окончание изнурительной войны, триумф Победы, поддержка патриотических настроений в военный период привели к подъему самосознания воинов-победителей, возбудили в советском обществе надежды на ослабление идеологического прессинга, на признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, на восстановление культурных связей с западной цивилизацией. Этим надеждам на какую-то трансформацию сталинского режима не суждено было сбыться. Руководство страны взяло курс не на либерализацию страны, а на «закручивание идеологических и репрессивных гаек», ужесточение вмешательства государственно-партийного аппарата в ее культурную жизнь. И едва приоткрывшееся «окно в Европу» во время освобождения Красной Армией европейских государств от фашистской оккупации и переговоров лидеров великих держав о мирном урегулировании снова стало закрываться «железным занавесом», обрекая страну на годы изоляции, а значит, и несвободы. Вместе с СССР в эту систему втягивались и государства формирующегося блока «народной демократии». Этот период очень метко назван одним из современных исследователей «поражение от Победы»⁵⁴³.

Охранительная линия системы проявилась, прежде всего, в кампании против «низкопоклонства перед Западом». Теоретической основой «жесткого» курса в области идеологии стало известное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», принятое 14 августа 1946 г. по докладу партийного идеолога А.А. Жданова. Оно по существу было направлено против любого проявления общественного инакомыслия как такового. Партийное руководство требовало от литературных журналов активного включения в «правильное воспитание молодежи», ибо нельзя терпеть «воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности»⁵⁴⁴,

ее надо воспитывать готовой «преодолеть всякие препятствия», «в духе бодрости и революционности»⁵⁴⁵. Этим «высоким» требованиям не отвечали, по мнению партийного идеолога, сочинения выдающегося русского писателя-сатирика М.М. Зощенко, обвиненного в безыдейности, пошлости, вульгарности, аполитичности, очернении советской действительности, и великой поэтессы «серебряного века» А.А. Ахматовой, «блудницы и монахини», проповедницы «упадничества, пессимизма, веры в потусторонний мир»⁵⁴⁶. Беспощадной критике были подвергнуты «чуждые в идейном отношении», культивирующие «несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой» сочинения ряда известных советских писателей (Садофьева, Комиссаровой, Штейна, Ягдефельда, Варшавского, Слонимского и др.)⁵⁴⁷.

Советским литераторам предписывалось создавать сочинения в духе высокоидейного социалистического реализма, развивая «лучшие традиции русских революционных демократов XIX века», критически перерабатывая культурное наследство прошлого. Писатели должны были возвеличивать «новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед»⁵⁴⁸.

Постановление произвело удручающее впечатление на мыслящую интеллигенцию. Последовала смена руководства названных в нем журналов, начались травля и преследования М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой и других упомянутых там литераторов, которых попросту лишали средств существования. Входило в практику широкое обсуждение этого и других постановлений партии «по вопросам литературы и искусства» (например, «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме „Большая жизнь“», «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели») в художественных и писательских организациях, в научных институтах и вузах. Профессор МГУ С.Б. Бернштейн зафиксировал в своем дневнике от 15 марта 1947 г.: «На факультете напряженная обстановка. Широко обсуждают прошлогодние постановления партии по вопросам литературы и искусства. В первую очередь это относится к кафедрам литературоведческого и искусствоведческого цикла. Однако приходится заниматься этим и лингвистам. К счастью, славистов в этом аспекте пока не трогают, но кафедре русского языка достается. В специальном постановлении сказано, что „вся научная работа кафедры должна быть проникнута высокой идейностью, большевистской партийностью“... Как это напоминает 1931 год! Вновь мы приходим в полосу левацких загибов, которые позже, конечно, будут осуждены»⁵⁴⁹. Но «перегибы» продолжали тиражироваться, снова актуализировались обвинения советских ученых в формализме, объективизме и пр.

Слухи о происходящем в СССР доходили до творческих организаций в странах «народной демократии». Надо было дать им правильное с идеологической точки зрения объяснение. Эту миссию взялся исполнить только что избранный генеральным секретарем Союза писателей СССР А.А. Фадеев. С этой целью он выступил с докладом «О традициях славянской литературы» на собрании Общества культурных связей с СССР в Праге. Советский писатель постарался ответить в нем на некоторые злободневные вопросы о перспективах развития литературы в дружественных славянских странах. Прежде всего, в этот переходный период в чешском и словацком обществе дискутировался вопрос: «Как должна ориентироваться чехословацкая культура — на западную культуру или на восточную культуру?» На что Фадеев дипломатично, но по-марксистски, ответил: «Ориентируйтесь, прежде всего, на самих себя, на ваше великое прошлое и будущее», заработав бурные аплодисменты.

Лукавство этого ответа заключалось в том, что он сразу же стал обосновывать общность русской и других славянских культур. Писатель нашел ее в «великой народности», в «демократическом свободолобии и национально-освободительном духе» и в «величайшем гуманизме»⁵⁵⁰. Эти черты, по его мнению, вообще не свойственны литературам Запада, но зато в полной мере присущи лучшим произведениям советской литературы, пропитанной духом «советского патриотизма, национальной гордости, великих гуманистических идей, идей коллективизма и братства»⁵⁵¹. Все это отражается в методе социалистического реализма, которым руководствуется советская литература, и применения которого современным славянским писателям не следует опасаться. Ибо «социалистический реализм — это метод, который родился, который был создан самой литературой на основе новой жизни... Это, прежде всего, правдивое изображение современной советской социалистической жизни и новых человеческих чувств в их развитии и в их борьбе со старыми чувствами. А формы социалистического реализма чрезвычайно многообразны»⁵⁵².

Разъяснив свое понимание социалистического реализма, Фадеев перешел к столь же интересующему аудиторию августовскому постановлению ЦК ВКП(б): «Говорят, что газеты за границей, в частности газеты в Праге, уделяют много времени той критике, которая появилась на страницах нашей печати по отношению к писателям Зошенко и Ахматовой». Фадеева возмутило, что пражская газета «Свободне новины» (Svobodné noviny) осмелилась поместить на своих страницах один из рассказов опального писателя, а известный публицист Ян Славик в «Свободним Зитржку» (Svobodní zítřek) назвал его «русским сатириком», позитивно охарактеризовав его творчество. Фадеев в своем ответе даже превзошел партийного идеолога А.А. Жданова в унижении Зошенко, подчеркивая, что в «счастливом советском обществе», где создается «новый советский человек», нельзя мириться с тем, чтобы «писатель, в сущности пятого разряда, низкого пошиба, позволяя себе хулить из года в год тяжкий труд этого советского человека», и назвал его не «сатириком», а «сплетником»⁵⁵³. Что касается А.А. Ахматовой, то Фадеев не опустил до откровенных издевательств Жданова, указав только, что она «поэт, можно сказать, старой России, последнее наследство декадентства, оставшееся у нас. Стихи ее полны пессимизма, упадка» и потому ей не по пути «с нашей советской жизнью»; ее поэзия не способна воспитывать молодых людей «сильными, бодрыми, великими сердцем и духом»⁵⁵⁴.

Не мог не коснуться Фадеев и такого, часто обсуждаемого на Западе вопроса, как «свобода творчества» в СССР. Аргументацию он строил на лозунгах партпропаганды, подчеркивая, что истинные писатели всегда должны выражать народные идеи, быть совестью народа. В этом проявлялась, по его мнению, и свобода чешских и словацких «будителей», свобода А.Н. Некрасова и других великих русских писателей. В подлинно демократическом государстве, образцом которого, по его утверждению, является Советский Союз, писатели служат своему государству, а критика является выражением советской демократии, ибо иначе «наше государство было бы обречено на застой. Но оно развивается, движется вперед, потому что кладет в основу своей демократии широчайшую критику своих людей», которая, демагогически заявлял он, совсем не ведет к «лишению хлеба и воды»⁵⁵⁵. Переходя в наступление, Фадеев обвинил Яна Славика в приверженности к западным ценностям, в том, что он «прикован цепью к тачке своих предрассудков», в то время как «советские писатели творят в интересах своего народа и государства»⁵⁵⁶ и не ощущают себя несвободными. В то время подобные доводы считались убедительными, и чешская публика приняла их с аплодисментами.

В заключение Фадеев назвал имена выдающихся чешских (Ян Амос Коменский, Ян Коллар, Ярослав Врхлицкий, Карел Гавличек, Божена Немцова, Ян Неруда, Сватоплук Чех) и словацких (Андрей Сладкович, Ян Ботто, Янко Краль, Людовит Штур, Павол Ораг Гвездослав, Мартин Кукучин) писателей, призывал гордиться своим богатым литературным наследием, а не подбирать «объедки с нашего стола» в виде произведений Зоценко.

Фадеев сокрушался по поводу недооценки на Западе значения славянских культур, и даже русской, и почти как славянофилы в XIX в. обвинил в таком непонимании сам Запад, вопрошая: «Какие же особенные ценности в области морали и гуманизма несут нам представители современного западноевропейского декадана? Этот декаданс давно стал провинциальным явлением. Почему же нужно кланяться в пояс всему тому, что несут к нам с Запада. Давайте высоко нести благородное гуманистическое знамя нашей славянской культуры!»⁵⁵⁷

Выступление главного функционера от советской литературы было одобрительно принято в Обществе культурных связей с СССР и рассматривалось как руководство к действию, хотя до февраля 1948 г. в Чехословакии оставались интеллектуалы, ставившие неудобные вопросы относительно развития советской литературы.

Следует отметить, что так или иначе дальнейшее развитие литературоведческой славистики во второй половине 1940-х гг. протекало под влиянием соответствующих постановлений ЦК ВКП(б) и разных идеологических кампаний, но вопрос в том, насколько оно под ними «прогибалось».

Указанием для дальнейшего разворачивания кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом» стал доклад В.М. Молотова в ноябре 1947 г. «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции», в котором он призвал скорее покончить с пережитками прошлого, мешающими формированию настоящего советского гражданина, и потому «развернуть беспощадную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой»⁵⁵⁸. Союз советских писателей немедленно откликнулся на это «указание партии», поставив на пленуме своего правления вопрос о теоретическом наследстве А.Н. Веселовского, главы русской культурно-исторической школы, родоначальника исторической поэтики, труды которого являются нашим национальным достоянием и неоценимым вкладом в мировую науку. Здесь резко критиковались мнения ведущих академических ученых, что его работы «святая святых отечественного литературоведения» и потому не нуждаются ни в каком теоретическом пересмотре.

Напомним, что 27 февраля 1938 г. в Отделении общественных наук АН СССР была проведена специальная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения «знаменитого соотечественника». С докладами на ней выступили ведущие советские литературоведы В.Ф. Шишмарев («Александр Николаевич Веселовский»), В.М. Жирмунский («Историческая поэтика А.Н. Веселовского»), В.А. Десницкий («А.Н. Веселовский и русское литературоведение»), М.К. Азадовский («А.Н. Веселовский как исследователь фольклора»), М.П. Алексеев («А.Н. Веселовский и западное литературоведение»), которые публиковались в отдельном номере «Известий АН СССР» по этому Отделению (1938. № 4). Главные авторитеты тогдашнего литературоведения, проведя серьезный анализ творчества ученого, дружно признали выдающийся теоретический вклад А.Н. Веселовского в отечественную науку, на который необходимо опираться и развивать в дальнейших трудах. При этом каждый из названных ученых стремился актуализировать заслуги

корифея российского литературоведения применительно к современным условиям. Так, В.Ф. Шишмарев акцентировал его «идею всеобщей литературы... и проложенный им путь к социологическому анализу литературных явлений»⁵⁵⁹. В.М. Жирмунский приветствовал у него, как ученого «прогрессивного периода буржуазной исторической мысли», стремление к раскрытию «объективных исторических закономерностей литературного развития». Более того, он нашел в его труде по исторической поэтике отражение мировоззрения «стихийного материалиста-шестидесятника» Н.Г. Чернышевского и переключку с «гениальной» книгой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁵⁶⁰. В.А. Десницкий определил А.Н. Веселовского как «непревзойденного мастера» в применении «сравнительно-исторического метода изучения культурно-исторических и литературных явлений» и, как ни парадоксально, попытался сделать из него предтечу марристов в исследованиях «социологической поэтики» и применении «палеонтологического анализа»⁵⁶¹. М.К. Азадовский указал на стремление Веселовского изучать проблему «роли народных масс», «народного самосознания» с точки зрения его «прогрессивного значения и органической идеи народности». В то же время советский ученый ввел его творчество «в орбиту идей революционной демократии» и, как необходимый реверанс марксистским ортодоксам, подчеркнул, что «гениальный ученый и революционер в науке» Н.Я. Марр неоднократно подчеркивал значение идей Веселовского в создании своего учения⁵⁶². М.П. Алексеев, говоря об огромной роли русского ученого в мировой науке, зачастую принижавшейся, констатировал, что «своим универсализмом и замечательной широтой и глубиной своих историко-литературных обобщений» он значительно опередил западноевропейских ученых⁵⁶³.

Следует отметить, что эти основательные статьи маститых советских литературоведов о А.Н. Веселовском, несмотря на потуги актуализации, послужили в дальнейшем кладзем информации и точкой отсчета для критики идей выдающегося отечественного ученого. В 1944 г., на исходе войны, к ним добавилась еще статья В.Ф. Шишмарева «А.Н. Веселовский и литературоведение», а также его книга «Александр Веселовский и русская литература» (Л., 1946), в которой в усиление вышесказанного ученый представлен «украшением и гордостью» нашей науки, выросшим «на революционно-демократических традициях», оснащенным «всем арсеналом современной ему научной техники, но в то же время владевшим таким огромным разнонациональным материалом, каким едва ли владел кто-нибудь из его западноевропейских товарищей». «Строя современное марксистско-ленинское литературоведение, — заключал Шишмарев, — мы можем почерпнуть много материалов из прекрасных трудов Веселовского»⁵⁶⁴. С этими работами, несомненно, знакомился литературный критик и публицист А.К. Тарасенков и сотрудники Института этнографии АН СССР (о чем пойдет речь далее).

Указанные заявления еще раз свидетельствуют о том, что на исходе войны делались попытки возвращения и восстановления уважительного отношения к дореволюционному научному наследию. Идеологические кампании конца 1940-х гг. были направлены на отречение от него. Не случайно поэтому, что объектом главных нападок был избран корифей отечественного литературоведения А.Н. Веселовский.

А.К. Тарасенков в статье «Космополиты от литературоведения» (Новый мир. 1948. № 2) под впечатлением обсуждений на пленуме правления Союза советских писателей со всей «партийной прямоотой» обрушился на А.Н. Веселовского и его последователей в отечественном литературоведении. Он утверждал, что «исторически Веселовский противостоит всей линии Белинского — Чернышевского — Добролюбова. Веселовский —

один из столпов буржуазно-либеральной науки. Как философ Веселовский находился под огромным влиянием спенсоровского позитивизма»⁵⁶⁵. Ученый оценивался им не как виднейший основоположник и теоретик российского литературоведения, предшественник его марксистского понимания (что пытались доказать на сессии 1938 г.), а как его антипод. «Наше марксистско-ленинское литературоведение, — писал Тарасенков, — считает своими предшественниками революционно-демократических философов и критиков — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Веселовский же является отцом теорий декадентов и формалистов, основоположником многочисленных антинаучных разысканий о так называемом „западном влиянии“ на русскую культуру»⁵⁶⁶. В соответствии с таким толкованием творчества Веселовского, а также негативным отношением к сравнительно-историческому методу его исследований, критически пересматривались старые и новые работы советских литературоведов в аспекте наличия в них идей «буржуазного космополитизма», означающего «презрительное отношение к своей родине, ее культуре, к ее традициям»⁵⁶⁷.

Примечательно, что на ранних этапах кампании «борьбы с космополитизмом» акцентировалась его связь с «иезуитом Бухариным» и «бандитским космополитом Троцким», а также необходимость противостояния формирующемуся «западному блоку»: «Под флагом космополитизма действуют сейчас темные дельцы от черчиллевско-трумэнской шайки, всячески стремящиеся ущемить суверенитет малых и больших народов, пограть их национальную самобытность, стереть их национальную культуру, принести ее в жертву господину доллару»⁵⁶⁸. Антисемитский момент просматривался только на уровне лиц, «подвергнутых критике».

А.К. Тарасенков походя осудил труды покойного П.Н. Сакулина и, что хуже, «обрушился» на здравствующих: профессора И.М. Нусинова (книга «Пушкин и мировая литература. 1941), литературоведов А. Старцева (один из авторов труда «История американской литературы». Т. 1), Сильмана (работа об Эдгаре По), Мокульского (соавтор труда «История французской литературы». 1946. Т. 1), Эйхенбаума (статья о Л.Н. Толстом). Но особенно «досталось» профессору ЛГУ В.Я. Проппу (как последователю методологии не марксизма, а А.Н. Веселовского) за его книгу «Исторические корни русской волшебной сказки» (Л., 1947), а заодно и профессору В.М. Жирмунскому, написавшему на этот труд положительную рецензию (Советская книга. 1947. № 5). «Книга Проппа, — с пафосом заключил А.К. Тарасенков, — это Веселовский, доведенный до абсурда и мракобесия», она «вредна и ошибочна от первой до последней своей строчки»⁵⁶⁹. Он призвал советских ученых-фольклористов сказать о ней «свое резкое и правдивое слово». Следует отметить, что всех названных довольно именитых литературоведов малоизвестный критик обвинил в «раболопном ползании на брюхе перед западной культурой»⁵⁷⁰.

В качестве некоего идеала будущего развития советского литературоведения автор «наставлял» ученых, следуя «указаниям партии», что им надо «правильно донести до народа творения русских классиков, дать им обстоятельный классовый и эстетический анализ, очистить их творения от лжи и фальши, которыми их обволакивала буржуазная наука», разрабатывать «теорию социалистического реализма», а главное — «пора научиться по-настоящему гордиться великими ценностями нашей русской классической культуры, литературы, а также культуры братских народов СССР и родственных нам славянских народов, литература которых, к стыду нашей науки, даже еще не начала как следует изучаться» (выделено нами. — М.Д.)⁵⁷¹. Так изучение «братских славянских литератур» включалось в «патриотическую» борьбу с космополитизмом.

Статья А. Тарасенкова имела отклик в академических кругах. 23 и 26 марта 1948 г. на заседании Ученого совета Института мировой литературы им. А.М. Горького был заслушан доклад д.ф.н. Л.И. Тимофеева «Против идеализации учения А. Веселовского», в котором повторялись и усугублялись многие обвинения критика. В отличие от «гуманной», «подлинно исторической» и «прогрессивной» эстетики революционных демократов концепция А.Н. Веселовского представлялась докладчиком «объективистской, формалистической и антиисторической». Он заявлял, что «учение Веселовского антигуманистично по существу. Компаративистский метод Веселовского отрывал литературу от всех ее корней и, в частности, от проблем национальной самобытной культуры» и приводил к космополитизму⁵⁷². В обширной дискуссии критиковались «апологетические» работы и выступления о Веселовском ведущих литературоведов В.Ф. Шишмарева, В.М. Жирмунского, М.П. Алексева, А.И. Белецкого, В.А. Десницкого и др. Однако В.Ф. Шишмарев имел мужество не отказаться, а защищать свои убеждения. Ученый совет Института принял решение разоблачать «реакционное учение А. Веселовского» всеми возможными способами, как в научных трудах, так и в педагогической практике и даже весьма опрометчиво — на готовящемся, но не состоявшемся Конгрессе славистов⁵⁷³ (что могло негативно сказаться на имидже советской славистики за рубежом).

«Резкое и правдивое слово» в отношении книги В.Я. Проппа, методологии А.Н. Веселовского оперативно (в феврале 1948 г.) прозвучало и в стенах Института этнографии АН СССР под руководством его директора, профессора С.П. Толстова.

Здесь также искали и своего «козла отпущения». Его быстро нашли в лице крупного слависта, этнографа и фольклориста П.Г. Богатырева. Его биография словно располагала к обвинениям. Выпускник Московского университета (1918), он в 1922–1927 гг. работал в Праге в качестве референта и переводчика в советском полпредстве, затем как «невозвращенец» преподавал в Братиславском, Брненском, Мюнстерском университетах. Контакт с родиной не терял, ревностно собирая «россику» в европейских архивах и библиотеках по заданию директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. В 1940 г. он решил вернуться из Праги в Москву⁵⁷⁴.

Работая в Чехословакии, ученый сблизился с чешскими писателями-авангардистами и включился вместе со своим другом, лингвистом Р.О. Якобсоном в работу знаменитого теперь Пражского лингвистического кружка, активно внедрявшего методы структурализма в разные отрасли науки. «Функционально-структуральный» или в современном звучании «структурно-семиотический» метод он пионерски применил в изучении художественной структуры и языка фольклора, верований, магических действий и обрядов, костюмов, различных форм чешского и словацкого народного театра, книгу о котором успешно защитил накануне войны в 1940 г. в МИФЛИ в качестве докторской диссертации. Оппоненты, как мы указывали, единодушно назвали его труд новаторским и дали положительные отзывы. П.Г. Богатырев стал признанным в СССР фольклористом и этнографом, принимал активное участие в антифашистской идеологической работе в ВСК во время войны — печатался в журнале «Славяне», выступал по радио, вещавшем на славянские страны, и пр. В Институте этнографии АН СССР он возглавил в 1943 г. Сектор фольклора, организовал и с успехом провел научную конференцию по актуальной теме «Фольклор Великой Отечественной войны». В 1946 г. ему оказали особое доверие, послав в составе советской делегации в археолого-этнографическую экспедицию на Балканы (см. главу VI о связях). Но в начавшейся кампании борьбы против «низкопоклонства перед Западом» и с «космополитизмом» он оказался удобной мишенью для идейных нападок.

В Институте этнографии кампания по пересмотру идейных основ литературоведения и фольклористики началась с обсуждения книги профессора ЛГУ В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», которая подверглась критическому разбору в рецензии М.М. Кузнецова и И.П. Дмитракова «Традиции идеалистической фольклористики в работах проф. В.Я. Проппа» (Советская этнография. 1948. № 2). Поскольку Сектор фольклора, возглавляемый П.Г. Богатыревым, не поддержал критический пафос рецензентов, руководство Института обратило пристальное внимание на деятельность самого Сектора и прошлые научные работы его руководителя.

9, 16 и 28 февраля 1948 г. в Институте этнографии на заседаниях Сектора фольклора было проведено последовательное обсуждение трудов В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева и А.Н. Веселовского. Как мы уже указывали, о заслугах последнего не раз говорили до и в годы Великой Отечественной войны, в частности в докладе А.Н. Соколова «А.Н. Веселовский — основоположник исторической поэтики» на масштабной патриотической конференции в МГУ (июнь 1944 г.)⁵⁷⁵. Выступившие в ходе дискуссии о научном наследии А.Н. Веселовского (как А.К. Тарасенков и литературоведы ИМЛИ) подвергли критике как раз те доводы его защитников (В.Ф. Шишмарева, В.М. Жирмунского, М.К. Азадовского и др.), которыми они пытались актуализировать его взгляды, сближая его воззрения на литературу с воззрениями революционных демократов (т. е. изображая его предшественником марксизма)⁵⁷⁶. В.И. Чичеров, М.О. Косвен, И.П. Дмитраков, Е.В. Гиппиус, М.М. Кузнецов выразили обеспокоенность тем, что «ошибочные теоретические построения [Веселовского] до сих пор некритически повторяются в работах его учеников и тормозят развитие нашей науки»⁵⁷⁷. Выступавшие «развели» Веселовского с революционными демократами, указав, что он «остался от них в стороне», что «сущность социалистических идей ему оставалась чужда», что он «никогда не шел дальше либерального литературоведения и в конечном итоге всегда оставался позитивистом, т.е. идеалистом»⁵⁷⁸, что «его подчеркнутый объективизм и аполитичность стали знаменем буржуазной науки»⁵⁷⁹. Особым нападкам подверглись «формалистическая концепция родов поэзии и теория первобытного синкретизма»⁵⁸⁰.

М.М. Кузнецов вообще попытался обвинить Веселовского в космополитизме. Он указал, что ученый «действительно поставил вопросы международных связей, но... совершенно игнорирует национальный момент. Буржуазный космополитизм присущ всем работам Веселовского». Выступающий подверг критике и сравнительно-исторический метод, признаваемый сейчас главным достоинством трудов Веселовского, «увязывая» его с космополитизмом: «Апологеты Веселовского любят ссылаться на работу о Соломоне и Китоврасе, но эта работа типично компаративистская, ничего другого, кроме того, что славянские сказания заимствованы, в этой работе не вычитаешь. Веселовский ищет связующее звено между литературой Востока и Запада и находит его в лице Византии и славянского мира. Даже богумильство Веселовский рассматривает как привнесенное в Болгарию какими-то мифическими восточными проповедниками. Своеобразие славянских литератур, их идейное содержание и история Веселовского не интересовали».

Заключительным аккордом обличительного выступления М.М. Кузнецова стало обвинение Веселовского в «сознательном» неприятии марксизма: «Нельзя проходить мимо того факта, что Веселовский работал в то время, когда марксизм стал уже русским явлением и что он сознательно противостоял марксизму... Веселовский стоял на идеалистических позициях... Русские былины он рассматривал как сниженный отголосок византийской культуры... Снимая национальную специфику искусства, Веселовский

тем самым толкал других более мелких ученых к признанию несамостоятельности русской культуры... Как фольклорист он не мог не говорить о народе, но дальше буржуазного либерализма никогда не шел. Чернышевским и Добролюбовым вопрос о народе был поставлен в это время гораздо более четко и принципиально»⁵⁸¹.

Но в ходе обсуждения взглядов А.Н. Веселовского случился курьез, почему-то пропущенный советской цензурой. Авторитетный этнограф С.А. Токарев связал теорию первобытного синкретизма Веселовского с концепцией французского этнографа и психолога Л. Леви-Брюля, утверждавшей приоритет «дологического мышления» в сознании людей первобытной эпохи. Тем самым он вольно или невольно «подставил» марристов, указав, что одной из причин некритического отношения советской науки к Л. Леви-Брюлю и А.Н. Веселовскому является то, что «их работы были почти безоговорочно приняты Н.Я. Марром и его учениками..., создававшими новое учение о языке. Авторитет этих ученых, которые дали очень много важного и ценного в своих исследованиях и разбили основы буржуазной лингвистики, мешал развертыванию критики Веселовского»⁵⁸². (Вероятно, ученый вспомнил статьи М.К. Азадовского и В.А. Десницкого 1938 г., представлявшие Н.Я. Марра последователем А.Н. Веселовского.)

В этой связи С.А. Токарев конкретно подверг критике статью марриста А.П. Рифтина «Основные принципы построения теории стадий в языке»⁵⁸³. На общность идей Рифтина и П.Я. Проппа указал и П.И. Кушнер⁵⁸⁴. Таким образом, в поле критики впервые ненамеренно попали и марристы. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в использовании буржуазной методологии обвинялись «неприкасаемые», выступавшие как адепты «истинно марксистского» языкознания. К счастью для С.А. Токарева, его антимарристский выпад в пылу иной направленности полемики прошел незамеченным.

В защиту Веселовского осмелился выступить лишь А.В. Поздеев, но его аргументы были восприняты только как «стремление снизить принципиальное значение анализа его ошибок» и подверглись сокрушительной критике⁵⁸⁵.

Принципиальные итоги дискуссии по переоценке творчества А.Н. Веселовского, этого, по выражению В.И. Чичерова, «духовного отца формализма в области литературоведения и фольклористики»⁵⁸⁶, подвел директор Института этнографии С.П. Толстов на Ученом совете, состоявшемся весной 1948 г. Он отметил, что «пересмотр и оценка концепции А.Н. Веселовского..., это не только историографическая проблема. Эта проблема жгучей современности для наших фольклористов, ибо традиции Веселовского чрезвычайно сильно сказываются в работах наших ученых. Взгляды А.Н. Веселовского на происхождение устного народного творчества и пресловутая теория первобытного синкретизма, его взгляд на развитие фольклорных сюжетов сплошь и рядом находят свои отголоски в работах, выходящих в наши дни».

С.П. Толстов подверг критике «идеалистические основы» концепции Веселовского: «В сущности говоря, перед нами, с одной стороны, эволюционный психологизм и психологический эволюционизм. Перед нами ученый, продолжающий традиции Спенсера *, Тейлора ** в области разработки проблем происхождения фольклора на первобытном этапе его истории. В области исторического периода развития фольклора (в узком смысле

* Спенсер Г. (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии, идеолог либерализма.

** Тейлор И. — английский историк, антрополог, автор книги «Происхождение арийцев и доисторический человек...», изданной на русском языке в 1897 г. в Москве.

этого слова) Веселовский стоял на позициях школы заимствования, причем эти два, иногда резко борющихся между собою направления довольно остроумно соединены Веселовским в единую концепцию». Завершая выступление, С.П. Толстов, согласно сложившемуся «ритуалу» подобных дискуссий, обвинил Веселовского в антимарксизме: «Но от этого они не утрачивают своего неприемлемого для нас антимарксистского характера. Тот факт, что наши фольклористы своевременно не отмежевались от концепций Веселовского, понизил вообще уровень теоретической работы в области фольклористики»⁵⁸⁷.

С критикой концепции В.Я. Проппа в Секторе фольклора выступили И.И. Потехин, В.И. Чичеров, С.А. Токарев, Е.В. Гиппиус, Л.Г. Бараг, А.М. Смирнов-Кутачевский. Выдающегося отечественного исследователя русской волшебной сказки, автора фундаментальных трудов по теории и истории фольклора обвинили в формализме, антиисторизме, эклектизме, схематизме и прочих «измах», в том, что он пытается свести «все богатое и разнообразное содержание русской волшебной сказки к обряду инициации и представлениям о смерти»⁵⁸⁸. С.П. Толстов, «с партийной прямоотой» обобщив итоги дискуссии, квалифицировал книгу Проппа как «антимарксистскую» по концепции и методу исследования. По его мнению, автор «отрывает сказки от национальной почвы, от определенной социально-экономической действительности, игнорирует их содержание». Вредоносными истоками концепции Проппа он признал идеи «финской школы» А.Н. Веселовского и «французского буржуазного психологизма»⁵⁸⁹ в лице Дюркгейма* и Леви-Брюля. Позднее на Ученом совете Толстов вспомнил влияние «нашего отечественного формализма 20-х годов»⁵⁹⁰ (в лице В.Б. Шкловского, М.К. Азадовского, Р.М. Волкова), «задавленного» сталинскими идеологическими чистками.

С точки зрения темы нашего исследования наиболее интересным представляется обсуждение трудов слависта П.Г. Богатырева. Но суть его осталась бы непонятной вне общего контекста тогдашней борьбы за «чистоту» марксистского литературоведения и фольклористики. Трагичность ситуации заключалось еще в том, что если ленинградца Проппа и покойного Веселовского клеймили, так сказать, заочно, то несчастному П.Г. Богатыреву пришлось лично выслушать критику своих коллег, могущую иметь непредсказуемые для него последствия. Выступившие в дискуссии М.Г. Левин, В.Ю. Крупянская, В.К. Соколова, И.И. Потехин, Н.И. Рождественская, С.А. Токарев, В.И. Чичеров дружно обрушились на «функционально-структуральный метод», пропагандируемый в работах ученого, изданных во время его пребывания в Чехословакии. Это: магистерская диссертация на латыни «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatice» (Paris, 1929), признанные в мировой науке книги «Funkcie kroja na Moravském Slovensku» (1937), «Lidové divadlo, české a slovenské» (Praha, 1940).

П.Г. Богатырев, предваряя обсуждение, пытался убедить собравшихся, что метод, которым он пользовался в своих работах по этнографии и фольклору, и изучение «функций и их структуры следует рассматривать как методику, отнюдь не противоречащую методу диалектического материализма»⁵⁹¹. Но большинство оппонентов как раз делали акцент на том, что «функционально-структуральный метод» нельзя рассматривать только как частную методику, ибо «функциональная школа (так тогда называли структуралистов. — М.Д.), широко распространенная в современной буржуазной этнографии, по самой своей сущности противоречит методу марксизма-ленинизма»⁵⁹².

* Дюркгейм Э. (1858–1917) — французский социолог, основатель французской социологической школы. Выступал против индивидуально-психологического и биологического направлений. Рассматривал общество как реальность, не сводимую к совокупности индивидов.

В тогдашнем советском обществе обвинение в антимарксизме рассматривалось как самое серьезное, и нетрудно догадаться, какую трагедию в душе переживал заклеянный «принципиальными» коллегами Богатырев. Далее сотрудники Института находили в работах Богатырева «отсутствие исторического подхода к рассматриваемым явлениям, изучение функций в отрыве от окружающей обстановки, механическое разделение их на эстетические и внеэстетические»⁵⁹³ и пр. Только Л.Г. Бараг, А.М. Смирнов-Кутачевский, Э.В. Гофман-Померанцева имели мужество вступить за Богатырева, стремясь оправдать его метод или найти исторический подход в работах коллеги⁵⁹⁴. Следует отметить, что выступления Богатырева и его защитников освещались в хронике тенденциозно: весьма кратко и с осуждающим комментарием.

В духе проводимой идеологической кампании итоговое толкование «заблуждениям» П.Г. Богатырева дал С.П. Толстов, указав, что «метод, предложенный проф. П.Г. Богатыревым, является разновидностью весьма распространенной сейчас на Западе школы функционализма. Одно из основных положений этой школы — положение о непознаваемости исторического прошлого и неправомочности использования этнографических и фольклорных материалов в качестве исторических источников, вместо чего выдвигается необходимость синхронического изучения и взгляд на явление как на своеобразное равновесие „функции“». Чтобы усугубить обвинения Богатырева, С.П. Толстов «заклеймил» его концепцию термином «буржуазная»: «Перед нами буржуазная концепция, возникшая в условиях кризиса капитализма, которая никакими приемами не может быть объединена с марксизмом, ибо она принципиально враждебна ему... Его метод роднит с методом функционализма даже такая деталь, как отсутствие точного определения „функции“ и „структуры“. Метод — явно бесплодный и от него нужно как можно скорее отказаться... Нельзя рассматривать его как частную методику и сводить все к собирательской работе»⁵⁹⁵.

После обсуждения в Секторе фольклора Богатырев пережил еще одну «накачку» на расширенном Ученом совете Института. С критикой выступили: его сотрудники С.П. Толстов, И.И. Потехин, В.И. Чичеров, Е.В. Гиппиус, Л.П. Потапов, П.И. Кушнер, В.К. Соколова, С.А. Токарев, Б.Н. Белицер, М.Г. Левин, М.Г. Рабинович. Особенно активно в обвинениях проявили себя М.М. Кузнецов и Б.И. Богомолов (Академия общественных наук), Б.И. Ширевская (МГУ), Н.Д. Комовская (Союз советских писателей). Лишь Л.Г. Бараг (Белорусский гос. университет) и А.В. Поздеев (Библиотека ООН АН СССР) в критике не усердствовали. Выступавшие пытались свести «недостатки» А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева и др. в одну антимарксистскую линию в отношении методологии, подвергнуть критике «все явления, связанные с некритическим восприятием как наследства отечественной буржуазной науки, так и влияний зарубежных реакционных школ»⁵⁹⁶. В.К. Соколова даже определила то общее, что якобы было присуще трудам всех критикуемых ученых: «абстрактность, формализм, полное игнорирование идейного содержания произведения, его национальной специфики»⁵⁹⁷. С.П. Толстов в своем выступлении пытался сблизить методологические принципы Богатырева с идеями основоположника функциональной школы в этнографии, английского этнографа и социолога Б.К. Малиновского (что категорически отрицал сам ученый). Толстов заявил, что у этой школы и «функционально-структурального метода» одна общая основа — «тот же отказ от исторических обобщений, тот же отказ признать фольклорные и этнографические материалы историческим источником. В работах П.Г. Богатырева имеется отрицание

категории пережитков, т. е. то, что является одним из основополагающих принципов функциональной школы Малиновского»⁵⁹⁸.

Необходимо отметить, что даже предельно краткое изложение в хронике ответных выступлений П.Г. Богатырева в Секторе и на Ученом совете свидетельствует о том, что он сохранил свое достоинство настоящего ученого, не впад в паническое покаяние. После заседания в Секторе он «признал справедливыми отдельные сделанные ему замечания и заверил, что все сказанное будет им продумано и учтено в дальнейшей работе»⁵⁹⁹. На Ученом же совете он принял тактику некоторой отрешенности от выпадов в его адрес, выразив удовлетворение тем, что «участие в творческих дискуссиях фольклористов, этнографов, лингвистов, литературоведов всегда плодотворно и содействует развитию разных наук»⁶⁰⁰. Затем он осветил работу возглавляемого им Сектора в области изучения современного фольклора. «Современный фольклор, — как ни в чем не бывало сказал он, — характеризуется тем, что он является достоянием всего советского народа. Это приводит к сближению фольклора и литературы. Одной из важных задач является задача показать историю советского фольклора и выявить специфику каждого его периода. Необходимо тщательно изучать процесс совместного творчества братских народов СССР»⁶⁰¹. Ученый высказал убеждение, что «пожелания об установлении и укреплении связей с широкими кругами любителей фольклора и специалистов, работающих на периферии, полностью соответствуют планам работы фольклорного сектора Института».

Что касается сути обсуждения, то Богатырев признал справедливыми только некоторые положения дискуссии: «Несомненно, что в области методологии должна проводиться серьезнейшая работа. Надо изучить наследство революционных демократов, о чем правильно говорил Е.В. Гиппиус, и работать над освоением диалектического материализма». Он не опустил до уровня хулителей В.Я. Проппа, признав, что его работа о русской волшебной сказке «привлекает к себе темой, взятой для исследования. Генезисом сказки давно никто не занимался». Все же он мягко признал, что «факты в ней взяты вне обстановки, в которой они создавались. В.Я. Пропп не привлек в своем исследовании славянского фольклора, некоторые моменты фольклора неправильно приурочил к слишком далекой древности, выводит русскую сказку из обрядов древнего мира»⁶⁰².

Что касается обвинений в использовании «антимарксистского» «функционально-структурального метода», то Богатырев и после выступления Толстова продолжал отрицать свою связь со школой Малиновского и, более того, настаивать на положительных чертах в его применении, которые заключаются в «четкости и разработанности методики полевой работы». Он указал, что эта методика исходит из практики работы двух комиссий, широко известных в истории русской науки, — Московской диалектологической, возглавлявшейся Д.Н. Ушаковым, и Комиссии по народной словесности. В то же время он констатировал, что метод «развивает и осложняет теорию формалистов-литературоведов 20-х годов и через нее восходит к работам А.Н. Веселовского, некоторое влияние на разработку этого метода оказали также Леви-Брюль и другие ученые», но не признал эти работы «буржуазными» и антинаучными.

Вместе с тем Богатырев указал, что отсутствие историзма в его работах произошло не из ошибочности метода, а «из-за чрезвычайной сложности исторического анализа фольклора». Ученый заключил: «Было бы нечестно сказать, что в результате дискуссии все сразу прояснилось и ошибок больше не существует. Надо много и се-

рздно работать над собой и бороться за овладение подлинно научным методом анализа фольклора»⁶⁰³.

С.П. Толстова и других участников дискуссии, конечно же, не удовлетворили полные внутреннего достоинства выступления Богатырева. Им недоставало униженного покаяния ученого и решительного отречения его от своих методологических принципов и учителей в науке. Ему указывали на отсутствие «критики и самокритики» в выступлении, а один из самых яростных критиков, И.И. Потехин, вынес своего рода приговор: «П.Г. Богатырев должен понять порочность своего метода, основанного на идеалистических буржуазных концепциях, существующих в современной западноевропейской науке. Чем скорее П.Г. Богатырев откажется от функционального метода, тем будет лучше и для него и для науки»⁶⁰⁴.

Острой критике подверглась и вся деятельность Сектора фольклора, возглавляемого П.Г. Богатыревым с 1943 г., ранее не вызывавшая нареканий. Организованное им в декабре 1947 г. Всесоюзное совещание по фольклору Великой Отечественной войны было справедливо признано актуальным и важным научным мероприятием. Теперь же докладчиков упрекали в неумении ставить большие теоретические и исторические проблемы фольклористики. С.П. Толстов и Н.Д. Комовская подчеркивали, что в докладах «нередко проблема бытования, проблема исполнения заслоняли значение фольклорных произведений как таковых, идейности их содержания, их эстетических особенностей как художественных произведений. Фольклористы не обращали надлежащего внимания на раскрытие того качественно нового, что внес в народное творчество новый этап в истории нашего народа»⁶⁰⁵, не осветили «новые формы устного народного творчества — „Партизанская присяга“, новые виды песен»⁶⁰⁶ и пр. Давались и некоторые дерзкие пожелания по изучению современного фольклора в СССР.

Но в целом «дискуссия» или фактически идеологический погром (критике подвергли также труды М.К. Азадовского, Г.А. Самарина, А.П. Рифтина и др.) была бесплодной в научном отношении и оказала негативное влияние на работу Сектора фольклора. Был забракован и не вышел в свет подготовленный здесь сборник «Славянский фольклор». Статьи признавались теперь очень слабыми⁶⁰⁷. Как ни странно, его печальной участи избежала только работа репрессированного в 1930-е гг. Н.И. Кравцова «Сербский эпос и история», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1948. № 3). Сотрудники Сектора были деморализованы и запутаны, и вряд ли их вдохновили призыв С.П. Толстова в завершающей части Ученого совета: «Необходимо провести фольклорные исследования, которые раскрывают историю мировоззрения русского трудового народа», изучать с марксистских позиций «ранние этапы истории фольклора, проблемы происхождения фольклора и искусства вообще»⁶⁰⁸.

Таким образом, спровоцированная постановлениями партии «дискуссия» показала всю свою абсурдность, невозможность делить живой организм науки на марксистскую и «буржуазную» составляющие. Она явно не способствовала прогрессу науки.

Труднее всего пришлось П.Г. Богатыреву. Нет, он не был подвергнут аресту. На Ученом совете даже не ставился вопрос о снятии его с должности заведующего Сектором. Но можно представить себе, какие моральные страдания пережил ученый. А между тем его высоко ценили как специалиста, например, в Чехословакии и даже собирались пригласить на должность директора нового Института этнографии Словацкой академии наук⁶⁰⁹.

Развивающаяся идеологическая кампания затронула и филологический факультет МГУ, где преподавал ученый, и ему еще ранее пришлось пережить нелегитим-

ятную критику коллег и аспирантов. Началось с того, что доцент С.И. Василенок опубликовал в «Литературной газете» статью с критикой программы по фольклору, составленной П.Г. Богатыревым. Поначалу литературоведческая секция Ученого совета филфака МГУ, учитывая скандальную (по свидетельству С.Б. Бернштейна) репутацию Василенка, признала статью «клеветнической». Тем не менее Богатырев учел критику и «начал серьезную переработку программы»⁶¹⁰. Но это не помогло.

На Ученом совете 30–31 января 1948 г., где обсуждалась книга В.В. Виноградова «Русский язык», от «сверхактивизировавшихся» поборников «критики и самокритики» попутно досталось и Богатыреву. Аспирант В.А. Архипов, забыв об этике, выступил с осуждением деятельности своего профессора на посту зав. кафедрой фольклора. Он заявил, что его программа по фольклору не содержит раздела о критике мифологической школы, которая была даже у его предшественников Ю.М. Соколова и Н.К. Гудзия. С.И. Василенок публично повторил свои по сути политические обвинения, высказанные в газете: труды Богатырева «не отвечают принципу партийности в науке и основаны отнюдь не на основе марксистской методологии», в лекциях он ориентируется на западноевропейских «буржуазных» ученых (в частности, на выдающегося чешского фольклориста И. Поливку, якобы враждебно настроенного по отношению к СССР. — М.Д.). «Стойкий борец» с суевериями, он упрекнул Богатырева в констатации того факта, что «народные поверия, магия, суеверия не идут на убыль, а развиваются» в современном обществе. И уж совсем клеветнически по отношению к Богатыреву, организовавшему большую конференцию по изучению фольклора Великой Отечественной войны, звучало обвинение в том, что «фольклор советского периода не интересует профессора П.Г. Богатырева»⁶¹¹. Остается только догадываться, как ученый пережил всю эту абсурдную критику.

Пройдя через горнило «борьбы с космополитизмом», Богатырев, как противник марризма, впоследствии с воодушевлением выступил с поддержкой лингвистической дискуссии 1950 г., но, тем не менее, в 1952 г. по необоснованному обвинению в политической неблагонадежности его уволили из МГУ. Ему оказали приют в Воронежском университете (1952–1959). В Москву он окончательно вернулся только в 1963 г., проработав на кафедре фольклора филфака МГУ вплоть до своей кончины в 1971 г.⁶¹².

Изучение славянских литератур в первые послевоенные годы. Конечно, злоешие идеологические кампании серьезно осложнили развитие гуманитарных и естественных наук в конце 40-х гг. прошлого века. Но все же наука даже в тоталитарном обществе проявляет некоторую самостоятельность и развивается по своим законам. Это следует сказать и о славистическом литературоведении. По крайней мере, выбор тематики исследований зависел не исключительно от политической конъюнктуры, но и от наличия источников и «белых пятен» в науке.

Видимо, можно говорить также о другом мощном факторе, определявшем развитие этой отрасли науки, — политическом курсе на создание блока стран «народной демократии», учете европейского общественного мнения, и потому литературоведческие работы, посвященные анализу творчества славянских писателей, в первые послевоенные годы все же не носили одиозного характера проходивших дискуссий.

В 1946 г. еще до упоминавшегося печально известного «постановления партии и правительства» вышел сборник статей под названием «Славистические заметки»⁶¹³ — итог работы ленинградских славистов. Он был подготовлен в апреле к Международному научному совещанию славяноведов, своего рода мини-съезду, про-

веденному в Ленинграде в июне указанного года (подробнее см. главу VI о связях), и содержал тезисы будущих докладов, авторефератов подготовленных статей. Редколлегия (отв. редакторы С.В. Колесник, М.П. Алексеев, П.Н. Берков) выразила надежду, что «все эти материалы в целом могут дать некоторое представление о разнообразии интересов ленинградских славистов и о характере и объеме предпринимаемых в настоящее время изучений в многоразличных областях славяноведения»⁶¹⁴.

В издании приняли участие лингвисты, историки, литературоведы. Мы остановимся здесь, прежде всего, на разысканиях филологов, работы которых преобладали в сборнике, а поскольку славистическое литературоведение в Ленинграде было самым представительным, попытаемся выяснить основные направления исследований и степень подверженности работ идеологическим установкам. Сразу же отметим, что в сборнике поместили свои статьи не только преподаватели кафедр славянской (профессора Б.А. Ларин, К.А. Копержинский, доценты Л.В. Разумовская, А.Л. Каплан, С.С. Советов, Э.А. Якубинская-Лемберг, аспиранты Е.С. Андреева, Т.С. Карская), но и классической (доцент А.С. Бобович), романо-германской (профессор Б.А. Кржевский) филологии, русского языка (профессор В.В. Виноградов), русской (профессора П.Н. Берков, И.П. Еремин, М.О. Скрипишь, Б.В. Томашевский, Г.А. Бялый, доцент Н.И. Мордовченко, ассистент Н.В. Алексева), западной (профессор М.П. Алексеев) литературы и фольклора (профессор М.К. Азадовский), т.е. специалисты многих кафедр от профессора до ассистента и аспиранта. Работы, как правило, свидетельствовали о хорошем знании предшествующей литературы предмета, как дореволюционной русской, так и иной славянской и даже эмигрантской.

Привлекает внимание, что в сборнике были опубликованы некоторые интересные источники по истории славистики — «Неизданная автобиография» В.С. Караджича (Л.Б. Модзалевский), «Неизданное письмо В.С. Караджича» президенту Российской академии А.С. Шишкову (А.С. Бобович), «Неопубликованные письма В.В. Ганки в Пушкинском Доме Академии наук СССР» И.Н. Лобойко, А.Н. Попову, И.С. Аксакову (Л.М. Добровольский), «Из литературного наследия Александра Веселовского (К южнославянскому эпосу)» (П.Н. Берков), «Из писем И.В. Ягича А.Н. Веселовскому» (Б.А. Кржевский), «Из писем Ватрослава Облака академику Б.М. Ляпунову». Это было важным направлением в отечественной славистике, существенно дополненной упомянутым капитальным изданием «Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)» (М., Л., 1948. Под редакцией академика Б.Д. Грекова), публикацией сборника А.А. Шахматова (1864–1920). (М.; Л., 1947) и др.

Важным направлением, начатым разрабатываться в советском литературоведении, стало **изучение средневековых славянских литератур в их тесной связи с русской**. И.П. Еремин в статье «Неизвестный памятник болгарской литературы конца XVI в.» доказывал, что «Новина» об обретении мощей обезглавленного турками в Велесе Варлаама, епископа Охридского в 90-х годах названного века, содержащаяся в «Книжке» украинского публициста Ивана Вишенского, выписана из какого-то рукописного сборника болгарского происхождения примерно в 1600 г., а не написана на основании «устных рассказов охридян», как полагал ранее И. Франко. Эта «Новина», по мнению автора, в период «особенно напряженной борьбы украинского народа за свою независимость» давала возможность Вишенскому «еще раз продемонстрировать перед „гордыми ляхами“ превосходство „русской“ православной церкви над римско-католической, для которой уже давно миновала пора чудес, подобных обретению мощей Варлаама Охридского»⁶¹⁵.

Статья М.О. Скрипиля «„Повесть о Петре и Февронии“ и эпические песни южных славян об Огненном змее» была ранее прочитана в виде доклада на заседании Славянской комиссии АН СССР. Автор в традициях А.Н. Веселовского отмечает соединение в ее сюжете «двух, имеющих самостоятельное распространение в мировом фольклоре мотивов: мотива борьбы со змеем и мотива мудрой девы»⁶¹⁶. Но в отличие от Ф.И. Буслаева и А.Н. Веселовского он в «патриотическом» духе времени не склонен был искать сходства этой повести со скандинавскими и исландскими сказаниями (Старшей Эддой и сагой о Рагнаре Лодбroke). Напротив, он нашел в ней сходство основных сюжетных компонентов с эпической песней южных славян «Царица Милица и змај од Јастрепца»: «Один и тот же в них персонаж: царь — князь, царица Милица — княгиня, жена Павла, Змей из Ястребца — неприязненный змей, змеборец Змей-Деспот — змеборец князь Петр. Одинаковы в них среда и обстановка: царский — княжеский двор». М.О. Скрипиль пришел к прогнозируемому в годы войны и актуальному после нее выводу, что «мотив об огненном змее в таком виде, в каком он лег в основу первой части „Повести о Петре и Февронии“, сложился в границах славянского мира. Широкое распространение его в народной поэзии славян — это результат того единства культуры славянских народов, которое легко открывается за внешне различными формами ее в отдельных славянских странах»⁶¹⁷. Таким образом, вне зависимости от справедливости или несправедливости заключений автора, следует отметить его стремление актуализировать их в связи с потребностями времени.

Другим важным направлением, получившим широкое развитие после 1945 г., являлось **изучение связей славянских литератур**, и прежде всего русско-славянских. Этой тематике были посвящены 11 статей сборника. Б.В. Томашевский рассматривал влияние творчества А.С. Пушкина на южных славян и в то же время отражение в нем южнославянских мотивов. Н.И. Мордовченко написал статью «Белинский о сербских народных песнях», Е.С. Андреева — о взаимосвязях И.С. Тургенева и польского писателя Иосифа Крашевского, Г.А. Бялый — о контактах В.Г. Короленко и польских писателей. К.А. Копержинский осветил проблему влияния передовой русской литературы на сербских писателей 60–70-х гг. XIX в., А.Л. Каплан писал об отражении в польской литературе «Слова о полку Игореве».

Много внимания обращалось на **проблемы перевода и на освоение литературных произведений в чужом языковом контексте**. Т.С. Карская осветила вопрос о переводах на чешский язык произведений Н.А. Некрасова и о той посреднической роли, которую осуществлял между писателем и переводчиком А.Я. Мейсаром А.Н. Пыпин; М.П. Алексеев — о переложении сочинений А. Мицкевича, сделанном английским литератором Дж. Борро через посредство русских переводов стихов поэта; С.С. Советов — о неудачной попытке Л. Мея издать собрание сочинений А. Мицкевича на русском языке в конце 50-х гг. XIX в., натолкнувшейся на сопротивление властей. Н.В. Алексеева поведала об истории переводов романа И.С. Тургенева «Накануне» на болгарский язык, прежде всего о неудачном намерении С.С. Бобчева и предприятиях Н.Д. Катранова (прототипа Инсарова).

Все эти статьи носили фактологический характер, но содержали много интересных и ценных сведений о конкретных фактах взаимодействия и сотрудничества славянских писателей, основанных на хорошем знании литературы вопроса с привлечением архивных материалов. Они не отличались тенденциозностью, и потому ссылки на них встречаются и в современной литературе. Может быть, только в статье К.А. Копержинского

слишком сильный акцент делался на влияние в Сербии исключительно «передовой», революционно-демократической русской литературы.

Особо хотелось бы остановиться на статье М.К. Азадовского «Русская фольклористика и славянские страны». Известный советский фольклорист и литературовед, слишком часто попадавший под стрелы критики, явно стремился оправдать себя в связи с началом кампании борьбы против «низкопоклонства перед Западом». Не случайно в начале статьи он резко полемически выступил против распространенного в литературе мнения, согласно которому появление интереса к народной поэзии в славянских странах обусловлено «непосредственным влиянием немецкого романтизма». Но этот «протокольный» пассаж только укрепил автора в убеждении, что «любовь к поэзии родного народа не может возникнуть под чужим воздействием. И русский фольклоризм XVIII в., и чешский фольклоризм эпохи национального возрождения — вполне самобытные и оригинальные явления, сложившиеся и развивавшиеся в недрах своего собственного национального литературно-исторического процесса»⁶¹⁸.

М.К. Азадовский справедливо связывал эти явления с формированием национального самосознания в России и славянских странах. Однако автор не ограничивался марксистским посылом о «саморазвитии» всего сущего и не изолировал явление от «влияния Запада». Он обоснованно связал формирование науки о фольклоре в славянских странах «с общеевропейским опытом и общеевропейской практикой», которые там впитывались и органически перерабатывались. Причем, по его мнению, так сказать, «вторичное» влияние немецкого романтизма начала XIX в. не было «монопольным и всеобъемлющим», гораздо большую роль сыграли в развитии славянского фольклоризма «руссоистские тенденции, влияние английской преромантической литературы, идеи Гердера, книга Фориэля и т.д.», а главное — «крупную роль сыграли и воздействия, шедшие из славянских стран в Россию и обратно»⁶¹⁹.

Далее ученый нарисовал внушительную картину взаимовлияния русской и славянской фольклористики в XIX — начале XX в., плод его начальных исследований, заверченный в двухтомной монографии «История русской фольклористики» (М., 1958, 1963). М.К. Азадовский подчеркнул, что русские исследователи фольклора — А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и др., о которых он писал с полным уважением, «внесли в изучение и понимание народной словесности новые идеи и новые точки зрения и обогатили науку огромнейшим количеством новых материалов и новых фактов»⁶²⁰. Но он отметил и парадоксальный факт: их вклад и приоритет медленно воспринимался и часто игнорировался западноевропейской наукой. И здесь в качестве посредников между ней и русской наукой выступили, по его убеждению, славянские ученые, особенно И.В. Ягич и Ю. Поливка. На формирование последнего как ученого особое влияние оказали труды Пыпина и Веселовского, позже именно чешский фольклорист в благодарность учителям активно пропагандировал методики «русской школы фольклористов»⁶²¹ среди славянских и западноевропейских ученых.

К сборнику «Славистические заметки» по духу примыкала статья ленинградского литературоведа К.Н. Державина, сына советского академика, «Новейшая болгарская литература», опубликованная в «Вестнике ЛГУ» в 1946 г.⁶²², за несколько месяцев до августовского партийного постановления. Автор проявил хорошую эрудицию и достаточно полное представление о процессах, проходящих в современной болгарской литературе, чему, несомненно, способствовала его многомесячная командировка с отцом в Болгарию в 1945 г. (см. главу VI о связях). Конечно, он трактовал развитие лите-

ратуры с марксистских позиций, но без «резко-разоблачительного» пафоса. Понятно, что упор делался на писателей-реалистов. К.Н. Державин указал, что кончина классика болгарской литературы Ивана Вазова знаменовала собой завершение «золотого века» «национально-освободительной и прогрессивно-буржуазной болгарской литературы». Его роман «Под игом» (1889) остался «величайшим памятником» той «классической эпохи литературной жизни болгарского народа», которая «вдохновлялась идеалами национального возрождения». В отличие от своего отца, К.Н. Державин решился на критику болгарского классика, указав, что в позднем творчестве Вазова «нашли свое место влияния буржуазного консерватизма и великоболгарских шовинистических ориентаций», утвердившихся в процессе формирования буржуазного строя в Болгарии. Автор сразу же сгладил критический выпад утверждением, что Вазов остается «великим народным, национальным писателем, возглавившим большую литературную эпоху и во многом создавшим ту современную болгарскую литературу, которая продолжает считать его своим учителем и примером высокой классической традиции». В качестве преемников этой традиции автор рассматривал творчество Антона Страшимирова, Йордана Йовкова и Елина Пелина⁶²³.

Ученый дал краткую предысторию развития болгарской литературы XIX в. Главными проблемами «вазовского» поколения К.Н. Державин считал проблему «национального реализма», решение которой связано с именами Георгия Раковского, Петко Славейкова, Любена Каравелова. «Революционно-демократический реализм» был присущ, по его мнению, поэзии Христо Ботева, органично сочетавшей в себе «героичку революционно-освободительной войны с глубоким лиризмом переживания поэтической темы народа». В качестве образца «народно-революционной прозы» он рассматривал «Записки о болгарском восстании» Захария Стоянова⁶²⁴.

Наряду с «революционно-демократическим направлением» в болгарской литературе К.Н. Державин отметил другое — определенное им как «противоречивое», отразившее сложный процесс «социального расслоения крестьянства и торгово-ремесленной буржуазии». К нему он отнес сатирическое творчество Алеко Константинова и обличительно-философскую поэзию Стояна Михайловского, произведения А. Страшимирова, Елина Пелина, Петко Тодорова и др. Продолжателем традиций «живописного жанрового и народного реализма» Л. Каравелова был представлен Константин Петканов, знаток болгарского быта, эпохи гайдучества, народно-партизанской борьбы против османского ига.

Патриотическому направлению болгарской литературы К.Н. Державин справедливо противопоставил «великодержавно-шовинистическую и фашистскую» литературу Болгарии межвоенного и военного периодов (до 1944 г.), отличающуюся антидемократизмом, антиславянской направленностью, «мнимонароднической фальсификацией исторического прошлого Болгарии» в угоду «конъюнктурным реакционным установкам антинародной политики правящих верхов». Это направление нашло наиболее яркое выражение в жанре исторического романа у «официозных и фашиствующих писателей» Ф. Мутафовой и П. Карапетрова⁶²⁵. В подробности их творчества автор не вдавался.

Им противостоял Ст. Загорчинов, который в романе «Ден последен, ден господен» дал «исторически-величественную картину падения Второго болгарского царства под натиском османских полчищ» с яркими сценами «разложения болгарского и византийского дворов и трагическим образом народных масс в смутные и катастрофические дни гибели болгарского государства»⁶²⁶.

Вторым успехом болгарской исторической беллетристики К.Н. Державин назвал роман Людмила Стоянова «Мехмед Синап» (1936) о восстании родопских помаков, отличающийся «романтической тональностью и живописной картинностью событий», трагической судьбой героя романа. Вслед за отцом ученый отметил, что Стоянов «занимает одно из ведущих мест в болгарской литературе как представитель лучшей части того поколения болгарской интеллигенции, которое вступило в жизнь накануне двух балканских войн и первой мировой войны и сознание которого оформилось в условиях острых социально-политических конфликтов „третьего царства“». В новелле «Милосердие Марса» и повести «Холера» (1935) и др. он сумел дать «разоблачающий образ казенного военного „патриотизма“ фердинандовской Болгарии и кризиса народного сознания как в процессе великодержавных милитаристических авантур, так и после удушения революционного восстания 1923 г.». Особо импонировали автору отход Стоянова от «философских абстракций символизма» к «социалистическому гуманизму», социальная проблематика нового романа «Зазоряване» (1945), общественная деятельность писателя-антифашиста (заслуженно избранного председателем Союза болгарских писателей) и страстного пропагандиста болгаро-советского культурного сближения, которое он осуществлял на практике путем «блестящих переводов» русских и советских классиков⁶²⁷.

К.Н. Державин отметил «чеховское восприятие» человека «буржуазного капиталистического города» в произведениях Константина Константинова, «иронико-сатирическое начало» в сочинениях Светослава Милкова, «истинно социальную аргентинскую экзотику» у Бориса Шивачева, впечатления свидетеля Гражданской войны в Испании у Димитра Димова и др.

В болгарском поэтическом творчестве ученый определил два направления: «философско-символическое» и «гражданско-революционное». Упомянув о поэтах первого направления Кириле Христове, Димчо Дебелянове, Николае Лилиеве, Елисавете Багряне и др. и признав без изобличительного пафоса даже их некоторые заслуги в развитии болгарской лирики, Державин подробно охарактеризовал творчество поэтов второго направления. В ряду предтеч революционной и социальной поэзии он назвал «мятежную лирику» Пейю Яворова, раннюю «рабочую поэзию» пролетарского поэта Дмитрия Полянова. Затем следовали поэты — участники революционных событий 1923–1925 гг., жертвы политических репрессий — Христо Ясенов, Гео Милев и Сергей Румянцев. Главой молодой болгарской поэзии XX в. Державин признал Христо Смирненского, поэта «поднимающегося болгарского пролетариата и прямого наследника традиций пламенной и героической поэзии Христо Ботева». Его продолжателями в межвоенной и военной Болгарии выступили Никола Хрелков, Крум Пенев, Камен Зидаров, Никола Фурнаджиев, Христо Радевский, погибший от рук фашистов Никола Йонков Вапцаров, Младен Исаев и македонский поэт Венко Марковский. Отметив своеобразии поэтических стилей каждого из названных поэтов, Державин объединил их в группу «отечественнофронтальной болгарской поэзии»⁶²⁸.

Автор отметил слабость драматургических традиций у болгарских писателей. К числу немногих лучших образцов он отнес пьесы А. Страшимирова, Камена Калчева, Крума Кюлявкова, Асена Разцветникова, Магды Петкановой⁶²⁹.

Не выпали из внимания Державина-младшего и работы литературных критиков. Среди самых «прогрессивных» он назвал работы основателя социалистического движения в Болгарии Димитра Благоева, коминтерновца-политэмигранта Георгия Бакалова,

Савы Гановского и особенно представителя болгарской марксистской философии, тогдашнего регента Болгарии Тодора Павлова. В его недавно вышедшей книге «Теория отражения» (1945) автор нашел «целостную, научно-обоснованную концепцию исторического развития болгарской литературы и ряд образцовых в своей точности и заостренности мысли характеристик крупнейших болгарских писателей»⁶³⁰.

Державин упомянул о национальной конференции болгарских писателей, состоявшейся осенью 1945 г., акцентировав внимание на том, что они самостоятельно приняли «правильный» курс развития. К. Константинов, Л. Стоянов, П. Динеков, К. Кюлявков призывали к укреплению и развитию в современности традиций «прогрессивно-демократической и революционной литературы прошлого», подчеркивали братство болгарской и русской литератур и особенно ту огромную роль, «которую сыграла своим влиянием русская литература на творчество передовых писателей Болгарии и на болгарскую культуру в целом»⁶³¹.

К.Н. Державин не мог не закончить статью страстным панегириком русской и советской классической литературе, «нашей революционно-демократической мысли», идеям Ленина–Сталина, которые оказывали влияние на болгарскую литературу, служили «вдохновляющим примером» в борьбе «против фашистской реакции». Именно благодаря этому воздействию и общению, по его мнению, болгарская литература, сохраняя свое национальное своеобразие, «не замкнулась в пределах провинциально-областной ограниченности, а достигла тех идейных широт, которые обеспечили за нею место настоящего учителя своего народа на его большом историческом пути». Он констатировал, что тема освободительной миссии СССР для всего славянства, его героической Красной Армии, русского народа не сходит со страниц болгарской литературы. Выдавая желаемое за действительное, в соответствии с общими установками советского литературоведения он предрекал: «В верности исконным историческим идеалам трудового, героического болгарского народа и в тесном общении с братской русской литературой — залог дальнейших творческих успехов болгарских писателей в своей новой, освобожденной и демократической родине»⁶³².

Итак, статьи сборника «Славистические заметки» и работа К.Н. Державина ясно свидетельствовали, что ленинградские литературоведы-слависты после войны ориентировались на изучение не столько творчества отдельных славянских писателей, а, прежде всего, русско-славянских связей, предпринимая попытки освещения современной литературы в целом. Эта тематика была хорошо обеспечена в России литературой и архивными источниками, к анализу которых и обратились молодые исследователи. Важно и то, что литературоведы изучали и средневековые славянские литературы, исследуя их связи и взаимодействие. Статьи свидетельствовали, что до указанных выше партийных постановлений ученые с большим пиететом и уважением относились к научному наследию ведущих дореволюционных литературоведов: А.Н. Пыпина, А.Н. Веселовского и др., опирались на их труды, хотя и не соглашались с отдельными положениями их концепций.

* * *

После партийных постановлений, в обстановке кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом», плавно перешедшей в борьбу с космополитами, достигшей апогея в первые четыре месяца 1949 г., советским литературоведам, в том числе и славистам, пришлось работать в предложенных условиях: конформистски отречься от наследия основоположников и теоретиков отечественного литературоведения в пользу револю-

ционных демократов и классиков марксизма в сталинской интерпретации, утверждать в своих трудах идеи, работающие на формирование блока стран «новой демократии». Несогласных с такой постановкой дела ждала печальная судьба в лучшем случае изгоев в своей профессии, лишенных работы и возможности публикации своих трудов.

Что касается славистов, то нам не удалось найти опубликованных статей, в которых бы клеймились их «буржуазные» учителя. Речь шла только об устных выступлениях некоторых из них в различных погромных обсуждениях, другие предпочитали отмалчиваться. Здесь предстоят еще архивные разработки. То, что славистическое литературоведение только начинало формироваться и не занимало ключевых позиций в своей области науки, способствовало в некоторой степени «отстраненности» (за исключением, может быть, академика Н.С. Державина) от обязательного участия в подобных кампаниях.

Проанализируем наиболее характерные работы литературоведов-славистов конца 1940-х гг., которые могут дать представление о направлениях научных исследований и отражении в них идеологических установок.

Время создания коллективных трудов по истории славянских литератур еще не пришло — кадры литературоведов в Институте славяноведения АН СССР, ЛГУ и МГУ только формировались, но происходило постепенное накопление материалов (по линии, намеченной в упомянутых «Славистических заметках»): писались работы о творческом пути разных писателей, русско-славянских литературных и культурных связях.

Следует отметить, что **очерки о творчестве отдельных славянских писателей** теперь появлялись преимущественно в качестве предисловия к изданию их сочинений. В эти годы продолжали публиковаться произведения классиков славянской литературы — великого польского поэта Адама Мицкевича (М. Живов и М. Рыльский)⁶³³, великого словенского поэта Франце Прешерна (С.И. Урбан)⁶³⁴, классика болгарской литературы, выдающегося поэта и писателя Ивана Вазова (А. Собкович)⁶³⁵ и поэта-революционера Христо Ботева (Л. Ерихонов)⁶³⁶. Большое внимание уделялось и современным литераторам, как и прежде, преимущественно с яркой социальной и антифашистской направленностью творчества. На русский язык были переведены произведения польских писателей: Е. Путрамента «Действительность», Л. Шёнвальда «Плечом к плечу. Избранное»⁶³⁷, чешских — К. Чапека «Избранные произведения», Я. Гашека «Избранные юморески», М. Майеровой роман «Сирень», И. Волькера «Избранное», Т. Сватоплука «Ботострой»⁶³⁸, болгарских — С. Даскалова «Новые рассказы», Г. Караславова «Сноха», Л. Стоянова повесть «Мехмед Синап»⁶³⁹ и др.

Разумеется, перевод данных произведений на русский язык далеко не исчерпывал богатства классических и современных славянских литератур. И отбирались они под определенным идеологическим углом зрения. Но, безусловно, было положено начало значительному прорыву в ознакомлении советских читателей с братскими славянскими литературами, а значит, и их детальному изучению. Произошел редкий случай совпадения политического курса партийного руководства на развитие межславянских культурных связей и действительными задачами современного славяноведения.

Вышесказанное так или иначе отразилось на трактовке литературных явлений. Проиллюстрируем это на некоторых примерах. В 1947 г. академик Н.С. Державин написал статью «Народный поэт Болгарии Иван Вазов (1850–1921). К 25-летию со дня смерти писателя»⁶⁴⁰. Он справедливо оценил значение творчества классика болгарской словесности, назвав его «основоположником новой болгарской литературы, выдающим-

ся поэтом и писателем европейского масштаба». «Литературное наследие Вазова, — писал он, — огромно и обнимает все роды художественного творчества: лирику, эпос, драму. На этом богатом вазовском наследии вырастает в Болгарии ее современная литературно-художественная культура»⁶⁴¹. Державин вкратце охарактеризовал основные стихотворные и прозаические произведения Вазова, верно указав, что в них дана блестящая картина «жизни широких кругов болгарского общества на протяжении нескольких десятков лет, начиная с 70-х годов прошлого столетия и кончая годами империалистического погрома Болгарии в 1915–1918 годах, вложив в эту картину весь пафос своего культурного воодушевления»⁶⁴². В творчестве Вазова академик, в отличие от своего сына, не отыскал никаких идейных огрехов, преподнося его в тоне восхищения. Примечательно, что в этой статье Державин не утверждал, что творчество Вазова сформировалось под идейным влиянием исключительно (но все же, по его мнению, преобладающе) русской литературы (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский, Шевченко, Некрасов), отдавая должное воздействию болгарских литераторов-революционеров Любена Каравелова и Христо Ботева, а также французского писателя Виктора Гюго⁶⁴³.

Признание творчества Ивана Вазова «прогрессивным наследием» болгарской литературы просто обязывало Державина подкрепить это утверждение основными постулатами советского литературоведения. Прежде всего ученый акцентировал реализм его прозаических произведений: «Художественный реализм составляет характерную черту мышления поэта и основное направление его творчества. В своем творчестве Вазов всегда и неизменно откликался на животрепещущие вопросы жизни своей родины и родного народа и высоко держал знамя демократизма, культуры, труда и прогресса»⁶⁴⁴. Прямо по заветам А.А. Жданова, в поэзии Вазова подчеркивались «бодрость и оптимизм», призыв к воспитанию у народа чувства долга, любви и чести, стремления к упорному труду»⁶⁴⁵.

Как и в годы войны, особо превозносился высокий патриотизм Вазова как человека и поэта, органично сочетающий в себе «горячую любовь к родине» с «благоговейным отношением к освободителю болгарского народа — русскому народу». Но в духе времени Державин здесь добавил обнаруженное им в творчестве Вазова дорогое, согласно пропагандистским установкам, сердцу каждого советского человека «преклонение перед физическим трудом» и сатирическое, отрицательное отношение «ко всякого рода бездельникам и паразитам трудовой общественности»⁶⁴⁶.

Все указанные черты художественного творчества болгарского писателя должны были заложить, по мнению Державина, «крепкий фундамент строительства новой болгарской литературы, служащий основой того широкого литературного движения в современной Болгарии — Отечественного фронта, которое направлено к использованию художественного слова во имя интересов освобожденной от фашистского ига возрождающейся народной жизни»⁶⁴⁷.

Другим представителем классической болгарской литературы, который мог служить воодушевляющим примером для современных писателей, был поэт-революционер Христо Ботев. Его академик Н.С. Державин канонизировал в своей книге, изданной в 1948 г.⁶⁴⁸ Это была первая в советском литературоведении книга о болгарском поэте. Автор основательно представил весь жизненный путь, литературное творчество и революционную деятельность поэта, сократив, по небрежности, годы его жизни. В концепционном плане он отметил, что в начальный период творчества у Ботева преобладало «сатирическое изображение действительности», но трехлетнее пребывание в России

(1863–1866) в период «высокого подъема общественно-политического сознания» привело, под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, к «революционному оформлению его политического сознания»⁶⁴⁹. Поэтическому творчеству Ботева, по мнению Державина, присущ «демократический реализм, направленный против насильников народной жизни и эксплуататоров народного труда» и повышенный эмоциональный порыв, зовущий на «подвиг патриотического самопожертвования во имя освобождения народа от цепей угнетающего его чужеземного рабства»⁶⁵⁰. Именно в таком ключе написаны его лучшие произведения — поэма «Гайдуки» (1871), стихотворения «Борьба» (1871), «Молитва» (1873), баллада «Хаджи Димитр» (1873) и др.

По заключению Державина, поэзия Ботева «представляла собой наивысшее в идейном и формальном отношениях» достижение болгарской литературы «доосвободительного периода», представляя собой «художественное воплощение чаяний и устремлений угнетенного народа в лице его наиболее передовых демократических элементов», и потому она достойна оставаться «национальным достоянием» современной болгарской культуры⁶⁵¹. Эта несколько прямолинейная трактовка творчества поэта-революционера, обходящая сложности его идейных исканий, художественного своеобразия творчества, вполне соответствующая партийным установкам, надолго закрепились в советском литературоведении.

Ярким выразителем нового направления в современной болгарской литературе представлялся советской общественности писатель-антифашист Георги Златаров, писавший под псевдонимом Людмил Стоянов. Он нашел широкое признание в СССР и даже был награжден орденом Трудового Красного Знамени за настоящий подвиг: во время Второй мировой войны, преодолевая рогатки «монархо-фашистской диктатуры» и цензуры, издал в 1942 г. в Болгарии в своем переводе 10-томное собрание сочинений А.С. Пушкина и 5-томное М.Ю. Лермонтова; выступал горячим защитником СССР в годы, когда это рассматривалось как государственное преступление. Публицист К. Комаров и литературовед К.Н. Державин посвятили его творчеству специальные статьи⁶⁵². Авторы отметили его разрыв с символизмом под благотворным влиянием творчества А.С. Пушкина и А.М. Горького, а также болгарского поэта Гео Милева, погибшего от рук болгарских фашистов в топке паровоза за свою поэму о восстании «Сентябрь» (1923). На это трагическое событие писатель откликнулся реалистическим рассказом «Милосердие Марса». Здесь и в повести «Холера» (1935), посвященной второй Балканской войне 1913 г., писатель разоблачал реакционную военщину «фердинандовской Болгарии» и фашизм. «Напоминанием о сентябрьском восстании 1923 года, — писал К. Комаров, — прозвучала его повесть „Мехмед Синап“, хотя ее сюжетный материал и был взят писателем из истории восходящих к XVIII веку повстанческих движений родопских помаков, то есть болгар, принявших ислам»⁶⁵³. Авторы высоко оценили заслуги Стоянова не только как писателя-антифашиста, но и переводчика сочинений русских и советских писателей (в том числе украинских и белорусских). Особо было отмечено, что «достижения советской литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию, которые пропагандирует своими переводами Людмил Стоянов, показывают болгарскому народу широту перспектив, открывающихся перед литературой их страны», благодаря методу социалистического реализма, который призывал осваивать болгарский писатель⁶⁵⁴.

Нельзя не остановиться на изменениях в трактовке творчества классика польской литературы Адама Мицкевича. В связи со 150-летием со дня его рождения проводились

торжества во Львове, Москве и Ленинграде. Была продолжена попытка максимально приблизить и адаптировать поэта к русской (и другим советским) литературам. В северной столице (в Филологическом институте [так!] ЛГУ) такое заседание состоялось 28 декабря 1948 г. Профессор П.Н. Берков во вступительном слове, опираясь на цитаты из работ В.И. Ленина, жестко связал творчество «революционного романтика» с «эпохой последних буржуазных революций» и «шляхетского освободительного движения в Польше», акцентируя внимание (как это делалось до войны) на связь поэта с революционным движением 1848 г. в Европе и осуждая предшествующее влияние на него «шарлатана-мистика» А. Товяньского⁶⁵⁵.

Примечательно расширение тематических рамок изучения творчества А. Мицкевича. Доцент И.Я. Айзеншток прочитал доклад «Адам Мицкевич и П. Гулак-Артемовский», сообщив о связях поэта с украинскими литераторами и переводах его сочинений на украинский язык. Д.Б. Кацнельсон в докладе «К вопросу о фольклоризме А. Мицкевича в 1824–1825 гг.» рассказала об интересе поэта к польскому и белорусскому фольклору в виленско-ковенский период его творчества, указав, что «особую социальную насыщенность фольклоризм Мицкевича приобретает в годы пребывания поэта в России, отмеченные дружбой с декабристами и с Пушкиным»⁶⁵⁶. Доклад А.А. Яскеляйн «Персидский перевод из Мицкевича» был посвящен переводу пятого сонета Мицкевича («Чатырдаг») на персидский язык адъюнкт-профессором Санкт-Петербургского университета М.Д. Топчибашевым.

Аналогичное заседание состоялось в Институте мировой литературы в Москве. Его директор, член-корреспондент АН СССР А.М. Еголин, представил А. Мицкевича трагическим борцом за свободу и счастье угнетенного польского народа и подчеркнул, что истинными ценителями и почитателями его таланта выступали декабристы (Рылеев и Бестужев) и революционные демократы (Белинский, Чернышевский, Герцен). Другой член-корреспондент, А.И. Белецкий, в докладе «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» указал, что критическая литература о поэте невелика, и призвал к марксистско-ленинскому изучению его творчества. Докладчик по заветам классиков марксизма назвал польский вопрос XIX в. «вопросом общечеловеческого значения» и в этом контексте актуализировал значение Мицкевича, заключив: «Мечты Мицкевича сбылись в наши дни... После страшных испытаний польский народ воспрянул, разбуженный к новой жизни. Царская Россия была поработительницей Польши — Советский Союз поддержал Польшу в ее освободительной борьбе, помог польскому народу объединить в его государственных границах все исторические польские земли. Гитлеровцы разрушили памятник Мицкевичу, воины Красной Армии шли с венками к его могиле». Завершил заседание доклад д.ф.н. И.М. Лаврецкого о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича⁶⁵⁷.

Примечательно и обширное предисловие М.С. Живова «Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества» к первому тому пятитомника первого «Собрания сочинений» А. Мицкевича на русском языке, вышедшего в свет в юбилейном 1948 г.⁶⁵⁸. Следует отметить, что, несмотря на все идеологические кампании, этот очерк отличается глубиной и продуманностью изложения, содержит тонкий анализ творчества поэта в сложном контексте европейских и российских политических реалий, польского освободительного движения, а также событий и трагических переживаний в личной жизни поэта. Пожалуй, впервые советский читатель получал такую полную информацию о перипетиях судьбы и основных вехах художественного творчества великого польского поэта.

Но, конечно же, очерк не свободен от влияния идеологических установок

своего времени. Автор сразу же отметил, что юбилеи гениев славянской поэзии А. Мицкевича и А.С. Пушкина будут впервые отмечаться в условиях формирования блока стран «народной демократии»: «праздноваться в условиях искренней и сердечной дружбы, нерушимого братского союза, положившего конец многовековой вражде, в которой сами народы не были повинны и заинтересованы»⁶⁵⁹. М.С. Живов вновь, как и в предвоенные годы, акцентировал внимание на антисамодержавный пафос творчества обоих поэтов, назвав их, отважившись на религиозный термин, «великомучениками» режима. Вновь на первый план выдвигается революционная деятельность поэта: через участие в кружке филоматов и филаретов, неслучайность встречи с декабристами в Петербурге, намеки на продолжение революционных связей в Одессе и т.д. — к пробуждению революционного энтузиазма в годы европейской революции 1848 г. и проявлению склонности к идеям социализма во французской «Трибуне народов», правда в «ограниченном его понимании»⁶⁶⁰.

Автор уже не делал особого упора на антинемецкую направленность ряда поэм Мицкевича и славянскую солидарность, но все же констатирует поворот от первоначальных попыток в «Живили» и «Свитези» воспеть борьбу литовцев с русскими князьями к стремлению в «Гражине» и «Конраде Валленроде» и других сочинениях показать борьбу средневековой Литвы с Тевтонским орденом, «германскую угрозу не только для Литвы, но и для польского народа и всех славянских народов, поработить которые стремились на протяжении всей своей истории германские захватчики»⁶⁶¹. Интересно и подробно осветив отношения Мицкевича с русскими литераторами, Живов повторил свое прежнее утверждение о настоящем расцвете творчества поэта именно в России⁶⁶².

Автор впервые подробно рассмотрел эволюцию идейных подходов и художественного мастерства поэта, проявившуюся в одновременном написании частей поэмы «Дзяды» («Поминки»). Третью часть «Дзядов» Живов справедливо называет шедевром польской и мировой литературы, где поэт намеревался охватить всю историю «преследований и мученичества своего народа»⁶⁶³. Несмотря на возможные обвинения в космополитизме, Живов положительно охарактеризовал контакты Мицкевича с великим немецким поэтом Гете и его благотворное влияние на польского гения⁶⁶⁴. Автор подробно писал о формировании романтизма в поэзии Мицкевича, о его программном утверждении этого нового направления в польской литературе, о критике и разрыве с «ложным» классицизмом. При этом он считал нужным заметить, что романтизм Мицкевича был более понят и приветствовался литераторами в Москве и Петербурге, нежели в Варшаве⁶⁶⁵.

Характеризуя поэму «Пан Тадеуш», Живов снова подчеркнул, что, «проникнутая высоким патриотизмом», она свидетельствует, что «патриотизм Мицкевича был чужд национальной ограниченности и шовинизма многих его современников»⁶⁶⁶. Впервые проанализировав лекции Мицкевича по истории славянских литератур в Колеж де Франс в начале 1840-х гг., справедливо расценив их как «средство к анализу исторического пути славянства», автор предисловия, тем не менее, указал, что неизжитый бонапартизм и приобретенный под влиянием А. Товьянского мессионизм привели поэта к идейному упадку и отстранению от преподавания, а также прекращению его поэтического творчества⁶⁶⁷.

Живов впервые вступил в прямую дискуссию с «реакционными» и «буржуазными» интерпретаторами произведений Мицкевича и его жизненных идеалов. Советский литературовед решительно отверг утверждения, что он — «певец шляхетской Польши», представляя поэта «выразителем демократических устремлений».

Живов выступил против превознесения «мессионистского» периода жизни поэта, когда он попал под «пагубное влияние А. Товянского», и замалчивания его увлечения идеями социализма в революционном 1848 г. Автор присоединился к мнению А.В. Луначарского, относившего Мицкевича к немногим великим «революционным» поэтам, таким как Байрон, Петефи, Гейне⁶⁶⁸.

В заключение Живов вернулся к вопросу об отношении Мицкевича к Пушкину, России в эмигрантский период. Он отверг утверждения «реакционных биографов» о том, что после польского восстания 1830–1831 гг. и появления стихотворений А.С. Пушкина «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России» «дружба между ними сменилась непримиримой враждой». Он подчеркнул, что в стихотворении «Памятник Петру Великому» поэт выразил полное уважение к Пушкину, не перенося на него упреки в непонимании целей польского восстания, высказанные в стихотворении «Русским друзьям». И даже в выражении «дорогой враг» увидел, прежде всего, проявление «сердечности и любви» к Пушкину и «иронии» по отношению к тем, «кто старался представить настоящими врагами этих двух великих славянских поэтов, давших пример подлинной братской дружбы!»⁶⁶⁹. Пафос предисловия М.С. Живова как раз и был направлен на «правильное освещение этих взаимоотношений», истинного отношения Мицкевича к России, русским друзьям, русскому народу в «новой демократической Польше», которое покажет, что «существующая ныне братская дружба русского и польского народов была одним из великих чаяний вдохновенного певца свободы и горячего поборника братства и единения народов во имя прогресса и счастья человечества»⁶⁷⁰.

Примечательно, что концепционные наработки М.С. Живова легли в основу последующих трудов советских славистов об А. Мицкевиче. Очень схожая трактовка основных моментов творчества поэта присуща авторам статей первого выпуска сборника «Литература славянских народов», посвященная 100-летию со дня смерти классика польской литературы (М., 1956). Это был первый специальный литературоведческий сборник молодого Института славяноведения АН СССР. В этом же духе написана монография его ведущего впоследствии сотрудника Б.М. Стахеева «Мицкевич и прогрессивная русская общественность» (М., 1955). Пересмотр сложившейся концепции в духе реалий нового времени присущ авторам сборника «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре» (М., 2007), подготовленного по случаю 150-летия со дня смерти поэта.

В центре внимания советских литературоведов конца 1940-х гг. закономерно оказалось творчество мужественного чешского борца-антифашиста, публициста и писателя Юлиуса Фучика. Его записки, сделанные в тюрьме Панкрац, «Репортаж с петлей на шее», опубликованные в 1945 г., сразу сделали имя журналиста символом антифашистского сопротивления, а его самого — чешским национальным героем. «Репортаж» в переводе И. Бархаша был оперативно опубликован в журнале «Новый мир» (1946. № 12). В 1947 г. появилось отдельное издание книги «Слово перед казнью» с предисловием вдовы писателя Густы Фучиковой. В феврале 1948 г. в журнале «Новый мир» опубликовали его «Рассказ полковника Бобунова о затмении Луны» в переводе В. Ружички, сопроводив его живыми воспоминаниями о встречах с чешским коммунистом в Ташкенте и Ленинграде в 1930-е гг. Б. Лихарева и предисловием М. Семенова с кратким обзором творчества Фучика⁶⁷¹. Вероятно, неслучайно напоминания о подвиге чешского национального героя-коммуниста появились в печати именно в этот месяц, прозвучав в поддержку февральских событий 1948 г. в Чехословакии, приведших к победе коммунистов и установлению там режима советского типа.

В июле того же года «Новый мир» опубликовал с некоторыми сокращениями дипломную работу выпускницы Славянского отделения филфака МГУ Нины Николаевой «Жизнь и борьба Юлиуса Фучика», выполненную по канонам советского литературоведения. (В дальнейшем автор защитила по этой теме кандидатскую диссертацию в ИМЛИ.) Работа написана живым, эмоциональным языком. Она вводила читателя в обстановку чешского подполья после позорного Мюнхенского договора и гитлеровской оккупации Чехословакии, показывала мужественную работу Ю. Фучика и его коллег по выпуску нелегальной газеты коммунистов «Руде право» и других антифашистских, главным образом сатирических изданий, осветила основные вехи его биографии, особенно пребывание журналиста в СССР в 1930-е гг. в качестве корреспондента газеты «Руде право» и страстного пропагандиста успехов социалистического строительства в СССР. Как литературовед она рассмотрела очерки Ю. Фучика о Советском Союзе, литературно-критическую работу о предательстве чешским литератором-радикалом XIX в. К. Сабинной революционного дела. Вместе с тем Н.С. Николаева отметила, что другие работы Фучика (а также Б. Вацлавека), содержащие характеристику творчества А. Ирасека, Б. Немцовой, В. Дыка, Ф. Шальды, Я. Врхлицкого, О. Фишера и др., «заложили в чешском литературоведении основы нового взгляда на литературное творчество. В них литературные произведения оценивались с позиций марксистского мировоззрения. Эти писатели «внесли большой вклад в развитие критической мысли, и смерть их является большой потерей для чешской литературы. У них впереди было большое будущее»⁶⁷².

Молодой литературовед эмоционально, со страстным пафосом охарактеризовала «Репортаж с петлей на шее», написанный огрызком карандаша на обрывках бумаги рукой жестоко истязаемого в гестаповском застенке человека не как тюремные записки, а как целостное художественное произведение, «исповедь сильного сердца» со стройной композицией, оправданной идейным содержанием книги. Николаева отмечает черты стиля Фучика: «его превосходный образный язык, тонкий юмор, лаконизм и выразительность характеристик»⁶⁷³. Автор полна восхищения своим героем, несколько идеализируя его: «Со страниц „Репортажа“ встает величественный, мужественный и прекрасный образ нового человека, пламенного борца за коммунизм, который до последнего дыхания борется с ненавистным ему строем..., благородный и чистый образ жизнерадостного, никогда не унывающего оптимиста, которого в самые трудные минуты жизни поддерживает вера в правоту народного дела и любовь к людям..., на нас смотрит... замечательный верный друг, отзывчивый товарищ, преданный партии борец». Фучик для молодого литературоведа — живое олицетворение светлого идеала социализма: «Фучик воплощает в себе все идеалы новой социалистической эры. Он отличается от людей старого буржуазного мира своей совершенно новой психологией и новым мировоззрением»⁶⁷⁴. Конечно, такая «дистиллированная» идеализация безусловно мужественного антифашиста (что бы ни писали о нем в настоящее время), последние слова которого, по свидетельству Н.С. Николаевой, были обращены к Советскому Союзу, проникнуты верой в его победу над гитлеровской Германией и скорое открытие второго фронта⁶⁷⁵, не могла не imponировать наставникам выпускницы МГУ, которые добились публикации ее работы в журнале.

Однако год спустя руководитель диплома Николаевой Р.Р. Кузнецова осветила литературно-критическое творчество Ю. Фучика в совсем ином ключе⁶⁷⁶. Несколько романтический взгляд на Фучика как на борца-антифашиста, проповедника идей нового светлого общества в условиях «антикосмополитической» кампании был ужесточен

классово отточенными характеристиками. Публицистические работы Фучика трактовались с точки зрения «большевистской партийности» и «народности», выражения настроений рабочего класса. Вся работа «национального героя-коммуниста» в межвоенной Чехословакии преподносилась как пропаганда установления там в будущем справедливого социалистического строя. «Поэтому Юлиус Фучик беспощадно разоблачал реакционную клевету на Советский Союз и с горячей любовью к стране победившего социализма рассказывал в своих очерках, статьях и лекциях правду о строительстве в СССР, о великой коммунистической партии большевиков, о советских людях. В растущей мощи Советского Союза Юлиус Фучик видел вдохновляющий залог будущих побед трудящихся всего мира и рабочего класса Чехословакии в частности»⁶⁷⁷.

Автор полагала, что Фучик в своих очерках о Божене Немцовой, измене революционному делу Карла Сабины, о Яне Неруде, Кареле Чапеке, ряде «передовых» прозаиков и поэтов младшего поколения подошел к переоценке истории чешской литературы и народного творчества «с позиций народности и партийности». По ее мнению, «выступая против буржуазных литературоведов, объективистски излагающих исторический материал, критик-коммунист Фучик стремится раскрыть самую основу исторических процессов, обнажить *классовую сущность* (выделено нами. — М.Д.) общественных конфликтов»⁶⁷⁸. Точно так же в статьях «О традиции святого Вацлава» и «Не дай погибнуть» он разоблачал «ограниченность и узость чешской буржуазной фольклористики» в оценке чешской народной легенды. Автор стремилась показать, что Юлиус Фучик олицетворял собой правильный марксистский (в духе партийных установок того времени) подход к оценке историко-культурных явлений: «Вооруженный марксистско-ленинской теорией Юлиус Фучик всегда рассматривал явления истории в связи с насущными политическими задачами современности. Фучик не только отыскал главное звено всей цепи событий истории чешской культуры — борьбу за национальную независимость, но и точно определил место и значение разных социальных групп в этой борьбе, показал истинных борцов за развитие чешской культуры»⁶⁷⁹.

В завершение статьи автор подчеркнула, что «боевые статьи Фучика», отличающиеся «большевистской партийностью», его подход к анализу литературных явлений открыли новый путь и являются образцом к подражанию для современного чешского литературоведения. Автор актуализировала значение литературно-критических статей Фучика, притишив их антифашистскую направленность, указав, что они «неотделимы от его героической жизни, от его славной деятельности коммуниста-борца против империализма, за прочный мир, за народную демократию»⁶⁸⁰.

Очень актуально в связи с резким обострением конфронтации двух социальных систем в конце 1940-х гг. прозвучала рецензия Г. Ленобля на публикацию в журнале «Знамя» отрывка из довоенной повести чехословацкого писателя Т. Сватоплука «Ботострой»⁶⁸¹. Рецензент подчеркнул реализм повести-памфлета и горячую ненависть автора к капиталистическим эксплуататорам и порядкам. «Его книга, — считал он, — подлинное острое оружие в борьбе против капиталистического варварства»⁶⁸², так как в ней разоблачается омерзительная сущность капитализма — погоня за чистоганом, наживой, игнорирование простых человеческих ценностей и равнодушие к нуждам простых людей, присущая герою повести, прототипом которого выступил энергичный и целеустремленный «чехословацкий Форд», обувной магнат Т. Батя. Вышедшую до войны книгу Т. Сватоплука изъяли из обращения. Писатель, по мнению рецензента, показывает ненормальность и бесчеловечность Т. Бати (между прочим, построив-

шего целый суперсовременный поселок своим рабочим по проекту французского архитектора-авангардиста Ш.Э. Ле Корбюзье. — М.Ю.) и тем обличает весь капиталистический строй, типичным представителем которого и является «беснующийся» герой повести⁶⁸³.

Особым направлением в изучении славянских литератур, интенсивно развиваемым в СССР в конце 1940-х гг. и последующие десятилетия, стало **исследование русско-славянских и межславянских связей**. Это хорошо заметно было уже в «Славистических заметках» 1946 г. Данная тема была в должной мере обеспечена источниками (периодическими изданиями и материалами архивов) и безопасна, поскольку соответствовала идеологическим установкам ВКП(б) на сближение славянских культур при безусловном приоритете русской и советской.

Этой проблематике был посвящен целый номер «Известий АН СССР» по Отделению литературы и языка за 1948 г. (Т. 7. Вып. 2). В.А. Чернышев скрупулезно осветил здесь источники поэтического вдохновения А.С. Пушкина, почерпнутые им из сербских и русских песен⁶⁸⁴. С.С. Советов не побоялся (во время «патриотических» идеологических кампаний) сопоставить переводы выдающегося французского поэта-сатирика Поля Беранже, выполненные в середине XIX в. польским поэтом Л. Кондратовичем (писавшим под псевдонимом Владислав Сырокомля) и русским поэтом-сатириком В.С. Курочкиным. Автор нашел много общего у двух литераторов в выборе для перевода стихотворений с мотивами «противопоставления богатым, знатым, довольствующимся всеми земными благами простого человека, горящего оптимизмом жизни», с насмешками над сильными мира сего, общего «прославлением радости и молодости жизни мечты о лучшем мире», а также в стремлении обоих поэтов вложить в переводы Беранже свое национальное содержание⁶⁸⁵. В.А. Чернышев заключил: «Как Василий Курочкин, так и Людвиг Кондратович, каждый по-своему воспринял острую боевую сатиру Беранже. Общая черта их заключалась в том, что на основе народных демократических тенденций 50-х годов прошлого столетия они переводили не вслепую, а с полным сознанием, вкладывая в эти переводы и свои национальные черты. И в этом отношении русский и польский поэты находили в своих переводах общий язык, общее стремление к борьбе за освобождение страждущего, трудового, угнетенного крепостным трудом человека»⁶⁸⁶.

К.А. Копержинский проанализировал беллетристические произведения известного болгарского писателя, публициста, философа Любена Каравелова, написанные в России⁶⁸⁷. Автор, может быть, впервые в советском литературоведении определил хронологию создания сочинений писателя и критически отнесся к ним, признав, что участь у Н. Гоголя, Каравелов, тем не менее, «не обладал всеми данными, необходимыми для реформатора болгарского литературного языка и стиля», присущими его продолжателю И. Вазову. Писатель тяготел «к жанру мемуаров, к историографичности и бытовизму», ему «не всегда удавалась форма сюжетного рассказа»⁶⁸⁸.

Естественно, автор статьи подчеркнул, что стремится уточнить путь творческого развития писателя от романтизма к реализму. «Болгары старого времени» (1872) Каравелова — первая болгарская реалистическая повесть. А «в возникновении болгарского реализма», по мнению автора, «решающую и в высшей степени плодотворную роль сыграли болгарско-русские культурные и литературные связи». К.А. Копержинский особенно отметил тот факт, что будучи в России в 1864–1866 гг. Каравелов тесно сблизился «с русским революционным подпольем, многое усвоил от великих классиков

революционно-демократической мысли (Белинский, Чернышевский и Добролюбов)». Именно под их благотворным влиянием «он пришел к пониманию сущности реалистического метода и задач передовой литературы современности».

Литературовед подчеркнул, что анализ ранних, «не всегда удачных, но остро-политических боевых произведений Каравелова 60-х годов иллюстрирует, как он, развивая лучшие традиции болгарской литературы, постепенно вырастал в крупного болгарского писателя». При этом К.А. Копержинский нашел мужество объективно указать, что кроме революционных демократов, Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева на творчество Каравелова оказала влияние украинская писательница Марко Вовчок и ряд «второстепенных представителей великой русской литературы»⁶⁸⁹ (Д.В. Григорович, С.Т. Славутинский и др.).

В 1949 г. отмечалась 150-я годовщина со дня рождения А.С. Пушкина. Академик Н.С. Державин откликнулся на это событие статьями «Пушкин и зарубежные славяне»⁶⁹⁰ и «Пушкин в Болгарии»⁶⁹¹. Весь июньский номер журнала «Новый мир» был посвящен юбилею. Выпускник МГУ, молодой литературовед Л.С. Кишкин удостоился здесь публикации своей первой статьи «Пушкин в Чехословакии»⁶⁹², С. Артемьев напечатал статью «Пушкин у славян»⁶⁹³. Во всех указанных работах так или иначе затрагивались проблемы трудностей перевода произведений великого русского поэта на славянские языки, в особенности поэтических, приводились примеры наиболее удачных попыток. Авторы писали об интересе Пушкина к жизни зарубежных славян, высокой дружбе с А. Мицкевичем, представителями южных славян, отражении славянской тематики в его творчестве. Наиболее основательно тема «Пушкин и славяне» была раскрыта в упомянутой статье С. Артемьева, который широко использовал в ней дореволюционную и советскую литературу, но, помимо того, часто цитировал труды классиков марксизма-ленинизма. Закончил статью он также пафосно, в духе партийных установок: «Русский народ, руководимый партией Ленина–Сталина, в братском содружестве с другими народами СССР — осуществил революционный переворот и сделал творчество Пушкина достоянием широких масс. Пушкин издавался в славянских странах на протяжении ста двадцати трех лет, но лишь теперь к его творчеству приобщаются массы славян-тружеников... Великий сын русского народа, мечтавший о счастье славян, Пушкин будет вечно жить в душах миллионов простых людей славянского мира, обретших свободу»⁶⁹⁴.

Если С. Артемьев (как и Н.С. Державин), говоря о современном значении Пушкина у славян, акцентировал внимание на его доступность народным массам, то Л.С. Кишкин подчеркивал, что «пушкинский реализм, глубокая народность, подлинный гуманизм и вера в человека» помогли «передовым чехословацким писателям» в борьбе с литературными «консерваторами и реакционерами». К его помощи прибегали «представители прогрессивного романтизма 40–50-х годов в борьбе с принципами романтизма консервативного», «первые чехословацкие реалисты 60–70-х годов», «передовые писатели Чехословакии в борьбе с декадансом в конце XIX и начале XX веков» и, наконец, самое главное, «борцы чехословацкого антифашистского сопротивления и строители новой социалистической культуры Чехословакии»⁶⁹⁵. Словом, в этой юбилейной утрированности ясно читается мысль, что без «нашего всего — Пушкина» не было бы всей чешской и словацкой литературы и культуры.

Некая утрированность присуща и Л. Фейгельман, которая в статье «Маяковский в славянских странах»⁶⁹⁶ анализирует влияние творчества трагически противоречиво-

го русского поэта, узко трактуемого как бесппроблемно «пролетарского», на писателей Чехословакии, Югославии, Польши и Болгарии, которые активно переводили те или иные его произведения на языки народов своих стран. Автор следующим образом объясняет широкую известность Маяковского у славян и неизменный интерес к его творчеству характером его поэзии: «В реализме Маяковского есть пафос революционного романтизма. И в этом объяснение того, почему поэзия Маяковского нужна народам, заново строящим свою жизнь». Кроме того, творческий путь Маяковского, на который, по ее мнению, «решающее влияние оказали события Великой Октябрьской революции, представляет собой поучительный пример для многих художников за рубежом. Эстетика Маяковского в своих главных чертах... составляет огромное богатство для писателей близких нам культур». Но самое главное, через переводы стихотворений поэта славянские писатели могут постичь и освоить «новаторство в искусстве», обусловленное «идейной глубиной его поэзии», идущей в фарватере «искусства страны социализма». Поэзия Маяковского, в последние годы жизни гонимого и непонятого писательским «официозом», во многом пересмотревшего свои творческие установки, теперь канонизировалась и подавалась как поучительный образец, «лучшее явление советского искусства, поэтической классики советского народа» для писателей стран «народной демократии»⁶⁹⁷, острое «оружие в борьбе против декадентствующих представителей буржуазной поэзии»⁶⁹⁸.

Автор пришла к актуализированному выводу о том, что «стихи Маяковского помогают братским народам проникнуть в самые глубокие мысли советского человека... Его искусство стало животворным для этих стран, так как его путь был путем замечательного новатора, выразителя самых передовых идей времени. Поэтому его имя в славянских странах сочетают с именами Христо Ботева, Негоша, Прешерна, Мицкевича, подтверждая этим его народность, его своеобразие»⁶⁹⁹. На этой оптимистической ноте мы завершаем разбор состояния литературно-славистических разработок в конце 40-х гг. XX в.

* * *

Итак, проанализировав основные тенденции славистического литературоведения 1939–1949 гг., мы пришли к общему заключению о том, что оно развивалось в тоталитарном обществе не свободно, лишь по законам науки, а под жестким влиянием партийных установок и марксистской методологии. Мало кто из советских литературоведов мог позволить себе оставаться самим собой, отстаивать свои убеждения и методологические принципы. Счастливым исключением из славистов оказался только П.Г. Богатырев. Но если в общих рамках марксистской методологии еще оставалось какое-то поле для творчества, возможности тех или иных трактовок, то партийные установки резко суживали свободу маневра, заставляли действовать по некоему шаблону, вульгаризируя результаты исследований.

Нам удалось выявить в рамках этого периода ряд подпериодов, отличавшихся своеобразием интерпретации литературных явлений. Так, до войны, в 1939–1941 гг., обращалось особое внимание на революционную, антимоноархическую и социальную направленность сочинений литературных классиков и антифашистскую — современных писателей. В годы Великой Отечественной войны акцентировались национально-самобытные особенности литературы, её общеславянская и антифашистская направленность, связь с великой русской литературой. В короткий период до августовского партийного постановления 1946 г. продолжало культивироваться уважение к достижениям

дореволюционного литературоведения, русоцентричность литературного процесса, постепенно на первый план начали выдвигаться и канонизироваться литературная критика революционных демократов и исключительный приоритет реализма. С началом кампаний борьбы «с низкопоклонством перед Западом», а затем с «буржуазным космополитизмом» стал делаться упор на классовый подход к литературным явлениям, «большевистскую партийность», отказ от объективизма, формализма и пр. Устанавливалась особая иерархия культурных ценностей, по которым писатели зачислялись в «передовые» и «прогрессивные» или в реакционеры. Первые (революционеры и реалисты) идеализировались, вторые (модернисты, формалисты, идеалисты) яростно разоблачались и уничижались. В тоталитарном обществе трагедия ученых усугублялась тем, что лишь следование партийным установкам и конформизм обеспечивали им право на научную работу и относительно спокойную жизнь, инакомыслие же истреблялось всеми возможными способами. Ситуация в славистическом литературоведении несколько облегчалась тем обстоятельством, что, с одной стороны, оно находилось тогда на периферии общих исследований в этой области, а с другой — поощрялось политическими задачами объединения славянских стран вокруг СССР, и потому оно пострадало заметно меньше других направлений.

Примечания

- 1 Задачи журнала «Вопросы истории» // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 5.
- 2 Задачи в области пропаганды исторических знаний // Исторический журнал. 1941. № 1. С. 4.
- 3 Там же. С. 10–11.
- 4 Там же. С. 5.
- 5 *Руколь Б.М.* Зденек Неедлы — историк славянства. Неопубликованная статья 1960-х годов. В архиве автора. С. 2–3.
- 6 *Ярославский Е.М.* О ближайших задачах исторической науки в СССР // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 17–24.
- 7 Там же. С. 21.
- 8 *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 11–12. См. также: *Носкова А.Ф.* Фашистский «новый порядок» в Восточной Европе и борьба славянских народов против нацизма // Славянский альманах. 2005. М., 2006. С. 28–41.
- 9 АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.
- 10 Там же. Л. 2.
- 11 *Державин Н.С.* Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 49–56.
- 12 Там же. С. 56.
- 13 *Дитякин В.* Славяноведение в Академии наук СССР // Славяне. 1945. № 2. С. 47.
- 14 *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 173–175.
- 15 О перспективном плане в области исторической науки // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 73.
- 16 *Пичета В.И.* Проблематика Института славяноведения // Вестник АН СССР. 1947. № 5. С. 4.
- 17 *Греков Б.Д.* Важнейшие задачи современного славяноведения // Ученые записки Института славяноведения. М., 1948. Т 1(а). С. 16.
- 18 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–5; *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000 и др.
- 19 От Института истории Академии наук СССР // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 3.
- 20 *Юшков С.В.* М.Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М., 1940. Ч. 2. С. 25–58.

- 21 Савич А.А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М.Н. Покровского // Против исторической концепции... С. 179–243.
- 22 Джервис М.В. Внешняя политика русского самодержавия в XVIII веке в изображении Покровского // Против антимарксистской концепции... С. 177–197.
- 23 Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции... С. 210–390. См. также: Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения... С. 154–155.
- 24 Неудлы З. К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–94.
- 25 Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36–62.
- 26 Неудлы З. К истории славяноведения до XVIII века... С. 81.
- 27 Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР... С. 62.
- 28 Там же. С. 46.
- 29 Там же. С. 62.
- 30 Державин Н.С. Историческая наука у славян... С. 49.
- 31 Там же. С. 51.
- 32 Там же.
- 33 Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., Л., 1942. С. 224.
- 34 Там же.
- 35 Демидов К. Русская наука и мировая культура // Славяне. 1944. № 7. С. 27–29; [Рец.:] Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Научная конференция 5–12 июня 1944 г. Программа и тезисы докладов. Москва. Издание МГУ // Октябрь. 1944. № 11–12. С. 213–214.
- 36 Письма Анны Михайловны Панкратовой [Публикация Ю.Ф. Иванова] // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–86; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5–6. С. 77–106; № 9. С. 47–77.
- 37 Цит. по: Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 95.
- 38 Подробнее см.: Письма Анны Михайловны Панкратовой... С. 63.
- 39 Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат... С. 95–96.
- 40 Отделение литературы и языка. Октябрьская сессия // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 11–12. С. 140–141.
- 41 См., например: Пичета В.И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. М., 1945. № 5–6. С. 157–175; Неудлы З. Мысли Палацкого. Сборник // Славяне. 1944. № 6. С. 39–40 и др. Об этом подробнее см.: Досталь М.Ю. Проблемы славяноведения (общеславянский аспект) на страницах «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2001. Вып. 3. С. 291–308; Она же. Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 304–319; Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат... С. 90–106.
- 42 Пичета В.И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 169.
- 43 Там же. С. 166.
- 44 Там же.
- 45 Об этом, в частности, говорилось в докладе М.Н. Тихомирова «Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей» на совместном заседании Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка 21 мая 1946 г. См.: В.А. Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 149–151. (К 25-летию со дня смерти А.А. Шахматова); Памяти академика А.А. Шахматова (Совместное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка) // Вестник АН СССР. 1946. № 7. С. 64–67. Об этом же говорилось и 14 июня на подобной объединенной сессии в Ленинграде в докладе Д.С. Лихачева о А.А. Шахматове как исследователе русского летописания (см.: В.А. Ленинградская сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 149). М.Н. Тихомиров в частности подчеркнул важность комплексного подхода

- Шахматова к исследованию летописей, отнесясь к ним как к историческим памятникам. «Метод Шахматова, — подчеркнул он, — вполне себя оправдал и дал исключительно ценные результаты в изучении древнейших летописных сводов и общерусских сводов XIV–XV веков» (см.: Памяти академика А.А. Шахматова... С. 65).
- 46 А.А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов / Под ред. академика С.П. Обнорского. Труды комиссии по истории Академии наук СССР / Под. ред. академика С.И. Вавилова. Вып. 3. М.; Л., 1947.
- 47 Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне в X–XVIII веках // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66–78. Подробнее см.: Бучанов И.И. Советская историография гуситского движения 20–40-х гг. XX в. // Проблемы славяноведения. Брянск, 2004. Вып. 6. С. 177.
- 48 Дитякин В. Павел Шафарик (К 150-летию со дня рождения) // Славяне. 1944. № 5. С. 41–44.
- 49 Неедлы З. Мысли Палацкого. Сборник // Славяне. 1944. № 6. С. 39–40. В.И. Пичета в докладе «Развитие исторической науки у славянских народов в XIX в.» на вышеупомянутой Ленинградской сессии в июне 1946 г., необоснованно причислив Ф. Палацкого к позитивистам, отмечает положительный вклад ученого в историческую науку в том, что «патриарх чешской историографии» «первый приступил к систематическому исследованию чешских архивов, дал критическое описание 36 чешских хроник. Его основной труд — „История чешского народа в Чехии и Моравии“ — отличается строгой документальностью». От понятия «буржуазная историография» В.И. Пичета в своем докладе вообще абстрагируется (см.: В.А. Ленинградская сессия... С. 148).
- 50 Пичета В.И. Академия наук и славяноведение... С. 173.
- 51 Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историко-философский трактат... С. 97.
- 52 Об окончании работы над текстом «Славяноведения» Н.С. Державин упомянул в письме С.Б. Бернштейну от 13 декабря 1948 г. См.: Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч.
- М.Ю. Досталь // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 517.
- 53 Державин Н.С. История славяноведения второй половины XIX века. (1948). С. 8–13. — Машинопись в архиве автора.
- 54 Никитин С.А. Предисловие // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. академика Б.Д. Грекова. Подготовили к печати и комментировали В.Р. Лейкина–Свирская и Л.В. Разумовская. М.; Л., 1948. С. VII.
- 55 Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 159. Л. 28. См. также: Досталь М.Ю. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 30–47.
- 56 В Институте славяноведения // Славяне. М., 1948. № 11. С. 57–58.
- 57 Там же. С. 57.
- 58 Подробнее см.: Dostalová M. O vlivu ideologie romantismu na ruskou slavistiku 40. a 50. století // Sborník k dějinám 19. a 20. století. Praha, 1989. D. 11. S. 205–206; Досталь М.Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (По материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 12–15.
- 59 Неедлы З. Каннибальская расистская теория в фашистской историографии // Исторический журнал. 1941. № 7–8. С. 61–74.
- 60 Неедлы З.Р. Фашистская фальсификация чешской истории // Преступления фашистов против исторической науки. Ученые записки МГУ. Вып. 81. Сборник исторического факультета. М., 1945. С. 136–162.
- 61 Державин Н.С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943; Он же. Немецкие захватчики — вековые враги славянских народов // Славяне. М., 1943. № 9. С. 29–30; Пичета В.И. Борьба славянских народов против германской агрессии // Вестник АН СССР. 1941. № 9–10. С. 78–81; Пичета В.И. Борьба Чехии и Польши против германской агрессии // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944. С. 60–66; Пичета В.И. Вековая борьба сла-

- вян против германской агрессии [в VIII–XX вв.] // Агитатор. 1945. № 12. С. 10–20; *Селищев А.М.* Извечная борьба славян против немецких варваров // Славяне. 1942. № 4. С. 23–25 и др.
- 62 Подробнее см.: *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.
- 63 *Аксенова Е.П., Васильев М.А.* Проблематика этногонии славянства и его ветвей в академической дискуссии рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 86–104; *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 52–68; *Юсова Н.Н.* Первое академическое совещание по вопросам этногенеза (конец 1930-х гг.) // Славянские форумы и проблемы славяноведения. Сборник статей / Отв. ред. М.Ю. Досталь и И.В. Крючков. М.; Ставрополь, 2008. С. 40–56 и др.
- 64 *Аксенова Е.П., Васильев М.А.* Проблематика этногонии славянства... С. 89, 103–104.
- 65 *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 59; *Толстов С.П.* Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 22.
- 66 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 110.
- 67 *Ильинский Г.А.* Проблема славянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова // Известия ОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 419–436.
- 68 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян... С. 111.
- 69 *Удальцов А.Д.* Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 95.
- 70 *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 174.
- 71 *Третьяков П.Н.* О происхождении славян // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 71.
- 72 *Дитякин В.* Советская наука о происхождении славян // Славяне. 1945. № 8–9. С. 29.
- 73 *Удальцов А.Д.* Начальный этап восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11–12. С. 68.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Там же. С. 71–72.
- 79 Там же. С. 72.
- 80 Подробнее см.: *Алнатов М.А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 41–89.
- 81 *Удальцов А.Д.* Начальный этап восточнославянского этногенеза... С. 72.
- 82 Там же.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 *Рыбаков Б.А.* Ранняя культура восточных славян // Исторический журнал. 1943. № 11–12. С. 73.
- 86 В настоящее время «теория карпатской прародины славян», берущая истоки от Нестора и развитая П.И. Шафариком, на основе современного анализа лингвистических и прочих данных защищалась академиком О.Н. Трубочевым. См.: *Трубочев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М., 2003 и др.
- 87 *Рыбаков Б.А.* Ранняя культура восточных славян... С. 73.
- 88 Там же. С. 79.
- 89 Там же. С. 80.
- 90 *Державин Н.С.* Об этногенезе древнейших народов Днедро-Дунайского бассейна (К истории древних славян) // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 279–289; *Он же.* Древние фракийцы и славяне // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 60–77; *Он же.* Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове // Советская этнография. 1946. № 1. С. 59–83 и др.
- 91 *Третьяков П.* Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И.В. Сталина о языке и языкознании // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 6–7.
- 92 *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 70–71.
- 93 Там же. С. 181.
- 94 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1 // Советская книга.

1946. № 1. С. 81–86; *Тихомиров М.Н.* [Рец. на кн.]: *Державин Н.С.* Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.; Л., 1944 // Исторический журнал. М., 1945. № 3. С. 76–77 и др.
- 95 *Удальцов А.Д.* Основные вопросы происхождения славян // Общее собрание АН СССР. 14–17 октября 1944 г. М., Л., 1945. С. 99–109; *Он же.* Проблема происхождения славян в свете современной археологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 14–25; *Он же.* Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 95–100; *Он же.* Теоретические основы этногенетических исследований // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1944. № 6. С. 252–265 и др.
- 96 *Удальцов А.Д.* Теоретические основы этногенетических исследований... С. 258.
- 97 Там же. С. 265.
- 98 Современную точку зрения на этногенез славян см., например: *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Он же.* Славяне в древности. М., 1994; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян... и др.
- 99 *Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 81–85.
- 100 *Удальцов А.Д.* Происхождение славян... С. 95–100; *Он же.* Проблема происхождения славян... С. 14–25.
- 101 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 114.
- 102 Там же.
- 103 Там же. С. 115.
- 104 Там же.
- 105 *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 62–63.
- 106 *Толстов С.П.* Из предьстории Руси // Советская этнография. 1947. Вып. 6–7. С. 55.
- 107 *Державин Н.С.* Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944. С. 102; *Третьяков П.Н.* Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941; *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 62.
- 108 *Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пед. института. 1938. Т. 11.
- 109 *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 121.
- 110 *Монгайт А.Л.* Обсуждение книги П.И. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 198.
- 111 *Шульц П.Н.* Историко-археологические исследования в Крыму // Крым, 1950. № 6. С. 147.
- 112 *Надинский П.Н.* Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951. Ч. 1.
- 113 *Удальцов А.Д.* Происхождение славян... С. 98 и др.
- 114 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (По материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 17–56.
- 115 *Удальцов А.Д.* Происхождение славян... С. 99; *Он же.* Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография. 1947. Т. 6–7. С. 12.
- 116 *Державин Н.С.* Происхождение русского народа... С. 38–40.
- 117 *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 63.
- 118 *Толстов С.П.* Древнейшая история СССР... С. 31.
- 119 *Чебоксаров Н.И.* Этническая антропология Германии // КСИЭ. М., 1944. Вып. 1; *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 63.
- 120 *Удальцов А.Д.* Тезисы доклада: «Теоретические основы этногенетических исследований», прочитанного на сессии Отделения истории и философии АН СССР 27–29 августа 1942 г. // Советская этнография. М., 1947. Т. VI–VII. С. 302–303.
- 121 *Десницкая А.В.* К проблеме исторической общности индоевропейских языков // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка 1948. Т. VII. Вып. 3. С. 246.
- 122 *Шнирельман В.А.* Указ. соч. С. 64.
- 123 *Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении восточных славян // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 97–108.
- 124 Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л., 1954.

- 125 *Артамонов М.И.* Славяне и Русь // Научная сессия 1955–1956 гг. в ЛГУ. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л., 1956.
- 126 *Монгайт А.Л.* Обсуждение книги П.Н. Третьякова... С. 137–141; *Федоров Г.Б.* Обсуждение книги проф. П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вестник древней истории. 1948. № 4.
- 127 См. например, сборник: Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
- 128 *Третьяков П.Н.* Этногенетический процесс в археологии // Советская археология. 1962. № 4; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970 и др.
- 129 *Третьяков П.Н.* Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И.В. Сталина о языке и языкознании // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 10.
- 130 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма... С. 4–116.
- 131 *Третьяков П.Н.* О происхождении славян... С. 71.
- 132 *Королюк В.Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных германцев // Советское славяноведение. М., 1973. № 3. С. 74. Из последних серьезных исследований в области славянского этногенеза следует отметить: *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Он же. Славяне в древности. М., 1994; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян...
- 133 *Королюк В.Д.* К исследованиям в области этногенеза славян... С. 74.
- 134 *Лебедев Н.С.* Византиноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 216–217; Группа византиноведения Института истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 110.
- 135 *Пичета В.И.* Академия наук и византиноведение... С. 193.
- 136 См.: *Горянов Б.Т.* Новые работы по византиноведению // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 6. С. 452–456. [Рец. на кн.: Византийский сборник. М.; Л., 1945].
- 137 Подробнее см.: *Иванов С.А.* Византиноведение и власть (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 244–256.
- 138 *Горянов Б.Т.* Славянские поселения VI в. и их общественный строй // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 310.
- 139 *Пичета В.И.* Славяно-византийские отношения в VI–VII вв. в освещении советских историков (1917–1947 гг.) // Вестник древней истории. 1947. № 3 (21). С. 94.
- 140 *Державин Н.С.* Славяне и Византия в VI в. // Язык и литература. 1931. Т. 6. С. 5–47.
- 141 *Пичета В.И.* Славяно-византийские отношения... С. 96. См. также: *Горянов Б.Т.* Славянские поселения VI в.... С. 308–318; *Греков Б.Д.* История древних славян и Руси в работах В.Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 338–351; *Левченко М.В.* Византия и славяне в VI–VII вв. // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 23–48; *Мишулин А.В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307 и др.
- 142 *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1. Гл. 1, 2.
- 143 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 1. М.; Л., 1945 // Советская книга. 1946. № 1. С. 81–86; *Левченко М.В.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1 // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 147–152.
- 144 Подробнее см.: *Греков Б.Д.* История древних славян и Руси в работах академика В.Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 338–351; *Удальцова З.В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969 и др.
- 145 *Пичета В.И.* Славяно-византийские отношения... С. 96.
- 146 *Пичета В.И.* Академия наук и византиноведение в советское время // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 190.
- 147 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 132.
- 148 См.: *Горянов Б.Т.* Славянские поселения VI в.... С. 308.
- 149 *Горянов Б.Т.* Славяне и Византия в V–VI вв. н.э. // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 111.
- 150 *Бергер А.К.* Об «Истории Византии» М.В. Левченко // Исторический журнал. 1943. № 3. С. 144.
- 151 *Мишулин А.В.* Древние славяне и крушение Восточноримской империи // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 55–61.

- 152 Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–296.
- 153 Мишулин А.В. Древние славяне и крушение Восточноримской империи // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 55.
- 154 Там же.
- 155 Там же. С. 56.
- 156 Там же. С. 61.
- 157 Там же.
- 158 Там же.
- 159 Мишулин А.В. Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточноримскую империю в VI–VII вв. н.э. // Исторический журнал. 1942. №1–2. С. 152–154.
- 160 Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307.
- 161 Пичета В.И. Академия наук и византиноведение в советское время // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 189–194; Пичета В.И. Славяно-византийские отношения в VI–VII вв. в освещении советских историков (1917–1947 гг.) // Вестник древней истории. 1947. № 3 (21). С. 96.
- 162 Подробнее см.: Иванов С.А. Византиноведение и власть (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 244–256; Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). Л., 1975; Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969 и др. См. также: Липшиц Е.Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Преимущественно по данным Земледельческого закона // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 96–143.
- 163 Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. Ташкент, 1942; 2-е изд. М., 1944; Она же. Киевская Русь. М., 1944.
- 164 Липшиц Е.Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация. С. 96–143; Она же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // Византийский временник. М., 1947. Т. 1. С. 144–164.
- 165 Подробнее см.: Курбатов Г.Л. История Византии... С. 150. Позиция Е.Э. Липшиц представлена в докладе на сессии памяти Ф.И. Успенского. См.: Памяти академика Ф.И. Успенского // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1945. № 4. С. 118–119.
- 166 Пичета В.И. Славяно-византийские отношения... С. 96–98.
- 167 Шангин М. История славян в трудах русских византинистов // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 134.
- 168 Опубликовано в журнале: Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 216–222.
- 169 Там же. С. 338–351.
- 170 Там же. С. 338.
- 171 Памяти академика Ф.И. Успенского // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 4. С. 299–300; Проблемы истории Византии. Сессия Отделения истории и философии АН СССР // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 145–148.
- 172 Пичета В.И. Академия наук и византиноведение... С. 193; Проблемы истории Византии. Сессия Отделения истории и философии АН СССР [30–31 октября 1946 г.] // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 145–148.
- 173 Шангин М. История славян в трудах русских византинистов. С. 134.
- 174 Горянов Б. Ф.И. Успенский и русское византиноведение // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 44. См. также: Горянов Б.Т. Выдающийся исследователь истории славян Ф.И. Успенский // Славяне. 1945. № 7. С. 43–44; Лебедев Н.С. Научное рукописное наследство академика Ф.И. Успенского // Византийский временник. М., 1947. Т. 1. С. 109–114.
- 175 Лебедев Н.С. Академик В.Г. Васильевский и его работа по истории Византии // Исторический журнал. 1944. № 5–6. С. 74.
- 176 Горяинов А.Н. О публикуемой рукописи и ее судьбе. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г. (публикация) // Одиссей. Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. Москва, 2007. С. 250–340.
- 177 Там же. С. 313.
- 178 Подробнее см.: Гуревич А.Я. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее

- последствия // *Одиссей. Человек в истории*. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 341–349.
- 179 *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945–1963 гг. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 20–21.
- 180 См.: История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и Новое время / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 1998. С. 14–16; *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1999 и др.
- 181 *Державин Н.С.* Историческая наука у славян... С. 53.
- 182 *Державин Н.С.* Исторические основы дружбы русского и болгарского народов // *Славяне*. 1943. № 11. С. 31.
- 183 *Грацианский Н.Г.* Славянское царство Само (К критике известий «Хроники» Фредегара) // *Исторический журнал*. 1945. № 5–6. С. 41.
- 184 Там же. С. 45.
- 185 Там же. С. 47.
- 186 Там же.
- 187 Подробнее см.: *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 88–98 и др.
- 188 *Греков Б.Д.* На заре русского государства // *Исторический журнал*. 1942. № 7. С. 14.
- 189 Там же. С. 18.
- 190 Там же. С. 25.
- 191 Там же.
- 192 Там же. С. 31.
- 193 *Дитякин В.Т.* Образование государства у хорватов (X в.) // *Исторический журнал*. 1944. № 10–11. С. 83.
- 194 Там же. С. 73, 83.
- 195 Там же. С. 79.
- 196 Подробнее см.: История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 84.
- 197 Там же. С. 84.
- 198 Там же. С. 83.
- 199 Подробнее см.: *Таранова В.Г.* Проблемы социально-экономической и политической истории Первого Болгарского царства в освещении Н.С. Державина // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 1985. Вып. 8. С. 102–112 и др.
- 200 *Густинчич Д.* Словенцы (историческая справка) // *Исторический журнал*. 1942. № 1–2. С. 155–159.
- 201 *Неедлы З.* История политического формирования словацкого народа // *Исторический журнал*. 1942. № 7. С. 47–62.
- 202 *Славянский сборник*. Образование Сербского, Польского и Чешского государств. М., 1947.
- 203 *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение... С. 175.
- 204 *Дитякин В.Т.* [Рец. на кн.:] *Славянский сборник*. М., 1947 // *Вопросы истории*. 1947. № 7. С. 119–121.
- 205 *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. М., 1963. С. 22.
- 206 См.: История южных и западных славян: В 2-х т. Учебник. Т. 1. Средние века и Новое время / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 1998.
- 207 *Державин Н.С.* Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии // *Исторический журнал*. 1944. № 12. С. 69.
- 208 *Грацианский Н.Г.* Карл Великий и славяне // *Исторический журнал*. 1945. № 3. С. 21–27.
- 209 См., например: *Державин Н.С.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943; *Он же.* Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М., 1942; *Он же.* Немецкие захватчики — вековые враги славянских народов // *Славяне*. 1943. № 9. С. 29–30; *Он же.* Политика «Дранг нах Остен» германских захватчиков // *Большевик*. 1944. № 9. С. 50–59; *Он же.* Фашизм — злейший враг славянства. М., 1942; *Он же.* Фашизм и славянство // *Вестник АН СССР*. 1941. № 9–10. С. 5–7, 44–53; *Масленников В.* Славянство в борьбе против воинствующего германизма // *Мировое хозяйство и мировая политика*. 1941. № 8. С. 31–36; *Пичета В.И.* Вековая борьба славян против германской агрессии [в VIII–XX вв.] // *Агитатор*. 1945. № 12. С. 10–20; *Пичета В.И.* Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы // *Германскому народу не покорить свободолюбивые славянские народы! (Сборник статей)*. М., 1941. С. 23–27; *То же //*

- Фашистские изверги истребляют славянские народы. Ташкент, 1941. С. 21–27; *Пичета В.И.* Единый фронт народов против фашистской Германии // Под знаменем марксизма. 1941. № 8. С. 11–20; *Пичета В.И.* Единый фронт славянских народов // Октябрь. 1941. № 9–10. С. 164–173; *Пичета В.И.* Лютый враг славянства // Единый фронт свободлюбивых народов. Свердловск, 1941. С. 10–16; *Пичета В.И.* Славянские народы в борьбе против немецких захватчиков // Большевик. 1941. № 18. С. 28–33; *Селищев А.М.* Извечная борьба славян против немецких варваров // Славяне. 1942. № 4. С. 23–25; *Удальцов А.* Завершение вековой борьбы славянских народов с немецкими захватчиками // Славяне. 1945. № 5. С. 14–18.
- 210 *Пичета В.И.* Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 64–73.
- 211 *Грацианский Н.Г.* Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X–XII вв. // Исторический журнал. 1942. № 8. С. 37–42.
- 212 *Державин Н.С.* Рец. на кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. Сборник статей / Под ред. З.Р. Неядлы. М., 1944 // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 78–82.
- 213 *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Грацианский Н.П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. Пособие для преподавателей. М., 1943 // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 136–138.
- 214 Цит. по: *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Грацианский Н.П.* Борьба славян и народов Прибалтики... С. 138.
- 215 *Селищев А.М.* Извечная борьба славян против немецких варваров // Славяне. 1942. № 4. С. 25.
- 216 В Институте славяноведения был создан специальный Сектор славяно-германских отношений, выпустивший ряд сборников, например: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968; Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969 и др. В задачи Сектора среди других проблем входило и разоблачение «измышлений» немецких «реваншистов».
- 217 *Греков Б.Д.* Иностранцы о славяно-русском войске (VI–XVII вв.) // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 103–109; *Клибанов А.* Боевой порядок у древних славян // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 74–81 и др.
- 218 *Бочкарев В.* Александр Невский // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 113–121; *Демидов К.* Военный гений русского народа (Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов) // Славяне. 1942. № 4. С. 34–37; *Державин Н.* Ледовое побоище // Славяне. 1942. № 1. С. 49–50 и др.
- 219 *Пашуто В.В.* Даниил Галицкий // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 37–44 и др.
- 220 *Яковлев Н.* Димитрий Донской // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 138–145.
- 221 *Державин Н., Константинов Ф.* Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 г. // Славяне. 1942. № 2. С. 38–42 и др.
- 222 *Удальцов А.Д.* Южные и западные славяне. Чехия и гуситские войны // М., 1940; *Неядлы З.* Гуситы и русские // Исторический журнал. 1945. № 10–11. С. 124–129; *Ян Жижка (1350–1424)* // Славяне. 1942. № 5–6. С. 82 и др.
- 223 *Савич А.А.* Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века. М., 1939; *Базилевич К.В.* Разгром польской и шведской интервенции, борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. М., 1940; *Шунков В.И.* Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII века // Вопросы истории. 1945. № 1–2. С. 3–8 и др.
- 224 *Бочкарев В.* Богдан Хмельницкий — великий сын украинского народа // Славяне. 1944. № 1. С. 41–42.
- 225 *Константинов Ф.* Поучительный урок истории (К годовщине вступления русских войск в Берлин 9 октября 1760 года) // Славяне. 1941. № 5–6. С. 76–78; *Коробков Н.* Опричинах длительности Семилетней войны // Исторический журнал. 1942. № 12. С. 24–34; *Он же.* Славяне в Семилетней войне // Славяне. 1944. № 10. С. 37–38 и др.
- 226 *Коробков Н.* Суворов как представитель русского военного искусства // Исторический жур-

- нал. 1941. № 12. С. 37–47; Федоров Я. Суворов в Праге // Славяне. 1944. № 7. С. 32–33.
- 227 Михаил Илларионович Кутузов // Славяне. 1945. № 8–9. С. 50–51.
- 228 Бычков Л. Народное ополчение 1812 года // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 118–124; Константинов Ф. Подвиг русского народа (К 130-летию Бородинского сражения) // Славяне. 1942. № 4. С. 53–55; Литецкий В. Уроки восточной экспедиции Наполеона // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 11–19 и др.
- 229 Руткевич Н. О роли русского фронта в первый период империалистической войны 1914–1918 гг. // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 32–46; Неуды З. Борьба славянских народов за национальную независимость в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944. С. 107–119 и др.
- 230 Еловцан Ф., Драбкина Ф. Разгром германских оккупантов на Украине в 1918 году // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 37–46; Жибарев П. Борьба партизан Белоруссии против немецких захватчиков в 1918 г. // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 19–26; Супруненко Н. Борьба украинских партизан против деникинщины // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 27–37.
- 231 Богданская С. Польский народ в борьбе против гитлеровских оккупантов // Коммунистический интернационал. 1941. № 12. С. 42–47; Борисов Л. Болгария под пятой германского фашизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 1–2. С. 98–105; Голубев И. Польский народ против фашистских варваров // Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 6. С. 66–72; Готвальд К. Чешский народ в борьбе против фашистских поработителей. М., 1941; Густинич Д. Словения под игом Гитлера и Муссолини. М., 1941; Державин Н.С. Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М., 1942; Дмитров К. Три года национально-освободительной войны в Югославии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 7–8. С. 18–30; Корнейчук А. Украинские партизаны // Славяне. 1942. № 1. С. 19–21; Горбунов Т. Белоруссия жива, Белоруссия борется // Там же. С. 22–27; Правда о варшавском восстании [Август–сентябрь 1944 г.] // Война и рабочий класс. 1944. № 20. С. 23–26; Стенняк П. Героическая Югославия // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 8. С. 10–17; Шверма Я. Чешский народ против немецкой оккупации. М., 1942 и др.
- 232 Гундоров А. Боевое содружество славянских народов // Славяне. 1944. № 2. С. 19–22; Он же. Боевое содружество славянских народов в борьбе с гитлеризмом. М., 1944; Вперед, к победе, славяне-воины! [Выступления на митинге славян-воинов 23–24 февраля 1944 г.] // Славяне. 1944. № 3. С. 15–32; Брагин М. Чехословацкий корпус в СССР // Славяне. 1944. № 10. С. 24–30 и др.
- 233 Зутис Я. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 74–80.
- 234 Там же. С. 74.
- 235 Там же. С. 80.
- 236 Там же. С. 74.
- 237 Лапин Н., Турчинский А. Грюнвальдская битва. Разгром немецких рыцарей 15 июля 1410 г. М., 1939; Державин Н., Константинов Ф. Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 г. // Славяне. 1942. № 2. С. 38–42; Луковский И. Заветы Грюнвальда // Славяне. 1944. № 8. С. 34–36 и др.
- 238 Подробнее см.: Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 175–188; Дубровский А.М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930–1940-х годах // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 195–209 и др.
- 239 Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге, состоявшемся 10–11 августа 1941 г. М., 1941. С. 9.
- 240 Подробнее см.: Досталь М.Ю. Славянская идея в идеологическом арсенале Великой Отечественной войны (по материалам журнала «Славяне») // Славянский мир в социокультурном измерении. Ставрополь; Москва; Минск, 2007. С. 175–181.

- 241 Исключение составляет брошюра: *Козырев А.В.* Славяне. Очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость. Ставрополь, 1945. Но в этой популярной работе также нет серьезного научного, не актуализированного военным временем, анализа зарождения и развития славянской идеологии.
- 242 *Никитин С.А.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // *Вопросы истории.* 1946. № 4. С. 3–29; *Он же.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. // *Славянский сборник.* М., 1947. С. 262–290; *Он же.* Славянские комитеты в России в 1958–1876 годах. М., 1960; *Он же.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- 243 Подробнее см.: *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // *Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина.* (Балканские исследования. Вып. 14.) М., 1992. С. 22–35.
- 244 Там же.
- 245 *Данченко С.И., Чуркина И.В.* Научная деятельность С.А. Никитина // *Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа.* М., 2004. С. 15.
- 246 *Чуркина И.В., Горина Л.В.* С.А. Никитин // *Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина.* (Балканские исследования. Вып. 14.) М., 1992. С. 8.
- 247 *Дмитриев С.* Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // *Историк-марксист.* 1941. № 1. С. 85–97; *Ганичев И.* Обсуждение доклада С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство». Информация о дискуссии // Там же. С. 97–100.
- 248 Письма Анны Михайловны Панкратовой [Публикация Ю.Ф. Иванова] // *Вопросы истории.* 1988. № 11. С. 54–79.
- 249 В постановочном докладе только что избранного членом-корреспондентом АН СССР М.Т. Иовчука «Основные особенности и этапы развития русской философии» на сессии в АН СССР подчеркивалось противостояние в определенный период прогрессивного материалистического направления русской философской мысли и реакционного идеалистического, в разряд последнего попадали и славянофилы. Подробнее см.: *В.А.* Ноябрьская сессия Отделения истории и философии АН СССР // *Вопросы истории.* 1947. № 2. С. 131–132.
- 250 *Молок Ф., Глебов В.* Новые материалы из истории славянских взаимоотношений России // *Вестник ЛГУ.* 1949. № 3. С. 128.
- 251 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году // *Вопросы истории.* 1947. № 5. С. 32; *Никитин С.А.* Славянские народы и революция 1848 г. // *Вопросы истории.* 1948. № 7. С. 37.
- 252 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии... С. 32.
- 253 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские народы... С. 43.
- 254 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии... С. 32.
- 255 *Никитин С.А.* Славянские народы... С. 37.
- 256 Методическое пособие по истории. Вып. 3. Новая история. 1789–1870 гг. / Под ред. А.В. Ефимова. М., 1939. С. 198.
- 257 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии... С. 36.
- 258 *Никитин С.А.* Славянские народы... С. 39.
- 259 *Пичета В.И.* Юрий Крижанич — первый провозвестник идеи панславизма // *Вестник Екатеринославского земства.* 1903. № 5; *Он же.* Юрий Крижанич // *Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды.* СПб., 1914. С. 1–16; *Он же.* Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке // *Украинская жизнь.* 1915. № 3–4. С. 169–170; *Он же.* Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618–1683 гг.) // *Славянский сборник.* М., 1947. С. 202–240. О трактовке Пичетой деятельности Ю. Крижанича подробнее см.: *Наумов Е.П.* Юрий Крижанич в трудах академика В.И. Пичеты // *Советское славяноведение.* 1983. № 5. С. 107–115.
- 260 *Гольдберг А.Л.* Неизданный список «Приветствия» Юрия Крижанича // *Научный бюллетень ЛГУ.* 1946. № 11–12. С. 39–40; *Дацюк Б.* Юрий Крижанич и русский народ // *Славяне.* 1944. № 3. С. 44–47. *Он же.* Юрий Крижанич — поборник

- свободы и единства славянских народов. М., 1945; *Он же*. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946.
- 261 *Бахрушин С.* Юрий Крижанич // Исторический журнал. 1942. № 1–2. С. 145–151.
- 262 Там же. С. 145.
- 263 Там же. С. 150.
- 264 *Дацюк Б.Д.* Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946.
- 265 *Дацюк Б.* Юрий Крижанич и русский народ // Славяне. 1944. № 3. С. 47.
- 266 *Гольдберг А.* [Рец. на кн.:] *Дацюк Б.Д.* Юрий Крижанич (Очерк политических и исторических взглядов). М., 1946 // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 124–126.
- 267 *Пичета В.И.* [Рец. на кн.:] *Дацюк Б.Д.* Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946 // Советская книга. 1947. № 2. С. 67–73.
- 268 *Гольдберг А.* [Рец. на кн.:] Юрий Крижанич... С. 124.
- 269 *Наумов Е.П.* Юрий Крижанич в трудах академика В.И. Пичеты... С. 114.
- 270 См.: *Гольдберг А.Л.* Незданное сочинение Юрия Крижанича «О превертстве беседа» // Научный бюллетень ЛГУ. 1947. № 19. С. 47–51; *Он же*. Историческая наука о Юрии Крижаниче // Ученые записки (ЛГУ). 1949. № 117. Сборник студенческих работ. Вып. 1. С. 84–119 и др.
- 271 *Неедлы З.* Идеолог и певец славянской взаимности (К 150-летию со дня рождения великого славянского поэта Яна Коллара) // Славяне. 1943. № 8. С. 28–32; Из писем Людовита Штура к Измаилу Срезневскому (Публикация проф. П. Богатырева) // Славяне. 1944. № 4. С. 20–23; *Лазарев К.* Великий патриот и поборник славянской взаимности Христо Ботев // Славяне. 1944. № 6. С. 34–35; *Державин Н.С.* Любен Каравелов (К 65-летию со дня смерти) // Славяне. 1944. № 2. С. 40–41 и др.
- 272 *Удальцов И.И.* Славянский съезд в Праге в 1848 году // Славяне. 1947. № 7. С. 22–29; *Никитин С.А.* Славянские народы и революция 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 27–43; *Он же*. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 16–104.
- 273 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. М., 1992. С. 126.
- 274 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 253–290; *Досталь М.Ю.* Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) // Славяноведение. 2004. № 4. С. 48–67; *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 107–129 и др.
- 275 Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. академика Б.Д. Грекова. Подготовили к печати и комментировали В.Р. Лейкина-Свирская и Л.В. Разумовская. М.; Л., 1948. С. V.
- 276 *Тихомиров М.* Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 62–70.
- 277 *Тихомиров М.* Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV–XVI веках // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 71–78.
- 278 *Тихомиров М.* Исторические связи южных и восточных славян... С. 70.
- 279 Там же.
- 280 *Тихомиров М.* Исторические связи русского народа с южными славянами... С. 78.
- 281 См., например: *Удальцов А.* Завершение вековой борьбы славянских народов с немецкими захватчиками // Славяне. 1945. № 5. С. 14–18; *Баранов Л.* Окончание Второй мировой войны и дружба славянских народов // Славяне. 1945. № 8–9. С. 11–14; *Дитякин В.Т.* Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков // Пропагандист. 1945. № 12. С. 19–26; *Кузнецов И.* Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков. М., 1945 и др.
- 282 Нерушимая дружба славянских народов // Славяне. 1942. № 3. С. 3, 4. См. также: *Неедлы З.* Традиционная любовь словаков к русским // Там же. С. 20–22.

- 283 Подробнее см.: *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться»... С. 203.
- 284 См., например: *Бенеш Э.* Революционное содружество свободных славянских народов // *Славяне.* 1942. № 5–6. С. 11–18; *Фирлингер З.* Чехи и другие славянские народы // *Славяне.* 1942. № 8. С. 11–14.
- 285 Всеславянский комитет. К братьям и сестрам славянам всего мира // *Славяне.* 1945. № 5. С. 24.
- 286 *Державин Н.С.* Исторические основы дружбы русского и болгарского народов // *Славяне.* 1943. № 11. С. 30.
- 287 Там же. С. 31.
- 288 Там же. С. 33.
- 289 *Державин Н.С.* История Болгарии...; История Чехии / Под ред. В.И. Пичеты. М., 1947.
- 290 *Ивашин И.* Рец. на кн.: *Пушкаревич К.А.* Чехи. М.; Л., 1942 // *Исторический журнал.* 1943. № 2. С. 98–99; *Левченко М.В.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1945. Т. 1. // *Вопросы истории.* 1946. № 11–12. С. 147–152; *Пичета В.И.* Рец. на кн.: *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. 1. М.; Л., 1945 // *Советская книга.* 1946. № 1. С. 81–86; Т. 2. М.; Л., 1946 // Там же. № 10–11. С. 70–75; *Никитин С., Миллер И.* Рец. на кн.: *История Чехии* / Под ред. академика В.И. Пичета. М., 1947 // *Вопросы истории.* 1948. № 6. С. 108–111.
- 291 *Пичета В.И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. (С предисловием В. Королюка) // *Ученые записки Института славяноведения.* М., 1951. Т. 3. С. 136–175; *Он же.* Литовский статут 1529 г. и его источники (Предисловие В. Королюка) // Там же. М., 1953. Т. 7. С. 179–209; *Он же.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. М., 1961; *Он же.* Австрия и польское восстание 1830–1831 гг. // *Славяне в эпоху феодализма.* М., 1978. С. 29–51.
- 292 *Подозерская Г.Ф.* Второй литовский статут. 1566 г. (К истории его составления) // *Исторические записки.* М., 1945. Кн. 17. С. 53–75; *Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1; *Пичета В.И.* Изучение литовских статутов в новейшей историко-юридической литературе. 1918–1940 гг. // *Известия АН СССР. Серия истории и философии.* 1946. № 1. С. 31–42;
- Подозерская-Уткина Г.Ф.* Судебник Казимира Ягеллона // *Научный бюллетень ЛГУ.* 1946. № 7. С. 42–44; *Она же.* Третий литовский статут (1588 г.) по рукописи Библиотеки Академии наук СССР // *Труды Библиотеки АН СССР.* М., 1948. Т. 1. С. 151–155.
- 293 *Козаченко А.И.* Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939; *Савич А.А.* Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века. М., 1939; *Базилевич К.В.* Разгром польской и шведской интервенции, борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. М., 1940 [ВПШ при ЦК ВКП(б). Курс истории СССР. Лекция 13–25]; *Шунков В.И.* Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII века // *Вопросы истории.* 1945. № 1–2. С. 3–8; *Базилевич К.В.* Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века. М., 1946.
- 294 *Пичета В.И.* Первый раздел Польши. Украина и Белоруссия // *История СССР.* М., 1939. Т. 1. С. 687–695; *Он же.* Второй и третий разделы Речи Посполитой // Там же. С. 727–733; *Суворов А.В.* Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А.В. Суворова. Вводная статья Н. Коробкова // *Красный архив.* 1940. № 4. С. 148–197; *Адамов Е.* Польша между Пруссией и Россией (XVIII–XIX вв.) // *Исторический журнал.* 1941. № 9. С. 36–46; *Верфель Р.* Знамя польских патриотов. Тадеуш Костюшко и Генрих Домбровский // *Славяне.* 1943. № 10. С. 40–42; *Баранович А.И.* Упадок городов Речи Посполитой. Староконстантинов в XVIII столетии // *Вопросы истории.* 1947. № 8. С. 30–49.
- 295 *Тарле Е.В.* Позиция великих держав в вопросе о польском восстании // *История дипломатии.* М., 1945. Т. 1. С. 409–413; *Пичета В.И.* Польское восстание 1830–1831 гг. // *История СССР.* Т. 2. Россия в XIX в. М., 1940. С. 203–221; *Берелевич Ф.И.* П.Я. Чаадаев и польское восстание 1830 года // *Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ).* 1948. Вып. 8. С. 27–33; *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937; *Миско М.* Польское восстание 1863 года // *Исторический журнал.* 1945. № 1–2. С. 14–25.
- 296 *Державин Н.С.* Герцен и Польша (1812–1870–1945) // *Октябрь.* 1945. № 3. С. 102–111; *Беккер И.*

- Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 64–74; Из истории отношений А.И. Герцена и Н.П. Огарева с М.А.Бакуниным. Публ. З. Кеменовой // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 66–82. [Попытка участия в экспедиции Лапинского] *Кандель А., Прайс И.* Основоположники марксизма и русские революционные демократы о демократической Польше // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 43–51.
- 297 *Тихомиров М.* Развал польского государства // Проблемы экономики. 1939. № 6. С. 10–20; *Дзержинская С.* Крах империалистической Польши и освобождение народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Коммунистический интернационал. 1939. № 89. С. 43–56.
- 298 *Манусевич А.Я.* О западной и северной границах послеверсальской Польши // Славяне. 1945. № 3. С. 25–29; *Пичета В.И.* Воссоединение польских земель в Польском государстве: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в лекционном зале в Москве. М., 1945; *Манусевич А.Я.* К постановке вопроса о западных и северных границах Польши на Парижской мирной конференции // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № 1. С. 43–58.
- 299 *Ивашин И.* Гуситские войны и табориты // Исторический журнал. 1938. № 2. С. 87–101; *Неедлы З.* Гуситы и русские // Исторический журнал. 1945. № 10–11. С. 124–129; *Резонов П.И.* Социально-политические взгляды таборитов на первом этапе движения. М., 1947. АКД.
- 300 История Чехии. М., 1947; *Неедлы З.* Национальное движение славян в XIX в. // Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944. С. 94–107.
- 301 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 23–47; *Удальцов И.И.* Из истории Пражского восстания 1848 года // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 97–114.
- 302 *Софинов П.* Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47–60.
- 303 Чехословакия под угрозой фашистской агрессии. Л., 1938; *Козо Ф.* Завершение мюнхенской расправы над Чехословакией // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 4. С. 103–108; *Некрич А.М.* Английская «гарантия» Чехословакии (1938–1939 гг.) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1948. № 2. С. 174–181.
- 304 *Хвостов В.М.* Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) и Берлинский конгресс (1878 г.) // История дипломатии. М., 1945. Т. 2. С. 40–50; *Яковлев Н.Н.* Русско-турецкая война 1877–1878 годов // История СССР. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1946. Ч. 3. С. 147–153; *Бейлис А.С.* Русско-болгарские отношения после Берлинского конгресса (1878–1886 гг.). М., 1946. АКД. (МГУ).
- 305 *Гринберг С.Ш.* Вступление Болгарии в Первую мировую войну. М., 1945. (МГУ). АКД; *Он же.* Первая мировая война и болгарский народ // Исторические записки. М., 1947. Кн. 21. С. 202–221; *Терехова М.В.* Поражение Болгарии в Первой мировой войне и Владейское восстание. М., 1948. (МГУ). АКД; *Кабакчиев Х., Караколов Р.* Болгария в Первой мировой капиталистической войне (1915–1918 гг.) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 32–46.
- 306 *Сладкевич Н.Г.* Революционная деятельность Благоева в годы его пребывания в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1949. № 4. С. 144–150; *Благоев Д.* К истории социализма в Болгарии. М., 1944; *Димитров Г.М.* Лейпцигский процесс. Документы. М., 1939; *Благоева С.Д.* Георгий Димитров. Очерк жизни и борьбы пролетарского революционера. М., 1937; *Георгий Михайлович Димитров. 1882–1949* (Сборник материалов). М., 1949.
- 307 *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Европейская дипломатия и Балканские войны (1912–1913 гг.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 68–91; *Они же.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. Сборник статей. М.; Л., 1940 [О Балканских войнах]; *Магазинер С.* Балканские войны 1912–1913 годов // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 70–77; *Хвостов В.М.* Балканские войны (1912–1913 гг.) // История дипломатии. М., 1945. Т. 2. С. 216–237.
- 308 *Франич Н.* Сербия в войне 1914–1918 гг. // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 55–63.
- 309 *Манусевич А.Я.* Освободительное значение советской революции // Славяне. 1944. № 11. С. 14–17; *Юзефович И.С.* Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование польского государства в 1918 г. // Известия АН

- СССР. Серия истории и философии. 1948. № 3. С. 249–260; *Белановский В.Н.* Великая Октябрьская социалистическая революция и славянские народы // Вестник ЛГУ. 1949. № 3. С. 42–56.
- 310 *Манусевич А.Я.* Освободительное значение... С. 17.
- 311 *Богданская С.* Польский народ в борьбе против гитлеровских оккупантов // Коммунистический интернационал. 1941. № 12. С. 42–47; *Козо Ф.* Чехословакия под фашистским гнетом // Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 6. С. 80–85; *Голубев И.* Польский народ против фашистских варваров // Мировое хозяйство и мировая политика. 1941. № 6. С. 66–72; *Густинич Д.* Словения под игом Гитлера и Муссолини. М., 1941; *Караколов Р.* Болгарский народ в кровавых лапах германского фашизма. М., 1941; *Анфилофьев И.* Чехословакия в борьбе против Гитлера. Новосибирск, 1942; *Шверма Я.* Чешский народ против немецкой оккупации. М., 1942; *Борисов Л.* Болгария под пятой германского фашизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 1–2. С. 98–105; *Державин Н.С.* Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М., 1942; *Дмитров К.* Три года народно-освободительной борьбы в Югославии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 7–8. С. 18–30; *Шустер У.А.* Польша под властью германских оккупантов // Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии. М., 1944. С. 150–180; *Позолотин М.Е.* Германская агрессия в Болгарии (1941 г.) // Ученые записки (Академия обществ. наук). М., 1948. Вып. 2. С. 335–348.
- 312 Воззвание компартий Германии, Австрии, Чехословакии в связи с оккупацией Чехословакии // Коммунистический интернационал. 1939. № 3. С. 158–160; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937–1938 гг. Из архива Министерства иностранных дел Германии. М., 1948. [Материалы по Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии].
- 313 *Гольдштейн И.И.* Год польского возрождения // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 9. С. 35–60; *Манусевич А.Я.* Польский народ в борьбе за независимую и свободную Польшу. М., 1945. *Кузнецов И.* Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков. М., 1945.
- 314 *Авербух Р.А.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849 гг. М., 1935; Национальные движения в революции 1848 г. // Новая история в документах и материалах. Изд. 3. Вып. 2. М., 1935. С. 50–54; Методическое пособие по истории. Вып. 3. Новая история. 1789–1870 гг. / Под ред. А.В. Ефимова. М., 1939; *Ефимов А.В.* Новая история. Ч. 1. (1789–1870). Учебник для исторических вузов. М., 1939; *Он же.* ВПШ при ЦК ВКП(б). Курс всеобщей истории. Новая история (1814–1849). М., 1945 и др.
- 315 Подробнее см.: *Никитин С.А.* Славянские народы и революция 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 42.
- 316 *Удальцов И.И.* К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 23–47; *Мельникова И.Н.* Закарпатская Украина и революция 1848 года // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 70–86; *Миллер И.С.* Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30–40-х годах XIX столетия) // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1. С. 119–240; *Шустер У.А.* Подавление Познанского восстания // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 16–39. *Никитин С.А.* К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1. С. 85–118.
- 317 См. работы: *Удальцов И.И.* Из истории Пражского восстания 1848 года // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 97–114; *Он же.* Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1. С. 22–29; *Он же.* Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 году и Ф. Палацкий. М., 1949. АКД; *Он же.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951 и др.
- 318 *Никитин С.А.* Славянские народы и революция 1848 г... С. 27–28.
- 319 Там же. С. 43.
- 320 *Удальцов И.И.* Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 году и Ф. Палацкий; *Он же.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. и др.

- 321 *Удальцов И.И.* О работе Института славяноведения АН СССР // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 141–142.
- 322 З. Неядлы в беседе с Н.П. Фирюбиным выразил недовольство «тенденциозностью», «вольным обращением с историческим материалом» при характеристике Ф. Палацкого, проявленной в работах И.И. Удальцова. См.: АДПРФ. Ф 0138. Оп. 39. П. 259. Д. 11. Л. 3. (Из дневника Н.П. Фирюбина. Запись от 12 января 1955 г.) За сообщение этих сведений выражаю искреннюю признательность д.и.н. Г.П. Мурашко.
- 323 *Бурдей Г.Д.* Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1989. С. 365.
- * * *
- 324 *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 142.
- 325 См., например: *Селищев А.М.* Очерки по македонской акцентологии. Казань, 1918; *Он же.* Полог. София, 1929; *Он же.* Славянское население в Албании. София, 1931; *Карский Е.Ф.* Белорусы. М.; Пг., 1916–1922. Вып. 1–3. *Он же.* Русская диалектология. Л., 1924; *Он же.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; *Он же.* «Русская правда» по древнейшему списку. Л., 1930; *Дурново Н.Н.* Чешско-русский словарь. М., 1933; *Соболевский А.И.* Русско-славянские этюды. I–XX. Л., 1923–1924; *Лавров П.А.* Кирил та Методий у давньослов'янському письменстві. Київ, 1928; *Он же.* Материали по історії виникнення древньої славянської письменності. Л., 1930; *Ляпунов Б.М.* Единство русского языка в его наречиях (пособие к лекциям по истории русского языка). Одесса, 1919; *Ильинский Г.А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916 и др. Подробнее см.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 376–377.
- 326 *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. М., 1999. С. 8–19.
- 327 *Дыбо В.А.* Ностратическая гипотеза: Итоги и проблемы // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 5. С. 400–413; *Хелимский Е.А.* Труды В.М. Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 229–282.
- 328 *Алпатов В.М.* История одного мифа...; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании...
- 329 *Мещанинов И.И.* Общее языкознание за двадцать лет // Памяти академика Н.Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 1.
- 330 Цит. по: Там же. С. 9.
- 331 Там же. С. 6.
- 332 *Державин Н.С.* Историческая наука у славян... С. 51.
- 333 *Алпатов В.М.* История одного мифа...; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании // Общее и восточное языкознание. С. 8–19.
- 334 *Державин Н.С.* Наука на службе империализма // Известия общественных наук. 1932. № 2. С. 147.
- 335 Подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 150.
- 336 Там же. С. 151. *Державин Н.С.* Славяне и Византия в VI веке // Язык и литература. 1930. Т. 6. С. 5–47; *Он же.* Древние фракийцы и славяне // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 67–70.
- 337 *Советов С.* Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словинских сказках // Памяти академика Н.Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 429–440.
- 338 Там же. С. 439–440.
- 339 Цит. по: Там же. С. 440.
- 340 Крупный ученый, общественный деятель (К годовщине со дня смерти проф. С.С. Советова) // ВЛУ. Л., 1959. № 20; Сергей Сергеевич Советов // КСИС. М., 1959. Вып. 27; *Волошина Г.К., Мацюсович Я.В.* С.С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы // Славянская филология. Л., 1988. Вып. 6. С. 170–181.
- 341 *Советов С.С.* К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. 1. С. 293–324; *Он же.* Стилистическое осмысление мужско-личных и «предметных» окончаний в поэтическом языке «Гражины» Мицкевича //

- Ученые записки (МГУ). М., 1949. Вып. 14. Серия филологических наук. С. 51–75.
- 342 Подробнее см.: *Волошина Г.К., Мацюсевич Я.В. С.С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы...* С. 171–172.
- 343 *Матвеева-Исаева Л.В.* Закон Фортунатова — де Соссюра // *Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1930. Кн. 1. С. 137–178.*
- 344 *Матвеева-Исаева Л.В.* Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологической системе // *Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 1–29.*
- 345 *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // *Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 86.*
- 346 *Кондрашов Н.А.* Изучение западнославянских языков в России и СССР // *Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 171.*
- 347 *Селищев А.М.* Старославянский язык. Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов. М., 1951–1952. Ч. 1. Введение. Фонетика. 1951; Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. 1952.
- 348 Там же.
- 349 Письма Н.С. Державина С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // *Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 514.*
- 350 *Досталь М.Ю.* Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2003–2005. М., 2006. С. 237–238.*
- 351 *Ломтев Т.* [Рец. на кн.: *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941] // *Славяне. М., 1943. № 1. С. 48.*
- 352 Там же.
- 353 Там же.
- 354 Цит. по: Там же.
- 355 *Селищев А.М.* Извечная борьба славян против немецких варваров // *Славяне. 1942. № 4. С. 23–25; Он же.* Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру // *Славяне. 1943. № 3. С. 29–32.*
- 356 Цит. по: *Венедиктов Г.К., Гудков В.П.* Об авторе книги «Зигзаги памяти» // *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 5.
- 357 Там же. С. 6.
- 358 *Аванесов Р.И.* Сорок лет в славистике // *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С.Б. Бернштейна. М., 1971. С. 21.*
- 359 *Бернштейн С.Б.* Болгарские говоры Украины. Ольшанский район // *Наукові записки (Одес. держ. пед. ін-т). Одеса, 1940. Т. 1. С. 111–123 и др.*
- 360 *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии): Т. 1. Материалы для славянской этнографии. София, 1914; То же. Т. 2. Язык. Обзор говоров. 2. Общие итоги, выводы и наблюдения. 3. Тезисы. Пг., 1915.
- 361 Цит. по: *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 141.
- 362 *Бернштейн С.Б., Чешко Е.И., Зеленина Э.И.* Группировка болгарских говоров Советского Союза // *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. С. 76.
- 363 *Венедиктов Г.К.* Профессор С.Б. Бернштейн как диалектолог // *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. С. 6–12.
- 364 С.Б. Бернштейн изложил разделяемую им тогда позицию А.М. Селищева по македонскому языку начала 1930-х гг. следующим образом: «Селищев — крупнейший представитель славянского языкознания в нашей стране... Много сделал для решения македонской проблемы. Он доказал, что славянские жители Македонии — болгары. Это отвечает истинному положению дела. Македонцы не сербы и не самостоятельная нация, а обычные болгары. Такие же болгары, как и жители Балкан, Фракии и Родоп». См.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 96. (Запись от 12 февраля 1947 г.)
- 365 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 102.
- 366 Там же. С. 115. (Запись от 2 декабря 1947 г.)
- 367 *Бернштейн С.Б.* Из подготовляемых работ. Македонский язык // *Вестник Академии наук СССР. 1948. № 4. С. 85–86.*
- 368 Там же. С. 86.
- 369 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 125, 126, 114. См. также: *Досталь М.Ю.* Идея славян-

- ской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых-славистов // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997. С. 182–203.
- 370 *Бернштейн С.Б.* К вопросу о форме 3-го лица ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке // Вестник МГУ. 1948. № 2. С. 13–21.
- 371 Там же. С. 15.
- 372 В книге В. Ивановского «Отделни въпроси на Македонија» (София, 1945) указывалось: «Решение Комиссии состоит в том, чтобы взять за основу литературного языка центральное наречие, битолюк-прилепское, и кое-что из охридского. Это правильно. На такой точке зрения стоит и известный советский филолог Бернштейн, который в одном из своих писем хотел предостеречь македонских филологов от ошибок». На это с удовлетворением указал Бернштейн в записи от 22 июня 1948 г. См.: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 125.
- 373 *Бернштейн С.Б.* К вопросу о формировании... С. 13, 21.
- 374 Этот сборник в декабре 2005 г. обнаружил А.Н. Горяинов при разборе материалов расформированного архива Института славяноведения РАН.
- 375 *Бернштейн С.Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 152.
- 376 *Кондрашов Н.А.* Изучение западнославянских языков... С. 172.
- 377 *Виноградов В.В.* Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 26–29.
- 378 Там же. С. 28.
- 379 *Кондрашов Н.А.* Изучение западнославянских языков... С. 173.
- 380 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 73.
- 381 *Петрусь В.П.* К вопросу о происхождении фонетической формы лексем *rók* и *tova* в польском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Вып. 1. С. 51–76.
- 382 Академик Н.С. Державин выступил с примечательным докладом. См.: *Державин Н.С.* Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры [Тезисы докладов научной конференции в МГУ 5–12 июня 1944 г.]. М., 1944. С. 81–82.
- 383 Памяти академика А.А. Шахматова (Совместное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка) // Вестник АН СССР. 1946. № 7. С. 64.
- 384 Там же.
- 385 Там же.
- 386 Там же. С. 65.
- 387 Там же.
- 388 Там же. С. 66.
- 389 Там же. С. 67.
- 390 В.А. Ленинградская сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 149.
- 391 А.А. Шахматов. Сборник статей и материалов / Под ред. С.П. Обнорского. М.; Л., 1947. См. также: *Кравец Т.П.* [Рец. на кн.] А.А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов / Под ред. С.П. Обнорского — Труды комиссии по истории Академии Наук СССР. Под общей ред. акад. С.И. Вавилова. Вып. 3. Изд. АН СССР. М.; Л., 1947 // Вестник АН СССР. 1947. № 8. С. 147–151.
- 392 [Белич А.] Природа языка и его изучение (Доклад Президента Сербской академии наук А.И. Белича в Отделении литературы и языка АН СССР) // Вестник АН СССР. 1947. № 8. С. 98–99. См. также: В Отделении литературы и языка // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. VII. Вып. 4. С. 345.
- 393 *Поспелов Н.С.* Учение академика А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе // Доклады и сообщения филологического факультета (МГУ). 1947. Вып. 3. С. 17–24.
- 394 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 106. (Запись от 28 июня 1947 г.)
- 395 *Курилович Ю.Г.* Эргативность и стадильность в языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. V. Вып. 5. С. 393. Гневные филиппики по поводу этой статьи прозвучали позднее. См.: Выступления по докладу акад. И.И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра // Там же. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 172.
- 396 Чествование акад. И.И. Мещанинова // Вестник АН СССР. 1944. № 1–2. С. 84–86; Герой

- Социалистического Труда акад. И.И. Мещанинов. М., 1945; *Ярцева В.Н.* Академик И.И. Мещанинов (К 65-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 157–159; *Суник О.* Работа Института языка и мышления имени Н.Я. Марра за 1946 год // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 3. С. 252–258; 25 лет Института языка и мышления имени Н.Я. Марра (Сессия в Московском отделении Института) // Вестник АН СССР. 1947. № 6. С. 104–105; Конференция молодых лингвистов (20–21 марта 1947 г. в МО ИЯМа) // Там же. С. 102–103; *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1948 и др.
- 397 *Мещанинов И.И.* Учение Н.Я. Марра о стадильности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. № 1. С. 35–42; *Он же.* Проблема стадильности в развитии языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VI. Вып. 3. С. 173–188.
- 398 См., например: *Гухман М.М.* О стадильности в развитии строя индоевропейских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 2. С. 101–114.
- 399 Обсуждение проблемы стадильности в языкознании // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 258–262; В Московском отделении Института языка и мышления имени Н.Я. Марра // Там же. С. 262–264.
- 400 *Кацнельсон С.Д.* К вопросу о стадильности в учении Потебни // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 83–95.
- 401 *Чемоданов Н.С.* Структурализм и советское языкознание // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 2. С. 115–124.
- 402 *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. Гл. 5. Арачьевщина.
- 403 Там же. С. 147. См. также: *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 127, 132.
- 404 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 127. (Запись от 28 октября 1948 г.)
- 405 *Мещанинов И.И.* О положении в лингвистической науке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. № 6. С. 484–485.
- 406 Академик С.П. Обнорский, в частности, отмечал, что автор книги — В.В. Виноградов, «лучший исследователь русского языка и именно русского литературного языка, что всё изложение соответственно отвечает современному уровню самой научной разработки русского языка». См.: *Обнорский С.П.* [Рец. на кн.:] *Виноградов В.В.* Великий русский язык. М., 1945 // Советская книга. 1946. № 1. С. 116–117; Отделение литературы и языка (Категории модальности в русском языке. Доклад академика В.В. Виноградова) // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 5. С. 115–116. (В этом докладе ученый опирался на труды А.А. Потебни и А.А. Шахматова.)
- 407 *Аганов Б., Зелинский К.* Нет, это — не русский язык! // Литературная газета от 29.XI.1947. См. также: Нетерпимость к критике. Косность защищать не надо // Там же от 10.XII.1947; *Сердюченко Г.П.* За самокритику в советском языковедении // Там же от 17.XII.1947; За большевистскую критику и самокритику // Там же от 28.II.1948 и др.
- 408 Обсуждение работ по языкознанию // Вестник АН СССР. 1948. № 2. С. 113–118; *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В.В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник МГУ. 1948. № 4. С. 147–155; Выступления по докладу акад. И.И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 160–170.
- 409 Обсуждение работ по языкознанию // Вестник АН СССР. 1948. № 2. С. 117. В.В. Виноградова осуждали за положительную характеристику вклада «реакционных» славянофилов (К.С. Аксакова и др.) в русское языкознание и игнорирование «прогрессивных идей» революционных демократов, «беспринципном объективизме», пристрастии к концепциям «буржуазных» ученых. См.: *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В.В. Виноградова... С. 149, 150.
- 410 Выступления по докладу акад. И.И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 160–170.

- 411 *Виноградов В.В.* Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков // Вестник МГУ. 1949. № 7. С. 19–38.
- 412 Там же. С. 20, 22.
- 413 Там же. С. 20.
- 414 Там же. С. 21.
- 415 Там же. С. 23.
- 416 Там же.
- 417 Там же. С. 25.
- 418 Там же. С. 26.
- 419 Там же. С. 27.
- 420 Там же. С. 28.
- 421 Там же. С. 27.
- 422 Там же. С. 32.
- 423 Там же. С. 29.
- 424 Там же. С. 37.
- 425 Там же. С. 37–38.
- 426 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 150–151. (Запись от 20 июня 1950 г.)
- 427 Там же. С. 146–147. (Запись от 28 января 1950 г.)
- 428 Там же. С. 147. (29 января 1950 г.)
- 429 Там же. (Запись от 31 января 1950 г.)
- 430 Там же. (Запись от 15 февраля 1950 г.)
- 431 Оригиналы дневников С.Б. Бернштейна временно хранятся в архиве автора.
- 432 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 128.
- 433 Вероятно, речь шла о статье: *Якубинский Л.П.* Образование народностей и их языков // Вестник ЛГУ. 1947. № 1. С. 139–153. Статья была опубликована после смерти ученого (в 1945 г.). В ней использовались материалы о происхождении племенных диалектов славян.
- 434 Подробнее см.: *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Проблема научной этики в воспоминаниях С.Б. Бернштейна о 1930–1950-х годах // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 349–353.
- 435 *Havránek B., Wollman F.* Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly // *Slavia*. Roč. 18. 1947/1948. S. 249–268.
- 436 Ксерокопии докладов С.Б. Бернштейна в архиве автора.
- 437 Подробнее см.: *Алпатов В.М.* История одного мифа... Гл. 6.
- 438 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 151. (Запись от 23 июня 1950 г.)
- 439 Там же. С. 148. (Запись от 9 мая 1950 г.)
- 440 Там же. С. 151. (Запись от 20 июня 1950 г.)
- 441 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Проблема научной этики... С. 357.
- 442 *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 167. (Запись от 27 января 1952 г.)
- * * *
- 443 Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988; *Липтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005 и др.
- 444 Подробнее см.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 445 См.: *Злыднев В.И.* Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917–1967) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 54.
- 446 Там же. С. 54–55.
- 447 *Державин Н.С.* Иван Вазов. 1850–1921. Жизнь и творчество // *Вазов Ив.* Под игото. Роман. Киев, 1937. С. 3–35; *Он же.* Очерки по истории болгарской литературы эпохи капиталистического накопления и промышленного капитализма. 1. Стоян Михайловский как сатирик (1856–1927) // Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1. С. 15–95; *Он же.* Социология литературно-художественного образа «Бай Ганю» Алеко Константинова // Известия АН СССР. ООИ. 1934. № 6. С. 403–436; *Он же.* История болгарской литературы. М.; Л., 1935. Т. 3. Эпоха промышленного капитализма. Вып. 2. Алеко Константинов. 1863–1897 и др.
- 448 *Чернобаев В.Г.* Владислав Реймонт и его «Мужики» (Послесловие к русскому переводу романа) // *Реймонт В.* Мужики. Л., 1935. С. 638–671; *Он же.* «Людовик Шпицнагель». Эпюд из истории юности Ю. Словацкого // *Slavia*. Praha, 1935–1936. Roč. XVI. № 1–2. S. 108–148; *Он же.* (Послесловие) // *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Л., 1937. Т. 2. С. 513–527; *Он же.* К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича. Пушкин и поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» // Ученые записки Гос. пед. института им. А.И. Герцена. Л., 1938. Т. XIV. С. 87–109; *Он же.* Ян Коллар в России // *Slovanská vzajemnost*. 1836–1936. Praha, 1938. S. 152–174; *Он же.* Ян

- Неруда и чешская литература XIX в. // *Неруда Я.* Малостранские повести. Л., 1938. С. 3–36 и др.
- 449 *Скачков М.* Современная литература Чехословакии // *Вестник иностранной литературы.* 1930. № 6. С. 138–161; *Он же.* «Годрубал» Карела Чапека // *Интернациональная литература.* 1933. № 6.
- 450 *Пушкаревич К.А.* Современная болгарская и сербо-хорватская литература. Л., 1930.
- 451 *Живов М.С.* Владислав Броневский, поэт революционной лирики // *Интернациональная литература.* 1936. № 8. С. 130–137; *Он же.* Три книги о панской Польше // *Там же.* 1939. № 9–10 и др.
- 452 Подробнее см.: *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шептунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945–1963 гг. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 53.
- 453 *Горяинов А.Н.* Советская славистика 1920–1930-х годов // *Исследования по историографии славяноведения и балканистики.* М., 1981. С. 5–21. См. также: *Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык.* Указатель литературы. М., 1943.
- 454 Подробнее см.: *Кулагина А.В.* Н.И. Кравцов — исследователь сербскохорватского эпоса (К 80-летию со дня рождения) // *Вестник Московского университета. Филология.* 1986. № 6; *Злыднев В.И.* Николай Иванович Кравцов // *Советское славяноведение.* 1981. № 3.
- 455 *Бакалов Г.* Война и поэзия у болгар // *Вестник иностранной литературы.* 1929. № 4. С. 204–212; *Он же.* Революционная литература современной Болгарии // *Октябрь.* 1931. № 6. С. 143–150; *Клементис Л.* Словацкая литература // *Вестник иностранной литературы.* 1930. № 1. С. 137–148; *Станде С.* Польская пролетарская литература (1918–1930) // *Литература мировой революции.* 1931. № 8. С. 170–177; *Троповский Е.* Шляхетская Польша в современной польской художественной литературе // *Звезда.* 1939. № 9. С. 182–186.
- 456 *Злыднев В.И.* Изучение зарубежных славянских литератур... С. 57.
- 457 См.: *Известия АН СССР. Отделение общественных наук.* 1938. № 4.
- 458 Подробнее см.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. Очерк 7; *Письма Н.С. Державина к С.Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С.Б. Бернштейна Н.С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Досталь // Славянский альманах 2005.* М., 2006. С. 503, 506.
- 459 *Крекшин Е.* Маяковский о Польше // *Октябрь.* 1939. № 10–11. С. 235.
- 460 Там же.
- 461 *Живов М.* Литература мрачного двадцатилетия. Заметки о польской литературе (1919–1939 гг.) // *Книга и пролетарская революция.* 1939. № 10. С. 160–165.
- 462 Там же. С. 160.
- 463 Там же. С. 161.
- 464 Там же. С. 162.
- 465 Там же. С. 164.
- 466 Там же. С. 165.
- 467 Современную трактовку этого периода польской литературы см.: *Медведева О.Р.* Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945) // *История литератур западных и южных славян.* Т. III. М., 2001. С. 360–423.
- 468 *Мирошниченко Г.* «Земля в ярме» [Ванды Василевской] // *Литературный современник.* 1939. № 9. С. 143–148.
- 469 *Заславский Д.* Творческий путь Ванды Василевской // *Большевик.* 1940. № 18. С. 43–53.
- 470 Там же. С. 47.
- 471 Там же. С. 51.
- 472 Там же. С. 52.
- 473 Там же. С. 53.
- 474 *Мирошниченко Г.* «Земля в ярме»... С. 148.
- 475 *Грудзино Ю.* Мицкевич в России (1824–1829 гг.) // *Молот.* Ижевск, 1940. № 12. С. 59–64; *Зингель Р.* Пушкин и Мицкевич // *Советская Латвия.* Рига, 1940. № 1. С. 148–152 и др.
- 476 *Чаковский А.Б.* Адам Мицкевич [Жизнь и творчество] // *Октябрь.* 1940. № 12. С. 111–128.
- 477 *Благой Д.Д.* Мицкевич в России // *Красная новь.* 1940. № 11–12. С. 307–314.
- 478 Там же. С. 314.
- 479 *Чаковский А.Б.* Адам Мицкевич... С. 123.
- 480 Там же. С. 122.
- 481 Там же. С. 128.
- 482 Там же.
- 483 Там же.

- 484 *Кон Ф.* Адам Мицкевич // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 46.
- 485 *Люксембург Р.* О литературе. М., 1934. С. 54.
- 486 *Гринберг И.* «Мать» Карела Чапека // Литературный современник. 1939. № 9. С. 163–166.
- 487 Там же. С. 166.
- 488 *Державин Н.С.* Паисий Хилендарский и его «История славеноболгарская», 1762 г. // Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., 1941. С. 63–124; *Он же.* Софроний Врачанский. Его жизнь и литературная деятельность (1739–1813) // Там же. С. 125–169; *Он же.* «Повесть о семи мудрецах» в болгарской версии как памятник эпохи Возрождения // Там же. С. 170–213.
- 489 *Обнорский С.П.* Ценный вклад в изучение истории культуры славянских народов // Славяне. 1942. № 2. С. 49.
- 490 Там же.
- 491 Там же.
- 492 *Живов М.* Мицкевич о немецких псахрыцарях // Интернациональная литература. 1941. № 9–10. С. 123.
- 493 Иностранная литература. 1941. № 9–10. С. 268, 269.
- 494 *Неедлы З.* Идеолог и певец славянской взаимности // Славяне. 1943. № 8. С. 28.
- 495 Там же. С. 30.
- 496 Там же. С. 31.
- 497 Там же. С. 32.
- 498 *Фадеев А.А.* Он любил Россию и был любим ею // Славяне. 1943. № 8. С. 33.
- 499 Там же.
- 500 Там же.
- 501 *Новицкий А.* Праздник польской культуры // Славяне. 1944. № 1. С. 39.
- 502 *Федоров Я.* Поэзия южных славян XVII–XVIII веков о России и Петре I // Славяне. 1944. № 8. С. 33.
- 503 *Дитякин В.Т.* [Рец. на кн.:] Болгарская народная поэзия // Октябрь. 1944. № 11–12. С. 195–199.
- 504 Там же. С. 195.
- 505 Там же.
- 506 Там же. С. 199.
- 507 Там же. С. 195, 199.
- 508 Там же. С. 195.
- 509 Там же. С. 196.
- 510 *Державин Н.С.* Кралевиц Марко и Илья Муромец // Советская этнография. Сборник статей. VI–VII. М., Л., 1947. С. 106–116.
- 511 *Державин Н.С.* Основные идеи и факты болгарской народной поэзии // Болгарская народная поэзия. М., 1944. С. 9.
- 512 Там же. С. 13.
- 513 *Державин Н.С.* Любен Каравелов (К 65-летию со дня смерти) // Славяне. 1944. № 2. С. 41.
- 514 *Семеновский С.* [Рец. на кн.:] Мария Конопницкая. Избранные произведения. Перевод с польского и примечания А. Коваленского. ГИХЛ. М., 1944... // Славяне. 1944. № 8. С. 41.
- 515 Там же. С. 42.
- 516 *Живов М.* Заветы Адама Мицкевича // Славяне. 1942. № 3. С. 28.
- 517 Там же. С. 26.
- 518 Там же. С. 27.
- 519 *Лаврецкий А.* Поэт всеславянской демократии // Октябрь. 1944. № 3–4. С. 177.
- 520 Там же. С. 178.
- 521 Там же. С. 180.
- 522 Там же. С. 181.
- 523 Там же.
- 524 Там же.
- 525 *Живов М.* Адам Мицкевич // Славяне. 1945. № 11. С. 44.
- 526 Там же. С. 45.
- 527 Там же. С. 46.
- 528 Там же.
- 529 Там же. С. 47.
- 530 Там же.
- 531 Там же.
- 532 Там же.
- 533 Там же.
- 534 Там же.
- 535 *Тимофеев Р.* Роман о борьбе чешского народа // Славяне. 1943. № 9. С. 40–41.
- 536 *Семеновский С.* Леон Пастернак. Слова издавна. М., 1944 // Славяне. 1944. № 5. С. 41.
- 537 [Рец. на кн.:] Ванда Василевская «Радуга» // Славяне. 1943. № 1. С. 48.
- 538 *С.Ю.* [Рец. на кн.:] Сборник стихотворений Владимира Назора // Славяне. 1944. № 5. С. 41–42.
- 539 *Вольпе Г.* Библиотечка Союза польских патриотов в СССР // Славяне. 1944. № 3. С. 48.

- 540 Лаврецкий А. Поэт всеславянской демократии... С. 182.
- 541 Гильдина З. Новые издания польской литературы в СССР // Славяне. 1945. № 10. С. 42.
- 542 Там же. С. 43.
- 543 Подробнее см.: Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. Глава VIII. Поражение от победы.
- 544 О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. // Новый мир. 1946. № 9. С. II.
- 545 Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новый мир. 1946. № 9. С. XII.
- 546 Там же. С. VII, VIII.
- 547 О журналах «Звезда» и «Ленинград»... С. II.
- 548 Доклад т. Жданова... С. XII, XVIII.
- 549 Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 99–100. Запись от 15 марта 1947 г.
- 550 Фадеев А. О традициях славянской литературы // Новый мир. 1946. № 12. С. 211.
- 551 Там же. С. 212.
- 552 Там же. С. 213.
- 553 Там же.
- 554 Там же. С. 214.
- 555 Там же.
- 556 Там же. С. 214–215.
- 557 Там же. С. 215.
- 558 Цит. по: Тарасенков А. Космополиты от литературоведения // Новый мир. 1948. № 2. С. 123.
- 559 Шишмарев В.М. Александр Николаевич Веселовский // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 41.
- 560 Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Там же. С. 43, 65.
- 561 Десницкий В.А. А.Н. Веселовский и русское литературоведение // Там же. С. 68, 69.
- 562 Азадовский М.К. А.Н. Веселовский как исследователь фольклора // Там же. С. 88, 119.
- 563 Алексеев М.П. А.Н. Веселовский и западное литературоведение // Там же. С. 138.
- 564 Шишмарев В.Ф. А.Н. Веселовский и литературоведение // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. III. Вып. 6. С. 273.
- 565 Тарасенков А. Космополиты от литературоведения. С. 124.
- 566 Там же. С. 124–125.
- 567 Там же. С. 125.
- 568 Там же. С. 127.
- 569 Там же. С. 136.
- 570 Там же. С. 133.
- 571 Там же. С. 137.
- 572 Против идеализации учения А. Веселовского // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 4. С. 362.
- 573 Там же. С. 363–364.
- 574 Подробнее о работе П.Г. Богатырева в Чехословакии см.: Досталь М.Ю. П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4. С. 31–42.
- 575 [Рец.:] Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Научная конференция 5–12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов. Москва // Октябрь. 1944. № 11–12. С. 214.
- 576 Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 143–144.
- 577 Там же. С. 143.
- 578 Там же. С. 144.
- 579 Там же. С. 145.
- 580 Там же.
- 581 Там же. С. 146.
- 582 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 156
- 583 См. Рифтин А.П. Основные принципы построения теории стадий в языке // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л., 1947. С. 19–29.
- 584 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета... С. 153.
- 585 Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики... С. 145.
- 586 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета... С. 150.
- 587 Там же. С. 148.
- 588 Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики... С. 140.
- 589 Там же. С. 141.
- 590 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета... С. 147, 150.

- 591 Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики... С. 141.
- 592 Там же.
- 593 Там же. С. 143.
- 594 Там же.
- 595 Там же.
- 596 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета... С. 149.
- 597 Там же. С. 155.
- 598 Там же. С. 148.
- 599 Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики... С. 143.
- 600 Чичеров В.И. Обсуждение на заседаниях Ученого совета... С. 153.
- 601 Там же. С. 154.
- 602 Там же.
- 603 Там же.
- 604 Там же. С. 150.
- 605 Там же. С. 148.
- 606 Там же. С. 160.
- 607 Там же. С. 163.
- 608 Там же.
- 609 Подробнее см.: Досталь М.Ю. П.Г. Богатырев в Чехословакии... С. 31–42.
- 610 Вершинин А. Обсуждение книги академика В.В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник МГУ. 1948. № 4. С. 148.
- 611 Там же. С. 153–154.
- 612 Аникин В.П. Кафедра русского устного народного творчества // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 225.
- 613 Miscellanea slavistica. Славистические заметки // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Л., 1946.
- 614 Там же. С. 3.
- 615 Там же. С. 34.
- 616 Там же. С. 35.
- 617 Там же. С. 36.
- 618 Там же. С. 69–70.
- 619 Там же. С. 70.
- 620 Там же. С. 73.
- 621 Там же. С. 74.
- 622 Державин К.Н. Новейшая болгарская литература // Вестник ЛГУ. 1946. № 2. С. 96–104.
- 623 Там же. С. 96.
- 624 Там же. С. 97.
- 625 Там же. С. 99.
- 626 Там же.
- 627 Там же. С. 100.
- 628 Там же. С. 101–102.
- 629 Там же. С. 103.
- 630 Там же.
- 631 Там же. С. 103–104.
- 632 Там же. С. 104.
- 633 Живов М. Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества // Мицкевич А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1948. С. 9–64; Рыльский М. Адам Мицкевич // Мицкевич А. Избранное. М., 1946. С. 3–10; Он же. Баллады Адама Мицкевича // Мицкевич А. Баллады. М., 1948. С. 3–7.
- 634 Урбан С.И. Францэ Ксаверий Прешерн // Прешерн Ф. Избранное. М., 1948. С. 3–8.
- 635 Собкович А. Иван Вазов (1850–1921) // Вазов И. Избранные рассказы. М., 1948. С. 3–9.
- 636 Ерихонов Л. Христо Ботев. Жизнь и творчество // Ботев Х. Избранное. М., 1948. С. 3–12.
- 637 Арцимович В. Поэт-воин (О творчестве Л. Шёнвальда) // Шенвальд Л. Плечом к плечу. Избранное. М., 1949. С. 5–20.
- 638 Гурович А. Карел Чапек // Чапек К. Избранные произведения. М., 1947. С. 3–15; Инполит И. О творчестве Я. Гашека // Гашек Я. Избранные юморески. М., 1937. С. 3–12; Кузнецова Р.Р. Социальный роман Марии Майеровой // Майерова М. Сирень. М., 1948. С. 3–15; Никольский С.В. О творчестве И. Волькера // Волькер И. Избранное. М., 1949. С. 3–8; Молочковский Ю. Повесть о чешском Форде // Сватоплук Т. Богострой. М., 1949. С. 3–12.
- 639 Злыднев В. О творчестве С. Даскалова // Даскалов С. Новые рассказы. М., 1949. С. 3–16, Он же. Злыднев В. О творчестве Г. Караславова // Караславов Г. Сноха. М., 1949. С. 3–7; Собкович А. Людмила Стоянов // Стоянов Л. Мехмед Синап. М., 1949. С. 3–9.
- 640 Державин Н.С. Народный поэт Болгарии Иван Вазов (К 25-летию со дня смерти) // Вестник АН СССР. М., 1947. № 8. С. 100–104.
- 641 Там же. С. 100.
- 642 Там же. С. 104.
- 643 Там же. С. 103.

- 644 Там же. С. 101.
- 645 Там же.
- 646 Там же.
- 647 Там же. С. 104.
- 648 *Державин Н.С.* Христо Ботев — поэт-революционер. 1846–1876. М.; Л., 1948.
- 649 Там же. С. 93.
- 650 Там же. С. 92.
- 651 Там же. С. 94.
- 652 *Комаров К.* Людмил Стоянов (К награждению орденом Трудового Красного Знамени) // Славяне. 1948. № 11. С. 22–24; *Державин К.Н.* Людмила Стоянов // Доклады и сообщения филологического факультета (ЛГУ). 1949. № 1. С. 174–179.
- 653 *Комаров К.* Людмил Стоянов... С. 23.
- 654 Там же. С. 24.
- 655 Доклад был опубликован. См.: *Берков П.Н.* Гений польской поэзии Адам Мицкевич (1798–1948) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 97–100.
- 656 *Симкина С.К., Карпенко Т.А.* К 150-летию со дня рождения Адама Мицкевича // Вестник МГУ. 1949. № 1. С. 153.
- 657 Заседание в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, посвященное 150-летию со дня рождения Адама Мицкевича // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 173–174.
- 658 *Живов М.С.* Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества // *Мицкевич А.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1948. С. 9–64.
- 659 Там же. С. 9–10.
- 660 Там же. С. 58.
- 661 Там же. С. 22.
- 662 Там же. С. 47.
- 663 Там же. С. 50.
- 664 Там же. С. 47–48.
- 665 Там же. С. 44–45.
- 666 Там же. С. 53.
- 667 Там же. С. 56–57.
- 668 Там же. С. 60.
- 669 Там же. С. 62, 63.
- 670 Там же. С. 64.
- 671 *Лихарев Б.* Голос друга // Новый мир. 1948. № 2. С. 93–98.
- 672 *Николаева Н.С.* Жизнь и борьба Юлиуса Фучика // Новый мир. 1948. № 7. С. 275–276.
- 673 Там же. С. 280.
- 674 Там же. С. 282.
- 675 Там же. С. 283.
- 676 *Кузнецова Р.Р.* Юлиус Фучик — публицист // Звезда. 1949. № 5. С. 185–188.
- 677 Там же. С. 185.
- 678 Там же. С. 186.
- 679 Там же.
- 680 Там же. С. 188.
- 681 *Ленюль Г.* Книга действенной ненависти // Новый мир. 1948. № 4. С. 317–318. По поводу публикации: *Сватоплук Т.* Шеф (Из повести «Ботострой») // Знамя. 1948. № 1.
- 682 Там же. С. 317.
- 683 Там же. С. 318.
- 684 *Чернышев В.А.* А.С. Пушкин и сербские и русские народные песни // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 2. С. 159–154.
- 685 *Советов С.С.* Людвиг Кондратович — Василий Курочкин — Беранже // Там же. С. 165, 166.
- 686 Там же. С. 171.
- 687 *Копержинский К.А.* Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные в России // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 2. С. 173–188.
- 688 Там же. С. 188.
- 689 Там же.
- 690 *Державин Н.С.* Пушкин и зарубежные славяне // Славяне. 1949. № 6. С. 21–26.
- 691 *Державин Н.С.* Пушкин в Болгарии // Знамя. 1949. № 6. С. 182–188.
- 692 *Кишкин Л.С.* Пушкин в Чехословакии // Новый мир. 1949. № 6. С. 241–247.
- 693 *Артемьев С.* Пушкин у славян // Там же. С. 216–226.
- 694 Там же. С. 226.
- 695 *Кишкин Л.С.* Пушкин в Чехословакии... С. 247.
- 696 *Фейгельман Л.* Маяковский в славянских странах // Новый мир. 1948. № 4. С. 232–250.
- 697 Там же. С. 132.
- 698 Там же. С. 250.
- 699 Там же. С. 249.

ГЛАВА VI

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ СЛАВИСТОВ

Как известно, наука — явление интернациональное. Для своего успешного развития она не может замыкаться в рамках одной страны. Результаты исследований в определенной сфере науки должны стать известными всем специалистам данной отрасли знания независимо от их гражданства и места проживания.

Как мы уже неоднократно указывали, в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. в силу ряда идеологических и политических причин славяноведение не могло динамично развиваться и постепенно приходило в упадок. Напротив, во многих получивших национальную государственность славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы эта наука в межвоенный период завоевывала приоритетные позиции и достигла значительных успехов (см. главу II). Хотя авторитет российских славистов «старой школы» по-прежнему оставался высоким, но их перестали выпускать за границу. Не могло быть и речи также о приглашении в СССР их «буржуазных» коллег. Так постепенно накрывавший страну «железный занавес» отгораживал советских славяноведов от магистрального развития мировой науки, способствуя затуханию международных научных контактов.

С началом Второй мировой войны советское руководство по внешне- и внутриполитическим мотивам обратилось лицом к почти уничтоженной славистике, решив создание историко-славистических центров в МГУ и АН СССР (см. главы III и IV). Поистине титанических усилий стоило возрождение славяноведения в СССР. Тогдашние его лидеры профессор В.И. Пичета и академик Н.С. Державин хорошо понимали необходимость наряду с развитием данной отрасли науки в стране налаживания международного сотрудничества, но вынуждены были, ввиду обстановки в мире, на первых порах и особенно в годы Великой Отечественной войны ограничиваться внутренними ресурсами, которые составляли тогда политэмигранты-коммунисты из славянских стран. Их, прежде всего, и привлекли к сотрудничеству в Секторе славяноведения Института истории АН СССР. В первой половине 1940-х годов здесь работали болгарин Р.К. Караколов, македонец Д.И. Влахов, словенец Д.С. Густинчич, хорват С.И. Зинич, поляк Ж.М. Корман, серб Н.П. Франич, чех З.Р. Неедлы, которые готовили статьи и доклады по плановым темам и внесли свой вклад в разработку в СССР преимущественно новой истории славянских стран, трактуемой с марксистских позиций¹.

Как мы указывали ранее, крупный чешский историк и культуролог З.Р. Неедлы, эмигрировавший в СССР в 1939 г., стоял у истоков основания кафедры южных и западных славян в МГУ, читая студентам курсы по истории Чехии и Словакии, курс введения в славяноведение, вел семинары, готовил дипломников и аспирантов. Некоторое время (в 1942–1943 гг.) он даже возглавлял кафедру, пока В.И. Пичета находился в эвакуации в Ташкенте. Его обширные знания и эрудиция, особенно знание гуситской эпохи, способствовали формированию ряда советских гуситологов и богемистов².

Многие славянские политэмигранты активно участвовали в работе Славянской комиссии АН СССР (1942–1946) под руководством Н.С. Державина³, в деятельности Всеславянского

комитета в Москве и издаваемом им с 1942 г. журнале «Славяне»⁴. Тесное сотрудничество с политэмигрантами (продолжавшееся до их возвращения на родину в 1945 г.) облегчалось тем, что они, как и советские ученые, стояли на платформе марксистской идеологии.

Между тем лидеры советского славяноведения уже в годы войны понимали необходимость установления научных связей с зарубежными коллегами-немарксистами. В 1942 г. Н.С. Державин, ратуя за восстановление Института славяноведения АН СССР (1931–1934), строил широкие планы создания в Москве Международной всеславянской академии славяноведения. В докладной записке в Президиум АН СССР от 17 августа 1942 г. он писал, что «необходимо привлечь к работе в ней [как] советских славяноведов: историков, лингвистов, литературоведов и этнографов в области южно- и западнославянских народов, так и специалистов-славяноведов из южных и западных славян, а также из неславянских дружеских к нам стран Запада и США *на равных правах* (выделено нами. — М.Д.) с советскими учеными»⁵. В.И. Пичета в своих курсах все большее внимание придавал вопросам современной историографии славяноведения в зарубежных славянских странах. А в своем программном докладе «Русское славяноведение и текущие задачи», прочтенном на научной сессии в МГУ, посвященной современным проблемам истории 15 декабря 1944 г., он выразил твердую уверенность, что «в скором времени в стенах университета будут учиться представители всех славянских народов»⁶.

ПРАЗДНОВАНИЕ 220-ЛЕТИЯ АКАДЕМИИ НАУК

После окончания войны в связи с формированием блока стран «народной демократии» руководство СССР почти не препятствовало расширению сотрудничества ученых из славянских стран, надеясь привлечь их симпатии и создать опорную базу для дальнейшего продвижения к социализму и в этой важной области культуры.

Первым масштабным предприятием, открывавшим возможность установления широких контактов с зарубежными учеными (разумеется, в рамках дозволенного идеологической системой) стало празднование 220-летия Академии наук в СССР в июне–июле 1945 г., на которое были приглашены многие известные ученые и организаторы науки из 12 стран Европы и Америки: США, Англии, Франции, Китая, Бельгии, Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Финляндии, Венгрии, Монголии, Ирана, Швеции, Индии. Славянские страны представляли А. Белич (президент Сербской академии наук в Белграде), Ф.А. Кидрич (президент Словенской академии наук в Любляне), Т. Лер-Сплавинский (ректор Краковского университета), З. Неедлы (академик, тогда уже министр школ и народного просвещения ЧСР), И. Горак (ректор Пражского университета), Д. Рапант (ректор Братиславского университета), С. Кутшеба (президент Польской академии наук), Т. Котарбинский (профессор Варшавского университета), Д.Г. Михалчев (президент Болгарской академии наук и искусств), Н.Г. Долапчиев (вице-президент той же академии) и др. Всего в торжествах приняло участие свыше 1200 ученых⁷.

Таким образом, не слишком «юбилейная» дата отмечалась в СССР с широким, поистине «победным» размахом. По существу это был международный съезд ученых разных специальностей без определенной программы. Главной его целью являлась не столько демонстрация научных достижений советской Академии наук (путем организации ряда выставок и в многочисленных докладах), сколько установление новых и возобновление немногих старых, прерванных войной, научных связей.

Следует отметить, что И.В. Сталин и руководство страны хорошо психологически рассчитали, что в дни послепобедной эйфории заграничные ученые увидят, прежде всего, парадную сторону советской науки (престиж советской науки в их глазах значительно возрастет) и не допустят критических выступлений, и потому позволили на время раскрыться «железному занавесу» без ущерба для доминирующей идеологии. В речах советских академиков на торжественном заседании сессии в Большом театре звучали здравицы в честь Сталина (почетного академика с 1939 г.) и его соратников, которые составили почетный президиум. В информации об этом заседании подчеркивалось: «Этот праздник мысли и творческого труда, это единение ученых разных стран после долгих лет кровавого хаоса, в который ввергли фашисты весь мир, — прекрасная иллюстрация к мудрым словам нашего вождя товарища Сталина: „Отныне над Европой будет развеяться великое знание свободы народов и мира между народами“»⁸

И действительно, в выступлениях иностранных ученых звучало восхищение победой СССР в войне с фашистской Германией, призывы к расширению международного сотрудничества, обмену достижениями и опытом.

Как и предполагалось, мировое общественное мнение высоко оценило инициативу АН СССР по проведению научного форума. Эти настроения выразил выдающийся шведский физико-химик, профессор Т. Сведберг в следующих словах: «Самым замечательным является то, что русские оказались первой нацией, организовавшей международный конгресс ученых после войны»⁹.

В Москве юбилейная сессия проходила на четырех заседаниях 16, 17, 23 и 26 июня 1945 г. Первое заседание было особенно торжественным. Оно проходило в Большом театре в присутствии руководителей партии и правительства, военачальников и научной элиты. На нем выступили и ученые из славянских стран. Т. Лер-Сплавинский и А. Белич ограничились восторженными поздравлениями, велеречивыми здравицами в честь Красной Армии и АН СССР и выражением надежд на развитие научного сотрудничества. Последний сообщил также о передаче советской Академии собрания научных изданий Сербской академии, вышедших в последние 30 лет. З. Неедлы пошел дальше. Он, в частности, сказал: «Академия наук СССР встала во главе не только духовной культуры СССР, но и всего мирового научного прогресса. Об этом лучше всего свидетельствует работа Академии во время последней, страшной войны, когда исследования русских ученых способствовали полной блестящей победе СССР над врагом, подрывающим основы человеческой культуры и цивилизации, — ...победе, которая дала свободу и моему много испытавшему народу». З. Неедлы сообщил также, что чехословацкое правительство приняло постановление о передаче в дар АН СССР Русского заграничного исторического архива¹⁰ (подробнее см. далее).

Устроители сессии не преминули для усиления эйфории академических торжеств пригласить иностранных ученых на исторический парад Победы 24 июня 1945 г. — «олицетворение величия нашей Родины»¹¹.

С 25 по 28 июня юбилейные торжества продолжались в Ленинграде — городе, где академия была основана Указом Петра Первого. На торжественном заседании в Ленинграде выступил президент АН СССР В.Л. Комаров, прозвучали доклады академика Л.А. Орбели о великом физиологе И.П. Павлове и академика И.И. Мещанинова «об учении о языке, разработанном замечательным ученым — академиком Николаем Яковлевичем Марром». С приветствиями к собравшимся обратились отечественные и зарубежные ученые. Среди них президент Словенской

академии в Любляне Ф.А. Кидрич, вице-президент Болгарской академии наук и искусств Н.Г. Долапчиев¹².

29 июня участники юбилейной сессии вернулись в Москву. В информации сообщалось: «Юбилейные торжества окончились. Они не просто совпали по времени с триумфальными победами советского оружия. Они вошли составным элементом в общее торжество Победы советского народа»¹³.

В этих торжествах наблюдалось заметное оживление славистических контактов. Причем с учеными как из славянских, так и из неславянских стран. Помимо личных встреч было организовано несколько научных заседаний в рамках различных отделений Академии наук, в которых приняли участие славянские ученые. По Отделению литературы и языка на шести совместных заседаниях в Институте языка и мышления имени Н.Я. Марра (на рубеже июня–июля 1945 г.) среди других выступлений иностранных ученых отмечены три доклада сербского академика А. Белича. Указывалось, что он затронул в них темы, «непосредственно интересующие советских языковедов. Одной из них является природа и развитие языка». Докладчик изложил основные идеи своего обширного труда «О језичкој природе и језичком розвитку» (Белград, 1941). Два другие доклада посвящались «природе слов и наклонениям с лингвистической точки зрения». Примечательно, что в то время в этом «гнезде марризма», каковым был ИЯМ АН СССР, очень доброжелательно и с большим интересом отнеслись ко взглядам академика А. Белича, который был компаративистом и не признавал «новое учение о языке» академика Н.Я. Марра. Его сообщения назывались «исключительно ценными», более того, признавалось, что указанный выше труд сербского лингвиста «имеет исключительное значение для проблематики общего языкознания, выдвигая к разрешению вопросы, разрабатываемые и советскими лингвистами по материалам языков СССР»¹⁴. Как мы указывали ранее, доклад Белича был опубликован¹⁵.

В Отделении истории и философии также проходили встречи и заседания с участием зарубежных славистов. Причем на многоядной юбилейной сессии Отделения прозвучали несколько докладов с подчеркнуто марксистской направленностью. Так, вице-президент АН СССР, академик-секретарь Отделения В.П. Волгин говорил об освоении метода диалектического материализма в советской исторической науке, о борьбе с «вредными извращениями» в ней в лице разоблаченной «школы» М.Н. Покровского, об образцах «гениального применения диалектического материализма к анализу сложнейшей исторической обстановки» в работах Сталина и пр. Славянской тематике посвящались два выступления. Академик Б.Д. Греков в докладе «Образование Русского государства» отразил господствующую в советской историографии точку зрения о классовой природе государства, об антинаучности «норманнской теории» образования Древней Руси в свете последних открытий советских археологов, о высокой культуре и феодальной основе Киевской Руси и пр. Основные выводы академика были подкреплены в докладе П.Н. Третьякова «Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства», в котором автор утверждал, опираясь на труды Н.Я. Марра, что отношения славянских племен и Хазарского каганата складывались в форме союза, а не подчинения ему. И главное — «Русское государство на Днепре явилось не столько началом полнокровной, подлинно исторической жизни восточного славянства, сколько итогом длительного, уже пройденного им пути»¹⁶. Иностранному ученому, с большим вниманием слушавшим эти и другие доклады советских историков и, в большинстве случаев, впервые познакомившимся с марксистским пониманием истории, на данном заседании Отделения истории и философии слово решили не предоставлять.

Контакты с зарубежными учеными были продолжены в отдельных институтах Отделения. В частности, в Институте философии состоялись беседы с президентом Болгарской академии Д.Г. Михалчевым, профессором Софийского университета М.Д. Дафинкичевым, ректором Люблинского университета Г. Раабе и др.¹⁷. Вероятно, речь здесь шла и о проблемах развития и достижениях марксистской философии.

Наиболее ощутимые результаты с точки зрения славистики, естественно, принесли встречи в Институте истории АН СССР (в составе которого находился Сектор славяноведения), так как история у нас тогда занимала ведущее положение в славистике. В стенах Института состоялось организованное Сектором специальное заседание. Его директор, академик Б.Д. Греков «ознакомил зарубежных гостей с работой своего научного подразделения в области славяноведения. Он подчеркнул, что дружба славянских народов, окрепшая в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, способствует развитию творческого содружества между учеными славянских государств». Интересно, что в выступлении зав. Сектором славяноведения, члена-корреспондента АН СССР В.И. Пичеты с учетом аудитории акцент дипломатично делался не на достижения в освоении марксистской методологии советскими славистами, а на изучение ими архивных материалов, «освещающих исторически сложившуюся дружбу между русским народом и братскими народами Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии». Ученый сообщил о подготовленных к печати в Секторе работах по истории Польши, Сербии, Хорватии, Черногории, о выходе в свет первой части капитальной монографии академика Н.С. Державина «История Болгарии», о подготовке коллективного труда «о культурно-политических связях между Россией и славянскими странами с древнейших времен до наших дней», а также сборника о балканских государствах между двумя войнами и ряде других работ¹⁸, которые так и не вышли в свет.

Доклады Грекова и особенно Пичеты вызвали у зарубежных славистов живейший интерес. От имени гостей выступил президент Польской Академии наук Станислав Кутшеба. Он с пафосом сказал: «Немецко-фашистские захватчики... предали огню многие исторические ценности, в том числе и архивы, которые разрабатывали польские историки. Но немцам не удалось убить мысль ученых». Польский профессор говорил о плодотворной работе польских историков после освобождения страны и выразил горячую благодарность советскому правительству за передачу ПАН ряда архивных материалов по истории Польши¹⁹. Профессор Пражского университета Иржи Горак в своем выступлении подчеркнул важность творческого сотрудничества ученых славянских стран и высказал пожелание, чтобы АН СССР «наладила книгообмен между славянскими научными учреждениями по вопросам славяноведения»²⁰. Он также внес предложение о необходимости создания «Союза славянских академий»²¹. Президент Сербской академии наук Александр Белич выступил со смелым и немного наивным предложением создать в системе АН СССР «институты по изучению культуры, истории и этнографии славянских стран, пригласив к участию в работе этих институтов зарубежных ученых»²². Сербский ученый, видимо, не знал о проекте создания отдельного Института славяноведения, обсуждавшийся в 1945 г. в верхах, как не понимал и того, что в советской системе невозможно было создавать институты типа Славянского в Праге с широким международным участием независимо от идеологических пристрастий. Тем не менее это предложение стало предметом широкого обсуждения и нашло единодушную поддержку.

Уместно сказать, что на встрече в Институте истории присутствовали и участвовали в обсуждении кроме вышеназванных ученых также ректор Братиславского университета

Даниэль Рапант, президент Болгарской академии наук и искусств Дмитрий Михалчев, ректор Краковского университета, академик Тадеуш Лер-Сплавинский, профессор Варшавского университета Т. Котарбинский, а из славистов неславянских стран — профессор парижской Сорбонны Андре Мазон, ее почетный профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1916 г.), норвежец Олаф Брок и др. Ряд участников заседания подчеркнул необходимость издания славянской библиографии по каждой стране и организации обмена научными работами, установления живого контакта между учеными славянских стран путем поездок в изучаемую страну, обмена студентами и т. д.²³. Судя по информации, иностранные гости признавали, что Советский Союз должен играть «ведущую роль в области изучения истории и культуры братских славянских народов»²⁴.

Подводя итоги заседания, вице-президент АН СССР В.П. Волгин дипломатично интерпретировал выступления А. Белича и И. Горака как желание ученых-славистов создать в славянских странах «институты для комплексного изучения славянских стран и народов», объединив эти институты в своеобразную «ассоциацию, содействующую обмену результатами исследований, опытом и научной литературой»²⁵, и указал на целесообразность данной инициативы. Реализацию многих из намеченных планов мог взять на себя, по его мнению, будущий Институт славяноведения АН СССР, решение об организации которого обсуждалось тогда в ЦК ВКП(б)²⁶.

Завязавшиеся научные связи имели реальное воплощение, в частности, в приглашении некоторых славянских филологов в Москву для чтения лекций на организованной в 1943 г. кафедре славянской филологии на филологическом факультете МГУ во главе с Н.С. Державиным и С.Б. Бернштейном. На молодой кафедре остро ощущался недостаток квалифицированных специалистов по отдельным славянским языкам и литературам и, как мы указывали, иностранные слависты: сербский, чешский и болгарский лингвисты А. Белич, Б. Гавранек, М. Димитров, польский и болгарский литературоведы Г. Вольпе, Б. Велчев и др. восполнили этот пробел, способствуя своими лекциями становлению славянской филологии в МГУ²⁷.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ СЛАВИСТОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

Весьма характерно, что в СССР в послевоенное время поощрялись инициативы созыва международных славистических конференций, имевшие негласной целью утвердить приоритет советского славяноведения на международной арене. Первыми «за дело» взялись филологи. В 1946 г. (с 29 июня с перерывами по 4 июля) по инициативе энергичного ректора ЛГУ А.А. Вознесенского состоялось крупное международное совещание славистов, по своим масштабам сравнимое с их международными съездами. На отдельных пленарных заседаниях присутствовало свыше 800 человек. Напомним, что международные съезды славистов стали проводиться с 1929 г. На первом съезде в Праге и Брно советскую науку представляла небольшая делегация во главе с академиком П.Н. Сакулиным. (На съезде выступали с докладами также русские эмигранты-слависты, обосновавшиеся в Праге.) В работе второго варшавского съезда 1934 г. советские ученые не участвовали. Не предполагалось их участие и на третьем съезде славистов, который должен был открыться в сентябре 1939 г. в Белграде, но не состоялся ввиду начала Второй мировой войны.

На этот раз совещание славистов с широким международным участием было организовано в Ленинграде, городе богатом своими славистическими традициями (пре-

жде всего, дореволюционными). В международной научной сессии по славяноведению приняли участие ведущие славяноведы из славянских стран: Чехословакии, Польши, Югославии и многих городов СССР (Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Казани, Риги, Тарту). Не было славистов только из Болгарии.

Предварительная работа совещания началась 16 июня 1946 г. с доклада профессора МГУ П.Г. Богатырева «Балканская экспедиция Академии Наук СССР 1946 г.», поделившегося своими впечатлениями от посещения научных центров Болгарии, Югославии и Румынии, рассказавшего о большом внимании и интересе, проявленном к работе советских ученых, о новинках тамошней славистической литературы и о перспективах научного сближения и сотрудничества между советскими и зарубежными славистами (см. далее).

29 июня в Ленинград для участия в сессии прибыла группа зарубежных ученых и дипломатов из славянских стран. Среди них: посол ФНРЮ В. Попович и второй секретарь посольства Югославии С. Кошутич, посол ЧСР И. Горак, посланник Болгарии Н. Николов, советник посольства Польши Г. Вольпе, президент Сербской академии наук А. Белич, ректор Краковского университета Т. Лер-Сплавинский, профессор Пражского университета и ученый секретарь Чешской Академии наук Б. Гавранек, профессор Пражского университета Ф. Вольман, профессор Люблянского университета Ф. Рамовш.

Торжественное открытие сессии состоялось вечером того же дня в актовом зале ЛГУ при большом стечении ленинградской общественности и ученых. Ректор университета А.А. Вознесенский горячо приветствовал иностранных гостей. В своем вступительном слове он подчеркнул, что именно победа СССР над фашистской Германией создала благоприятные условия для проведения совещания славистов. «Свободолюбивые славянские народы, — сказал ректор, — в течение многих веков демонстрировали свое единство. Великая Отечественная война еще сильнее сплотила славян в их борьбе с заклятым врагом — немецкими захватчиками. Наша доблестная Красная Армия сыграла решающую роль в освобождении братских славянских народов и открыла возможность для дальнейшего культурного сближения славянских стран, мирно развивающихся на новых демократических основах». Подчеркнув роль Петербургского-Ленинградского университета в развитии славяноведения, А.А. Вознесенский выразил надежду, что и теперь проводимая в его стенах научная сессия «будет способствовать укреплению культурной связи между учеными всех славянских стран»²⁸.

После оглашения приветствий по случаю открытия совещания из научных учреждений Москвы, Киева, Львова, Вильнюса, Саратова, Риги и др. городов слово для доклада «Чехи и словаки в свете этнографических данных» было предоставлено члену-корреспонденту АН СССР, профессору ЛГУ Д.К. Зеленину, который охарактеризовал основные этапы развития взаимоотношений и проявления общности двух братских славянских народов с IX по XX в. на основе не только этнографических, но и языковых и литературных данных. В прениях по докладу выступили И. Горак и П.Г. Богатырев. В заключение заседания А.А. Вознесенский огласил текст телеграммы с пожеланиями скорейшего выздоровления «старейшему представителю науки славяноведения, славному ученому Матиасу Мурко», бессменному редактору пражского журнала «Славия». Это проявление солидарности в среде ученых-славистов было воспринято с воодушевлением. Примечательно, что заседание закончилось (редкой в тех условиях) «дружеской беседой» советских ученых со своими зарубежными коллегами²⁹.

Следует заметить, что, по всей видимости, организаторы совещания, приглашая зарубежных ученых, первоначально не планировали их выступлений с докладами, рас-

считывая лишь на пассивное участие в заседаниях и, может быть, выступления в прениях. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что 30 июня состоялось закрытое заседание «Малого комитета» сессии, специально избранного участниками, на котором обсуждались не только разного рода предложения учебно-методического плана от филологических факультетов МГУ, ЛГУ и др. вузов, но и вопрос о включении в повестку дня сессии докладов прибывших в Ленинград некоторых славянских ученых, из-за чего программа выступлений их советских коллег была свернута³⁰.

Утром 1 июля состоялся коллоквиум участников заседания, на котором произошел важный для дальнейшего развития славяноведения обмен мнениями по вопросам организации преподавания данного предмета в вузах. При этом и советские ученые и их зарубежные коллеги исходили из комплексного понимания славяноведения как науки, изучающей славянские народы не только в филологическом, но и в историческом отношении. Поэтому Белич, Б. Гавранек, Т. Лер-Сплавинский познакомили собравшихся с постановкой преподавания языков, литератур, истории, этнографии славян в своих университетах, а деканы филологических факультетов ЛГУ и МГУ М.П. Алексеев и В.В. Виноградов, а также зам. зав. кафедрой славяноведения в ЛГУ Э.А. Якубинская-Лемберг — в советских вузах (хотя понятно, что на данном собрании филологов главный упор делался на филологические проблемы). Ученые пришли к единодушному выводу о желательности согласования планов университетского образования и программ отдельных славистических курсов, читаемых в славянских странах. После совещания гостей провели по аудиториям ЛГУ, ознакомив со структурой отдельных кафедр и издательской деятельностью университета³¹.

Вечером того же дня состоялось очередное пленарное заседание сессии, на котором выступили с докладами академик А. Белич, академик Е.В. Тарле и профессор ЛГУ А.В. Предтеченский. В своем докладе «О частях речи», прочтенном на русском языке, А. Белич кратко изложил содержание своего большого труда «О језичкој природи и језичком развоју. Лингвистичка испитивања» (Београд, 1941. Књ.1), с которым он уже знакомил советских коллег в 1945 г. В докладе некоторые общие вопросы теоретической грамматики иллюстрировались характерными примерами из славянских языков, и в первую очередь русского. В информации о докладе особо отмечался интерес аудитории к его вступительной части, где говорилось «о мировом значении трудов русских ученых-лингвистов и, в частности, о блестящей ленинградской лингвистической школе»³², теме весьма востребованной в тогдашней науке.

Академик Е.В. Тарле прочитал доклад «Русские на Средиземном море и южные славяне», в котором подчеркнул, что Россия всегда выступала союзницей южных славян в борьбе за свою независимость. «На наших глазах, — с пафосом заключил академик, — осуществилась давнишняя мечта славянских народов — вступить в тесный неразрывный союз с Россией». Такими же патриотическими нотками был проникнут и доклад профессора ЛГУ, историка А.В. Предтеченского «Петр I и южные славяне», который подчеркнул, что «начало царствования Петра I укрепило авторитет России среди балканских славян и надежду на ее помощь в деле освобождения от турецкого владычества. Эта надежда нашла свое отражение в поэзии южнославянских народов, в частности в произведениях И. Каванини, И. Градича, С. Ружича, П. Витезовича и ряде народных песен»³³.

Утром 2 июля работа совещания проходила в двух секциях: западно- и южнославянской филологии. В первой секции с докладами выступили ленинградские слависты.

Профессор ЛГУ, литературовед П.Н. Берков прочел доклад «„Аккерманские степи“ Адама Мицкевича в истории русско-польских отношений», сопровождавшийся демонстрацией редчайших литографий и планов Аккермана, представленных для осмотра Библиотекой АН СССР. На их основании, с помощью архивных данных ученых «смог предложить ряд поправок и существенных дополнений к интерпретации одного из наиболее темных и „законспирированных“ сонетов Ад. Мицкевича»³⁴. В прениях по докладу выступили профессор ЛГУ, фольклорист М.К. Азадовский и польский литературовед, читавший спецкурс об А. Мицкевиче в МГУ, Г. Вольпе.

Доцент ЛГУ, литературовед С.С. Советов охарактеризовал в своем докладе «Начало изучения польской литературы в России» первый период исследований с начала до 60-х гг. XIX в., добавив, что и на дальнейших этапах своего развития русская наука внесла существенный вклад в изучение польской литературы. С докладом «Карл Гинек Маха в оценке современников и потомства» выступил профессор ЛГУ, литературовед В.Г. Чернобаев. Он представил общий обзор противоречивых критических мнений о наследии виднейшего чешского поэта-романтика первой трети XIX в., который в своих поэмах «Монах» и «Май» зарекомендовал себя «одним из первых чешских поэтов европейского масштаба»³⁵. Доклад вызвал «дружеское обсуждение» актуальных проблем исследования чешской и польской литературы, в изучение которых внесли, по заключению И. Горака и его коллег, ценный вклад и советские литературоведы-слависты.

На заседании секции южнославянской филологии в то же время обсуждались доклады доцента ЛГУ А.Д. Александрова «Начало славяноведения в России» и профессора ЛГУ, литературоведа К.А. Копержинского «Сербские деятели 60–70-х годов и русская литература». В первом докладе автор подверг критике мнение академика И.В. Ягича, считавшего 1835 год официальным началом русского славяноведения. Он привел многочисленные данные о том, что и до принятия нового университетского устава, по которому в университетах России утверждалась новая дисциплина — «история и литература славянских наречий», русское славяноведение в начале XIX в. сделало значительные успехи. В заинтересованном обсуждении доклада приняли участие А. Белич, П.Г. Богатырев, доцент В.И. Эрнитс (Тарту) и доцент Е.К. Бахмутова (Казань).

В докладе профессора К.А. Копержинского было представлено сокращенное изложение нескольких глав подготовленного к печати большого труда ученого, в котором подчеркивалась роль «передовой русской литературы 60–70-х годов XIX в. в создании сербской национальной литературной школы», стоявшей на позициях реализма. Выступившие в прениях А. Белич и В.И. Эрнитс пошли в своих суждениях дальше докладчика и в духе времени говорили о «ведущей роли советской литературы» в литературных исканиях писателей современной Народной Федеративной Республики Югославии»³⁶.

Вечернее заседание открыл доклад (на русском языке) краковского профессора Т. Лер-Сплавинского «Происхождение и прародина славян»³⁷, в котором автор высказал суждения, расходившиеся с трактовкой проблемы советскими учеными. Он показал на основе лингвистических и археологических данных, что «распадение балто-славянской группы началось в первые века так называемого бронзового века (1800–1500 годы до н.э.), в связи с вторжением новой волны индоевропейского населения, кристаллизировавшегося в отчетливое этнически-культурное целое, носящее в науке название лужицкой культуры. В бассейне Одера и Вислы население лужицкой культуры наслоилось на протобалтийский субстрат»³⁸. Советские ученые, отказавшиеся на основании «нового учения о языке» Н.Я. Марра от понятий «прародина» и «праязык», естественно, довольно активно высту-

пили в прениях по докладу. Среди выступавших — профессора, историки и археологи В.В. Мавродин, М.И. Артамонов (оба ЛГУ), П.Н. Третьяков (МГУ), М.Н. Тиханова (Казань), доцент В.И. Эрнитс (Тарту). Дипломатично оценив высокие достоинства доклада, они сошлись во мнении о том, что «историю славян не следует понимать только как процесс постоянного расщепления одного народа на более мелкие группы; параллельно шел процесс этнической консолидации, который надо учитывать, говоря об истории развития славянства»³⁹. Т. Лер-Сплавинскому осталось только поблагодарить советских коллег за ценные замечания и выразить сожаление, что в годы войны он не мог ознакомиться с важными достижениями советской науки в этой области. Мы уже указывали, что доклад Т. Лер-Сплавинского, несмотря на зафиксированные разногласия, был опубликован.

Заседание завершил доклад профессора МГУ, языковеда В.В. Виноградова «Проблема изучения русского языка»⁴⁰, в котором указывалось, что история литературного языка, «охватывающая историю общегосударственной письменности и разговорной речи, не может обойтись без разностороннего изучения устных и письменных диалектов и арго города, без изучения социально-групповых диалектов, стилей языка города, а также без изучения фольклора»⁴¹. В прениях по докладу выступили профессора П.Г. Богатырев, Б. Гавранек и А. Белич, которые подчеркнули актуальность проблем изучения литературной речи в общей системе славистических исследований.

Утром 3 июля участники совещания, включая представителей посольств славянских стран, под председательством ректора ЛГУ А.А. Вознесенского продолжили обсуждение перспектив дальнейшей совместной работы и выработали резолюцию совещания⁴².

На этом повестка дня совещания не исчерпывалась, так как остались непрочитанными доклады многих ленинградских славистов. Но срок пребывания иностранных гостей в Ленинграде истекал. Поэтому было решено вечером 3 июля заслушать тезисы заявленных в программе конференции докладов. Среди них доклад профессора МГУ П.Г. Богатырева «Проблема изучения народного театра у славян», профессора ЛГУ К.Н. Державина «Возникновение болгарской драматургии», доцента ЛГУ Л.В. Разумовской «Немецкая колонизация и немецкое право в Великой и Малой Польше XIII–XIV вв.», профессора ЛГУ Б.А. Ларина «О русско-литовских языковых связях», доцента Тартуского университета В.И. Эрнитса «О славистике в Эстонии», доцента ЛГУ Э.А. Якубинской-Лемберг «К вопросу о славяно-финских языковых отношениях». Было принято единодушное решение издать все представленные доклады (в том числе и не прочитанные полностью) отдельной книгой «Труды научной сессии по славяноведению». К сожалению, это намерение осталось нереализованным⁴³.

Утром 4 июля состоялось заключительное пленарное заседание сессии. С докладом на русском языке «О балканском языковом союзе» выступил профессор Пражского университета Б. Гавранек, который познакомил слушателей с подходами к изучению языковых систем, выработанными в пражском лингвистическом кружке, членом которого он в свое время являлся. В информации указывалось: «Балканский языковой союз рассматривался как один из ярких примеров того явления, когда языки, не родственные по своему происхождению, будучи языками народов, живущих в одной и той же географической области, приобретают общие языковые черты»⁴⁴.

Такие подходы к языковым явлениям, сегодня считающиеся хрестоматийными, в то время оставались малоизвестными советским лингвистам и не одобрялись в официальной науке. В прениях по докладу выступили самые «продвинутые» в этой области А. Белич, Э.А. Якубинская-Лемберг, В.И. Эрнитс.

Последний доклад на сессии «Учение А.А. Потевни о стадильности развития синтаксического строя в славянских языках» прочел профессор МГУ В.В. Виноградов. Он показал, что выдающийся отечественный лингвист «впервые в истории языкознания выдвинул тезис исторической изменчивости типов предложения и развил учение о стадильности развития синтаксического строя славянских (и шире индоевропейских) языков»⁴⁵. Обращение к традициям отечественной науки было тогда в порядке вещей, но, судя по первоначальной информации, В.В. Виноградов подверг критике отдельные положения теории А.А. Потевни на том основании, что тот «произвольно сблизил явления разного времени и разного конструктивно-синтаксического значения»⁴⁶.

Пафос доклада был направлен на необходимость дальнейшей углубленной разработки проблем конкретно-исторического и сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков совсем не в духе популярного положения «о стадильности» в учении академика Н.Я. Марра, но, может быть, с намеренным использованием его терминологии.

Важным итогом работы сессии явилось принятие обширной резолюции, в которой ее участники признали необходимость созыва ежегодных научных славистических конференций для обсуждения актуальных вопросов славяноведения, причем в его комплексном понимании (то есть лингвистики, истории славянских народов, истории литературы, этнографии, археологии, фольклора), создания организационного комитета с участием представителей всех славянских стран и издания им специального «Информационного бюллетеня». Ставился вопрос об установлении регулярного обмена славистическими изданиями между университетами славянских стран, о выпуске ряда совместных специализированных научных журналов и сборников по славяноведению, а также ежегодных библиографических сборников. Рекомендовалась организация совместных научных славистических экспедиций (лингвистических, археологических, этнографических, фольклорных).

Для улучшения преподавания славистических дисциплин считалось желательным согласование планов университетского образования и программ отдельных курсов, налаживание регулярного обмена ими. Признавалась необходимость издания учебников и учебных пособий по славяноведению как отдельными учеными, так и объединенными усилиями славистов славянских стран. С целью дальнейшей активизации научно-исследовательской и учебно-педагогической работы в области славяноведения рекомендовалось наладить обмен преподавателями университетов славянских стран и организовывать стажировки студентов для более глубокого изучения зарубежных славянских языков, литератур и истории. Признавалось целесообразным также устройство при университетских славистических отделениях школ живых славянских языков для практического обучения этим языкам как студентов, так и всех желающих⁴⁷.

Сессия по славяноведению стала одним из самых ярких научных событий в жизни Ленинградского университета того времени, привлекла широкое внимание общественности к славистическим вопросам. Примечательным фактом короткого периода послевоенной «толерантности» является то, что на этом совещании не проявилось какого-либо идеологического диктата. Было разрешено прочтение незапланированных докладов зарубежных славистов (не прошедших предварительную цензуру), в которых излагались взгляды, не принятые в советской науке. Зарубежных славянских ученых здесь не стремились прямо склонить к принятию марксистской методологии, но всё же настойчиво знакомили с достижениями и утвердившимися мнениями советских

коллег. Допускались и свободные дискуссии и живое неформальное общение славянских ученых, продолжившиеся в переписке и книгообмене, что несомненно приносило взаимную пользу. Разумеется, далеко не всё из намеченных планов было реализовано сразу, но постепенно с утверждением социалистического лагеря началось расширение научных контактов и обмена преподавателями и студентами между университетами славянских стран, налаживание сотрудничества между академическими институтами и обмена их изданиями. Долго оставались нереализованными проекты совместных славистических изданий. Не получила поддержки идея организации ежегодных конференций. К сожалению, информация об этом совещании почти не выходила за рамки Ленинграда⁴⁸, и потому, например, московские историки-слависты оказались во многом неосведомленными о широких планах межславянского сотрудничества филологов. К тому же обращает на себя внимание тот факт, что на совещании по неясным причинам не присутствовали многие московские ведущие слависты — В.И. Пичета, Б.Д. Греков, А.Д. Удальцов, С.Б. Бернштейн и даже ленинградец Н.С. Державин.

Тем не менее декан филологического факультета ЛГУ М.П. Алексеев мог с основанием сказать при закрытии сессии, что «пятидневная совместная работа ученых славянских стран будет иметь серьезное значение не только для развития славистики как науки, но и для укрепления дружественных отношений между учеными братских славянских стран»⁴⁹. И действительно, вскоре началась работа по подготовке Первого общеславянского конгресса ученых-славяноведов в Москве, намеченного на июнь 1948 г., которая преодолевала разобщенность историков и филологов. Съезд имел негласной целью склонить зарубежных славистов к принятию марксистской методологии. Он не состоялся из-за разразившегося тогда партийно-государственного кризиса в отношениях СССР и Югославии⁵⁰ (см. далее).

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОМАНДИРОВКИ СОВЕТСКИХ СЛАВИСТОВ

Одновременно с научными конференциями после войны были разрешены и даже поощрялись командировки советских ученых в страны «народной демократии». Одной из первых состоялась триумфальная командировка **Н.С. Державина в Болгарию и Югославию**, продолжавшаяся с 28 февраля по 26 октября 1945 г. Она была чрезвычайно примечательна для того времени, поэтому на ней следует остановиться подробнее.

Поездка в Болгарию состоялась по приглашению Болгарской Академии наук и искусств (БАНИ) и Софийского университета. 1 марта Н.С. Державин вместе со своим сыном, литературоведом и историком культуры К.Н. Державиным прибыли в Софию и приняли участие вместе с другими членами советской делегации в Славянском собрании, по существу очередном Славянском съезде (статус которого Болгарии не был дан ввиду ее недавнего участия в гитлеровской коалиции). Собрание созывалось по случаю празднования 67-й годовщины освобождения болгарского народа от турецкого ига и проходило с 1 по 15 марта 1945 г. Державины приняли участие во всех его мероприятиях, митингах в разных городах Болгарии. На заседаниях Собора 4 марта Н.С. Державин выступил с докладом «Славяне, Россия и Советский Союз»⁵¹.

После Собора Державины остались в Болгарии для проведения научной и общественной работы, что имело принципиально важное значение для налаживания советско-болгарских культурных связей. Академик особо отметил в отчете внимание и заботу, проявленные по отношению к нему болгарскими властями и руководителями

общественных организаций, в частности со стороны чрезвычайно важного политического лица в Болгарии того времени, регента при малолетнем царе Симеоне II, академика Тодора Павлова, председателя Славянского комитета Болгарии Найдена Николова и его помощника К. Македонского, бывшего военного министра, генерал-полковника Дамяна Велчева, начальника VI отделения Министерства, полковника К. Маркова, председателя Болгаро-советского общества Дончо Костова, вице-председателя БАНИ Н. Долапчиева, ректора Софийского университета С. Баламезова, затем, после переизбрания последнего, Д. Ораховаца и др.⁵²

Установление научных связей началось с Софийского университета. С 17 марта Н.С. Державин стал читать там курс лекций по истории Болгарии, открыв его темой «Происхождение болгарского народа и образование Первого Болгарского государства на Балканском полуострове». 23 марта он прочитал лекцию «Богомилы и богомилство», 24 марта — «Паисий Хилендарский», 27 марта — «Софроний Врачанский», 28 марта — «Болгарский народ под турецким владычеством», 4 апреля — «Влияние века Просвещения и Французской революции на национальное возрождение народов Балканского полуострова», 6 апреля — «Подъем капитализма и зарождение национальной буржуазии в Болгарии». До своей тяжелой болезни он успел прочесть 9 лекций цикла, доведя изложение материала до начала XIX в., а не до освобождения Болгарии в 1878 г., как планировалось ранее⁵³.

Для студентов и преподавателей Софийского университета курс лекций Н.С. Державина имел тогда большое значение: это было их первое соприкосновение с марксистской интерпретацией болгарской истории в понимании советского академика. Потому данный лекционный цикл был застенографирован, переведен на болгарский язык и издан в местном партиздате. Найдено Николов писал впоследствии: «Благодаря трудам Н.С. Державина болгарская историческая наука не только исправила некоторые свои ошибочные представления, но, что еще важнее, усвоила правильный методологический подход к историческим явлениям»⁵⁴.

Одновременно Державин занимался широкой популяризаторско-пропагандистской деятельностью, выступая с лекциями и докладами в разных городах и перед разными категориями слушателей. В его отчете в Отделение литературы и языка АН СССР отмечено, что в Софии, Пловдиве, Свищове, Панагюриште он читал лекции о культурном строительстве в СССР и по славяноведению. В поездке в эти города Державина сопровождали многие официальные лица — регент, коммунист Т. Павлов, министр информации и искусства Д. Казасов, министр, генерал-лейтенант Добри Терпешов и др. В Свищове, на родине классика болгарской литературы Алеко Константинова, Н.С. Державин (автор ряда работ об этом писателе) прочитал специальный доклад о его романе «Бай Ганю» и возложил венок от имени АН СССР на его могилу. В Панагюриште Державин побывал на народном празднике, посвященном Апрельскому восстанию 1876 г., и в долине Оборище — месте заседания подпольного народного собрания, произнеся речь об историческом значении этого события⁵⁵.

Везде Державина принимали торжественно как посланца «великого Советского Союза». «Повсюду приезд мой, — писал он в отчете, — вызывал многолюдные манифестации в честь Советского Союза и сопровождался лозунгами боевого единства славянских народов против германо-фашистской агрессии»⁵⁶. В научных кругах, по воспоминаниям С.Б. Бернштейна, циркулировала легенда о том, что даже И.В. Сталин «взревновал» к такой популярности и такому приему Н.С. Державина в Болгарии и сде-

лал определенные оргвыводы в отношении его дальнейшей карьеры. Во всяком случае, многие его последующие проекты в области славяноведения не находили поддержки в верхах.

В Болгарской Академии наук и искусств ученый сделал два доклада: 22 марта — «Кралевиц Марко и Илья Муромец» и 27 марта — «АН СССР: история, организационная работа». Содержание докладов широко освещалось в болгарской печати (в основном партийной). Доклады в Академии наук были опубликованы в «Известиях БАНИ» и изданы отдельными брошюрами. Всего он прочитал таким образом 21 научный доклад и 28 докладов и речей — на собраниях, митингах, банкетах⁵⁷. Можно только удивляться такой неутомимой продуктивности советского академика.

Важное значение для развития болгаро-советских культурных связей имело тесное общение Державина с представителями тогдашнего руководства Болгарии на самом высоком уровне. В отчете он упоминал «долгие беседы с регентом Т. Павловым, работниками ЦК БРП (Васил Коларов, Трайчо Костов, Волко (Вылко) Червенков и др.), экзархом Болгарии митрополитом Стефаном, с главным секретарем Национального комитета Отечественного фронта т. Цолой Драгойчевой, с рядом министров, болгарских ученых, писателей, артистов, студенчеством и т.п.) на животрепещущие темы политической жизни Болгарии, ее будущего, ее связей с СССР и т.д. Во всех этих беседах я подчеркивал историческое значение деятельности Отечественного фронта и развивал мысль о необходимости наиболее тесных, в первую очередь культурно-общественных, связей с братским русским народом»⁵⁸.

Примечательно, что при таком самом высоком ранге приема академика Н.С. Державина в Болгарии не зафиксирована его встреча с ведущим партийно-государственным лидером Георгием Димитровым (вероятно, потому, что тот еще не закончил свою работу в Москве). Везде академика сопровождали представители военных ведомств и спецслужб.

Надо отдать должное Н.С. Державину в том, что он хорошо понимал значение научных связей и многое сделал для их возобновления. Начинать нужно было с комплектации славистической библиотеки, а затем и налаживания книгообмена. Державин сделал первые шаги в этом направлении. «Ознакомившись с работой БАН, Софийского университета и ряда болгарских научных обществ, — писал он в отчете, — я принял меры к тому, чтобы восстановить в интересах нашего славяноведения и славянской научной мысли в целом связи с болгарской наукой. В результате мне удалось, благодаря любезности болгарских научных учреждений, ряда научных работников и некоторых издательств, скомплектовать целую библиотеку книг, в существенной мере заполняющих столь ощутимый у нас пробел в болгарской научной литературе по истории, филологии, этнографии и т.д. (за время с 1915 по 1945 г.). Библиотека эта в количестве примерно до 2000 наименований доставлена мною в Москву и явится ценным пособием для наших работ в области славяноведения. Кроме того, я привез с собою ряд изданий, подаренных болгарскими научными учреждениями для наших научных библиотек, и провел в Болгарии большую работу по установлению нормального книгообмена с АН СССР»⁵⁹. Судьба этих книг нам неизвестна. Не исключено, что значительная их часть попала в библиотеку ИНИОН АН СССР.

Пребыванию Державина в Болгарии болгарская пресса уделяла большое внимание. Было опубликовано свыше 20 обстоятельных статей, характеризующих его как болгароведа-слависта и как общественного деятеля.

С особой гордостью Державин упоминал о наградах и званиях, которыми его удостоили в Болгарии. Регент Болгарии Т. Павлов наградил его орденом Св. Александра II степени. БАНИ избрала его своим почетным членом, Софийский университет утвердил его доктором славяноведения «honoris causa». Державин был избран также почетным членом Союза писателей Болгарии, Болгарских археологического, исторического, этнографического и географического обществ, а также почетным председателем Македонского научного института, Славянского сектора Археологического института, Общества филологов-славистов в Софии⁶⁰. По случаю чествования в Софийском университете, произошедшего 2 марта 1945 г., Державин произнес примечательную речь «Задачи славянской филологии и методы исследования советской науки»⁶¹, познакомив болгарских профессоров и студентов со своим видением марксизма (вероятно, в духе марризма) применительно к этой отрасли знания.

Города Свищов и Пловдив избрали советского академика своим почетным гражданином, городское управление Софии решило назвать его именем одну из центральных улиц⁶².

Н.С. Державин «скромно» констатировал: «Все мое пребывание в Болгарии прошло под знаком выражения со стороны широких кругов болгарской общественности своих глубоких и искренних симпатий к братскому русскому народу и СССР. Одновременно с этим болгарский народ, гостем которого я официально именовался, чествовал меня и как советского ученого, посвятившего почти полвека изучению его истории, языка, литературы и фольклора. И то и другое переполняло меня гордостью за мою страну и чувствами высокого морального удовлетворения»⁶³.

С 12 по 16 мая 1945 г. по личному приглашению маршала Иосипа Броз Тито Державин отправился в Белград. Это был своего рода общественно-политический визит на самом высоком (не по рангу «простого» академика) уровне: «Я был принят маршалом Тито в занимаемом им дворце, совершил вместе с ним экскурсию на Могилу неизвестного воина, где мы были приветствуемы тысячной толпой народа»⁶⁴. Здесь он тоже успел выступить с рядом докладов: 13 мая на заседании Югославской Академии наук на тему «АН СССР в прошлом и настоящем» и 14 мая в Народном университете — «Советская наука в годы войны». В Академии и университете он произнес также несколько речей на собраниях и банкетах по случаю его визита. С деятельностью этих научных учреждений из-за недостатка времени ему детально ознакомиться не удалось. «Тем не менее, — писал он в отчете, — я получил возможность обогатить свою библиотеку ценными изданиями и установить личный контакт с некоторыми из югославских коллег по моей научной специальности»⁶⁵.

По представлению Иосипа Броз Тито Державин 15 мая был награжден орденом «Народного освобождения», который ему вручили «в заседании Скупщины, в присутствии многочисленных представителей общественности и научного мира». На прощальном банкете он произнес примечательную речь о «задачах объединения славян и значении СССР в деле послевоенного славянского возрождения»⁶⁶, где, судя по всему, откровенно выразил некоторые «панславистские» настроения в верхах советского общества, что официальные лица предпочитали до времени не афишировать.

Чрезвычайно обширная научная и общественно-политическая программа пребывания Державина в Болгарии и Югославии не могла не сказаться на его здоровье, как человека в преклонном возрасте. Вскоре по возвращении из Белграда в Софию 28 мая 1945 г. с Державиным случился инсульт (артериально-склеротический тромбоз)⁶⁷.

Тяжелая болезнь не позволила ему окончить чтения в университете, завершить научную программу по сбору материалов для задуманной истории болгарской литературы. Болгарская общественность проявила к нему трогательную заботу. Лечение организовали на самом высоком уровне. По инициативе Г.М. Димитрова из Москвы был вызван профессор Ю.В. Коновалов. Лишь в конце своего пребывания в Болгарии Державин присутствовал на панихиде по случаю годовщины смерти классика болгарской литературы И. Вазова. Произнес несколько слов и возложил цветы на могилу от имени АН СССР. В Москву он смог вернуться только 26 октября 1945 г. и еще несколько месяцев продолжал лечение.

С полным основанием Державин мог заключить: «Надеюсь, что в какой-то степени мое путешествие в Болгарию внесло свою лепту в дело культурного сближения СССР и болгарского народа и тем самым способствовало развитию сотрудничества между Болгарией и СССР в деле обеспечения счастливого будущего всего славянства»⁶⁸.

Тогдашнее отношение болгарского общества к визиту Н.С. Державина хорошо выразил в статье «Великий друг Болгарии — Н.С. Державин» председатель Славянского комитета Болгарии Найден Николов: «Н.С. Державин в своем братском отношении к болгарскому народу раскрыл перед нами чувства великого русского народа к своему младшему брату, чувства, объясняющие нам ту готовность, с какой русский народ дважды устремлялся в тяжелую борьбу за наше освобождение. Николай Севастьянович для нас — живая связь, олицетворяющая отношения между двумя братскими народами»⁶⁹.

После триумфальной командировки Н.С. Державина на заседании Президиума АН СССР от 4 ноября 1945 г., вероятно, под впечатлением пожеланий, высказанных на торжествах по случаю 220-летия АН СССР, было принято решение отправить **первую историко-археологическую экспедицию на Балканы**. Она должна была носить более спокойный, деловой характер: «В целях изучения важнейших проблем Балканских стран, а также истории славянства, направить в ноябре 1945 г. в Болгарию, Югославию и Румынию экспедицию археологов и этнографов в составе научных сотрудников Института истории материальной культуры им. Марра и Института этнографии: академик Б.Д. Греков (руководитель экспедиции), профессор П.Н. Третьяков, профессор А.В. Арциховский, профессор Т.С. Пассек, профессор В.В. Бунак, профессор В.И. Равдоникас и доцент И.Т. Кругликова. Установить срок работы экспедиции двухмесячный»⁷⁰. В ноябре, однако, экспедиция не состоялась. Она была отправлена за рубеж в начале 1946 г. в несколько измененном составе. Возглавил ее П.Н. Третьяков. В группу вошли археологи Б.А. Рыбаков, В.И. Равдоникас, А.В. Арциховский и этнографы С.А. Токарев и П.Г. Богатырев⁷¹.

Поездка продолжалась два месяца, с 10 января по 9 марта 1946 г., и носила научно-ознакомительный характер. Ее задачи П.Н. Третьяков определил следующим образом: во-первых, ознакомление с деятельностью научно-исследовательских учреждений, музеев и высших учебных заведений, занимающихся вопросами археологии, этнографии и славяноведения, и направлением, содержанием и результатами их работы. Кроме того, в задачи экспедиции входило установить с ними деловой контакт и подготовить почву для будущих совместных исследований. Во-вторых, перед экспедицией стояла задача изучения археологических, этнографических и иных исторических материалов с целью разработки вопросов этногенеза, древней и средневековой истории и истории культуры славянства, а особенно проблемы исторических и культурных взаимоотношений и связей славянских

народов Балканского полуострова со славянскими народами СССР. Наконец, экспедиция должна была ознакомить научную общественность балканских стран с деятельностью соответствующих научно-исследовательских учреждений, вузов и музеев Союза ССР, а также с основными результатами археологической, этнографической и исторической науки в нашей стране, главным образом в области славяноведения⁷². Ни один из участников экспедиции ранее не бывал на Балканах и лично не был знаком с учеными, их принимавшими. Как писалось в отчете, «участники поездки выступали с научными докладами в Софии, Белграде, Загребе, Любляне, Сплите, Сараеве и Бухаресте и в свою очередь ознакомились с научной работой местных археологов и этнографов»⁷³.

Археологов интересовали сокровища археологических музеев Болгарии, Югославии и Румынии независимо от их этнической принадлежности и эпохи. С равным интересом археолог А.В. Арциховский писал, например, о находках периода палеолита, римской и византийской эпох и пр. Тем не менее славянские экспонаты отмечались особо. Так, среди находок Народного археологического музея в Софии указывались средневековые болгарские рельефы, которые «имеют много аналогий в искусстве Киевской Руси, например, рельефы из Преслава с павлинами, кипарисами и т.д. Надписи первых болгарских царей не славянские, а греческие с тюркскими именами. Среди них целый ряд списков оружия, своего рода каменный архив арсенала. В 1945 г. впервые удалось найти надпись на тюркском древне-болгарском языке... Славянских надписей найдено не очень много, в основном это надгробия»⁷⁴. Было отмечено, что славянская керамика в Болгарии «совершенно такая же, как во всем славянском мире, от Эльбы до Волги и от Ладожского озера до Адриатического моря»⁷⁵. В ней совпадали керамические профили и орнаменты, клейма, техника обработки глины и даже хронологические этапы развития посуды. Было обращено внимание на многочисленные витые браслеты, хранящиеся в музеях Болгарии и Югославии, во многом аналогичные средневековым московским и новгородским.

А.В. Арциховский охарактеризовал также своих болгарских коллег, с которыми участники экспедиции познакомились и завязали научные контакты. Это, прежде всего, директор Народного археологического музея в Софии, академик Никола Мавродинов, известный специалист по прикладному искусству эпохи переселения народов, болгарской архитектуре и живописи, который руководил раскопками средневековых столиц Болгарии. Результаты этих раскопок, заметил Арциховский, обрабатываются не только в Музее, но и в Болгарском археологическом научно-исследовательском институте в Софии. Советские ученые познакомились с директором этого Института, академиком Гаврилом Кацаровым, крупнейшим в мире специалистом по истории и археологии античной Фракии, а также с его ученым секретарем, академиком Крестю Миятевым, автором фундаментальных трудов по архитектуре и художественной керамике средневековой Болгарии. Большую взаимную пользу принесли встречи с видными археологами Софийского университета, в частности с профессором Димитром Димитровым, который читал курс археологии в университете, являлся руководителем кабинета археологии и автором книг о римских рельефах⁷⁶.

В Пловдивском археологическом музее внимание участников экспедиции привлекли вещи из скифских курганов. Затем они посетили Бачковский монастырь 1083 г. в Родопах, который в период византийского владычества и Второго болгарского царства был важным центром болгарской культуры. Из него вышел известный московский митрополит Киприан.

На пути из Варны в Софию советские ученые остановились в Шумле — местах раскопок болгарских археологов Преслав, Мадара, Плиска. Отмечено, что имя Преслав (Переслав) роднит Болгарию с Русью. Указано, при раскопках здесь нашли стену церкви, на которой виднелась глаголическая надпись. В 1945 г. здесь при возобновлении раскопок была обнаружена колонна с надписью на древнеболгарском тюркском языке⁷⁷. В Мадаре, на горном утесе, археологи любовались рельефным конным портретом болгарского царя Крума (IX в.), известного своими военными победами. В Плиске, древней столице Болгарии, Арциховский отметил, что здесь чтят память известного русского археолога, директора Русского археологического института в Константинополе (1894–1914) Ф.И. Успенского, начавшего в 1899 г. раскопки этого болгарского города. Одна из площадей названа его именем⁷⁸. Исследования в Плиске продолжает ныне директор Народного археологического музея в Софии, крупный специалист по ранне-средневековым древностям Н.П. Мавродинов⁷⁹.

С 4 февраля началась поездка по Югославии. «С первого же дня, — писал А.В. Арциховский, — мы установили такой же контакт с югославянскими археологами, как и с болгарскими. Наиболее ярким представителем археологии в Белграде является профессор университета Джордже Бошковиц, многочисленные труды которого посвящены средневековью (преимущественно сербской архитектуре); он освобожден из немецкого лагеря Красной Армией. Еще работает профессор-пенсионер Милое Васич, известный по своим раскопкам первобытных энеолитических поселений. Многие представители югославской академической интеллигенции участвовали в партизанских отрядах, в том числе видный специалист по средневековым сербским надписям Титомир Вуканович»⁸⁰.

В Белградском археологическом музее были отмечены находки спиральной расписной керамики, похожие на трипольскую керамику, а также славянская керамика и витые четверные браслеты, сербские печатные перстни с именами владельцев XIV–XV вв.⁸¹. В Загребском музее ученые увидели серебряную чашу московской работы 1558 г., которая является доказательством связей Руси с южными славянами. В Любляне наряду со всемирно известной коллекцией сосудов гальштатской культуры советские археологи обратили внимание и на славянскую керамику. После посещения Риеки и Задара участники экспедиции направились в Шибеник, который в средние века был «гнездом» славянских пиратов, хозяйничавших в Средиземном море. Особо отмечены портретные бюсты граждан Шибеника (всего 130) эпохи Возрождения. «Некоторые лица по своей энергии и значительности совершенно незабываемы»⁸². В Сплите особое впечатление произвел величественный дворец Диоклетиана и его мавзолей. В археологическом музее отмечены средневековые надписи хорватских князей по латыни (самая ранняя князя Трпимира 845 г.) и славянская кириллическая надпись князя Бречко XII в.⁸³. Сплит известен как археологический центр международного значения. И потому советские ученые не преминули познакомиться с директором Сплитского археологического музея, профессором Михаилом Абрамичем, крупным специалистом по античной археологии, а также с руководителем реставрационных работ во дворце Диоклетиана, молодым археологом Цветко Фисковичем, который во время войны был бойцом партизанского отряда⁸⁴.

Далее участники экспедиции посетили славянский средневековый город Трогир и направились, посетив живописные острова-города Хвар и Корчула, в Дубровник, эту республику «славянских мореплавателей, известных во всех морях, город академий, где

развивались в XVI–XVII вв. югославская поэзия и наука», город, который «прекрасно сохранил свой архитектурный облик». В ризнице дубровницкого собора они рассматривали византийские перегородчатые эмали, в археологическом музее — собрание гальштатских и римских древностей, особо отметив выставку посуды местной аптеки 1420 г. и эффектные красные шелковые мантии ректоров⁸⁵.

Из Дубровника советские ученые поездом прибыли в Сараево — столицу Боснии, известную по событию 1914 г. — убийству австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. «Мы посетили место, где стрелял Принцип; теперь там висит мраморная доска»⁸⁶. В Археологическом музее их внимание привлекли материалы известного энеолитического поселения Бутмир, близ Сараево, а из не изучавшихся еще славянских древностей — двуручные мечи, найденные в местных богомильских погребениях XIV–XV вв. Отмечено, что здесь в большинстве живут мусульмане, говорящие по-сербски⁸⁷. С 3 марта экспедиция находилась в Румынии и 9 марта вылетела в Москву.

А.В. Арциховский выразил надежду, что «поездка положит начало научному общению советских и балканских археологов»⁸⁸.

Экспедиция являлась первой в своем роде поездкой группы советских ученых на Балканы. Она безусловно способствовала расширению их научного и культурного кругозора. Впечатлениями делились с коллегами и студентами. Были установлены необходимые научные контакты. Неоднократно отмечалось, что язык не являлся препятствием к общению. Ученые быстро адаптировались и слушали доклады и выступления коллег на их родном языке, не нуждаясь в услугах переводчиков. С удовлетворением отмечалось также, что болгарские интеллигенты сносно объясняются по-русски, так как русский язык здесь преподавался непрерывно с 1878 г.: «Большинство наших болгарских знакомых отлично знают в подлиннике русскую классическую литературу и вообще нашу страну, но знают книжно. Никто из них никогда в России не был, но несмотря на это многие из них являются людьми русской культуры, и все мечтают побывать у нас, прежде всего в Москве. Симпатии к нашей стране за последние годы неизмеримо выросли»⁸⁹.

Примерно то же самое писалось и о Югославии: «Мы слышали во всех городах Югославии русские и югославские песни о России и Москве. Любовь югославского народа к русскому народу трудно передать словами. Русский язык югославские интеллигенты понимают, многие и сами говорят на нем. Здесь, как и в Болгарии, много людей, воспитанных на русской классической литературе. В России они тоже не бывали и тоже надеются побывать. Для нас сербохорватский язык оказался так же легок, как и болгарский, и мы слушали доклады наших коллег на родном языке. После войны русский язык введен во всех школах югославских республик в качестве обязательного предмета»⁹⁰.

Характеристика экспедиции советских ученых на Балканы была бы неполной без впечатлений, которые вынес из нее этнограф П.Г. Богатырев. В своем отчете об этой поездке, заслушанном на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 19 марта 1946 г., и в докладе «Балканская экспедиция Академии Наук СССР» — на совещании славистов в Ленинграде (16 июня 1946 г.)⁹¹, он сообщил, что задачами экспедиции с точки зрения этнографии и фольклористики являлось ознакомление с современным состоянием этих наук в Болгарии, Югославии и Румынии и выяснение возможности работы там советских ученых, а также установление научных контактов и выработка разных мероприятий для укрепления этих связей⁹². В Белграде после поездки по стра-

не этнографы сделали доклады в Обществе сотрудничества с СССР. «На наших докладах, — отмечал Богатырев, — присутствовало много профессоров во главе с президентом Сербской Академии наук А. Беличем»⁹³.

Поскольку С.А. Токарев был отозван из экспедиции на работу по определению триестской границы (в составе Межсоюзнической комиссии в Юлийской Крайне), вся полнота решения задач по сотрудничеству пала на самого П.Г. Богатырева. Он сообщил, что выступил там с 9 докладами (о современном состоянии советской фольклористики и о проблемах изучения народного театра у славян) и провел 7 совещаний с коллегами. Они рассказали о состоянии этнографии и фольклористики на Балканах, а он — в СССР. В личных беседах ученый пытался нащупать пути организации совместной работы. Примечательно, что П.Г. Богатырев говорил с коллегами о необходимости созыва съезда славянских фольклористов и совещания по изучению славянского эпоса и народного театра и нашел поддержку и сочувствие этой идее в предложении создать также новый съезд славянских этнографов и географов (два из них проводились в 1920-е гг.). Идея созыва съезда славянских фольклористов широко обсуждалась в сербской печати (газета «Политика» от 3 марта 1946 г.). С большим интересом было воспринято сообщение Богатырева о подготовке в Институте этнографии сборника «Славянский фольклор» со статьями на всех славянских языках⁹⁴.

Болгарские, югославские и румынские ученые говорили о необходимости посылки в Советский Союз молодых ученых, которые могли бы на месте ознакомиться с достижениями советской фольклористики и этнографии, пройти аспирантуру в СССР. В то же время с пониманием было воспринято предложение П.Г. Богатырева об организации аналогичных командировок советских специалистов в балканские страны для прочтения целых курсов и циклов лекций, о посылке экспедиций советских ученых на Балканы и проведении совместных этнографических и фольклорных экспедиций, в которых мог бы произойти обмен методическим опытом. Богатырев сообщил также, что всюду славянские ученые просили прислать новую советскую литературу по этнографии и фольклористике, для чего необходимо наладить книгообмен⁹⁵.

В своем отчете П.Г. Богатырев подробно рассказал о посещении этнографических музеев в Софии, Белграде, Загребе, Любляне, Сплите, Дубровнике, Бухаресте и др. городах и встречах с коллегами, а также о своих впечатлениях от участия в ряде народных праздников в провинции. Так, в Болгарии он присутствовал на народном празднике «Сурваки» в Васильев день 2 (14) января, наблюдал обряд Крещения в с. Панчево. «Бабий ден» (день повивальных бабок) отмечал в с. Бачково. Наблюдал обряды Власова дня, Масленицы, народных свадеб и пр.⁹⁶ После пересечения болгаро-сербской границы Богатырев видел, как «молодежь водила „коло“ и пела партизанские песни, высмеивавшие короля и восхвалявшие Тито»⁹⁷.

В Загребском университете ему показали этнографические фильмы о местных свадьбах и похоронах. В Сплитском этнографическом музее его директор Душан Станоевич продемонстрировал советскому ученому народные костюмы православных и католиков, отметив, что первые в условиях гнета хранили наряды бережнее, потому они и лучше сохранились. В Дубровнике в городском архиве Богатырев нашел два письма Петра I и одно — Екатерины II.

Ученый записал в Югославии интересный рождественский обычай «Бадан дан», согласно которому 6 (19) января сжигают специально подготовленный и освященный «бадняк» — кусок дерева. В с. Коновле и Врутаци он наблюдал католический обычай

«Красна слава», связанный с почитанием «Трех королей» (или волхвов, посетивших младенца Христа)⁹⁸. В целом П.Г. Богатырев выразил в своем отчете удовлетворение своей командировкой на Балканы и теплым приемом коллег. В дискуссии по докладу на Ученом совете в Институте этнографии АН СССР выступили М.О. Косвен и С.П. Толстов. Первый говорил не столько о докладе, сколько о необходимости организовать обучение славянским языкам для аспирантов-славистов Института. Последний комментировал ряд специальных вопросов, поднятых в докладе, и высказал несколько критических замечаний, найдя, в частности, что П.Г. Богатырев неясно определил задачи экспедиции. Он упрекнул ее организаторов также в том, что советские ученые не посетили Македонию и мало уделяли внимания вопросам антропологии⁹⁹.

Этнограф С.А. Токарев, хотя и не до конца участвовал в экспедиции на Балканы, но тоже оставил интересное описание своих впечатлений. С Богатыревым у них было некоторое разделение функций: Токарев наблюдал за явлениями материальной культуры, Богатырев — духовной и фольклора. Но на деле эти впечатления переплетались. И все же в отчете Токарева находятся интересные описания видов построек и их различий в разных областях Болгарии и Югославии, характерных особенностей национальной одежды, народной музыки. По-разному этнографы воспринимали новогодние обряды «Сурваки» (или «Сурвакаре») и ряженных «кукерей» — Васильев день («старый новый год»), наблюдаемый в с. Дивле в 70 км от Софии. Токарев пронизательно заметил, что обряд «Сурваки» — «чисто болгарский (сербы его не знают) — очень сложен по составу и происхождению. Здесь есть какой-то отдаленный пережиток древних мужских союзов: своеобразные корпорации молодых мужчин (женщины совершенно не участвуют, а женские роли исполняются парнями) под предводительством атамана, элементы соперничества между группами, маскировка, шуточное запугивание зрителей и требование выкупа и подарков, — все это представляется слабым отголоском организации и ритуала мужских союзов, хорошо известных в Океании или Западной Африке»¹⁰⁰. В отличие от обоих этнографов П.Н. Третьяков увидел в празднике «Сурвакаре», с одной стороны, нечто общее по содержанию с украинскими «колялками», с другой — «многочисленные черты какого-то древнего праздника встречи солнца: кульминационным пунктом праздника, продолжающегося всю ночь, является рассвет; костюмы участников («кукерей») украшены изображениями солнца и состоят из огромных масок и головных уборов, сделанных из шкурки различных птиц. Обряд «Сурвакаре» сохраняет явные черты родового праздника»¹⁰¹.

С.А. Токарев обратил внимание также на особенности таких национальных групп Болгарии, как русские липоване и турки. О первых он писал: «Липоване — русские старообрядцы-беглопоповцы — живут в небольших селах около Варны. Мы заехали в с. Казачья Махалá (или Казачье село) на берегу Варненского озера, осмотрели бегло постройки и внешнюю обстановку быта, поговорили с жителями. Они переселились сюда в самом начале XX в. из Добруджи, а из России выселились, по-видимому, еще при Петре I. Говорят чистым русским языком (без украинских элементов), но все хорошо говорят и по-болгарски. Дети учатся теперь в болгарских школах, но до последних лет школьное преподавание было свое, старообрядческое, по уставным книгам и на русском языке. Таким образом, население двуязычно, но смешанных браков с болгарями почти не бывает». Ученый охарактеризовал внешний облик и особенно постройки липован: «По внешнему облику — русские. Мужчины носят бороды. Национальной одежды не заметно. Постройки по внешнему виду напоминают украинские: глинобит-

ные, чисто побеленные домики, разбросанное положение жилых и хозяйственных построек на усадьбе; но в числе их есть баня с каменкой, как у великоруссов... „Красный угол“ с иконами против входа и стол в нем — тоже восточнославянская черта. Но на этом сходство с восточнославянским жилищем заканчивается, остальное ближе к балканским формам: печи нет, вместо нее „лежанка“, которую топят из „сенцов“. „Кухня“ с хлебной печью — отдельно, во дворе. В хозяйственном быту преобладает рыболовство (озерное), далее виноградарство и земледелие. Многие липоване стремятся к возвращению на родину».

Посему С.А. Токарев ставит вопрос о необходимости новой экспедиции по изучению быта липован: «Оторванные уже 200 лет от родины, липоване сохранили родной язык, многие элементы быта. Было бы интересно изучить их обычаи. Экспедиция к липованам — дело неотложное, ибо в ближайшее время вероятно их возвращение в СССР»¹⁰².

С.А. Токарев сделал интересные наблюдения о музыкальном народном творчестве болгар. «Встречающиеся в старой литературе утверждения о слабой музыкальности болгар (сравнительно с другими славянскими народами) глубоко ошибочны. Богатство музыкального творчества болгарского народа не подлежит сомнению. (Мои поверхностные впечатления подкреплены беседами с таким знатоком болгарской музыки, как Р. Кацарова.) Народные песни мы слышали постоянно, в особенности, на праздниках, на свадьбе. Характер их довольно разнообразен». Токарев отметил, что «восточный колорит» с «хроматическими ходами» встречается только в 10% болгарских песен. Остальные построены на «диатоническом звукоряде» и вполне славянские. Причем, как ни странно, «меньше всего этих „восточных“ черт в песнях попов и особенно помаков — болгар-мусульман, сохранивших, несмотря на религиозное ренегатство, много самобытных славянских особенностей. По словам Р. Кацаровой, в помакских песнях, да и вообще в песнях жителей Родоп немало черт, сходных с украинской народной музыкой»¹⁰³.

Близ Загреба вместе с директором тамошнего Этнографического музея М. Главацци советские этнографы осмотрели постройки, народные костюмы в с. Ябланица и Новаки, наблюдали местную крестьянскую свадьбу. Токарев отметил, что «в целом народная архитектура хорватского села близ Загреба сильно отличается от той, которая господствует на Балканском полуострове. Здесь налицо целый ряд элементов и терминов, чуждых Сербии и Болгарии: срубные постройки, двухскатная соломенная крыша, русская печь вместо очага, красный угол по диагонали от нее, термины „хижа“, „печь“, „трам“ и пр. Сходные явления есть и в Словении (см. работы А.Н. Харузина), дальше же на юг, за Саву, они не распространяются». Сравнение народной архитектуры болгар, сербов, хорватов и словенцев привело С.А. Токарева к интересному выводу: «Невольно напрашивается мысль о движении с севера на юг какой-то культурной волны, возможно связанной со вторжением славян: далее к югу, за Дунаем и Савой эта волна иссякла, и славянские пришельцы, продвинувшиеся далее всего на юг, предки болгар и сербов усвоили себе формы культуры, существовавшие там ранее (каменная архитектура домов с очагом и пр.). Предки же хорватов и словенцев, не принадлежавшие к этому авангарду цивилизации и менее продвинувшиеся на юг, удержали древнеславянские формы построек»¹⁰⁴.

Подводя итоги археолого-этнографической экспедиции на Балканы, ее руководитель П.Н. Третьяков с удовлетворением констатировал, что, во-первых, участники экспедиции

ознакомились со всеми основными археологическими и этнографическими собраниями и другими историческими памятниками Болгарии, Югославии и отчасти Румынии, подробно изучив материалы, относящиеся к древней и средневековой истории славянства. «Это дает возможность уже на данном этапе включить балканские материалы в орбиту нашей научно-исследовательской работы». Во-вторых, была изучена деятельность археологических, этнографических, а также исторических научно-исследовательских учреждений названных стран, установлен личный контакт с крупнейшими болгарскими, югославскими и отчасти румынскими исследователями — археологами и этнографами. Наконец, экспедиция широко осветила перед научными работниками и общественностью названных стран основные результаты работы советских археологов и этнографов в докладах и лекциях (прочитано около 40 докладов и лекций), в местной периодической печати, на совещаниях в музеях и научно-исследовательских институтах¹⁰⁵. В завершение своего сообщения П.Н. Третьяков справедливо поставил вопрос о необходимости налаживания книгообмена с балканскими странами и посылке туда советской специальной литературы, там совершенно неизвестной.

Таким образом, в совокупности археологические и этнографические наблюдения советских ученых в балканских странах, единственные в своем роде, дают интересную картину состояния в этой области знания, зафиксированную на 1946 год.

Поездка советских ученых в Болгарию, Югославию и Румынию была первой ласточкой в установлении тесных научных контактов, личных и между институтами, развивавшихся в последующие десятилетия. Немаловажно и то, что участники экспедиции познакомили с впечатлениями о ней советскую научную общественность в печати, в выступлениях на ученых советах институтов и вузов, несомненно, использовали свои наблюдения в лекционных курсах и пр. Балканская terra incognita в некотором смысле приоткрылась для советских славистов. (К сожалению, последующие идеологические кампании не способствовали быстрому разворачиванию и укреплению наметившихся научных связей советских и балканских ученых.) Остается сожалеть также, что подобная экспедиция не была организована в страны «народной демократии» Центральной Европы, их советские ученые «осваивали» в индивидуальных командировках (см. далее).

Репарации и «возвращение» РЗИА. В 1946 г. произошли еще два знаменательных события в плане международных связей советских славистов, может быть не вполне позитивного плана, но хорошо отражающие послевоенную обстановку и настроения победителей.

После окончания войны встал вопрос о **репарациях со стороны Германии**. Было решено послать туда несколько экспедиций, чтобы выявить книги и научное оборудование для последующего использования в учреждениях советской Академии наук. Этот вопрос обсуждался на распорядительном заседании Президиума АН СССР 31 января 1946 г. Здесь говорилось о создании целой сети групп научных сотрудников (по энергетике, ботанике, биологии, физике, автоматике-телемеханике), библиотечных работников и прочих для посылки в Восточную Германию с целью сбора трофейных материалов. Постановили ходатайствовать о том, чтобы «Академии наук было предоставлено право на изъятие и вывоз книжных фондов, в особенности тех, которые могли бы идти для компенсации того ущерба, который нанесли нам немецкие оккупанты»¹⁰⁶. При этом указывалось, чтобы на практике у немецких книготорговых фирм книги не просто отбирались, а за них платили наличными деньгами (марками)¹⁰⁷. В плане по-

добного же обеспечения институтов гуманитарного профиля по постановлению ЦК ВКП(б) за подписью И.В. Сталина была организована Комиссия по отбору в германских библиотеках и архивах книг и материалов по славяноведению в составе В.И. Пичеты (зав. Сектором славяноведения в Институте истории АН СССР), В.Т. Дитякина (ученый секретарь Славянской комиссии АН СССР) и Н.С. Филиппчука (член Всеславянского комитета в Москве), которая посылалась в советскую зону оккупации Германии. Об этой секретной миссии, которая никак не афишировалась, сохранился интересный документ — откровенное письмо В.Т. Дитякина академику Н.С. Державину от 25 октября 1946 г., где говорилось, в частности: «Выехали мы 23/VII с.г. и приехали обратно 27/VIII с.г. Посетили Берлин, где пробыли 2 недели, затем Дрезден, Бауцен, Лейпциг, Галле, Веймер, Йену и еще некоторые мелкие города. В общем, выбрали до 20 тыс. книг; архивных материалов мало, они заключены в соляных шахтах и работать там долго очень трудно. Работали много и напряженно, в общем, довольно дружно, но могли бы, конечно, сделать больше и лучше при другом руководителе. Встретили нас и всюду принимали исключительно хорошо, кормили по-генеральски, был у нас автотранспорт, прекрасные жилища. Отобранные книги в большинстве своем просто неизвестны у нас — издания 1915–[19]45 гг., есть очень много в том или ином отношении интересных. Большая часть по вопросам истории и международной политики. По филологии совсем мало, так как Пичета не решился тронуть Институт Фасмера. Бывали у лужичан и поморян, [видели], как они живут»¹⁰⁸.

В.Т. Дитякин предполагал, что под руководством Н.С. Державина члены Комиссии «сделали бы во много раз больше», но именно благодаря взвешенной позиции В.И. Пичеты немецкие культурные ценности были сохранены и Институт известного лексикографа-русиста М. Фасмера не пострадал. В СССР же отобранные книги на долгие годы попали в спецхраны центральных библиотек и читатели к ним доступа не имели.

На упомянутом выше заседании Президиума АН СССР от 31 января 1946 г. был заслушан также отчет генерал-майора И.И. Никитинского «О результатах работы **Комиссии по принятию Русского заграничного исторического архива**». Предыстория этого вопроса, которая имеет много примечательного в плане развития тогдашних научных и культурных связей с Чехословакией, такова. Этот архив первой волны русской эмиграции, обосновавшейся в Праге, был образован постановлением Земгора (Объединения российских земских и городских деятелей) от 17 и 19 февраля 1923 г. как учреждение при культурно-просветительном отделе пражского Земгора в составе его библиотеки. В октябре 1924 г. постановление об архиве утвердили на общем собрании Земгора, и он получил название Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Руководящим органом архива являлся Совет, в который входили в разные годы многие историки и общественные деятели из России: А.А. Кизеветтер (председатель Совета и Ученой комиссии), Е.Ф. Шмурло, академик П.Б. Струве, В.А. Мякотин, А.В. Флоровский, С.В. Завадский, П.Н. Милюков, генерал В.В. Чернавин, Н.И. Астров, В.Г. Архангельский, князь П.Д. Долгоруков, Л.В. Бурцев, представитель МИД ЧСР, историк Ян Славик и др.¹⁰⁹. Актом от 31 марта 1928 г. архив был передан под юрисдикцию Министерства иностранных дел ЧСР. Новое положение об архиве вступило в силу только 1 января 1935 г. С этого времени РЗИА потерял самостоятельность в решении финансовых и кадровых проблем, а также вопросов, касающихся допуска исследователей к документам. После оккупации немецкими фашистами Чехословакии 22 марта

1939 г. архив был передан в ведение протекторатного МВД. Произошла смена руководства архива. Возглавлявший его до этого чешский историк и публицист Я. Славик в прощальном слове к сотрудникам сказал: «Когда наступит время, все собранные в фондах архива богатства поступят в Россию и в этом будет заслуга ЧСР перед русским народом»¹¹⁰. Его слова оказались пророческими. После окончания войны 13 июня 1945 г. правительство возрожденной Чехословакии приняло решение о передаче РЗИА в Праге Академии наук СССР. Это стало поистине царским подарком к торжествам по случаю 220-летия последней в июне–июле 1945 г. В Москву на это празднование была послана делегация чехословацких ученых во главе в министром школ и народного просвещения ЧСР З. Неедлы, который в одном из выступлений публично сообщил о передаче Пражского архива в дар советской Академии наук¹¹¹.

По постановлению СНК СССР от 27 октября 1945 г. в Чехословакию направили Комиссию для приема РЗИА в составе ее руководителя И.И. Никитинского (начальника ГАУ НКВД), а также членов-корреспондентов АН СССР С.К. Богоявленского и И.И. Минца и доцента, впоследствии сотрудника Института Маркса–Энгельса–Ленина С.Б. Сутоцкого.

Отчет об этой миссии весьма примечателен для характеристики тогдашних советско-чехословацких отношений. В Праге комиссию ожидал самый теплый прием на достаточно высоком уровне — у министра школ и народного просвещения З. Неедлы, которому было передано благодарственное письмо президента АН СССР, а также у премьер-министра ЧСР З. Фирлингера. Комиссии создали все условия для ознакомления с архивом и подготовки к его упаковке, к которой привлекались бывшие сотрудники РЗИА А.Ф. Изюмов и Д.И. Мейснер. Следует отметить, что члены Комиссии, несмотря на тогдашнее неприятие «белогвардейщины», быстро определили чрезвычайную историческую ценность передаваемого в СССР архива*. «Основную массу документов архива, — указывал И.И. Никитинский, — составляют материалы, относящиеся к 1917–1921 гг., т. е. периоду Великой Октябрьской социалистической революции в России. Материалы в первую очередь относятся к истории Гражданской войны, в частности, очень большое количество документов относится к армии Деникина и казачьему Войску Донскому и другим белогвардейским формированиям, существовавшим в период Гражданской войны». Руководитель Комиссии отметил среди материалов архива очень большое количество протоколов правительства Деникина, Врангеля и по отдельным войсковым частям. Очень ценная часть архива, по его справедливому мнению, — это мемуарный фонд, который составляют личные воспоминания Деникина, Алексева, дневники и воспоминания участников кронштатского восстания, участников похода Врангеля и т. д. «Всего в мемуарном фонде имеется более 1200 экземпляров

* В частности, И.И. Минц в своем выступлении по докладу И.И. Никитинского заявил: «Как известно, у нас в стране была создана Политбюро редакция по изданию национальной истории Советской власти, истории революции и Гражданской войны под руководством членов главной редакции — Сталина, Молотова, Ворошилова и Жданова; в редакцию входил покойный Горький. Когда была создана эта редакция, тов. Сталин дал такое указание: не торопитесь с изданием, материалов у нас немного, сделайте книгу так, чтобы её не опрокидывал первый попавшийся белогвардеец или первая книга, вышедшая за границей. Поэтому мы издали только I и II том, а дальше ничего не могли сделать — у нас не хватало материалов по 1918 году. Сейчас мы имеем возможность продолжить эту большую работу по составлению нашей национальной истории». И далее И.И. Минц поставил вопрос о необходимости приобретения эмигрантских архивов по крайней мере в Софии и Белграде (АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 68).

мемуаров, написанных в основном белогвардейскими элементами, которые в период пребывания в эмиграции все время писали свои воспоминания по документам и личным впечатлениям»¹¹².

И.И. Никитинский отметил также, что во второй части архива представлены материалы, характеризующие «белоэмигрантское движение на Северо-западе России, в Прибалтике, Белоруссии и частично в Западной Украине. Здесь имеются очень большие коллекции, в частности, материалы Савинкова». Кроме того, он указал на наличие большого количества личных фондов 1918–1938 гг. и в первую очередь материалы генерала А.А. Брусилова (воспоминания и переписка). Руководитель комиссии не мог не посетовать, что в архиве находится сравнительно мало материалов по «дореволюционной эмиграции различных направлений, в том числе и социал-демократического»¹¹³.

Генерал-майор НКВД не скрыл от академиков, что личные фонды сдавались на хранение в архив с завещаниями: «Передать в Россию после свержения Советской власти» или «по установлении в России законного правопорядка». Он упомянул о том, что «эти материалы попали к нам в ином порядке», и о своем распоряжении упаковать и доставить их в СССР в первую очередь¹¹⁴. Материалы документального фонда РЗИА заняли свыше 400 больших ящиков¹¹⁵.

После официальных переговоров с членами правительства ЧСР, в ведении которого находился архив, Комиссии удалось добавить к указанному фонду книги на разных европейских языках, которые освещают историю Гражданской войны в России, но только те, которые восполняют книжные фонды, отсутствующие в СССР. Таких книг набралось 5 тысяч томов, большинство из которых представляли библиографическую редкость¹¹⁶.

После особых переговоров с членами Чехословацкого правительства Комиссия смогла убедить их передать в СССР и значительную часть уникального газетного фонда РЗИА, в составе нескольких тысяч комплектов. «Среди них газеты русской белогвардейской эмиграции, издававшиеся во всех европейских странах, в США, в Африке и на Дальнем Востоке и не имеющиеся в советских книгохранилищах»¹¹⁷.

Однако этим сбор коллекций архивных материалов в ЧСР не ограничился. В Национальном музее Праги размещались большие собрания реликвий войска Донского (знамена, оружие, коллекция монет и т. д.), сданные туда на хранение атаманом Богаевским и другими белогвардейскими генералами. Они также ввиду большой исторической ценности были переданы Комиссии и отправлены в СССР¹¹⁸.

Наконец, Комиссия приняла и послала в Москву фонды существовавшего в Збраславе Русского культурно-исторического музея, содержавшего документы и материалы, характеризующие деятельность многих известных русских художников, писателей, артистов — А.Н. Бенуа, К.А. Коровина, И.А. Бунина, А.И. Куприна, Ф.И. Шаляпина и др. Среди материалов Музея имелась ценная этнографическая коллекция, привезенная в Прагу из Центральной Африки, а также книги, рукописи, письма и редкий портрет А.А. Брусилова, написанный на фронте в 1916 г. художником Киселевым¹¹⁹. Все эти реликвии «любезно предложил» отправить в СССР хранитель музея, писатель В.Ф. Булгаков, бывший секретарь Л.Н. Толстого¹²⁰. К слову сказать, в конце 1945 г. он предложил советским дипломатам передать как «национальное достояние России» лучшие картины Музея (всего 51) в Третьяковскую галерею. 15 картин Н. Рериха предназначались для специального музея его имени в Москве¹²¹.

Помимо этого вдова генерала А.А. Брусилова Н. Брусилова-Желиховская передала Комиссии коллекцию материалов своего мужа. Была разыскана и присоединена к фон-

дам РЗИА часть документов члена-корреспондента Российской академии наук в Риме, историка Е.Ф. Шмурло, найденных на чердаке бывшего Института Гейдриха и пр.¹²².

6 декабря 1945 г. премьер-министр Чехословакии З. Фирлингер вручил членам Комиссии государственный акт о передаче РЗИА в дар АН СССР. Уже 13 декабря погрузка 650 ящиков с документами, журналами, книгами и пр. была завершена, и военный транспорт под охраной особой команды НКВД в составе, по одним данным 9¹²³, по другим — 11¹²⁴ вагонов, отправлен в Москву. После прибытия туда 25 декабря 1945 г. Комиссия в отчете президенту АН СССР С.И. Вавилову не могла не отметить, что «дар Чехословацкой республики превзошел все наши ожидания как по количеству материалов, так и по их содержанию»¹²⁵.

Дальнейшая судьба архива вкратце такова. После прибытия в Москву 3 января 1946 г. документов РЗИА из Праги Президиум АН СССР, желая сохранить архив в целостном виде и учитывая особые условия его хранения, передал его для размещения в ЦГАОР СССР. Здесь было сосредоточено свыше 350 тыс. единиц хранения и 250 кг россыпи. НКВД, в свою очередь, распорядился строго ограничить допуск исследователей к материалам архива, ввиду их «белоэмигрантского» и «антисоветского» характера. За годы хранения в ЦГАОР СССР часть материалов РЗИА была передана в другие архивы. Здесь осталось 98 тысяч из поступивших в 1946 г. 350 тысяч дел. Только в период перестройки в марте 1987 г. фонды РЗИА были рассекречены и переведены в открытое хранение. В 1989 г. они выделены в специальное хранилище коллекций белогвардейских и белоэмигрантских фондов¹²⁶. Ныне эти материалы доступны для специалистов. Их содержание отражено во внушительном межархивном путеводителе «Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге» (М., 1999).

Таким образом, в обстановке послевоенной эйфории и возросших симпатий к СССР Комиссии удалось не только получить материалы РЗИА — бесценный дар АН СССР, но и значительно пополнить собрание другими коллекциями, которые бывшие эмигранты предлагали сами. Чешская пресса откликнулась на акт передачи архива рядом весьма «положительных и дружелюбных» статей, и только бывший директор РЗИА Ян Славик в газете «Народное освобождение» от 1 декабря 1945 г. осмелился выступить против передачи архива АН СССР¹²⁷, справедливо полагая, что в тогдашних условиях архив в СССР надолго будет закрыт для исследователей.

Помимо решения своей главной задачи Комиссия «провела серьезную работу по установлению научных связей с учеными и научными учреждениями Праги»¹²⁸, выполняла в Чехословакии важную миссию в деле налаживания и укрепления советско-чехословацких отношений. Для чешской стороны работа Комиссии стала нерядовым событием. В честь ее пребывания в ЧСР 3 декабря 1945 г. премьер-министр З. Фирлингер устроил специальный прием с участием членов правительства и ученых города Праги. В ответ советский посол в Чехословакии В.А. Зорин, весьма способствующий работе Комиссии, также организовал прием, на котором премьер-министр Фирлингер выступил с речью «о значении дружбы между Советским Союзом и Чехословакией и особо подчеркнул роль, которую должен сыграть в укреплении этой дружбы дар правительства Чехословацкой республики». С ответными речами выступили руководитель делегации генерал-майор И.И. Никитинский и член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский¹²⁹.

Члены Комиссии неоднократно приглашались в Пражский университет. В частности, по просьбе профессоров университета, желавших ознакомиться с основами

марксистской методологии, специалист по истории Гражданской войны И.И. Минц прочел лекцию «Методология истории Советского Союза». Состоялось также несколько публичных лекций. С.К. Богоявленский сделал в университете доклад «Москва 300 лет назад», С.Б. Сутоцкий выступил на тему «Ленин в Праге», И.И. Минц — «Оборона Москвы в 1941 г.», кроме того последний прочитал две лекции по истории советской дипломатии для советской колонии в Праге. Руководитель Комиссии, генерал-майор И.И. Никитинский провел беседу с работниками пражских архивов об архивном фонде Советского Союза. В докладной записке С.И. Вавилову от 30 декабря 1945 г. указывалось, что «выступления членов Комиссии АН СССР собрали значительную аудиторию, имели большой успех и были широко освещены в чехословацкой прессе»¹³⁰.

Весьма примечательно, что лекции и доклады советских ученых вызывали оживленное обсуждение и многочисленные вопросы. Для нас особое значение имеет тот факт, что чешская ученая аудитория очень интересовалась вопросами развития славяноведения. А.А. Никитинский докладывал на заседании Президиума АН СССР 31 января 1946 г.: «Нас просили поставить этот вопрос в Академии наук с тем, чтобы его двинуть более энергично. Некоторые чехословацкие ученые — правда, они по своему весу очень незначительны — поставили вопрос о создании там университета славяноведения. Наконец, они проявили инициативу созыва специального съезда по изучению истории славянства. Мы высказали мнение, что примем в нем участие, однако считаем, что центром славяноведения должна быть Москва, а не Прага — там и ученых мало, у нас ученых больше, и инициатива исходит из Москвы»¹³¹. А.А. Никитинский даже предложил «поручить Институту истории АН СССР рассмотреть предложение чехословацких ученых об улучшении изучения истории славянства». На что президент Академии С.И. Вавилов резонно заметил: «В связи с этим вопросом не стоит принимать такое постановление. Это очень актуальный вопрос, и он совершенно не забыт Академией наук. Здесь есть трудности. Уже давно стоит вопрос об организации Института славяноведения в Академии наук. Он сейчас согласовывается в руководящих органах»¹³².

Не исключено, что результатом этого совещания стала поспешная организация упомянутого выше международного совещания славистов в Ленинграде летом 1946 г. и подготовка первого послевоенного съезда славистов в Москве, проведение которого планировалось в 1948 г. Таким способом утверждался приоритет советского славяноведения перед Прагой и другими центрами славяноведения в Европе.

* * *

Важное значение указанного совещания Президиума АН СССР заключалось и в том, что здесь был поставлен вопрос о международном обмене учеными, хотя бы на примере СССР и Чехословакии. И.И. Минц говорил о необходимости «посылки молодых славистов наших в Чехословакию и приема чешских ученых в Москве»¹³³. И такие командировки, правда, не начинающих, а вполне зрелых ученых (историков А.Л. Сидорова, И.И. Удальцова, литературоведа А.М. Еголина и др.) действительно скоро состоялись.

Сразу после Победы с 19 мая по 19 июня 1945 г. совершилась **поездка делегации советских ученых и артистов в Румынию и Чехословакию**. В ее состав входили академик Цицин, Опарин, Еголин, певцы Козловский, Пантофель-Нечецкая, балерина Головнина, артисты Габович, Галецкая, Катон, Погребов. Возглавлял ее зам. председателя ВОКСа Карагалов. Она носила ознакомительный характер и имела целью налажи-

вание культурных связей со странами «новой демократии». Первые 20 дней посланцы СССР провели в Румынии, а последние 9 дней (с 10 по 19 июня) — в Чехословакии. В Румынии они участвовали в конгрессе румыно-советской дружбы (20–23 мая).

В этой связи интересен обнаруженный нами отчет А.М. Еголина в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. А.М. Еголин, видный советский литературовед, профессор и зав. кафедрой в МИФЛИ (1937–1941), старый партиец, академик АПН РСФСР (1945), был в то время зам. начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Он внимательно наблюдал за состоянием умов интеллигенции в освобожденной Чехословакии и изложил интересные выводы в обязательном отчете. Прежде всего он отметил, что «советские ученые и артисты неизменно встречали восторженный прием, как в Румынии, так и в Праге»¹³⁴. В чешской столице советских ученых радушно приняли министры З. Неедлы и В. Копецкий, несмотря на занятость и озабоченность размещением правительственных учреждений, только после 9 мая вернувшихся в Прагу. «На улицах мы видели, — писал Еголин, — остатки баррикад, свидетельствовавших о недавних боях в Праге, кое-где еще вылавливали отсиживавшихся в подвалах немцев. Внешне Прага осталась тем же, что была раньше: старейшим европейским городом и центром культуры западных славян»¹³⁵. От него не укрылся тот факт, что население испытывает большие трудности в снабжении предметами первой необходимости. «Не мало за 6 лет оккупации погибло чехов. И тем не менее мы встречали в Праге всюду людей улыбающихся, с сияющими лицами. Они понимают, что кошмар прошлого исчез навсегда благодаря Красной Армии, освободившей чешский народ из немецкой власти»¹³⁶.

Радушный прием ждал А.М. Еголина и в Пражском университете. Декан философского факультета Ян Рипка «из двукратного моего посещения университета сделал целое событие. Он организовал профессиуру и студенчество вокруг моих лекций. Выступая с лекцией „Освободительные традиции русской литературы“, я никак не предполагал, что возобновляю занятия в Пражском университете после шестилетнего его закрытия. Как заявили декан, профессор Ян Рибка и представители студенчества в речах, обращенных ко мне, „немцы закрыли Пражский университет, а русский профессор его открыл“». Московский профессор с удовлетворением отметил, что устроенная ему «овация после лекции вылилась в чествование советской науки, великих достижений нашей культуры». Не укрылось от него, что ярко выраженное тогда у чешской общественности «желание установить прочную связь с русской наукой у чешских деятелей, по-видимому, является прочным убеждением. Ректор университета, ряд профессоров, министры Копецкий и Неедлы, наконец, президент Бенеш приглашали меня приехать в Прагу и прочитать в течение семестра курсы истории русской и современной советской литературы. Я обещал помочь найти в Москве 1–2 профессоров для отправки в Прагу на несколько месяцев»¹³⁷.

А.М. Еголин не преминул отметить и такой характерный факт интереса чешских студентов к русской культуре. В Пражском университете тогда возобновилась запись на отделения. «Оказалось, что на изучение русского языка и литературы записалось 1560 студентов, в то время как на отделение французского языка и литературы и английского языка и литературы записалось всего по несколько человек. (Немецкий университет в Праге закрыт.) Больше, чем на русское отделение, записалось только на отделение чешской литературы и языка — 1800 студентов»¹³⁸.

А.М. Еголин зафиксировал огромный интерес к русской культуре в разных слоях чешской интеллигенции. Он отметил, что «министр Неедлы своим приказом по ми-

нистерству просвещения ввел русский язык как обязательный предмет преподавания в начальных и средних школах. В Праге очень многие знают русский язык. Руководящие деятели государства — Бенеш, Фирлингер, ряд министров свободно говорят по-русски. Лекции в университете, в городской публичной библиотеке для интеллигенции Праги, доклад на общем собрании писателей и журналистов я читал на русском языке... Все русское, советское, пользуется необыкновенной популярностью в Праге»¹³⁹.

14 июня 1945 г. А.М. Еголин присутствовал на чествовании профессора Альберта Пражака по случаю его 65-летия в Пражском университете. Он писал: «Альберт Пражак — профессор чешской литературы, известный и уважаемый в Чехословакии ученый, возглавил партизанское движение в стране, был председателем Совета по руководству восстанием в Праге в майские дни. Как историк русской литературы, я пришел приветствовать коллегу». Ученый точно передал тогдашнюю атмосферу восторженно-го отношения ко всему советскому, господствующую в чешском обществе: «Когда я вошел в зал и обо мне сказали, что я советский ученый из Москвы, все встали, усадили меня под красными знаменами СССР, а юбиляр подошел ко мне и крепко поцеловал. В своем приветственном слове я употребил слова — „приветствую славного юбиляра как гражданин СССР“, все присутствующие прервали меня, устроили овацию и долго не давали мне закончить речь. По окончании речи Альберт Пражак передал мне подаренный ему букет роз, сказав, что это знак выражения любви к „советскому господину“»¹⁴⁰. Думается, что Еголин не лукавил, замечая только положительные моменты в отношении тогдашнего чешского общества в эйфории Победы и освобождения к СССР и русской культуре. Во всяком случае он не отметил оппозиции и антисоветских настроений, о которых был обязан информировать в первую очередь.

В отчете А.М. Еголина ни слова не сказано о российских эмигрантах, проживавших в Праге. По-видимому, он с ними не встречался, они не присутствовали или никак не проявили себя на его выступлениях. Зато его интересовал вопрос о чешском коллаборационизме. Он с удовлетворением писал в отчете: «Как вели себя чехи ученые при оккупации? В большинстве честно и мужественно. Ректор университета сидел в тюрьме, находился в лагере Терезин, доцент, доктор Гейденрейх (Ю. Доланский) был брошен в лагерь, профессор Ян Рипка замкнуто работал дома, жил впроголодь, профессор Горак тоже работал дома, даже не ходил в библиотеки г. Праги, директор публичной городской библиотеки жил в родной деревне, занимался сельским хозяйством и т.д.». Изменников Родины из среды профессоров Пражского университета, работавших с немцами, было 2–3 человека. Когда на учительской конференции зачитывали список погибших профессоров и учителей в борьбе с немцами, я заметил, что этот список довольно велик¹⁴¹. По наблюдению А.М. Еголина, в чешском обществе тогда ярко проявлялась «вековая» ненависть к немецким оккупантам, объединявшая все слои общества. Он отмечал: «Из частных бесед с чехами, из официальных выступлений чехословацких деятелей на приемах можно было убедиться, как чехи люто ненавидят немцев. И эта ненависть родилась не только в последние 6 лет оккупации, вся история многострадального чешского народа говорит о непрекращающейся многовековой борьбе чехов с немцами». Эта ненависть в то время спланивала и коммунистов и «буржуазных» политиков. Во всяком случае они консолидированно участвовали в поминовении уничтоженных фашистами сограждан. Это единение наблюдал Еголин: «В воскресенье, 10 июня, 500 тысяч чехов, во главе с Бенешем и правительством, прибыли на место сожженной деревни Лидице, где произносились клятвы в великой ненависти к немцам и

слова благодарности Красной Армии и маршалу Сталину за избавление Чехословакии от ненавистных оккупантов»¹⁴².

Таким образом, сведения о «послепобедных» умонастроениях чешской интеллигенции становились известными советскому руководству. Данное время было весьма благоприятным для налаживания двусторонних научных связей, однако эта ситуация далеко не в полной мере использовалась.

С 22 октября 1946 г. по 17 февраля 1947 г. проходила **командировка** в Чехословакию историка **А.Л. Сидорова**, крупного специалиста по истории СССР, зам. директора Института истории АН СССР, профессора МГУ. Если Еголин попал в Чехословакию в самом начале сложного периода общественного перелома, начавшегося после освобождения ЧСР в мае 1945 г. Красной Армией, то Сидоров наблюдал жизнь чешского общества позднее, в период борьбы в нем сторонников прозападной и просоветской ориентации, завершившейся Февральским переворотом 1948 г. в пользу коммунистов.

Подробные отчеты А.Л. Сидорова о командировке в руководящие инстанции являются ценным свидетельством очевидца о реалиях «новой демократии» в ЧСР, о настроениях, царящих в разных кругах чешской и словацкой интеллигенции и русской эмиграции, о борьбе за ориентацию ЧСР на Запад или Восток между СССР и некоторыми европейскими державами, об экономическом положении страны и происходящих там реформах, о политических партиях и их влиянии на общество, о депортации немцев из страны и пр. Разумеется, он всё оценивал с точки зрения реализации возможностей ускорения движения ЧСР по пути к социализму и переориентации чехословацкого общества на Советский Союз. В этом смысле он ощущал себя полпредом в ознакомлении чешской и словацкой интеллигенции с достижениями СССР как державы с передовым общественным строем.

На философском факультете Пражского университета советский историк прочитал курс лекций по новой истории СССР с середины XIX в. до 1917 г. А.Л. Сидоров отметил: «Курс был открыт в торжественной обстановке вступительной лекцией о советской исторической науке. Ежедневно читалось по 5 часов. Два раза в неделю я читал двухчасовые лекции (которых вообще чешские профессора не читают) и один раз часовые». Для студентов, проявивших особый интерес к русской истории, ученый провел специальный семинар «Революция 1905–1907 гг. в России», в котором занималось 17–18 студентов и выпускников. Здесь на еженедельных двухчасовых занятиях прорабатывались указанные руководителем документы, заслушивались доклады. В последние две недели перед отъездом советского историка занятия участились до трех раз в неделю, чтобы заслушать все подготовленные доклады¹⁴³.

Следует отметить, что до А.Л. Сидорова отдельного курса по истории России здесь вообще не читалось. Он выступил пионером в этой области. Успех лекций советского ученого побудил руководство Пражского университета принять решение о привлечении двух профессоров для чтения лекций по истории России, а именно профессора А.В. Флоровского, крупного слависта (из русских эмигрантов, получившего советское гражданство), для освещения древней истории России и доктора В. Жачека, начинающего специалиста — читать лекции по истории России XIX–XX вв. В отношении последнего А.Л. Сидоров в отчете министру высшего образования СССР С.В. Кафтанову от 21 февраля 1947 г. высказал пожелание о необходимости его стажировки в МГУ¹⁴⁴.

Кроме того, по предложению советского посольства, ряда научных и общественных организаций А.Л. Сидоров прочитал большое количество публичных лекций и

докладов, проявив широту эрудиции и ощущая себя полпредом советской науки. Так, в советской образцовой гимназии (при посольстве) он выступил с лекцией о революции 1905 г. в России, о ее участии в Первой мировой войне и др. Интерес к ним был столь велик, что они собрали аудиторию в 300, а затем и в 600 человек, среди которых кроме советских граждан были чехи, в том числе и чиновники министерств¹⁴⁵.

В Обществе культурной связи с СССР с успехом прошли его доклады: «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и «Роль России в Первой мировой войне». В Ориентальном (Восточном) институте историк осветил тему о внешней политике России на Дальнем Востоке в начале XX в. Он читал доклады также и в Социалистической академии. Не боялся выступать и перед широкой студенческой аудиторией. В Чешском дискуссионном студенческом клубе рассказал о советской системе высшего образования, в аналогичном Русском — о И.В. Сталине (в связи с годовщиной его рождения)¹⁴⁶.

В своих лекциях и докладах А.Л. Сидоров никогда не выходил за рамки дозволенного советской идеологией и потому мог с гордостью отметить, что «все публичные выступления, проводившиеся под контролем Советского посольства, позволю утверждать, — прошли с большим научным и политическим успехом»¹⁴⁷.

А.Л. Сидоров ознакомился также и доложил С.В. Кафтанову об особенностях системы народного образования в ЧСР, о работе университетской библиотеки в Праге и пр. Весьма полезным с точки зрения развития славистических связей стало общение ученого с руководством Славянского института в Праге в лице директора, профессора, антифашиста А. Пражака и ученого секретаря, профессора Т. Сатурника. Советский историк сообщил, что Институт поддерживает оживленные связи с учеными славянских стран. Только во время его пребывания в ЧСР в нем выступали с докладами президент Сербской Академии наук А. Белич, ректор Краковского университета Т. Лер-Сплавинский, проректор Люблянского университета М. Кос и др. В то же время советские ученые не посещают Института, даже те, которые избраны его почетными членами. Среди них: академики И.Э. Грабарь, Б.М. Ляпунов, Н.С. Державин, В.И. Пичета, А.Е. Крымский, Л.В. Щерба, член-корреспондент Д.К. Зеленин и др. Особенно настоятельно говорилось о необходимости обещанного приезда в Прагу Н.К. Гудзия и В.И. Пичеты, что так и не было реализовано¹⁴⁸. Большой интерес представляет подробная историческая справка о работе Славянского института, приведенная в указанном отчете и в выступлении на Ученом совете Института истории АН СССР 3 марта 1947 г.¹⁴⁹ Сидоров рассказал о предыстории создания Института, его руководстве, секциях и основных научных изданиях, а также ближайших планах работы. Вывод его был однозначным: «Советским историкам и славистам необходимо установить более тесные научные отношения со Славянским институтом в Праге, а также установить регулярный обмен научными изданиями. Со стороны руководителя Славянского института высказывались пожелания о личном приезде советских ученых в Институт с научными докладами»¹⁵⁰.

По настоянию советского посольства А.Л. Сидоров выезжал и в столицу Словакии Братиславу, где на философском факультете местного университета прочитал пять лекций и снова с большим успехом. От его наблюдательности не укрылось, что после окончания войны и восстановления Чехословакии «словаки очень ревниво относятся к охране своего национального достоинства и требуют к себе особого внимания»¹⁵¹. Он отметил, что философский факультет, идя в ногу со временем, вновь открыл русское отделение. «Прогрессивные элементы на факультете группируются вокруг профессоров

(бывших русских) Перфецкого и Исаченко. Во главе народного образования Словакии стоит коммунист, крупнейший поэт, покровительствующий русскому отделению» Лацо Новомеский, тем не менее в университете преподают (с понижением в должности) «фашистские профессора». Его порадовало, что студенты русского отделения «прекрасно говорят по-русски, хорошо знают русскую литературу»¹⁵². Советский историк с удовлетворением отметил, что в Братиславе организуется Академия наук по типу советской. В существующих институтах истории, этнографии, языка он провел беседу с их научными сотрудниками о работе АН СССР и ее трудах в области общественных наук¹⁵³.

Во время поездки в Словакию А.Л. Сидорову удалось ознакомиться с важной находкой российского эмигранта, известного лингвиста А.В. Исаченко (и его ассистента Я. Ференчика). Мечтая вернуться на родину, он предоставил А.Л. Сидорову интересную информацию и показал находящиеся во владении Русского семинара факультета ценные документы, альбомы и портреты пушкинской эпохи (А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и пр.), обнаруженные в 1946 г. при обследовании библиотеки и архива имения в Бродзянах (Словакия), где проживала сестра жены поэта, баронесса А.Н. Фризенгоф. А.Л. Сидоров сразу же не преминул поставить вопрос перед советским послом в ЧСР В.А. Зоринным и министром Л. Новомеским «о передаче ценнейших материалов советскому правительству». На что словацкий министр ответил, что «он рассматривает эту находку как дар словацкого правительства»¹⁵⁴. Докладная записка о бродзянской находке, составленная Я. Ференчиком и А.В. Исаченко, была передана министру высшего образования С.В. Кафтанову¹⁵⁵. Но щедрый дар от Словакии, подобный материалам РЗИА от Чехии, так и не был преподнесен.

Обращает внимание то, что А.Л. Сидоров одним из первых советских ученых не только не старался избегать встреч с российскими эмигрантами, но и сам охотно шел на контакт с ними. В этом проявилось веяние времени, когда в СССР после войны поощрялось содействие возвращению эмигрантов на родину (правда, не всегда с благоприятными последствиями для их дальнейшей судьбы). Однако, судя по отчету, советский историк не получал каких-то особых инструкций по этому поводу и во многом сам проявлял инициативу, консультируясь, разумеется, с советским посольством в ЧСР. Он откровенно говорил коллегам на Ученом совете в Институте истории АН СССР, что перед поездкой в Чехословакию очень неясно представлял себе положение и настроения эмиграции в этой стране. Он знал, например, что в Праге существовал «эмигрантский университет» (Русский свободный университет. — М.Д.), что здесь «белые эмигранты враждебно настроены к советскому Союзу», но тем не менее «пошел к эмигрантам»¹⁵⁶. А.Л. Сидоров сообщил, что он несколько раз выступал перед эмигрантской аудиторией. Для членов Общества Максима Горького и Союза «Советская Родина» в большом зале Городской библиотеки он прочел доклад о Сталинской конституции (в связи с ее 10-летием) в присутствии примерно 700 человек¹⁵⁷ (он ошибочно полагал, что здесь собралась — «вся эмиграция»). Ученый подчеркнул, что среди них были люди «разных поколений, начиная от подростков и кончая стариками, настоящими эмигрантами». В то же время отметил, что члены указанных эмигрантских обществ на 8/10 приняли советское гражданство. На доклад о В.И. Ленине, впервые прочитанный послом В.А. Зоринным для этой аудитории, пришло уже 1500 человек и тот даже позволил себе обратиться к ним со словом «Товарищи!»¹⁵⁸. Таким образом, А.Л. Сидоров засвидетельствовал огромный интерес эмигрантов к Советскому Союзу. Доходило до анекдотических ситуаций: «В университетскую библиотеку нельзя заходить, потому что там сла-

вянское отделение и на 9/10 — там русские люди, — они не дадут работать до тех пор, пока им не прочитаешь лекции о Советском Союзе»¹⁵⁹.

Понятно, что на встречи с А.Л. Сидоровым приходили, прежде всего, люди, испытывавшие симпатии к СССР. И он точно заметил, что в настроениях большинства эмигрантов произошел крутой перелом. Воодушевление победой СССР в войне с фашизмом, тоска по родине — все это заставляло изгнанников закрыть глаза на существующие порядки в стране и питать иллюзии в отношении своей дальнейшей судьбы на родине. А.Л. Сидоров сознавал, что существует еще значительное число бескомпромиссных эмигрантов, не принимавших советские порядки. Но остались и те, «кто уже переоценил ценности и решил все-таки ориентироваться на Советский Союз. Кое-кто побаивался отчасти Красной Армии, но про себя решили: ну ладно, если меня и накажут, так по заслугам, я виноват перед Советским Союзом, во многом виноват. Решили остаться и остались»¹⁶⁰. Среди коллег-эмигрантов, проявлявших большое сочувствие к СССР, А.Л. Сидоров отметил встречи с бывшим заведующим отделом документов в РЗИА А.Ф. Изюмовым, который 25 лет хранил советский паспорт, В.Ф. Бибиковым, работавшим в Министерстве информации, а также В.Ф. Булгаковым, директором Русского культурно-исторического музея в Збраславе¹⁶¹. Всех их сближало то, что за свои антифашистские настроения и русский патриотизм они были заключены на несколько лет в концлагерь. При этом В.Ф. Булгаков в порыве откровенности так описал свое страстное желание вернуться на родину: «Вы мне двери не открывайте, вы мне только щелочку укажите, тогда я вползу в эту щель и окажусь в Москве, не считаясь ни с чем»¹⁶². Судьба В.Ф. Булгакова сложилась на родине относительно удачно: остаток дней он прожил в Ясной Поляне, работая хранителем музея.

Среди эмигрантов, проживавших в Братиславе, А.Л. Сидоров отметил профессора университета Е.Ю. Перфецкого, вступившего в компартию Чехословакии и объединившего вокруг себя «прогрессивные» элементы в этом учебном заведении¹⁶³, и упомянутого выше профессора А.В. Исаченко, готового, ради возвращения в СССР, передать в Пушкинский Дом ценные материалы пушкинской эпохи¹⁶⁴.

Важным моментом с точки зрения налаживания связей с чехословацкими учеными являлось указание А.Л. Сидорова на тех из них, кто не скрывал своих симпатий к СССР и составлял, по его мнению, «передовую» часть чехословацкой интеллигенции. К их числу он, естественно, относил З. Неедлы, занимавшего тогда пост министра социального обеспечения и труда, «искреннего друга Советского Союза», и посетовал, что в силу плохой организации научных связей после его отъезда из СССР «всякая связь с ним советских ученых Московского университета и Академии наук прекратилась»¹⁶⁵. А.Л. Сидоров дал всеобъемлющую характеристику З. Неедлы, подчеркнув масштаб его личности, проявившийся на родине: «Мы его знаем очень скромным и милым профессором, который являлся на заседания Ученого совета. А там он является политическим трибуном, крупным политическим деятелем, неустанным агитатором, квалифицированным профессором, министром, человеком, которого все знают в Чехословакии, начиная от ребенка, кончая рабочим и крестьянином, которые относятся к нему с уважением, с которым многие не соглашаются и критикуют его, в особенности представители реакции, но человеком, который, среди интеллигенции является ведущей фигурой»¹⁶⁶. Среди «прогрессивных» ученых А.Л. Сидоров назвал имя нового ректора Пражского университета, профессора Б. Быдзовского, который продолжая дело, начатое З. Неедлы на посту министра школ и народного просвещения, выступил «убежденным сторонником реформы средней шко-

лы в Чехословакии на основе советской системы: единая школа двух ступеней с обязательным преподаванием русского языка» и даже, будучи человеком преклонного возраста, взялся за изучение русского языка и преуспел в этом¹⁶⁷.

К числу «прогрессивных» профессоров университета он обоснованно причислил языковедов Б. Гавранека, В. Матезиуса, литературоведа Ю. Доланского, историков В. Гусу и М. Паулову и без особого основания историков О. Отложилика, К. Стлоукала и Г. Рипку, которые проявляли тогда определенные симпатии к СССР, но так и не стали впоследствии сторонниками марксизма. Почти всех названных ученых А.Л. Сидоров рекомендовал командировать в СССР как специалистов для чтения лекций и знакомства с достижениями советской науки¹⁶⁸.

«Представителем реакции» в интеллигентской среде А.Л. Сидоров считал тогдашнего министра школ и народного просвещения, профессора Я. Странского, народного социалиста и «западника» по своим убеждениям, который оказал ему чрезвычайно сухой и официальный прием и показал крайнюю незаинтересованность в приезде в ЧСР советских ученых. По его наблюдениям, самой «одиозной» и консервативной по своему составу в Пражском университете была профессура юридического и медицинского факультетов, наиболее «левой» — профессура философского факультета¹⁶⁹. «Реакционные» элементы, из числа сотрудничавших с фашистским режимом национальных социалистов, преобладали, как он выяснил, и среди преподавателей Братиславского университета¹⁷⁰. А.Л. Сидоров предлагал, опираясь на «здоровые силы» и сочувствующую идеям социализма молодежь, именно с ней в первую очередь развивать научное сотрудничество.

Искренне желая способствовать налаживанию и развитию советско-чехословацких научных связей, А.Л. Сидоров представил министру народного образования С.В. Кафтанову целый ряд дельных предложений, реализация которых действительно могла бы способствовать скорейшему ознакомлению чешского общества с советской системой ценностей и ориентиров в науке. Для этого надо было:

1. Обеспечить доставку советской научной книги в ЧСР, чтобы составить достойную конкуренцию господствующей тогда на книжном рынке английской и американской литературе.
2. Восстановить личное общение ученых обоих государств.
3. Организовать регулярную посылку советских ученых на короткие сроки для чтения лекций и докладов, пропагандирующих успехи советской науки.
4. Посылать советских профессоров и доцентов в университеты Праги, Брно и Братиславы (хотя бы по трое на каждый университет) для чтения систематических курсов по истории русской литературы и языку.

Сидоров отметил, что во всех университетах уже организованы Русские отделения, где учатся до 1500 студентов, которые должны составить основные кадры преподавателей русского языка во всех средних школах ЧСР. «Активно вмешаться в это дело и дать молодежи нашу советскую научную зарядку (выделено А.Л. Сидоровым. — М.Д.) является большим политическим делом», — указывал ученый. К тому же «за изучение русского языка, литературы и истории берется наиболее прогрессивная молодежь, часто коммунисты. А мы их оставляем без всякого внимания, поддержки и руководства»¹⁷¹.

5. Для скорейшего обеспечения чехословацких школ учителями русского языка необходимо посылать как опытных советских преподавателей в ЧСР, так и чешских студентов для обучения специальности учителя русского языка в СССР.

6. Посылать советских студентов для обучения в чехословацких вузах в счет 20 вакансий, предоставленных на это правительством ЧСР, но пока не использовавшихся в отличие от англичан, югославов и болгар, обучающихся на чешских стипендиях.

7. «Чтобы добиться лучших результатов в области научных и культурных связей с Чехословакией», необходимо создать специальный институт, работающий в Праге и занимающийся организацией этих связей по примеру аналогичных активно работающих в Праге институтов, организованных французами, итальянцами и англичанами, которые занимаются как научной деятельностью, так и пропагандой ценностей западной демократии под присмотром своих посольств¹⁷².

Кроме того, А.Л. Сидоров откровенно указал С.В. Кафтанову на вопиющие недостатки его ведомства, чиновники которого проявили неумение и нежелание достойно и четко организовать командировку советского ученого в ЧСР¹⁷³.

Все эти предложения А.Л. Сидоров сформулировал, исходя из своих неутешительных выводов: «Во время поездки я убедился в том, что мы не используем силу и авторитет советской науки, чтобы увеличить капитал, завоеванный Красной Армией, и прийти на помощь нашей дипломатии и помочь революционным элементам внутри Чехословакии в борьбе с реакцией»¹⁷⁴.

Следует отметить, что большинство из предложений А.Л. Сидорова в то время не были реализованы. Они встречали «дружный» отпор в лице как «реакционного» министра Я. Странского, так и бюрократического аппарата Министерства высшего образования и МИД СССР, правда, по разным причинам, — с одной стороны, от нежелания, с другой — неумения работать. Кроме того, условия для полного простора в развитии советско-чехословацких связей еще не созрели, они были созданы после Февральского переворота 1948 г., приведшего к победе коммунистов в ЧСР.

В 1948 г. с научной целью посетил Чехию и Словакию историк-славист **И.И. Удальцов**. Подробностей этой командировки нам обнаружить не удалось, зато недавно опубликовано его секретное дополнение к отчету «о поездке в Чехословакию делегации деятелей советской культуры» на Дни чехословацко-советской дружбы (с 31 октября по 20 ноября 1949 г.), которое он послал в компетентные органы примерно 7 декабря. Из текста следует, что молодой тогда славист во время пребывания в ЧСР составил политическое донесение об умонастроениях в КПЧ с выпадами против ее генерального секретаря Р. Сланского, вскоре репрессированного и расстрелянного. Духом погромных кампаний веет от его реляций о функционировании в Праге магазина югославской книги, торгующего сочинениями Тито, Карделя и других «изменников» коммунистического движения, названных им, как было принято тогда в советской прессе, «фашистами», о «неправильной» экспозиции музея в Славкове (Аустерлиц), посвященной победе Наполеона над соединенными русско-австрийскими войсками, которая на самом деле, по его мнению, должна отражать победу Кутузова над Наполеоном и освободительную миссию Красной Армии по отношению к Чехословакии и другим странам Европы и пр. Если в отчетах Еголина и Сидорова, написанных до февраля 1948 г., содержались лишь осторожные рекомендации по добровольной «марксизации» чешской и словацкой интеллигенции, то Удальцов уже решительно требует оказания «деловой, практической помощи» работникам чехословацкого «идеологического фронта», а именно посылки в Чехословакию на несколько месяцев 1–2 преподавателей истории СССР и основ марксизма-ленинизма, предметов, которые особенно «искажаются» местными профессорами¹⁷⁵. Таким образом, в эти страшные

годы ортодоксальные советские марксисты уже не скрывали своей «культуртрегерской» миссии в отношении коммунизации стран «народной демократии».

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ КОНЦА 1940-х гг.

В конце 1940-х гг. советских ученых стали приглашать на научные мероприятия в славянские страны. Такое приглашение получил академик Б.Д. Греков в 1948 г. на **празднование 600-летия со дня открытия Карлова университета в Праге**. В состав советской делегации вошли также ректор МГУ, академик А.Н. Несмеянов, ректор КГУ, профессор Бондарчук, представитель Министерства высшего образования СССР Шунденко и др. В «Правде» сообщалось: «Первое торжественное собрание (5 апреля 1948 г. — М.Д.) открыл ректор Карлова университета, профессор Б. Быдзовский. Декан философского факультета, профессор Козак в докладе указал на великие демократические преобразования Пражского университета, его большую роль в истории борьбы чешского народа за свободу и независимость, начиная с времен великого реформатора, ученого и общественного деятеля конца 14 и начала 15-го столетия Яна Гуса. Верность народу, его свободолюбивым демократическим идеям всегда была и будет главным принципом деятельности Пражского университета». Поскольку торжества происходили вскоре после печально известных Февральских событий в Чехословакии, то в докладе подчеркивалось: «В февральские дни этого года наш университет, основная масса его студентов и профессоров остались верными этому великому принципу и твердо встали на путь борьбы за мир, подлинную демократию и социализм»¹⁷⁶.

В плане развития советско-чехословацких связей можно признать чрезвычайно важным избрание ряда действительных членов АН СССР почетными докторами Пражского университета. Среди них академики: физик С.И. Вавилов, микробиолог Б.Л. Исаченко, языковеды В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, историки Б.Д. Греков, Л.А. Орбели, Е.В. Тарле и И.П. Трайнин. К сожалению, советская делегация, выполняя в Праге представительские функции, состояла большей частью из функционеров и потому не могла использовать этот приезд в Прагу для того, чтобы способствовать дальнейшему налаживанию научных связей, на что в свое время надеялся А.Л. Сидоров.

В сентябре того же года группа советских ученых (академики Б.Д. Греков, Е.А. Косминский, профессора П.Н. Третьяков и А.Л. Сидоров, богемист И.И. Удальцов, полонист И.С. Миллер и др.) участвовала в **VII съезде польских историков во Вроцлаве** (19–22 сентября 1948 г.). Съезд можно рассматривать как «в полном смысле слова смотр польской исторической науки, ее состояния, тех сдвигов, которые произошли в ней в годы Второй мировой войны и происходят сейчас, в период строительства народно-демократической Польской республики» — писалось в аналитической статье-информации по итогам съезда¹⁷⁷. По итогам съезда был издан сборник докладов¹⁷⁸. Именно их содержание (с учетом неопубликованных пленарных докладов) было подробно и очень квалифицированно (но с жестких марксистских позиций) проанализировано молодыми талантливыми советскими полонистами В.Д. Королюком, И.С. Миллером и М.В. Миско. Они, прежде всего, четко определили основные проблемы польской историографии, поднятые на съезде. Таковыми были: вопросы методологии истории (доклады А. Стебельского, В. Суходольского, Ю. Серадского, С. Арнольда, Н. Гонсёровской, Б. Лесьнодорского, М. Серейской, В. Моценской, Р. Лютмана), проблемы этногенеза польских племен и их передвижений по территории Польши в первых

веках нашей эры (Ю. Костшевский, К. Маевский, В. Гейнош, Л. Пётрович), проблема образования Польского государства (К. Тыменецкий, В. Генсель, М. Едлицкий), актуальные вопросы истории польских западных земель (С. Зайончковский, Я. Натансон, С. Кучинский, М. Маловист, В. Чаплинский, Т. Добровольский, К. Гурский). Особо отмечались доклады по проблемам экономических (Я. Рутковский, В. Куля) и межславянских отношений (В. Томкевич, К. Заводзинский, С. Верчинский, Т. Грабовский, К. Лепший, В. Гейнош, Г. Лабуда), а также вопросам формирования польского национального самосознания (А. Войтковский, И. Петшак-Павловская, В. Якубчик). Проанализированы 13 докладов по истории революции 1848 г. в польских землях (С. Кеневича, Э. Кипы, В. Кнаповского, Г. Батовского и др.) и по вопросу о влиянии внешней политики европейских держав на решение польского вопроса (Г. Верещицкий, Я. Паевский). Рассмотрены доклады, посвященные проблеме образования современного Польского государства в 1918 г. (С. Инглот, С. Шотка, Ж. Корман и др.), начала польского социалистического движения (Я. Дурко, З. Гросс), Мюнхенского соглашения (К. Пиварский), вопросам положения Польши в период гитлеровской оккупации (Я. Дересевич, В. Русинский, С. Плоский)¹⁷⁹.

Авторы статьи о съезде во Вроцлаве пытались насколько можно профессионально проанализировать суть затронутых перечисленными польскими историками проблем, но не могли не оценивать их с точки зрения современной советской историографии и степени овладения ими марксистской методологией, что, естественно, снижало уровень объективности в их интерпретации. Поясним это на некоторых характерных примерах. Советские полонисты стремились, прежде всего, увидеть определенные изменения и сдвиги, которые происходили в этот период в польской исторической науке. Как положительный отмечался тот факт, что «впервые с трибуны съезда был произнесен доклад об историческом материализме, впервые при обсуждении вопросов истории революции 1848 г. в центре внимания стали высказывания по польскому вопросу основоположников марксизма». Выдавая желаемое за действительное и, может быть, стремясь ускорить процесс внедрения марксизма в польскую историографию, они констатировали, что «вопросы марксистско-ленинской теории, ...методологии стали уже основными вопросами, определяющими дальнейшее развитие польской исторической науки, и это осознается большинством прогрессивных историков современной Польши»¹⁸⁰.

Острой критике был подвергнут доклад Р. Лютмана «Методологические вопросы историографии», освещавшего их с позиций идеализма. Проанализировав доклад, авторы заметили: «Это откровенное идеалистическое выступление было единственным в своем роде на VII съезде польских историков. Мы не думаем, однако, что Лютман одинок. Процесс преодоления идеалистического наследия буржуазной историографии, реакционной буржуазной философии — процесс сложный и нелегкий, в польской же исторической науке он пока еще только начинается. Не только у Лютмана, но и в докладах некоторых других историков, о которых определенно можно сказать, что они ищут новые пути, стремятся найти свое место в движении польского народа к социализму, мы встречаем отзвуки идеалистических взглядов, наталкиваемся на цитаты из „авторитетных“ работ англо-американских философов и историков»¹⁸¹.

Обозревая доклады, посвященные этногенезу славян, авторы статьи даже с некоторым высокомерием упрекали польских историков в том, что они не обнаруживают «никакого знакомства с теорией акад. Н.Я. Марра и с работами советских этногенетиков в области славянского этногенеза»¹⁸², то есть не оказались от теории прародины

славян. В этом случае советские историки позволили себе «поучать» польских коллег с высоты «достижений» марксистской историографии: «Для полного разгрома немецко-фашистских расистских теорий и создания подлинно научных представлений о происхождении славянских народов необходим переход к новой методологии, основанной на теории Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина и на новом учении о языке акад. Н.Я. Марра, трактующей процессы этногенеза народов как процессы исторические в полном смысле этого слова, т. е. такие процессы, в основе которых лежат развитие производительных сил и соответствующие им изменения производственных отношений, определяющие качественные изменения языка и мышления»¹⁸³.

Говоря о докладах по проблеме образования Польского государства авторы статьи привели в качестве образца исторического исследования сомнительный пример из статьи В.И. Пичеты «Образование польского государства» (Славянский сборник. М., 1947), в котором последний «привлекает для воссоздания процесса образования Польского государства легенду так называемого Галла Анонима (рубеж XI–XII вв.), подчеркивая при этом: „В свете учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина о возникновении государства эта легенда выглядит довольно правдиво“».¹⁸⁴

Авторы положительно восприняли факт отмежевания польских историков от норманнской теории происхождения Польского государства ввиду общих антигерманских настроений и с удовлетворением констатировали: «Польским археологам удалось полностью обосновать тезис об органическом, не связанном ни с каким внешним завоеванием процессе образования государства у польских славян»¹⁸⁵. Перечень подобных подходов к интерпретации докладов польских историков можно было бы продолжить на других примерах.

В заключение авторы показали свое видение дальнейшего развития польской историографии и ее ближайших задач: «Надо продолжать дело идейного перевооружения польских историков, начатое на съезде организацией группы историков-марксистов, добиться того, чтобы все прогрессивные историки, стремящиеся трудиться на благо своего народа, преодолели традиции старой, буржуазной историографии, вышли на путь единственно научной и единственно прогрессивной марксистско-ленинской методологии. Для этого необходимо смело и настойчиво ставить в центр внимания основные вопросы методологии истории, необходимо последовательно разоблачать легенды, созданные буржуазной историографией, не обходя и не затушевывая наиболее актуальные проблемы истории недавнего прошлого польского народа»¹⁸⁶.

Таким образом, молодые советские полонисты не сомневались в скорейшем внедрении марксистской методологии в польскую историографию, освоении бесспорных, с их точки зрения, достижений советской исторической науки и, главное, готовности польских историков к их добровольному восприятию.

Их старшие коллеги в лице академика Б.Д. Грекова, П.Н. Третьякова и др. проявляли в этом вопросе более сдержанный оптимизм. Это стало очевидным на совместном заседании исторической секции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и научной секции Славянского комитета СССР, состоявшемся вскоре после возвращения советской делегации из Вроцлава. П.Н. Третьяков в своем выступлении разделил польских историков на три группы. Одну из них, по его мнению, составили историки-марксисты, которые «заявили о своем определенном и твердом желании участвовать в коренной перестройке польской исторической науки». Сюда входили в основном молодые историки. Представители старшего поколения, составляющие ко-

стия польской историографии, к этой группе себя не относили. Третьяков указал также, что слабость группы состоит не только в еще малом числе приверженцев, но и в том, что «вошедшие туда представители старшего поколения стоят на позициях экономического материализма»¹⁸⁷. Он отметил, что у молодых польских историков наблюдаются «левацкие настроения» и тенденциозность «в отношении старших представителей», и отнесся ко всему этому неодобрительно. Тем самым советский историк (в этом с ним был солидарен академик Б.Д. Греков) подтвердил, что не выступает за скорое «перевоспитание» старшего поколения «неофитами марксистско-ленинской науки», что в то время у нас в стране нередко поощрялось¹⁸⁸.

Ко второй группе польских историков П.Н. Третьяков отнес тех из них, которые проявляли симпатии к СССР и стремились учитывать в своих трудах опыт советских коллег. Но они не считали себя марксистами, не понимая и не принимая марксистской методологии¹⁸⁹.

П.Н. Третьяков упомянул и о существовании третьей группы польских историков, принципиально не принимавших марксизм, заявив, что они «выжидают, ушли в подполье» и на вrocławском съезде не выступали. Молодой тогда богемист И.И. Удальцов, в добавление к его выступлению указал на профессора В. Конопчинского из Кракова, враждебно относящегося к марксизму, вокруг которого сплотился круг единомышленников¹⁹⁰.

Примечательно, что П.Н. Третьяков вопреки ожиданиям не обнаружил на вrocławском съезде явных националистических тенденций, за исключением дискуссии по проблематике русско-польских связей, которая показала, что польские ученые старшего поколения считают, что «если что-либо в России хорошее было сделано, это было благодаря деятельности представителей польского народа»¹⁹¹.

В заключение своего доклада П.Н. Третьяков сделал осторожный вывод о том, что «съезд не только нацеливал польских историков на необходимость перелома, но... констатировал наличие некоторого приступа к перелому». В этом с ним был совершенно солидарен А.Л. Сидоров. Более категоричную точку зрения выразил И.И. Удальцов, увидевший на съезде «серьезную классовую борьбу» приверженцев и противников марксизма¹⁹².

Таким образом, советские ученые, побывавшие на съезде, констатировали, что часть польских историков уже добровольно тяготеет к марксизму. Они искренне хотели придать науке стран «народной демократии» советский облик, но, проявив такт, не стали преждевременно навязывать польским историкам марксистскую методологию исследований, даже наоборот, предостерегали против догматического социологизирования и левацкого форсирования методологической перестройки.

За такую позицию при обсуждении итогов поездки в СССР они подверглись резкой критике со стороны ортодоксальных историков-марксистов в лице Р. Коблинской (Каплан), члена ВСК, общественной деятельницы Польши и Белоруссии, академика А.М. Панкратовой и др.¹⁹³. Первая критиковала членов советской делегации за «благодушие» в оценке состояния современной польской историографии, а вторая — сделала оргвыводы, считая, что советские историки должны были диктовать свои взгляды съезду. «У меня нет мнения, — сказала она, — что делегация активно помогала... в работе съезда... Больших принципиальных методологических сдвигов среди польских историков не произошло». Академик настаивала на содействии ускорению «методологического созревания» польских ученых, памятуя, как долго шел подобный процесс в СССР¹⁹⁴.

В ответе оппонентам П.Н. Третьяков занял взвешенную позицию, проявив недюжинный талант дипломата и известную в условиях начавшихся в стране идеологических погромов в науке смелость. Признавая необходимость усвоения марксизма польской исторической наукой, он выступал, однако, против преждевременного и потому насильственного внедрения в нее марксистской методологии, пока «плод еще не созрел». Он, в частности, сказал: «Мы имеем страну народной демократии, в отношении социализма которая делает первые шаги... Я думаю, было бы неправильно к польским историкам предъявлять очень большие требования. При беседах с польскими историками мы заметили, что ряд вопросов, нас волнующих, до них не доходит. Таким образом, дел еще много. Но я думаю, что наша положительная оценка является в данных условиях правильной»¹⁹⁵. Подводя итоги съезда, П.Н. Третьяков подчеркнул его значение для активизации советско-польских научных связей и с оптимизмом заключил: «Можно надеяться, что в ближайшем же будущем научное общение советских и польских историков значительно окрепнет»¹⁹⁶.

Примечательно, что подобные колебания в определении темпов внедрения марксизма в историографию стран «новой демократии» проявились и в период подготовки к первому послевоенному съезду славистов в Москве, проведение которого планировалось в 1948 г. Понятно, что сторонники более жесткой линии находили большую поддержку в партийных верхах¹⁹⁷.

О подготовке к несостоявшемуся съезду славистов хотелось бы сказать особо.

Съезд предварял **Славянский конгресс в Белграде**, проведенный в декабре 1946 г.¹⁹⁸. Он был организован на самом высоком уровне, с участием политического руководства Югославии во главе с Иосипом Броз Тито. Он стал апогеем «нового славянского движения», руководимого СССР в годы войны через Всеславянский комитет в Москве. В своем докладе на белградском съезде его председатель А.С. Гундоров так определил его задачи: «в основу нового славянского, не имеющего ничего общего ни с царским панславизмом, ни с польским, чешским, сербским и болгарским великодержавным шовинистическим стремлением, легла демократическая платформа боевого единства славянских народов, сложившегося в совместной борьбе со всеми свободолюбивыми народами... Новое славянское движение росло и развивалось как антифашистское и демократическое движение», направленное против «реакционных клик славянских стран»¹⁹⁹.

Целью белградского конгресса ВСК объявил: «подытожить результаты сотрудничества славянских народов по совместной борьбе против гитлеровской Германии и... наметить путь укрепления этого сотрудничества для обеспечения ликвидации остатков фашизма, независимого существования славянских государств, демократического движения и помощи в укреплении дружбы всех свободолюбивых народов и мира во всем мире»²⁰⁰. Академик Б.Д. Греков, участвовавший в работе Конгресса и сделавший об этом один из первых докладов в новом Институте славяноведения АН СССР, подчеркнул также: «Задача первого послевоенного общеславянского конгресса в Белграде заключалась в том, чтобы показать роль славян в текущих событиях, особенно в разгроме гитлеризма, показать значение славян в борьбе за мир и демократию и их вклад в мировую культуру»²⁰¹. Представители славянских стран (а среди них было много авторитетных ученых) поддерживали названные положения, особенно подчеркивали «необходимость ликвидации основных очагов фашизма», оказания «взаимной помощи в политической, экономической и культурной областях», развития демократии и «принципа политической независимости» славянских народов²⁰².

Однако истинная подоплека Славянского конгресса в Белграде проявилась в ходе подготовки к нему и была выражена по существу в двух положениях: 1) «без Советского Союза не может быть речи о новом славянском движении» и 2) «в славянских странах на повестку дня поставлен вопрос о социализме»²⁰³. Иными словами, для освоения приобретенной после раздела с Западом (в результате ряда конференций по мирному урегулированию) сферы своего влияния — стран Центральной и Юго-Восточной Европы — руководство СССР должно было использовать все средства идеологического, политического и экономического воздействия. Среди первых — идея славянской солидарности в обликии «нового славянского движения» — могла сыграть свою роль. Поэтому уже на Славянском конгрессе в Белграде в докладах и выступлениях советских делегатов осторожно внушалась мысль о гегемонии в регионе освободителя славянских народов — СССР, «самой свободной и демократической страны в мире», по примеру которой предстояло строить свою послевоенную жизнь всем странам «новой демократии»²⁰⁴.

Вышесказанное можно назвать истинной подоплекой и первого общеславянского съезда ученых-славистов, закамуфлированной, естественно, чисто научными и отчасти общественно-культурными интересами.

Организацию **Первого послевоенного конгресса ученых-славистов** взяли на себя не столько АН СССР, университеты, наконец, Национальный комитет славистов, как это делается ныне, а Славянский комитет СССР (до 1946 г. Всеславянский комитет в Москве). Это определялось, прежде всего, не столько научными, сколько скрытыми общественно-политическими задачами, которые руководство страны ставило перед этим научным форумом. Несмотря на то, что идея созыва съезда славистов неоднократно высказывалась в разных научных аудиториях, на конференциях и, можно сказать, «вitala в воздухе», но резолюция о его созыве была принята на Славянском конгрессе в Белграде, где был организован Общеславянский комитет (далее ОСК). Кроме того, Славянский комитет, завязав тесные контакты со славянскими странами еще в годы войны, легче мог организовать по своим каналам подобный съезд, чем только набиравшие силы в СССР славистические структуры в Академии наук и университетах. Естественно, что ему было не по силам в одиночку решать научные проблемы, поэтому он работал в тесном контакте с ведущими советскими славистами, многие из которых были членами названного Комитета. Все это происходило под бдительным руководством ЦК ВКП(б).

Проблемам подготовки съезда посвящалось много заседаний, главным образом, пленумов Общеславянского комитета (ОСК), Президиума Славянского комитета СССР, совещаний в ЦК ВКП(б), ученых советов академических институтов и пр.

Сохранившаяся стенограмма совещания Президиума СК СССР (от 5 апреля 1947 г.) — яркий документ той эпохи, позволяющий заглянуть за кулисы подготовки съезда славистов и выяснить его истинные цели. Совещание вел член ЦК ВКП(б), ректор ЛГУ А.А. Вознесенский, избранный также вице-председателем Общеславянского комитета в Белграде. В обсуждении участвовал ряд авторитетных советских славистов и общественных деятелей, сотрудничавших с СК СССР: В.И. Пичета, Б.Д. Греков, П.Г. Богатырев, В.Т. Дитякин, Ф.Т. Константинов, А.С. Гундоров, В.В. Мочалов, Л.С. Баранов, В.С. Молодцов, С.Н. Пилипчук, Я.Б. Шмераль.

А.А. Вознесенский сообщил собравшимся, что в ЦК ВКП(б) была недавно направлена докладная записка за подписями президента АН СССР С.И. Вавилова, председателя

СК СССР А.С. Гундорова и его самого «о целесообразности и возможности» созыва международного съезда славистов в Москве. Докладчик откровенно выразил «социальный заказ» съезда, в официальных документах, естественно, закамуфлированный. «Мы хотим устроить, — сказал он, — встречу ученых славянских и, может быть, неславянских стран не просто ради узкоакадемического интереса..., мы хотели бы — это естественно — оказать наше идейное влияние на ученых других стран. Наша идеология и методология... является [самой] передовой... Такое идейное влияние, если мы его сможем оказать, будет иметь последствия более значительного порядка. Совершенно естественно, что, разработав такой вопрос, имеющий столь большое значение для коренных проблем славяноведения, мы могли бы оказать свою посильную помощь делу идейного воспитания широких кругов славянских стран»²⁰⁵.

В этом несколько косноязычном тексте стенограммы ясно выражено желание организаторов съезда соответствовать установкам партийного руководства страны и готовность на уровне науки выступать в роли проводников негласной политики «советизации» и «коммунизации» славянских стран. Более четко эту задачу сформулировал впоследствии профессор П.Н. Третьяков: «Настала пора создать *новое* (выделено нами. — М.Д.) славяноведение, владеющее передовой методологией и теорией, достойное свободных славянских народов, идущих в первых рядах человечества и служащих вдохновляющим примером для других народов мира»²⁰⁶.

Таким задачам более соответствовала выработанная в СССР модель широкого «исторического» (т. е. более идеологизированного) понимания предмета славяноведения, чем утвердившаяся в мировой науке ягичевская модель «филологической» (строго научной) трактовки предмета славистики²⁰⁷. Исходя из первой модели* А.А. Вознесенский предложил пригласить на съезд представителей следующих «славистических» специальностей: историков, литературоведов, лингвистов, этнографов, а также юристов, географов, включая геологов. Выступавшие в прениях предлагали расширить этот состав, включив в него археологов, фольклористов, антропологов, педагогов, экономистов, философов.

Подводя итоги обсуждения, А.А. Вознесенский предложил сформировать следующие секции для работы съезда: 1) философскую, 2) историческую, 3) экономическую, 4) филологическую (включая литературоведов и лингвистов), 5) правовую, 6) географическую, 7) этнографическую. Нумерация секций отчасти свидетельствовала о степени приоритетности научных дисциплин, представляемых организаторами на форуме²⁰⁸.

При обсуждении тематики пленарных заседаний предлагалось выдвинуть одну-две темы, которые были бы «поучительны» в методологическом отношении для еще не овладевших марксизмом славянских ученых и в которых их советские коллеги могли заявить о своем приоритете, где, по образному выражению ответственного секретаря журнала «Славяне» В.С. Молодцова, «советские ученые могут вправить мозги историкам славянских стран»²⁰⁹.

В дискуссии авторитетный историк-славист В.И. Пичета, сравнительно хорошо осведомленный о состоянии европейской славистики, справедливо указывал, что кадры славистов в СССР невелики, разработка многих проблем находится в зачаточном состоянии. Но он, как и все присутствовавшие на заседании, не стал отстаивать необходимость в честной научной дискуссии доказывать приоритетность позиций советских

* По определению А.А. Вознесенского, славяноведами надо «считать всех ученых, которые занимаются той или иной проблематикой, связанной со славянскими странами» (ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 3).

ученых, а предложил «обходной маневр». По его словам, «нам нужно будет на съезде славистов скрывать свои слабости. Нужно прямо сказать, что мы сильны своим методом разрешения отдельных вопросов, но, что касается общих знаний литературы славянских народов, мы, несомненно, очень сильно отстали, и нам всем нужно очень много работать, чтобы догнать. Это сможет сделать молодое поколение»²¹⁰. Приоритетными для советской науки и наиболее разработанными в ней он назвал темы: этногенез славян, образование славянских государств, задачи современного славяноведения и пр.

Из предлагавшихся в конечном итоге оказались отвергнутыми темы «Исторические связи славянских народов» (П.Г. Богатырев) из-за неразработанности ее в советской науке и, как ни странно, «Влияние Октябрьской революции на историю славян» (С.Н. Пилипчук). Против включения в программу съезда последней темы (актуализированной в СССР в связи с 30-летием Октября) категорически выступил А.А. Вознесенский с примечательной «дипломатической» аргументацией: «Слишком она пряма. Если хотите, „всякому овощу свое время“... Если мы собираем ученых, нам нужны и академические моменты. Мы должны избежать двух крайностей: того, чтобы пустить конгресс по линии голого академизма и чтобы этот конгресс носил только чисто политический характер, чем мы даем повод для всякой демагогии и свистопляски реакции»²¹¹. Вознесенского поддержал работник ЦК ВКП(б) Л.С. Баранов, указывая, что нельзя проводить конгресс в «откровенно агитационно-пропагандистском плане. Нельзя давать такой возможности нашим врагам истолковывать наши цели и намерения превратно»²¹².

Для таких опасений имелись все основания, так как политическая подоплека предстоящего съезда и без того была очевидна. Председатель Общеславянского комитета в Белграде Б. Масларич в данной связи летом 1947 г. писал, что «в некоторых западных странах... пытаются представить эту деятельность прогрессивной славянской науки, как якобы „новое проявление панславизма“...», как съезд подготовки руководящих кадров славянской политики, именуя его как съезд руководителей славян. Искажая термин славяноведения, реакционеры и разбойники пера называют эту отрасль передовой науки как „руководство славянским миром“ (!?)»²¹³.

Проведение съезда первоначально намечалось на октябрь-ноябрь 1947 г. Организаторами его были объявлены ОСК в Белграде и, прежде всего, входящий в его состав СК СССР, а также АН СССР в лице только что созданного Института славяноведения. Оргкомитет по созыву съезда возглавил А.А. Вознесенский.

Далее началась работа по согласованию тематики съезда, кандидатур докладчиков и пр. на союзном и международном уровне, под бдительным наблюдением ЦК ВКП(б).

Решение о созыве съезда славистов обсуждалось на II Пленуме ОСК, проходившем 15–18 июня 1947 г. в Варшаве. Славянские ученые в основном согласились с предложенной программой конгресса, предложив организовать секции культуры и социологии²¹⁴.

В конце июля СК СССР направил на согласование в ЦК названия основных секций съезда, включив в их состав самостоятельную секцию археологии и изменив их приоритетный порядок (историческая, филологическая, этнографическая, археологическая, экономическая, философская, правовая, географическая)²¹⁵.

Эта программа затем обсуждалась на представительном совещании 8 августа 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б). Было решено включить всех участников совещания (А.А. Вознесенский, М.Т. Иовчук, А.С. Гундоров, В.В. Мочалов, А.М. Самарин,

В.П. Волгин, А.Г. Калашников, В.С. Кеменов), а также директора Института славяноведения АН СССР Б.Д. Грекова в состав советского Оргбюро конгресса славистов. Отметим, что кроме членов СК СССР (первые четыре фамилии) и вице-президента АН СССР В.П. Волгина, здесь были представлены зам. министра высшего образования (А.М. Самарин), министр просвещения РСФСР (А.Г. Калашников) и председатель ВОКС (В.С. Кеменов). Рекомендовалось обсудить программу и порядок заседаний съезда в институтах АН СССР и ведущих вузах страны, чтобы «определить уже не только тему, но и докладчика, а по некоторым вопросам и направление доклада». Число участников съезда определялось в 75–100 человек. Советских ученых в качестве гостей намеревались пригласить сверх этой нормы²¹⁶.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 9 октября 1947 г. был утвержден состав советского Оргбюро по подготовке и проведению в Москве Конгресса славистов во главе с А.А. Вознесенским. В специальной директиве указывалось: «Ввиду занятости ученых в связи с началом учебного года и недостатком времени для более тщательной подготовки Конгресса внести предложение о перенесении Конгресса ученых-славяноведов на апрель-май 1948 г. с повесткой дня, утвержденной пленумом Общеславянского комитета в Варшаве: „О состоянии и очередных задачах славяноведения“»²¹⁷.

11 сентября 1947 г. состоялся III Пленум ОСК в Софии и приуроченное к нему заседание Оргкомитета по созыву Конгресса ученых-славистов. В отчете советской делегации отмечалось, что «Оргкомитетом и Президиумом ОСК были приняты все предложения, с которыми выступила советская делегация», в том числе и о возможности создания экономической и юридической секций. В докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова от 25 октября 1947 г. политэконом А.А. Вознесенский особенно настойчиво обосновывал необходимость их организации на съезде, считая, что «обсуждение этих вопросов явилось бы *основой* для определения задач *всех* (выделено нами. — М.Д.) областей славяноведения»²¹⁸. Положительная резолюция от ЦК на это предложение была получена только 23 марта 1948 г.²¹⁹.

30 января 1948 г. состоялся III Пленум СК СССР, обсудивший в числе других вопросов ход подготовки к Конгрессу славистов. В соответствии с изменением внешнеполитической обстановки актуальными задачами «нового славянского движения» провозглашались: отпор угрозе новой мировой войны со стороны американских империалистов, сотрудничество славянских стран и всесторонняя помощь им в построении социалистического общества по образцу СССР²²⁰.

Выступивший на Пленуме А.А. Вознесенский информировал собравшихся, что к началу 1948 г. разработаны научная и культурная программа съезда, составлена смета расходов по его проведению, уже «выделены и утверждены» все (за исключением одного) докладчики от СССР. Главную задачу данного периода он видел в обсуждении подготовленных докладов в среде квалифицированных специалистов, чтобы выступить на конгрессе «по основным проблемам дружным единым фронтом. Было бы неправильно, если бы по основным кардинальным, методологическим и принципиальным вопросам по каждой проблеме советские ученые не имели единой точки зрения»²²¹. За единомыслие членов советской делегации выступили также философ М.Т. Иовчук, писатель А.Е. Корнейчук и историк С.А. Никитин, выразив суть устанавливающегося тогда понимания того, как должны вести себя советские ученые с зарубежными славянскими коллегами, еще не научившимися проявлять себя в качестве союзников и единомышленников.

Чтобы предстать перед славянскими учеными в роли непогрешимых менторов, по мнению С.А. Никитина, нужно было подвергнуть все доклады советских ученых двукратному обсуждению: «В первый раз для предварительного выяснения и взаимного согласования своих точек зрения, другой раз с точки зрения определения той диспозиции, которой следует держаться в отношении докладов, которые будут получены, и в связи с взглядами и точками зрения, которые будут нам представлены славянскими делегациями»²²².

Очередное заседание Оргкомитета по созыву Конгресса славистов проходило в рамках III Пленума ОСК в Праге, 25–26 февраля 1948 г. Здесь окончательно утвердили тему пленарного заседания: «Состояние и задачи современного славяноведения» и докладчиков по ней: от СССР — историка Б.Д. Грекова, от Югославии — языковеда А. Белича, от Польши — филолога Т. Лер-Сплавинского, от Болгарии — философа и литературного критика Т. Павлова, от Чехословакии — историка и культуролога З. Неедлы. Все докладчики имели ранг академиков. Изменили формулировку выступления академика Е.В. Тарле. Первоначально она звучала так: «Антиславянская политика германского империализма». В духе времени ее расширили: «Антиславянская политика империалистических держав в период от Версальского мира до Второй мировой войны». Были предложены также новые темы: «Современное экономическое строительство в славянских странах» (по одному докладу от каждой страны), «Вопросы преподавания славянских языков» (в педагогической секции), «Учение академика Н.Я. Марра и его роль в современном языкознании» (академик И.И. Мещанинов) и др.²²³.

Организаторы Конгресса сознательно одобряли те предложения славянских ученых, которые способствовали лучшему ознакомлению их с «образцовой» жизнью в СССР и успехами строительства социализма, и потому просили партийные органы поддержать пожелания первых об организации «для участников Конгресса научных докладов по вопросам истории СССР, современной истории международных отношений»²²⁴.

Может быть, больше выдавая желаемое за действительное, А.С. Гундоров в своем отчете в ЦК о поездке в Прагу указывал: «Все считают, что Конгресс должен сыграть большую роль в консолидации всех научных сил и в направлении их деятельности в интересах народов, демократии и строительства социализма в славянских странах. Не только у научных, но и у политических деятелей имеется огромное желание принять участие в работе Конгресса... С большим одобрением встречено сообщение об организации экономической секции Конгресса». Далее характеризовались а priori представленные иностранными учеными доклады по степени их соответствия марксистско-ленинской идеологии: «Эти материалы еще не изучены, но можно считать (выделено нами. — М.Д.), что многие доклады ученых Польши и Чехословакии (стран менее продвинутых тогда по пути «советизации» и «коммунизации». — М.Д.) будут аполитичны и не будут способствовать марксистской и коммунистической направленности Конгресса (выделено нами. — М.Д.). Доклады ряда ученых Болгарии и Югославии, наоборот, выделяются стремлением их авторов быть на высоте требований боевой марксистской науки»²²⁵.

В решениях III Пленума ОСК содержались рекомендации предварительного обсуждения докладов в Академиях наук и университетах каждой славянской страны и их последующего редактирования перед публикацией в СССР.

Незадолго до назначенного срока созыва съезда — 15 апреля 1948 г. — состоялось совещание в ЦК под руководством главного тогдашнего партийного идеолога

А.А. Жданова. 27 марта на нем присутствовали члены Оргкомитета: А.А. Вознесенский, С.В. Кафтанов (министр высшего образования СССР), В.П. Волгин, А.С. Гундоров, П.Н. Третьяков и члены ЦК ВКП(б) — М.А. Суслов и Д.Т. Шепилов²²⁶. Это было, так сказать, последнее «отеческое» напутствие партии «своим» ученым, должностным ревностно отстаивать ее интересы на международном форуме славистов.

А.А. Вознесенский коротко проинформировал собравшихся о завершающейся подготовке Конгресса: утверждена и скорректирована по результатам обсуждений программа, намечены участники из СССР и славянских стран, сформированы секции, готовится выставка книг по славяноведению, которая должна отразить успехи развития славистики в СССР с 1917 г. и славянских странах после войны. Всего, по его словам, в секциях предполагается прочтение 90 докладов (в том числе 23 — из СССР). При этом председатель Оргкомитета предлагал произвести отсев некоторых «слабых в идеологическом отношении» докладов, по крайней мере их не публиковать²²⁷.

Заручившись упомянутой выше поддержкой ЦК по вопросу о целесообразности формирования экономической секции с докладами на тему «Экономическое строительство в славянских странах», А.А. Вознесенский просил утвердить от СССР в качестве докладчика Д.Т. Шепилова.

В заключение он еще раз предельно откровенно выразил истинные цели конгресса славистов: «Мы стремимся обеспечить высокую идейность и правильную методологию докладов советских ученых, а также выработку *единой точки зрения* (выделено нами. — М.Д.) у советских ученых по кардинальным вопросам славяноведения с тем, чтобы у нас не было разнобоя. Целью Конгресса мы ставим — добиться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий»²²⁸.

А.А. Жданов, несомненно, был предварительно хорошо осведомлен о ходе подготовки к Конгрессу и решительно выступил с критикой отдельных положений программы съезда, исходя из задач текущей политики «партии и правительства». Прежде всего, он посчитал нецелесообразным по политико-дипломатическим и идеологическим соображениям организацию работы экономической секции. Вероятно, в его аргументации можно услышать отголосок прений в ЦК. «Эта тема, — обоснованно сказал он, — никак не вытекает из задач Конгресса». И далее аргументировал отказ от нее не исходя из предмета славяноведения, а из политической целесообразности, навеянной, вероятно, подготовкой своего доклада об ошибках КПЮ в экономической сфере. «Решение ЦК не определяет, — продолжал он, — что эта тема должна обсуждаться на Конгрессе. Откуда взялась эта тема? Ведь в славянских странах различная экономика — у нас в СССР социалистический уклад, а в славянских странах новой демократии только проблески, элементы социализма; у них нет национализации земли, развивается кулачество, развивается капитализм и в каждой стране в разной степени. Не есть ли это своеобразная „межславянская ограниченность“? Вся постановка вопроса фальшивая и ненаучная. Научно нельзя сказать „экономика славянских стран“. А чем отличается экономика славянских стран от экономики неславянских стран? Что в этой теме от марксистского подхода, есть ли здесь хотя бы гран марксизма?»²²⁹.

По политическим причинам А.А. Жданов выступил и против скорректированной темы доклада Е.В. Тарле об антиславянской политике империалистических держав в межвоенный период (не поняв и не приняв во внимание, что она была изменена в духе его выступления в Польше в сентябре 1947 г.). «Ведь не было, — утверждал он, — какой-

то единой политики по отношению к славянским странам, была политика по принципу „разделяй и властвуй“». Посему он рекомендовал вернуться к первоначальному названию доклада об антиславянской политике только «германского империализма». Во многих соображениях А.А. Жданова можно усмотреть рациональное звено, желание осадить чересчур «резвых» организаторов, стремившихся быть «святое римского Папы». Если абстрагироваться от пафоса его борьбы за чистоту марксистского подхода, следует согласиться с тем, что экономика и политика не являются сферами, где следует искать проявления славянской этнической специфики.

Однако и чисто славистическая тема «Общность славянских народов по данным этнографии» не устроила партийного идеолога. И не только потому, что докладчик по ней еще не был определен. Он полагал, что раскрытие этой темы может больно задеть «тонкие струны» межславянских отношений и спровоцировать обострение национальных противоречий. «На что тут будут акцентировать? — вопрошал Жданов. — Надо ли нам заниматься такими вопросами, как, скажем, вопрос о том, стоят ли галицийские украинцы ближе к великороссам или к западным славянам, какая степень родства между великороссами и украинцами, великороссами и белорусами или нет ли у великороссов примеси татарской крови и т.п. На что будут делать упор — на различия или же на самую общность? Надобно ли, чтобы мы, русские, взяли эту тему и ее скандировали? Пойдут разговоры о „младших братьях“ и т.д.»²³⁰.

Рассуждение по разным аспектам доклада Е.В. Тарле дало А.А. Жданову повод коснуться вопроса о возможных откликах стран Запада о подготовке съезда славистов и откровенно высказаться об истинных целях текущей советской внешней политики, направленной на формирование блока стран «новой демократии» во главе с СССР (о чем говорилось во второй главе)²³¹.

Далее Жданов вполне резонно заметил, что программа Конгресса перегружена докладами, получается некая «вермишель», которая идет в ущерб качеству их обсуждения. Он полагал, что не нужно насильно приглашать к выступлению по каждой проблеме ученых всех славянских стран, поскольку не у всех эти проблемы в равной степени разработаны. Согласно его афоризму: «Конгресс должен быть торжественным маршем корифеев славяноведения, а не жалкими потугами прозелитов и начинающих»²³². В то же время А.А. Жданов вполне в духе идеологических установок того времени выступил против приглашения на Конгресс славистов из США, Великобритании и Франции с характерным обоснованием: «Пусть эти ученые обуздают сначала своих правителей (выделено нами. — М.Д.) и заслужат честь быть приглашенными Советским Союзом»²³³.

Следствием беседы А.А. Жданова с организаторами съезда славистов, несомненно, стало следующее решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1948 г.: «Утвердить следующие предложения секретариата ЦК ВКП(б): 1) В связи с тем, что доклады большинства делегатов Общеславянского конгресса ученых-славяноведов получены из-за границы с большим опозданием, и в целях лучшей подготовки к Конгрессу перенести срок открытия Конгресса на 18 июня 1948 г.»²³⁴.

В оставшееся до Конгресса время на уровнях ЦК ВКП(б) и СК СССР, а также ОСК в Белграде и национальных комитетов славянских стран согласовывался вопрос о персональном составе участников и гостей съезда. Первоначально среди рекомендованных для приглашения в качестве гостей съезда были известные ученые-эмигранты, в большинстве своем обосновавшиеся в Чехословакии и лояльно настроенные к СССР: Г.А. Острогорский, А.В. Флоровский, А.Ф. Изюмов, В.Ф. Булгаков, Д.Н. Вергун, Л.В. Ко-

пецкий, Н.Ф. Преображенский, А.В. Исаченко. Кроме того, предполагалось пригласить наиболее авторитетных славистов из Европы и Америки. Среди них: филологи А. Мазон (Франция), О. Брок (Норвегия), Э. Ло-Гатто (Италия), М. Фасмер (Германия), В. Шмидт (Австрия), Э. Симмонс (США); историки Р.У. Ситтон-Уотсон, Н. Хилсон, Г. Томсон (Великобритания), Д. Локкер (Голландия), археолог Г.В. Чайльд (Великобритания) и др.²³⁵. Никого из них не оказалось в согласованном с ЦК списке гостей съезда, включавшем в себя только 21 человека.

Из неславянских стран в результате собирались пригласить только 11 человек, коммунистов или лояльно настроенных к СССР довольно престарелых ученых, общественных и государственных деятелей. Многие из них никакого отношения к славяноведению не имели²³⁶.

Что касается согласованного с ЦК списка делегатов съезда, то он включал в себя по 25 ученых из Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии и СССР. Это были в основном академики и профессора университетов, многие из которых принимали активное участие в славянском движении своих стран. Примечательно, что в списках делегаций Югославии и Польши было по 10 коммунистов, Чехословакии — 13, Болгарии — 19. Больше всего специалистов не только по истории и филологии своих стран, но и по общеславянским проблемам находилось среди делегатов от Чехословакии. Среди них: З. Нееды, Б. Гавранек, Я. Филип, Я. Айснер, Я. Мукаржовский, Я. Мацурек, Ф. Травничек, Ф. Вольман, В. Матезиус, Е. Паулини, М. Паулова, К. Крейчи и др.²³⁷. Недаром А.А. Вознесенский докладывал ЦК о стремлении чехословацких ученых «представить Прагу центром славяноведения», что не устраивало организаторов Конгресса в Москве²³⁸.

В целом предполагалось пригласить на съезд в качестве делегатов и гостей 120–150 иностранных ученых (включая членов ОСК), 150 иногородних и 200 москвичей (включая участников Конгресса)²³⁹.

Местом его проведения был определен самый представительный в тогдашней Москве Дом Союзов. Делегатов и гостей съезда ожидала большая культурная программа: посещение спектаклей Большого театра и МХАТа, двух концертов, представляющих искусство славянских народов, экскурсии (помимо Москвы) в Киев и Ленинград. К съезду приурочивалась выставка книг по славяноведению. Для участников съезда изготовлялся художественно выполненный металлический значок. Смета расходов по всем статьям проведения съезда составляла немалую сумму — 4 027 500 рублей²⁴⁰.

Последний вариант программы Конгресса славистов выглядел следующим образом. О докладах пленарного заседания уже говорилось. Здесь изменений не произошло. В конце концов были утверждены секции, близкие к современному пониманию специальностей, составляющих предмет славяноведения: история, филология (с подсекциями лингвистики и литературоведения), археология, этнография и фольклор, искусствоведение, педагогика. В каждой из них первым стоял постановочный доклад о «задачах изучения в славянских странах» данного предмета, с которым должны были выступить представители всех названных стран. В частности, докладчиками исторической секции по этой теме определялись: А.Л. Сидоров (СССР), С. Арнольд и Г. Батовский (Польша), Т. Влахов (Болгария), Я. Мацурек (Чехословакия), В. Новак (Югославия); в секции филологии: А. Белич (Югославия), Ф. Вольман и Б. Гавранек (Чехословакия), К. Выка (Польша), Н.С. Державин (СССР), П. Зарев (Болгария), П. Колендич (Югославия) и др.; в секции археологии: М. Абрамович (Югославия), Д. Димитров (Болгария),

Ю. Костршевский (Польша), П.Н. Третьяков (СССР), Я. Филип (Чехословакия); в секции этнографии и фольклора: Х. Ракарельсин (Болгария), М. Гунич (Югославия), С.П. Толстов (СССР), Е. Франковский (Польша), К. Хотек (Чехословакия); в секции искусствоведения: В.Н. Лазарев (СССР), В. Моде (Польша), Я. Мукаржовский (Чехословакия), Ф. Стале (Югославия), К. Цончева (Болгария) и т.д.

Таким образом, на съезде славистов первый и последний раз предлагались к обсуждению жестко регламентированные темы. В определенной мере обсуждение предмета изучения, его целей и задач на представительном международном форуме было оправданно (в каждой дисциплине имелись свои спорные и нерешенные проблемы), если бы не закамуфлированное стремление советской стороны направить изучение всех славистических дисциплин в «прокрустово ложе» марксистской методологии.

В то же время намечалась организация своего рода тематических блоков с постановочными докладами советских славистов по темам, наиболее разработанным в отечественной историографии. Так, совместное заседание секций истории, филологии и археологии предполагалось посвятить проблеме «Происхождение славянских народов» с главным докладом ведущего исследователя данной тематики А.Д. Удальцова. Кроме того, в секции планировалось обсудить доклад по теме «Революция 1848 г. и славянские народы» (С.А. Никитин). Доклад Е.В. Тарле был снят.

В подсекции лингвистики определяющими назывались темы: «Исторические связи и взаимодействие славянских литературных языков» (от СССР — Л.А. Булаховский, хотя по этой теме написал работу В.В. Виноградов, но ученый в то время находился под стрелами критики) и «Диалектологический атлас славянских народов» (Б.А. Ларин). Между тем по этой теме плодотворно работали в то время Р.И. Аванесов и С.Б. Бернштейн. В подсекции литературоведения утверждались для обсуждения темы: «Славянские литературные связи в новое время» (А.И. Белецкий) и «Проблема реализма в славянских литературах» (А.М. Еголин). В секции этнографии и фольклора предлагалось обсуждать темы: «Межславянские связи по данным этнографии» (С.А. Токарев) и «Современный фольклор славянских народов» (П.Г. Богатырев). В секции археологии на обсуждение ставилась тема «Древнерусский город» (Б.А. Рыбаков). Секция педагогики должна была заслушать доклады на тему: «Народное образование в славянских странах», «Идейные основы советской педагогики» (И.А. Каиров, президент АПН РСФСР), «Проблемы преподавания славянских языков» (Г.П. Сердюченко). Наконец, в секции искусствоведения предполагалось продискутировать темы: «Межславянские связи в искусстве» (А.А. Сидоров, К.А. Кузнецов, С.С. Игнатов) и «Проблема реализма в искусстве славянских народов» (академик И.Э. Грабарь)²⁴¹.

Таким образом, накануне съезда его организаторы убрали из программы все темы, которые не удовлетворяли партийные органы по соображениям несоответствия курсу внешней и внутренней политики СССР или могли спровоцировать межславянские противоречия. Соблюдался внешний паритет постановочных докладов от каждой славянской страны в разных секциях. Не были утверждены секции, тематика которых могла рассматриваться как достаточно прямолинейное внедрение марксистского видения науки (философии, экономики), а также весьма далекие от предмета славистики (географии и права). К тому же даже партийные функционеры отмечали их «неславистичность». В то же время в программу некоторых «неосновных» секций включались темы, которые могли бы исподволь вводить славянских ученых в русло проблем советской марксистской науки (например, проблемы реализма в славянском искусстве и литера-

туре). Достаточно политизированной представляется не имевшая никакого отношения к славистике секция педагогики, вероятно, потому, что воспитанию молодого поколения в духе идей коммунизма славянские ученые должны были, по мнению организаторов съезда, посвящать главное внимание.

Итак, все было готово к открытию съезда. Члены Оргкомитета проделали огромную работу по его всестороннему обеспечению. Под бдительным контролем ЦК ВКП(б) были определены: план проведения конгресса в целом, отбор его делегатов и гостей, формирование секций, тематика докладов на секциях, редактирование текстов докладов и даже культурная программа съезда. В результате партийные идеологи имели основание рассчитывать, что Конгресс славистов внесет определенную лепту в «новое славянское движение», идеологически обосновывая «направление» славянских стран по пути к социализму и сплочению их вокруг СССР. Конгресс славистов должен был помочь в борьбе «за идейную чистоту этого движения, основанного на единственно научной теории Маркса–Ленина–Сталина», способствовать воспитанию «славянских народов в духе национального достоинства, взаимного уважения друг к другу и непримиримой ненависти ко всем фашистам, реакционным и империалистическим группам, разжигающим новую войну и стремящимся к порабощению народов», содействовать укреплению «нерушимой дружбы и доверия к народам Советского Союза — великой социалистической державы, являющейся оплотом мира, равноправия и независимости народов»²⁴².

В таком определении задач съезда ни слова не сказано о его предполагаемом научном значении, хотя, несмотря на политическую ангажированность, международный форум славистов, несомненно, мог сыграть реальную роль в развитии научного сотрудничества славистов, прежде всего, славянских стран, подъеме престижа славяноведения в СССР и, наконец, послужить импульсом для дальнейших славистических исследований.

Но в этот момент отечественное славяноведение как никогда тесно взаимодействовало с политикой и потому стало заложником обострения международных отношений. 4 июня 1948 г. в ОСК в Белграде и национальные славянские комитеты полетели телеграммы от СК СССР за подписями А.А. Вознесенского и А.С. Гундорова: «В целях обеспечения лучшей подготовки проведения конгресса ученых-славистов вносим предложение перенести конгресс на осень текущего года»²⁴³, вызвав недоумение многих руководителей национальных СК²⁴⁴.

Несомненно, главной причиной очередного переноса даты проведения съезда стало обострение межпартийных отношений лидеров ВКП(б) и КПЮ, произошедшее именно в это время. В фонде А.А. Жданова хранится проект резолюции Информбюро «О положении в компартии Югославии», подготовленный им самим и посланный для одобрения И.В. Сталину. В нем, в частности, говорится: «Информбюро констатирует, что руководство югославской компартии за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики партии в корне неправильную линию, представляющую отход от основных принципов марксизма-ленинизма. В связи с этим Информбюро одобряет действия ЦК ВКП(б), взявшего на себя инициативу в разоблачении неправильной политики ЦК КПЮ и, в первую очередь, тт. Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича. Информбюро целиком солидаризируется с оценкой положения в югославской компартии, критикой ошибок ЦК КПЮ и политическим анализом этих ошибок, изложенным в письмах ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ от 27 марта, 4 мая 1948 г.»²⁴⁵. Одобренный

Политбюро доклад А.А. Жданова «О положении в компартии Югославии» был прочитан на Совещании Информбюро представителей коммунистических партий Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, СССР, Франции, Чехословакии и Италии, состоявшемся в Бухаресте 15–27 июня 1948 г., т. е. как раз в дни предполагаемой работы Конгресса славистов. В отсутствие представителей КПЮ участники Совещания единодушно приняли подготовленную заранее А.А. Ждановым и одобренную И.В. Сталиным резолюцию с осуждением «ошибок» КПЮ в деле строительства социализма.

Тито не принял диктат Сталина²⁴⁶. Тем самым было положено начало не только многолетнему расколу в рядах возглавляемого СССР коммунистического движения, но и нанесен серьезный удар по так называемому «новому славянскому движению», ибо с этого времени Общеславянский комитет в Белграде во главе с Б. Масларичем практически перестал функционировать.

Покорные Сталину «братья-славяне» поспешили осудить своих «заблудших» товарищей. В частности, болгарская газета «Работническо дело» от 4 июля 1948 г. писала от имени ЦК БКП: «Нерушимое боевое единство и нерушимая боевая дружба славянских и неславянских народов с народами великого Советского Союза представляет непоколебимую основу нового славянского движения *мирового антиимпериалистического фронта мира, демократии, социализма и прогресса* (подчеркнуто нами. — М.Д.). Наши югославские товарищи, братья и сестры, должны понять и решительно пересмотреть свою деятельность, чтобы быстро, без остатка ликвидировать опасные националистические, антисоветские, антиславянские и антинародные уклоны руководства югославской компартии и югославского Народного фронта»²⁴⁷.

Поскольку диктат Москвы не возымел должного действия на руководство КПЮ, раскол в рядах славянского движения продолжал углубляться²⁴⁸. В этой обстановке, несомненно, советское партийное руководство сочло нецелесообразным проводить не только отложенный съезд славистов, но и готовившийся в октябре-ноябре 1948 г. второй послевоенный Славянский конгресс в Праге²⁴⁹.

Таким образом, в СССР в очередной раз по политическим мотивам была похоронена идея славянской солидарности в форме «нового славянского движения», занявшая достойное место в идеологическом арсенале Великой Отечественной войны. Отныне в партийной пропаганде безраздельное господство получили принципы пролетарского интернационализма, которые больше соответствовали задачам объединения вокруг СССР стран Центральной и Юго-Восточной Европы с не только славянским населением. Они же служили основой для формирования новой «классовой» теории о противостоянии двух непримиримых идеологических систем (с одной стороны, лагеря «империалистов и поджигателей войны», с другой — «мира демократии и социализма»), по существу доктрины «холодной войны».

* * *

Приведенные свидетельства контактов советских и зарубежных славистов свидетельствуют об оживлении российско-славянских связей, отчасти замороженных в годы войны. Этому не помешали даже различия в их методологических подходах. Осторожное и отчасти завуалированное в конце 1940-х гг., а затем усиленное и насильственное внедрение марксизма началось позднее, уже в 1950-е гг. Понятно, что с советской стороны этим связям придавалось политико-идеологическое значение. Наши ученые рассматривались как полпреды советской науки за рубежом. Их выступления и наблюдения за состоянием развития науки в странах народной демократии тщательно

анализировались в компетентных органах. Тем не менее установление личных контактов, обмен информацией и оживленный книгообмен несомненно способствовали возрождению славяноведения в СССР.

Примечания

- 1 *Досталь М.Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 253–290.
- 2 См.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964 и др.
- 3 *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия Академии наук СССР (1942–1946) // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 107–129.
- 4 *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 175–188.
- 5 *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 6.
- 6 *Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О.* Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ). 1945. Вып. 3. С. 57–58.
- 7 220-летие Академии наук СССР. Юбилейная сессия (Заседания 16, 17, 23 и 26 июня 1945 года) // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8. С. 37.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 36.
- 10 Там же. С. 44.
- 11 Там же. С. 45.
- 12 Там же. С. 46.
- 13 Там же.
- 14 Отделение литературы и языка // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8. С. 134–135.
- 15 [Белич А.] Природа языка и его изучение (Доклад Президента Сербской академии наук А.И. Белича в Отделении литературы и языка АН СССР) // Вестник АН СССР. 1947. № 8. С. 98–99.
- 16 Отделение истории и философии // Вестник Академии наук. 1945. № 7–8. С. 122.
- 17 Там же. С. 126.
- 18 Встреча советских историков-славяноведов с учеными славянских стран // Славяне. 1945. № 6. С. 47.
- 19 Там же. С. 48.
- 20 Там же.
- 21 Отделение истории и философии... С. 125.
- 22 Встреча советских историков-славяноведов... С. 48.
- 23 Отделение истории и философии... С. 125.
- 24 Там же. С. 124.
- 25 Там же. С. 124–125.
- 26 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы... С. 12–15.
- 27 *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948): К 60-летию основания // Славяноведение. 2003. № 5. С. 42–43.
- 28 Научная сессия по славяноведению // Вестник Ленинградского университета. 1946. № 2. С. 132.
- 29 Там же. С. 133.
- 30 Там же. С. 133, 135–136.
- 31 Там же. С. 133.
- 32 Там же. С. 133–134.
- 33 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 92.
- 34 Научная сессия по славяноведению... С. 134.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 135.
- 37 Свидетельством того важного значения, которое придавалось этому выступлению польского ученого, является то, что оно было опубликовано в журнале «Вопросы истории». 1946. № 10. С. 81–85, а на его книгу в нем поместили большую рецензию В.И. Пичеты. См.: Вопросы истории. 1947. № 1. С. 110–116.
- 38 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению... С. 92.
- 39 Там же.

- 40 Статья В.В. Виноградова на эту тему опубликована в журнале «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка». 1946. Т. V. Вып. 3. С. 223–238.
- 41 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению... С. 92.
- 42 Научная сессия по славяноведению... С. 135.
- 43 Тем не менее тезисы некоторых, прочтенных на сессии докладов под заголовком «Славистические заметки» предварительно были опубликованы в «Научном бюллетене Ленинградского университета» (1946. № 11–12. С. 65–69).
- 44 Научная сессия по славяноведению... С. 136.
- 45 *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению... С. 93.
- 46 Научная сессия по славяноведению... С. 136.
- 47 Там же. С. 136–137.
- 48 Информации о совещании были помещены в «Вестнике Ленинградского университета» (1946. № 2. С. 132–137), в «Научном бюллетене ЛГУ» (1947. № 14–15. С. 75), в «Ленинградской правде» от 14 июля 1946 г. Кроме того, о ней писали в славянских журналах. См.: *Slovanský přehled*. 1946. Roč. 32. S. 319–322; *Pregľad Zachodni*. 1946. № 7–8; *Slavistična revija*. 1946. III. № 3–4 и др.
- 49 Научная сессия по славяноведению... С. 136.
- 50 *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // *Славянский вопрос: Вехи истории*. М., 1997. С. 182–203.
- 51 АРАН. Ф. 456. Оп. 6. Д. 118. Л. 13.
- 52 Там же. Л. 13–14.
- 53 Там же. Л. 14, 21.
- 54 Там же. Л. 35.
- 55 Там же. Л. 14–15.
- 56 Там же. Л. 15.
- 57 Там же. Л. 16.
- 58 Там же.
- 59 Там же. Л. 16–17.
- 60 Там же. Л. 25.
- 61 Там же. Л. 23.
- 62 Там же. Л. 18.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же. Л. 18–19.
- 66 Там же. Л. 19.
- 67 Там же. Л. 14.
- 68 Там же. Л. 20.
- 69 Работническо дело. 1945. № 326. от 8. IX.
- 70 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 72. Л. 62.
- 71 *Третьяков П.Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция (1946) // *Известия АН СССР. Серия истории и философии*. М., 1946. № 3. С. 279–284.
- 72 Там же. С. 279.
- 73 *Арциховский А.* Археологическая поездка на Балканы // *Вопросы истории*. 1946. № 10. С. 100–106.
- 74 Там же. С. 101.
- 75 Там же.
- 76 Там же. С. 100.
- 77 Там же. С. 102–103.
- 78 Там же. С. 103.
- 79 *Третьяков П.Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция... С. 280.
- 80 *Арциховский А.* Археологическая поездка на Балканы... С. 103.
- 81 Там же. С. 104.
- 82 Там же. С. 105.
- 83 Там же. С. 106.
- 84 Там же.
- 85 Там же.
- 86 Там же.
- 87 Там же. С. 107.
- 88 Там же.
- 89 Там же. С. 101.
- 90 Там же. С. 103.
- 91 Научная сессия по славяноведению... С. 132.
- 92 АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.
- 93 *Богатырев П.Г.* Отчет о поездке в Балканские страны // *Краткие сообщения Института этнографии*. М., 1947. Вып. 3. С. 92.
- 94 АРАН. Ф. 1651. Д. 13. Л. 55.
- 95 Там же. Л. 56, 57, 58.

- 96 Там же. Л. 6, 9, 19.
- 97 Там же. Л. 29.
- 98 См.: *Богатырев П.Г.* Отчет о поездке в Балканские страны... С. 92.
- 99 АРАН. Ф. 1651. Д. 198. Л. 30, 33, 37, 41.
- 100 *Токарев С.А.* Этнографические наблюдения в Балканских странах (1946 г.) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 202.
- 101 *Третьяков П.Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция... С. 282.
- 102 *Токарев С.А.* Этнографические наблюдения в Балканских странах... С. 204–205.
- 103 Там же. С. 205.
- 104 Там же. С. 210.
- 105 *Третьяков П.Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция... С. 284.
- 106 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 9.
- 107 Там же. Л. 15.
- 108 *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения сороковых годов XX в. // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 133–134.
- 109 *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–20. См. также: Предисловие (Т.Ф. Павлова) // Фонды Русского Заграничного архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–32.
- 110 Там же. С. 27.
- 111 Там же. С. 28.
- 112 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 64.
- 113 Там же.
- 114 Там же. Л. 65.
- 115 Докладная записка Комиссии АН СССР о приеме Русского заграничного архива в Праге от 30 декабря 1945 г. // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1996. С. 284.
- 116 Там же.
- 117 Там же.
- 118 Там же.
- 119 Там же. С. 284–285.
- 120 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 66.
- 121 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 14–15 августа 1995 г. Сборник докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 555.
- 122 *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге... С. 28.
- 123 Там же.
- 124 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 66.
- 125 Докладная записка Комиссии АН СССР ... С. 283.
- 126 *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге... С. 28–30.
- 127 Докладная записка Комиссии АН СССР... С. 286.
- 128 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 67.
- 129 Докладная записка Комиссии АН СССР... С. 285.
- 130 Там же. С. 285.
- 131 АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 67.
- 132 Там же. Л. 71.
- 133 Там же. Л. 69.
- 134 АРАН. Ф. 1537. Ф. 1. Д. 36. Л. 1.
- 135 Там же. Л. 8–9.
- 136 Там же. Л. 9.
- 137 Там же. Л. 9–10.
- 138 Там же. Л. 10.
- 139 Там же.
- 140 Там же. Л. 11.
- 141 Там же. Л. 11–12.
- 142 Там же. Л. 12.
- 143 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 13.
- 144 Там же. Л. 14.
- 145 Там же. Л. 15.
- 146 Там же.
- 147 Там же.
- 148 Там же. Л. 22.
- 149 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 74–75.
- 150 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 39 об.
- 151 Там же. Л. 15.
- 152 Там же. Л. 16.
- 153 Там же. Л. 16.
- 154 Там же.
- 155 Там же. Л. 5–12.
- 156 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 80.
- 157 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 15.

- 158 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 82.
- 159 Там же. Л. 81.
- 160 Там же. Л. 80.
- 161 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова... С. 548–556.
- 162 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 82.
- 163 Там же. Л. 81.
- 164 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Российские слависты-эмигранты в Братиславе // *Славяноведение.* 1993. № 4. С. 49–62.
- 165 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 20.
- 166 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 85–86.
- 167 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 20.
- 168 Там же. Л. 20–21.
- 169 Там же. Л. 18.
- 170 АРАН. Ф. 1557. Оп. 2. Д. 143. Л. 58.
- 171 ОР РГБ. Ф. 632. Оп. 80. Д. 3. Л. 23.
- 172 Там же. Л. 21–26.
- 173 Там же. Л. 17.
- 174 Там же. Л. 27.
- 175 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. II. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 266–270. За указание на этот документ приношу благодарность д.и.н. Г.П. Мурашко.
- 176 600-летие Пражского университета // *Правда.* 1948. 6 апреля. № 97. С. 4.
- 177 *Королюк В., Миллер И., Миско М.* Польская историческая наука на VII Вроцлавском съезде // *Вопросы истории.* 1949. № 2. С. 106.
- 178 *Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich.* Warszawa, 1948. Т. I, II (zeszyt I)
- 179 *Королюк В., Миллер И., Миско М.* Польская историческая наука... С. 106–127.
- 180 Там же. С. 106.
- 181 Там же. С. 110.
- 182 Там же. С. 111.
- 183 Там же. С. 110–111.
- 184 Там же. С. 112.
- 185 Там же.
- 186 Там же. С. 127.
- 187 Цит. по: *Горизонтов Л.Е.* «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // *Славяноведение.* 1993. № 6. С. 54.
- 188 Там же.
- 189 Там же.
- 190 Там же. С. 54, 55.
- 191 Там же. С. 55.
- 192 Там же.
- 193 Там же. С. 53–56.
- 194 Там же. С. 56.
- 195 Там же.
- 196 *Третьяков П.Н.* Заметки со съезда польских историков во Вроцлаве // *Славяне.* 1948. № 11. С. 45.
- 197 *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский съезд славистов // *Славянский вопрос: Вехи истории.* М., 1997. С. 182–203; *Она же.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // *Исторический архив.* М., 2001. С. 3–13.
- 198 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения.* М., 1998. С. 226–242; *Она же.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах.* 1999. М., 2000. С. 175–188.
- 199 ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 42. Л. 5 об.
- 200 Там же. Л. 101.
- 201 *Греков Б.Д.* Славянский конгресс в Белграде (Итоги и впечатления) // *Вестник Академии наук СССР.* 1947. № 4. С. 54.
- 202 Информационный бюллетень Общеславянского комитета. Белград, 1947. № 6–7, 8. См.: ГА РФ. Ф. 6648. Оп. 4. Д. 17. Л. 99–100.
- 203 Там же. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.
- 204 *Досталь М.Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994. С. 134–141.
- 205 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 2.
- 206 *Третьяков П.Н.* К созыву общеславянского конгресса ученых-славяноведов // *Информационный бюллетень ОСК.* Белград, 1948. № 2. См.: ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 183. Л. 7.
- 207 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Предмет славистики в работах чехословацких ученых (1945–1984) // *Славяноведение и балканистика в странах*

- зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 144–164;
- Горяинов А.Н., Досталь М.Ю., Робинсон М.А. Методологические проблемы истории славистики как объект анализа в рамках международных съездов // История, литература, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов... Доклады российской делегации. М., 1993. С. 42–49.
- 208 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский съезд славистов... С. 186.
- 209 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 35.
- 210 Там же. Л. 26.
- 211 Там же. Л. 15, 17–18.
- 212 Там же. Л. 21.
- 213 Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 54.
- 214 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский съезд славистов... С. 188.
- 215 Там же.
- 216 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 242. Л. 85.
- 217 Там же. Оп. 3. Д. 2196. Л. 60, 112. За предоставленный материал выражаю благодарность д.и.н. Т.В. Волокитиной.
- 218 Там же. Оп. 128. Д. 242. Л. 125, 125 об.
- 219 Там же. Л. 126, 127.
- 220 *Жданов А.* О международном положении // Информационное совещание некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1947. С. 13–48.
- 221 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.
- 222 Там же. Л. 46.
- 223 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 496. Л. 73.
- 224 Там же. Л. 58.
- 225 Там же. Л. 57–58.
- 226 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. См. также: *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов... С. 3–13.
- 227 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 2.
- 228 Там же. Л. 3–4.
- 229 Там же. Л. 6.
- 230 Там же. Л. 5–6.
- 231 Там же. Л. 6.
- 232 Там же. Л. 5.
- 233 Там же. Л. 7.
- 234 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 5.
- 235 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 180–184.
- 236 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 496. Л. 107–108.
- 237 Там же. Л. 87–94.
- 238 Там же. Л. 58.
- 239 Там же. Д. 242. Л. 61.
- 240 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 197–199.
- 241 Там же. Л. 193–196.
- 242 Там же. Оп. 1. Д. 170. Л. 20.
- 243 Там же. Д. 203. Л. 16.
- 244 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 617. Л. 255, 255 об.
- 245 Там же. Оп. 3. Д. 104. Л. 2.
- 246 Подробнее о причинах и развитии конфликта см.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
- 247 ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 203. Л. 45.
- 248 Подробнее см.: *Волков В.К., Гибинский Л.Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22; Советско-югославский конфликт, 1948–1953 гг. Причины, развитие, последствия и уроки («Круглый стол») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 98–121; *Аникеев А.С.* Югославия и европейская политика великих держав в годы «холодной войны» (конец 40-х — начало 50-х годов) // Славяноведение. 1992. № 5. С. 60–79; *Он же.* Как Тито от Сталина ушел... и др.
- 249 Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский съезд славистов... С. 201.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводим читателя к главному итогу нашего исследования — ответу на вопрос, какое место занимает рассматриваемый период в истории отечественного славяноведения.

Развитие науки в тоталитарном обществе свидетельствует о решающем влиянии и давлении внешних факторов идеологии и политики на внутренние законы развития гуманитарных дисциплин. Во всяком случае, именно они обуславливают ключевые моменты и переломы в смене парадигм, решительно определяют задачи коренного пересмотра результатов предыдущих исследований. В идеальном представлении переоценка их результатов при сохранении оптимального опыта и базовых ценностей с накоплением критической массы новых внутренних тенденций в развитии науки дает мощный толчок к ее обновлению и импульс для дальнейших плодотворных исследований. Годы общественных потрясений и революций, как правило, насильственно прерывают процесс внутреннего обновления науки, и она вынуждена перестраиваться вопреки своим внутренним закономерностям, неизбежно теряя приобретенные знания и их инициаторов и творцов.

Именно в такой ситуации оказалось успешно развивающееся на основе далеко не исчерпавшей себя позитивистской методологии отечественное славяноведение, когда события Октябрьской революции и последующая реорганизация на условиях нового режима, а также ликвидация славистических центров насильственно принудили его становиться на рельсы марксизма. Произошел катастрофический разрыв традиций, трагически сказавшийся на судьбах российских славистов: кто мог — покинул родину, трудился в эмиграции, оставшиеся были обречены пережить голод и разруху Гражданской войны, репрессии и унижение советских властей. Старое было разрушено почти до основания, ростки нового, разрешенного большевиками, только начали пробиваться сквозь развалины скомпрометированной всеми средствами старой науки. Адепты марксистской идеологии резко отрекались от «старорежимного» наследия или, наоборот, возвращались к нему кратковременно во «второй редакции» марксизма.

1939 год оказался поистине переломным для отечественного славяноведения советского периода. Внутренние потребности науки, осознанные немногими оставшимися на свободе авторитетными славистами, и мощные внешние факторы — начало Второй мировой войны и поиск возможных союзников во внешней политике, поворот к великодержавному патриотизму во внутренней, соображения престижа советской науки и пр. в благодатном симбиозе создали почву для возрождения славяноведения в СССР, но уже на новых марксистских основах.

В разных славистических дисциплинах процесс восприятия марксизма проходил противоречиво и по-разному. Мы установили некоторую закономерность этого процесса, в котором отношение к старым традициям играло существенную роль.

В области истории «отречение от старого мира» возглавила «школа» М.Н. Покровского, разгромленная в 1939 г. с поворотом политики Сталина к государственному патриотизму. Именно этот «романтико-патриотический» марксизм (с более или менее зримой классовой подоплекой) стал основой и ведущей тенденцией возрождения исторической славистики особенно в период Великой Отечественной войны (была предпринята даже попытка реабилитации школы В.И. Ламанского путем акцентирования не столько славянофильской, сколько «антинемецкой» её направленности), но постепенно он принимал свои привычные формы, возвращаясь к сугубо классовым трактовкам в годы послевоенного ужесточения режима и борьбы с «космополитизмом».

В литературоведении разгром на рубеже 1920–1930-х гг. «вульгарного социологизирования» РАППовцев, В.Ф. Переверзева и его «школы» способствовал реабилитации в 1938 г. методологических установок А.Н. Веселовского, на труды которого, а также на патриотическое наследие русского литературоведения продолжали опираться советские ученые в противоречивом симбиозе с рудиментами «социологизированного» подхода, так и оставшегося в арсенале марксистов и окончательно вышедшего «из подполья» в результате погромных кампаний конца 1940-х гг.

Пути «марксистского» языкознания были самыми извилистыми. На рубеже 20–30-х гг. XX в. за право на его особое марксистское толкование с отрицанием традиционного компаративизма сражались марристы и «Языкфронт» во главе с Г.К. Даниловым. Однако, в отличие от других научных отраслей, победа марристов в лингвистике не привела в дальнейшем к утверждению «нового учения о языке» в возрождающемся славяноведении (за немногими исключениями) ввиду полного противоречия его с фундаментальными основами этой науки. Претензии Н.Я. Марра и его последователей на истинно марксистское истолкование языкознания признавались скорее декларативно. Своеобразный «политес» соблюдался до конца 1940-х гг. Сторонники традиционной лингвистики даже предприняли шаги по включению наследия А.А. Шахматова в арсенал современного языкознания, добились публикации статей зарубежных компаративистов А. Белича, Е. Куриловича в советских научных журналах, но марристы «в мутной воде» разоблачительных идеологических кампаний снова перешли в жесткое наступление и сломили сопротивление некоторых своих «крепких» противников. Однако неожиданное, хотя и запоздалое (не в конце 1930-х гг.!) разоблачение «антимарксизма» марровского «нового учения о языке», спровоцированное Сталиным в известной лингвистической дискуссии 1950 г., предотвратило глубокое внедрение абсурдных антинаучных идей в славянское языкознание, хотя и не оградило от новых ошибочных концепций и попыток его дальнейшей «марксизации».

Следует отметить, что некоторые идеи Н.Я. Марра (отрицание миграции народов и существования прародины славян) нашли благодатную почву в славянской археологии и этнографии, были положены в основу решения проблем славянского этногенеза, выработку его «советской» концепции, от которой пришлось отречься после лингвистической дискуссии.

Таким образом, возрождающееся славяноведение получило в методологическое наследие «вторую патриотическую редакцию» марксизма в области истории и литературоведения и неприятие «первой марристской редакции» в языкознании, оставшемся на традиционных позициях мировой и дореволюционной науки. Такое понимание восприятия марксизма в отечественном славяноведении в конце 1930-х и в 1940-е гг. мы считаем главной отличительной особенностью данного периода.

В дальнейшем, после дискуссии по вопросам языкознания, и хрущевской «оттепели», в годы брежневского «развитого социализма» произошла стабилизация методологических устоев марксизма в славяноведении. Но вместе с отрицанием научного наследия сталинской эпохи из истории науки по существу выбросили и весь противоречивый период возрождения славистики 40-х гг. XX в.

Начало перестройки и гласности во второй половине 1980-х гг. дали креативный импульс для научных исследований, привели к выявлению «белых пятен», запретных тем, признанию существования альтернатив исторического развития и т. д. Мощный переоценочный бум тормозило только господство КПСС и марксистской методологии, но в 1991 г. с распадом СССР и антикоммунистическим переворотом, пала и эта крепость. Начались не просто переоценка, но огульное отрицание всех научных достижений советской эпохи. Более мягко это происходило в славяноведении. В настоящее время наблюдается некоторая стабилизация, дающая возможность объективных исследований эпохи господства марксизма.

Этап, который мы исследовали, имеет в пафосе отрицания старых устоев определенное типологическое сходство с некоторыми переломными моментами в развитии отечественного славяноведения.

Что касается проблем его возрождения, то нельзя не провести и некоторых аналогий с периодом институционального становления отечественного славяноведения в 30–50-е гг. XIX в. Тогда самодержавная власть упредительно откликнулась на возросшие национальные движения славянских народов организацией кафедр «истории и литературы славянских наречий» в четырех российских университетах, закрепив их в новом университетском уставе 1835 г. Началось формирование новых курсов славистики, систематизация накопленных к тому времени знаний в отечественной науке, активное восприятие зарубежного опыта на методологии романтизма (не очень почитаемой учеными с точки зрения объективности научных результатов). Тогда в революционном 1848 г. после вмешательства властей тоже пришлось «поступиться принципами», когда министр народного просвещения С.С. Уваров потребовал толковать славяноведение не с позиций «славянской взаимности», а исходя из его пресловутой «триады»: Самодержавие, Православие и Народность. Этот период не оставил в науке, за немногими исключениями (основополагающее «Рассуждение о славянском языке...» А.Х. Востокова, «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского, «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» В.И. Григоровича и др.), капитальных и востребованных последующими поколениями научных трудов. Но многие из них имели, как, например, «Древние и нынешние болгары» Ю.И. Венелина, важное и непреходящее «будительское» значение. Этот ранний период отечественного славяноведения прочно вошел в анналы его истории, его значение для становления науки никем не отрицается и не игнорируется.

Настал черед реабилитации и начального этапа становления советского марксистского славяноведения. Понятно, что период Второй мировой войны и последующих идеологических погромов оставил тяжелый отпечаток на научной продукции и мышлении ученых. Методология марксизма как в его формационно-классовом подходе, так и «романтико-патриотической» редакции также не способствовала объективности результатов, так ценимых в научном мире. Наоборот, тогда, на исходе 1940-х гг. и далее, особенно поощрялась «партийность» науки. Мы почти не находим в этот период трудов не кратковременно-пропагандистского, а долгосрочного научного значения. Исключение

составляют, пожалуй, исследования Л.А. Булаховского по славянской акцентологии, «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии» С.Б. Бернштейна, «Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах», куда вошла часть докторской диссертации С.А. Никитина, труды Б.Д. Грекова по истории Киевской Руси, публикация «Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)» и некоторые другие.

Но без этого подготовительного, своего рода инкубационного периода, когда в трудных предвоенных и порой невыносимых военных условиях формировались кадры молодых славистов, разрабатывались университетские курсы славистических дисциплин, намечались приоритетные направления научных исследований (которые серьезно, на основании источников, и масштабно разрабатывались позднее), стало бы невозможно последующее развитие славяноведения. Именно тогда был заложен его базовый фундамент, на котором вырос комплексный Институт славяноведения АН СССР. Кстати, образцовая организация учебного процесса, постоянные обсуждения на кафедрах и в Секторе славяноведения Института истории АН СССР, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР, на сессиях Отделений АН СССР и пр. разнообразных по тематике докладов и научных проблем, семинары для научной молодежи, т. е. развитие и процветание особой формы устного дискуссионного научного творчества (при трудностях публикации коллективных работ), являются не только характерной чертой рассматриваемого периода, но и несомненным образцом для подражания в современной науке.

Заметим, что тогда еще коллективные труды не стали стандартом научного творчества, мэтры науки могли сами заменять собой целые научные коллективы и успешно пользовались этим, выдавая массу идеологически актуальной, работающей на нужды антифашистской пропаганды, продукции. С высот сегодняшней науки можно, конечно, снисходительно относиться к их трудам, содержавшим фактические ошибки и неточности (при отсутствии библиотек), политически ангажированным, облеченным в яркую публицистическую форму, но не следует забывать, что ученые-патриоты были идеологическими бойцами тыла, мужественно работавшими на общую Победу, без которой вообще бессмысленно говорить о дальнейшем развитии отечественного славяноведения. Никогда более славистика как средство массовой пропаганды не была столь востребована народом и обществом, способствуя подъему патриотических чувств и воинов, сражающихся на фронтах, и работников тыла. Память о славянах именно этого времени до сих пор жива в сердцах уходящего старшего поколения. В этом также одна из особенностей данного периода.

Что касается связей славянских ученых, без которых невозможно успешное развитие науки, то в годы Второй мировой войны они компенсировались активным участием политэмигрантов из славянских стран в работе научных центров в АН СССР и университетах. Нельзя отрицать, что они внесли определенный вклад в возрождение советского славяноведения. Следует отметить, что в 1945–1947 гг., в краткий период послевоенной «толерантности» сталинского режима, ненадолго поднялся «железный занавес», позволивший осуществлять международные связи, которые также способствовали активизации научных исследований. С одной стороны, формирование блока стран «народной демократии» способствовало расширению научных контактов славистов славянских стран и принесло первые позитивные результаты: именно славянские коллеги помогали в обучении и подготовке кадров славянских филологов в МГУ. С другой стороны, командировки славистов давали дополнительную информацию пар-

тийным органам о «брожении умов» славянской интеллигенции. Советские историки на правах «мэтров» марксизма осторожно наставляли тяготевших к нему зарубежных славистов в скорейшем освоении марксистской методологии, чему особенно мог способствовать несостоявшийся съезд славистов в Москве в 1948 г.

Тесный альянс науки и власти для достижения общих целей Победы, «бдительное покровительство» последней в создании научных центров, конечно, имели и отрицательные последствия. Советские славяноведы творили в условиях постоянного прессинга идеологических установок, чутко реагируя на любые повороты партийной политики в ее лавировании между идеями пролетарского интернационализма и славянского патриотизма. В 1940-е гг. это проявлялось очень наглядно. Историки и филологи средствами своих наук то работали на пробуждение чувства славянской солидарности, а далее на формирование тесных уз, сплочение стран «народной демократии», то боролись с «буржуазным космополитизмом» и объективизмом за «партийность» науки. В «погромных» кампаниях особенно глубоко обнажились проблемы научной этики и допустимых пределов конформизма. От полученных в те «сумеречные» годы моральных травм ученые оправлялись всю последующую жизнь.

Подводя итоги сказанному, полагаем, что период Второй мировой войны и первых послевоенных лет был самостоятельным этапом в истории российского славяноведения. Он отмечен возрождением и одновременным формированием новых славистических центров в Академии наук и университетах, всесторонней подготовкой кадров славистов и определением долгосрочных планов и направлений научных разработок. Пожертвовав чисто научной стороной исследований в пользу патриотической публицистики во имя общей Победы, мимикрируя под постоянным нажимом идеологических кампаний, советские слависты все же сумели заложить прочные основы для дальнейшего развития отечественного славяноведения. И эти временные, подготовительные жертвы не напрасны, они достойны уважения и внимания соотечественников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН	— Архив РАН
ВКВШ	— Всесоюзный комитет по делам высшей школы
ВСК	— Всеславянский комитет в Москве
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ИЯМ	— Институт языка и мышления
ИЯП	— Институт языка и письменности народов СССР
ОИФ	— Отделение истории и философии АН СССР
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка АН СССР
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН	— С.-Петербургский филиал Архива РАН
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РЗИА	— Русский заграничный исторический архив
РИСО	— Редакционно-издательский совет
РЦХИДНИ	— Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СК АН СССР	— Славянская комиссия при Президиуме АН СССР
ЦАОПИМ	— Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы
ЦАОДМ	— Центральный архив общественных движений г. Москвы
ЦМАМ	— Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦМА — МЛС	— Центральный московский архив – Музей личных собраний
LAPNP	— Литературный архив Музея национальной литературы («Памятник национальной письменности»)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аболевич В.Б., литературовед-полонист 144
Абрамич М., хорв. археолог 389
Абрамович М., югосл. археолог 420
Аванесов Р.И. (1902–1982), языковед, чл.-корр.
(1958) 21, 23, 31, 33, 117, 119, 121, 123, 124,
155, 156, 193, 207, 208, 281, 283, 363, 421
Авдиев В.И. (1898–1978), историк древнего
мира 91
Авербух Р.А. (1896–1978), историк 361
Агапов Б.Н. (1899–1973), лит. критик,
писатель 289, 365
Агню Д., англ. историк 29, 68, 72,
Адамов Е., журналист 359
Аджемян Х.Г., историк 176
Адибеков Г.М., историк 29, 73
Адрианова-Перетц В.П. (1888–1972), литера-
туровед, чл.-корр. (1973) 211, 214
Айзеншток И.Я. (1900–1980), литературовед-
славист 339
Айрапетян М.Э., историк 360
Айснер Я. (1885–1967), чеш. археолог 420
Азадовский К.М., литературовед 17, 30, 74,
146
Азадовский М.К. (1888–1954), литературовед,
фольклорист 146, 299, 303, 319, 320, 323–
325, 328, 330, 332, 369, 380
Аксаков И.С. (1823–1886), славянофил,
публицист, поэт 267, 330
Аксаков К.С. (1817–1861), славянофил,
философ 43, 365
Аксенова Е.П., историк 14–16, 19, 26–28, 33, 69,
70, 75, 148, 158, 163, 165, 223, 227, 229–231,
347, 350, 367
Александр Невский (1220–1263),
новгородский князь, святой 266, 355,
385
Александров А.Д., филолог 145, 380
Александров В.А. (1923–1994), историк
России 32, 151, 424
Александров В.Я., историк науки 74
Александров Г.Ф. (1908–1961), философ, акад.
(1946) 57, 295
Алексеев М.П. (1896–1981), литературовед,
историк культуры, акад. (1958) 146, 299,
319, 320, 322, 330, 331, 369, 379, 383
Алексеев Н.Н., генерал-лейтенант, эмигрант
396
Алексеева Н.В., литературовед 146, 330, 331
Алпатов В.М., лингвист, историк науки 17,
30, 67, 68, 148, 155, 156, 223, 227, 230, 289,
350, 362, 365, 366
Алпатов М.А. (1903–1980), историк 350
Альтман В. («В.А., А.В»), историк 153, 348,
364
Андреев А.А. (1895–1971), парт.-гос. деятель 176
Андреев В.Д. (1929–2000), литературовед 27,
158
Андреева Е.С. (1915–1988), языковед-богемист
144, 146, 330, 331
Андрейчин Л.Д. (1910–1975), болг. филолог-
славист, чл.-корр. БАН (1952) 282
Аникеев А.С., историк-югославист 17, 31, 73,
428
Аникин В.П., филолог 370
Антакольский П.Г. (1896–1978), поэт 316
Анфилофьев И., историк 361
Аракчеев А.А. (1769–1834), гос. и воен.
деятель, граф 289, 296, 365
Арбузова И.В., филолог-славист 143
Аржакова Л.М., историк-полонист 154
Аристофан (ок. 445 – ок. 385 до н.э.), др.греч.
поэт, комедиограф 131

- Арнольд С., пол. историк 408, 420
 Артамонов М.И. (1898–1972), историк, археолог 243, 244, 252, 253, 351, 352, 381
 Артемьев А., публицист 345, 376
 Архангельский В.Г., писатель, эмигрант 395
 Архипов В.А., филолог-аспирант 329
 Архипов К.А., юрист 118
 Архипова Л.В., историк-дипломница 86
 Арцимович В., литературовед 370
 Арциховский А.В. (1902–1978), археолог, историк, чл.-корр. (1960) 28, 32, 88, 387–389, 425
 Асеев А.И., ректор МИФЛИ 120
 Асеев Н.Н. (1889–1963), поэт 316
 Аспарух (ок. 644 – ок. 700), хан Первого болг. царства 248, 257, 261
 Астров Н.И. (1868–1934), юрист, эмигрант 395
 Афанасьев А.Н. (1826–1871), литературовед и фольклорист 279
 Ахматова А.А. (1889–1966), поэт 317, 318
 Ахундов М.Д., историк науки 74
 Ашкерц А. (1856–1912), словен. поэт 194, 306
 Ашнин Ф.Д., историк науки 67, 68, 148, 156, 223, 227, 230

 Бабушевич, дипломница 93
 Багряна Е. (Белчева), болг. поэтесса 334
 Байрон Д. (1788–1824), англ. поэт 304, 308, 312, 341
 Баженов Л.Б., историк науки 74
 Базилевич К.В. (1892–1950), историк России 355, 359
 Бакалов Г. (1873–1939), болг. общ. деятель, лит. критик, ин. чл. АН (1932) 299, 334, 367
 Бакунин М.А. (1814–1876), революционер, теоретик анархизма 43, 110, 172, 360
 Баламезов С., ректор Софийского ун-та 384
 Бараг Л.Г., белорус. фольклорист 325, 326
 Баранов Л.С. (1909–1953), парт. работник 358, 413, 415
 Баранович А.И., историк 359
 Баронова Л.И., студентка-историк 94
 Бархаш И., переводчик 341
 Бархударов С.Г. (1894–1983), языковед, чл.-корр. (1946) 140, 193, 206–208
 Басистов Ю.В., историк 29, 70
 Батеенков П.С., историк 30, 70, 71,
 Батовский Г., пол. историк 409, 420
 Батыгин Г.С., историк 30, 74
 Батя Т. (1876–1932), чеш. обувной магнат 343
 Бахмутов Е.К., литературовед 192, 380
 Бахрушин С.В. (1882–1950), историк России, чл.-корр. (1939) 44, 118, 175, 176, 269, 358
 Башмакин М.Д., историк 193
 Бедный Д. (Придворов Е.А.) (1883–1945), пролетар. поэт 69
 Безикович Е.И. (1894–?), языковед-болгарист 143
 Бейлис А.С., историк-болгарист, 360
 Беккер И., историк 359
 Беклемишева М., историк 96, 97, 99
 Белановский В.Н. (1897–1987), укр. историк 361
 Белецкий, пол. публицист 315
 Белецкий А.И. (1884–1961), укр. литературовед-славист, акад.(1958) 135, 322, 339, 421
 Белинский В.Г. (1811–1848), лит. критик 146, 214, 314, 320, 321, 337, 339, 345
 Белицер Б.Н., этнограф 326
 Белич А. (1876–1960), серб. лингвист, президент Серб. АН, ин. чл. АН СССР (1925) 45, 133, 145, 157, 175, 199, 270, 288, 289, 364, 373–381, 391, 403, 417, 420, 424, 430
 Белявская (Тышкевич) И.М. (1913–1975), историк-полонист 12, 13, 23, 24, 26, 31–33, 68, 79, 82, 85, 87, 89, 93–95, 99–101, 103, 105, 109, 112, 148–152, 172
 Белявский М.Т. (1913–1989), историк 33, 149
 Беляев В.И., историк 193
 Беляева В.И. (1945–2000), историк-богемист 30
 Бем А.Л. (1886–1945?), литературовед, эмигрант 46
 Бенеш Э. (1884–1948), чехословац. гос. деятель 57, 61, 62, 71, 359, 400, 401
 Бенуа А.Н. (1870–1960), художник, историк иск-ва, эмигрант 397

- Беранже П. (1780–1857), фр. поэт-сатирик 344, 371
- Берг Н.В. (1823–1884), поэт, переводчик 299
- Бергер А.К., историк-медиевист 256, 352
- Бережков В.М. (1916–1998), переводчик у Сталина, писатель 72
- Бережков Н.Г., историк 359
- Берелевич Ф.И., историк 359
- Берия Л.П. (1899–1953), парт.-гос. деятель 120
- Берков П.Н. (1896–1969), литературовед, чл.-корр. (1960) 27, 145, 146, 330, 339, 371, 380
- Бернштейн С.Б. (1911–1997), языковед-славист 8, 14–16, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 31, 33, 34, 36, 45, 48, 67, 70, 113, 117–138, 142, 153–158, 189, 194–196, 199, 204, 209, 210, 212–214, 217, 219, 220, 227–231, 245, 276, 278, 280, 281–286, 291–297, 307, 317, 329, 349, 362–367, 369, 377, 383, 384, 321, 432
- Берында П. (†1632), укр. лексикограф 205
- Бестужев-Рюмин М.П. (1801–1926), декабрист, подпоручик 339
- Бибиков В.Ф. сотрудник РЗИА, эмигрант 405
- Бидло Я. (1868–1937), чеш. историк-славист 45
- Билев В.С. историк-выпускник 81
- Билунов Б.Н. (1946–1992), историк-болгарист 154
- Биллярский П.С. (1917–1867), филолог-славист 276
- Бирман М.А., историк 103
- Бисмарк О. (1815–1898), I рейхсканцлер Германии, князь 173
- Благинина Е., переводчик 316
- Благовое Д. (1856–1924), болг. революционер, тесняк 107, 169, 274, 334, 360,
- Благовое С.Д. (1887–1954), болг. политик и общ. деятельница 360
- Благой Д.Д. (1893–1984), литературовед, чл.-корр. (1953) 303, 367
- Бобжинский М. (1849–1935), пол. историк 181, 184, 243
- Бобинская (Телицына) Ц.С., историк-славист 81, 84, 85, 87, 172
- Бобович А.С. (1904–1988), филолог-латинист 146, 330
- Бобчев С.С. (1853–1940), болг. историк, неославист 331
- Богаевский А.П., генерал, атаман Войска Донского, эмигрант 397
- Богатырев П.Г. (1893–1971), фольклорист, этнограф-славист 7, 19, 28, 32, 37, 119, 120, 128, 130, 137, 145, 156, 189, 190, 207, 219, 282, 322, 323, 325–329, 345, 358, 369, 370, 378, 380, 381, 387, 390–392, 413, 414, 421, 425, 426
- Богданов В.В., историк 118
- Богданов С.И., редактор 26, 28
- Богданская С., историк 356, 361
- Боген Ю.Г., пол. историк 80, 106
- Богомолов Б.И. историк АОН 326
- Богоявленский С.К. (1871–1947), историк, археолог, чл.-корр. (1929) 168, 171, 173, 175, 183, 184, 193, 219, 224, 226, 396, 398, 399
- Богушевская Е., пол. писательница 301
- Бодуэн де Куртенэ И.А. (1845–1929), пол. и рос. лингвист-славист, чл.-корр. (1897) 37, 45, 270, 276
- Бодянский О.М. (1808–1877), филолог-славист, изд. источников 35, 67, 75, 96, 117, 276, 297
- Бой-Желенский Т. (1874–1941), пол. писатель-сатирик, критик 313
- Бокарев Е.А., филолог 229
- Болеслав I Храбрый (967–1025), пол. король 42
- Болеслав III Кривоустый (1085–1138), пол. король 42
- Бондарева Е.А., историк-югославист 69
- Бондарчук, профессор из Киева 408
- Бонди С.М. (1891–1983), литературовед-пушкинист 316
- Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955), гос. деятель, историк, литератор 322
- Борисов Л., историк 356, 361
- Борны, князь Далмат. Хорватии IX в. 263
- Бородич В.В. (1905–1978), лингвист, болгарист 21, 119, 126, 128, 282
- Борро Д. (1803–1881), англ. литератор 331
- Борцаговский А.М., писатель, критик, театровед 23, 33, 74

- Ботев Х. (1848–1876), болг. революционер, поэт 86, 107, 133, 184, 201, 203, 214, 270, 306, 307, 333, 336–338, 346, 358, 370, 371
- Ботто Я. (1829–1881), словац. поэт 319
- Бочкарев В., историк 355
- Бошкович Д., серб. археолог 389
- Брагин М., историк 356
- Брандт Р.Ф. (1853–1920), литературовед-славист, поэт, чл.-корр. (1904) 117, 297
- Брачев В.С., историк 228
- Браччолини П. (1380–1459), итал. гуманист 184
- Бречко, хорв. князь XII в. 389
- Брок О. (1867–1961), норв. славист, ин. чл. АН (1916) 175, 377, 420
- Бромлей Ю.В. (1921–1990), историк, этнограф, акад. (1976) 101, 107
- Броневский В. (1897–1962), пол. поэт 299
- Брусилов А.А. (1853–1926), военачальник, генерал 60, 397
- Брусилова-Желиховская Н.В. (1869–1939), вдова А.А. Брусилова 397
- Брюкнер А. (1856–1939), пол. филолог-славист 45, 243, 286
- Брянцев Т.Г., лексикограф 282
- Бубрих Д.В. (1890–1949), лингвист, чл.-корр. (1946) 288
- Будилович А.С. (1846–1908), филолог-славист 35, 241, 270, 286, 297
- Булатова Р.В., филолог-славист 20
- Булаховский Л.А. (1888–1961), укр. языковед, академик (1936) 130, 132, 135, 219, 281, 285, 286, 293, 295, 421, 432
- Будлаков В.Ф. (1886–1966), литературовед, культ. деятель, эмигрант 397, 405, 419, 426, 427
- Бунак В.В. (1891–1979), антрополог 387
- Бунин И.А. (1870–1953), писатель, эмигрант 397
- Бунина И.К. (1918–2004), лингвист-славист 119
- Бурдей Г.Д., историк 275, 362
- Бурцев В.Л. (1862–1942), политик (эсер), публицист, эмигрант 395
- Буслаев Ф.И. (1818–1897), филолог, академик (1860) 330
- Бусыгин, сотр. Инслава 139
- Бутятин, чиновник НКВШ 100
- Бухарин Н.И. (1888–1938), полит. деятель, публицист, акад. (1928) 44, 48, 236, 321
- Бучанов И.И., историк-славист 158, 349
- Бушуев С.К. (1906–1958), историк 91, 176
- Быджовский Б. (1880–1969), чеш. математик, ректор Праж. ун-та 405, 408
- Былинский К.И., филолог 287
- Бычков Л., историк 356
- Бялый Г.А. (1905–1987), литературовед 146, 330, 331
- Вавилов Н.И. (1887–1943), биолог, генетик, акад. (1929) 74
- Вавилов С.И. (1891–1951), физик, акад. (1932), президент АН СССР 349, 364, 398, 399, 408, 413
- Важик А., пол. поэт, антифашист 306, 315
- Важинская М., пол. поэтесса 306
- Вазов И. (1850–1921), болг. поэт и писатель 214, 298, 299, 333, 336, 337, 344, 366, 370
- Вайнштейн О.Л. (1894–1980), историограф средних веков 28, 113, 114, 116, 154, 260
- Валев Л.Б. (1915–1981), историк-болгарист 30, 71, 72
- Вандалковская М.Г., историк 69
- Вапцаров Н.И. (1909–1942), болг. поэт 334
- Варлаам, епископ Охридский (XVI в.) 330
- Варшавский, писатель 317
- Васильев М.А., историк 28, 350
- Васильев М.А., литературовед 192
- Васильев С.В., историк-румынист 28
- Васильева О.Ю., историк 17, 30, 71
- Василевская В. (1905–1964), пол. писательница, общ. деятель 57, 301–303, 315, 367
- Василенок С.И., филолог 329
- Васильевский В.Г. (1838–1899), византинист 169, 173, 240, 259, 260, 352, 353
- Васич М., болг. археолог 389
- Ватлин А.Ю., историк 29, 72
- Вацлав св. (X в.), чеш. князь, св. патрон Чехии 343
- Вацлавек Б., чеш. литературовед 342
- Введенский А., студент-историк 154
- Вдовин А.И., историк 17, 29, 59, 69, 71, 72

- Ведерникова, студентка-историк 93
Вейнгарт М. (1890–1939), чеш. лингвист 45
Велчев В.П. (1907–1991), болг. литературовед 133, 337
Велчев Д., болг. ген.-полковник, военный министр 384
Вельмезова Е.В., филолог 158
Венедиктов Г.К., языковед-славист 8, 20, 33, 146, 147, 156, 157, 363
Венелин (Гуца) Ю.И. (1802–1839), историк и филолог-славист 195, 243, 252, 431
Вергун Д.Н. (1871–1951), публицист, неославист, эмигрант 46, 119
Верещицкий Г., пол. историк 409
Верещак М., «муза» А. Мицкевича 304
Вернадский Г.В. (1887–1973), историк-эмигрант 351
Верфель Р., историк 359
Верховень Б.Г., историк 102
Верховский Ю.Н. (1878–1956), поэт, переводчик 315
Верчинский С., пол. историк 409
Вершинин А., филолог-русист 365, 370
Веселовский А.Н. (1843–1918), литературовед, почет. акад. (1906) 260, 279, 299, 310, 319–327, 330–332, 335, 369, 430
Вечерка Р., чеш. славист 229
Večerka R. 69
Викслер И.И., литературовед 213
Виктор Я., пол. писатель 301
Викторов Я.З., журналист, межд. обозреватель 54
Виноградов В.В. (1895–1969), филолог, акад. (1946) 124, 129, 133, 145, 146, 287–292, 329, 330, 364–366, 370, 379, 381, 382, 408, 421, 425
Винокур Г.О. (1896–1947), языковед 119, 129, 156, 207, 208
Вишпер Р.Ю. (1859–1954), историк, акад. (1943) 260
Витезович П., югославян. Писатель 309, 379
Вишенский И. (XVII в.), укр. писатель-полемист 330
Владимир св. (†1015), киев. князь 159
Владимирская В.И. (1912–1991), историк-болгарист 103, 105, 106, 112, 119
Владова Е.А., лингвист-болгарист 13, 95
Власова, историк-дипломница 93
Влахов Д. (1878–1953), макед. историк, полит. деятель 57, 168–171, 173, 189, 193, 198–200, 210, 228, 285, 307, 372
Влахов Т., болг. литературовед, писатель 420
Вовчок Марко (Вилинская-Маркович М.А.) (1833–1907), рус. и укр. писательница 144, 345
Вознесенский А.А. (1898–1950), экономист, деятель науки, ректор ЛГУ 30, 142, 145, 377, 378, 381, 413–418, 422
Войтковский Г. пол. историк 409
Войцеховский С. (1900–1955), пол. историк 42
Волгин В.П. (1879–1962), историк, общ. деятель, акад. (1930) 48, 175, 179, 218, 219, 221, 222, 259, 375, 377, 416, 418
Волков В.К. (1930–2005), историк-славист, чл.-корр. РАН (2000) 16, 17, 28–30, 73, 145, 222, 231, 234, 347, 428
Волков Е.З. (1883–1942), экономист, обществовед 55
Волков Р.М. (1885–1959), литературовед 325
Волокитина Т.В., историк-болгарист 17, 30, 71, 73, 428
Волошин А. (1874–1945), укр. общ. и полит. деятель 99
Волошина Г.К., филолог 27, 159, 362, 363
Волькер И. (1900–1924), чеш. поэт 336, 370
Вольман Ф. (1888–1969), чеш. филолог-славист 45, 145, 294, 378, 420
Wollman F., 366
Вольпе Г., пол. литературовед, дипломат 128, 130, 145, 309, 368, 377, 378, 380
Вондрак В. (1859–1925), чеш. филолог-славист 270
Воробьев Л.В. (1922–1982), историк, философ 94, 108, 109
Воронков И.А. (1921–1983), историк-полонист 12, 13, 24–26, 69, 86, 96, 97, 101, 103, 103, 109, 148, 151, 172
Воронцов М.С. (1782–1856), губернатор Новороссии 194
Ворошилов К.Е. (1881–1969), нарком, маршал 396

- Востоков А.Х. (1847–1864), филолог-славист, акад. (1841) 206, 276, 431
- Врангель П.Н. (1878–1928), один из рук. белого движения, барон 396
- Врхлицкий Я. (1853–1912), чеш. поэт 319, 342
- Выка А., пол. славист 420
- Высотский С.С., лингвист, 193, 208
- ыспяньский С. (1869–1907), пол. художник, драматург 301
- Габович М.М. (1905–1965), артист балета 399
- Габсбурги, австр. династия (1282–1918) 110, 268, 315
- Гавличек-Боровский К. (1821–1856), чеш. политик, публицист 85, 97, 173, 307, 319
- Гавранек Б. (1893–1978), чеш. лингвист-славист 45, 128, 133, 145, 291, 294, 377–379, 381, 406, 420
- Navranek В. 366
- Гагарин А.П., философ 120
- Гаврилов М.Г. (1759–1829), славист, эстетик 116
- Гай, рим. юрист II в. 195
- Галецкая, артистка 399
- Галецкий П., пол. историк 181
- Галкин И.С. (1898–1990), историк, ректор МГУ 121, 126, 127, 131
- Галкина-Федорук Е.М. (1898–1965), языковед-русист 119
- Галл Аноним (Мартин Галл) (XI–XII вв.), пол. хронист 96, 173, 264, 410
- Гальковский Н., переводчик 299
- Ганка В. (1791–1861, чеш. филолог, «будитель») 330
- Ганичев И., историк 357
- Гановский С., болг. лит. критик 335
- Гапова В.И., литературовед-переводчик 144
- Гарашанин И. (1812–1874), сербский гос. деятель 94
- Гарриман У.А. (1891–1986) 53
- Гартвиг, дипломат 181
- Гашек Я. (1883–1922), чеш. писатель-сатирик 298, 299, 307, 336, 366, 370
- Гвездослав П. (1849–1921), словац. поэт 319
- Гебауэр Я. (1838–1907), чеш. филолог 128
- Гегель Г.В.Ф. (1770–1831), нем. философ 177
- Гегель Ф., пол. писатель 301
- Гейдрих Р. (1904–1942), протектор Богемии и Моравии 398
- Гейне Г. (1797–1856), нем. поэт 341
- Гейнош В., пол. историк 409
- Гельмольд, нем. хронист XII в. 84, 169
- Гемпель Я., пол. литературовед, политэмигрант 299
- Генрих I Птицелов (ок. 876–936), герм. король, император 88
- Генсель В., пол. историк 409
- Гердер И.Г. (1744–1803), нем. философ 332
- Геров Н. (1823–1900), болг. филолог, общ. деятель 270
- Геродот, др.греч. историк V в. до н.э. 246
- Герцен А.И. (1812–1870), революционер, писатель, философ 81, 85, 177, 213, 314, 339, 359, 360, 366
- Гете И.В. (1749–1832), нем. поэт 304, 340
- Гибианский Л.Я., историк-югославист 17, 29, 30, 70, 73, 428
- Гильдина З., литературовед 369
- Гильфердинг А.Ф. (1831–1872), славист 35, 75, 241, 270
- Гиппиус Е.В., литературовед 323, 325–327
- Гиренко И.С., историк 30, 73
- Гитлер А. (1889–1945), вождь нем. нацистов 29, 38, 39, 54, 70, 167, 223, 354, 356, 361
- Главацци М., хорв. этнограф 393
- Глебов В., историк 157, 357
- Глинская Елена (+1538), вел. княгиня, 2 жена Василия III 197
- Гнеденко Б.В., укр. математик 127
- Гоголь Н.В. (1809–1852), писатель 299, 314, 337, 344, 345
- Головкина С.Н. (1915–2004), балерина 399
- Голодный М.С. (Эпштейн) (1903–1949), поэт, критик, переводчик 304, 316
- Голубев И., историк 356, 361
- Голуховский А. (1812–1875), австр. гос. деятель, граф 174
- Гольдберг А.Л. (1922–1982), историк-славист 113, 146, 269, 357, 358
- Гольдштейн И.И., экономист 361
- Гонсёровская Н., пол. историк 408
- Горак И. (1884–1975), чеш. фольклорист,

- литературовед, дипломат 133, 145, 175, 373, 376–378, 380, 401
- Горбов Д., переводчик 315
- Горбунов Н.П. (1892–1938), химик, акад. (1935) 48
- Горбунов Т.С. (1904–1969), бел. парт. деятель, историк 193, 356
- Горизонтов Л.Е., историк-славист 17, 29, 31, 427
- Горина Л.В., историк-болгарист 357
- Горловский, преп. ЛИФЛИ 139
- Горловский М., историк 154
- Городецкий Е.Н. (1907–1993), историк 102, 176, 177
- Горская Н.А. (1930–2004), историк 16, 354
- Горчаков А.М. (1898–1983), князь, дипломат 60
- Горький А.М. (1868–1936), писатель 133, 154, 194, 211, 213, 314, 322, 338, 371, 396, 404
- Горяинов А.Н., историк-славист 8, 13, 20, 23, 24, 25, 27, 33, 67–70, 75, 93, 116, 123, 148–150, 159, 223–230, 299, 353, 358, 364, 366, 367, 426, 428
- Горянов Б.Т. (1897–1977), историк, византист 89, 93, 91, 95–97, 102, 103, 107, 108, 111, 112, 168, 169, 181, 183, 184, 226, 244, 255, 258–260, 352, 353
- Готвальд К. (1896–1953), чеш. гос.-полит. деятель 356
- Готшалк, князь ободритов XI в. 184, 264
- Готье Ю.В. (1873–1943), историк, чл.-корр. (1922) 24, 44, 75, 78, 104, 118, 163, 164, 168, 173, 184, 223, 264
- Гофман В.А., филолог 140, 143
- Гофман-Померанцева Э.В., филолог 143, 326
- Грабарь И.Э. (1871–1960), живописец, искусствовед, акад. (1934) 403, 421
- Грабовский Т., пол. историк 409
- Градич И., югосл. писатель 379
- Гранина Э.И., историк 29
- Грацианский Н.Г. (1886–1945), историк-медиевист, славист 33, 41, 68, 69, 84, 88, 90, 91, 96, 182, 193, 219, 226, 242, 261–265, 354, 355
- Грегорчич С. (1844–1906), словен. поэт 194
- Греков Б.Д. (1882–1953), историк, акад. (1935) 16, 23, 31, 33, 44, 45, 49, 60, 64, 161, 162, 168, 172, 175, 176, 177, 180, 181, 185, 203, 218, 219–222, 244, 255–259, 262, 284, 330, 347, 352–355, 358, 375, 376, 383, 387, 408, 410, 411, 412, 413, 416, 417, 432, 427
- Греков И.Б. (1921–1993), историк-славист 96, 97
- Грекул Ф.А. (1916–?), молд. историк 170, 172, 175, 184
- Григорович В.И. (1815–1876), славист 35, 67, 276, 284, 297, 431
- Григорович Д.В. (1822–1900), писатель, чл.-корр. (1888) 345
- Григорьева (Джоржевич) Р.И., серб. лингвист, политэмигрантка 123–126, 282
- Гринберг И., лит. критик 305, 368
- Гринберг С.Ш. (1913–?), историк-болгарист 93, 94, 96, 99, 100, 169, 170–172, 174, 182, 183, 185, 193, 224, 226, 360
- Грозиенчик Й., словац. историк 17
- Hgozienčik J. 30
- Громов Е.С., историк 17, 30, 369
- Гросс З., пол. историк 409
- Грот К.Я. (1853–1934), историк-славист, чл.-корр. (1911) 270
- Грудзино Ю., литературовед 367
- Грунский Н.К. (1872–1951), укр. филолог 135
- Грушевский М.С. (1866–1934), укр. историк, литературовед, акад. (1929) 177
- Гудзий Н.К. (1887–1965), литературовед, акад. УССР (1945) 120, 219, 329, 403
- Гудков В.П., филолог-славист 8, 14, 15, 20, 26, 155, 157, 231, 282, 363,
- Гулак-Артемковский П.П. (1790–1865), укр. писатель 339
- Гуковский М.А. (1898–1971), историк 144
- Гундоров А.С. (1895–1973), генерал, председатель ВСК 21–23, 33, 57, 71, 356, 412, 413, 415, 417, 418, 422
- Гунич М., югосл. этнограф 421
- Гурбан-Ваянский С. (1847–1916), словац. поэт и романист 270
- Гуревич А.Я., историк-медиевист 353
- Гурович А., литературовед 370
- Гурский К., пол. историк 409
- Гус Я. (1371–1415), чеш. реформатор 80, 81, 94, 408, 355, 360

- Гуса В. (1906–1965), чеш. историк 406
- Гуслистый К.Г. (1902–1973), укр. историк 193
- Густинчич Д. (1882–1958), словен. историк, политэмигрант 80, 166, 168–171, 174, 173, 181, 183, 189, 193, 199, 223, 263, 354, 356, 361, 372
- Густинчич Ю., студент-историк 80
- Гухман М.М. (1904–1989), лингвист-германист 365
- Гюго В. (1802–1885), франц. писатель-романтик 337
- Давид Й. (1884–1968), чеш. политик 62
- Даль В.И. (1801–1872), лексикограф, писатель 279
- Даниил Романович (1201–1264), князь Галицкий и Волынский 266, 355
- Данилевский Н.Я. (1822–1885), философ, публицист 36, 86, 238
- Данилов Г.К. (1896–1937), лингвист 276, 430
- Данилова (Белякова) Н.П. (1920–1993), историк-югославист 86
- Даниловский Г., пол. писатель 301
- Данте А. (1265–1321), итал. поэт-гуманист 308
- Данченко С.И., историк-югославист 357
- Даскалов С. (1909–1985), болг. писатель 336, 370
- Дафинкичев М.Д., болг. философ 376
- Дацюк Б.Д., историк 192, 193, 269, 357, 358
- Дворецкий А.Х., лексикограф-полонист 282
- Дворниченко А.Ю., историк-славист 116
- Дебелянов Д. (1887–1916), болг. писатель 334
- Деборин А.М. (1881–1963), философ, акад. (1929) 161, 166, 186, 187, 212, 234
- Деятко И.Ф., историк 30, 74
- Делчев Г. (1872–1903), идеолог макед. нац. движения 307
- Дембовский Э. (1822–1846), пол. революционер-демократ 184
- Демидов, студент-историк 81
- Демидов К., журналист 157, 348, 355
- Демина Е.И., языковед-славист 137
- Деникин А.И. (1872–1947), военачальник, генерал-лейтенант, эмигрант 356, 396
- Денисенко В.П. (1953–2006), историк-славист 116
- Дересевич Я., пол. историк 409
- Державин К.Н. (1903–1956), литературовед, историк культуры 115, 145, 202, 213, 332, 333–335, 338, 370, 371, 381, 383
- Державин Н.С. (1877–1953), славист, акад. (1931) 7, 8, 10, 14–16, 19–24, 26, 27, 33, 34, 37, 38, 45–49, 54, 55, 60, 64, 65, 68, 70, 72, 73, 90, 96, 97, 113–115, 120, 121–127, 129, 132, 135, 138–145, 147, 152, 154, 157, 158, 160–162, 164, 165, 167, 168, 171, 176, 178, 180, 184, 185, 186–193, 195, 196, 198, 199, 201–203, 209, 211, 212, 214–222, 223, 227, 228, 230, 234, 235, 238–244, 246, 248, 249, 251, 252, 255, 257, 259, 261, 263, 264, 271, 272, 277, 278, 281, 283, 284, 286, 287, 293–296, 298, 300, 305, 306, 310, 336–338, 345, 347–352, 354–356, 358, 359, 361–364, 365–371, 372, 373, 376, 377, 383–387, 395, 403, 420
- Державина М.А. секретарь 188
- Десницкая А.В. (1912–1992), языковед, чл.-корр. (1964) 252, 351
- Десницкий В.А. (1878–1958), лингвист 299, 319, 320, 322, 324, 369
- Держвис-Бродский М.В. (1899–1942), историк-полонист 41, 42, 68, 113, 163, 167, 223, 236, 242, 348
- Джилас М. (1911–1995), югосл. политолог, публицист 62, 63, 72, 73, 422
- Дзержинская С., историк 360
- Диль Ш.М. (1859–1944), фр. византист, ин. чл.-корр. АН (1925) 260
- Димитров Г.М. (1882–1949), болг. гос.-полит. деятель 40, 52, 53, 63, 68, 70, 141, 218, 220, 273, 360, 385, 387
- Димитров Д., болг. археолог 388, 420
- Димитров Д.Д., филолог 36, 37, 68, 216
- Димитров М. (1881–1966), болг. филолог 133, 377
- Димов Д. (1909–1966), болг. писатель 334
- Диников П.Н. (1910–1992), болг. литературовед, акад. БАН (1967) 334
- Диоклетиан Г.А.В. (243–313/316), рим. император 389
- Дитякин В.Т. (1896–1956), историк культуры, славист 20, 32, 34, 63, 73, 101, 125, 128, 129, 132, 135, 136, 153, 154, 157, 188, 189,

- 192, 193, 201, 202, 218, 227, 228, 245, 263, 309, 310, 347, 349–351, 358, 368, 395, 413
- Длугош Я. (1415–1489), пол. историк 314
- Дмитраков И.П., фольклорист 323
- Дмитриев Н.К. (1898–1954), филолог, чл.-корр. (1943) 124, 207
- Дмитриев П.А. (1928–1998), филолог-славист 15, 16, 23, 26–28 33, 147, 158, 159, 268, 424, 425
- Дмитриев С.С. (1906–1991), историк России 23, 33, 74, 153, 268, 357
- Дмитрий Ив. Донской (1350–1389), князь Московский и Владимирский 266, 355
- Дмитров К., историк 356, 361
- Добровольский А.П., филолог 117
- Добровольский Л.М., филолог 146, 330
- Добровольский Т., пол. историк 409
- Добровский Й. (1753–1829), чеш. славист 243
- Добролюбов Н.И. (1836–1861), лит. критик, рев. Демократ 320, 321, 345
- Добшинский П., пол. филолог 279
- Доланский Ю. (до 1945 Гейденрейх) (1903–1975), чеш. литературовед, чл.-корр. ЧСАН (1952) 401, 406
- Долапчиев Н.Г, вице-президент БАНИ 373, 375, 384
- Долгоруков П.Д. (1866–1945), политик, эмигрант, князь 395
- Долобоко М.Г. (1884–1935), языковед-славист 270, 278, 279, 295
- Домбровский Г. (1836–1871), пол. общ. деятель, генерал 359
- Дороченков А.И., болгарист 27
- Дорошевский В.Я. (1899–1976), пол. лингвист-славист 45
- Досталь М.Ю., историк-славист 1, 2, 24–26, 28–31, 33, 67, 69–74, 148, 149, 152–156, 158, 159, 222–228, 230, 231, 347–352, 356, 358, 363, 366, 367, 369, 370, 424–428
- Dostalová M. 349
- Достоевский Ф.М. (1821–1881), писатель 299
- Достян И.С., историк-славист 86, 172, 183, 184
- Драбкина Ф. 356
- Драгойчева Ц., болг. парт.-общ. деятель 385
- Драницын С.Н., историк 359
- Дринов М.С. (1838–1906), болг. и рос. историк-славист, чл.-корр. (1898) 96, 255
- Дроздовский В.В., славист 216
- Дружинин Н.М. (1886–1986), историк России, акад. (1953) 87, 95, 267
- Дубровский А.М., историк 17, 29, 31, 68, 70–72, 225, 356, 358
- Дуйчев И., болг. филолог 132
- Дурденевский В.П., юрист-международник 118
- Дурко Я., пол. историк 409
- Дурново Н.Н. (1876–1937), лингвист-славист, чл.-корр. (1924) 37, 67, 156, 204, 229, 230, 362
- Дыбо В.А., лингвист, член-корр. РАН (2000) 362
- Дык В. (1877–1931), чеш. писатель 306, 342
- Дьяков В.А. (1919–1995), историк-славист 7, 67, 70
- Дювернуа А.Л. (1839–1886), филолог-славист 75, 117, 276
- Дюркгейм Э. (1858–1917), фр. социолог 325
- Евгеньев-Максимов В.Е., филолог 144
- Еголин А.М. (1896–1959), литературовед, партработник 19, 192, 339, 399, 400, 401, 407, 421
- Егоров Б., литературовед 17, 30, 74
- Едлицкий М., пол. историк 409
- Екатерина II Великая (1729–1796), рос. императрица 391
- Елин Пелин (Стоянов Д.) (1877–1949), болг. писатель 333
- Еловцан Ф., историк 356
- Ендакова В.М., историк 103
- Еремин И.П. (1904–1963), литературовед 144, 146, 330
- Ерихонов Л.С. (1906–1971), филолог и писатель 336, 370
- Ермилов В.В. (1904–1965), литературовед, критик 59
- Ермолов А.П. (1777–1861), военачальник, генерал 60
- Ерусалимский А.С. (1901–1965), историк 87
- Есаков В.Д., историк науки 74
- Ефимов А.В. (1896–1971), историк-американист 60, 176, 357, 361

- Ефимов К., журналист 153
- Жакова Н.К.**, литературовед-славист 27
- Жачек В., чеш. историк 402
- Жданов А.А. (1896–1948), парт.-гос. деятель 8, 22, 31, 43, 44, 48, 65, 73, 231, 316, 318, 337, 368, 396, 418, 422, 423, 427, 428
- Жебелев С.А. (1867–1941), историк античности 244, 259
- Жеромский С. (1864–1925), пол. писатель 301
- Жибарев П., историк 356
- Живов М.С. (1893–1962), литературовед-полонист, переводчик 298, 300, 301, 306, 311, 313, 314, 336, 339, 340, 341, 367, 368, 370, 378
- Жижка Я. (ок. 1360–1423), гуситский гетман, полководец 355
- Жирмунский В.М. (1891–1971), филолог, чл.-корр. (1939) 187, 211, 299, 319–323
- Жукова, студентка-историк 93
- Жуковский В.А. (1783–1852), поэт, акад. (1841) 404
- Забелин И.Е. (1880–1909), историк, археолог 243
- Заборов, сотр. Инслава 139
- Завадский С.В. (1871–1935), юрист, литературовед, эмигрант 395
- Заводзинский К. пол. историк, эмигрант 409
- Загорчинов С., болг. писатель 333
- Зайончковский П.А. (1904–1983), историк России 67
- Зайончковский С., пол. историк 409
- Зарев П. (1911–1997), болг. литературовед и общ. деятель 420
- Зарубин Н.П., филолог 205, 206
- Заславский Л., литературовед 302, 367
- Звавич И.С. (1904–1960), историк 102
- Звягинцева В.К., поэт, переводчик 316
- Зеленин В.В. (1920–1998), историк-югославист 99, 101
- Зеленин Д.К. (1878–1954), этнограф, фольклорист 140, 145, 156, 378, 403
- Зеленина, студентка-историк 93
- Зеленина Э.И., диалектолог 363
- Зелинский К., лит. критик 289, 365
- Зенкевич М., переводчик 316
- Зидаров К., болг. писатель 334
- Зингель Р., литературовед 367
- Зинич М.С., историк науки 149, 224
- Зинич С.И. (1896–1945), хорв. историк, политэмигрант 79, 90, 149, 170, 171, 174, 182, 189, 193, 224, 226, 372
- Зиновьев П.Е. (1883–1936), полит. деятель 46
- Златаров Г., см. Стоянов Л.
- Златарский В. (1866–1935), болг. историк, ин. чл.-корр. (1925) 45, 270
- Злыднев В.И. (1919–1999), литературовед-болгарист 27, 28, 298, 366, 367, 370
- Зозуля М.Н., зам. декана МИФЛИ 119, 156
- Золотарева В.С. филолог, 27
- Зологов В.П., информатор ЦК ВКП(б) 43, 49
- Зингель Р., литературовед 367
- Зозуля М.Н., зам. декана МИФЛИ 119, 156
- Зорин В.А. (1902–1986), сов. посол в ЧСР 398, 404
- Зорина, историк-дипломница 93
- Зотов В., историк 81
- Зощенко М.М. (1894–1958), писатель-сатирик 317, 318
- Зубок Л.И. (1894–1967), историк-американист 102
- Зутис Я.Я. (1893–1962), историк, чл.-корр. (1953) 266, 356
- Зыкин В.Н., литературовед 144
- Иван IV Грозный** (1530–1584), царь 171, 173, 197
- Иваницкий С.Ф., историк 59
- Иванов Вс.Вяч. (1895–1963), писатель 59
- Иванов В.Д., филолог 119
- Иванов С.А., славист 30, 352, 253
- Иванов Ю.Ф., историк-медиевист 22, 31, 72, 151, 223, 225, 226, 348, 357
- Иванова О.Е., историк 115
- Ивановский В., македон. филолог 364
- Ивашин И.Ф., историк 140, 158, 359, 360
- Игнатов С.С., искусствовед, историк театра 126, 309, 421
- Игорь Святославич (1150–1202), князь новгород-северский 146, 331

- Иден А. (1897–1977), лорд Эйвон, премьер-министр Великобритании 61
- Иероним Пражский (ок. 1380–1416), чеш. реформатор 184
- Изюмов А.Ф. (1885–1950), историк, эмигрант 396, 405, 419
- Иллич-Свитыч В.М. (1934–1966), лингвист 276, 362
- Иловайский Д.И. (1832–1920), историк, публицист 243
- Ильина М.М., лексикограф 282
- Ильинский Г.А. (1876–1937), филолог-славист, чл.-корр. (1921) 37, 117, 131, 223, 244, 276, 284, 350, 362, 368, 385
- Илья Муромец, былин. богатырь 124, 190, 227, 368
- Инглот С., пол. историк 409
- Иоанн Эфесский, визант. историк VI в. 258
- Иовчук М.Т. (1908–1980), философ, чл.-корр. (1946) 357, 415, 416
- Иодко Г.И., историк-славист 113
- Иордан, остготский историк VII в. 252, 258
- Иорданский А.М., лингвист 126, 127
- Ипполит И., литературовед 370
- Ирасек А. (1851–1930), чеш. писатель 306, 315, 342,
- Исаев М. (1907–1991), болг. писатель 334
- Исаченко А.В. (1911–1978), филолог, эмигрант 22, 282, 404, 405, 420
- Исаченко А.В. (1871–1948), микробиолог, акад. (1946) 408
- Истрина Е.С. (1888–1957), лингвист, чл.-корр. (1943) 206, 288
- Йовков Й. (1880–1937), болг. писатель 333
- Кабакчиев Х. (1878–1940), болг. историк, политэмигрант 163, 164, 223, 360,
- Каванини И., югославян. поэт 379
- Каден-Бандровский Ю. (1885–1944), пол. писатель 301
- Казакова С., историк 96
- Казасов Д., болг. министр информации и искусства 384
- Казимир IV Ягеллончик (1427–1492), пол. король и великий князь литовский 359
- Каиров И.А. (1893–1978), педагог, президент АПН РСФСР 421
- Калайдович К.Ф. (1792–1832), историк, археограф 276
- Калашников А.Г., министр просвещения РСФСР 416
- Калинин М.И. (1875–1946), парт.-гос. деятель 64, 73
- Калнынь Л.Э., филолог-славист 137
- Калчев К., болг. драматург 334
- Кандель А., историк 360
- Каплан А.Л., языковед-полонист 143, 144, 146, 286, 330, 331
- Каравелов Л. (1837–1879), болг. писатель, общ. деятель 270, 274, 307, 311, 333, 334, 337, 344, 345, 358, 371
- Карагалов, зам. председателя ВОКС 399
- Караджич В.С. (1787–1864), серб. филолог и историк 146, 299, 330
- Кара-Иванов И.Г. (1889–1966), болг. лексикограф, политэмигрант 282
- Караколов Р., болг. историк, политэмигрант 90, 168–171, 174, 182, 189, 193, 198, 223, 226, 360, 361, 372
- Карамзин Н.М. (1766–1826), историк, писатель, поч. чл. АН (1818) 177, 236
- Карапетров П., болг. писатель 333
- Карасев А.В., историк-югославист 29
- Карасев В.Г. (1922–1991), историк-югославист 12, 13, 25, 26, 94, 100, 101, 103, 106, 148, 151, 152, 172
- Карасева (Шепетилова) Г.Б., 94
- Караславов Г. (1904–1980), болг. писатель 336, 370
- Каратаева Э.И., филолог 145
- Кардель Э. (1910–1979), югослав. полит. деятель 407, 422
- Кареев Н.И. (1850–1931), историк, чл.-корр. (1910) 96, 112
- Карл Великий (742–814), франский король, император 88, 226, 264, 354
- Карпенко Т.А., филолог 371
- Карская Т.С., филолог 144, 146, 330, 331
- Карский Е.Ф. (1860/61–1931), филолог-славист, акад. (1916) 19, 46, 222, 265, 276, 362

- Карцевский С.О. (1884–1955), филолог-славист, эмигрант 46
- Катков М.Н. (1818–1887), издатель, публицист 109, 111
- Катон, артист 399
- Катранов Н.Д., болг. революционер, прообраз Инсарова 331
- Кафтанов С.В. (1905–1978), министр высшего образования 14, 29, 120–122, 192, 402, 403, 406, 407, 418
- Кацаров Г., болг. археолог, акад. БАНИ 388
- Кацарова Р., болг. фольклорист 393
- Кацнельсон Д.Б., литературовед-полонист 144, 145, 339,
- Кацнельсон С.Д. (1907–1985), языковед-германист 365
- Каченовский М.Т. (1775–1842), историк, лит. критик 35, 75, 117, 297
- Кеменов В.С., председатель ВОКС 416
- Кеменова З., литературовед 360
- Кеневич С., пол. историк 409
- Кидрич Ф.А., президент Словен. АН 175, 373, 375
- Кизеветтер А.А. (1866–1933), историк России, эмигрант 46, 395
- Кикешев Н.И., писатель, историк, общ. деятель 17, 23, 30, 33, 68, 71–73
- Кипа Э., пол. историк 409
- Киприан (ок. 1336–1406), моск. митрополит 388
- Киреев Н.А. (1841–1876), общ. деятель, славянофил 104, 267
- Кирилл (Константин) (ок. 827–869), первоучитель славянства 35, 36, 67, 86, 131, 278, 298, 307, 362
- Кириллов А.В., историк 30
- Киров (Костриков) С.М. (1886–1934), парт.-гос. деятель 44
- Киршевская А.Н., историк 80
- Киселев А.А., художник, эмигрант 397
- Кишкин Л.С. (1918–2000), литературовед-славист 345, 371
- Клеванский А.Х. (1921–1985), историк-славист 110, 111
- Клементис В. (1902–1952), словац. поэт, парт.-гос. деятель 299, 367
- Клибанов А.И. (1910–1994), историк России 355
- Климент Охридский (ок. 840–916), слав. просветитель 285
- Ключевский В.О. (1841–1911), историк России, акад. (1900) 243
- Кнаповский В. пол. историк 409
- Кобецкий, студент-«активист» 36
- Коблинская (Каплан) Р., историк, член ВОКС 411
- Коваленский А., переводчик 316, 368
- Коган А., историк 154
- Коган-Бернштейн Ф.А., историк 102, 260
- Кожин Н.А., искусствовед 193, 196
- Козак Я.Б. (1888–1974), чеш. философ и теолог 408
- Козаченко А.И., историк 357, 359
- Козлов И.И. (1779–1840) поэт, переводчик 313
- Козловский И.С. (1900–1993), певец (тенор) 399
- Козловский Л., пол. археолог 244
- Козо Ф., публицист 360, 361
- Козырев А.В., историк 357
- Козырина К.И., историк-славист 86, 96, 172, 185
- Козьма Пражский, чеш. хронист XII в. 172
- Козьменко И.В., историк-болгарист 87, 96, 172, 267, 268
- Коларов В.П. (1877–1930), болг. историк, гос. деятель, политэмигрант 193, 385
- Колас Я. (1882–1956), белорус. писатель, акад. (1928) 219
- Колейка Й., чеш. историк 17, 30, 67
- Колендич П., югосл. славист 420
- Колесник С.В., редактор 330
- Колесников Е.К., филолог-славист 204–206
- Колинкоева М.Г., болг. политэмигрантка, филолог 117, 119, 124
- Коллар Я. (1793–1852), словац. поэт, проповедник, общ. деятель 35, 58, 67, 70, 195, 228, 242, 270, 298, 307, 308, 309, 319, 358, 366,
- Кольцов А.В., историк науки 29, 222, 228
- Комаров В.Л. (1869–1945), ботаник, президент АН СССР 47, 211, 212, 219, 374

- Комаров К., публицист 338, 371
Коменский Я.А. (1592–1670), чеш. педагог, мыслитель-гуманист 46, 319
Комиссарова М.И., писательница 317
Комков Г.Д., историк науки 28
Комовская Н.Д., литератор 326, 328
Кон Ф.Я. (1864–1941), историк, деятель Коминтерна 304, 305, 368,
Кондаков Н.И., историк науки 29
Кондаков Н.М. (1844–1925), искусствовед, эмигрант 46, 240, 259
Кондратович Л. см. Сырокомля В.
Кондратьева В.Н. (1908?–1981), историк-югославист 85, 86, 87, 100, 170, 174, 175, 182–185
Кондрашов Н.А. (1919–1996), лингвист-словакист 16, 28, 280, 286, 363, 364
Кондрашова Е.И., историк-полонист 163, 164, 167
Конеский Б. (1921–1993), макед. языковед, поэт 285
Коновалов Ю.В., врач 387
Конопницкая М. (1842–1910), пол. поэтесса 311, 315, 368
Конопчинский В., пол. историк 411
Константин I Великий (ок. 285–337), рим. император 195
Константин VII Багрянородный (905–959) визант. император 248
Константинов А. (1863–1897), болг. писатель 173, 298, 299, 335, 366, 384
Константинов К., болг. писатель 334, 335
Константинов Ф.Т., белорус. философ, историк 169, 173, 193, 197, 202, 227, 355, 356, 413
Копелев Л.З., критик, литературовед 229
Копержинский К.А. (1894–1953), литературовед-славист 15, 27, 116, 143, 144, 146, 154, 159, 330, 331, 344, 345, 371, 380
Копецкий В. (1897–1961), чехосл. парт.-гос. деятель 400
Копецкий Л.В. (1894–1976), языковед, эмигрант 419, 420
Кораблев В.Н. (1873–1936), литературовед-славист 37, 216, 230, 298
Корман (Корманова) Ж.М., пол. историк 169, 170, 174, 181, 193, 225, 372, 409
Корнацкий Е. (1908–1981), пол. писатель 301
Корнейчук А.Е. (1905–1972), укр. драматург, общ. деятель, акад. (1943) 57, 61, 356, 416
Коробков Н., историк 355, 359
Коровин К.А. (1861–1939), живописец, эмигрант 397
Короленко В.Г. (1853–1921), писатель, публицист 146, 314, 331
Королюк В.Д. (1921–1981), историк-полонист 11, 24, 28, 32, 84–86, 88, 89, 96, 101, 150, 151, 159, 169, 171–175, 183–185, 193, 224, 261, 254, 264, 352, 354, 359, 367, 408, 427
Коростовцев М.А. (1900 –1980), египтолог, акад. (1974) 91
Короткова В.И., студентка-выпускница 94
Кос М., проректор Люблинского ун-та 403
Косачевская Е.М., историк 115
Косвен М.О. (1885–1967), этнограф, историк первобыт. Общества 323, 392
Косминский Е.А. (1886–1959), историк-медиевист, акад. (1946) 87, 102, 107, 169, 254, 259, 260, 408
Коссинна Г. (1858–1921), нем. археолог, филолог 244, 250, 251
Костов Т. (1897–1949), болг. парт. гос. деятель 384, 385
Костомаров Н.И. (1817–1885), историк, чл.-кор. (1876) 85, 144
Костшевский Ю., пол. археолог 244, 409, 421
Костырченко Г.В., историк 17, 30, 74
Костюшко Т. (1746–1812), предводитель пол. восстания 1794 г. 100, 315, 359
Котарбинский Т., ректор Варш. ун-та 175, 373, 377
Кохановский Я. (1510–1584), пол. поэт 144, 145
Кочубинский А.А. (1845–1907), филолог и историк 287
Кошутич С., югосл. дипломат 378
Кравец Т.П., филолог 364
Кравцов Н.И. (1906–1979), литературовед, фольклорист 118, 135, 298, 299, 328, 367
Краль Я. (1822–1876), словац. поэт 319
Краснокутский В.А., юрист 193, 195, 196
Крашевский И. (1812–1887), пол. писатель 146, 331

- Крашенинникова К.А., студентка-историк 94
- Крейчи К., чеш. литературовед 420
- Крекшин А.А., лит. критик 367
- Крекшин Е., литературовед 300
- Крементуло, студент-филолог 145
- Кржевский Б.А., филолог 330
- Кржижановский Г.М. (1872–1959), полит. деятель, акад. (1929) 47, 212
- Крижанич Ю. (ок. 1618–1683), хорв. писатель, проповедник славянского единства 58, 171, 173, 184, 192, 269, 357, 358
- Кругликова И.Т., археолог 387
- Крум, болг. царь IX в. 389
- Крулянская В.Ю., этнограф 325
- Крылов И.А. (1789–1844?), баснописец 214
- Крымский А.Е. (1871–1942), укр. филолог, акад. Укр. АН (1919) 403
- Крючков И.В., историк 350
- Куделка В., чеш. историк
- Kudělka V. 69
- Кузнецов И., публицист 358, 361
- Кузнецов К.А., искусствовед 421
- Кузнецов М.М., фольклорист 323, 326
- Кузнецов П.С. (1899–1968), лингвист 119, 129, 209
- Кузнецова Р.Р., литературовед-богемист 342, 343, 370, 371
- Кузьмин И.О., филолог 204
- Кузьмичева Л.В., историк-югославист 26
- Кукулевич-Сакцинский И. (1816–1889), хорв. сторонник иллиризма 270
- Кукучин М. (1860–1928), словац. писатель 319
- Кулагина А.В., филолог 367
- Кулаковский П.А. (1848–1913), историк-славист 241, 270
- Куля В., пол. историк 409
- Кульбакин С.М. (1873–1941), лингвист-славист, эмигрант 46, 78, 130, 276, 278
- Куманёв Г.А., историк 29
- Купала Я. (1882–1942), белорус. поэт, акад. АН Белоруссии (1928) 57
- Куприн А.И. (1870–1938), писатель, эмигрант 397
- Курбагов Г.Л., историк науки 28, 353
- Курилович Е. (Ю.Г.) (1895–1978), пол. языковед, акад. ПАНИ (1931) 45, 289, 364, 430
- Курочкин В.С. (1831–1875), поэт-сатирик 344, 371
- Кутузов М.И. (1745–1813), князь, полководец 266, 355, 366, 407
- Кутшеба С. (1876–1946), пол. историк, президент ПАН 175, 184, 373, 376
- Кучинский С., пол. историк 409
- Кушнер (Кнышев) П.И. (1889–1968), историк и полит. деятель 324, 326
- Куян М.В., укр. историк 30
- Кюлявков К. (1893–1955), болг. писатель 334, 335
- Лабуда Г., пол. историк 409
- Лаврентий из Бржезовой, чеш. хронист XV в. 80, 173
- Лаврентьев А.И., дипломат, деятель ВСК 57
- Лаврецкий А. (Френкель И.М.) (1893–1964) литературовед 311, 312, 339, 315, 368, 369
- Лавров Б.В., языковед 204, 205
- Лавров П.А. (1856–1929), филолог-славист, акад. (1923) 19, 75, 131, 186, 204, 205, 270, 276, 284, 297, 298, 362
- Лавровский В.М., историк 87
- Лавровский П.А. (1827–1896), филолог-славист, чл.-корр. (1856) 270, 287
- Ладислав Трпимирович, хорв. князь 263
- Лазарев К., публицист 358
- Лазарев В.Н., искусствовед 421
- Ламанский В.И. (1833–1914), славист, общ. деятель, академик (1900) 35, 96, 108, 112, 139, 202, 237–241, 260, 267, 270, 297, 348, 349, 430
- Ланг, пол. публицист 315
- Лапин Н., историк 356
- Лапинский, пол. военачальник 360
- Лаптева Л.П., историк-славист 24, 67, 96, 148, 155, 366
- Ларин Б.А. (1893–1964), филолог, чл.-корр. Укр. АН (1945) 126, 132, 145, 207, 330, 381, 421
- Лебедев Н.С., византинист 29, 161, 168, 169, 173, 174, 259, 352, 353

- Лебедев-Полянский П.И. (1881/82–1948), лингвист, академик (1946) 124, 187, 212, 214
- Леви-Брюль Л. (1857–1939), фр. этнограф и психолог 324, 325, 327
- Левик В., переводчик 316
- Левин Е.С., историк науки 74
- Левин М.Г., этнограф 325, 326
- Левковская К.А. (1905–1975), лингвист-германист 292
- Левский В. (1837–1873) болг. революционер 197, 198
- Левченко М.В. (1890–1955), историк-византист 113, 188, 189, 191–193, 244, 255, 256, 258–269, 352, 359
- Лёвшин Б.В., историк науки 28, 29
- Леже Л., (1843–1923) фр. славист 279
- Лейкина-Свирская В.Р. см. Свирская В.Р.
- Леков И.Д. (1904–1978), болг. лингвист-славист 132, 202
- Ле Корбюзье Ш.Э. (1887–1965), фр. архитектор 344
- Лелевель И. (1786–1861), пол. историк, идеолог 181, 243
- Ленин В.И. (1870–1921), гос.-полит. деятель 29, 44, 107, 139, 155, 182, 245, 267, 290, 335, 339, 345, 396, 399, 404, 410
- Ленюк Г., лит. критик 343, 371
- Леонидович З.Т. (1921–1888), литературовед-богемист 143
- Лепший К., пол. историк 409
- Лермонтов М.Ю. (1814–1841), поэт 213, 314, 337, 338
- Лер-Сплавинский Т. (1891–1965), пол. славист, академик ПАН (1952) 45, 133, 145, 175, 250–252, 350, 351, 373, 374, 376–381, 403, 417
- Лесков Н.С. (1831–1895), писатель 314
- Лесьнодорский Б., пол. историк 408
- Лещинский Ю. (1889–1937), пол. полит. деятель, политэмигрант
- Либерт К. (1807–1875), пол. революционер, философ 110
- Лилиев Н. (1885–1960), болг. писатель 334
- Лилич Г.А., филолог-славист 27
- Липецкий В., историк 356
- Липшиц Е.Э., византист 189, 193, 259, 352, 353
- Литвинов М.М. (1976–1951), гос. деятель, дипломат 61
- Литаврин Г.Г., византист, болгарист, академик (1994) 354
- Лихарев Б., журналист 341, 371
- Лихачев Д.С. (1906–1999), литературовед, академик (1970), общ. деятель 213, 288, 348
- Ло Гатто Э., итал. славист 420
- Лобачевский Н.И. (1792–1856), математик 44
- Лобойко И.Н., филолог-компаративист 330
- Логачев К.И. (1939–1997), филолог, историк славистики 15, 24, 27, 67, 158, 222, 227
- Лозовский С.А. (1878–1952), полит. и гос. деятель 54
- Локкер Д., голл. историк 420
- Локота И. (1884–1942), закарп. коммунист, общ. деятель 57
- Ломоносов М.В. (1711–1765), ученый-энциклопедист 26, 44, 146, 151, 155
- Ломтев Т.П. (1906–1972), лингвист 281, 292, 296, 363
- Лопе де Вега (1562–1635), испан. драматург 202
- Луканов Т.С. (1874–1946), болг. политэмигрант, лексиколог 128, 157, 198, 282
- Луковский И., историк 356
- Лукьяненко А.М. (1879–1974), лингвист-славист 126, 295
- Луначарский А.В. (1875–1933), гос.-парт. деятель, академик (1930) 341
- Лушпол И.К. (1896–1943), литературовед, академик (1939) 187, 212
- Лутовинова И.С., филолог 26, 28, 158
- Лысенко Т.Д. (1898–1976), агроном, академик (1939) 74
- Лысогорский О., ляхский поэт 57, 306, 315
- Любавский М.И. (1860–1936), историк-славист, академик (1929) 75, 78, 95, 96, 118
- Людовит Посавский, хорв. князь IX в. 263
- Люкс Л., америк. историк 17, 30, 74
- Люксембург Р. (1871–1919), пол. социал-демократ 304, 368
- Лютман Р., пол. историк 408, 409
- Лямпе, пол. публицист 315

- Ляпунов Б.М. (1862–1943), филолог-славист, акад. (1923) 19, 146, 187, 191, 204, 206, 228, 270, 276, 295, 297, 330, 362, 403
- Ляцкий Е.А. (1868–1942), литературовед, эмигрант 46
- Маврикий, визант. император, полководец VI в. 258
- Мавродин В.В. (1908–1887), историк России 113–116, 351, 381
- Мавродинов Н., болг. археолог 388, 389
- Мадуев А.С. (1877–1941), филолог-славист, палеограф 140, 143, 206
- Магазинер С., историк 360
- Маевский К., пол. историк 409
- Мажуранич И. (1814–1890), хорв. общ. деятель, сторонник иллиризма 128
- Мазон А. (1881–1967), фр. славист, акад. Фр. АН (1941) 133, 175, 377, 420
- Майерова М. (1882–1967), чеш. писательница 336, 370
- Макдермотт К., англ. историк 29, 68, 72
- Македонский К., болг. общ. деятель, генерал 384
- Максим Грек (1475–1555), богослов, филолог 197
- Макушев В.В. (1837–1883), историк-славист, чл.-корр. (1878) 112
- Маленков Г.М. (1902–1988), гос.-полит. деятель 19, 64, 176, 218, 400
- Малецкий М. (1903–1946), пол. языковед-славист, диалектолог 45
- Малиновский Б.К. (1884–1942), пол. и англ. этнограф и социолог 326, 327
- Маловист М., пол. историк 409
- Малышич И., серб. политэмигрант 117
- Манусевич А.Я. (1913–1997), историк-полонист 273, 360, 361
- Мар С.Г. (Чалхушьян) (1900–1968), поэт, переводчик 316
- Марко Вовчок см. Вовчок Марко
- Марко Краевич, герой серб. эпоса 124, 190, 227, 310, 368, 385
- Марков К., болг. полковник 384
- Маркович С. (1846–1875), серб. философ, лит. критик 171, 274
- Марковский В., макед. поэт, славист 285, 334
- Маркс К. (1818–1883), нем. теоретик коммунизма 107, 110, 172, 176, 182, 244, 245, 249, 273, 274, 279, 352, 396, 410, 422
- Марр Н.Я. (1864–1934), лингвист, востоковед, акад. (1909) 30, 36, 67, 124, 137–139, 141, 148, 158, 186, 191, 200, 204, 205, 214, 216, 216, 220, 244–246, 248–254, 276–279, 289, 290, 292, 294, 296, 320, 324, 362, 364, 366, 374, 375, 380, 382, 387, 409, 410, 417, 430
- Мархлевская Б.Г., лексикограф 282
- Марченко А.К., историк 150, 224
- Марына В.В., историк-славист 17, 29, 30, 43, 69–72, 152
- Масларич Б. (1895–1963), югосл. общ. деятель, председатель ОСК 57, 307, 415, 423
- Масленников В., историк 354
- Маслов Ю.С. (1914–1990), филолог-славист 24, 27, 143
- Матвеев Г.Ф., историк-полонист 25, 26, 33, 354
- Матвеева-Исаева Л.В. (1889–1954), филолог 140, 204, 279, 280, 286, 363
- Матеев М., журналист 73
- Матезиус В. (1862–1945), чеш. лингвист-структуралист 420
- Матула В., словац. историк-славист 270
- Маха К.Г. (1810–1836), чеш. поэт-романтик 145, 307, 380
- Мацурек Й., чеш. историограф 420
- Мацюсевич Я.В., филолог-славист 27, 143, 159, 362, 363
- Машкова А.Г., филолог 155
- Маяковский В.В. (1893–1930), поэт 300, 345, 345, 367, 371
- Медведев Ж.А., биолог, писатель 17, 30, 74
- Медведев И., общ. деятель (ОСК) 72
- Медведев Р.А., историк 17, 30, 74
- Медведева О.Р., литературовед-полонист 367
- Мей Л.А. (1822–1862), поэт и драматург 331
- Мейснер А.Я. (1807–1882), поэт и переводчик 331
- Мейснер Д.И. (1899–1980), юрист, сотрудник РЗИА, эмигрант 396

- Мельникова И.Н., историк-богемист 274, 361
- Менде Н.В., студент-историк 94
- Менделеев Д.И. (1834–1907), химик, естество-испытатель, чл.-корр. (1876) 44
- Менстер, сотрудник БАН 139
- Металлов Я.М. (1900–1976), литературовед, лит. критик 125
- Метохит Феодор, визант. гуманист 184
- Мефодий (ок. 815–885), славянский просветитель 35, 36, 67, 86, 131, 278, 298, 307, 362
- Мещанинов И.И. (1883–1967), языковед, археолог, акад. (1932) 205, 206, 243, 277, 287, 289, 293, 362, 364, 365, 374, 408, 417
- Мещерский Н.А. (1906–1987), филолог-славист 15, 26, 158, 159
- Миголини А.А., историк-выпускник 86
- Миклошич Ф. (1813–1891), словен. языковед, ин. чл.-корр. (1856) 206, 286
- Миладинов Д. (ок. 1810–1862), болг. и макед. просветитель, фольклорист 307
- Миладинов К. (ок. 1830–1862), болг. и макед. просветитель, фольклорист 307
- Милев Г. (1895–1925), болг. поэт 334, 338
- Милетич Л. (1863–1937), болг. филолог, акад. БАНИ (1898) 37, 45, 270
- Милич, югосл. политэмигрант 119
- Милков С., болг. писатель 334
- Миллер А.Ф. (1901–1973), историк-тюрколог 102, 170
- Миллер И.С. (1918–1978), историк-полонист 31, 34, 79, 81, 93, 95, 97, 99, 100, 149, 150, 154, 183, 274, 359, 361, 408, 427
- Милуков П.Н. (1859–1943), политик-кадет, историк 395
- Минин К.М. (†1616), предводитель ополчения 69
- Минин О.И., филолог-славист 27
- Минская В.Г., историк-выпускник 94
- Мицц И.И. (1896–1991), историк, акад. (1946) 103, 176, 396, 399
- Мирошниченко Г., лит. критик 302, 303, 367
- Мисирков К. (1874–1926), макед. филолог и общ. деятель 284, 307
- Миско М.В. (1904–1972), историк-полонист 87, 93, 95, 96, 100, 101, 170, 174–176, 183–185, 359, 408, 427
- Митина Н.П. (1925–1993) историк-полонист 93
- Михайлов А.В. (1859–1927), филолог-славист 131, 270
- Михайлов Г.С., юрист 193, 200, 201
- Михалчев Д.Г., президент БАНИ 175, 373, 376, 377
- Михальченко С.И., историк-славист 2
- Михайловский С. (1856–1927), болг. писатель 298, 333, 366,
- Миханкова В.А., филолог 365
- Михеева Е.И., историк-выпускник 94
- Мицкевич А. (1798–1855), пол. поэт 128, 130, 144–146, 279, 298, 301–308, 311–316, 331, 336, 338–341, 345, 346, 362, 366–368, 370, 371, 389,
- Мишулин А.В. (1901–1948), историк античности 243, 244, 255–258, 352, 353
- Миятев К., болг. археолог, искусствовед, акад. БАНИ (1945) 388
- Младенов С. (1880–1963), болг. языковед, акад. БАНИ (1929) 294
- Могилевич А.А., историк 360
- Моде В., пол. искусствовед 421
- Моджевский Ф. (1503–1572), пол. гуманист 173
- Модзалевский Л.Б. (1902–1948), литературовед, пушкинист, чл.-корр. (1918) 146, 330
- Мокульский С.С. (1896–1960), литературовед 3, 21
- Молодцов В.С., деятель ВСК 413, 414
- Молок Ф.А., историк 27, 153, 158, 159, 229, 357
- Молотов В.В. (1890–1986), гос.-полит. деятель 43, 46–50, 61, 62, 76, 139, 141, 186, 300, 319, 396
- Молох, палест. божество, требующее чел. жертв 312
- Молочковский Ю. (Г.Н.), лит. критик, переводчик 370
- Монгайт А.Л. (1915–1974), историк, археолог 351, 352

- Мордовченко Н.И. (1904–1951), литературовед 146, 213, 330, 331
- Москаленко А.Е. (1909–1984), историк-славист 24
- Мочалов В.В. (1902–1978), деятель ВСК 413, 415
- Мошин В.А. (1894–1987), историк, эмигрант 46
- Мощенская В., пол. историк 408
- Мука Э. (1854–1934), сербобуижичский славист 270
- Мукаржовский Я. (1891–1975), чеш. эстетик, литературовед 420, 421
- Мурадели В.И. (1908–1970), груз. композитор 317
- Мурашко Г.П., историк-славист 73, 362
- Мурко М. (1861–1952), филолог-славист, акад. ЧАНИ (1913) 45, 270, 378
- Муссолини Б. (1883–1945), фашистский диктатор Италии 223, 356, 361
- Мутафова Ф., болг. писательница 333
- Мякотин В.А. (1867–1937), историк, публицист, эмигрант 395
- Надинский П.Н., археолог 252, 351
- Назор В. (1876–1949), хорв. поэт 315, 368
- Нандриш Г., румын. лингвист 132
- Напёрский К., предводитель восстания пол. крестьян 1651 г. 81
- Наполеон Бонапарт (1769–1821), фр. император 82, 304, 356, 407
- Наринский М.М., историк 29
- Нарочницкий А.Л. (1907–1989), историк, акад. (1972)
- Нарцов Н.А., историк Молдавии 168, 169, 174
- Натан Ж. (1902–1974), болг. историк 107
- Натансон-Леский Я., пол. историк 409
- Наумов Е.П. (1932–1990), историк-славист, медиевист 357, 358
- Невежин В.А., историк 30, 71
- Негош Петр II Петрович (1813–1851), правитель Черногории, поэт 346
- Недорезов А.И. (1919–2001), историк-богемист 101
- Неедлы З.Р. (1878–1962), чеш. историк, культуролог, президент ЧСАН, ин. чл.-корр. (1947) 7, 12, 13, 16, 23–25, 33, 34, 50–52, 57–67, 76–87, 89–92, 104, 105, 120, 140, 148–151, 164, 167, 168, 170, 174, 182, 184, 189, 193, 223, 224, 226, 237, 248, 261, 264, 265, 275, 295, 307, 308, 347–349, 354, 356, 358, 360, 362, 368, 372, 373, 395, 400, 405, 417, 420
- Некрасов Н.А. (1821–1878), поэт 146, 318, 331, 337
- Некрич А.М. (1920–1993), историк 360
- Немировский М.Я., филолог 135
- Немцова Б. (1820–1862), чеш. писательница 319, 342, 343
- Ненашева З.С., историк-славист 13, 25, 26, 33, 67, 70, 148, 150, 152, 354
- Неруда Я. (1834–1891), чеш. поэт 298, 315, 319, 343, 366
- Неусыхин А.И. (1898–1969), историк-медиевист 91, 102, 260
- Нечкина М.В. (1899–1985), историк России, акад. (1958) 59, 176
- Нидерле Л. (1865–1944), чеш. историк-славист 45, 243, 244, 255, 262, 270
- Никитин С.А. (1901–1979), историк-славист 7, 9, 13, 20, 24, 25, 32, 34, 50, 67, 74, 77, 79, 83–86, 88, 91, 93, 94, 96, 97, 99, 100–106, 108–112, 152, 153, 154, 171, 174, 184, 219, 241, 267–269, 349, 357–359, 361, 416, 417, 421, 432
- Никитинский И.И., начальник ГАУ НКВД 395–399
- Николаевский, студент-историк 81
- Николаевский Б.И., историк 71
- Николай I (1796–1855), росс. император 194, 274
- Николаева Н.С., литературовед 342, 371
- Николов Н., пред. СК Болгарии 145, 378, 384, 387
- Никольская А.А., историк-славист 86, 87, 96, 103, 183, 185
- Никольский Н.К. (1863–1936), археограф, палеограф, акад. (1916) 131, 205, 270
- Никольский Н.Н., языковед-русист 206
- Никольский С.В., литературовед-богемист 131, 370
- Новак Б. (1906–1973), чеш. литературовед 143

- Новак В., югосл. историк 420
Новакович С. (1842–1915), серб. историк, политик-«напредняк» 100
Новиков Н., дипломат 62
Новикова А.С., филолог-славист 14, 26, 231
Новицкий А., публицист 368
Новицкий Г.А. (1896–1981), историк России, музеевед 98, 103
Новомеский Л. (1904–1976), словац. поэт, публицист 403
Носкова А.Ф., историк-полонист 17, 29, 53, 70, 73, 347
Носович И.И. (1788–1877), бел. лексикограф 204
Нотович Ф.И., историк 41, 68, 174
Нусинов И.М. (1889–1950), литературовед, пушкинист 321
- Облак В. (1861–1896), словен. славист 146, 330
Обнорский С.П. (1888–1862), языковед-русист, акад. (1939) 133, 140, 187–189, 191, 193, 206, 207, 209, 210, 212, 219, 220, 222, 228, 279, 287, 288, 305, 306, 364, 365, 368
Оболевич В.Б. (1915–1995), литературовед-полонист
Obolewicz W.B. 27
Огарев Н.П. (1813–1877), революционер, поэт, публицист 177, 314, 360
Овчинникова Е.Н., языковед-славист 20
Огрызко И., пол. издатель, революционер 174
Одинцов М.И., историк 17, 30, 71
Одложилик О., чеш. историк-медиевист 406
Одынец А.Э., пол. поэт 313
Ожегов С.И. (1900–1964), языковед, лексикограф 119, 207, 208
Ожешко Э. (1841–1910), пол. писательница 315
Озолин А.И. (1907–1997), историк-гуситолог 97
Окунь С.Б., историк 113, 116
Опарин А.И. (1894–1980), биохимик, акад. (1946) 399
Ораховац Д., ректор Софийского ун-та 384
Орбели И.А. (1887–1961), востоковед, акад. (1935) 243, 374, 408
- Орех З.Л., член СК 193
Орлов А.С. (1871–1947), литературовед, акад. (1931) 19, 187, 213, 214, 216, 217
Орлова В.Г. (1907–1991), лингвист-русист 121
Островская, студентка-историк 94
Острогорский Г.А. (1902–1976), византинист, эмигрант 419
Осубка-Моравский Э., пол. политик 62
Осьминин В.С., деятель ВСК 193
Оттон I (912–973), герм. король, император 88
Очак И.Д., историк-югославист 24, 68
- Павленко О.В., историк-славист 70
Павлов И.П. (1849–1936), физиолог, акад. (1907) 374
Павлов Т.Д. (1890–1977), болг. философ, гос. деятель, акад. БАНИ, ин. чл.-корр. (1947) 335, 384–386, 417
Павлова Т.Ф., архивист 426
Павлович А.И. (1889–1985), литературовед-славист 117, 118, 128, 130, 136
Паевский Я., пол. историк 409
Паисий Хилендарский (1722–1798), болг. просветитель 305, 368, 384
Палацкий Ф. (1898–1876), чеш. историограф, политик 89, 240, 262, 268, 275, 348, 349, 361, 362
Палеологи, визант. династия 169, 256
Палмотич Ю. (1607–1657), хорв. драматург 309
Пальвадре, преп. МИФЛИ 139
Пальмов И.С. (1856–1920), историк церкви 75, 241, 270
Панкратова А.М. (1897–1957), историк, акад. (1953) 22, 31, 59, 72, 151, 175–178, 193, 225, 226, 348, 357, 411
Пантофель-Нечецкая, певица 399
Пассек Т.С. (1903–1968), археолог 387
Пастернак Л. (1910–1969), пол. поэт-сагирик 315, 368
Пастернек Ф. (1853–1940), палеославист 270
Пата Й. (1886–1942), чеш. историк-сорабист 45
Патера А. (1836–1912), чеш. филолог-архивист 270

- Паулини Е. (1912–1983), словац. филолог 420
- Паулова М. (1891–1970), чеш. историк 406, 420
- Пашуто В.Т. (1918–1983), историк, чл.-корр. (1976) 69, 355
- Пенев К., болг. поэт 334
- Переверзев В.Ф. (1882–1968), литературовед 299, 430
- Перетц В.Н. (1878–1935), литературовед-славист, акад. (1914) 37
- Перфецкий Е.Ю. (1888–1947), историк-славист, эмигрант 46, 404, 405
- Перченко Ф.Ф. (1931–1993), историк науки 228
- Петерсон М.Н. (1885–1961), языковед 119, 124, 129, 209, 210, 229, 293
- Петефи Ш. (1823–1849), венгер. поэт, революционер 341
- Петканов К. (1891–1952), болг. писатель 333
- Петканова М., болг. драматург 334
- Петр I Великий (1672–1725), рос. Император 183, 226, 309, 312, 341, 379, 391, 392
- Петр и Феврония, святые, покровители брака 146, 191, 202, 227, 331
- Петрарка Ф. (1304–1374), итал. поэт-гуманист 308
- Пётрович Л., пол. историк 409
- Петрова Н.К., историк 17, 30, 55, 71, 224
- Петровский Л.П., историк-архивист 67, 156, 229, 230
- Петровский Н.Н. (1894–1951), укр. историк 193
- Петрусь В.П. (1886/7–1957), укр. и рус. лингвист 126, 135, 286, 287, 364
- Петшак-Павловская И., пол. историк 409
- Пиварский К., пол. историк 409
- Пигулевская Н.В. (1894–1970), византист, востоковед, чл.-корр. (1946) 173, 189, 193, 259
- Пиксанов Н.В. (1878–1969), литературовед, чл.-корр. (1931) 214
- Пилипчук С.Н., редактор журн. «Славяне» 395, 413, 415
- Пилсудский Ю. (1867–1935), пол. гос. деятель, маршал 181
- Пинчук П.Р., историк-выпускник 94
- Писарев Д.И. (1840–1868), лит. критик, публицист 214
- Писаренко Д., журналист 74
- Питак (Столбова) М.Ф., историк-выпускница 86, 96, 100
- Пичета В.И. (1878–1947), историк-славист, акад. (1946) 7, 10, 12, 13, 16, 19, 23, 24, 25, 31–34, 38, 45, 46, 49–52, 54, 60, 62, 67, 70, 72, 75–87, 89–106, 110, 116, 148–154, 161, 163–178, 180–185, 189, 203, 218–220, 222, 223–228, 235–238, 240–242, 250, 251, 255, 259, 261, 264, 265, 269, 272, 273, 295, 347–355, 357–359, 372, 373, 383, 395, 403, 410, 413, 414, 424
- Плоский С., пол. историк 409
- Платонов С.Ф. (1860–1933), историк, акад. (1920) 222
- Плоткин Л.А., литературовед 202, 213
- По Э.А. (1809–1849), амер. писатель 321
- Погодин А.Л. (1872–1947), славист, эмигрант 46, 78, 95, 255
- Погодин М.П. (1800–1875), историк, писатель, общ. деятель, акад. (1841) 109
- Погорелов В.А. (1872–1955), филолог-славист, эмигрант 46
- Погребов, артист 399
- Подозерская (Уткина) Г.Ф., историк 359
- Пожарский Д.М. (1578–1613), полководец, князь 69
- Пожидаев В.П., историк 195
- Поздеев А.В., историк 324, 326
- Позолотин М.Е. (1912–2002), историк-болгарист 361
- Покровский М.Н. (1868–1932), историк, гос. деятель, акад. (1929) 10, 36, 44, 47, 51, 60, 70, 72, 161, 163, 176, 223, 232, 236, 237, 242, 255, 299, 347, 348, 375, 430
- Полевой Б.Н. (1908–1981), писатель
- Поливанов Е.Д. (1891–1938), лингвист-востоковед
- Поливка И. (1858–1933), чеш. фольклорист 270, 329, 332
- Поляков Д.М. (1876–1953), болг. писатель 334
- Поляков Ю.А., историк 17, 23, 33, 74, 153, 155
- Полянов Д. (Попов) (1876–1963), болг. поэт 334
- Пономарев Б.Н. (1905–1995), полит. деятель, историк, акад. (1962)

- Попель, легенд. пол. князь 264
- Попов А.Л., историк 168, 169, 236, 348
- Попов А.Н. (1821–1877), историк-славист, чл.-корр. (1873) 330
- Попов А.С. (1859–1901), физик, изобретатель радио 44
- Попов Б.С., историк-полонист 32, 151, 424
- Попов Н.А. (1833–1891/92), историк-славист, чл.-корр. (1883) 35, 75
- Попович Б., серб. литературовед 125
- Попович В., посол ФНРЮ 378
- Порочкина И.М., славист 27, 158, 229
- Посвянская А.С. (1903–1992), языковед-полонист 119, 126
- Поспеловский Д.В., историк 30, 71
- Потапов Л.П., этнограф 326
- Потапова, историк-выпускница 93
- Потебня А.А. (1835–1891), филолог-славист, чл.-корр. (1875) 174, 279, 287, 289, 332, 365, 382
- Потемкин В.П. (1874–1946), полит. деятель, историк, президент АПН 76, 189
- Поспелов Н.С. (1899–1992), литературовед 289, 364
- Поспеловский Д.В., историк 17
- Потехин И.И., филолог 325, 326, 328
- Пражак А. (1880–1956), литературовед-славист 401, 403
- Прайс И., историк 360
- Прасолов С.И. (1918–1984), историк-богемист 101
- Предтеченский А.В., филолог 145, 379
- Прейс П.И. (1810–1846), филолог-славист 276, 297
- Преображенский Н.Ф., историк, эмигрант 420
- Прешерн Ф. (1800–1849), словен. поэт 194, 307, 308, 336, 346, 370
- Принцип Г. (1894–1918), босн. радикал 390
- Прокопий Кессарийский (ок. 500–565), визант. историк 246, 258
- Пропп В.Я. (1895–1970), литературовед, фольклорист 321–327
- Прус Б. (1847–1912), пол. писатель 315
- Путрамент Е. (1910–1986), пол. поэт 306, 336
- Пушкаревич К.А. (1890–1942), славист 15, 27, 113, 140, 142–144, 158, 159, 204–207, 229, 272, 298, 359, 367
- Пушкин А.С. (1799–1937), поэт 44, 146, 192, 213, 303, 304, 312, 321, 331, 337–341, 344, 345, 366, 367, 371, 404
- Пшибышевский С. (1868–1927), пол. писатель 301
- Пыпин А.Н. (1833–1904), литературовед, историк культуры, акад. (1898) 35, 67, 112, 239, 241, 270, 297, 331, 332, 335
- Пясты, династия пол. князей и королей 264
- Раабе Г., словен. ученый 376
- Рабинович М.Г. (1916–2000), археолог 326
- Равдоникас В.И. (1894–1976), археолог, чл.-корр. (1946) 387
- Радевский Х. (1903–1996), болг. поэт, переводчик 334
- Раевский М.Г. (1811–1884), священник при русском посольстве в Вене 270
- Разгон И.М., историк 102
- Разумовская (Арасимович) Л.В. (1897–1969), филолог и историк-полонист 115, 143, 145, 146, 163, 165, 167–169, 184, 189, 219, 270, 330, 349, 358, 381
- Раз(с)цветников А. (Коларов) (1897–1951), болг. поэт, публицист 334
- Ракарельсин Х., болг. этнограф 421
- Раковский Г.С. (1821–1867), болг. писатель 333
- Рамовш Ф. (1890–1952), словен. диалектолог 145, 378
- Ранкович С. югослав. политик 422
- Рапант Д. (1897–1988), словац. историк 175, 373, 377
- Расторгуев П.А. (1881–1959), лингвист, диалектолог 117, 118
- Ратайко Е.П., историк 86, 96
- Ратнер Н.Д. (1916–1995), историк-богемист 79, 81, 93, 96, 97, 100, 153, 170, 173–175, 184
- Рачки Ф. (1838–1894), хорв. потитик и историк, ин. чл.-корр. (1869) 270
- Ревуненков В.Г., историк 116
- Редина А., филолог 158

- Резонов П.И. (1910–1971), историк-богемист 360
- Рей Н. (1505–1569), пол. писатель-гуманист 309
- Реймонт В. (1867–1925), пол. писатель 298, 299, 366
- Ремнёва М.Л., филолог 26
- Рерих Н.К. (1894–1947), художник, писатель, археолог 397
- Реформатский А.А. (1900–1978), лингвист 293
- Ржига В.Ф. (1883–1960), литературовед 219
- Риббентроп И. (1893–1946), министр иностр. дел фашистской Германии 43, 50, 76, 186, 300
- Рипка Г. (1915–1958), чеш. политик 400, 401, 406
- Рипка Я. (1896–1968), чеш. ориенталист 400, 401
- Рифтин А.П. (1900–1945), языковед-ассиролог 324, 328, 369
- Робинсон М.А., историк 2, 24, 67, 68, 155–157, 223, 227, 229, 230, 348, 349, 362, 366, 428
- Розанов И.Н. (1874–1959), литературовед, книговед 120
- Розвадовская М.Ф., лексикограф 282
- Розенталь Д.Э. (1900–1994), языковед, методист 117
- Рождественская Н.И., этнограф, фольклорист 325
- Рокина Г.В., историк-словакист 67, 70
- Романский С.М. (1882–1959), болгар. филолог, акад. БАНИ (1929) 45
- Ростов С., публицист 33, 153
- Рубинштейн Н.Л. (1894–1963), историограф 102, 114, 176
- Рудных С.П., литературовед 103, 197, 198, 202
- Ружич Р., серб. лингвист 145
- Ружич С., южнослав. писатель 341, 379
- Ружичка В., переводчик 341
- Руколь Б.М. (1917–2000), историк-богемист 12, 13, 23, 24, 25, 33, 49, 81, 83, 84, 93, 94, 96, 100, 101, 103, 107, 148, 150, 172, 183, 184, 223, 224
- Румер О., переводчик 315, 316
- Румянцев С., болгар. писатель 334
- Русинский В., пол. историк 409
- Русич С., южнослав. писатель 309
- Руставели Ш. (XII в.), груз. поэт 303
- Руткевич Н., пол. историк 356
- Рутковский Я., пол. историк 409
- Рыбаков Б.А. (1908–2001), археолог, историк, акад. (1958) 162, 166, 193, 243, 245, 247, 251, 350, 387, 421
- Рыбников М.А., филолог 170
- Рылеев К.Ф. (1785–1826), поэт, декабрист 339
- Рыльский М.Ф. (1895–1964), укр. поэт, общ. деятель, акад. (1958) 336, 370
- Рюрик, варяж. князь IX в. 262, 263
- Рябова Е.И. (1975–1976), лингвист
- Сабина К. (1813–1877), чеш. писатель, радикал 342, 343
- Савельев-Ростиславич Н.В. (1815–1854), историк, «ультра-славянофил» 252
- Савинков Б.В. (1879–1925), полит. деятель, писатель 397
- Савицкий П.Н. (1895–1968), историк-евразиец, эмигрант 22, 46
- Савич А.А. (1890–1957), историк России 163, 164, 223, 236, 348, 355, 359
- Садофьев И.И. (1889–1965) поэт, переводчик 317
- Сакулин П.Н. (1868–1930), литературовед, акад. (1929) 298, 321, 377
- Салай Ю., хорв. общ. деятель 57
- Салов В.И., историк науки 29
- Санчук Г.Э. (1917–1996), историк-богемист 8, 15, 28, 32, 84, 87, 93–96, 100, 101, 153, 163, 172–175, 183–185, 223–225
- Самарин А.Г., филолог 328
- Самарин А.М., зам. мин-ра высш. обр. 415
- Само (?658), слав. князь 226, 257, 261, 262
- Самойленко С., укр. лингвист 286
- Сапруненко Н., укр. историк 356
- Сатурник Т. (1888–1949), чеш. правовед, византист 403
- Сафронов Г.И. (1924–1997), филолог-славист 15, 16, 23, 26–28, 33, 147, 158, 229, 424, 425
- Сватоуплук Т. (1900–1972), чеш. писатель 336, 343, 370, 371
- Сведберг Т. (1884–1971), швед. физико-химик, ин. чл.-корр. (1966) 374

- Свенцицкий И.С. (1876–1956), укр. филолог, искусствовед 135
- Свешников П.П. (1895–1943), филолог-славист 118, 286
- Свирская (Лейкина) В.Р., историк 146, 270, 349, 358
- Свистунова Т.Г., историк 101, 103, 107, 109
- Седов В.В. (1924–2004), историк, археолог 351, 352
- Селищев А.М. (1886–1942), филолог-славист, чл.-корр. (1939) 21, 77, 78, 117–124, 155, 156, 189, 193, 195, 215, 242, 265, 276, 280–282, 284, 286, 293, 295, 295, 355, 362, 363
- Селищенский М.И., эконом-географ 118
- Семенов Л.К., историк науки 28
- Семенов М., публицист 341
- Семеновский С., лит. критик 311, 368
- Сенкевич Г. (1846–1916), пол. писатель, поч. акад. (1914) 315
- Серадский Ю., пол. историк 408
- Серапионова Е.П., историк-славист 69, 72
- Сергиевский М.В. (1892–1946), языковед-романист 121, 129, 132, 289
- Сердюченко Г.П. (1904–1965), лингвист 292, 365, 421
- Серейская М., пол. историк 408
- Сигизмунд II Август (1520–1572), пол. король 97
- Сидоров А.А., искусствовед 421
- Сидоров А.Л. (1900–1966), историк России 22, 24, 87, 176, 399, 402–408, 411
- Сидоров В.Н. (1903–1968), лингвист 118
- Сильман, литературовед 321
- Симеон II, болг. царь 384
- Симкина С.К., филолог 371
- Симмонс Э., амер. славист 420
- Сиполс В.Я., историк 73
- Ситон-Уотсон Р.У. (1879–1951), англ. славист 420
- Сказкин С.Д. (1890–1973), историк, акад. (1958) 118, 150, 260
- Скерлич Й. (1877–1914), серб. писатель, историк литературы 125
- Скачков М.Н., литературовед 298, 367
- Скобелев М.Д. (1843–1882), военачальник, генерал 60
- Скорвид С.С., филолог-славист 26, 155, 157, 231
- Скрипиль М.О. (1892–1957), литературовед 146, 189, 191, 193, 202, 213, 214, 227, 330, 331
- Славейков Пенчо (1866–1912), болг. поэт 333
- Славик Я. (1885–1978), чеш. историк 318, 395, 396, 398
- Славин Г.Н. (1917–1994), историк-славист 30, 71, 72
- Славутинский С.Т. (1821–1884), писатель 345
- Сладкевич Н.Г., историк 360
- Сладкович А. (1820–1872), словац. писатель 319
- Сланский Р. (1901–1952), деятель КПЧ 407
- Словацкий Ю. (1809–1849), пол. поэт-романтик 144, 298, 301, 366
- Слонимский М.Л. (1897–1972), писатель 317
- Смирин М.М. (1895–1975), историк 97
- Смирненский Х. (1898–1923), болг. поэт 334
- Смирнов, директор ЛИФЛИ 138, 139
- Смирнов В.П., истори 68
- Смирнов-Кутачевский А.М., литературовед 325, 326
- Смоленский В., пол. историк 243
- Собкович А., литературовед 336, 370
- Соболев Г.Л., историк науки 29
- Соболевский А.И. (1887–1929), филолог-славист, акад. (1900) 270, 276, 287, 362
- Соболевский С.И. (1864–1963), филолог античности, чл.-корр. (1928) 131
- Советов С.С. (1902–1958), литературовед-славист 15, 27, 143–146, 207, 229, 278, 279, 286, 330, 344, 362, 363, 371, 380
- Сойфер В., историк науки 74
- Соколов А.Н., литературовед 323
- Соколов В.С., историк, переводчик 80
- Соколов М.И. (1854–1906), славист 75
- Соколов Ю.М. (1889–1941), литературовед, фольклорист 329
- Соколова В.К. (1894–1970), лингвист-русист 325, 326, 369, 370
- Солнцев В.М., лингвист-востоковед 67, 362
- Соловьев Г.А., литературовед 23, 33, 155
- Соловьев С.М. (1820–1879), историк, акад. (1872) 60, 175, 176, 184, 243

- Соломон, иудейский царь X в. до н.э. 323
- Соссюр Ф. де (1857–1913), швейц. лингвист 277, 279, 289, 363
- Софинов П., историк 360
- Софроний Врачанский (1739–1813), болг. просветитель 305, 306, 368, 384
- Спасович В.Д. (1829–1906), юрист, историк культуры 297
- Спенсер Г. (1820–1903), англ. философ, социолог 324
- Сперанский М.Н. (1863–1938), литературовед, акад. (1921) 37, 131, 270, 297, 298
- Спыхальский М., пол. политик 62
- Срезневский И.И. (1812–1880), славист, акад. (1851) 35, 67, 112, 149, 228, 270, 276, 286, 297, 358, 431
- Стаде Ф., югосл. искусствовед 421
- Сталин И.В. (Джугашвили) (1879–1953), гос.-полит. деятель 17, 29, 30, 39, 41, 43, 44, 46, 48, 52, 53, 57, 59, 66–66, 70, 72–74, 98, 110, 127, 133, 152, 166, 176, 198, 203, 219, 220, 245, 249, 267, 277, 290, 296, 303, 335, 345, 352, 369, 374, 375, 384, 396, 399, 402–404, 409, 422, 423, 428, 430
- Станоевич Д. хорв. этнограф 391
- Старцев А., литературовед 321
- Станде С., пол. публицист, политэмигрант 299, 367
- Старостин, историк 260
- Стахеев Б.М. (1924–1993), литературовед-полонист 341
- Сташиц С. (1755–1826), пол. просветитель 100, 172, 182
- Стебельский А., пол. историк 408
- Степняк П., историк 356
- Стефан, экзарх Болгарии 385
- Стефан Душан (ок. 1308–1355), король Сербии 86, 96, 97, 169, 174, 181
- Стефан III Великий (†1504), господарь Молдавии 184
- Стецкевич С.М. (1921–1994), историк-полонист 116
- Стийенский Р., черногорский поэт 57, 306, 315
- Стишов М., историк 153
- Стлоукал К., чеш. историк 406
- Столбова (Питак) М.Ф., историк см. Питак М.Ф.
- Стоянов А., болг. общ. деятель 57, 307
- Стоянов З. (1851–1889), болг. писатель 333
- Стоянов Л. (1886–1973), болг. писатель 334–336, 338, 370, 371
- Стоянович Л. (1860–1930), серб. славист, политик-радикал 270, 279
- Странский Я. (1884–1973), чеш. юрист, политик, гос. деятель 406, 407
- Страшимиров А. (1872–1937), болг. писатель 333, 334
- Струве В.В. (1889–1965), востоковед, акад. (1935) 243
- Струве П.Б. (1870–1944), экономист, историк, эмигрант 395
- Струг А. (1871–1937), пол. писатель 301
- Струкова (Васильева) К.Л. (1922–1984), югославист 86
- Суворов А.В. (1730–1800), полководец, генералиссимус 266, 355, 359
- Суник О., филолог 365
- Супруненко Н., укр. историк 356
- Суслов М.А. (1902–1982), парт.-гос. деятель 416, 418
- Сутоцкий С.Б., историк 396, 399
- Суходольский В., пол. историк 408
- Сырку П.А. (1855–1905), литературовед-славист 270
- Сыроечковский Б.Е. (1881–1961), историк-архивист 101
- Сырокомля В. (Кондратович Л.) (1823–1862), пол. поэт-сатирик 344, 371
- Сыромятников Б.И. (1874–1947), историк-правовед 32, 201
- Таранова В.Г., историк 27, 152, 354,
- Тарасенков А.К. (1909–1956), лит. критик 320–323, 369
- Тарасова Л.И., историк 27
- Тарновский Л.Ф., литературовед 144
- Тарле Е.В. (1875–1955), историк 44, 60, 145, 176, 178, 379, 408, 417–419, 421
- Ташицкий В. (1898–1979), пол. литературовед, акад. ПАН 127
- Тейлор И., англ. историк, антрополог 324
- Терехова М.В., историк-славист 360
- Терпешов Д., болг. генерал-лейтенант 384

- Тимофеев Л.И., литературовед 322
Тимофеев Р., литературовед 368
Тимофеева В.М., литературовед 144
Тимофеев-Рисовский Н.В. (1900–1981), биолог, генетик 74
Тинева Е.П., болгар. лексикограф, политэмигрант 128, 157, 282
Тито (Броз Тито) И. (1892–1980), югосл. партгос. деятель 30, 31, 62, 72, 73, 385, 407, 412, 422, 428
Тиханова М.Н., историк 381
Тихомиров А.Н., искусствовед 95
Тихомиров М.Н. (1893–1965), историк России, акад. (1953) 33, 82, 84–86, 88, 95, 96, 100, 150, 166, 171, 173, 175, 184, 193, 197, 219, 271, 287, 288, 348, 351, 358, 360
Тихонова Е.А., историк-болгарист 169
Ткачев А.М., историк 30, 70, 71
Товьянский А. (1799–1879), пол. философ-мистик 304, 339–341
Тодоров П. (1870–1916), болг. писатель 333
Токарев С.А. (1899–1985), этнограф и историк 324–326, 387, 391–393, 421, 426
Толстов С.П. (1907–1976), археолог и этнограф, чл.-корр. (1953) 89, 90, 175, 243, 251–253, 322, 324–326, 328, 351?, 353, 392, 421
Толстой А.Н. (1882/83–1945), писатель, общ. деятель, акад. (1839) 56, 57
Толстой И.И. (1880–1954), филолог-классик, акад. (1946) 279
Толстой Л.Н. (1828–1910), писатель 213, 314, 321, 397
Толстой Н.И. (1923–1996), славист, акад. (1987) 24, 137, 159, 224, 354, 367
Томашевский Б.В. (1890–1957), литературовед, текстолог 146, 316, 330, 331
Томинский, сотрудник Инслава 139
Томкевич В., пол. историк 309
Томсон Г., англ. историк 420
Тонконогова, филолог-студентка 136
Топалов И., историк 174
Топоров В.Н. (1928–2004), славист, акад. (1990) 26, 155, 227
Топчибашев М.Д., востоковед 339
Травничек Ф. (1888–1961), чеш. лингвист, акад. ЧСАН (1952) 128, 420
Трайнин И.П. (1886/87–1949), правовед, историк акад. (1939) 408
Траутман Р. (1883–1923), нем. лингвист 286
Третьяков В.В. (1703–1768), поэт, филолог, акад (1745) 196
Третьяков П.Н. (1909–1976), археолог, историк, чл.-корр. (1958) 28, 32, 162, 251, 253, 254, 350–252, 375, 387, 392–394, 408, 410, 411, 412, 414, 418, 421, 425–427
Троповский Е. литературовед 299, 367
Трофимова Т.А.
Троцкий Л.Д. (1879–1940), гос.-полит. деятель 46, 48, 236, 321
Трпимир (IX в.), хорв. князь 389
Трубачев О.Н. (1930–2002), славист, акад. (1992) 205, 206, 229, 350–352
Трубецкой Н.С. (1890–1938), лингвист-славист, евразиец, эмигрант 37, 46, 67, 156, 229, 230
Трумэн Г. (1884–1972), 33 президент-демократ США 321
Тувим Ю. (1894–1953), пол. поэт 315
Туницкий Н.Л. (1878–1934), филолог-славист 117
Тургенев И.С. (1818–1883), писатель 133, 144, 146, 331, 345
Турчинский А., историк 356
Тыл Й.К. (1808–1956), чеш. драматург 307
Тыменецкий К., пол. историк 409
Тычина П.Г. (1891–1967), укр. поэт, гос. деятель
Уваров С.С. (1786–1855), гос. деятель, граф 35, 67, 431
Удальцов А.Д. (1883–1958), историк, чл.-корр. (1939) 45, 49, 75–79, 161, 162, 166, 167, 172, 175, 193, 219, 234, 241–247, 249–250, 252, 253, 350, 351, 355, 358, 383, 399, 421
Удальцов И.И. (1918–1995), историк-богемист, дипломат 32, 79, 81, 89, 97, 100, 153, 183, 184, 268, 269, 274, 75, 357, 358, 360, 361, 362, 407, 408, 411
Удальцова З.В. (1918–1987), историк-византист, чл.-корр. (1976) 352, 353
Улащик Н.Н. (1906–1986), белорус. историк-славист 103, 109, 112

- Улитин А.Н. (1900–1942), филолог-славист 140, 143
- Ульман Г., нем. историк 41
- Урбан С.И., литературовед 193, 194, 202, 336, 370
- Успенский К.Н. (1880–1954), византинист 256
- Успенский Ф.И. (1845–1928), историк-византинист, славист, акад. (1900) 89, 240, 255, 259, 260, 262, 270, 353, 389
- Уткина Л.И., историк-славист 13, 25, 148, 151, 152, 172, 182, 225
- Ушаков Д.Н. (1873–1942), лингвист, чл.-корр. (1939) 119, 129, 155–157, 207, 214, 327
- Ушанова Е.М., лаборант кафедры 78, 85
- Фадеев А.А. (1901–1956), писатель, общ. деятель 57, 307, 308, 317–319, 368, 369
- Фасмер М.Р. (1876–1962), нем. филолог-славист, ин. чл.(1928) 37, 45, 395, 420
- Федоров Г.Б., историк 352
- Федоров Я., публицист 309, 356, 368
- Федоров Я.А. (1903–1982), историк, кавказовед
- Фейгельман Л.С., литературовед 345, 346, 368, 371
- Ференчик Я., словац. филолог 404
- Филатов А.М., историк 72
- Филин Ф.П. (1908–1982), языковед, чл.-корр. (1962) 289, 293
- Филип Я., чеш. археолог 420, 421
- Филюшкин А.И., историк 116
- Фиофилакт Симокатта, визант. историк и гос. деятель VII в. 258, 271
- Фирлингер З. (1891–1976), чеш. дипломат, социал-демократ 359, 396, 398, 401
- Фирюбин Н.П., дипломат 362
- Фишер О. (1883–1938), чеш. писатель, лит. критик 342
- Флоринский Т.Д. (1854–1919), филолог и историк-славист, чл.-корр. 35, 96, 108, 241
- Флоровский А.В. (1884–1968), историк-славист, эмигрант 19, 22, 46, 349, 363, 395, 402, 419
- Фориель К.Ш. (1772–1844), фр. литературовед 332
- Фортинский Ф.Я. (1845–1902), историк-медиевист 96
- Фортунатов Ф.Ф. (1848–1914), филолог-славист, акад. (1898) 276, 279, 287, 293
- Франич Н.С., серб. историк, политэмигрант 84, 169–174, 189, 199, 223, 360, 372
- Франко И.Я. (1856–1916), укр. поэт, общ. деятель 330
- Франковский Е., пол. этнограф 421
- Франц Фердинанд Габсбург (1863–1814), австр. эрцгерцог 390
- Францев В.А. (1867–1942), филолог и историк-славист, эмигрант, акад. (1921) 46
- Фредегар, франк. хронист VII в. 87, 226, 261, 262
- Фрейдзон В.И. (1922–2004), историк-югославист 101, 103, 108
- Фрейман А.Л., историк 114
- Фризенгоф (Гончарова) А.Н. (1811–1891), баронесса 404
- Фурнарджиев Н. (1903–1968), болг. поэт 334
- Фучик Ю. (1903–1943), чеш. журналист и общ. деятель 341–343, 371
- Фучикова Г., вдова Ю. Фучика 341
- Хайретдинов Х.Х. (1943–2005), историк-полонист 13, 25, 26, 148, 150
- Харузин А.Н. (1864–1930), этнограф, археолог 393
- Харькова А.М., историк 94
- Хвостов В.М. (1905–1972), историк, акад.(1964) 360
- Хелимский Е.А. (1950–2007), лингвист, угрофинновед 362
- Хельчицкий П. (ок. 1390 — ок. 1460), идеолог общины чеш. братьев 86
- Хилсон Н., англ. историк 420
- Химова З.А., пол. лингвист 130
- Хиндус М., чеш. писатель, эмигрант 315
- Хмельницкий Б. (ок. 1595–1657), гетман Украины 266, 355
- Хомяков А.С. (1804–1860), философ-славянофил 260
- Хотек К., чеш. этнограф 412
- Хостник Д. (1853–1929), словен. журналист, лингвист 279
- Храбр Черноризец, болг. книжник 131
- Хрелков Н. (1894–1950), болг. поэт 334

- Хренов А.И. (1906–1975), историк-полонист 24, 159, 224, 354, 367
- Христов К. (1875–1944), болг. писатель 334
- Христос Иисус, основоположник христианства 392
- Хроменко Е.Т., историк 81, 85
- Хуторны В.Ф., историк-выпускник 86, 87
- Цанкар Я. (1876–1918), словен. писатель 307
- Царева, историк, студентка 93
- Цвейч-Леладзе Н.Я., историк-выпускник 86
- Цветанович Н.А., языковед-сербист 143
- Цейтлин Р.М. (1920–2001), лингвист, палеославист 206, 229
- Цедовальникова А.К. (1902–1964), историк-богемист 12, 49, 153, 162, 168, 169, 172–174, 183, 185, 193, 224
- Цицин Н.В. (1898–1980), ботаник, селекционер, акад. (1939) 399
- Цончева К., болг. искусствовед 421
- Цыбенко (Окунева) Е.З., литературовед-полонист 14, 26, 130, 136, 155, 157, 231
- Цявловский М.А. (1883–1947), литературовед, пушкинист 316
- Чаадаев П.Я. (1794–1896), философ, публицист 359
- Чайльд Г.В. (1892–1957), англ. археолог 420
- Чаковский А.Б. (1913–1994), писатель 303, 303, 367
- Чапек К. (1890–1938), чеш. писатель 305, 336, 343, 367, 368, 370, 371
- Чаплинский В., пол. историк 409
- Чарторыйский А. (1770–1861), пол. консерватор, князь 184
- Частухин И.И. (1993–1967), историк-болгарист 101, 103
- Чебоксаров Н.И., этнограф 253, 351
- Чемоданов Н.Л. (1904–1986), языковед-германист 292, 365
- Червенков В.В. (1900–1980), болг. парт.-гос. деятель 385
- Черкасский В.А. (1824–1878), гос. деятель, князь 267
- Чернавин В.В., генерал, эмигрант 395
- Чернецова, историк-студентка 93
- Черниловский З.М., историк права 228
- Чернобаев В.А., историк 223, 282
- Чернобаев В.Г. (1891–1947), литературовед-славист 15, 27, 72, 140, 143, 145, 158, 187, 204–206, 229, 278, 282, 298, 366, 380
- Черноуцан И., литературовед 23, 33, 155
- Черных П.Я. (1896–1970), лингвист-русист 124
- Чернышев А.В., филолог 288, 344, 371
- Чернышевский Н.Г. (1828–1889), писатель, рев. демократ 44, 118, 202, 274, 314, 320, 321, 338, 339, 345
- Чернявский Г.И. (1931), историк-болгарист
- Черчилль У.Л.С. (1874–1965), англ. гос. и полит. деятель 61
- Чех С. (1846–1908), чеш. писатель 319
- Чехов А.П. (1860–1964), писатель, врач 214
- Чешко Е.В. (1916), языковед-болгарист 157, 363
- Чикобава А.С. (1898–1985), груз. языковед, акад. Груз.АН (1941) 289, 296
- Чичагов В.К. (1906–1955), лингвист 119, 121
- Чичеров В.И. (1907–1957), лингвист, фольклорист 323–326, 369, 370
- Чулен М., словац. политик 57
- Чуркина И.В., историк-славист 2, 267, 270, 357
- Шанова З.К., филолог-славист 15, 26
- Шальда Ф.К. (1867–1937), чеш. писатель 342
- Шаляпин Ф.И. (1873–1938), певец (бас), эмигрант 397
- Шапиро А.Б. (1890–1966), языковед 207, 208
- Шангин М.А. (1896–1942), византинист 259, 353
- Шарапов Ю.П., историк 14, 155
- Шаталова З.В., историк 14, 86, 101
- Шафарик П.Й. (1795–1861), чеш. и словац. славист 202, 228, 240, 243–245, 258, 262, 349, 350
- Шахматов А.А. (1864–1920), славист, акад. (1894) 240, 243, 244, 270, 276, 287, 288, 290, 330, 348–350, 364, 430
- Шахматов М.В. (1888–1943), историк, эмигрант 46
- Шверма Я. (1901–1944), чеш. парт. и общ. деятель 356, 361

- Шевченко Т.Г. (1814–1861), укр. поэт, художник 308, 337
- Шёнвальд Л. (1909–1944), пол. поэт 336, 370
- Шемплинская Э., пол. поэтесса 315
- Шепилов Д.Т. (1905–1995), полит. и гос. деятель, экономист, чл.-корр. (1953) 418
- Шептунов И.М. (1918–1978), литературовед-болгарист 24, 159, 224, 354, 367
- Шервинский С.В., писатель, переводчик 316
- Шерлаимова С.А., литературовед-богемист 24, 159, 224, 354, 367
- Шивачев Б., болг. писатель 334
- Шиллер И.Ф. (1759–1805), нем. поэт, драматург 304
- Шимановская Ц., жена А. Мицкевича 304
- Шимечек З., чеш. историк Šimeček Z. 69
- Ширевская Б.И., филолог 326
- Широкова А.Г. (1918–2003), языковед-богемист 14, 26, 123–126, 128, 231, 282, 286
- Шишков А.С. (1754–1841), писатель, гос. деятель, адмирал 330
- Шишмарев В.Ф. (1875–1957), литературовед, акад. (1946) 214, 299, 319, 320, 322, 369
- Шкляева А., историк 154
- Шкловский В.Б. (1893–1984), писатель, литературовед 325
- Шкроб С.И. (1885–1960), историк-полонист 87, 174
- Шкорпил К. (1859–1944), чеш. археолог в Болгарии
- Шкультегы А.Г. (1819–1892), словац. филолог, священник 279
- Шлейхер А. (1821–1868), нем. языковед, ин. чл.-корр. (1857) 286
- Шмераль Я.Б., историк 413
- Шмидт В., «муза» и жена Я. Коллара 308
- Шмидт В. (1868–1954), австр. славист 420
- Шмидт С.О. (1922), историк, археограф 32, 151, 424
- Шмурло Е.Ф. (1854–1934), историк, эмигрант 46, 395, 398
- Шнирельман В.А., этнограф 28, 30, 251, 252, 350, 351
- Шостакович Б.С., историк-полонист 27, 116, 154, 159
- Шотка С., пол. историк 409
- Штейн А.П. (1906–1993), драматург 317
- Штейн Б.Е., историк, дипломат 118
- Штроссмайер Й (1815–1905), хорв. политик, ученый 270
- Штур Л. (1815–1856), идеолог словац. нац. движения, филолог 58, 270, 319, 358
- Штясны В., чеш. славист Štástný V. 69
- Шульц П.Н., археолог 251, 351
- Шунденко, чиновник Мин-ва выс. обр. 408
- Шунков В.И., историк-полонист 355, 359
- Шустер У.А. (1907–1997), историк-полонист 24, 41, 42, 68, 90, 113, 115, 163, 164, 167, 182, 189, 223, 226, 242, 274, 348, 361
- Щеголев П.Е. (1877–1931), литературовед, пушкинист 303
- Щепкин В.Н. (1863–1920), филолог-славист, палеограф, чл.-корр. (1913) 75, 78, 117, 129, 202, 270, 276, 284
- Щепкина М.В. (1894–1984), филолог, искусствовед 202
- Щерба Л.В. (1880–1944), языковед, фонолог, акад. (1943) 129, 187, 193, 207, 214, 403
- Щербаков А.С. (1901–1945), парт.-гос. деятель, генерал-полковник 8, 53, 54, 175
- Эймонтова Р.Г. (1928–2000), историк, библиограф 33, 74, 153
- Эйхенбаум Б.М. (1886–1959), литературовед-русист 321
- Энгельс Ф. (1820–1895), нем. философ и общ. деятель 107, 172, 175, 176, 245, 249, 256, 262, 273, 274, 293, 320, 352, 396, 410, 422
- Эпштейн А.Л. (1895–1967), литературовед-полонист 380, 381
- Эрнитс В.И., эстон. филолог 144, 380, 381
- Юдин П.Ф. (1899–1968), философ, акад. (1953) 57
- Юзефович И.С., историк 360
- Юсова Н.Н. (†2007), укр. историк 225, 350
- Юстиниан I (482/3–565), визант. император, кодификатор рим. права 196, 257

- Юшков С.В. (1888–1952), юрист, акад. Казах. АН (1946) 184, 185, 193, 195, 196, 201, 236, 347
- Яворов П. (1878–1914), болг. поэт 334
- Яворский Ю.А. (1873–1937), славист 46
- Ягдефельд, писатель 317
- Ягич В. (1838–1923), хорв. славист, акад. (1881) 175, 193, 270, 330, 332, 380
- Якобсон Р.О. (1896–1982), рус. и амер. филолог 37, 46, 322
- Яковлев А.И. (1878–1951), историк России 44, 60, 176, 178
- Яковлев Н.Н. (1902–1982), историк-болгарист 355, 360
- Яковлев Н.Ф. (1892–1974), лингвист-кавказовед 189, 207, 208
- Якубинская-Лемберг Э.А. (1895–1961), лингвист 15, 27, 135, 143–147, 330, 379, 381
- Якубинский Л.П. (1892–1945), филолог 145, 159, 205, 293, 366
- Якубский В.А., историк-полонист 116
- Якубчик В., пол. историк 409
- Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) (1878–1943), историк, парт. деятель 48, 54, 141, 161, 218, 220, 232, 233, 347
- Яроцкий Г., пол. писатель 301
- Ярушайтис М., пол. общ. деятель, генерал 57
- Ярцева В.Н. (1906–1999), лингвист, чл.-корр. (1968) 365
- Ясенов Х. (1889–1925), болг. писатель 334
- Ясинский А.Н. (1864–1933), историк-славист, акад. (1929) 96
- Яскеляйн А.А., литературовед 339
- Ястребов Н.В. (1869–1923), историк-славист 112
- Яцунский В.К. (1893–1966), историк России 154

Научное издание

Марина Юрьевна Досталь

Как Феникс из пепла...
(Отечественное славяноведение в период Второй мировой
войны
и в первые послевоенные годы)

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

Формат 70×100¹/16. Печать офсетная.
29,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6